ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ JOURNAL DE SAINT-PÉTERSBOURG

H. VERNET. DEL.
BREVI

ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА.

ИЗДАНІЕ УКРАШЕННОЕ 500 РИСУНКОВЪ

ГОРАЦІЯ ВЕРНЕТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ИЗДАНІЕ В. СЕМЕНЕНКО-КРАМАРЕВСКАГО и А. КРАСОВСКАГО.

—

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Декабря 10 дня 1841 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА.

ГЛАВА I.

Происхожденіе и дѣтство Наполеона

ѣмъ временемъ какъ Вольтеръ и Руссо, приближаясь къ гробу, готовились сойти съ поприща, исполнивъ свѣтъ шумомъ своего имени, а Мирабо, которому суждено было похитить впослѣдствіи власть общественнаго мнѣнія изъ рукъ философіи, чтобы передать ее въ руки политическаго краснорѣчія, становился извѣстнымъ по предосудительнымъ поступкамъ своей молодости и не достигъ еще до знаменитости оратора и государственнаго

рѣчивый, и при многихъ случаяхъ обнаруживалъ характеръ твердый и сильный, особенно при чрезвычайномъ собраніи корсиканскихъ чиновъ для совѣщанія о покореніи Корсики французскому владычеству. Впослѣдствіи Карлъ Бонапарте явился въ Версали главою депутаціи, отправленной туда по случаю распрей, возникшихъ между начальствовавшими въ Корсикѣ французскими генералами Марбёфомъ и де-Нарбонь Пелезомъ.

Сила и вліяніе, которыя де-Нарбонь имѣлъ при версальскомъ дворѣ, должны были уступить смѣлой откровенности и справедливымъ свидѣтельствамъ Карла Бонапарте, который не захотѣлъ измѣнить истинѣ и краснорѣчиво защищалъ Марбёфа. Вотъ единственная причина покровительства, которое этотъ вельможа оказывалъ впослѣдствіи семейству Бонапарте.

Хотя Наполеонъ и былъ вторый сынъ Карла Бонапарте, однако несмотря на то считался главою своего семейства. Дѣдъ его, архидіаконъ Люціанъ, бывшій опорою и попечительнымъ руководителемъ своихъ внучатъ, предоставилъ ему это старшинство на смертномъ своемъ ложѣ, и заповѣдалъ старшему его брату, Іосифу, никогда не забывать объ этомъ.

Наполеонъ былъ обязанъ такимъ отличіемъ своему степенному, обдуманному поведенію, здравому разсудку и высокому уму, которыми отличался съ ранняго возраста. Поступивъ въ 1777 году въ бріеннское военное училище, онъ занялся преимущественно изученіемъ исторіи, географіи и точныхъ наукъ; репетиторомъ его былъ Пишегрю, а товарищемъ Бурріеннъ. Наполеонъ оказалъ особенные успѣхи въ математикѣ, и, еще въ школѣ, обнаружилъ расположеніе къ занятіямъ политикою. Страстный къ независимости своей отчизны, онъ питалъ необыкновенное чувство благоговѣнія къ Паоли, котораго мнѣнія защищалъ съ жаромъ даже противъ мнѣній самаго своего отца.

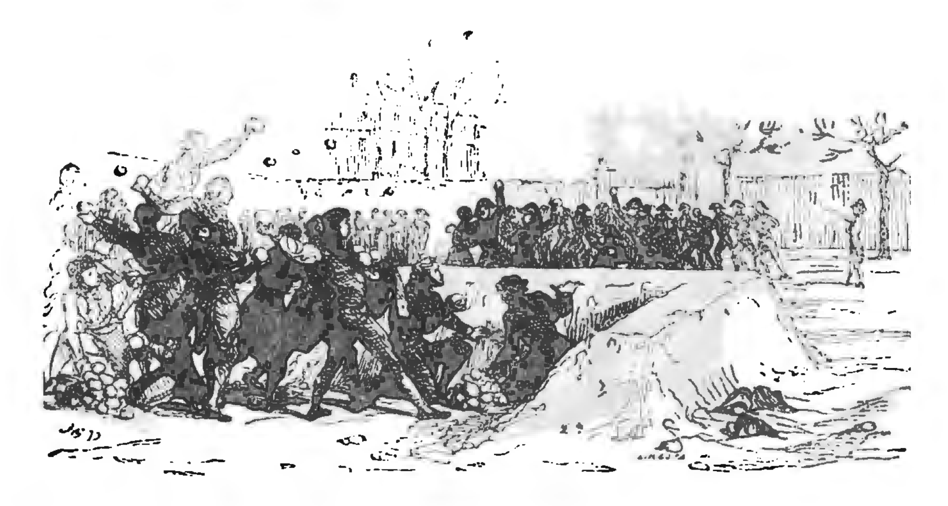
Отзывы тѣхъ, которые утверждали, будто-бы Наполеонъ былъ въ училищѣ молчаливъ, искалъ уединенія, чуждался товарищей и не находилъ друзей, вовсе несправедливы. Столько же ложно и то, что̀ говоритъ Бурріеннъ, будто-бы Наполеонъ былъ *ѣдокъ въ своихъ шуткахъ и очень не любезенъ*: это, просто, замѣчаніе царедворца въ опалѣ. Ранняя степенность

Наполеона и его рѣзкіе, суровые пріемы, — вотъ одно, что могло подать поводъ къ несправедливому обвиненію его въ мизантропіи и въ холодности души. Но на самомъ дѣлѣ онъ былъ отъ природы ласковъ и привѣтливъ; только уже въ зрѣломъ возрастѣ произошла въ его характерѣ нѣкоторая перемѣна, и онъ сдѣлался мрачнымъ и суровымъ. По-крайней-мѣрѣ такъ говоритъ онъ о себѣ въ своихъ запискахъ, писанныхъ на островѣ Святой-Елены.

Увѣряли также, что расположеніе Наполеона къ уединенію, раннее, сильное пристрастіе къ военному искусству, заставляли его нѣкоторымъ образомъ искать пріюта въ саду и дѣлать тамъ «укрѣпленія» для защиты отъ нападеній товарищей. Но одинъ изъ этихъ самыхъ товарищей доказалъ уже неосновательность этого разсказа и объяснилъ, что̀ поводомъ къ этому вымыслу послужилъ извѣстный анекдотъ о снѣжной крѣпости, аттакованной и защищаемой снѣжными комьями.

Вотъ этотъ анекдотъ. Наполеонъ особенно скучалъ зимою съ 1783 на 1784 годъ; въ эту зиму шло такъ много снѣгу, что онъ грудами лежалъ по полямъ, дворамъ и дорогамъ. Не было никакой возможности прогуливаться въ саду, и Наполеону, въ часы рекреацій, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ разхаживать съ товарищами взадъ и впередъ по огромной рекреаціонной залѣ. Чтобы избавиться отъ такого однообразнаго занятія, Наполеонъ съумѣлъ встревожить всѣхъ учениковъ, убѣдивъ своихъ совоспитанниковъ, что они найдутъ гораздо бо̀льшее удовольствіе, если примутся за лопаты, пробьютъ въ снѣгу дорожки, построятъ изъ него брустверы, парапеты, контрескарпы, и пророютъ въ немъ траншеи. «Окончивъ это, прибавилъ Наполеонъ, мы раздѣлимся на взводы и станемъ осаждать крѣпость; я, какъ изобрѣтатель этой забавы, возьму на себя распоряжать аттаками». Веселая толпа съ восторгомъ приняла предложеніе; оно тотчасъ же было приведено въ исполненіе, и эта маленькая примѣрная война продолжалась цѣлыхъ двѣ недѣли, и прекратилась бы не такъ еще скоро, еслибъ въ комья снѣгу не стало попадать камешковъ и мерзлой земли, которыми многіе изъ воспитанниковъ, какъ осаждавшихъ такъ и осажденныхъ, были довольно тяжело ушиблены. Мнѣ даже помнится, что я самъ былъ изъ числа тѣхъ воспитанниковъ, которымъ побольнѣе досталось отъ этой картечи.

Чтобы всполошить такимъ образомъ цѣлое училище, молодой Бонапарте, несмотря на свою склонность къ уединенію, долженъ же былъ имѣть нѣкоторое вліяніе на товарищей, и поэтому, ужъ конечно, въ его сношеніяхъ съ ними не было той дикости, суровости и колкости, которыя ему приписывали, основываясь на сказаніяхъ или предубѣжденныхъ или обманутыхъ его біографовъ.

Онъ не только пользовался уваженіемъ товарищей, но и умѣлъ пріобрѣсть отличное уваженіе своихъ профессоровъ. Бо́льшая изъ нихъ часть увѣряли впослѣдствіи, что они еще тогда предсказали ему великую судьбу его. Когда Наполеонъ былъ уже императоромъ, де-Легюиль (de l'Éguille), бывшій его учителемъ исторіи, утверждалъ, что въ архивахъ бріеннской школы можно отъискать отмѣтку, въ которой онъ, одною чертой, выразилъ всѣ свои предчувствія на счетъ будущности своего ученика: «Корсиканецъ родомъ и характеромъ, — гласила та отмѣтка, — онъ пойдетъ далеко, если обстоятельства будутъ благопріятны.» Домеронъ, профессоръ краснорѣчія, называлъ риторическія фигуры, употребляемыя Наполеономъ въ своихъ сочиненіяхъ, *гранитомъ, расплавленнымъ въ жерлѣ волкана.*

Въ 1785 году, шевальѐ Кераліо, исправлявшій должность инспектора военно-учебныхъ заведеній, назначилъ перевесть Наполеона въ Парижское Военное Училище. Тщетно представляли генералу, что воспитанникъ не достигъ еще положенныхъ лѣтъ, что онъ оказалъ успѣхи въ одной еще только математикѣ: «Я знаю, что̀ дѣлаю, отвѣчалъ онъ: и если въ этомъ случаѣ нарушаю правила, то вовсе не изъ какихъ-либо видовъ; я не знаю семейства этого мальчика, и что̀ дѣлаю, то дѣлаю собственно для него самаго: я замѣчаю въ немъ искру, которую должно раздуть.»

При вступленіи своемъ въ Парижское Военное Училище, Наполеонъ былъ удивленъ и огорченъ изнѣженнымъ и роскошнымъ воспитаніемъ молодыхъ людей, которыхъ готовили къ трудностямъ лагерной жизни и къ тяжелымъ занятіямъ военнаго званія. Это обстоятельство послужило ему предметомъ небольшаго разсужденія, которое онъ написалъ и представилъ начальнику своему, господину Бертону, и въ кото-

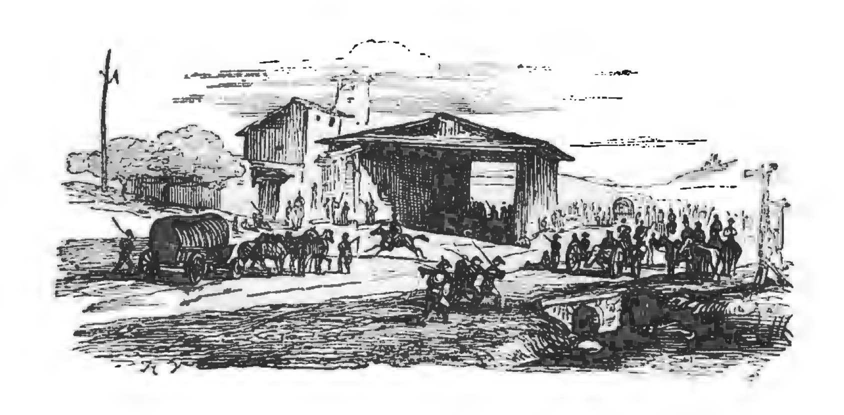
ромъ изъяснялъ, что «Королевскіе воспитанники, все бѣдные дворяне, вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать въ училищѣ добрыя нравственныя качества, привыкаютъ только къ тщеславію или, лучше сказать, къ надменности, такъ, что возвратившись подъ отеческій кровъ, они не только что не охотно будутъ раздѣлять умѣренныя средства не совсѣмъ богатаго семейнаго быту, но еще, быть-можетъ, станутъ краснѣть за своихъ родителей и презирать ихъ скромнымъ жилищемъ. Вмѣсто того, продолжаетъ онъ въ этой запискѣ, чтобы держать при воспитанникахъ многочисленную прислугу, ежедневно подавать имъ къ столу множество блюдъ, и позволять щеголять на казенныхъ верховыхъ лошадяхъ, которыхъ содержаніе обходится очень дорого, не лучше ли было бы, не отвлекая

ихъ впрочемъ отъ ученія, заставитъ ихъ самихъ заботиться о себѣ? Вообще всѣ воспитанники люди не богатые, предназначенные къ военной службѣ, и потому одно только приличное воспитаніе можетъ имъ быть истинно полезно. Привыкнувъ къ умѣренной жизни, къ заботѣ о своей одеждѣ и аммуниціи, они бы сдѣлались болѣе сильными, болѣе крѣпкими, болѣе способными къ перенесенію непогодъ и воздушныхъ перемѣнъ, бодрѣе стали бы выдерживать всѣ трудности военной жизни, и тѣмъ самымъ внушили бы къ себѣ въ своихъ подчиненныхъ и высокое уваженіе и безусловную преданность.»

Такимъ-то образомъ Наполеонъ, будучи еще ребенкомъ, бросалъ уже въ своемъ ученическомъ разсужденіи основанія тѣхъ учрежденій, которыя долженъ былъ осуществить въ дни своего всемогущества. Блистательные успѣхи въ наукахъ, оказанные имъ при экзаменахъ, обратили на него въ Парижѣ то же отличное вниманіе, какимъ онъ пользовался въ Бріеннѣ, и въ 1787 году онъ былъ выпущенъ изъ военнаго училища, съ чиномъ подпоручика, въ Лаферовъ артиллерійскій полкъ, который въ то время стоялъ въ Греноблѣ.

ГЛАВА II.

От вступленія Наполеона въ службу до осады Тулона

Во время пребыванія своего въ Парижѣ, Наполеонъ, которому тогда едва едва минуло осьмнадцать лѣтъ, пріобрѣлъ расположеніе аббата Рэналя (Raynal), и часто входя съ нимъ въ состязаніе о важнѣйшихъ историческихъ, законодательныхъ и политическихъ вопросахъ, не во многомъ уступалъ своему противнику.

Будучи отправленъ въ Валансъ, гдѣ на то время была расположена часть его полку, Наполеонъ вошелъ въ кругъ лучшаго тамошняго общества; особенно хорошо былъ онъ принятъ въ домѣ госпожи Коломбіе, женщины высокихъ достоинствъ, которая была, такъ сказать, законодательницею валанскаго высшаго кругу. Здѣсь познакомился онъ съ господиномъ Монталивѐ, котораго впослѣдствіи сдѣлалъ своимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

У госпожи Коломбіè была дочь (*); она-то внушила Наполеону первыя чувства любви, и сама раздѣляла эту нѣжную и невинную склонность, которой была предметомъ. Влюбленные назначали себѣ свиданія, но, — по словамъ Наполеона, —

все ихъ блаженство ограничивалось тѣмъ, что они вмѣстѣ лакомились вишнями.

(*) Впослѣдствіи Наполеонъ встрѣтилъ дѣвицу Коломбіè въ Ліонѣ: она была уже замужемъ за господиномъ Брессіё. Императоръ назначилъ ее статсъ-дамою къ двору одной изъ своихъ сестеръ, а мужу ея далъ выгодное мѣсто.

О бракѣ не было и рѣчи. Мать дѣвицы Коломбіѐ, сколько впрочемъ ни уважала и ни любила молодаго подпоручика, а вовсе не помышляла выдавать за него дочери, какъ послѣ многіе утверждали. Зато она, въ разговорахъ, часто предсказывала ему его высокое назначеніе, что̀ повторила даже въ свою предсмертную минуту; она умерла при самомъ началѣ Французской революціи, и пророчество ея не замедлило сбыться.

Однако же ни любовь ни знакомства не мѣшали Наполеону продолжать своихъ ученыхъ занятій и предаваться изслѣдованія самыхъ трудныхъ задачь по части общественнаго устройства. Не объявляя своего имени, онъ получилъ премію, назначенную ліонской академіей за рѣшеніе вопроса, предложеннаго аббатомъ Рэналемъ: «Какія нравственныя правила и понятія должно внушать людямъ, чтобы довесть ихъ до крайней возможной степени счастія?» Наполеонъ отвѣчалъ на это какъ дитя осьмнадцатаго вѣка, и сочиненіе его было увѣнчано. Но, видно, что впослѣдствіи воспоминаніе объ этомъ торжествѣ не очень льстило его честолюбію, потому что когда Таллеранъ представилъ-было императору диссертацію артиллерійскаго подпоручика, то императоръ поспѣшно бросилъ ее въ каминъ.

Наконецъ, вспыхнула французская революція, и съ восторгомъ была принята молодежью, видѣвшею въ ней одно только приложеніе ученія энциклопедистовъ, которымъ была проникнута. Дворяне, напыщенные своими правами и преимуществами, — а такихъ дворянъ было много въ военной службѣ, — вовсе не раздѣляли этого восторга. Но духъ одной которой-нибудь касты не могъ заставить измѣнить своему вѣку и своему генію, того, о комъ Паоли такъ справедливо и такъ мѣтко сказалъ: «Вотъ человѣкъ, созданный по образу людей древнихъ, человѣкъ изъ числа мужей Плутарховыхъ.» И потому-то Наполеонъ не послѣдовалъ примѣру бо̀льшей части своихъ товарищей, которые отправились въ чужіе края сѣтовать о переворотахъ своего отечества. Однако жъ изъ этого еще не слѣдуетъ приписывать одному мелочному разсчету, не основанному ни на какой нравственной политической цѣли, того пламеннаго патріотизма, который обнаруживалъ Наполеонъ и въ своихъ разговорахъ и въ своихъ сочиненіяхъ еще прежде начатія революціи. Счастіемъ для Франціи было то̀, что въ

числѣ ея законодателей и воиновъ, увлекшихся преобразованіями 1789 года, нашлись люди жаждавшіе славы, пріобрѣтаемой великими заслугами, и люди полные честолюбія, добивавшіеся власти, которая облегчаетъ генію исполненіе его предположеній. Но первымъ ея счастіемъ было неоспоримо то̀, что въ числѣ этихъ людей честолюбивыхъ, безъ которыхъ драма революціи, лишенная жизни и движенія, представила бы одно бездушное и холодное зрѣлище, подобное собранію квакеровъ или сборищу янсенистовъ, нашелся воинъ-законодатель, способный домогаться и достигнуть верховной власти.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ, принявъ съ жаромъ сторону народа, повиновался въ этомъ случаѣ и внутреннему убѣжденію и предчувствію своей судьбы. Но патріотизмъ не мѣшалъ ему питать въ глубинѣ души своей инстинктивнаго отвращенія къ безначалію, и смотрѣть съ прискорбіемъ, съ негодованіемъ, на народныя неистовства, ознаменовавшія послѣднее томленіе власти, которая, со-временемъ, должна была достаться ему. Такъ, 20 іюня 1792 года, находясь на береговой террасѣ въ Тюилери, и видя, что кто-то изъ черни дерзнулъ оскорбить Людовика XVI, онъ смѣло воскликнулъ: «Зачѣмъ пускаютъ сюда эту сволочь? попотчивать бы сначала человѣкъ сотъ пять шесть ядрами, — остальные бы и теперь еще бѣжали безъ оглядки.»

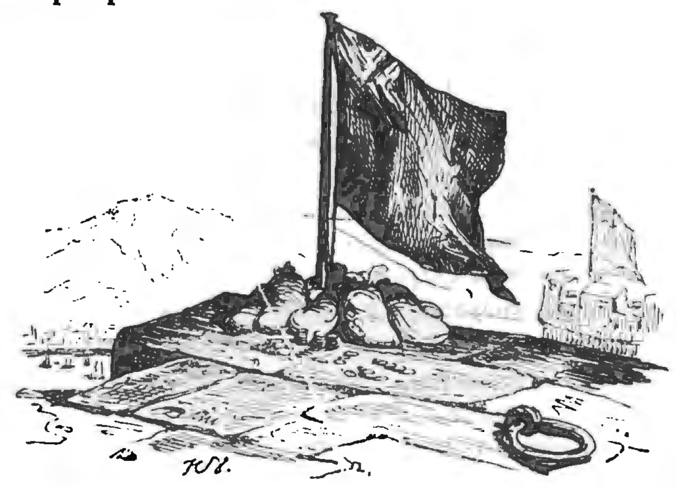
Наполеонъ, свидѣтель произшествій десятаго августа, которыя онъ предвидѣлъ какъ неминуемое и близкое слѣдствіе событій двадцатаго іюня, всё-еще оставался въ рядахъ революціонеровъ, но, по предчувствію ли или по разсудку, уважая власть и порядокъ, оставилъ столицу Франціи и отправился въ Корсику, гдѣ Паоли дѣйствовалъ тогда въ пользу Англіи. Юноша-патріотъ, глубоко огорченный поступками Паоли, рѣшился низвергнуть этого идола своего дѣтства, принялъ начальство надъ національною гвардіей, и сталъ отчаянно дѣйствовать противъ старца, къ которому доселѣ хранилъ такое уваженіе, сочувствіе и удивленіе.

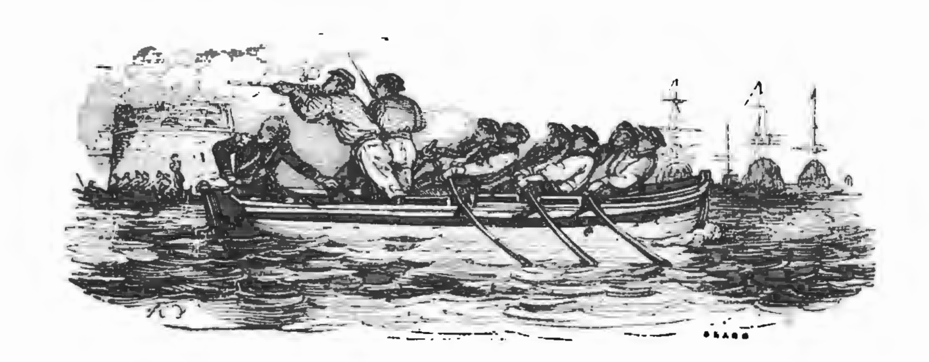
Когда англійская партія одержала верхъ, и пожаръ Аяччьо ознаменовалъ ея торжество, тогда семейство Бонапарте, котораго домъ былъ также преданъ пламени, удалилось въ Францію и поселилось въ Марсели. Наполеонъ не долго пробылъ

въ этомъ городѣ; опъ поспѣшилъ возвратиться въ Парижъ, гдѣ происшествія такъ насильственно и такъ быстро слѣдовали другъ за другомъ, что каждый день и каждый часъ грозилъ новымъ переворотомъ.

Въ это время южная Франція подняла знамя федерализма, и измѣна предала Тулонъ въ руки Англичанъ. Конвентъ поручилъ генералу Картò возвратить Провансъ подъ власть республики, и принять не укоснительныя мѣры къ смиренію и наказанію мятежниковъ.

Лишь-только побѣда доставила генералу Картò возможность занять Марсель, велѣно было приступить къ осадѣ Тулона. Наполеонъ отправился туда въ качествѣ начальника артиллеріи. Къ этому времени должно отнесть небольшое сочиненіе, написанное имъ, подъ заглавіемъ *Бокерскій ужинъ,* о которомъ ни слова не упоминаютъ *Записки на Островѣ Святой-Елены,* между-тѣмъ какъ Бурріеннъ утверждаетъ, что изъ-въ-руки получилъ это сочиненіе отъ Наполеона, по возвращеніи его отъ осады Тулона. Впрочемъ, это сочиненіе носитъ на себѣ отпечатокъ того образа мыслей, который Наполеонъ какъ ревностный патріотъ и искусный воинъ дѣйствительно долженъ былъ имѣть въ ту пору; оно содержитъ въ себѣ сужденія о смятеніяхъ во время федерализма, сужденія выказывающія въ простомъ артиллерійскомъ офицерѣ тотъ высокій умъ и тотъ сдравый разсудокъ, которымъ впослѣдствіи удивлялись въ императорѣ.

ГЛАВА III.

Осада и взятіе Тулона. Начало кампаній въ Италіи. Отрѣшеніе отъ службы.

Наполеонъ, прибывъ въ лагерь подъ тулономъ, нашелъ тамъ войско, состоявшее бо̀льшею частью изъ храбрыхъ волонтеровъ, ни одного генерала достойнаго ими командовать. Генералъ Картò, который выказывалъ роскошъ и великолѣпіе, мало совмѣстныя съ строгими республиканскими правилами, былъ, просто, невѣжда. Покореніе Тулона было ему не подъ силу, но онъ вовсе не хотѣлъ сознаться въ своей рѣшительной неспособности, и еще, напротивъ, въ одномъ себѣ исключительно находилъ дарованія, необходимыя для совершенія этого подвига. Эта-то смѣшная самовѣренность внушила ему тотъ знаменитый планъ аттаки, въ слѣдствіе котораго онъ былъ отозванъ отъ занимаемаго имъ мѣста. Планъ этотъ изложенъ былъ въ слѣдующихъ двухъ строчкахъ:

«Начальникъ артиллеріи будетъ три дня сряду громить

Тулонъ, послѣ чего я аттакую крѣпость тремя колоннами и возьму ее приступомъ.»

Къ счастію, что при этомъ странномъ и не многорѣчивомъ военачальникѣ, нашелся простой офицеръ, молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, который столько же превосходилъ своего генерала познаніями и военными способностями, сколько уступалъ ему въ чинѣ. При всей своей тогдашней незначительности и скромности, онъ не могъ, однако жъ, скрывать презрѣнія къ большей части людей, на которыхъ, по дисциплинѣ и регламенту, долженъ былъ смотрѣть какъ на старшихъ себя, но которые, по совершенной своей неспособности, могли только вредить республикѣ. Это-то презрѣніе и сознаніе собственнаго превосходства надъ всѣми окружавшими, внушили ему смѣлость противорѣчить своимъ начальникамъ, скорѣе чѣмъ допустить ихъ до приведенія въ дѣйствіе принятыхъ ими мѣръ, которыя онъ считалъ пагубными. По случаю ежедневныхъ споровъ Наполеона съ генераломъ Картò, жена главнокомандующаго сказала однажды своему мужу: «Да дай же ты волю этому молодому человѣку; онъ побольше твоего смыслитъ; вѣдь онъ ничего не проситъ: а реляціи ты составляешь самъ, такъ слава всё-таки останется за тобою.»

При самомъ прибытіи въ лагерь, Наполеонъ, одаренный тою быстротою и вѣрностью взгляда, которыя такъ были ему полезны на полѣ битвъ, тотчасъ постигъ, что для овладѣнія Тулономъ, его должно аттаковать со стороны гавани, и, указывая его мѣсто на картѣ, сказалъ: «*Вотъ Тулонъ.*» Совсѣмъ тѣмъ ему стоило не малаго времени заставить принять свое мнѣніе, которое раздѣлялъ съ нимъ одинъ только начальникъ инженеровъ; но и эта поддержка со стороны просвѣщеннаго офицера, не могла еще побѣдить глупаго упрямства главнокомандующаго. Наконецъ, въ числѣ народныхъ представителей нашелся человѣкъ, въ которомъ было столько проницательности и дальновидности, чтобы предугадать въ начальникѣ небольшаго отряда артиллеріи, будущаго великаго полководца. Наполеонъ получилъ всю власть, нужную для успѣшнаго приведенія въ дѣйствіе своихъ плановъ; Картò отозванъ, непріятели выгнаны изъ Тулона, и побѣдитель, вспоминая впослѣдствіи

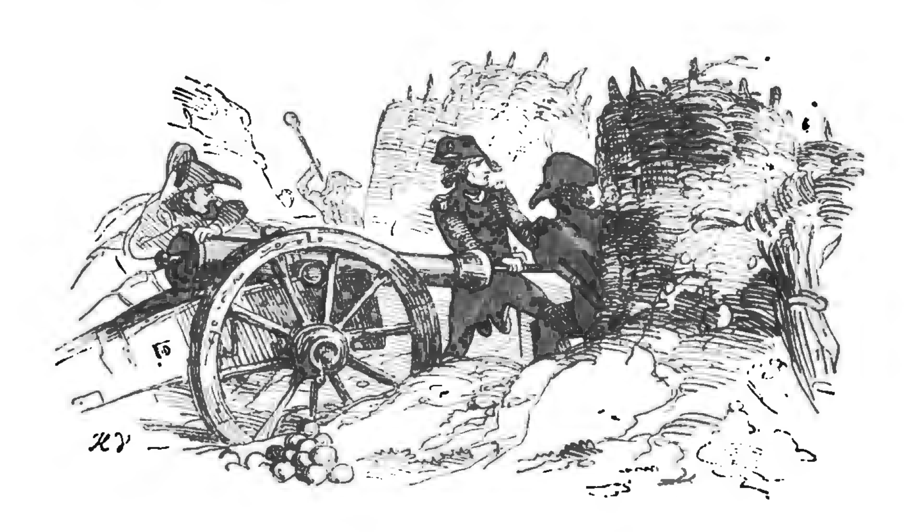
объ этомъ первомъ торжествѣ своемъ, которымъ онъ былъ нѣкоторымъ образомъ обязанъ довѣренности къ нему народнаго представителя, съ благодарностью говорилъ: «*Гаспаренъ* (Gasparin) *открылъ мнѣ дорогу*.»

Во время осады, Наполеонъ подавалъ собою примѣръ величайшаго хладнокровія и рѣдкой храбрости, и не въ одномъ совѣтѣ обнаруживалъ свое искусство и знаніе дѣла: онъ доказывалъ ихъ на самомъ полѣ сраженія; солдаты столько же удивлялись его мужественному равнодушію въ опасностяхъ, сколько генералы обширности и быстротѣ его соображеній. Подъ нимъ было убито множество лошадей, а самъ онъ раненъ въ лѣвое бедро такъ, что ему грозила опасность лишиться ноги.

Наполеонъ отъ природы столь мало былъ расположенъ къ чистой теоріи и до того презиралъ наукой исключительно умозрительной, что никогда не могъ ни довольствоваться ни ограничиваться ими. Изобрѣсть и исполнить — были для него два дѣйствія тѣсно связанныя между собою; огромность его замысловъ могла бы приводить его самаго въ затрудненіе, еслибъ онъ не сознавалъ въ себѣ силы и воли способныхъ твердо и постоянно стремиться къ ихъ исполненію. Эта потребность дѣятельности была съ нимъ неразлучна и израна развернулась въ немъ; онъ сохранилъ ее во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни, и умеръ едва лишь сталъ лишенъ возможности удовлетворять ей, едва лишь сила его воображенія, исполнившая Европу гигантскими созданіями, была принуждена дѣйствовать сама на себя.

Такую безпрерывную дѣятельность Наполеонъ прилагалъ не къ однимъ важнымъ дѣламъ; по требованію обстоятельствъ, онъ вникалъ даже въ мелочи и не считалъ унизительнымъ для своего высокаго ума исполненіе, въ случаѣ нужды, самыхъ простыхъ механическихъ работъ. Такъ, во время осады Тулона, находясь однажды на батареѣ, въ ту самую минуту, когда одинъ изъ канонировъ былъ убитъ, онъ тотчасъ же схватилъ банникъ и самъ разъ двѣнадцать кряду зарядилъ орудіе. Отъ этого онъ заразился сильной накожной болѣзнью, которой былъ подверженъ убитый канониръ, и эта-та болѣзнь, сдѣлавшись опасною, была причиною худощавости Напо-

леона во все продолженіе воіинъ въ Египтѣ и Италіи; онъ освободился отъ нея не прежде какъ вступилъ на престолъ, и обязанъ своимъ излеченіемъ Корвизару.

Не всѣ начальники Наполеона были такъ завистливы и такъ неспособны какъ Картò. Напротивъ, генералы Дютель (Dutheil) и Дюгоммiè оказывали ему высокое уваженіе, которое люди высшаго званія рѣдко имѣютъ къ подчиненнымъ. Это было слѣдствіемъ огромнаго и неоспоримаго превосходства его познаній и способностей. Дюгоммiè удивился, когда Наполеонъ, по взятіи Малаго-Гибралтара, одного изъ укрѣпленій Тулона со стороны моря, съ пророческою увѣренностью сказалъ ему: «Ступайте, съ Богомъ, отдыхать; мы уже взяли Тулонъ; вы послѣзавтра въ немъ ночуете.» Но это удивленіе перешло въ совершенный восторгъ, когда предсказаніе исполнилось въ самой точности. Въ завѣщаніи своемъ Наполеонъ не забылъ генераловъ Дютеля и Дюгоммiè, какъ не забылъ и Гаспарена. По взятіи Тулона, Дюгоммiè ходатайствовалъ передъ комитетомъ Общественной Безопасности о награжденіи Наполеона чиномъ бригаднаго генерала: «Наградите и повысьте этого молодаго человѣка, — писалъ онъ, — *потому*

что если вы будете къ нему неблагодарны, то онъ возвысится и самъ собою.»

Народные представители уважили это ходатайство; новопроизведенный генералъ назначенъ въ итальянскую армію, подъ начальство Доммербіона, и сильно содѣйствовалъ взятію Саорджіо и успѣхамъ сраженій танарскаго и онеільскаго.

Наполеонъ, несмотря на то что былъ привержeнъ къ партіи ревностныхъ республиканцевъ, которые употребляли ужъ слишкомъ ужасныя мѣры, умѣлъ силою своего генія стать выше современныхъ страстей и понятій и, при всемъ вліяніи революціонной горячки, сохранить благоразумную умѣренность и строгое безпристрастіе, которыхъ не могли поколебать смуты тогдашняго времени. Оттого-то и употребилъ онъ все свое вліяніе и всю свою власть на защиту своихъ политическихъ противниковъ отъ гоненій, и на спасеніе кинутыхъ бурею на французскіе берега эмигрантовъ, въ числѣ которыхъ находилось и семейство Шабрильанъ. Когда месть Конвента, преслѣдуя южныхъ федералистовъ, постигла марсельскаго купеческаго голову и богатѣйшаго изъ тамошнихъ негоціантовъ, осьмидесяти-четырехъ-лѣтняго старца Гюгъ (Hugues), Наполеонъ былъ до того пораженъ этимъ, что впослѣдствіи сказалъ: «Право, мнѣ показалось тогда, что пришло время свѣтапредставленья!»

Несмотря на отвращеніе къ подобнымъ варварскимъ поступкамъ, Наполеонъ судилъ однако жъ хладнокровно о кровавыхъ властителяхъ той страшной эпохи. Это свидѣтельствуютъ его «Записки,» писанныя на островѣ Святой-Елены.

Видно, что Робеспіеръ-Младшій, бывшій тогда народнымъ представителемъ при арміи, понялъ, подобно Гаспарену, великаго человѣка и чистосердечно удивлялся его генію. Онъ употребилъ все свое стараніе, чтобы уговорить его отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Парижъ, куда Робеспіера отозвали не задолго до девятаго термидора. «Если бы я рѣшительно не отказался отъ этой поѣздки, — говоритъ Наполеонъ, — ктò знаетъ, куда бы повелъ меня мой первый шагъ, и какая бы иная судьба ожидала меня!»

При осадѣ Тулона, Наполеонъ встрѣтилъ Дюрока и Жюно: Дюрока, который только одинъ пользовался его дружбой и

полною довѣренностью, и Жюно, котораго онъ замѣтилъ по слѣдующему случаю:

По прибытіи къ Тулону, начальнику артиллеріи понадобилось во время построенія батареи написать что-то на самомъ мѣстѣ производства работы; онъ потребовалъ сержанта или капрала, который бы зналъ грамотѣ и могъ стать на ту пору его секретаремъ. Сержантъ не замедлилъ явиться, и едва окончилъ продиктованное письмо, какъ ядро ударило въ батарейный

валъ и засыпало бумагу землею. «*Ладно*, сказалъ сержантъ-секретарь: *мнѣ не понадобится песку*.» Этотъ сержантъ — былъ Жюно; такого доказательства мужества и хладнокровія было уже достаточно въ глазахъ Наполеона, и онъ, впослѣдствіи, возвелъ Жюно на высшую степень военныхъ достоинствъ.

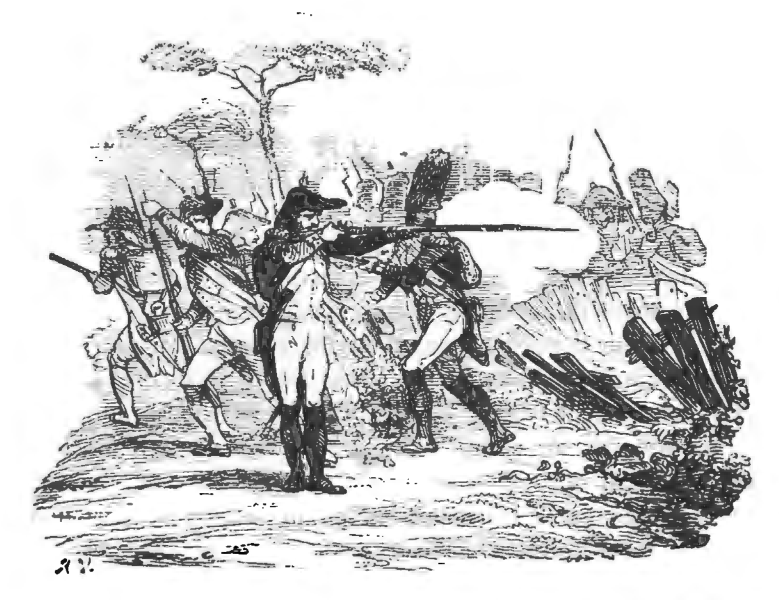
Взятіе Тулона, которымъ были обязаны молодому Бонапарте, не могло однако же избавить его отъ придирокъ и нападковъ со стороны коммиссаровъ Конвента, которые были въ то время не расположены ко всѣмъ вообще военнымъ начальникамъ. Декретъ, оставленный безъ исполненія, потребовалъ-было Наполеона къ отвѣту за нѣкоторыя мѣры, принятыя имъ по случаю укрѣпленія Марсели, а одинъ изъ представителей, недовольный твердостью его характера и неготовностью исполнять его требованія, рѣшился произнести противъ его приговоръ, столь часто гибельный, но на этотъ разъ оставшійся къчастію безъ послѣдствій, приговоръ, лишавшій Наполеона покровительства законовъ.

Мы уже имѣли случай сказать, что не всѣ народные представители, бывшіе при южной арміи, показывали непріязненное расположеніе къ Наполеону. Между ними одинъ, женатый на прекрасной и любезной женщинѣ, обласкалъ его какъ нельзя больше и предоставилъ ему въ своемъ домѣ всѣ права короткаго знакомаго. Наполеонъ воспользовался этой довѣренностью, и даже едва ли не употребилъ ее во зло, если судить по нѣкоторымъ не очень скромнымъ словамъ «Записокъ», писанныхъ на островѣ Святой-Елены, гдѣ сказано, что жена представителя была столько же хорошо расположена къ молодому артиллерійскому генералу какъ и ея мужъ, который одинъ изъ первыхъ обратилъ на него вниманіе Конвента въ эпоху тринадцатаго вендеміера.

Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ, снова встрѣтился съ своей хорошенькой знакомкой. Время и несчастія измѣнили черты ея лица, или лучше сказать, не оставили на немъ и слѣдовъ прежней красоты, плѣнившей нѣкогда Наполеона. «Почему же, сказалъ ей императоръ, почему же вы не прибѣгли къ посредничеству нашихъ общихъ ницскихъ знакомыхъ, чтобы представиться мнѣ? Многіе изъ нихъ занимаютъ

теперь важныя должности и всегда имѣютъ ко мнѣ доступъ.» — «Ахъ, ваше величество, отвѣчала она: мое знакомство съ этими господами прекратилось съ той самой поры какъ они стали знатны, а я несчастна.» Въ то время она была вдовою и въ крайне бѣдномъ положеніи. Наполеонъ исполнилъ все, о чемъ она его просила.

Припоминая объ этой *любовной шалости,* Наполеонъ сказалъ: «Тогда я былъ еще очень молодъ; гордясь моимъ маленькимъ успѣхомъ, я старался отблагодарить за него всѣми зависившими отъ меня средствами; и вотъ вы увидите до чего можетъ дойти злоупотребленіе власти, и отъ чего зависитъ иногда жизнь людей. Разъ, прогуливаясь съ женою моего

пріятеля, представителя, по линіямъ нашей позиціи близь тендскаго ущелья, мнѣ вдругъ пришло въ голову показать ей небольшое сраженіе, и я приказалъ произвесть аттаку на непріятельскіе аванпосты. Правда, случилось такъ, что мы остались побѣдителями; но не менѣе того дѣло было очевидно безполезное; аттака сдѣлана безъ всякой нужды, а всё-таки стоила жизни нѣсколькимъ человѣкамъ. Вспоминая объ этомъ, я всякій разъ жестоко упрекаю себя.»

Событія девятаго термидора остановили на короткое время Наполеона на поприще, начатомъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Сношенія ли его съ Робеспіеромъ-Младшимъ навлекли на него подозрѣнія, или завистники его раждающейся славы рады были воспользоваться какимъ бы то ни было предлогомъ, чтобы погубить его, то ли, другое ли, только онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и арестованъ по приказанію Албитта, де-Лапорта и Салличетти, которые вмѣнили ему въ преступленіе поѣздку его въ Генуу, исполненную по предписанію ихъ же предмѣстника, Рикорда.

Объявленный недостойнымъ довѣрія арміи и потребованный къ отвѣту передъ комитетъ общественной безопасности, генералъ Бонапарте не захотѣлъ безпрекословно покориться подобному приговору. Онъ тотчасъ же послалъ ноту къ представителямъ, велѣвшимъ-было задержать его, и въ этой нотѣ уже проглядывалъ тотъ высокомѣрный, сильный, сжатый слогъ, который впослѣдствіи такъ легко было замѣтить и которому удивлялись во всѣхъ его рѣчахъ, во всѣхъ его письмахъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этой достопримѣчательной бумаги:

«Вы отрѣшили меня отъ должности, арестовали и объявили человѣкомъ подозрительнымъ.

«Вы обезчестили меня безъ суда, или осудили не выслушавши.

«Въ государствѣ, во время революціи, бываетъ только два разряда людей: подозрительные и патріоты...

«Къ которому разряду хотятъ причислить меня?

«Не съ самыхъ ли первыхъ дней революціи я придерживался ея началъ?

«Не меня ли видѣли во всегдашней борьбѣ то̀ съ врагами внутренними, то̀, по званію воина, съ врагами внѣшними?

«Для республики оставилъ я мою родину, утратилъ достояніе, потерялъ все.

«Пото̀мъ, я не безъ отличія дѣйствовалъ подъ Тулономъ, и заслужилъ въ бытность при италіянской арміи часть лавровъ, пожатыхъ ею при Саорджіо, Онелья и Танаро...

«При открытіи Робеспіерова заговора, я велъ себя какъ человѣкъ, поступающій въ духѣ правилъ.

«Слѣдовательно, нѣтъ возможности оспоривать у меня названіе патріота.

«Что жъ, не выслушавши, объявляютъ меня подозрительнымъ?

«Патріотъ невинный, оклеветанный, я всё-таки не ропщу на мѣры, принятыя противу меня комитетомъ.

«Если бы три человѣка объявили, что я сдѣлалъ какое-нибудь преступленіе, я бы не могъ роптать на приговоръ присяжныхъ, осудившихъ меня.

«Неужели же представители должны поставлять правительство въ необходимость поступать и несправедливо и несогласно съ видами политики?

«Выслушайте меня; отстраните прижимки; возвратите мнѣ уваженіе патріотовъ.

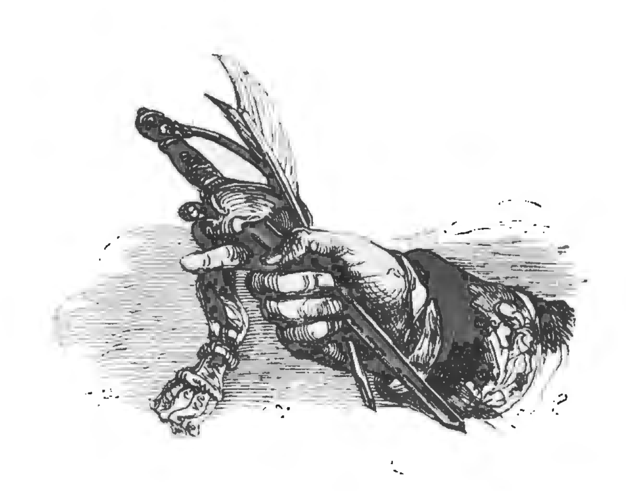
«И тогда, черезъ часъ, если злымъ людямъ нужна моя жизнь... пожалуй... я такъ мало дорожу ею, я такъ часто ею презиралъ... Да! одна только мысль, что жизнь эта можетъ еще быть полезна отечеству, даетъ мнѣ твердость переносить ее.»

Эта простая, но благородная и возвышенная, рѣчь, заставила представителей разсудить о томъ, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ одареннымъ большими способностями и сильнымъ характеромъ, и, слѣдовательно, должны отказаться отъ всякой надежды попрать его своимъ самовластіемъ и преслѣдованіями, не подвергая съ тѣмъ вмѣстѣ себя сильному и продолжительному сопротивленію съ его стороны. И потому, соглашая требованія своего честолюбія съ благоразумной осторожностью, Албиттъ и Салличетти, согласясь съ генераломъ Дюммербіономъ, *временно* отмѣнили произнесенный ими приговоръ и возвратили свободу генералу Бонапарте, «котораго военныя дарованія и познаніе мѣстностей», — сказано было въ отданномъ ими приказѣ, — «могутъ быть полезны республикѣ».

Въ это время, оборотъ дѣлъ по случаю происшествій термидора, былъ причиною, что управленіе военнымъ комитетомъ перешло въ руки старшаго артиллерійскаго капитана Обри, который перевелъ Наполеона въ инфантерію и назначилъ его дѣйствовать въ Вандѣе. Справедливо обиженный

такимъ распоряженіемъ и сознавая въ себѣ способности, которыхъ не хотѣлъ употребить на столь невидномъ поприщѣ, Наполеонъ, по прибытіи въ Парижъ, не замѣдлилъ представить о сдѣланной ему несправедливости на разсмотреніе военнаго комитета, и говорилъ съ большимъ жаромъ и пылкостью. Обри остался непреклоннымъ; онъ сказалъ Наполеону: « Вы еще молоды; надо уступить старшимъ ». На это Наполеонъ возразилъ: « На полѣ битвъ старѣются скоро, а я сейчасъ только съ этого поля ». Должно замѣтить, что президентъ комитета никогда не бывалъ въ сраженіи.

Столь твердой и колкій отвѣтъ не только не смягчилъ, но еще болѣе подстрекнулъ упрямство Г. Обри. Онъ ни какъ не хотѣлъ измѣнить сдѣланнаго имъ назначенія, а Наполеонъ предпочелъ быть отставленнымъ отъ службы, скорѣе чѣмъ уступить несправедливости.

ГЛАВА IV.

Отставка. Тринадцатое вендеміера. Жозефина. Женитьба.

Не любопытно ли видѣть, что будущій властелинъ почти цѣлой Европы, остановленъ на своемъ поприщѣ и вычеркнутъ изъ списка французскихъ генераловъ, приказомъ какихъ-нибудь Мерлена де-Дуе (Merlin de Douai), Берліе, Боасси д'Англа, Камбасареса, которые впослѣдствіи наперерывъ старались выказывать передъ нимъ самое льстивое усердіе, и всячески домогались одной благосклонной улыбки, одного одобрительнаго мановенія того же самаго молодаго человѣка, съ которымъ обходились теперь такъ немилостиво и такъ грубо!

Однако жъ, въ числѣ людей, принимавшихъ участіе въ происшествіяхъ термидора, нашелся человѣкъ, который не захотѣлъ оставить совсѣмъ въ бездѣйствіи военныхъ талан-

товъ, обнаруженныхъ Наполеономъ при взятіи Тулона. Человѣкъ этотъ былъ Понтекуланъ, преемникъ Обріевой власти; онъ, не обращая вниманія на ропотъ господствовавшей тогда партіи, употребилъ Бонапарте при составленіи плановъ для новой кампаніи. Но и это невидное занятіе, такъ худо согласовавшееся съ характеромъ воина, для котораго дѣятельность, слава и шумъ оружія были необходимыми условіями жизни, показалось еще занятіемъ слишкомъ выгоднымъ, слишкомъ почетнымъ для человѣка, которому хотѣли вовсе преградить дорогу на военномъ поприщѣ. Летурнеръ, уроженецъ Ла-Манша, занявшій послѣ Понтекулана мѣсто президента военнаго комитета, сталъ поступать съ Наполеономъ по примѣру Обри, и рѣшительно отстранилъ его отъ всякой должности, такъ, что Наполеонъ, потерявъ надежду одолѣть зависть и предубѣжденія, но и не желая пасть подъ самоуправною рукою своихъ недоброжелателей и дать имъ затушить военныя и политическія способности, которыя сознавалъ въ себѣ, отвлекъ на минуту свое вниманіе отъ дѣлъ Европы и обратилъ его на Востокъ. Ему, во что бы то ни стало, хотѣлось искусить судьбу; природа, казалось, создала его для замышленія и совершенія дѣлъ великихъ, и если Франція отказывала ему въ блистательномъ поприще, то онъ надѣялся открыть его себѣ на Востокѣ.

Полный этою мыслію, онъ составилъ ноту, въ намѣреніи дать почувствовать французскому правительству, что выгоды республики требуютъ усилить оборонительныя средства оттоманской имперіи, чтобы этою мѣрою отвратить честолюбивые на нее виды европейскихъ державъ: « Генералъ Бонапарте, — писалъ онъ въ этой нотѣ, — который съ самой молодости служилъ въ артиллеріи, и начальствовалъ ею при осадѣ Тулона и впродолженіи двухъ кампаній, сдѣланныхъ италіянскою арміею, предлагаетъ свои услуги правительству: не благоугодно ли будетъ дать ему порученіе въ Турцію?...

« На этомъ новомъ поприщѣ, онъ будетъ полезенъ отечеству; и если успѣетъ поставить силы Турковъ въ положеніе болѣе грозное, если успѣетъ усовершенствовать способы защиты ихъ старыхъ крѣпостей и построить новыя, то окажетъ существенную услугу Франціи. »

По поводу этой ноты Г. Буріеннъ говоритъ: « Если бъ какой-нибудь военный коммисаръ вздумалъ надписать на этой нотѣ — *дозволяется*, то, можетъ-быть, однимъ этимъ словомъ измѣнилъ бы судьбы всей Европы. » Но слово это не было написано. Вниманіе правительства, совершенно поглощенное внутреннею политикою и борьбою партій, помѣшало ему заняться военными планами, которыхъ слѣдствія были и неизвѣстны и еще далеко впереди; Наполеонъ, осужденный на бездѣйствіе, продолжалъ жить въ Парижѣ безъ всякаго занятія, но Провидѣніе уже наложило на него свой перстъ.

Революція не замѣдлила доставить ему случай возвыситься. Роялисты, ободренные термидорскимъ переворотомъ, разсыпались по разнымъ частямъ Парижа и возбудили мятежъ противъ Конвента. Первый успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ.

Генералъ Мену, подозреваемый въ измѣнѣ, но собственно виновный только въ слабости и обличенный въ неспособности, которому было поручено утушить возстаніе, совершенно не исполнилъ своего дѣла. Главные члены Конвента, которые, несмотря на ненависть свою къ якобинцамъ, подверглись бы слишкомъ явной опасности при торжествѣ роялистовъ, испу-

гались этой контръ-революціи, и вспомнили, что изгнали, обезоружили, заключили въ темницы множество усердныхъ патріотовъ, которые теперь, въ такихъ гибельныхъ обстоятельствахъ, могли бы подать имъ важную помощь. Угнетатели воззвали къ угнетеннымъ, и тѣ не замѣдлили стать въ ихъ ряды. Но надо же было назначить предводителя этому наскоро составленному войску; генералъ Мену былъ признанъ неспособнымъ и арестованъ; Баррасъ, назначенный на его мѣсто, имѣлъ столько ума, что предложилъ Конвенту избрать себѣ помощникомъ человѣка, который гораздо лучше его зналъ военное дѣло. Онъ напомнилъ о генералѣ Бонапарте,

и Конвентъ утвердилъ это избраніе декретомъ, немедленно объявленнымъ Народному Собранію, въ которомъ на то время присутствовалъ и Наполеонъ.

Изъ *Записокъ на островѣ Святой-Елены* можно заключать, что Наполеонъ цѣлые полъ-часа оставался въ нерѣшимости и совѣтовался самъ съ собою, принять ему или не принять тотъ важный постъ, на который его призывали. Онъ не хотѣлъ сражаться противъ вандейцевъ, какъ же рѣшится теперь поражать Парижанъ! Но судьба увлекла его. Онъ рѣшился.

И Наполеонъ такъ хорошо принялъ свои мѣры, что въ нѣсколько часовъ Парижъ очищенъ отъ мятежниковъ, и возстаніе совершенно усмирено.

Конвентъ наградилъ своего спасителя, назначивъ его главнокомандующимъ всѣхъ войскъ внутри республики.

Съ этого дня, Наполеонъ могъ уже предвидѣть, что скоро будетъ располагать всѣми военными силами Франціи, и съ этого-то дня вступилъ онъ подлинно на первую ступень трона, потому что завладѣлъ верховною властью въ столицѣ государства.

Въ двадцать четыре часа какое измѣненіе въ его положеніи! Еще двѣнадцатаго вендеміера онъ былъ въ опалѣ, безо всякой будущности, и до того утомленъ всѣми препятствіями, которыя встрѣчалъ на политическомъ своемъ пути, что начиналъ уже желать безотвѣтной, тихой, частной жизни, и узнавъ про женитьбу брата своего Іосифа на дочери перваго изъ марсельскихъ негоціянтовъ, вскричалъ: « Какъ счастливъ этотъ плутъ Іосифъ »! А четырнадцаго того же вендеміера, онъ ужъ и не помышлялъ о частномъ бытѣ. Притѣсненный вчера, властелинъ сегодня, онъ сдѣлался центромъ, около котораго вращались всѣ происки, всѣ честолюбія; сталъ душою всей дѣятельности. Юный побѣдитель мятежниковъ связалъ съ своею возходящею звѣздою судьбы революціи, которыми не могла уже управлять блѣднѣющая звѣзда Конвента.

Первымъ дѣломъ Наполеонова могущества было спасти генерала Мену, обреченнаго на гибель комитетомъ. Онъ спасъ его, оставя въ утѣшеніе недовольнымъ свободу смѣяться надъ неспособностью этого генерала, котораго прозвали le Mitrailleur.

Жители Парижа чувствовали нанесенное имъ оскорбленіе; недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ усугубилъ ихъ неудовольствія противу военныхъ властей, и Ласъ-Казъ разсказываетъ, что, разъ, когда недостало хлѣба для ежедневной раздачи жителямъ, и многолюдныя толпы окружали лавки булочниковъ, Наполеонъ, объѣзжая улицы въ сопровожденіи своего штаба, былъ встрѣченъ народомъ съ угрозами, всё болѣе и болѣе шумными. Положеніе его становилось критическимъ. Вотъ, женщина, ужасно тучная, размахивая руками, завопила страшнымъ голосомъ: « Да что̀ имъ до насъ, всѣмъ этимъ господамъ офицерамъ; были бы сами толсты да сыты, а бѣдный народъ пусть мретъ съ голоду, — имъ и горя мало». Наполеонъ сдержалъ лошадь и закричалъ этой женщинѣ:

« Ей, ты, тётка, взглянь-ка, кто жирнѣе, я или ты? » А надо знать, что въ эту пору Наполеонъ былъ очень худощавъ. Всеобщій смѣхъ обезоружилъ толпу; главнокомандующій и его штабъ спокойно продолжали дорогу.

Между-тѣмъ спокойствіе Парижа потребовало, чтобы жители его были обезоружены. Въ то время, когда начальство приступило къ исполненію этой мѣры, передъ главнокомандующаго предсталъ юноша лѣтъ десяти или двѣнадцати, съ просьбою возвратить ему шпагу отца его, бывшаго прежде начальникомъ войскъ республики. Юноша этотъ былъ Евгеній де-Богарнѐ.

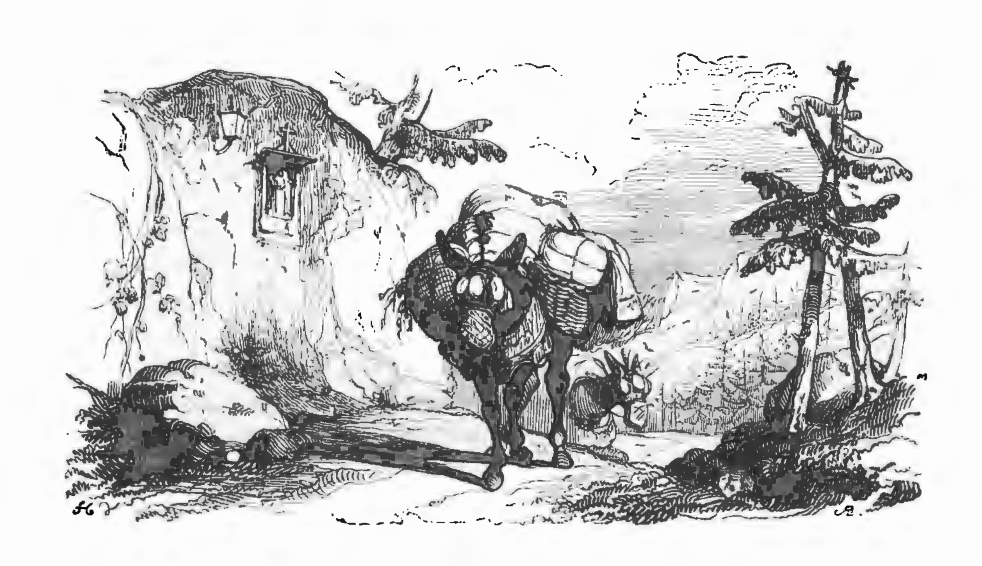

Наполеонъ исполнилъ его просьбу и обошелся съ нимъ такъ ласково, что разтрогалъ чувствительность молодаго человѣка, который все разсказалъ своей матери, и та долгомъ почла лично изъявить Наполеону свою признательность. Госпожа де-Богарнè, женщина еще молодая, отличалась въ высшемъ обществѣ и красотой и граціозностью, которыми Наполеонъ былъ столько тронутъ, что не могъ не желать продолженія случайно сдѣланнаго съ нею знакомства. Онъ каждый вечеръ посѣщалъ Жозефину. Въ ея гостиной собирались нѣкоторые остатки прежней аристократіи, которымъ было не безполезно встрѣчаться тамъ съ «маленькимъ разстрѣльщикомъ», какъ прозвали о́ни Бонапарте. Бывало, бо́льшая часть общества разъѣдется, Бонапарте остается еще съ немногими искренними

знакомыми Жозефины, каковы были старикъ Монтескіё и герцогъ де-Ниверне, и беседуетъ съ ними о старинномъ версальскомъ дворѣ. Теперь намъ странно бы казалось видѣть рука объ руку съ этими придворными ветеранами, человѣка, ставшаго въ челѣ новаго правительства, если бы мы не видали впослѣдствіи всего, что сдѣлалъ этотъ человѣкъ для возобновленія этикета и старинпаго мѣстничества.

Знакомство Наполеона съ Жозефиною не осталось обыкновеннымъ, простымъ, знакомствомъ. Онъ нѣжно полюбилъ ее и сталъ искать ея руки. Бракъ ихъ совершился девятаго марта 1796 года. За долго передъ тѣмъ одна негритянка предсказала Жозефинѣ, что она будетъ королевою. Жозефина охотно разсказывала объ этомъ предсказаніи, и бракъ ея съ Наполеономъ былъ уже началомъ его исполненія.

ГЛАВА V.

Первая италіянская кампанія.

Шереръ, главнокомандующій италіянскою арміею, по своей неспособности и по допущеннымъ имъ безпорядкамъ, уронилъ славу оружія и честь республики. Кавалерія его потеряла лошадей за недостаткомъ фуража. Армія во всемъ претерпѣвала недостатокъ и не могла долѣе удерживаться на морскомъ генуезскомъ берегѣ. Чтобы вывесть армію изъ такого бѣдственнаго положенія, Директорія, не имѣя ни денегъ ни запасовъ, послала ей новаго главнокомандующаго. Кчастію, этотъ новый главнокомандующій былъ Бонапарте: его геній замѣнилъ все.

Бонапарте отправился изъ Парижа двадцать перваго марта 1796 года, сдавъ начальство надъ внутреннею арміей одному старому генералу, Гатри (Hatri). Весь планъ кампаніи былъ

уже имъ придуманъ. Онъ рѣшился проникнуть въ Италію черезъ долину, которая раздѣляетъ послѣднія возвышенности Альповъ и Апенниновъ, и разорвать австро-сардинскую армію, принудивъ имперцевъ прикрывать Миланъ, а Піемонцевъ свою столицу. Въ концѣ марта прибылъ онъ въ Ниццу. Главная квартира арміи не оставляла этого города съ самаго начала кампаніи: Наполеонъ тотчасъ перенесъ ее въ Альбенго. « Воины, — сказалъ онъ, при первомъ смотрѣ своихъ войскъ, — Воины, вы голы, вы голодны; казна намъ много должна, да платить ей не чѣмъ. Терпѣніе, мужество, которыя вы обнаруживаете здѣсь, между этихъ скалъ, удивительны: но онѣ не доставляютъ вамъ ни какой славы. Я пришелъ вести васъ на плодороднѣйшія въ свѣтѣ долины. Богатыя области, большіе города будутъ въ нашей власти; на вашу долю богатства, честь, слава. Воины италіянской арміи! неужели въ васъ не достанетъ храбрости? »

Рѣчь эта была принята съ живѣйшимъ восторгомъ и пробудила надежды всего войска. Главнокомандующій воспользовался этимъ расположеніемъ своихъ воиновъ, чтобы пригрозить

генуезскому сенату, отъ котораго потребовалъ свободнаго пропуску черезъ Бокетту и ключи крѣпости Гави.

Осьмаго апрѣля онъ писалъ Директоріи: «Я нашелъ здѣшнюю армію, не только безо всего, но и вовсе безъ дисциплины. Недовольныхъ было столько, что даже составилась рота *Дофина*, и роялистскія пѣсни вездѣ распѣвались свободно... Будьте увѣренны, что порядокъ и тишина будутъ возстановлены въ арміи... Когда вы получите это письмо, то мы уже, вѣрно, встрѣтились съ непріятелемъ.» Все такъ и исполнилось.

Непріятельская армія состояла подъ начальствомъБоліё, отличнаго офицера, который пріобрѣлъ извѣстность во время кампаній на Сѣверѣ. Узнавши, что французскія войска, которыя до-сихъ-поръ едва едва могли держаться въ оборонительномъ положеніи, внезапно перешли въ наступательное и готовятся вторгнуться въ предѣлы Италіи, Болiё поспѣшилъ оставить Миланъ и итти на помощь Генуи. Онъ сталъ у Нови, гдѣ помѣстилъ свою главную квартиру, раздѣлилъ армію на три корпуса, и издалъ прокламацію, которую Бонапарте переслалъ Директоріи, сказавъ, что станетъ отвѣчать на нее «на другой день послѣ сраженія.»

Сраженіе это воспослѣдовало одиннадцатаго апрѣля, подъ

Монтенотомъ. Эта битва, ознаменовавшая открытіе кампаніи, увѣнчала Наполеона тою первой побѣдою, со времени которой онъ считалъ свою родословную.

Новыя сраженія были для Бонапарте только случаями къ новымъ успѣхамъ. Четырнадцатаго апрѣля онъ одержалъ побѣду подъ Миллезимо а шестнадцатаго подъ Дего. Отвѣтивъ такимъ образомъ на прокламацію Болїё тремя побѣдами въ четыре дня, онъ сейчасъ же послѣ сраженія подъ Дего донесъ Директоріи объ этихъ быстрыхъ и славныхъ подвигахъ, отдавая между-тѣмъ полную справедливость другимъ генераламъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ: Жуберу, Массенѣ, Ожеро, Менару, Лагарпу, Рампону, Лапу, и прочимъ.

« Въ этотъ день, — говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, — мы взяли отъ семи до девяти тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ одного генералъ-лейтенанта, и двадцать или тридцать штабъ-офицеровъ.

« У непріятеля убито отъ двухъ до двухъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ.

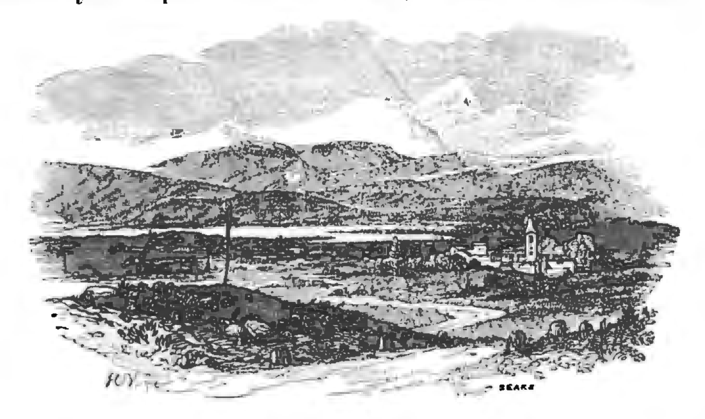
« Я не замѣдлю увѣдомить васъ въ самомъ скоромъ времени о всѣхъ подробностяхъ этого славнаго дѣла, и не забуду назвать тѣхъ, которые въ немъ наиболѣе отличились. »

Около этого времени генералъ Колли, командующій правымъ флангомъ непріятельской арміи, написалъ къ Бонапарте письмо, которымъ требовалъ выдачи своего парламантера, Мулена (Moulin), французскаго эмигранта, задержаннаго въ Муреско, и въ противномъ случаѣ грозилъ отмстить за него на особѣ бригаднаго генерала Бартелеми, находившагося въ плѣну у Австрійцевъ. Вотъ отвѣтъ Бонапарте: « Ваше превосходительство; мы считаемъ эмигрантовъ на равнѣ съ отцеубійцами, которыхъ не можетъ защитить ни какое званіе. Назначеніе господина Мулена парламантеромъ сдѣлано противъ правилъ чести и несогласно съ уваженіемъ, должнымъ народу французскому. Вамъ извѣстны законы войны, и я не могу повѣрить вашимъ угрозамъ на счетъ генерала Бартелеми. Но если, вопреки этимъ законамъ, вы позволите себѣ исполнить столь варварскую мѣру, то за это немедленно отвѣтятъ всѣ ваши плѣнные, находящіеся въ моей власти; потому что я питаю къ господамъ офицерамъ вашей націи все уваженіе, котораго

заслуживаютъ храбрые воины.» И Бонапарте грозилъ не попусту; въ его власти было уже много плѣнныхъ: онъ отвѣчалъ генералу Колли осьмнадцатаго апрѣля.

Слѣдствіемъ блистательныхъ побѣдъ, впервые ознаменовавшихъ имена Жубера, Массены и Ожеро, было то̀, что непріятельскій аріергардъ, бывшій подъ начальствомъ Провера, отрѣзанъ и принужденъ положить оружіе; а этимъ начато разъединеніе войскъ австрійскихъ съ піемонтскими, и открыты французской арміи дороги на Миланъ и Туринъ.

Достигнувъ до вершинъ Монтеземото, которыя занялъ Ожеро въ тотъ самый день когда Серюріѐ принудилъ Колли оставить укрѣпленный лагерь близь Чевы, главнокомандующій указалъ оттуда своей арміи на снѣжныя вершины горъ, отдѣляющихъ ее отъ Піемонта, и сказалъ своимъ воинамъ: «Аннибалъ перешагнулъ черезъ Альпы; а мы, — мы обоійдемъ ихъ.»

Двадцать втораго апреля одержана новая побѣда. Танаро перейденъ, редутъ бикокскій взятъ, Мондови съ своими запасными магазинами въ рукахъ Французовъ. Двадцать пятаго занята крѣпосца Кераско. Въ ней найдено нѣсколько пушекъ, и тотчасъ приступлено къ улучшенію ея укрѣпленій. Здѣсь, двадцать осьмаго числа, подписано перемиріе.

За нѣсколько дней передъ этимъ, именно двадцать четвертаго, Бонапарте отвѣчалъ такъ на письмо генерала Колли: «Директорія предоставила себѣ право вести переговоры о мирѣ; поэтому должно, чтобы уполномоченные короля, вашего государя, отправились въ Парижъ, или бы дожидались въ

Генуѣ уполномоченныхъ со стороны французскаго правительства. Военное и нравственное положеніе обѣихъ армій не допускаетъ простыхъ перемирій. Хотя я, лично, и полагаю, что французское правительство согласиться на безобидныя мирныя условія съ королемъ, вашимъ государемъ, но, по однѣмъ моимъ частнымъ соображеніямъ, ни какъ не могу пріостанавливать своихъ движеній; есть, однако же, средство исполнить ваше желаніе, совершенно согласное съ пользами вашего двора, и остановить пролитіе крови напрасное, и потому противное разсудку и законамъ войны; средство это состоитъ въ томъ, чтобы изъ трехъ крѣпостей, Кони, Александріи и Тортоны, сдать мнѣ двѣ, которыя вамъ угодно..... »

Кони и Тортона зданы войскамъ республики; крѣпость Чева тоже; перемиріе заключено.

И все это совершено въ теченіе одного мѣсяца! совершено съ арміей уже изпуренной, не получавшей подкрѣпленій, терпѣвшей, недостатокъи въ провіантѣ, и въ артиллеріи, и въ коннпцѣ. И чудо это было дѣломъ генія одного человѣка, который умѣлъ избирать помощниковъ достойныхъ себя.

Непріятели были поражены изумленіемъ. Французская армія, исполненная надеждъ на своего молодаго предводителя, безпокоилась однако же о своей будущности, соображая слабость своихъ средствъ для предпріятія столь затруднительнаго каково покореніе Италіи. Чтобы отвратить это опасное безпокойство и возбудить еще болѣе энтузіазма въ своихъ войскахъ, Наполеонъ издалъ въ Кераско прокламацію:

«Воины! вы, въ двѣ недѣли, одержали шесть побѣдъ; взяли двадцать одно знамя, пятьдесять пять пушекъ, нѣсколько крѣпостей, и овладѣли богатѣйшею частью Піемонта; взяли пятнадцать тысячъ плѣнныхъ, убили и ранили болѣе десяти тысячъ человѣкъ. До-сей-поры вы сражались за голыя скалы, ознаменованныя вашими подвигами, но безполезныя отечеству. Вы сравнились славою съ нашими арміями что въ Голландіи и на Рейнѣ. Претерпѣвая недостатокъ во всемъ, вы все съумѣли замѣнить собственно собою. Вы выигрывали сраженія не имѣя пушекъ, переправлялись черезъ рѣки не имѣя понтоновъ, дѣлали большіе переходы не имѣя башмаковъ, стояли на бивуакахъ не имѣя чарки вина, а часто и куска хлѣба. Одни только вы способны были мужественно перенесть всѣ эти недостатки! Благодарное отечество будетъ вамъ отчасти обязано своимъ благоденствіемъ; и если отъ васъ, побѣдителей Тулона, можно было ожидать подвиговъ безсмертной кампаніи 1793 года, то чего нельзя ожидать отъ васъ теперь, послѣ этихъ подвиговъ!

«Двѣ арміи, которыя передъ этимъ дерзостно нападали на васъ, бѣгутъ теперь въ страхѣ; люди безсовѣстные, которые насмѣхались надъ вашимъ бѣдствіемъ и радовались успѣхамъ вашихъ непріятелей, теперь трепещутъ въ смущеніи. Но, воины! не скрою отъ васъ, что вы еще ничего не сдѣлали, потому что многое остается еще не конченнымъ. Еще ни Туринъ ни Миланъ не въ вашей власти; останки побѣдителей Тарквинія еще попираются ногами убійцъ Бассевиля! При

началѣ кампаніи у васъ во всемъ былъ недостатокъ; теперь вы всѣмъ снабжены. Магазины, отнятые у непріятеля, многочисленны; артиллерія, и полевая и осадная, прибыла къ вамъ. Воины! отечество вправѣ ожидать отъ васъ многаго. Удовлетворите ли вы его ожиданіямъ? конечно, самыя большія трудности и препятствія уже побѣждены; но вамъ всё-еще остается въ виду сражаться, брать города, переправляться черезъ рѣки. Есть ли между вами малодушные? Есть ли между вами, кто бы пожелалъ возвратиться къ вершинамъ Альпъ и Апенниновъ, чтобы хладнокровно переносить тамъ обиды отъ непріятелей? Нѣтъ! въ рядахъ побѣдителей подъ Монтенотомъ, Миллезимо, Дего, Мондови, не найдется людей столь слабыхъ; всѣ мы горимъ желаніемъ прославить имя Французовъ; всѣ мы хотимъ мира славнаго, который бы вознаградилъ отечество за множество великихъ жертвъ имъ принесенныхъ. Друзья! я обѣщаю вамъ побѣды, но съ условіемъ, которое вы должны поклясться исполнить: условіе это, — чтобы вы уважали народы, вами покаряемые, и не осмѣливались дозволять себѣ ни малѣйшаго насилія съ побѣжденными. Если вы нарушите это условіе, то будете не что иное какъ варвары, бичи народовъ, и отечество ваше не признаетъ васъ своими сынами. Ваши побѣды, мужество, успѣхи, кровь нашихъ братій, падшихъ на брани, — все будетъ потеряно, все, даже и честь и слава. Что̀ касается до меня и до другихъ генераловъ, пользующихся вашею довѣренностью, то̀ мы сочли бы за стыдъ предводительствовать воинами, которые бы не знали другихъ правъ кромѣ правъ сильнаго. Но, облеченный народною властью, сильный по закону и правосудію, я съумѣю заставить немногихъ злодѣевъ уважать законы чести и человѣчества, которые они попираютъ. Я не потерплю, чтобы эти разбойники помрачали славу вашего имени, и прикажу привесть въ строгое исполненіе постановленія, изданныя мною по этому предмету. Грабители будутъ разстрѣливаемы безъ всякаго милосердія; нѣкоторые изъ нихъ уже и растрѣляны. Я съ удовольствіемъ имѣлъ случаи замѣтить, что хорошіе солдаты хорошо исполняли свою обязанность.

« Народы Италіи! Французская армія идетъ къ вамъ на помощь: народъ Французскій другъ всѣмъ народамъ;

встрѣтьте его армію съ довѣріемъ. Ваша собственность, ваша религія и ваши обычаи будутъ уважены. Мы ведемъ войну какъ непріятели великодушные, и только противъ вашихъ утѣснителей. »

Такія слова обличали уже въ Наполеонѣ не только великаго полководца, но и искуснаго политика, который умѣетъ употреблять кстати ловкую рѣчь, согласную съ своими видами. И рѣчь эту, столь полную самоувѣренности, онъ держалъ въ десяти миляхъ отъ Турина! Король Сардинскій встревожился и переговоры пошли дѣятельнѣе; перемиріе, о которомъ мы уже упомянули, заключено въ Кераско; однимъ изъ его условій было тò, что король Сардинскій немедленно откажется отъ коалиціи и пошлетъ въ Парижъ уполномоченнаго для окончательнаго заключенія мира, что и было въ точности исполнено. Король отправилъ въ столицу Франціи графа Ревѐля, а Наполеонъ, съ своей стороны, послалъ туда эскадроннаго начальника Мюрата, съ извѣщеніемъ о побѣдахъ, ознаменовавшихъ открытіе кампаніи, и съ письмомъ къ Директоріи, въ которомъ говорилъ: « Вы можете теперь предлагать королю Сардинскому какія угодно условія мира..... Если онъ не будетъ соглашаться, я беру Валенцію и иду на Туринъ; потомъ, когда разобью Боліё, пошлю двѣнадцать тысячъ человѣкъ на Римъ.... »

Народные представители, по пріѣздѣ Мюрата, объявили, въ пятый разъ въ теченіи шести дней, что италіянская армія заслуживаетъ благодарности отечества. Миръ съ Сардиніею еще умножилъ общую радость: онъ былъ подписанъ 15 мая, на условіяхъ самыхъ выгодныхъ для Франціи.

Бонапарте, имѣя теперь дѣло съ одними имперцами, разсуждалъ, продолжать ли ему занимать тессинскую линію, или перейтти на Адижъ съ тою же смѣлою быстротою, которая способствовала ему овладѣть въ нѣсколько дней лучшими областями Сардинскаго королевства. Въ *Запискахъ на Островѣ Святой-Елены* онъ самъ разсказываетъ, какія имѣлъ причины колебаться въ избраніи одного изъ этихъ плановъ. Первый изъ нихъ, осторожный и благоразумный, не согласовался ни съ положеніемъ республики, которая должна была стараться устрашить коалицію смѣлыми дѣйствіями, ни съ желаніемъ

молодаго главнокомандующаго, которому и характеръ и честолюбіе внушали дѣйствовать съ возможно бо́льшею смѣлостью; поэтому онъ рѣшился двинуться впередъ, и написалъ Директоріи: « Завтра иду я на Болiё; принужу его отступить за По́, и самъ тотчасъ же переправлюсь черезъ эту рѣку; овладѣю всею Ломбардіею, и ранѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ надѣюсь быть на тирольскихъ горахъ, соединиться съ рейнскою арміею и, вмѣстѣ съ нею, внести войну въ Баварію. »

Мая 9 онъ писалъ къ Карно́:

« Наконецъ, мы перешли По́. Вторая кампанія начата; Болiё разстроенъ; онъ соображаетъ свои дѣйствія довольно плохо, и постоянно попадается въ растанавливаемыя ему сѣти; быть-можетъ онъ захочетъ дать сраженіе, потому что смѣлъ, только не смѣлостью человѣка геніальнаго...... Еще одна побѣда, и Италія наша.... Потери непріятеля и теперь ужъ неизчислимы.... Посылаю вамъ двадцать картинъ лучшихъ художниковъ, Корреджіо и Микель-Анджело.

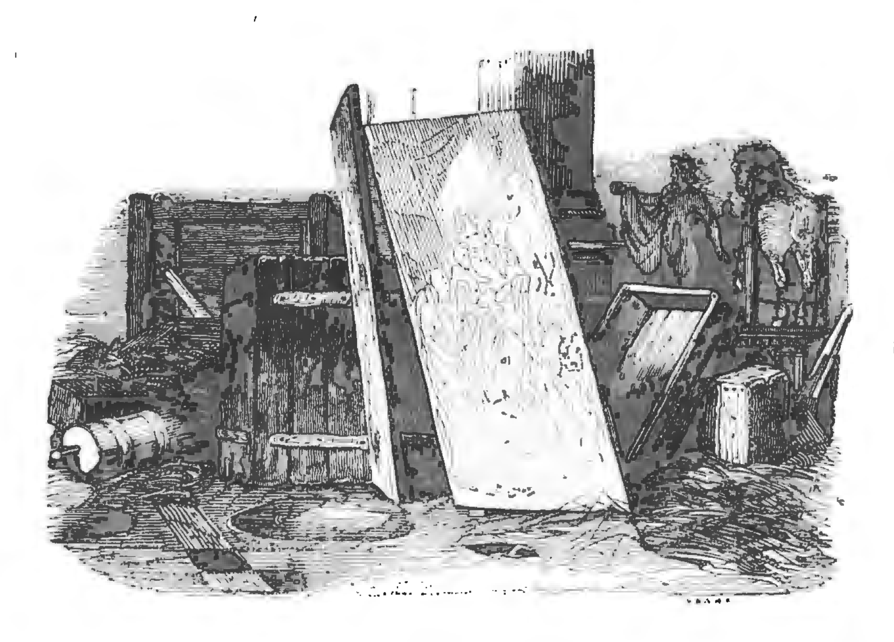
« Я обязанъ вамъ особенною благодарностью за то вниманіе, которое оказываете женѣ моей; поручаю ее въ ваше благорасположеніе; она добрая патріотка, и я безъ ума люблю ее. »

И на другой день послѣ отправленія этого письма, произошла битва, отъ которой Бонапарте ожидалъ овладѣнія всею Италіей. Битва эта безсмертна подъ именемъ сраженія при *Лоди.*

Побѣда при Лоди была предвѣстницею покоренія Ломбардіи. Пиццигитоне, Кремона и всѣ важнѣйшія города миланской области заняты были французскими войсками.

Посереди бивакъ и шуму оружій, Наполеонъ, котораго бы можно полагать обремененнымъ военными и политическими заботами, не оставлялъ однако же обращать вниманія на художества, и просилъ Директорію назначить и прислать къ нему коммиссію, составленную изъ художниковъ, для собранія драгоцѣнностей, которыя судьба сраженій предавала въ его руки. Впослѣдствіи всѣ знали какъ онъ отказался отъ огромныхъ личныхъ выгодъ, чтобы только сохранить одну изъ картинъ Корреджіо, которою хотѣлъ обогатить Національный Музеумъ.

И такое попеченіе Наполеонъ прилагалъ не объ однихъ художественныхъ предметахъ; все, что входитъ въ кругъ

умственной дѣятельности, литература и науки положительныя, все находило себѣ мѣсто въ его обширномъ умѣ. Черезъ пятнадцать дней послѣ перехода за Пô, въ промежутокъ времени между громомъ орудій подъ Лоди и лагеремъ подъ Мантуею, онъ нашелъ еще время написать изъ своей главной-квартиры въ Миланѣ, слѣдующее примѣчательное письмо къ знаменитому геометру Оріани:

« Науки, которыя дѣлаютъ честь уму людей, и художества, которыя украшаютъ ихъ жизнь и передаютъ потомству память дѣлъ великихъ, должны, конечно, быть и почтены и уважены. Всѣ люди геніальные и всякой человѣкъ, стяжавшій извѣстность въ литературѣ, должны быть братьями, въ какой бы странѣ ни родились.

« Въ Миланѣ, ученые люди не пользуются тѣми знаками уваженія, которые бы слѣдовало имъ оказывать. Удалившись въ свои кабинеты, они уже считаютъ себя счастливыми если ихъ оставляютъ въ покоѣ. Не такъ должно быть нынче. Я приглашаю всѣхъ ученыхъ мужей соединиться и предлагать мнѣ свои виды о способахъ и нужныхъ имъ средствахъ для приданія наукамъ и художествамъ новой жизни, новой дѣятельности. Тѣ изъ этихъ ученыхъ, которые захотятъ переселиться во Францію, будутъ приняты тамошнимъ правительствомъ радушно и по достоинству. Французскій народъ болѣе цѣнитъ пріобрѣтеніе одного ученаго математика, одного славнаго живописца, одного человѣка извѣстнаго по какой бы то ни было отрасли наукъ или художествъ, чѣмъ пріобретѣніе самаго богатаго города.

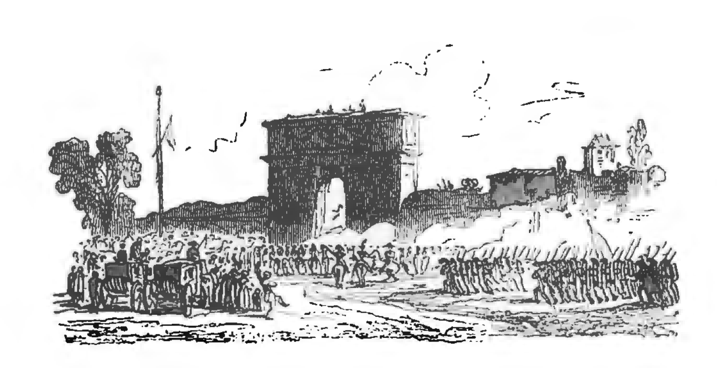
« Передайте же, гражданинъ, эти чувствованія и эти слова всѣмъ ученымъ мужамъ миланской области.

« Бонапарте. »

Между-тѣмъ, Директорія, предчувствуя, что власть ея перейдетъ въ руки побѣдителя подъ Монтенотомъ и Лоди, захотѣла какъ-можно на долѣе отложить эту минуту, и въ этомъ намѣреніи назначила-было къ нему помощника, генерала Келлермана. Бонапарте не могъ ошибиться на счетъ видовъ Директоріи, и высказалъ свое неудовольствіе въ письмѣ къ Карнô, тому изъ ея членовъ, къ которому онъ болѣе чѣмъ

къ другимъ питалъ уваженіе. « Я думаю, — писалъ онъ, — что прислать ко мнѣ Келлермана въ Италію, значитъ хотѣть все испортить. Я не могу охотно служить съ такимъ человѣкомъ, который воображаетъ, что онъ первый полководецъ во всей Европѣ; да притомъ я того мнѣнія, что въ одной арміи одинъ дурной главнокомандующій всё-еще лучше чѣмъ два хорошихъ. Мѣры военныя похожи на мѣры правительственныя; и въ тѣхъ и въ этихъ вся сила въ умѣньи различать сразу чтò нужно, чтò нѣтъ. »

Отправивъ это письмо, Наполеонъ продолжалъ дѣйствовать по собственнымъ своимъ видамъ, и исполнять составленный уже имъ планъ. Мая 15, въ тотъ день когда въ Парижѣ подписывали миръ заключенный съ Сардиніею, онъ дѣлалъ свой торжественный въѣздъ въ Миланъ.

Директорія не осмѣлилась привесть въ дѣйствіе своего преднамѣренія назначеніемъ Наполеону помощника. Келлерманъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ областей уступленныхъ Франціи Сардиніею въ силу послѣдняго трактата, а Бонапарте нераздѣльно сохранилъ главное начальство надъ италіянскою арміею.

Первымъ его попеченіемъ было сосредоточить свои дѣйствія на Адижѣ, и начать блокированіе Мантуи. Французская армія

состояла только изъ тридцати тысячъ человѣкъ; но со всѣмъ тѣмъ отважность ея главнокомандующаго тревожила вѣнскій совѣтъ, въ которомъ тотчасъ же рѣшено было отозвать Вурмзера съ Рейна, и отправить его въ Италію съ тридцати-тысячнымъ корпусомъ лучшихъ войскъ.

Наполеонъ, съ своей стороны, не могъ скрывать отъ себя, что каждодневныя битвы и болѣзни могли наконецъ довести его армію, уже столь ослабленную, до слишкомъ большаго неравенства въ числительной силѣ противъ имперскихъ войскъ, и не переставалъ просить Директорію о присылкѣ ему подкрѣпленія и о томъ, чтобы рейнская армія, дѣятельно принявъ наступательное положеніе, сдѣлала сильную диверсію въ пользу италіянской арміи. «Я полагаю, что на Рейнѣ дерутся, —

писалъ онъ къ Карнὸ не много спустя послѣ сраженія при Лоди; — если перемиріе продолжится, то италіянская армія будетъ подавлена; достоинству республики очень бы не мѣшало, чтобы ея три арміи, соединившись, пошли подписывать мирный трактатъ въ самое сердце Баваріи или удивленной Австріи.» И Наполеонъ имѣлъ тѣмъ болѣе причинъ требовать содѣйствія себѣ арміи рейнской и самбръ-и-мёзской, что при отправленіи его изъ Парижа, содѣйствіе это было формально ему обѣщано къ половинѣ апреля, а началось только въ концѣ іюня, въ то время какъ Вурмзеръ, котораго, посредствомъ болѣе дѣятельной диверсіи можно бы было удержать въ Германіи, привелъ уже въ Италію подкрѣпленія Австрійцамъ, между-тѣмъ какъ о подкрѣпленіяхъ, требуемыхъ Наполеономъ, не было еще и слуху; оттого что Директорія, или по невозможности, или по недоброжелательству, оставалась невнимательною ко всѣмъ его настояніямъ.

Наполеонъ, поставленный такимъ образомъ въ необходимость держаться съ тридцати-тысячнымъ корпусомъ противъ арміи почти сто-тысячной, началъ искать въ самомъ себѣ средствъ ослабить числительную силу непріятеля. Ни геній ни счастіе не измѣнили ему. Онъ придумываетъ планъ маршей и контръ-маршей, ложныхъ аттакъ и ложныхъ отступленій, смѣлыхъ маневровъ и быстрыхъ движеній, посредствомъ которыхъ надѣется разъединить три непріятельскіе корпуса, и потомъ, напавъ на каждый отдѣльно, порознь разбить ихъ. Совершеннѣйшій успѣхъ оправдываетъ соображенія и надежду великаго полководца, которому усердно содѣйствуютъ и генералы и солдаты его арміи. Тѣмъ временемъ какъ Вурмзеръ полагаетъ Наполеона передъ Мантуей, тотъ снимаетъ осаду этой крѣпости, переносится съ быстротою молніи отъ береговъ Пὸ на берега Адижа, отъ Кіезы къ Минчіо, и спѣшитъ, почти въ одно и то же время, на встрѣчу разныхъ непріятельскихъ дивизій, разбиваетъ, разсѣеваетъ и уничтожаетъ ихъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, которыя названы *кампаніею пяти дней*, и происходили пода Сало, Лонадо, Кастильйоне, и прочая. Почти во всѣхъ этихъ битвахъ, гибельныхъ для Австрійцевъ, ими начальствовалъ Квознадовичъ; но въ сраженіи при Кастильйоне, самомъ бѣдственномъ для непріятеля, разбитъ самъ Вурмзеръ.

Въ донесеніи своемъ Директоріи, отъ 19 термидора IV года (6 августа 1796), которое побѣдитель писалъ на самомъ полѣ битвы, онъ говоритъ такъ:

« Двадцать тысячъ человѣкъ свѣжаго войска, присланные въ подкрѣпленіе австрійской арміи въ Италіи, чрезвычайно ее усилили, и общее мнѣніе было то̀, что Австрійцы скоро будутъ въ Миланѣ.....

« Непріятель, идя отъ Тироля черезъ Бресчіу и Адижъ, окружалъ меня. Если французская армія была слишкомъ слаба, чтобы устоять противъ соединенныхъ непріятельскихъ дивизій, то могла однако же разбить ихъ каждую порознь, а положеніе наше было по середи этихъ дивизій. Поэтому я могъ, быстро отступя, окружить непріятельскую дивизію, пришедшую черезъ Бресчіу, совершенно разбить или взять ее въ плѣнъ, и потомъ возвратиться на Минчіо, аттаковать Вурмзера, и принудить

его уйти обратно въ Тироль; но для исполненія этого плана нужно было снять въ двадцать четыре часа осаду Мантуи, которая готова была сдаться, немедленно перейти Минчіо, и не дать непріятелю времени окружить меня. Счастіе способствовало удачѣ этого плана, и его послѣдствіями были сраженіе подъ Дедзендзано, двѣ битвы при Сало, и битвы подъ Лонадо и Кастильйоне.... .

« Шестнадцато числа, на утренней зарѣ, мы сошлись съ непріятелемъ: генералъ Гюіё (Guieux), который командовалъ нашимъ лѣвымъ флангомъ, долженъ былъ аттаковать Сало; генералъ Массена, стоявшій въ центрѣ, долженъ былъ аттаковать Лонадо; генералъ Ожеро, начальствующій правымъ флангомъ, долженъ былъ вести аттаку со стороны Кастильйоне. Непріятель, вмѣсто того чтобы принять положеніе оборонительное, самъ напалъ на авангардъ Массены, находившійся въ Лонадо; авангардъ этотъ окруженъ Австрійцами, генералъ Дижонъ взятъ въ плѣнъ, и непріятели отбили у насъ три орудія конной артиллеріи. Тогда, я немедленно приказалъ полу-бригадамъ осьмнадцатой и тридцать второй построиться въ густыя баталіонныя колонны; и между-тѣмъ какъ онѣ старались пробиться сквозь непріятеля, онъ началъ растягивать свою линію, въ намѣреніи окружить и ихъ. Этотъ маневръ показался мнѣ ручательствомъ за нашъ успѣхъ. Массена выслалъ только нѣсколькихъ застрѣльщиковъ на фланги непріятеля, чтобы задержать ихъ движеніе, а первая колонна, добравшись до Лонадо, ударила на непріятеля; пятнадцатый драгунскій полкъ кинулся на австрійскихъ улановъ, и взялъ обратно наши пушки.

« Непріятель разстроенъ въ одну минуту. Онъ хотѣлъ ретироваться на Минчіо; я приказалъ моему адъютанту, Жюно, принять начальство надъ моею ротою колонновожатыхъ, преслѣдовать непріятеля и прежде его прійти къ Дедзендзано. Жюно встрѣтилъ бѣгущаго полковника Бендера съ частью его улановъ, и напалъ на нихъ; но, не желая бить ихъ съ тылу, онъ принялъ вправо и напалъ съ фронта, ранилъ полковника, котораго хотѣлъ взять въ плѣнъ, какъ былъ самъ окруженъ, сбитъ съ лошади и пораженъ шестью сабельными ударами, которые, надѣюсь, не будутъ смертельны.

« Непріятель ретировался на Сало: но это селеніе было въ нашихъ рукахъ, и непріятельская дивизія, скитающаяся въ горахъ, почти вся взята въ плѣнъ. Тѣмъ временемъ Ожеро пошелъ на Кастильйоне и овладѣлъ этою деревнею; онъ принужденъ былъ цѣлый день сражаться противъ непріятеля, вдвое сильнѣйшаго; артиллерія, пѣхота, кавалерія, всѣ войска наши превосходно исполняли свою обязанность, и въ этотъ достопамятный день непріятель совершенно разбитъ на всѣхъ пунктахъ. Онъ потерялъ въ этотъ день двадцать орудій, отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными, и четыре тысячи плѣнными, въ числѣ которыхъ три генерала.

« Въ весь день семнадцатаго числа Вурмзеръ занимался собраніемъ остатковъ своей арміи, присоединеніемъ къ себѣ своихъ резервовъ, взятіемъ изъ Мантуи всего что̀ могъ оттуда взять, и построеніемъ своего войска въ боевой порядокъ на долинѣ, между деревнею Скапелло, къ которой примкнулъ правымъ флангомъ, и Кіезою, къ которой прислонился лѣвымъ.

« Участь Италіи всё-еще оставалась нерѣшенною. Вурмзеръ собралъ корпусъ въ двадцать пять тысячъ человѣкъ при мно-

гочисленной конницѣ, и чувствовалъ, что можетъ попытать счастія. Я, съ своей стороны, приказалъ сосредоточиться всѣмъ моимъ войскамъ, а самъ отправился въ Лонадо, чтобы лично посмотрѣть, много ли могу отдѣлить оттуда людей, въ помощь къ моимъ главнымъ силамъ. Но каково же было мое удивленіе, когда я засталъ въ Лонадо непріятельскаго парламантера, который принесъ начальнику нашего отряда, тамъ расположеннаго, предложеніе сдаться, потому что отрядъ его окруженъ со всѣхъ сторонъ. И въ самомъ дѣлѣ, кавалерійскіе ведеты дали мнѣ знать, что многія непріятельскія колонны подходятъ уже къ нашимъ аванпостамъ, и что дорога отъ Бресчіи къ Лонадо уже перерѣзана у мосту Санъ-Марко. Я тотчасъ понялъ, что эти непріятельскія колонны не могутъ быть что̀ иное, какъ остатки разбитой дивизіи, которые соединились и ищутъ средствъ открыть себѣ свободный путь.

«Обстоятельство было довольно затруднительное: въ Лонадо было со мной всего около тысячи двухъ сотъ человѣкъ; я велѣлъ представить къ себѣ парламантера, снять съ него

повязку, и сказалъ ему, что если его начальникъ имѣетъ столько самонадѣянности, что хочетъ взять въ плѣнъ французскаго главнокомандующаго, то пусть попробуетъ; что онъ, какъ и всѣ, долженъ знать, что я въ Лонадо со всей моей арміей; что всѣ генералы и штабъ-офицеры его дивизіи будутъ отвѣчать за личную обиду мнѣ нанесенную предложеніемъ о сдачѣ; и объявилъ, что если, черезъ осемь минутъ, вся ихъ дивизія не положитъ ружья, то ни одному изъ нихъ не будетъ сдѣлано пощады.

« Парламантеръ, встрѣтивъ меня въ Лонадо, казался очень удивленнымъ, и черезъ нѣсколько минутъ непріятельская колонна положила оружіе. Она состояла изъ четырехъ тысячъ человѣкъ пѣхоты, двухъ орудій и пятидесяти конниковъ, шла отъ Гавардо и искала спасенія въ бѣгствѣ; не найдя возможности пробиться по утру черезъ Сало, она теперь пыталась-было открыть себѣ дорогу черезъ Лонадо.

« Осьмнадцатаго числа, при восходѣ солнца, обѣ арміи стояли другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ; однако жъ, было уже шесть часовъ утра, а еще обѣ стороны находились въ совершенномъ бездѣйствіи. Тогда я велѣлъ всѣмъ своимъ войскамъ произвесть отступательное движеніе, чтобы привлечь на себя непріятеля, потому что генералъ Серюріе, котораго я ожидалъ съ минуты на минуту, долженъ былъ прійти отъ Маркаріо, и такимъ образомъ обойти весь лѣвый флангъ Вурмзера. Движеніе это отчасти удалось. Вурмзеръ, наблюдая за нами, сталъ растягиваться вправо.

« Едва завидѣли мы голову дивизіи генерала Серюріе, бывшую подъ командой генерала Фіорелла, который аттаковалъ лѣвое крыло непріятеля, какъ я и приказалъ генералъ-адъютанту Вердіеру аттаковать редутъ, построенный Австрійцами по срединѣ долины для поддержанія своего лѣваго фланга. Въ то же время адъютантъ мой, баталіонный начальникъ Мармонъ, получилъ повелѣніе обратить на этотъ пунктъ двадцать орудій конной артиллеріи, чтобы однимъ ихъ сосредоточеннымъ огнемъ принудить непріятеля оставить редутъ. Послѣ сильной канонады, произведенной этими двадцатью орудіями, лѣвое крыло непріятеля начало совершенное отступленіе. Ожеро напалъ на непріятельскій центръ, примкнувшій къ башнѣ Сольферино; Массена аттаковалъ правый флангъ; генералъ-адъютантъ Леклеркъ, съ пятою полу-бригадою, пошелъ на помощь къ полу-бригадѣ четвертой.

« Вся кавалерія, подъ командою генерала Бомона, направилась на правое крыло Вурмзера, для поддержанія конной артиллеріи и пѣхоты. Мы торжествовали на всѣхъ пунктахъ, и на всѣхъ пунктахъ имѣли самыя блестящія успѣхи.

« Мы отбили у непріятеля осьмнадцать орудій и сто двадцать амуничныхъ ящиковъ: уронъ его простирается до двухъ тысячъ человѣкъ, какъ убитыми такъ и взятыми въ плѣнъ. Онъ разбитъ совершенно; но войска наши, утомленные битвой, не могли его преслѣдовать далѣе какъ на разстояніе трехъ миль. Генералъ-адъютантъ Фронтенъ (Frontin) убитъ: онъ умеръ смертью храбрыхъ.

« Такимъ образомъ, вотъ, въ пять дней кончена и другая кампанія. Въ эти пять дней Вурмзеръ потерялъ семьдесятъ полевыхъ орудій, всѣ амуничные ящики своей пѣхоты, отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ человѣкъ плѣнными, шесть тысячъ убитыми и ранеными, и почти всѣхъ солдатъ, прибывшихъ съ Рейна. Кромѣ того, большая часть его войска разсѣяна, и мы въ преслѣдованіи беремъ множество плѣнныхъ. Всѣ наши офицеры, нижніе чины и генералы оказали при этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ великое мужество. »

Событія столь удивительныя возбудили въ высочайшей степени энтузіазмъ тѣхъ Италіянцевъ, которые принимали участіе въ французской революціи, а люди, придерживавшіеся

противной партіи, упали духомъ, потому что имѣли неосторожность обнаружить свое удовольствіе при прибытіи Вурмзера, и предварительно торжествовать вмѣстѣ съ имперцами будущее пораженіе Французовъ и изгнаніе ихъ изъ предѣловъ полу-острова. Въ числѣ этихъ неосторожныхъ людей былъ кардиналъ Маттеи, архіепископъ Феррарскій. Онъ не только радовался прибытію Австрійцевъ и временнымъ неудачамъ Французовъ, но еще вооружалъ противъ нихъ свою паству. Послѣ сраженія при Кастильйоне, Наполеонъ приказалъ его задержать и привесть въ Бресчіу. Италіянскій архіепископъ, обращенный на истинной путь неудачею своихъ предпріятій и разбитіемъ Австрійцевъ, не побоялся унизиться передъ побѣдителемъ, и, просто, сказалъ ему: *согрѣшихъ!*

Эта выходка и это наружное смиреніе удались ему. Наполеонъ удовольствовался тѣмъ, что приказалъ заточить его на три мѣсяца въ монастырь. Кардиналъ Маттеи былъ урожден-

ный князь римской имперіи, и впослѣдствіи полномочнымъ посланникомъ Папы, на съѣздѣ въ Толентино.

Однако же, духъ высшаго духовенства далеко не выражалъ духу и расположенія италіянской націи въ отношеніи къ Франціи. Въ Піэмонтѣ, Ломбардіи и въ легатствахъ, революціонерная пропаганда находила многихъ содѣйствователей. Миланезцы въ особенности отличались преданностью къ Французамъ, и главнокомандующій громко засвидѣтельствовалъ имъ за это свою благодарность. «Когда армія отступала, писалъ онъ къ нимъ, то нѣкоторые приверженцы Австріи полагали, что она пропала безвозвратно; въ ту пору вы сами не

могли отгадать, что это отступленіе было только одна военная хитрость, и тѣмъ не менѣе показали ваше участіе къ Французамъ; вы, при этомъ случаѣ, обнаружили такое усердіе и такой характеръ, которые пріобрѣли вамъ уваженіе арміи и пріобрѣтутъ покровительство французской республики.

«Вы съ каждымъ днемъ всё дѣлаетесь мужественнѣе, и прійдетъ время, когда со славою выйдете на поприще свѣта. Пріймите же свидѣтельство моего совершеннаго удовольствія и изъявленіе искренняго желанія народа французскаго видѣть васъ счастливыми.»

Между-тѣмъ политическія дѣйствія не мѣшали Наполеону въ его дѣйствіяхъ военныхъ. Едва освободясь отъ арміи, по-

сланной Австріей, чтобы выгнать Французовъ изъ Италіи, онъ снова приступилъ къ осадѣ Мантуи, въ которую Вурмзеръ не прежде успѣлъ кинуться съ нѣкоторымъ числомъ войска и съѣстныхъ припасовъ, какъ въ самый день взятія Французами Леньяго (13 сентября) и послѣ десятикратнаго пораженія, именно: 6 августа, подъ Пескіерой; 11, у Короны; 24, подъ Борго-Форте и подъ Говернано; 3 сентября, подъ Серравале; 4, близъ Роверсдо; 5, подъ Трантомъ, который взятъ; 7, подъ Коволо; 8, у Бассано, и 12, подъ Черкой. На другой день по входѣ Вурмзера въ Мантую, остатки его арміи были еще разъ разбиты подъ Дуэ-Кастелли, а на завтра, 15 числа, сенъ-жоржская битва довершила окончательное пораженіе имперцевъ.

Однако же Вурмзеръ, при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, не былъ оставленъ вѣнскимъ дворомъ. Императоръ австрійскій считалъ его опытнѣйшимъ и самымъ искуснымъ изъ своихъ генераловъ, и зналъ притомъ, что Мантуя есть ключъ его владѣній. Въ Вѣнѣ сдѣланы новыя усилія, чтобы поправить неудачи первой экспедиціи, и освободить и Вурмзера и Мантую. Корпусъ свѣжихъ австрійскихъ войскъ, около шестидесяти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Альвинци, отправленъ въ Италію.

При первомъ извѣстіи о движеніяхъ этой арміи, Наполеонъ былъ принужденъ горько жаловаться на то, что, вопреки его настояніемъ, на Рейнѣ не произведено необходимой диверсіи, для сдѣланія которой рейнскія войска республики имѣли достаточную силу. Онъ безпрестанно требовалъ себѣ подкрѣпленія, и не получалъ ни какого. Несмотря на увѣренность въ себѣ и въ своемъ войскѣ, онъ счелъ нужнымъ предувѣдомить Директорію, что опасается неблагопріятнаго оборота дѣлъ при окончаніи кампаніи, и такимъ образомъ постарался дать замѣтить французскому правительству всѣ вины противъ побѣдоносной италіянской арміи.

« Я обязанъ вамъ отчетомъ о произшествіяхъ съ 21 нынѣшняго мѣсяца. Если онъ будетъ не очень удовлетворителенъ, вы не поставите этого въ вину арміи: превосходство непріятеля въ числительной силѣ и нашъ уронъ въ людяхъ, самыхъ храбрыхъ, заставляютъ меня всего опасаться. Мы,

можетъ-быть, близки къ тому, чтобъ потерять Италію. Ни одно изъ ожиданныхъ мною подкрѣпленій не прибыло; осемьдесятъ третья полубригада не двигается съ мѣста; всѣ пособія, назначенныя отъ департаментовъ, задержаны въ Ліонѣ, и, бо̀льшею частью, въ Марсели. Воображаютъ, что не бѣда задержать ихъ дней осемь или десять; не думаютъ о томъ, что тѣмъ временемъ здѣсь рѣшается судьба Италіи и всей Европы. Австрія не дремлетъ. Одна только дѣятельность нашего правительства при началѣ войны, можетъ дать понятіе о теперешной дѣятельности вѣнскаго кабинета. Нѣтъ дня, чтобы къ непріятелю не прибывало по пяти тысячъ человѣкъ свѣжаго войска; между-тѣмъ вотъ уже два мѣсяца какъ мы очевидно нуждаемся въ подкрѣпленіи, а къ намъ прислали только одинъ баталіонъ сороковаго полка, баталіонъ плохой и плохо пріученный къ огню, тогда какъ наши старыя италіянскія милиціи безполезно остаются въ составѣ осьмой дивизіи. Я дѣлаю свое дѣло, армія исполняетъ свое: душа моя страждетъ, но совѣсть спокойна. Подкрѣпленій! пришлите мнѣ подкрѣпленій! Но ужъ перестаньте же шутить дѣломъ важнымъ: намъ нужны не обѣщанія, а войска подъ ружьемъ. Вы пишете «Отправляемъ шесть тысячъ человѣкъ,» а военный министръ пришлетъ три тысячи, да пообѣщаетъ шесть. Изъ этихъ трехъ тысячъ къ Милану прибудетъ всего полторы, и армія усилиться, не обѣщанными шестью, а только полутора тысячью дѣйствительно прибывшихъ солдатъ....

« Раненые составляютъ лучшую часть арміи: всѣ наши генералы, всѣ старшіе офицеры выбыли изъ фронта; тѣ, которыхъ вы присылаете на ихъ мѣсто, все люди пустые; войска не имѣютъ къ нимъ довѣренности. Италіянская армія, доведенная до горсти людей, совсѣмъ ослабла. Герои Лоди, Миллезимо, Кастильйоне и Бассано, или положили головы за отечество, или лежатъ въ гошпиталяхъ; въ полкахъ осталась только слава дѣлъ минувшихъ. Жуберъ, Ланнъ, Ланюсъ, Викторъ, Мюратъ, Шарло̀, Дюпюи, Рампонъ, Пижонъ, Менаръ, Шабранъ ранены; мы совсѣмъ заброшены въ Италіи. Общее мнѣніе о моихъ военныхъ силахъ было намъ полезно, а въ Парижѣ печатаютъ и кричатъ во всеуслышаніе, что у меня всего тридцать тысячъ человѣкъ войска!

———

«Въ эту войну я, правда, потерялъ мало людей; но все людей отличныхъ, которыхъ будетъ трудно замѣнить. Храбрые, которые еще остались, видятъ смерть неизбѣжную въ безпрестанной борьбѣ противъ силъ столь превосходныхъ; быть-можетъ, что отважный Ожеро, безстрашный Массена, Бертіе, уже близки къ своему послѣднему часу; и тогда! что̀ станется тогда со всѣмъ войскомъ.... Эта мысль удерживаетъ мое стремленіе; я уже не смѣю вдаваться въ опасности, которыя навлекли бы неминуемое бѣдствіе всей арміи.

«Черезъ нѣсколько дней мы попытаемся въ послѣдній разъ: если счастіе поблагопріятствуетъ, овладѣемъ Мантуей и съ тѣмъ вмѣстѣ Италіей. Тогда, подкрѣпленный частью войскъ, которая занята теперь осадой, рѣшусь на все. Если бы ко мнѣ была прислана осемьдесятъ третья полу-бригада, три тысячи пятьсотъ испытанныхъ воиновъ, я бы взялъ на себя полную отвѣтственность. Случиться можетъ, что черезъ нѣсколько дней мнѣ мало ужъ будетъ и сорока тысячъ человѣкъ.»

Роковыя предчувствія Бонапарте, которыя, можетъ-быть, онъ высказывалъ сильнѣе чѣмъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ, не исполнились, и счастіе не оставило французскаго оружія. Наполеону достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобы уничтожить всѣ надежды коалиціи на Альвинци и на числительную силу своихъ войскъ. Трехдневное сраженіе, кончившееся знаменитою побѣдой подъ Арколемъ, утвердило за французскимъ войскомъ то̀ превосходство, противъ котораго тщетно боролись старые генералы и старые солдаты австрійскіе. Въ сраженіи подъ Арколемъ случилось, что Наполеонъ, замѣтя минутное замѣшательство своихъ гренадеровъ подъ страшнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на высотахъ, соскочилъ съ лошади, схватилъ знамя, кинулся на аркольскій мостъ, гдѣ лежали груды убитыхъ, и вскричалъ: «Воины, развѣ вы уже не тѣ храбрые, что дрались при Лоди? Впередъ, за мной!» Также поступилъ и Ожеро. Эти примѣры мужества были не безъ вліянія на участь сраженія. Альвинци потерялъ въ этомъ дѣлѣ тридцать орудій, пять тысячъ плѣнными и шесть тысячъ убитыми; Давыдовичъ ушелъ обратно въ Тироль, а Вурмзеръ укрылся въ Мантую.

Счастливый побѣдитель выразилъ свое удовольствіе и сердечную радость въ письмѣ къ Жозефинѣ, писанномъ изъ Вероны: «Наконецъ, обожаемая Жозефина, я возрождаюсь. Передъ глазами у меня нѣтъ уже смерти, а слава и честь всё еще живутъ въ моемъ сердцѣ. Непріятель разбитъ подъ Арколемъ. Завтра мы поправимъ глупость Вобуà, который оставилъ Риволи; черезъ недѣлю Мантуя будетъ въ нашихъ рукахъ, и я пайду средство броситься въ твои объятія, и тысячекратно доказать тебѣ всю мою нѣжность. Лишь только будетъ малѣйшая возможность, пріѣду въ Миланъ. Я не много усталъ. Получилъ письмо отъ Евгенія и Гортензіи: премилыя дѣти. Домъ мой весь въ разбродѣ, а какъ-только соберу, то и пошлю къ тебѣ.

«Мы взяли у непріятеля пять тысячъ плѣнныхъ, а убили по-крайпей-мѣрѣ человѣкъ тысячъ шесть. Прощай, обожаемая Жозефина; думай обо мнѣ чаще. Если бъ ты перестала любить твоего Ахиллеса, или если бъ твое сердце нѣсколько къ нему охладѣло, то ты бы сдѣлалась слишкомъ несправедливою; но я увѣренъ, что ты навсегда останешься моею нѣжной подругою, какъ я искренно любящимъ тебя другомъ. Одна развѣ смерть разорветъ наши узы, связанные симпатіей, любовью и взаимнымъ чувствомъ. Увѣдомь, чтò твоя беременность? Тысяча тебѣ нѣжнѣйшихъ поцалуевъ.»

Въ тотъ же самый день, то есть 29 брюмера (19 ноября), на другой день аркольской битвы, побѣдитель такъ писалъ Директоріи:

«Мы сочли нужнымъ очистить селеніе Арколь, и ожидали, что на утренней зарѣ будемъ аттакованы всею непріятельскою арміей, которая успѣла уже двинуть свой багажъ и артиллерійскіе парки, и податься назадъ, чтобы встрѣтить насъ.

«На самомъ разсвѣтѣ началось дѣло, одинаково живо на всѣхъ пунктахъ. Массена, стоявшій на лѣвомъ флангѣ, разбилъ непріятеля и гналъ его до воротъ Кальдеро. Генералъ Робертъ, бывшій съ шестьдесятъ пятою полу-бригадой въ центрѣ, опрокинулъ непріятеля въ штыки и покрылъ поле битвы его трупами. Я приказалъ генералъ-адъютанту Віалю взять полу-бригаду и обойти весь лѣвый флангъ Австрійцевъ; но мѣстность представляла непреобоjимыя затрудненія; тщетно

мужественный Віала кидается по шею въ воду, онъ не въ силахъ произвесть достаточной диверсіи. Ночью, съ 26 на 27, я приказалъ навесть мосты на каналахъ и болотахъ: генералъ Ожеро съ своей дивизіей перешелъ по нимъ. Въ десять часовъ утра мы сошлись съ непріятелемъ: генералъ Робертъ былъ въ центрѣ, Массена на лѣвомъ, а Ожеро на правомъ флангѣ. Непріятель сильно устремился на нашъ центръ, который принудилъ податься. Тогда я взялъ съ лѣваго крыла

тридцать вторую полу-бригаду, приказалъ ей засѣсть въ лѣсу, и въ ту самую минуту, когда непріятель сильно тѣснилъ нашъ центръ и готовился обогнуть наше правое крыло, генералъ Гарданнъ вышелъ изъ этой засады, ударилъ непріятеля во флангъ и жестоко поразилъ его. Лѣвое крыло непріятелей упиралось въ болота, и по многочисленности составлявшихъ его войскъ, грозило нашему правому флангу: я далъ приказаніе офицеру конныхъ колонновожатыхъ Геркюлю (Hercule), выбрать изъ своей роты двадцать пять надежныхъ нижнихъ чиновъ, итти вдоль Адижа въ разстояніи полу-мили отъ его береговъ, обойти болота, къ которымъ примыкалъ непріятельскій лѣвый флангъ, и, приказавъ трубачамъ трубить, ударить во весь карьеръ ему въ тылъ. Маневръ этотъ удался превосходно: непріятельская пѣхота замялась; генералъ Ожеро съумѣлъ воспользоваться этою минутой. Однако же Австрійцы, хотя отступали, но всё-еще держались, какъ небольшая колонна отъ осьми до девяти сотъ человѣкъ при четырехъ орудіяхъ, посланная мною черезъ Порто-Леньяно, чтобы занять

позицію въ тылу непріятеля, совершенно его разстроила. Генералъ Массена, вновь занявшій центръ, пошелъ прямо къ селенію Арколь, овладѣлъ имъ, и преслѣдовалъ непріятеля до деревни Санъ-Бонифаціо; ночь помѣшала намъ продолжать преслѣдованіе....

« Господа генералы и офицеры главнаго штаба оказали безпримѣрныя мужество и дѣятельность; изъ нихъ убито человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать; то была настоящая битва на смерть: не осталось ни одного изъ нихъ, у котораго бы мундиръ не былъ прострѣленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. »

Какъ бы то ни было д'Альвинци рѣшился сдѣлать попытку поправить свое положеніе; онъ, вмѣстѣ съ Проверою, возвратился черезъ тирольскія ущелья, но счастіе и опять не поблагопріятствовало ему. Сраженіе при Риволи, битвы сентъ-жоржская и фаворитская, въ которыхъ постоянно торжествовали Французы, заставили Проверу сдаться въ плѣнъ со всѣмъ своимъ войскомъ, почти подъ глазами Вурмзера, который и самъ вскорѣ послѣ того сдалъ Мантую.

Въ бюллетеняхъ, писанныхъ Наполеономъ 28 и 29 нивоза V года (17 и 18 января 1797), изъ своей главной квартиры въ Ровербелло, находятся слѣдующія подробности:

« Двадцать четвертаго числа, непріятель неожиданно навелъ мостъ въ Ангіари, и переправилъ по немъ свой авангардъ, въ милѣ отъ Порто-Леньяно; въ то же время генералъ Жубертъ извѣстилъ меня, что довольно значительная непріятельская колонна пробирается черезъ Монтанью, и грозитъ обойти его авангардъ въ Коронѣ. Разные признаки дали мнѣ возможность угадать подлинныя намѣренія непріятеля, и я уже не сомнѣвался, что онъ располагается аттаковать своими главными силами мою риволійскую линію, и такимъ образомъ дойти до Мантуи. Ночью отправилъ я бо́льшую часть дивизіи генерала Массены, а самъ поѣхалъ въ Риволи, куда прибылъ въ два часа за полночь.

« Тотчасъ же велѣвъ генералу Жуберту снова занять важную позицію при Санъ-Марко, я обставилъ риволійскую платформу орудіями, и все распорядилъ такимъ образомъ, чтобы съ утренней зарей самому принять грозное нападательное положеніе.

« Съ разсвѣтомъ наше правое крыло и лѣвый непріятельскій флангъ встрѣтились на высотахъ Санъ-Марко: дѣло завязалось страшное и упорное....

« Прошло три часа съ тѣхъ поръ какъ началась битва, а непріятель всё еще не вводилъ въ дѣйствіе всѣхъ своихъ силъ; непріятельская колонна, пошедъ вдоль береговъ Аджа, подъ покровительствомъ многочисленной артиллеріи, направляется прямо къ риволійской платформѣ, чтобы овладѣть ею, и угрожать оттуда обойти нашъ центръ и правый флангъ. Я приказалъ кавалерійскому генералу Леклерку напасть немедленно на непріятеля, если онъ успѣетъ овладѣть платформой, а эс-

кадроннаго командира Лассаля, съ пятьюдесятью драгунами послалъ стремительно ударить во флангъ пѣхоты, которая нападала на нашъ центръ. Въ то же мгновеніе генералъ Жубертъ приказалъ нѣсколькимъ баталіонамъ спуститься съ санъ-маркскихъ высотъ и итти къ риволійской платформѣ, на которую непріятель успѣлъ уже взойти; но, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, онъ оставилъ здѣсь множество убитыхъ, часть своей артиллеріи, и отошелъ на адижскую долину. Почти въ это же время, непріятельская колонна, которая уже давно шла въ обходъ, чтобы отрѣзать и совершенно пресѣчь намъ отступленіе, показалась у насъ въ тылу и построилась въ боевой порядокъ. Семдесятъ пятая полу-бригада оставалась у меня въ резервѣ; она не только удержала эту колонну, но еще напала на ея лѣвый флангъ, который было подался впередъ, и тотчасъ принудила его отретироваться. Въ эту пору подоспѣла осьмнадцатая полу-бригада, а генералъ Рей обошелъ колонну, зашедшую къ намъ въ тылъ: тутъ я сейчасъ велѣлъ стрѣлять по непріятелю изъ нѣсколькихъ двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, повелъ аттаку, и, менѣе чѣмъ въ

четверть часа, вся эта колонна, состоявшая болѣе чѣмъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, была взята въ плѣнъ.

« Непріятель, разбитый на всѣхъ пунктахъ, былъ преслѣдованъ по всѣмъ направленіямъ, и во всю ночь къ намъ безпрестанно приводили плѣнныхъ. Колонна Австрійцевъ въ полторы тысячи человѣкъ, которая въ безпорядкѣ спасалась черезъ Гуарду, была остановлена пятьюдесятью солдатами осьмнадцатой полу-бригады, которые, замѣтивъ непріятеля, отважно встрѣтили его и велѣли немедленно положить оружіе.

« Австрійцы занимали еще Корону, но уже не могли быть для насъ опасными. Намъ слѣдовало торопиться напасть на дивизію генерала Проверы, перешедшую 24 числа Аднжъ въ Ангіари. Я велѣлъ генералу Виктору, съ храброй пятьдесятъ седьмой полу-бригадой, подаваться впередъ, а генералу Массенѣ отступить, который съ частью своей дивизіи и прибылъ 25 числа въ Ровербелло.

« Генералу Жуберту было оставлено повелѣніе аттаковать

на разсвѣтѣ непріятеля, если онъ будетъ столько смѣлъ, что захочетъ еще держаться въ Коронѣ.

« Генералъ Мюратъ шелъ во всю ночь съ одною полу-бригадою легкой пѣхоты, и къ утру долженъ былъ появиться на монтебальдскихъ высотахъ, повелѣвающихъ Короною. Непріятель, послѣ кратковременнаго сопротивленія, прогнанъ, и тѣ изъ его войскъ, которыя успѣли избѣгнуть вчерашняго пораженія, были взяты въ плѣнъ. Кавалерія его спаслась не иначе, какъ бросившись вплавь черезъ Адижъ, гдѣ множество потонуло.

« Въ двухъ-дневное сраженіе при Риволи, мы взяли у непріятеля тринадцать тысячъ плѣнными и отбили девять пушекъ. »

Остальная часть бюллетеня посвящена повѣствованію о битвахъ сентъ-жоржской, ангіарской и фаворитской. Во второй изъ нихъ, командиръ австрійскаго полка уланъ, наскакавъ на эскадронъ двадцать девятаго драгунскаго полка, закричалъ: «Сдавайтесь!» Гражданинъ Дювивіе остановилъ свой эскадронъ, и выѣхавъ противъ налёта, сказалъ ему: «Если ты храбръ, такъ попробуй взять меня.» И австрійскій полкъ и

французскій эскадронъ остановились. Начальники ихъ вступили въ единоборство. Уланъ раненъ двумя сабельными ударами: тогда Французы кинулись на Австрійцевъ и принудили ихъ сдаться.

« Двадцать седьмаго числа, за часъ до разсвѣта, непріятель аттаковалъ укрѣпленное мѣстечко Фавориту, въ то время какъ Вурмзеръ сдѣлалъ вылазку и напалъ на осадную линію со стороны предмѣстья Святаго-Антонія. Генералъ Викторъ, съ пятьдесятъ седьмою полу-бригадою, опрокинулъ все что ему попалось, и Вурмзеръ былъ принужденъ немедленно возвратиться въ Мантую, оставя въ этой вылазкѣ множество своихъ убитыми и взятыми въ плѣнъ. Тогда Серюріе велѣлъ выдвинуться впередъ генералу Виктору съ пятьдесятъ седьмой полу-бригадой, чтобы припереть Проверу къ сентъ-жоржскому предмѣстью и такимъ образомъ держать его въ блокадѣ. Непріятельскіе ряды были въ смятеніи и безпорядкѣ: кавалерія, пѣхота, артиллерія, все было перемѣшано; ничто неустояло противу усилій пятьдесятъ седьмой полу-бригады: она отбила

три пушки и жестоко поразила гусарскій Герденгіевъ полкъ. Въ эту минуту, почтенный генералъ Провера предложилъ сдаться на капитуляцію; онъ понадѣялся на наше великодушіе и не ошибся. Мы приняли его предложеніе на условіяхъ, о которыхъ не премину васъ увѣдомить. Трофеями нынѣшняго достопамятнаго дня были шесть тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ всѣ волонтеры, прибывшіе изъ Вѣны, и двадцать орудій.

« Такимъ образомъ наши войска, въ четыре дня выиграли двѣ генеральныя битвы и шесть сраженій, сдѣлали около двадцати пяти тысячъ человѣкъ плѣнными, въ томъ числѣ трехъ генераловъ, двѣнадцать или пятнадцать полковниковъ, взяли двадцать знаменъ, шестьдесятъ орудій, и убили или ранили по-крайней-мѣрѣ шесть тысячъ непріятелей. »

Столько бѣдствій должны были приготовить и расположить Вурмзера къ неизбѣжной капитуляціи. Когда дѣло дошло до нея, онъ отправилъ генерала Кленау, своего старшаго адъютанта, въ главную квартиру Серюріе, расположенную въ Ровербелло; но Серюріе не хотѣлъ ничего слушать безъ позволенія главнокомандующаго. Наполеону вздумалось инкогнито

присутствовать при переговорахъ. Онъ пріѣхалъ въ Ровербелло, закутался въ свой плащъ и принялся писать. Между-тѣмъ какъ Кленау и Серюріе вели переговоры, онъ отмѣчалъ свои условія на самыхъ поляхъ предложеній Вурмзера, и когда кончилъ, то обращаясь къ австрійскому генералу, который вѣроятно принималъ его до-тѣхъ-поръ за простаго штабнаго писаря, сказалъ: «Если бъ у Вурмзера было только на осьмнадцать или двадцать дней провіанту, а онъ предложилъ бы о сдачѣ, такъ не стоилъ бы честной капитуляціи. Вотъ мои условія, примолвилъ онъ, отдавая бумаги Серюріе. Замѣтьте особенно, что я оставляю ему личную свободу; это потому что уважаю его заслуги и преклонные лѣта, и не хочу навлечь ему непріятностей отъ его домашнихъ недоброжелателей. Если онъ завтра отворитъ намъ ворота Мантуи, то̀ условія, которыя я написалъ здѣсь, будутъ сохранены; если же онъ промѣдлитъ двѣ недѣли, мѣсяцъ, два, то̀ условія эти всё-таки не измѣнятся. Пусть же не сдастся до послѣдняго куска хлѣба. Я сейчасъ иду переправляться черезъ По̀; иду на Римъ. Теперь вы знаете мои намѣренія: подите, донесите о нихъ вашему генералу.

Кленау, изумленный встрѣчею съ французскимъ главнокомандующимъ, и полный удивленія и благодарности ко всему, что отъ него слышалъ, признался, что у Вурмзера осталось провіанту только на трое сутокъ. Престарѣлый фельдмаршалъ тронутъ былъ не менѣе своего адъютанта, узнавъ о происходившемъ въ Ровербелло, и доказалъ искреннюю признательность свою къ Наполеону тѣмъ, что предувѣдомилъ о сдѣланномъ тогда въ Романьи заговорѣ отравить его. Впрочемъ, за отсутствіемъ Наполеона, Мантуя сдана Серюріе (1 Февраля 1797).

Черезъ три дня послѣ занятія Мантуи, Бонапарте, недовольный Папою, направилъ одну колонну своихъ войскъ на Римъ и 6 февраля 1797 года издалъ въ главной своей квартирѣ Болоньѣ прокламацію, которая начиналась такъ:

«Французская армія вступаетъ въ папскую область; она будетъ покровительствовать религіи и народу.

«Французской солдатъ несетъ въ одной рукѣ штыкъ, вѣрное ручательство за побѣду, а другою предлагаетъ миръ, по-

кровительство и безопасность..... Горе тѣмъ, которые захотятъ навлечь на себя войну со всѣми ея ужасами, и месть арміи, которая въ теченіи шести мѣсяцевъ, взяла въ плѣнъ сто тысячъ человѣкъ, овладѣла четырьмя стами орудій, ста десятью знаменами, и истребила пять непріятельскихъ армій.... »

Отпоръ со стороны Папы не могъ быть возможнымъ.

Пій VI, угрожаемый въ своей столицѣ, принужденъ былъ отложить до времени употребленіе иныхъ мѣръ, и поспѣшилъ заключить миръ, который и былъ подписанъ 19 февраля на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Его святѣйшество отказывается отъ всѣхъ своихъ притязаній на Авиньонъ и Венесенское графство; 2) Онъ на вѣчныя времена уступаетъ французской республикѣ Болонью, Феррару и Романью; 3) Кромѣ того онъ, по просьбѣ генерала Бонапарте, уступаетъ также нѣкоторые художественные предметы, какъ-то Аполлона Бельведерскаго, картину Преображенія, работы Рафаэля, и тому подобное; 4) Его святѣйшество возобновляетъ въ Римѣ французскую школу, и плотитъ, въ видѣ военной контрибуціи, тринадцать милліоновъ серебреною монетою или другими драгоцѣнностями. Къ этому трактату Пій VI прибавилъ, 22 февраля, грамоту, въ которой назвалъ Бонапарте *возлюбленнымъ сыномъ*.

Между-тѣмъ Австрія всё еще продолжала военныя дѣйствія. Эрцгерцогъ Карлъ посланъ въ Италію, и принялъ начальство надъ австрійскими войсками. Полагая, что Наполеонъ занятъ теперь дѣлами съ Папою, и отвлекъ къ Риму значительную часть своихъ силъ, онъ захотѣлъ воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы ускорить нападеніе, и принудилъ генерала Гюйё перейти обратно за Бренту. Но Эрцгерцогъ вскорѣ увидѣлъ, что обманулся. Наполеонъ, который отрядилъ на Римъ не болѣе четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ, вдругъ очутился на Брентѣ, и въ началѣ марта занялъ подъ свою главную квартиру Бассано, откуда издалъ прокламацію, которой вотъ начало:

« Воины!

« Взятіемъ Мантуи окончилась кампанія, которая стяжала вамъ права на вѣчную признательность отечества.

« Вы остались побѣдителями въ четырнадцати генеральныхъ

битвахъ и семидесяти сраженіяхъ; вы взяли у непріятеля болѣе ста тысячъ человѣкъ плѣнныхъ, пять сотъ полевыхъ и двѣ тысячи тяжелыхъ орудій, и четыре понтонные экипажа.

«Контрибуціи, наложенныя на земли, вами завоеванныя, кормили и содержали всю армію, и выплачивали ей жалованье во все продолженіе кампаніи; сверхъ того вы отослали еще тридцать милліоновъ въ министерство финансовъ, для вспомоществованія общественной кассѣ.

«Вы обогатили парижскій музеумъ болѣе нежели тремя стами художественныхъ предметовъ, этими высокими произведеніями древней и новой Италіи, на собраніе которыхъ нужно было тридцать вѣковъ времени.

«Вы завоевали для республики прекраснѣйшія страны Европы. Французскій флагъ впервые развился на водахъ Адріатики, за двадцать четыре часа плаванія до древней Македоніи. Короли сардинскій, неаполитанскій, Папа, и герцогъ пармскій отступили отъ коалиціи; Англичане оставили Ливорну, Геную, Корсику.... Но еще не все совершили вы! Вамъ предстоятъ еще дѣла великія: на васъ возлагаетъ отечество свои лучшія надежды; вы не перестанете оправдывать ихъ....

«Теперь намъ предстоитъ итти въ Австрію.... »

И подлинно, Наполеонъ рѣшился внесть войну въ предѣлы австрійской имперіи. Намѣреніемъ его было проникнуть туда черезъ каринтійскую дорогу, и стать на Симмерингѣ. Онъ приказалъ Массенѣ занять ущелья Озопо и Понтеба, и Массена, переправившись въ горахъ за Піаву и Тальяменто, разбилъ принца Карла (10 марта 1797), взялъ Фельтръ, Кадоръ, Беллуно и множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ и французскаго эмигранта, генерала Люзиньяна. Сраженіе при Тальяменто, послѣдовавшее 16 числа, довершило пораженіе войскъ эрцгерцога, и принудило его къ отступленію на Муэру; при этомъ отступленіи каждый день былъ ознаменованъ новой битвой, и всё не въ пользу Австрійцевъ. 31 числа Наполеонъ былъ въ Клагенфуртѣ, столицѣ Каринтіи. Вступая въ эту область, онъ также издалъ прокламацію, которою приглашалъ жителей смотрѣть на него не какъ на непріятеля, а какъ на покровителя.

Посреди своихъ успѣховъ Наполеонъ не переставалъ слѣдить за дѣйствiями тайнаго врага своего, сената Венецiи, и между прочимъ писалъ Дожу:

« Всѣ владѣнiя свѣтлѣйшей венецiянской республики на материкѣ покрыты войсками.

« Со всѣхъ сторонъ ваша чернь, вооруженная вами, вопитъ: « Смерть Французамъ! » Многiе солдаты италiянской армiи уже сдѣлались ея жертвою....

« Посылаю вамъ это письмо съ старшимъ моимъ адъютантомъ. Война или миръ? Если вы сей часъ же не найдете средствъ разсѣять вооруженныя толпы и предать мнѣ виновныхъ въ послѣднихъ убiйствахъ, то война объявлена.... »

Седьмаго апрѣля заключено перемирiе въ Юденбургѣ. Съ одной стороны эрцгерцогъ Карлъ, видя неймаркенскiя ущелiя и гудзмарскую позицiю занятыми Массеною, не находилъ себя въ состоянiи дѣйствовать наступательно; а съ другой, Бонапарте, который надѣялся-было на содѣйствiе себѣ самбръ-и-мёзской армiи, но получилъ извѣстiе, что армiя эта еще не двигалась да и не двинется, не осмѣливался перейти за Симмерингъ, чтобы не очутиться съ неприкрытыми флангами въ серединѣ германскихъ владѣнiй. И поэтому-то, лишь

только онъ былъ оффиціально увѣдомленъ Директоріей о томъ, что ни рейнская ни самбръ-и-мёзская арміи не произведутъ диверсіи, отъ которой онъ ожидалъ столько выгодъ, какъ и поспѣшилъ написать къ эрцгерцогу, предлагая ему раздѣлить съ нимъ славу умиротворенія Европы, и прекратить войну, обременительную и для Австріи и для Франціи. «Храбрые воины, писалъ онъ къ нему, стоятъ въ рядахъ, но желаютъ мира. Мы уже довольно погубили людей и довольно нанесли ранъ человѣчеству.... Вы, которые по рожденію своему такъ близки къ трону, и стоите выше всѣхъ мелкихъ страстей, управляющихъ иногда правительственными лицами, желаете ли вы рѣшиться заслужить названіе благодѣтеля людей и истиннаго спасителя Германіи?... Что̀ касается до меня, ваше Высочество, то если предложеніе, теперь вамъ мною сдѣланное, можетъ спасти жизнь хотя одного человѣка, я стану болѣе гордиться этимъ чѣмъ всякими успѣхами, которые бы могъ имѣть на полѣ битвъ.»

Миролюбивое расположеніе, выраженное въ этомъ письмѣ, было съ удовольствіемъ принято въ Вѣнѣ, и императоръ отправилъ къ Бонапарте неаполитанскаго посланника Галло, слѣдствіемъ чего и было заключеніе юденбургскаго перемирія.

Наполеонъ воспользовался временемъ свободнымъ отъ военныхъ занятій, чтобы возобновить жалобы свои Директоріи на счетъ бездѣйствія другихъ войскъ республики, тогда какъ италіянская армія, при столь незначительныхъ способахъ, боролась почти со всѣми силами австрійской имперіи. Впрочемъ, мало заботясь о прошломъ, въ которомъ ему не чѣмъ было упрекнуть себя относительно къ своимъ военнымъ распоряженіямъ, Наполеонъ занимался болѣе будущимъ и настоятельнѣе чѣмъ когда нибудь требовалъ содѣйствія себѣ генерала Моро̀, потому что надѣялся этимъ способомъ или получить выгоднѣйшія мирныя условія, или большую помощь въ случаѣ возобновленія кампаніи. «Когда дѣйствительно желаютъ войны, писалъ онъ къ Директоріи, то ничто не можетъ остановить ее; съ незапамятныхъ временъ ни какая рѣка не бывала существенной преградою. Если Моро̀ захочетъ перейти Рейнъ, такъ онъ его перейдетъ; если бъ онъ уже перешелъ его, такъ мы бы теперь были въ состояніи предписывать какія

хотимъ условія мира.... Я перешелъ хребты Іуліанскихъ и Норикскихъ Альпъ по снѣгу въ три фута глубиною. Если бъ я имѣлъ въ виду одно спокойствіе моей арміи и мои личныя выгоды, то оставался бы по ту сторону Изонцы, а не бросился бы въ Германію, въ намѣреніи подать помощь рейнской арміи и удержать непріятеля отъ наступательныхъ дѣйствій.... Если рейнскія арміи оставятъ меня одного, то я возвращусь въ Италію, и пусть цѣлая Европа судитъ объ относительномъ поведеніи обѣихъ армій. »

Мирные переговоры начались въ Леобенѣ 26 жерминаля, и прелиминарныя статьи были подписаны 29. Бонапарте, разговаривая съ полномочными посланниками Австріи, сказалъ: « Сначала ваше правительство выслало противъ меня четыре арміи безъ генерала, теперь прислало генерала безъ арміи. »

Между-тѣмъ, аристократія Венеціи, дѣйствуя за одно съ нѣкоторыми частными лицами, возстановила простой народъ на берегахъ Адріатики, и множество Французовъ перерѣзано въ Веронѣ на самой недѣлѣ пасхи.

Бонапарте тотчасъ же поспѣшилъ на мѣсто печальнаго происшествія и сказалъ прежнему своему товарищу Бурріенну, который теперь занималъ при немъ должность секретаря и

самъ едва не погибъ во время смятенія: «Будь спокоенъ, Венеціи — конецъ!» Черезъ нѣсколько дней потомъ онъ написалъ Директоріи, что «единственное средство избавиться отъ смутъ, есть уничтоженіе Венеціянской республики.»

Тщетно проведиторы Бресчіи, Бергама и Кремоны старались произвесть слѣдствіе такимъ образомъ, чтобы сложить вину на Французовъ, представя ихъ зачинщиками безпорядка, котораго сами сдѣлались жертвою: Бонапарте издалъ манифестъ, который заключался такъ:

«Главнокомандующій требуетъ, чтобы французскій министръ, проживающій въ Венеціи, выѣхалъ оттуда немедленно, и приказываетъ всѣмъ агентамъ Венеціянской республики, находящимся въ Ломбардіи и на материкѣ венеціянскихъ владѣній, оставить ихъ въ двадцать четыре часа.

«Приказываетъ всѣмъ господамъ дивизіоннымъ командирамъ считать венеціянскія войска за непріятельскія, и уничтожить гербы этой республики, вездѣ, гдѣ найдутъ ихъ.»

Приказъ этотъ былъ въ точности исполненъ. Ужасъ овла-

дѣлъ верховнымъ совѣтомъ Венеціи. Онъ сложилъ съ себя правительственную власть въ руки народа, который ввѣрилъ ее нарочно учрежденному начальству. 16 мая, трехцвѣтное знамя водружено генераломъ Барагэ д'Иліеромъ (Baraguay d'Hilliers), на площади святаго Марка. Полная демократическая революція совершилась во всѣхъ владѣніяхъ Венеціи. Адвокатъ Дандоло, одинъ изъ тѣхъ двухъ людей, о которыхъ Наполеонъ отозвался, что однихъ только ихъ и нашелъ истинно хорошими людьми во всей Италіи, былъ, по довѣренности къ нему народа, назначенъ распорядителемъ при приведеніи въ дѣйствіе этого переворота. Левъ святаго Марка и Коринѳскіе кони, которые въ послѣдствіи украшали тріумфальную Карусельскую арку, перевезены въ Парижъ.

Покуда съ Австріею продолжались переговоры, Бонапарте извѣстился, что генералы Гошъ и Моро перешли за Рейнъ. Между тѣмъ не болѣе какъ за нѣсколько дней передъ этимъ, Директорія увѣдомляла его, что переходу за Рейнъ не воспослѣдуетъ. Ясно было, что Директорія опасалась его быстрыхъ успѣховъ, и что она, въ побѣдителѣ Италіи, предугадывала будущаго императора. Наполеонъ самъ сознавался, бывши уже въ заточеніи на островѣ Святой-Елены, что и дѣйствительно *со времени битвы подъ Лоди* ему приходило на умъ, что онъ можетъ стать великимъ дѣйствующимъ лицомъ въ политическомъ мірѣ, и что «съ той поры загорѣлась въ немъ первая искра властолюбія.»

Директорія, которая замѣтила эту искру и боялась, чтобы она не разгорѣлась въ пожаръ и не охватила зданія республики, на верху котораго стояла сама, естественно старалась изъ зависти не дать ей вспыхнуть. Она съ неудовольствіемъ видѣла, что общественная признательность сосредоточивается на одномъ человѣкѣ, и не хотѣла доставить ему случая еще отличиться. Наполеонъ разгадалъ Директорію, какъ Директорія разгадала его, но это ни сколько не помѣшало ему громко выражать свое неудовольствіе и въ письмахъ и въ разговорахъ. Но Директорія тѣмъ болѣе находилась въ возможности скрывать настоящія причины своего поведенія въ отношеніи къ Бонапарте, что онъ самъ, когда еще былъ начальникомъ внутреннихъ войскъ, передалъ въ ея руки планъ кампаніи,

составленный имъ самимъ, въ которомъ было сказано, что кампанію слѣдуетъ кончить ступивъ на хребетъ симмерингскихъ горъ. Такимъ-то образомъ онъ самъ положилъ себѣ преграду, за которую стремился теперь перешагнуть. И что̀ жъ мудренаго, что теперешній великій полководецъ началъ простирать виды свои обширнѣе чѣмъ прежній едва извѣстный генералъ.

Бонапарте находился на островѣ Тальяменто въ то время, какъ получилъ извѣстіе о переправѣ Моро̀ черезъ Рейнъ.

«Ни какія слова, говоритъ Бурріеннъ, не могутъ выразить душевнаго волненія Наполеона при чтеніи этихъ депешъ.... Досада его была такъ велика, что онъ съ минуту думалъ-было перейти на лѣвый берегъ Тальяменто, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ....» Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Наполеонъ былъ увѣренъ въ содѣйствіи рейнской арміи, то не выразилъ бы въ письмѣ своемъ къ эрцгерцогу Карлу такихъ миролюбивыхъ намѣреній. Мысль, занять Вѣну, какъ занялъ Римъ, конечно, льстила его самолюбію. Но на этотъ разъ Директорія не допустила его до исполненія честолюбивыхъ замысловъ.

Переговоры шли медленно. Главнокомандующій воспользовался временемъ перемирія, чтобы посѣтить Ломбардію и венеціянскія владѣнія, и учредить тамъ правительство. На этотъ предметъ ему были нужны надежные люди, и онъ тщетно старался найти ихъ. «Боже мой, говорилъ онъ, какъ рѣдко попадаются люди! Въ Италіи осьмнадцать милліоновъ жителей, а я нашелъ въ ней только двухъ человѣкъ, Дандоло и Мельци.»

Наконецъ, раздосадованный препятствіями, которыми парижскіе интриганты безпрестанно затрудняли исполненіе его намѣреній, и утомленный медленностью австрійскихъ дипломатовъ, Бонапарте сталъ говорить, что хочетъ отказаться отъ начальства арміей и удалиться отъ шуму на отдыхъ, въ которомъ, увѣрялъ, что чувствуетъ нужду. Это, конечно, было не что иное какъ угроза, которой онъ вовсе не былъ расположенъ исполнить. Онъ не вѣрилъ, чтобы при оказанныхъ имъ заслугахъ, явно обнаруженномъ военномъ талантѣ и чрезвычайной народности, республика могла обойтись безъ него. Ему по справедливости казалось, что слухъ, распущенный о намѣреніи его выйти въ отставку, будетъ такою политическою новостью, которая взволнуетъ народъ противъ правительства, не умѣвшаго, изъ неблагодарности и зависти, удержать въ службѣ достойнаго главнокомандующаго. Но все это не имѣло послѣдствій. Бонапарте удовольствовался жалобами и тѣмъ, что день ото дня началъ употреблять болѣе и болѣе высокомѣрный тонъ въ своей оффиціальной перепискѣ. Онъ объявилъ, что «по стеченію обстоятельствъ, самыя переговоры съ австрійскимъ императоромъ входятъ въ кругъ военныхъ дѣйствій,» и такимъ образомъ война и миръ стали зависѣть отъ его произвола, и даже судьба всей республики нашлась въ его рукахъ; тогда Наполеонъ показалъ видъ будто пресыщенъ славою, чтобы тѣмъ убѣдить своихъ почитателей, завистниковъ и соперниковъ въ томъ, что однѣ только пользы Франціи, а не собственныя, личныя выгоды руководствуютъ его поступками и заставляютъ быть столь дѣятельнымъ. «Я пошелъ на Вѣну, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, пріобрѣвъ уже столько славы, что могъ бы ею довольствоваться, и оставилъ за собою прекрасныя долины Италіи,

также какъ въ прошлую кампанію, когда искалъ продовольствія для своей арміи, которую республика не имѣла чѣмъ кормить.»

Внутренняя политика республики содѣйствовала также низкой зависти Директоріи. Были люди, которые не могли не

опасаться влiянiя полководца, который пятидесятью выигранными сраженiями спасъ республику, и котораго извѣстность, слава и самое существованiе были тѣсно связаны съ выгодами революцiонеровъ. Поборники законной королевской власти печатали и говорили про Наполеона все, что хотѣли. Директорiя, несмотря на всю ненависть къ роялистамъ, не мѣшала имъ въ этомъ; и такъ какъ во всякой партiи, между людьми достойными, всегда найдутся люди низкiе, то въ журналахъ и газетахъ, въ совѣтѣ и клубахъ громко говорили, что венецiянское правительство сдѣлалось жертвою коварства французскаго главнокомандующаго, который самъ подготовилъ всѣ эти убiйства французскихъ солдатъ, и послѣ отмстилъ за нихъ такъ жестоко.

Наполеонъ, извѣщенный объ этой клеветѣ, писалъ къ Директорiи: «Послѣ заключенныхъ мною пяти мирныхъ трактатовъ и побѣдъ моихъ надъ коалицiею, я имѣлъ право, если не на гражданскiй трiумфъ, то по-крайней-мѣрѣ на спокойную жизнь и на покровительство первыхъ сановниковъ республики. Но вмѣсто того, я вижу себя гонимымъ, оклеветаннымъ.... Конечно, я имѣю право сѣтовать и жаловаться на первыхъ сановниковъ республики, дозволяющихъ поносить человѣка, который такъ возвеличилъ имя Французовъ.

« Повторяю вамъ, граждане директоры, мою просьбу объ отставкѣ. Я хочу быть спокоенъ.... Вы поручили мнѣ вести переговоры: я къ нимъ не способенъ. »

За нѣсколько дней передъ отправленiемъ этого письма, онъ такъ писалъ къ Карно:

« Я получилъ ваше письмо, мой любезнѣйшiй директоръ, на риволiйскомъ полѣ битвы, и съ сожалѣнiемъ слышалъ все, что говорятъ обо мнѣ. Всякой заставляетъ меня выражаться глядя по своей страсти. Полагаю, вы довольно знаете меня и ни какъ не вообразите, чтобы я могъ быть подъ чьимъ бы то ни было влiянiемъ; вы мнѣ и моимъ семейникамъ всегда оказывали дружбу, и за это я всегда останусь вамъ искренно благодарнымъ. Есть люди, для которыхъ вражда сдѣлалась потребностью, и которые, не будучи въ состоянiи врѣдить республикѣ, стараются вездѣ, гдѣ могутъ, посѣвать раздоръ. Чтò касается до меня, то пусть ихъ говорятъ, чтò

хотятъ: имъ ужъ не достать до меня; уваженіе небольшаго числа особъ, подобныхъ вамъ, уваженіе моихъ товарищей, иногда судъ потомства, и, болѣе всего, чистота совѣсти да благоденствіе моего отечества — вотъ все, что̀ единственно занимаетъ меня.»

Мы уже замѣтили, что просьбы Наполеона объ отставкѣ были вовсе не искреннія. То же самое можно сказать и о той скромности, съ которою онъ называлъ себя неспособнымъ къ веденію переговоровъ; объ этомъ можно судить по одной чертѣ его характера во время кампо-формійскихъ переговоровъ, о чемъ онъ самъ разсказывалъ на островѣ Святой-Елены.

«Кобенцель, говаривалъ онъ, былъ душою проэктовъ и дипломатики вѣнскаго кабинета. Онъ занималъ мѣста посланниковъ при всѣхъ первостатейныхъ державахъ Европы, и долгое время находился при дворѣ Императрицы Екатерины Великой. Надмѣнный своей важностью и саномъ, онъ не сомнѣвался въ томъ, что достоинство его обращенія и привычка къ придворному обхожденію легко дадутъ ему взять верхъ надъ генераломъ, воспитаннымъ въ станѣ революціонеровъ; но онъ вскорѣ увѣрился въ ошибочности своего сужденія. Конференціи, продолжаетъ г. Ласъ-Казъ, шли чрезвычайно медленно. Кобенцель, по обычаю, оказался весьма ловкимъ въ искусствѣ откладывать дѣла въ длинный ящикъ. Однако же, французскій главнокомандующій рѣшился окончить разомъ. Послѣдняя конференція проходила въ жаркихъ преніяхъ; наконецъ, Бонапарте сдѣлалъ одно предложеніе: Кобенцель отказался. Тогда, вскочивъ со стула въ нѣкоторомъ родѣ иступленія, Наполеонъ вскричалъ: «А! вы хотите войны? хорошо! война будетъ.» И схвативъ со стола великолѣпный фарфоровый кабачекъ, высоко цѣнимый Кобенцелемъ, онъ треснулъ его о полъ, такъ, что только дребезги полетѣли. «Смотрите, вскричалъ онъ еще: такая же участь ожидаетъ и вашу имперію не дальше какъ черезъ три мѣсяца; я вамъ это обѣщаю!» И онъ стремительно вышелъ изъ залы совѣщанія. Кобенцель окаменѣлъ, разсказывалъ императоръ; но г. Галло, его помощникъ, человѣкъ гораздо больше сговорчивый, провожалъ французскаго генерала до самой кареты, стараясь его удержать, «онъ безпрестанно кланялся, сказывалъ импера-

торъ, и дѣлалъ изъ себя такую смѣшную фигуру, что несмотря на весь мой гнѣвъ, я не могъ удержаться отъ внутренняго смѣху.»

Такой способъ вести переговоры, казалось, оправдывалъ то̀, что Наполеонъ говорилъ про свою къ нимъ неспособность, но, однако же, этотъ способъ имѣлъ полный успѣхъ, котораго и ожидалъ главнокомандующій. Въ этомъ случаѣ грубость могла почесться ловкостью и искусствомъ. Надобно же было чѣмъ-нибудь кончить всѣ эти проволочки. Наполеонъ, разбивши великолѣпный кабачекъ, поступилъ очень смѣтливо, и на этотъ разъ его наглость принесла Франціи больше пользы чѣмъ учтивая хитрость какого-нибудь стараго дипломата. Даже можно сказать, что если онъ, при теперешнемъ обстоятельствѣ, переступилъ за границы всякаго приличія и всякой благопристойности, то сдѣлалъ это для блага своей родины, поспѣшая заключеніемъ мира.

Но покуда Наполеонъ, оставаясь въ Италіи, досадовалъ на нескончаемую медленность дипломатическихъ конференцій, на бездѣйствіе, къ которому принуждало его неблагорасположеніе Директоріи, и на клевету, чернившую его, существованію Ди-

ректоріи стало угрожать большинство роялистовъ въ обоихъ совѣтахъ: осьмнадцатое фруктидора приближалось.

Италіянская армія, которая подъ знаменемъ республики и подъ командою своего славнаго начальника одержала столько побѣдъ, должна была по необходимости привлечь на себя вниманіе обѣихъ партій, питать надежды однихъ и опасенія другихъ. Наполеонъ, на котораго еще такъ недавно клеветали обѣ партіи, вдругъ сдѣлался предметомъ ихъ лести. Франса Дюкудрэ, одинъ изъ ораторовъ, пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ надъ приверженцами законной королевской власти, назвалъ Наполеона *героемъ*, говоря, что «онъ отличился теперь на дипломатическомъ поприщѣ, также удачно какъ успѣлъ, въ осемь мѣсяцевъ, стать на ряду со всѣми величайшими полководцами.»

Но эти вынужденныя похвалы не могли заглушить криковъ ненависти другихъ роялистовъ. Обри, старинный врагъ Наполеона, поддерживаемый нѣкоторыми товарищами, громко требовалъ, чтобы главнокомандующій былъ отрѣшенъ и арестованъ. Этого было уже довольно, чтобы заставить Наполеона пристать къ сторонѣ Директоріи; но онъ презиралъ ее, и изъ всѣхъ ея членовъ уважалъ одного только человѣка, котораго признавалъ заслуги и способности: тò былъ Карнò; но Карнò также отложился отъ товарищей и не хотѣлъ согласиться на конечное низпроверженіе роялистовъ. Со всѣмъ тѣмъ размышленія о прошломъ и будущемъ сдѣлали тò, что Наполеонъ поддержалъ Барраса, котораго презиралъ, а не Карнò, къ которому имѣлъ уваженіе.

Была минута, въ которую онъ почти рѣшился итти на Парижъ съ двадцати-пяти тысячнымъ корпусомъ; и навѣрное исполнилъ бы это намѣреніе, если бъ возможность успѣха осталась въ столицѣ за роялистами. Но болѣе всего побудило его поднять свой грозный мечъ за Директорію, измѣна сія Пишегрю, котораго всѣ поступки обличились по случаю захваченныхъ бумагъ извѣстнаго графа д'Антрегъ, арестованнаго въ венеціянскихъ владѣніяхъ, отпущеннаго на слово въ Миланъ, откуда онъ бѣжалъ въ Швейцарію и написалъ жесточайшій пасквиль на Бонапарте, котораго обращеніемъ съ собою долженъ бы былъ хвалиться.

Негодованіе главнокомандующаго возрасло до высочайшей степени и онъ вполнѣ выразилъ его въ адрессѣ, посланномъ отъ имени италіянской арміи. «Развѣ дорога въ Парижъ, говорилъ онъ отъ лица своего войска, труднѣе дороги въ Вѣну?... Трепещите! отъ Адижа до Рейна и до Парижа одинъ только шагъ; трепещите! мѣра вашихъ преступленій исполнилась, и воздаяніе за нихъ на остріе нашихъ штыковъ.»

Для доставленія этого адресса Наполеонъ избралъ Ожеро, того изъ своихъ генераловъ, который, по своей самостоятельности, могъ, скорѣе всѣхъ другихъ, сдѣлаться первымъ дѣйствующимъ лицомъ приближающейся развязки и заставить забыть о главнокомандующемъ. Что касается до денегъ, которыхъ требовалъ Баррасъ черезъ посредство своего секретаря Ботто, *для успѣшнаго дѣйствія въ извѣстный день*, то Наполеонъ удовольствовался однимъ обѣщаніемъ, но не заплатилъ никогда. Впрочемъ, полагаясь на усердіе и смѣтливость своего адъютанта Лавалетта, онъ послалъ его въ Парижъ, для доставленія ему свѣденій обо всемъ ходѣ дѣлъ, чтобы самому быть въ состояніи дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Съ этого времени начинается связь Бонапарте съ Дезе (Desaix). Дезе, находившійся при рейнской арміи, слѣдовалъ издали за подвигами главнокомандующаго италіянской арміи, искренне удивлялся имъ, и воспользовался леобенскимъ перемиріемъ, чтобы взглянуть на великаго полководца. Они встрѣтились, поняли и полюбили другъ друга. Разъ, бесѣдуя наединѣ, Наполеонъ хотѣлъ-было разсказать Дезе о поступкахъ Пишегрю, но Дезе отвѣчалъ: «Мы, на Рейнѣ, знали объ этомъ назадъ тому уже три мѣсяца. Въ одномъ изъ фургоновъ, отбитыхъ у генерала Клинглена (Klinglin), найдена вся переписка Пишегрю съ врагами республики. — Развѣ Моро не извѣстилъ о томъ Директорію? — Нѣтъ, не извѣстилъ. — Въ дѣлѣ столь важномъ, молчанье есть сообщничество.» Послѣ происшествій 18 Фруктидора, когда Пишегрю былъ наказанъ ссылкою, Моро показалъ также противъ него; по этому случаю Наполеонъ сказалъ: «Не доказывая на Пишегрю ранѣе, Моро измѣнялъ отечеству; доказывая на него теперь, онъ только бьетъ лежачаго.»

Между-тѣмъ Директорія, счастливо отдѣлавшись отъ роялистовъ, возвратилась къ своей прежней тайной и закоснѣлой зависти къ Наполеону. Несмотря на то, что изъ множества полученныхъ отъ него депешъ, въ которыхъ онъ каждый разъ настоятельно и усильно требовалъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, и изъ которыхъ ей было хорошо извѣстно мнѣніе главнокомандующаго на счетъ 18 фруктидора, она распустила въ Парижѣ слухъ, который долженъ былъ дойти и до арміи, что мнѣніе Бонапарте на счетъ этихъ происшествій весьма сомнительно; и чтобы придать еще болѣе вѣсу такому подозрѣнію, Директорія поручила Ожеро увѣдомить циркуляромъ всѣхъ начальниковъ дивизіи о событіяхъ 18 фруктидора, что, по правду, слѣдовало сдѣлать самому главнокомандующему. Извѣстясь объ этомъ, Наполеонъ поспѣшилъ высказать свое неудовольствіе и негодованіе.

« Положительно можно сказать, писалъ онъ Директоріи, что правительство обходится со мною точно также какъ съ Пишегрю послѣ вендеміера IV года.

« Прошу васъ назначить кого-нибудь на мое мѣсто и дать мнѣ отставку. Ни какая земная власть не можетъ меня заставить оставаться въ службѣ послѣ столь явнаго знака ужасной неблагодарности правительства, неблагодарности, которой я вовсе не ожидалъ. Здоровье мое, крайне разстроенное, необходимо требуетъ отдыху и спокойствія....

« Съ давнихъ поръ мнѣ ввѣрена большая власть. Я, при всякомъ случаѣ, употреблялъ ее для блага отечества; тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не вѣрятъ добродѣтели, и могутъ подозрѣвать меня. Моя награда въ собственной моей совѣсти и въ судѣ потомства....

« Вѣрьте, что въ случаѣ опасности, я снова стану въ первые ряды, чтобъ защищать свободу и конституцію III года. »

Директорія, находя себя не въ силахъ открыто бороться съ знаменитымъ воиномъ, продолжала притворствовать, и поспѣшила смягчить его неудовольствіе объясненіями и извиненіями.

Наполеону не такъ еще надоѣло быть главнокомандующимъ, какъ показывалъ, а потому онъ удовольствовался лестными для себя объясненіями, и началъ вести частную переписку съ членами и министрами Директоріи о случайностяхъ войны, условіяхъ мира, и важнѣйшихъ вопросахъ общей политики. Онъ желалъ, чтобы по отклоненіи внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, грозившихъ республикѣ, правительство приняло мѣры кротости и умѣренности. « Судьбы Европы, писалъ онъ къ Франсуа де-Нёшато, зависятъ отъ единства, благоразумія и силы правительства. Есть часть народа, которую должно побѣдить хорошими правительственными мѣрами.... Дѣйствуйте такъ, чтобы снова не погрузить насъ въ бурный потокъ революціи. »

Въ это время, человѣкъ знаменитый, прославившійся еще со времени Конституціоннаго Собранія, и чья извѣстность распространилась съ той поры по дѣятельному участію, которое принималъ онъ во всѣхъ правительственныхъ измѣненіяхъ, доведшихъ Францію до теперешняго ея положенія; въ это время, говорю, Таллеранъ, всегда скорый на поклоненіе восходящему солнцу, сталъ стараться сблизиться и войти въ тѣсныя сношенія съ Наполеономъ. Онъ написалъ къ нему

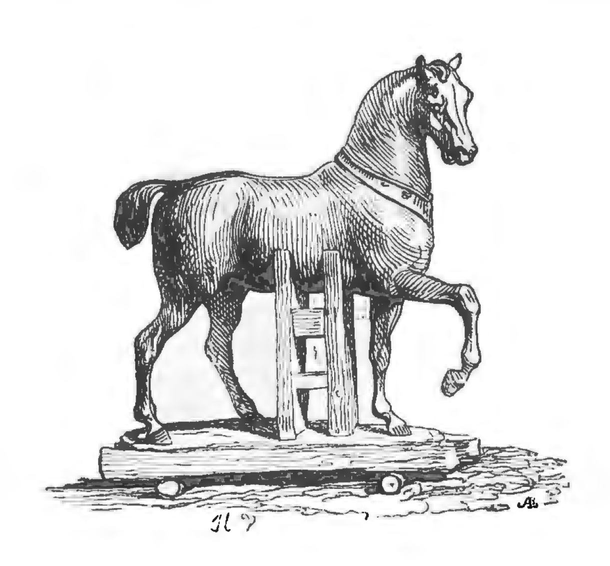
нѣсколько писемъ о 18 фруктидорѣ, и въ каждомъ нарочно принималъ тонъ поборника революціи. Любопытно видѣть, какъ Таллеранъ, который въ послѣдствіи такъ дѣятельно содѣйствовалъ къ новому возведенію на отеческой престолъ двухъ вѣтвей Бурбонскаго дома, и котораго послѣднею политическою приверженностью была, по-крайней-мѣрѣ по-видимому, нынѣ царствующая династія; любопытно видѣть, какъ самый этотъ Таллеранъ писалъ къ своему будущему императору, къ этому кумиру, передъ которымъ онъ сначала преклонялъ колѣна: « Опредѣлено безпощадно наказывать смертью всякаго, кто осмѣлится говорить въ пользу королевской власти, конституціи 93 года или орлеанской. »

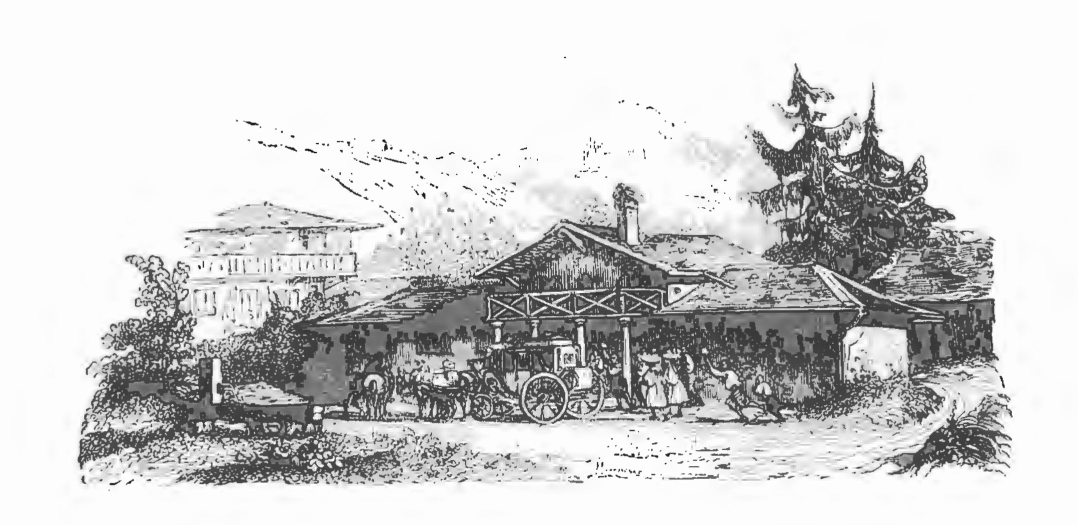
Наполеонъ принялъ предупредительность начальника партіи, которую въ ту пору называли *конституціонною* и *дипломатическою*, какъ человѣкъ, имѣющій въ виду приготовить опоры и соревнователей тому великому честолюбію, которое владѣло имъ. Онъ чувствовалъ, что часъ его еще не насталъ, но зналъ, что онъ наступитъ, и старался привлечь къ себѣ людей, чтобы располагать ими тогда, когда обстоятельства потребуютъ. Глядя на анархію, въ которую впала Франція прежде и послѣ 18 фруктидора, на неуваженіе къ главнымъ правительственнымъ лицамъ, на безнравственность однихъ и на пошлость другихъ, можно бы подумать, что Наполеонъ былъ слишкомъ робокъ, и не довольно полагался на вліяніе своего имяни и на утомленіе партій, и только откладывалъ исполненіе своего замысла, который въ послѣдствіи привелъ въ дѣйствіе съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Но онъ думалъ, что ему должно еще увеличить свою извѣстность новыми славными дѣяніями, и дать время массѣ народа соскучить подъ гнетомъ демократіи. Станется, что съ этихъ поръ онъ началъ помышлять объ экспедиціи въ Египетъ, какъ полагали многіе, прочитавъ его прокламацію, отъ 16 сентября 1797, къ эскадрѣ адмирала Брюикса (Brueix), въ которой говоритъ: «Безъ вашего содѣйствія, намъ невозможно пронесть славу французскаго имяни далѣе какого-нибудь уголка Европы; съ вами, мы переплывемъ моря и водрузимъ знамя республики въ далекихъ странахъ. »

Для исполненія столь обширнаго замысла, надобно было

сначала умиртворить Европу. Австрія, чьи надежды, основанныя на революціи во Франціи, были разрушены 18 фруктидоромъ, не имѣла уже прежнихъ причинъ откладывать заключеніе мира; но Директорія, возгордившись поверхностью, одержанною надъ роялистами, не показывала миролюбиваго расположенія; однако же Бонапарте не раздѣлялъ ея воинственныхъ видовъ. Приближеніе зимы заставило его поспѣшить заключеніемъ мира. « Нужно болѣе мѣсяца времени, чтобы реінская армія успѣла оказать мнѣ помощь, если еще она въ состояніи оказать ее,—сказалъ онъ своему секретарю,— а черезъ двѣ недѣли выпадетъ снѣгъ и дороги сдѣлаются непроходимыми. Кончено, заключаю миръ. Венеція поплатится за издержки войны и за границы на Реінѣ. А Директорія и ораторы пусть себѣ говорятъ что̀ имъ угодно. »

И миръ былъ заключенъ въ Кампо-Форміо, 26 вендеміера VI года (17 октября 1797). Первымъ его условіемъ было освобожденіе олмюцкихъ плѣнниковъ, Ла-Фаіэта, Латуръ-Мобура и Бюро де-Пюси. Наполеонъ съ жаромъ настаивалъ на этомъ условіи, и справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ по инструкціи Директоріи.

ГЛАВА VI.

Путешествіе въ Раштадтъ. Возвращеніе въ Парижъ. Отъѣздъ въ Египетъ.

Война и переговоры уже не задерживали Наполеона на границахъ Австріи, и онъ отправился осмотрѣть покоренныя имъ страны и поѣхалъ въ Ломбардію, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ; и когда повелѣніе Директоріи принудило его ѣхать въ Раштадтъ, для принятія начальства надъ французскимъ посольствомъ, то одинаковый энтузіазмъ встрѣчалъ его повсюду во всей Швейцаріи, которою онъ проѣхалъ отъ Женевы до Базеля. Прежде отъѣзда своего изъ Милана, Бонапарте отправилъ къ Директоріи, съ генераломъ Жуберомъ, «знамя италіянской арміи,» на которомъ, съ одной стороны, описаны были вкратцѣ всѣ подвиги этой арміи, а на другой начертаны слова: «Италіянской арміи, признательное отечество.» Проѣзжая Мантую, Наполеонъ

приказалъ отслужить литургію за упокой Гоша, который только-что умеръ, и ускорилъ окончаніе памятника, строившагося въ честь Виргилія.

Въ числѣ почитателей и любопытныхъ, которые въ то время тѣснились около Бонапарте, нашелся человѣкъ наблюдательный, исполненный ума и проницательности, чьи замѣчанія, доставленныя въ Парижъ, были помѣщены въ одномъ періодическомъ изданіи, въ декабрѣ 1797. Въ нихъ сказано: «Я смотрѣлъ съ живымъ участіемъ и большою внимательностью на необыкновеннаго человѣка, который надѣлалъ столько ве-

ликихъ дѣлъ, и котораго путь, кажется, еще не совершенъ. Я нашелъ, что онъ очень похожъ на свой портретъ, малъ ростомъ, худощавъ, блѣденъ, съ виду какъ-будто утомленъ, но не то̀ что боленъ, какъ было сказали. Мнѣ показалось, что онъ безъ большаго вниманія слушаетъ, что̀ ему говорятъ, и больше занятъ тѣмъ, что̀ думаетъ, нежели тѣмъ, что разсказываютъ. Физіономія его выражаетъ много ума; въ ней замѣтна привычная созерцательность, по которой однако же нельзя узнать ничего что̀ происходитъ у него на сердцѣ. Въ этой мыслящей головѣ, въ этой сильной душѣ необходимо должно предполагать какой-нибудь смѣлый замыселъ, который будетъ имѣть вліяніе на судьбы Европы.»

Проѣзжая моратской долиной, на которой Швейцарцы, въ 1456 году, уничтожили армію Карла Смѣлаго, Ланнъ хотѣлъ замѣтить, что нынѣшніе Французы дерутся лучше. «Въ ту пору, сурово сказалъ Наполеонъ, Бургундцы не были еще Французами.»

Прибывъ въ Раштадтъ, Наполеонъ скоро примѣтилъ, что новыя обязанности были вовсе не по немъ. Мѣсто, достойное для такого необыкновеннаго человѣка должно было быть или въ Парижѣ, центрѣ политическихъ движеній, или при арміи, дѣйствующей подъ его предводительствомъ. Но ему не пришлось хлопотать о возвращеніи въ столицу: Директорія сама вызвала его. Бурріеннъ, секретарь Наполеона, еще не вычеркнутый изъ списка эмигрантовъ, боялся за нимъ слѣдовать и хотѣлъ оставаться въ Германіи. «Поѣдемъ, сказалъ ему Бонапарте, смѣло ступай за Рейнъ; они не посмѣютъ взять тебя у меня; я отвѣчаю за твою безопасность.»

Встрѣча Наполеона Парижанами, была такова, какой онъ могъ ожидать отъ народнаго къ нему благорасположенія, пріобрѣтеннаго громкими дѣлами. Директорія, поставленная въ необходимость быть оффиціальнымъ отголоскомъ общественной благодарности, скрыла свою завистъ и опасенія, и дала, въ Люксембургѣ, блистательный праздникъ покорителю Италіи. Таллеранъ представилъ Директоріи Наполеона, и по этому случаю произнесъ рѣчь, въ которой выказывалъ себя самымъ чистымъ республиканцемъ. «Могутъ замѣтить, сказалъ онъ, и замѣтить съ нѣкоторымъ изумленіемъ, всѣ мои теперешнія

старанія объяснить, и тѣмъ какъ-бы затмить, славу Бонапарте; но Бонапарте не обидиться этимъ. Сказать ли? я опасался-было за него той подозрительности, которая, при рожденіи республикъ, неблагосклонно смотритъ на всякаго человѣка, выходящаго за общій уровень; но я обманулся: личная слава не только не препятствуетъ равенству, но еще служитъ ему лучшимъ украшеніемъ; и въ этотъ самый день французскіе республиканцы всѣ, поистинѣ, должны находить себя великими.»

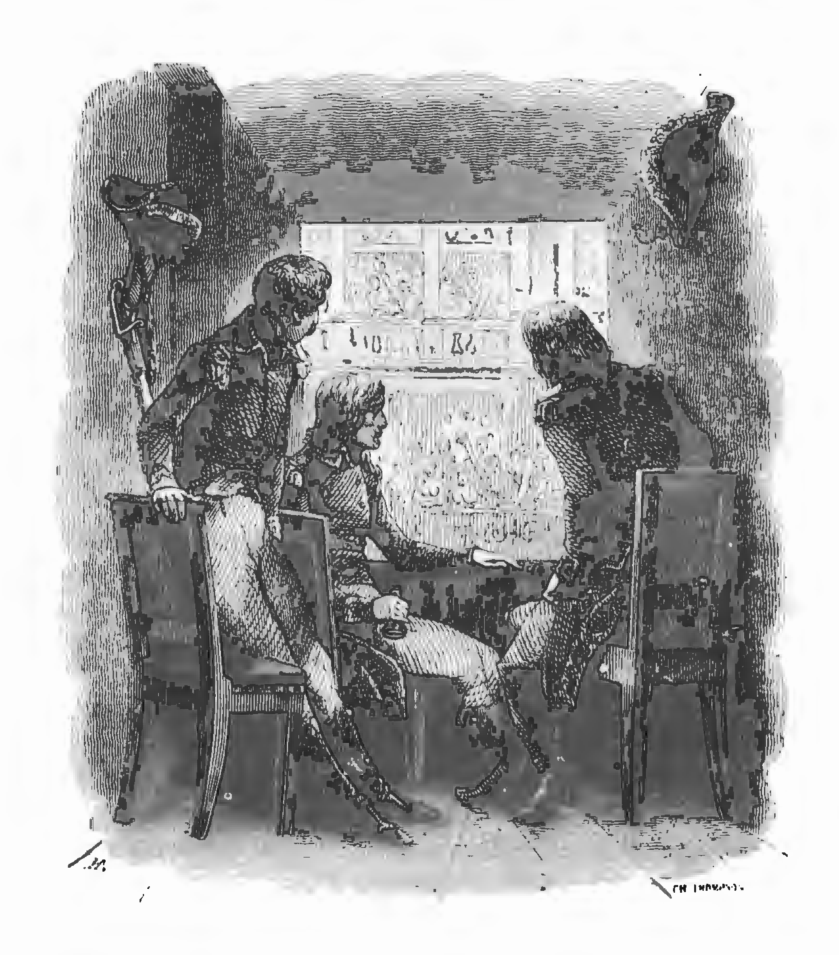
Наполеонъ отвѣчалъ краткою рѣчью, въ духѣ тогдашняго расположенія умовъ французскаго народа, и изъ скромности приписалъ Директоріи честь заключенія мира. Но этой оффиціальной скромности требовали отъ него обстоятельства, и Директорія не была сю обманута. Съ этой поры Наполеонъ на дѣлѣ одинъ замѣнилъ собою правительство республики въ отношеніи къ европейской дипломатикѣ, сосредоточилъ въ себѣ всю власть, и говорилъ отъ имяни Франціи не то̀, чего хотѣла Директорія, а то̀, чего требовали его собственные виды на будущее. Съ самаго времени походу въ Италію, и особенно со времени битвы при Лоди, Наполеонъ началъ прилагать стараніе о томъ, чтобы заставить французскую политику утратить тотъ жесткій характеръ, который она приняла съ самыхъ поръ ужасной борьбы 93 года. Онъ не хотѣлъ во имя бѣшеной и отчаянной демагогіи пріобрѣсть славнаго для Франціи миру и личной, громкой, для себя извѣстности. Ему показалось, что наступило время положить конецъ революціонерному фанатизму, который онъ прежде считалъ нужнымъ и которымъ умѣлъ уже воспользоваться. Въ сношеніяхъ своихъ съ королемъ сардинскимъ, папою и австрійскимъ императоромъ, онъ показывалъ тотъ духъ умѣренности и миролюбія, который свойственъ людямъ, поставившимъ себя выше требованій и страстей мятежныхъ партій. Это расположеніе было въ особенности замѣтно при конференціяхъ, вслѣдствіе которыхъ былъ заключенъ кампоформійскій трактатъ. Онъ самъ сказалъ въ послѣдствіи, уже въ бытность свою на островѣ Святой-Елены: «Начала, которыя должны были руководствовать дѣйствіями республики, были опредѣлены въ Кампо-Форміо: Директорія не мѣшалась въ это дѣло.» И таково

было существенное могущество этого человѣка, что Директорія, которую онъ такимъ образомъ отстранилъ отъ всякаго вліянія на дѣла, присвоивая одному себѣ всю верховную власть сосредоточенную въ ней, не только не осмѣлилась потребовать отчета въ его поступкахъ, но еще разсыпàла передъ нимъ, посредствомъ своего президента, самыя напыщенныя ласкательства. «Природа, скупая на произведеніе чудесъ, сказалъ Баррасъ въ своей отвѣтной рѣчи, не часто рождаетъ людей великихъ; но она захотѣла ознаменовать зарю свободы однимъ изъ этихъ феноменовъ, и *величественная* (!) французская революція, дѣло новое въ исторіи націй, должна была внести имя новаго геніяльнаго человѣка въ исторію мужей знаменитыхъ.» Эта лесть, вынужденная отъ зависти общественнымъ мнѣніемъ, обличаетъ высокое положеніе, на которомъ Наполеонъ поставилъ себя; и здѣсь нельзя не замѣтить, что Баррасъ, глава тогдашняго французскаго правительства, нашелъ себя въ необходимости говорить подобнымъ образомъ простому генералу, своему подчиненному, такъ же точно какъ въ послѣдствіи и въ томъ же самомъ мѣстѣ говорилъ ему президентъ сената, то есть, первый изъ его служителей.

Въ побѣдителѣ подъ Арколемъ Парижане забыли прежняго своего бича во время вендеміера, и гдѣ ни появлялся Наполеонъ, народъ вездѣ встрѣчалъ его громкими рукоплесканіями. Въ театрѣ, какъ только узнавали, что онъ тамъ, то партеръ и ложи восторженными кликами изъявляли желаніе его видѣть; но всѣ эти знаки общественнаго благорасположенія, столь лестные для самолюбія Бонапарте, казалось его безпокоятъ; однажды онъ сказалъ: «Если бъ я зналъ, что ложи такъ открыты, то право не поѣхалъ бы въ театръ.» Разъ, ему захотѣлось видѣть представленіе одной комической оперы, которая въ ту пору была въ большой модѣ, и въ которой играли госпожа Сентъ-Обенъ (Saint-Aubin) и Еллевіу; онъ попросилъ о томъ театральную дирекцію, скромно сказавъ: «Если это возможно;» директоръ театровъ ловко замѣтилъ, что для побѣдителя Италіи нѣтъ ничего невозможнаго, и что слово «невозможно» уже для него давно не существуетъ.

Наполеонъ, несмотря на общее къ себѣ благорасположеніе, не упоевался ѳиміамомъ лести, и обдумывая хладнокровно

свое положеніе, началъ опасаться, чтобы слишкомъ продолжительное бездѣйствіе не повело къ забвенію оказанныхъ имъ заслугъ и не охладило восторженности его почитателей. «Въ

Парижѣ, говорилъ онъ, ни о чемъ не помнятъ долго. Если я буду сидѣть сложа руки, то, просто, погибну. Въ этомъ новомъ Вавилонѣ одна извѣстность безпрестанно смѣняется другою; какъ только я побываю три раза въ театрѣ, такъ никто ужъ на меня и смотрѣть не станетъ: надобно выѣзжать какъ можно рѣже.» Потомъ, когда Бонапарте представляли,

13

что его появленіе всегда возбуждаетъ восторгъ, онъ отвѣчалъ словами Кромвеля: «Э! да народъ съ такимъ же бы восторгомъ пошелъ смотрѣть, если бъ меня повели и на эшафодъ.» Онъ отказался отъ торжественнаго представленія, предложеннаго въ его честь дирекціей театровъ, и ѣздилъ въ спектакль не иначе, какъ въ закрытую ложу.

Уже съ самой этой поры противу него дѣланы были заговоры. Одна женщина извѣстила Наполеона, что его хотятъ отравить: немедленно произведено разъисканіе и мирный судія округа отправился въ квартиру женщины, приславшей предостереженіе. Эту несчастную нашли плавающею въ своей крови: убійцы, извѣщенные что она узнала и открыла ихъ заговоръ, хотѣли новымъ преступленіемъ скрыть слѣды своего злоумышленія.

Наполеонъ, устраненный отъ Директоріи, пожелалъ быть членомъ Французской Академіи, хотя, правду сказать, ему было вовсе не до ученыхъ или литературныхъ занятій, и былъ принятъ на мѣсто Карно, замѣшаннаго по 18 фруктидору. Письмо,

написанное имъ по этому случаю къ президенту Камю (Camus), такъ любопытно, что мы приведемъ его вполнѣ:

« Гражданинъ президентъ,

« Люди избранные, члены Французской Академіи, сдѣлали мнѣ честь принять меня въ число своихъ товарищей.

« Я очень чувствую, что останусь надолго ихъ ученикомъ, прежде чѣмъ сравняюсь съ ними.

« Если бы я зналъ какой-нибудь другой способъ оказать имъ мое уваженіе, то употребилъ бы его.

« Истинныя торжества, однѣ, которыя не влекутъ за собою ни какихъ сожалѣній, суть торжества надъ невѣжествомъ.

« Самое благородное, равно какъ и самое полезное народное занятіе, есть содѣйствовать къ распространенію человѣческихъ знаній и идей.

« Истинное могущество французской республики должно отнынѣ состоять въ томъ, чтобы ей не была чужда ни одна новая идея.

« Бонапарте. »

Такой языкъ былъ удивителенъ въ устахъ человѣка, достигшаго верховной власти одними чисто военными подвигами. Но Наполеонъ хотѣлъ показать, что онъ не ослѣпленъ счастіемъ. Для достиженія той возвышенной цѣли, которую геній его имѣлъ уже въ виду, и къ которой пылко и постоянно стремилась его мысль, ему нужно было проявить въ себѣ болѣе чѣмъ полководца напыщеннаго успѣхами и готоваго оцѣнять однѣ только военныя достоинства и личную храбрость. Ему нужно было, чтобы нація, надъ которой онъ хотѣлъ царствовать, обыкла видѣть въ немъ, не только человѣка способнаго защищать ее оружіемъ, но еще и такого, который бы болѣе всякаго другаго умѣлъ покровительствовать развитію ея умственныхъ богатствъ.

Но наступилъ ли часъ обнаружить тайные замыслы, питаемые имъ съ самаго времени италіянской кампаніи? Наполеонъ призналъ, что часъ этотъ еще не пришелъ, и потому долженъ былъ стараться какъ-можно скорѣе выйти изъ бездѣйствія, которое могло, если не совсѣмъ уничтожить, то покрайней-мѣрѣ уменьшить славу его имени.

Такимъ образомъ экспедиція въ Египетъ была рѣшена.

Директорія не противилась исполненію этого проэкта, потому что ея недальнее предвѣденіе, усматривая опасности одного только слѣдующаго дня, заставляло ее желать удаленія знаменитаго воина, и она не расчитала, что новыя его успѣхи послужатъ къ бóльшему обоянію націи и, слѣдовательно, умножатъ къ нему любовь народа, чего именно Директорія и опасалась. Бонапарте, который одинъ составилъ планъ экспедиціи, одинъ и занялся его исполненіемъ и принялъ на себя все устройство войскъ, назначаемыхъ въ экспедицію. Онъ же занялся и составленіемъ разныхъ коммиссій изъ ученыхъ и артистовъ, которые должны были сопровождать французскія войска длятого чтобы успѣхи его оружія могли также служить и къ распространенію успѣховъ образованности. Когда Наполеона спросили, долго ли онъ намѣренъ оставаться въ Египтѣ, онъ отвѣчалъ: «Или нѣсколько мѣсяцевъ или шесть лѣтъ, глядя по обстоятельствамъ.» Онъ взялъ съ собою походную библіотеку, составленную изъ томовъ форматомъ въ осьмнадцатую долю листа, заключавшую въ себѣ книги по ученымъ и художественнымъ предметамъ, географіи и путешествія, исторіи и сочиненія поэтическія, романы и политику. Въ его каталогѣ стояли: Плутархъ, Полибій, Ѳукидидъ, Титъ-Ливій, Тацитъ, Рэналь, Вольтеръ, Фридрихъ Второй, Гомеръ, Тассо, Оссіанъ, Виргилій, Фенелонъ, Ла-Фонтенъ, Руссо, Мармонтель, Ле-Сажъ, Гёте, книги Ветхаго и Новаго Завѣта, Коранъ, книга Ведъ, Духъ Законовъ и Миѳологія.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Парижа, Наполеонъ чуть совсѣмъ не остался въ Европѣ, по поводу несогласій Бернадота съ вѣнскимъ кабинетомъ, возникшихъ по случаю того, что вѣнская чернь оскорбила трехцвѣтное знамя, которое французскій посолъ выставилъ на своемъ домѣ. Директорія настоятельно хотѣла удовлетворія за эту обиду, и готова была предпринять снова войну, которую бы по-прежнему долженъ былъ вести Наполеонъ. Но этимъ разстроились бы его планы, и потому онъ замѣтилъ Директоріи, что «не случайности должны управлять политикою, а политика случайностями.» Директорія принуждена была уступить замѣчанію столь очевидно справедливому, и Наполеонъ отправился въ Тулонъ.

Прибывъ, 8 мая 1799, въ этотъ городъ, бывшій колыбелью его извѣстности и славы, Бонапарте извѣстился, что Драконовскіе законы, которые дѣйствовали въ Тулонѣ по случаю эмиграцій и строго наблюдались со времени 18 фруктидора, заставляли еще скорбѣть и трепетать весь девятый военный округъ. Не имѣя права распоряжаться въ странѣ ему не подчиненной, онъ, какъ членъ Академіи, написалъ къ южнымъ военнымъ коммисарствамъ, уговаривая ихъ быть по-человѣколюбивѣе въ своихъ рѣшеніяхъ.

« Я съ величайшею горестью узналъ, пишетъ онъ имъ, что семидесяти и осьмидесяти-лѣтніе старцы, и несчастныя женщины, беременныя или окруженныя дѣтьми, были разстрѣляны за намѣреніе эмигрировать.

« Развѣ воины свободы стали палачами!

« Развѣ сострадание, которое не оставляло ихъ въ самомъ пылу битвъ, умерло въ ихъ сердцѣ.

« Законъ 19 фруктидора былъ мѣрою, принятой для общественной безопасности. Его цѣлію было наказывать заговорщиковъ, а отнюдь не несчастныхъ женщинъ и хворыхъ стариковъ.

« Поэтому-то я и прошу васъ, граждане, каждый разъ, какъ на вашъ судъ предстанетъ или старецъ, имѣющій болѣе шестидесяти лѣтъ, или женщина, то объявлять, что вы, даже въ битвахъ, щадили жизнь женщинъ и старцевъ.

« Воинъ, который подписываетъ приговоръ безоружнаго, ни что болѣе какъ подлецъ. »

Этотъ великодушный поступокъ Бонапарте спасъ жизнь одному престарѣлому эмигранту, котораго тулонской военный судъ приговорилъ-было къ смерти. Нельзя не сказать, что такое снисхожденіе къ безпомощнымъ старцамъ и женщинамъ, въ воинѣ, привыкшемъ на поляхъ сраженій къ зрѣлищу человѣческой крови, заслуживаетъ совершеннаго одобренія, тѣмъ болѣе, что воинъ этотъ принуждаетъ раздѣлять свое мнѣніе не силою оружія и не властію, а однимъ уваженіемъ, пріобрѣтеннымъ заслугами. Въ этомъ письмѣ Бонапарте, какъ члена Французской Академіи, къ военнымъ властямъ Южной Франціи, есть какое-то глубокое чувство превосходства силы мысли надъ силою меча въ великомъ дѣлѣ успѣховъ общественной образованности.

Когда уже все было готово къ отъѣзду, и флотъ готовъ былъ поднять паруса, Наполеонъ сказалъ своей арміи слѣдующую рѣчъ:

« Господа офицеры и солдаты,

« Два года тому назадъ, я принялъ начальство надъ вами: въ то время вы находились около Генуи, терпѣли во всемъ недостатокъ, даже до того, что многіе изъ васъ должны были продать свои часы, чтобы добывать дневное пропитаніе. Я обѣщалъ, что помогу вашему горю, и привелъ васъ въ Италію, гдѣ вы нашли всего вдоволь.... Правда ли? Сдержалъ ли я слово? »

Войско отвѣчало единогласно: «Правда!»

Наполеонъ продолжалъ:

« Такъ знайте же, что вы еще не все сдѣлали для отечества, и что отечество еще не все сдѣлало для васъ.

« Теперь, я поведу васъ въ страну, гдѣ ваши подвиги превзойдутъ все тȯ, что вы уже совершили и чему удивляется вселенная; вы тамъ окажете отечеству тѣ заслуги, которыхъ оно вправѣ ожидать отъ армій непобѣдимыхъ.

« Даю слово, что, по возвращеніи изъ этого походу, каждый солдатъ будетъ имѣть на чтȯ купить шесть десятинъ земли.

« Вамъ будутъ предстоять новыя опасности, которыя раздѣлитъ съ вами нашъ флотъ. Нашъ флотъ не имѣлъ еще случая увѣнчаться лаврами, и не пріобрѣлъ еще славы, равной вашей; но мужество моряковъ не уступитъ вашей храбрости: они рѣшились побѣждать, и съ вашей помощью исполнять свое намѣреніе.

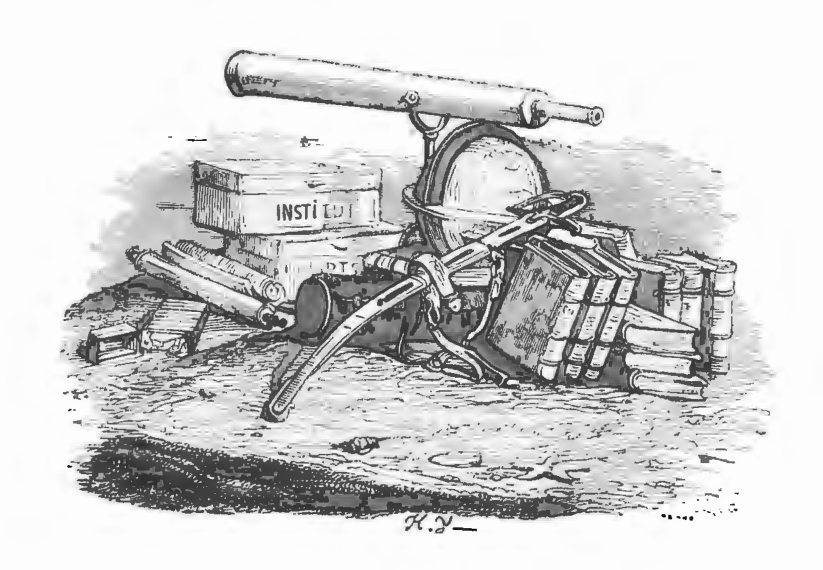
« Передайте имъ вашу увѣренность въ непобѣдимости, которая никогда не была обманута; помогайте имъ въ ихъ усиліяхъ; живите съ ними въ томъ согласіи, которымъ отличаются люди единодушные и преданные пользамъ одного и того же дѣла; помните, что и наши морскія войска стяжали права на народную признательность.

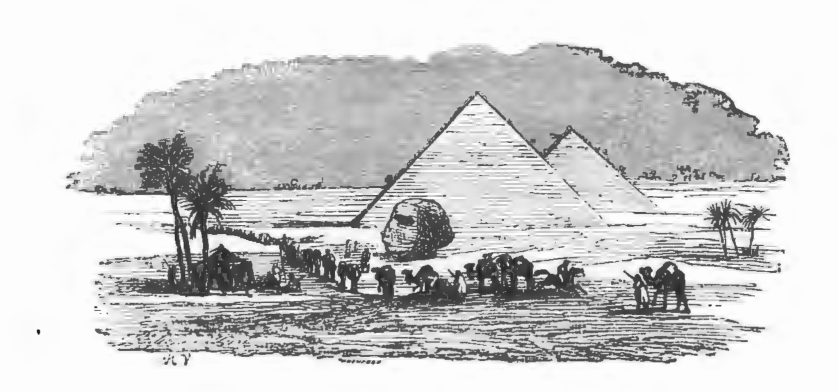

« Пріучитесь къ морскимъ маневрамъ; внушайте ужасъ врагамъ и на сушѣ и на морѣ; подражайте въ этомъ случаѣ римскимъ воинамъ, которые побѣдили Кароагенъ въ открытомъ полѣ и разбили Кароагенянъ на ихъ корабляхъ. »

Отвѣтомъ арміи на эту рѣчь былъ кликъ: «Да здравствуетъ республика! »

Жозефина провожала мужа до Тулона. Бонапарте страстно любилъ ее. Раставанье ихъ было самое трогательное. Соображая опасности, предстоящія Наполеону, они могли думать, что растаются навѣчно. Эскадра вышла въ море 19 мая.

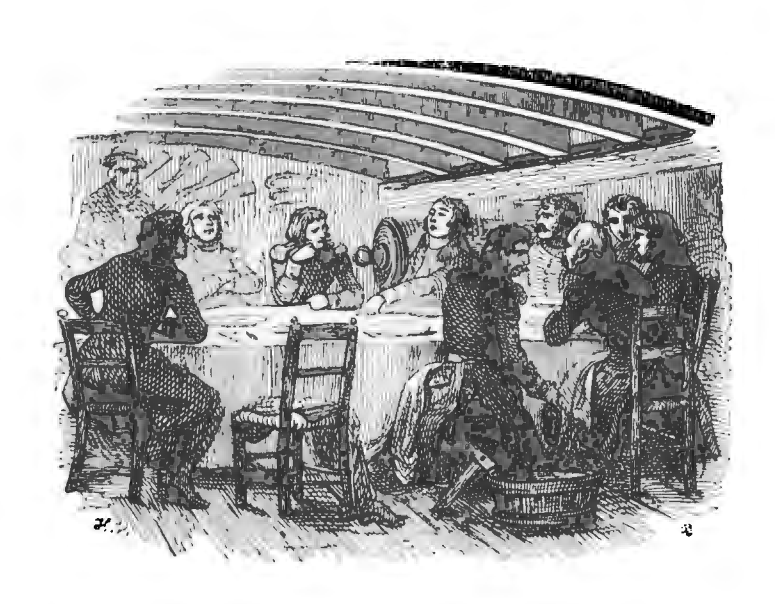
ГЛАВА VII.

Экспедиція въ Египетъ.

Эскадра, по выходѣ изъ Тулона, пошла къ Мальтѣ. Разъ, вечеромъ, когда флотилія плыла по Сицилійскому морю, секретарь главнокомандующаго замѣтилъ, на закатѣ солнца, вершины Альпъ, и сказалъ это Бонапарте; тотъ отвѣчалъ, что не вѣритъ. Но адмиралъ Брюи, посмотрѣвъ въ подзорную трубу, подтвердилъ слова Бурріенна. Тогда Наполеонъ вскричалъ: «Альпы!» И послѣ минутной, глубокой думы, прибавилъ: «Нѣтъ, не могу видѣть безъ особеннаго чувства землю Италіи! Вотъ Востокъ; ѣду туда. Ѣду на предпріятіе опасное. Эти горы повелѣваютъ долинами, на которыхъ я столько разъ имѣлъ счастіе водить Французовъ къ по-

бѣдамъ. Съ Французами я и опять останусь побѣдителемъ.»

Во все продолженіе навигаціи Наполеонъ любилъ заниматься разговорами съ сопровождавшими его генералами и учеными, и бесѣдовалъ съ ними сообразно занятіямъ каждаго. Съ Монжемъ и Бертолетомъ, которыхъ часто призывалъ къ себѣ, онъ разсуждалъ о наукахъ положительныхъ, и даже о метафизикѣ и политикѣ. Генералъ Кафарелли Дуфолга, котораго

онъ особенно любилъ и уважалъ, доставлялъ ему также ежедневныя случаи къ разсѣянію живостью своего ума и привлекательностью разговоровъ. Наполеонъ находилъ удовольствіе бесѣдовать послѣ обѣда, и предлагать самыя затруднительные

вопросы о важнѣйшихъ предметахъ; онъ подстрѣкалъ своихъ собесѣдниковъ къ спорамъ, или длятого чтобы изучать ихъ характеры, или затѣмъ чтобы самому черпать изъ источника ихъ познаній, и всегда отдавалъ предпочтеніе тому изъ нихъ, который смѣлѣе и ловче поддерживалъ неправдоподобные парадоксы. Ясно, что эти разговоры были для него, такъ сказать, только умственной гимнастикой. Онъ любилъ также разсуждать о началѣ міра и о вѣроятномъ его разрушеніи. Мысль его и воображеніе останавливались только на однихъ важныхъ и обширныхъ предметахъ.

Послѣ благополучнаго двадцатидневнаго плаванія, французская эскадра, 10 іюня, пришла къ Мальтѣ и заняла ее безъ сопротивленія, что заставило Кафарелли, послѣ осмотра укрѣпленій, сказать Бонапарте: «Ну, генералъ, слава Богу, что еще нашлось кому отворить намъ ворота крѣпости.» Однако же Наполеонъ, въ бытность даже на островѣ Святой-Елены, не сознавался въ томъ, чтобы Мальта сдалась ему вслѣдствіе тайныхъ сношеній. Онъ говорилъ: «Я взялъ Мальту въ Мантуѣ; великодушный поступокъ съ Вурмзеромъ склонилъ къ покорности гроссъ-мейстера и кавалеровъ.» Но Бурріеннъ, напротивъ, утверждаетъ, что кавалеры ни сколько не участвовали въ этомъ дѣлѣ.

Какъ бы то ни было, только Наполеонъ не долго оставался въ Мальтѣ. Флотъ поплылъ къ Кандіѣ и 25 іюня прошелъ на видъ этого острова; этотъ-то самый объѣздъ и обманулъ Нельсона, который полагалъ встрѣтить французскую эскадру при Александріи. Случай весьма счастливый для Французовъ, и Брюи говорилъ, что англійскій адмиралъ, будь съ нимъ не болѣе десяти кораблей, имѣлъ бы на своей сторонѣ всѣ ручательства въ успѣхѣ. «Дай Господи, часто говаривалъ онъ, глубоко вздыхая, дай Господи не встрѣтиться намъ съ Англичанами!»

Не выходя на берегъ Африки, Бонапарте разсудилъ еще разъ обратиться къ своимъ воинамъ, чтобы болѣе возбудить ихъ энтузіасмъ напоминаніемъ предлежащаго огромнаго подвига и предупредить объ опасностяхъ, на случай если бы они упали духомъ или не стали строго соблюдать дисциплину. Вотъ знаменитая прокламація, изданная имъ по этому случаю:

« Бонапарте, членъ національной Академіи, главнокомандующій войсками.

«На кораблѣ Лоріанъ, 4 мессидора VI года.

« Воины,

« Вамъ предстоитъ сдѣлать завоеваніе, котораго послѣдствія будутъ неисчислимы, какъ въ отношеніи къ просвѣщенію, такъ и къ всемірной торговлѣ. Вы этимъ нанесете Англіи самый вѣрный и самый чувствительный ударъ, въ ожиданіи того, которымъ совершенно сокрушите ее.

« Намъ прійдется сдѣлать нѣсколько трудныхъ переходовъ; дать много сраженій; мы успѣшно исполнимъ наши намѣренія; за насъ судьба. Беи мамлюковъ, которые исключительно благопріятствуютъ англійской торговлѣ, которые наносятъ непріятности нашимъ негоціянтамъ, которые тиранятъ бѣдныхъ обитателей береговъ Нила; эти самые беи, черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прибытія, не будутъ болѣе существовать.

« Народы, съ которыми вы будете въ сношеніи, магометане; ихъ первая заповѣдь: «Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его.» Не спорьте съ ними; поступайте съ магометанами, какъ поступали съ Евреями, какъ поступали съ Италіянцами; обращайтесь почтительно съ ихъ муфтіями, съ ихъ иманами, какъ обращались съ духовными другихъ народовъ.

« Римскіе легіоны покровительствовали всѣмъ религіямъ. Вы встрѣтите здѣсь обычаи различные отъ обычаевъ европейскихъ: привыкайте къ нимъ.

« Народы, къ которымъ мы идемъ, обращаются съ женщинами не такъ какъ мы; но того, кто насилуетъ, во всякой странѣ считаютъ за изверга.

« Грабежъ обогащаетъ не многихъ, безчеститъ всѣхъ, уничтожаетъ ресурсы, и дѣлаетъ нашими врагами тѣхъ, чье благорасположеніе намъ нужно.

« Первый городъ, который мы встрѣтимъ на нашемъ пути, сооруженъ Александромъ; мы на каждомъ шагу найдемъ ве-

ликія воспоминанія, достойныя воспламенить духъ Французовъ. »

Вслѣдъ за этою прокламаціей, Бонапарте отдалъ приказъ по арміи, которымъ объявлялась смертная казнь всякому, кто будетъ грабить, насиловать, налагать контрибуціи или дѣлать какіе бы то ни было поборы. За строгимъ исполненіемъ этого приказа велѣно неослабно наблюдать старшимъ начальникамъ, и малѣйшее упущеніе оставлено на ихъ отвѣтственности, которой они подвергнуты и за всякое другое упущеніе по службѣ.

Всѣ эти распоряжанія сдѣланы по примѣру распоряженій въ подобныхъ случаяхъ Римлянъ, о которыхъ Бонапарте напоминалъ въ своей прокламаціи такъ кстати, и въ которой всего замѣчательнѣе тò, что возбуждая мужество своихъ воиновъ, не прописываетъ, подобно инымъ полководцамъ, всѣхъ своихъ титуловъ, а называетъ себя, просто, членомъ Французской Академіи, и тѣмъ какъ-бы основываетъ свое вліяніе на миролюбной силѣ мышленія. Замѣтимъ, что въ этомъ самомъ Египтѣ, Александръ выдавалъ себя за сына Юпитера, Кессарь за потомка боговъ, Магомметъ за пророка; вспомнимъ, что Аттила называлъ себя Бичемъ Божіимъ, и подивимся великому полководцу, который въ своихъ оффиціальныхъ письмахъ и прокламаціяхъ подписывался просто: Членъ національной Академіи.

Флотъ прибылъ къ Александріи 1 іюля. За два дня передъ тѣмъ Нельсонъ былъ у той же гавани, но удивленный, что не встрѣтилъ французской эскадры, предположилъ, что она направилась къ берегамъ Сиріи и отплылъ къ Александреттѣ. Бонапарте, извѣстясь объ этомъ и предусматривая скорое возвращеніе Нельсона, предпринялъ немедленно произвесть высадку войска. Адмиралъ Брюи всѣми силами противился скорому исполненію этой мѣры; но Бонапарте настоялъ, сказавъ Брюи, который просилъ отсрочки только на двѣнадцать часовъ: «Послушайте, адмиралъ, мнѣ некогда терять времени; Фортуна даетъ мнѣ три дня; если я ими не воспользуюсь, то мы погибли. »

Адмиралъ, къ счастью эскадры, былъ принужденъ уступить; мы говоримъ къ счастью, потому что Нельсонъ не замѣдлилъ

возвратиться къ Александріи. Но было уже поздно; быстрота дѣйствія главнокомандующаго спасла армію, которая вся успѣла перейти на твердую землю.

Высадка произведена въ ночи съ 1 на 2 іюля, въ часъ по

полуночи, въ Марабу, въ трехъ льё отъ Александріи. Войска немедленно устремились на этотъ городъ и взяли его приступомъ. Клеберъ, начальствовавшій аттакою, раненъ въ голову. Впрочемъ, эта побѣда не стоила Французамъ большихъ потерь. Въ покоренномъ городѣ не сдѣлано ни грабежа ни убійствъ.

Въ минуту высадки, Бонапарте писалъ къ египетскому пашѣ:

« Исполнительная Директорія французской республики неоднократно обращалась къ Блистательной Портѣ съ просьбою наказать египетскихъ беевъ, за оскорбленія, наносимыя французскимъ негоціянтамъ.

« Но Блистательная Порта объявила, что беи, люди своенравные и любостяжательные, не внимаютъ голосу справедливости, и что Порта, со своей стороны, не только не поощряетъ беевъ къ оскорбленію своихъ давнихъ союзниковъ Французовъ, но еще и лишаетъ ихъ своего покровительства.

« Французская республика рѣшилась послать сильную армію для прекращенія разбойничества египетскихъ беевъ, точно также какъ принуждена была въ текущее столѣтіе посылать арміи противъ беевъ тунисскихъ и алжирскихъ.

« Ты, который бы долженъ былъ быть верховнымъ начальникомъ беевъ, и котораго они держатъ въ Каирѣ, лишивъ всякой власти, ты долженъ радоваться моему пришествію.

« Тебѣ, безъ сомнѣнія, должно уже быть извѣстно, что я не пришелъ дѣйствовать противъ Корана и противъ султанскаго правительства; ты знаешь, что во всей Европѣ, одни только Французы вѣрные союзники Блистательной Порты.

« Пріиди же на мое стрѣтеніе, и вмѣстѣ со мною прокляни богоотступное племя беевъ. »

Занявъ Александрію, Наполеонъ поспѣшилъ издать прокламацію къ ея жителямъ:

« Бонапарте, членъ національной Академіи, главнокомандующій французскою арміею.

« Съ довольно давнихъ поръ беи, управляющіе Египтомъ, наносятъ обиды французской націи, и притѣсняютъ французскихъ негоціянтовъ; пришелъ часъ ихъ наказанія.

« Съ давнихъ поръ, эта стая невольниковъ, купленныхъ на Кавказѣ и въ Грузіи, властвуютъ надъ прекраснѣйшею страною въ мірѣ; но Богъ, отъ котораго зависитъ все, повелѣлъ чтобы ихъ владычеству положенъ былъ конецъ.

« Народы Египта! вамъ скажутъ, что я пришелъ разорить вашу религію; не вѣрьте! отвѣчайте клеветникамъ, что я пришелъ затѣмъ, чтобы возвратить вамъ ваши права, наказать похитителей, и что я, болѣе чѣмъ мамлюки, чту Бога, *Его пророка и аль-Коранъ* (?!!). Скажите имъ, что передъ Богомъ

всѣ люди равны; однѣ только добродѣтели, да премудрость и таланты полагаютъ между ними различіе. А какія же добродѣтели, какая премудрость, какіе таланты отличаютъ мамлюковъ и даютъ имъ право пользоваться исключительно всѣми сладостями жизни?

« Если Господь Богъ отдалъ Египетъ имъ во владѣніе, то пусть они покажутъ заключенное условіе. Но Господь Богъ милосердъ и справедливъ къ народу.

« Каждый Египтянинъ признается способнымъ занимать мѣста по службѣ; умнѣйшіе, просвѣщеннѣйшіе, добродѣтельнѣйшіе станутъ управлять страною и народъ будетъ счастливъ.

« Было время, что вы имѣли большіе города, большіе каналы, большую торговлю; отъ чего же все это исчезло, какъ не отъ скупости, несправедливости и тиранства мамлюковъ?

« Кадіи, шейки, иманы, шорбаджи, скажите народу, что мы друзья истинныхъ мусульманъ. Не мы ли искони были друзьями Султана (да исполнитъ Господь всѣ его желанія!) и недругами его непріятелей? А мамлюки, напротивъ, развѣ не вышли изъ повиновенія Султану, которому не покоряются и донынѣ.

« Трикраты блаженны тѣ, которые будутъ за одно съ нами! они пойдутъ въ чины и богатство ихъ пріумножится. Блаженны тѣ, которые не пріймутъ ни чей стороны! они будутъ имѣть время узнать насъ, и узнавши, возьмутъ нашу сторону. Но горе, трикраты горе тѣмъ, которые пристанутъ къ мамлюкамъ и поднимутъ оружіе противъ насъ! Для нихъ не будетъ надежды: они всѣ погибнутъ. »

Бонапарте, поручивъ Клеберу начальство въ Александріи, отправился оттуда, 7 іюля, по дорогѣ въ Дамангуръ, черезъ пустыню, гдѣ голодъ, жажда и нестерпимый зной заставили армію переносить неслыханныя страданія, отъ которыхъ многіе солдаты погибли. Въ Дамангурѣ страданія эти нѣсколько облегчились; Бонапарте учредилъ тамъ главную квартиру и расположился въ домѣ одного престарѣлаго, богатаго шейка, который притворился бѣднякомъ, чтобы избавиться отъ ожидаемыхъ притязаній. Наполеонъ продолжалъ походъ па Каиръ, и въ теченіи четырехъ дней успѣлъ разбить мамлюковъ при Раманигѣ (Ramanieh) и истребить кавалерію и флотилію беевъ

въ Хебресѣ. Въ этомъ послѣднемъ сраженіи, главнокомандующій построилъ свое войско кареями, и быстрота натиска храброй непріятельской кавалеріи не могла разстроить ихъ. Въ битвѣ при Хебризѣ, гдѣ дивизіонный генералъ Перè, ат-

тaкованный превосходными силами, съумѣлъ, не только выйти изъ опаснаго положенія, но и склонить побѣду на свою сторону, принимали личное участіе члены ученой экспедиціи Монжъ и Бертолетъ, и оба оказали важныя заслуги своею храбростью.

Всѣ эти успѣшныя дѣйствія противъ Арабовъ были только предвѣстниками побѣды болѣе значительной, которая отворила Французамъ вороты Каира. Въ концѣ іюля, французская армія встрѣчена Мурадъ-беемъ у подножія пирамидъ. Бонапарте,

одушевленный видомъ этихъ исполинскихъ памятниковъ, вскричалъ, передъ самымъ началомъ битвы: «Воины, вы будете теперь сражаться съ властелинами Египта; не забудьте, что съ вершинъ этихъ памятниковъ на васъ смотрятъ сорокъ вѣковъ!»

Сраженіе это названо Ембабегскимъ, отъ имяни близъ лежащаго селенія. Въ немъ мамлюки были совершенно поражены, послѣ упорнаго бою, продолжавшагося девятнадцать

часовъ. Вотъ описаніе этоій страшной и кровопролитной битвы, составленное самимъ побѣдителемъ.

« Сраженіе при пирамидахъ.

« Третьяго числа, на утренней зарѣ, мы начали встрѣчать непріятельскіе авангарды, которыхъ гнали отъ селенія до селенія.

« Въ два часа по полудни, мы стояли передъ непріятельскими ретраншаментами.

« Я приказалъ дивизіямъ генераловъ Дезè и Ренiè занять позицію на правомъ флангѣ между селеній Джизега и Ембабега, такъ, чтобы онѣ могли отрѣзать непріятелю дорогу на Верхній-Египетъ, по которой онъ естественно долженъ былъ отступать. Армія наша была расположена въ томъ же боевомъ порядкѣ, какъ и въ сраженіи при Хебресѣ.

« Едва Мурадъ-бей примѣтилъ движеніе генерала Дезè, какъ и рѣшился аттаковать его; на этотъ конецъ онъ выслалъ одного изъ отважнѣйшихъ своихъ беевъ и отрядъ лучшихъ войскъ, который съ быстротою молніи напалъ на обѣ наши дивизіи. Непріятелей подпустили на разстояніе пятидесяти шаговъ, и тогда уже осыпали градомъ пуль и картечь, отъ которыхъ погибло ихъ множество. Тогда они кинулись въ интервалъ двухъ дивизій, попали въ перекрестный огонь и поражены совершенно.

« Я воспользовался этимъ мгновеніемъ, и приказалъ генералу Бону, стоявшему на берегу Нила, аттаковать ретраншаменты, а генералу Віалю, командующему дивизіей генерала Мену, стать между этими ретраншаментами и остаткомъ вышедшаго изъ нихъ непріятельскаго отряда, съ тройною цѣлью, первое, не допустить остатковъ отряда возвратиться въ ретраншаменты, второе, запереть въ нихъ войско Мурадъ-бея, и третье, въ случаѣ надобности, напасть на него съ лѣваго флангу.

« Лишь только генералы Віаль и Бонъ заняли назначенныя имъ позиціи, то и приказали первымъ и третьимъ дивизіонамъ всѣхъ своихъ баталіоновъ построиться въ колонны къ аттакѣ, а вторымъ и третьимъ оставаться въ каре, всего въ три ряда, и итти подкрѣплять колонны къ аттакѣ.

« Колонны къ аттакѣ дивизіи генерала Бона, кинулись, подъ командою храбраго генерала Рампона, на ретраншаменты съ обычнымъ своимъ мужествомъ и несмотря на огонь довольно значительной непріятельской артиллеріи; тогда мамлюки, выскакавъ изъ ретраншамента во весь галопъ, бросились на нихъ. Но колонны успѣли остановиться, стать въ каре, и встрѣтили наѣздниковъ градомъ пуль и щетиной штыковъ. Мѣсто битвы въ одну минуту было устлано непріятельскими трупами, и мы скоро овладѣли ретраншаментами. Мамлюки, обращенные въ бѣгство, толпами кинулись къ сторонѣ своего лѣваго крыла; но тутъ былъ поставленъ баталіонъ карабинеровъ, и мамлюки, спасаясь, должны были проходить подъ его батальнымъ огнемъ не больше, какъ въ разстояніи пяти шаговъ; они падали цѣлыми грудами. Многіе изъ нихъ бросились въ Нилъ и потонули.

« Намъ досталось болѣе четырехъ сотъ верблюдовъ съ багажемъ, и пятьдесятъ орудій. Я полагаю потерю мамлюковъ въ двѣ тысячи человѣкъ ихъ лучшихъ наѣздниковъ. Бо́льшая часть ихъ беевъ или убиты, или ранены. Мурадъ-бей раненъ въ щеку. Наша потеря простирается отъ двадцати до тридцати человѣкъ убитыми и до ста двадцати ранеными. Въ ту же ночь непріятель оставилъ Каиръ. Всѣ его канонирскія лодки, корветы, брики, и даже одинъ фрегатъ, сожжены, и 4 числа наши войска вступили въ Каиръ. Ночью чернь сожгла дома̀ беевъ и сдѣлала много безпорядковъ. Въ Каирѣ, гдѣ слишкомъ триста тысячъ жителей, чернь — народъ самый негодный.

« Войско, состоящее подъ моей командою, уже столько разъ сражалось противу непріятеля, превосходнаго числомъ, что я не сталъ бы хвалить ни его мужества, ни присутствія духа въ настоящемъ дѣлѣ, если бы это сраженіе не было для него въ совершенно новомъ родѣ, требовавшемъ величайшаго хладнокровія, которое такъ несовмѣстно съ живостью нашего характера. Увлекись оно своею обыкновенною пылкостью, то не одержало бы побѣды, которая могла быть одержана только посредствомъ величайшаго хладнокровія и великаго терпѣнія.

« Мамлюкская кавалерія оказала большую храбрость. Эти всадники защищали не одну свою жизнь но и богатство; не

было ни одного изъ нихъ, на которомъ бы наши солдаты не нашли трехъ, четырехъ и пяти сотъ лундоровъ.

« Вся роскошь мамлюковъ состоитъ въ ихъ лошадяхъ и оружіи. Жилища ихъ, просто, лачуги. Мудрено найти землю болѣе обильную и жителей болѣе несчастныхъ, необразованныхъ, униженныхъ. Они предпочитаютъ мундирную пуговицу нашихъ солдатъ шести-франковой монетѣ; въ деревняхъ они не знаютъ даже употребленія ножницъ. Жилища ихъ построены изъ грязи. Всю ихъ мебель составляютъ циновка да два три глиняные горшка. Они ѣдятъ мало и вообще довольствуются весьма немногимъ. Не знаютъ мельницъ; такъ, что намъ случалось стоять биваками на поляхъ покрытыхъ на необозримое пространство хлѣбомъ и однако же не имѣть муки. Мы питались одною зеленью и мясомъ. Малое количество муки, потребляемой жителями, мелется ими на камняхъ въ родѣ ручныхъ жернововъ; а въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ есть мельницы, дѣйствующія посредствомъ воловъ.

« Насъ безпрерывно тревожили тучи Арабовъ, которые величайшіе разбойники и мерзавцы въ свѣтѣ; имъ всё равно бить что Турка, что Француза, только бы который попался имъ въ руки. Бригадный генералъ Мюирёръ и многіе адъютанты были убиты этими разбойниками, засѣвшими, на своихъ маленькихъ отличныхъ лошадяхъ, по оврагамъ и за возвышеніями: бѣда тому, кто только на сто шаговъ отойдетъ отъ своей колонны. Генералъ Мюирёръ, несмотря на убѣжденія карауловъ цѣпи, захотѣлъ, по влеченію судьбы, котораго дѣйствіе я часто замѣчалъ на людяхъ близкихъ къ положенному имъ предѣлу, одинъ взойти на возвышенность въ двухъ стахъ шагахъ отъ лагеря; за нею скрывались три бедуина, и убили его. Республика понесла въ немъ дѣйствительную потерю: онъ былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ, которыхъ я знаю.

« Республика нигдѣ не можетъ такъ близко и такъ выгодно основать колонію, какъ въ Египтѣ. Климатъ тамошній, по причинѣ прохладныхъ ночей, очень здоровъ. У насъ, несмотря на пятнадцатидневный переходъ, на всевозможныя утомленія, на недостатокъ вина и всего того, что могло бы подкрѣпить человѣка, нѣтъ по-сію-пору больныхъ. Солдаты

наши нашли большое пособіе въ пастекахъ, родѣ дынь, которыхъ здѣсь большое множество....

«Артиллерія отличилась въ особенности. Я прошу васъ произвесть въ дивизіонные генералы бригаднаго генерала Доммартена. Начальника бригады Детена (Destaing), я произвелъ въ бригадные генералы; генералъ Заіончекъ отлично исполнилъ многіе важныя порученія, которыя я возлагалъ на него. провіантъ-мейстеръ Суси (Sucy), плылъ съ нашей флотиліей по Нилу, чтобы облегчить намъ доставленіе провіанту изъ Делты. Видя, что я ускоряю маршъ, и желая быть при мнѣ во время сраженія, онъ, несмотря на опасность, сѣлъ на канонирскую лодку и отдѣлился отъ флотиліи. Лодка его стала на мель, и онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ многочисленнымъ непріятелемъ; провіантъ-мейстеръ оказалъ при этомъ случаѣ величайшее мужество; очень опасно раненый въ руку, онъ, своимъ примѣромъ, успѣлъ однако же воодушевить экипажъ и спасти лодку.

«Съ самаго отбытія изъ Франціи, мы не получаемъ оттуда ни какихъ извѣстій....

«Прошу васъ приказать выдать женѣ гражданина Ларрея, главнаго врача арміи, награжденіе въ тысячу двѣсти франковъ. Мужъ ея, своимъ усердіемъ и дѣятельностью, оказалъ намъ въ пустынѣ величайшія услуги. Я не знаю ни одного врача, который бы могъ лучше его занимать должность главнаго начальника подвижныхъ лазаретовъ.»

На другой день, 4 термидора (22 іюля), Бонапарте пришелъ къ Каиру и издалъ слѣдующую прокламацію:

«Жители Каира, я доволенъ вашими поступками; вы хорошо сдѣлали, что не приняли стороны моихъ непріятелей. Я пришелъ истребить племя мамлюковъ, покровительствовать торговлѣ и природнымъ жителямъ страны. Пусть всѣ, которые боятся, отложатъ страхъ; которые бѣжали отъ домовъ своихъ, пусть возвратятся; продолжайте молиться и сегодня, какъ молились вчера, какъ желаю, чтобы вы молились всегда. Не опасайтесь нисколько за ваши семейства, ваши домы, вашу собственность, и, главное, за религію вашего пророка, *котораго я люблю*. Такъ какъ для спокойствія города необходимо нужно, чтобы въ немъ была устроена власть, блюстительница

порядка, то учреждается диванъ, состоящій изъ семи присутствующихъ, изъ которыхъ два будутъ всегда находиться при комендантѣ, а четверо наблюдать за порядкомъ города и дѣйствіями полиціи. »

Бонапарте имѣлъ 24 іюля въѣздъ въ столицу Египта. Двад-

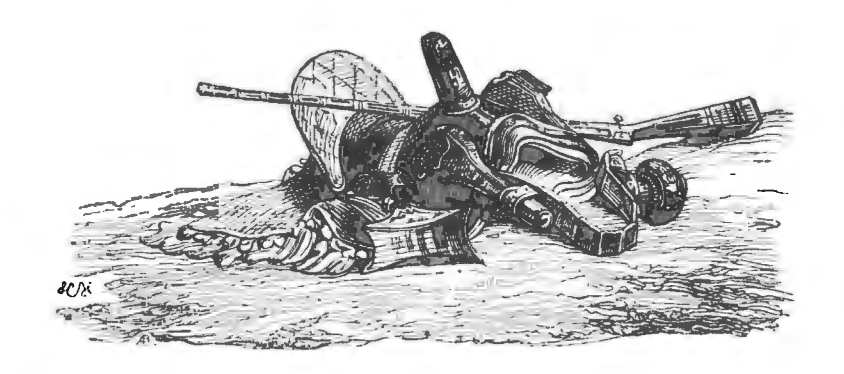
цать пятаго, онъ такъ писалъ къ брату своему Іосифу, члену Пятисотеннаго Совѣта:

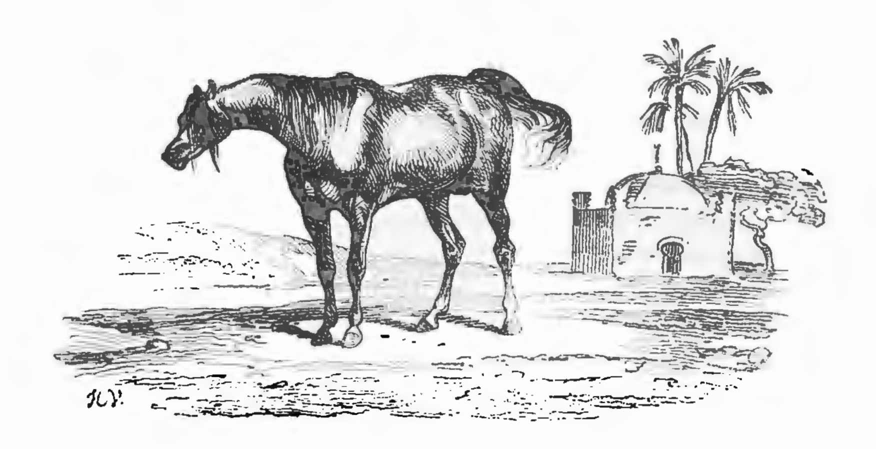
« Ты прочитаешъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ бюллетени о сраженіяхъ нашихъ въ Египтѣ и о покореніи этой страны, которое было довольно оспариваемо для того, чтобы прибавить новый лавровый листокъ къ побѣдному вѣнцу нашей арміи. Египетъ, земля изъ всѣхъ земель богатѣйшая рисомъ, пшеницей, овощами, мясомъ. Непросвѣщеніе здѣсь совершен-

пьйшее. Нѣтъ денегъ, нѣтъ даже на выдачу жалованья войску. Я могу возвратиться во Францію черезъ два мѣсяца.

« Постарайся, чтобы мнѣ, къ моему пріѣзду, была готова какая-нибудь мыза или около Парижа, или въ Бургундіи. Я думаю провесть на ней зиму. »

Это письмо доказываетъ, что Наполеонъ считалъ свое завоеваніе обезпеченнымъ, и полагалъ, что уже безъ всякой опасности можетъ положиться въ его сохраненіи на благоразуміе и искусство своихъ помощниковъ. Но зачѣмъ же это нечаянное возвращеніе въ Францію? за тѣмъ ли, какъ нѣкоторые полагали, чтобы извлечь изъ нея новыя подкрѣпленія военнымъ силамъ и положить начало колонизаціи? или только имѣлъ онъ въ виду приблизиться къ театру, на которомъ долженъ былъ играть первую ролю, и полагалъ, что пришло время сбыться обстоятельствамъ, которыя онъ давно предвидѣлъ и желалъ для своихъ личныхъ выгодъ? Намъ кажется, что послѣднее предложеніе вѣроятнѣе перваго.

ГЛАВА VIII.

Пораженіе подъ Абукиромъ. Распоряженія Наполеона въ Египтѣ. Сирійская кампанія. Возвращеніе въ Египетъ. Абукирская битва. Отъѣздъ во Францію.

Пока Дезѐ преслѣдовалъ Мурадъ-бея въ Верхнемъ Египтѣ, Наполеонъ занимался въ Каирѣ устроеніемъ порядочнаго управленія египетскими областями. Но Ибрагимъ-бей, который устремился въ Сирію, принудилъ своими маневрами побѣдителя-законодавца возвратиться на поле битвъ. Бонапарте настигъ и разбилъ его при Салехеѣ (Salehey'h). Въ этомъ сраженіи раненъ храбрый Сулковскій.

Радость войска при этой новой побѣдѣ была вскорѣ смущена печальнымъ извѣстіемъ. Клеберъ, черезъ нарочнаго, увѣдомилъ Бонапарте, что французскій флотъ, послѣ мужественной обороны, истребленъ Нельсономъ при Абукирѣ. Едва слухъ объ этомъ распространился по арміи, какъ ея смущеніе и неудовольствіе дошли до высочайшей степени. И солдаты и начальники, которыми овладѣло безпокойство еще на первыхъ дняхъ послѣ высадки, почувствовали болѣе чѣмъ когда-нибудь припадки ностальгіи, и начали роптать. Напо-

леонъ, измѣривъ однимъ взоромъ всю бѣдственность пораженія Французскаго флота, сначала, казалось, самъ упалъ духомъ; и когда ему сказали-было, что Директорія, навѣрное, пріиметъ мѣры, чтобы какъ-можно скорѣе помочь такому несчастію, онъ съ живостью отвѣчалъ: «Ваша Директорія не что больше какъ.... Они завидуютъ мнѣ и боятся меня; они оставятъ меня здѣсь на погибель. Да и притомъ, продолжалъ онъ, указывая на свой главный штабъ: развѣ вы не видите всѣхъ этихъ лицъ? смотрите, имъ такъ и хочется поскорѣе уйти.»

Но уныніе не могло долго владѣть душою великаго человѣка, и онъ тутъ же воскликнулъ: «Быть такъ! мы или останемся здѣсь, или выйдемъ отсюда великими людьми, великими какъ древніе!!»

Съ этой минуты Бонапарте сталъ неутомимо заниматься гражданскимъ устройствомъ Египта. Онъ больше чѣмъ когда-нибудь постигъ необходимость привлечь на свою сторону жителей, и учредить постоянныя заведенія. Однимъ изъ пер-

выхъ такихъ заведеній, было учрежденіе академіи, по примѣру парижской. Онъ раздѣлилъ ее на четыре класса, математическій, физическій, политической экономіи, литературный и свободныхъ художествъ. Президентомъ назначенъ Монжъ, а титуломъ вице-президента Наполеонъ почтилъ самаго себя. Открытіе этой академіи было торжественное, и при этомъ случаѣ безсмертный воинъ повторилъ то̀, что уже было имъ сказано при принятіи его въ члены Французской Академіи; онъ снова сказалъ, что торжество надъ невѣжествомъ величайшее изъ торжествъ, и что успѣхи его оружія суть успѣхи просвѣщенія.

Бонапарте пользовался уже народностью между мусульманами, и они приглашали его на всѣ свои празднества. По поводу этого онъ присутствовалъ, а не предсѣдательствовалъ, какъ говорили, при праздникѣ въ честь разлитія Нила и рожденія Магомета. Уваженіе, оказываемое имъ при

всякомъ случаѣ къ религіи лжепророка, не мало содѣйствовало къ пріобрѣтенію большаго вліянія надъ Египтянами. Въ подобномъ образѣ поведенія иные видѣли симпатію къ исламизму, но въ немъ скрывалась одна только политическая хитрость. Бурріеннъ, ([1]) какъ очевидецъ, опровергаетъ показанія Вальтеръ-Скотта и нѣкоторыхъ другихъ писателей, которые говорили, что Бонапарте принималъ дѣятельное участіе въ торжественныхъ обрядахъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, и свидѣтельствуетъ о томъ, что Бонапарте присутствовалъ при этихъ обрядахъ какъ простой зритель и всегда въ мундирѣ. Говоря по истинѣ, должно сказать, что Наполеонъ не былъ ни христіаниномъ ни мусульманиномъ; онъ и его армія были въ Египтѣ представителями французской философіи, вѣротерпѣливаго скептицызма и религіознаго равнодушія осьмнадцатаго столѣтія. Только за неимѣніемъ въ головѣ положительной религіи, Бонапарте питалъ въ душѣ неопредѣленную религіозность. Но это расположеніе, которое предохранило его отъ современной ієрофобіи, и позволяло ему серіозно разговаривать съ имамами и шейками, какъ, бывало, разговаривалъ онъ съ духовными лицами изъ христіанъ и Евреевъ, это расположеніе не склоняло его ни къ Евангелію ни къ аль-Корану.

Учрежденіе французской республики праздновано въ Каирѣ 1 вендеміера VII года. По этому случаю Наполеонъ сказалъ своимъ воинамъ слѣдующую рѣчь:

« Воины, за пять лѣтъ назадъ отечество было въ опасномъ положеніи; вы взяли обратно Тулонъ, и это было предзнамѣнованіемъ паденія вашихъ враговъ. Чрезъ годъ потомъ вы поразили Австрійцевъ при Дего: на слѣдующій годъ вы были уже на Альпахъ. Два года тому вы боролись съ Мантуей и одерживали знаменитую сенъ-жоржскую побѣду. Въ прошлый годъ вы, по возвращеніи изъ Германіи, были у истоковъ

([1]) Наполеонъ присутствовалъ въ домѣ шейка Ель-Бекира на праздникѣ рожденія Магомета. Онъ увидѣлъ у него двухъ молодыхъ мамлюковъ, Ибрагима и Рустана, и выпросилъ ихъ у шейка. Впрочемъ, на Бонапарте не было ни чалмы, ни другаго какого либо знака магометанства. Правда, онъ приказалъ-было сшить для себя полный турецкій костюмъ, но, просто, изъ одной причуды и для забавы въ кругу людей самыхъ къ нему близкихъ. Наполеонъ надѣвалъ его только однажды, потому что ему откровенно сказали, что онъ ему не къ лицу.

Дравы и Изонзы. Кто бы могъ тогда сказать, что нынѣ вы будете на берегахъ Нила, въ средоточіи древняго материка? На васъ обращены взоры цѣлаго міра, начиная отъ Англичанъ, знаменитыхъ въ торговлѣ и искусствахъ, до варваровъ Бедуиновъ. Воины! прекрасна судьба ваша, потому что вы достойны своихъ дѣлъ и того мнѣнія, которое о васъ имѣютъ. Вы, или умрете смертью храбрыхъ, какъ ваши товарищи, которыхъ имяна написаны на этой пирамидѣ (1), или возвратитесь въ отечество покрытые лаврами и будете въ удивленіе всѣмъ народамъ.

« Въ эти пять мѣсяцевъ, что мы оставили Европу, мы находилися предметомъ безпрерывной попечительности нашихъ соотечественниковъ. Въ нынѣшній день сорокъ милліоновъ нашихъ сограждапъ празднуютъ день учрежденія республики; сорокъ милліоновъ человѣкъ думаютъ о васъ, и всѣ говорятъ: они своими трудами, своею кровью купили намъ общій миръ, спокойствіе, процвѣтаніе торговли и общественную свободу. »

Шейхи, въ свою очередь, въ знакъ признательности къ тому участію, которое Бонапарте принималъ въ ихъ празднествахъ, захотѣли, по-крайней-мѣрѣ по наружности, принять участіе въ торжествѣ Французовъ; они огласили главную мечеть пѣснями радости, и молили Аллаха «благословить любимца побѣды (2) и увѣнчать успѣхомъ храбрыхъ пришельцевъ отъ Запада. »

(1) Бонапарте велѣлъ вырѣзать на Помпеевой колоннѣ имяна сорока солдатъ, которые первые умерли въ Египтѣ.

(2) Наполеонъ оставилъ въ Египтѣ, какъ и въ Европѣ, неизгладимые слѣды; имя его уважается варварами, какъ уважается и народами просвѣщенными. Знаменитый естествоиспытатель, Шампольонъ-Младшій, котораго смерть такъ рано похитила у наукъ и друзей, разсказывалъ намъ, что въ бытность свою въ Египтѣ, онъ посѣтилъ въ Ѳиваидѣ одного изъ беевъ, и, обѣдая у него, счелъ приличнымъ выпить за здоровье египетскаго намѣстника, въ той увѣренности, что хозяинъ не преминетъ поблагодарить гостя и взаимно выпьетъ за здоровье Карла X, тогдашняго короля Французовъ. Но бей оставилъ въ сторонѣ всѣ политическія приличія, съ восторгомъ сказалъ: «Вотъ я предложу тебѣ здоровье, отъ котораго ты, вѣрно, не откажешься: выпьемъ за здоровье великаго Бонапарте.»

Посреди этихъ дружественныхъ сношеній, начальники мамлюковъ, Ибрагимъ и Мурадъ-беи, будучи союзниками Англіи, старались произвесть возстаніе, которое не замедлило вспыхнуть и въ самой столицѣ Египта. Бонапарте былъ тогда въ Старомъ Каирѣ, и едва узналъ о происходившемъ, тотчасъ же поспѣшилъ прибыть въ свою главную квартиру. Улицы

Каира были немедленно очищены французскими войсками, которые принудили мятежниковъ укрыться въ большую мечеть, гдѣ вскорѣ артиллерія начала громить ихъ. Они было не хотѣли сдаваться; однако же громъ орудій, подобіе грому небеснаго, подѣйствовалъ на нихъ суевѣріе и они стали готовы къ покорности. Но Наполеонъ отвергъ позднія предложенія, сказавъ: «Часъ милосердія прошелъ; вы начали, — я кончу.» Двери мечети были въ ту же минуту отбиты, и кровь Тур-

ковъ полилась потокомъ. Кромѣ наказанія непослушныхъ за мятежъ, Бонапарте имѣлъ еще въ виду и отмстить за смерть

генерала Дюпюи, коменданта города, и за смерть храбраго Сулковскаго, котораго онъ очень любилъ и уважалъ.

Вліяніе Англіи, подстрекнувшей мятежъ въ Каирѣ и возстаніе цѣлаго Египта, сдѣлало то̀, что и диванъ константинопольскій началъ быть непріязненнымъ Французамъ. Султанъ издалъ манифестъ, исполненный ругательствъ, которымъ предавалъ проклятію французскую армію, и повелѣвалъ своимъ войскамъ уничтожить ее. Бонапарте отвѣчалъ прокламаціей, которая оканчивалась слѣдующими словами: «Набожнѣйшій изъ пророковъ сказалъ: мятежъ дремлетъ; да будетъ проклятъ тотъ, кто возбудитъ его!»

Черезъ нѣсколько времени потомъ, Наполеонъ отправился въ Суецъ, чтобы увидѣть слѣды древняго канала, соединявшаго Нилъ съ Чермнымъ моремъ. Ему сопутствовали Монжъ

и Бертолетъ. Пожелавъ осмотрѣть Моисеевы источники, Бонапарте ночью потерялъ дорогу и едва не сдѣлался жертвою своего любопытства. «Чуть чуть не погибъ я какъ Фараонъ, сказалъ онъ по этому случаю: а славное бы сравненіе для ораторскихъ рѣчей!»

Отшельники горы Синая, услышавъ, что онъ не далеко отъ нихъ, прислали къ нему депутацію, съ просьбою, вписать свое имя въ книгу посетителей, вслѣдъ за именами Али, Са-

ладина, Ибрагима и прочихъ. Наполеонъ не отказалъ имъ въ этомъ удовольствіи, тѣмъ болѣе, что оно удовлетворяло его собственному честолюбію и жаждѣ извѣстности.

Между-тѣмъ Джеззаръ-Паша овладѣлъ крѣпостью Эль-Аришъ въ Сиріи. Наполеонъ, помышляя съ нѣкоторыхъ поръ о походѣ въ эту область, тотчасъ же рѣшился исполнить свое намѣре-

ніе. Извѣстіе объ успѣхахъ Джеззаръ-Паши онъ получилъ въ Суецѣ, и поспѣшилъ возвратиться въ Каиръ, чтобы взять войска, нужныя для новой экспедиціи; упрочивъ спокойствіе столицы казнію нѣсколькихъ начальниковъ бывшаго мятежа, онъ оставилъ Египетъ и вступилъ въ Азію. Передъ нимъ лежала степь; онъ поѣхалъ на верблюдѣ, животномъ болѣе ло-

шади способномъ переносить утомленіе и зной. Наполеонъ настигъ свой авангардъ, который было заблудился въ пустынѣ, въ самую ту пору какъ войско, его составлявшее, начинало уже отчаяваться и изнывало отъ усталости и жажды. Бонапарте сказалъ своему авангарду: «Вотъ вамъ вода и съѣстные припасы; но если бъ все это и не подоспѣло, такъ развѣ надо роптать и упадать духомъ? нѣтъ; учитесь умирать съ честью.»

Однако же физическія страданія воиновъ доходили иногда до того, что подчиненность и дисциплина ослабѣвали. Въ палящихъ пескахъ Аравіи случилось, что французскій солдатъ съ трудомъ уступалъ своимъ начальникамъ нѣсколько капель мутной воды или мѣсто въ тѣни, какъ, послѣ, въ Россіи, спорилъ за уголокъ передъ огнемъ или за кусокъ лошадинаго мяса. Разъ, когда главнокомандующій почувствовалъ себя изнеможеннымъ, то ему, въ знакъ особенной *милости*, предоставили склонить голову подъ обломокъ двери, и Наполеонъ

говоритъ: «Это, конечно, было доказательствомъ величайшаго снисхожденія.»

Однажды, Наполеонъ, приподнявъ ногою нѣсколько камней, нашелъ камей императора Августа, который былъ высоко оцѣненъ учеными. Сначала онъ отдалъ-было этотъ камей Андреосси, но потомъ взялъ назадъ и подарилъ Жозефинѣ. Эта прекрасная находка сдѣлана въ развалинахъ Пелузы.

Предпринявъ походъ противъ Турковъ въ Сирію, Бонапарте предполагалъ косвенно дѣйствовать и противъ Англіи. Въ его умѣ уже былъ составленъ планъ экспедиціи въ Индію че-

резъ Персію, и онъ написалъ къ Типо-Саибу письмо такого содержанія: «Ты, вѣроятно, уже знаешь, что я пришелъ къ берегамъ Чермнаго моря съ неисчислимою и непобѣдимою арміею, и хочу освободить тебя отъ желѣзнаго ига Англіи.

« Спѣшу извѣстить, что желаю, чтобы ты доставилъ мнѣ, черезъ Маскатъ или Моку, свѣдѣніе о твоемъ политическомъ положеніи. Я бы даже желалъ, чтобы ты прислалъ въ Суецъ или въ Каиръ, какого-нибудь смышленаго человѣка, пользующагося твоею довѣренностью, съ которымъ бы я могъ переговорить. »

Письмо это осталось безъ отвѣта. Оно было отправлено 25 января 1799 года, а власть Типо-Саиба сокрушилась вскорѣ послѣ этого времени.

Бонапарте пришелъ къ Эль-Аришу въ половинѣ февраля. Крѣпость эта сдалась 16 февраля, послѣ совершеннаго пораженія мамлюковъ. Спустя шесть дней, Газа отворила ворота побѣдителю.

Когда подошли на довольно близкое разстояніе отъ Іерусалима, то приближенные спросили Бонапарте, не желаетъ ли онъ пройти этимъ городомъ. Наполеонъ съ живостью возразилъ: «Что касается до этого, то ни подъ какимъ видомъ! Іерусалимъ не входитъ въ мою операціонную линію; не хочу, по этимъ труднымъ дорогамъ, навязать себѣ на руки горцевъ, а съ другой стороны подвергнуться нападеніемъ многочисленной кавалеріи. Мнѣ вовсе не нравится судьба Кассія.»

Шестаго числа марта, Яффа взята приступомъ и предана на грабежъ и убійство. Бонапарте, чтобы удержать неистов-

ство солдатъ, послалъ своихъ адъютантовъ Богарнè и Круазьè, которые подоспѣли ко времени и спасли жизнь четырехъ тысячъ Албанцевъ и Арнаутовъ, составлявшихъ часть гарнизона и укрывшихся въ пространныхъ каравансараяхъ. Когда главнокомандующій увидѣлъ такое множество плѣнныхъ, то воскликнулъ: «Что прикажите мнѣ съ ними дѣлать? Чѣмъ мнѣ ихъ кормить? На чемъ переправить во Францію или въ Египетъ? Вотъ надѣлали-то дѣла!» Адъютанты стали извиняться тѣмъ, что не принять капитуляціи было бы опасно, и притомъ напомнили, что они были посланы именно для исполненія человѣколюбивыхъ видовъ главнокомандующаго. Наполеонъ возразилъ: «Да, безъ сомнѣнія, въ отношеніи къ женщинамъ, дѣтямъ, старцамъ; но мое приказаніе вовсе не касалось до вооруженныхъ солдатъ; лучше было умереть, чѣмъ привесть мнѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ. Ну, что я съ ними стану дѣлать?» И Наполеонъ цѣлые три дня разсуждалъ объ участи плѣнниковъ, ожидая, не пріидутъ ли съ попутнымъ вѣтромъ какія суда, которыя бы избавили его отъ необходимости снова проливать кровь людей. Но на морѣ не появлялось ни одного паруса; войско начинало роптать, и приказъ о разстрѣляніи Арнаутовъ и Албанцевъ отданъ 10 марта.

Каиру возвѣщено о взятіи Яффы слѣдующею прокламаціею:

«Во имя Бога, милостиваго, милосердаго, пресвятаго, властителя вселенной, по волѣ своей управляющаго своимъ твореніемъ, дающаго побѣду, вотъ разсказъ о милостяхъ, которыя Богъ Всевышній послалъ французской республикѣ; а потому мы и овладѣли Яффою, въ Сиріи.

«Джеззаръ намѣревался итти съ разбойниками Арабами въ Египетъ, гдѣ обитаютъ небогатые жители. Но судьбы Господни уничтожаютъ хитрости людей. Джеззаръ хотѣлъ, по своему варварскому обычаю, проливать кровь, по той причинѣ, что онъ гордъ и слабоуменъ, и напитался дурными правилами мамлюковъ; онъ не размыслилъ, что все происходитъ отъ Бога.

«Двадцать шестаго числа рамазана, французская армія оступила Яффу. 27 главнокомандующій приказалъ сдѣлать окопы; онъ увидѣлъ, что городъ вооруженъ пушками и заключаетъ въ себѣ много народу. 29 окопъ былъ проведенъ

длиною на сто футовъ. Главнокомандующій велѣлъ поставить со стороны моря пушки, мортиры и баттареи, чтобы удержать тѣхъ изъ жителей, которые бы вздумали выйти изъ города.

« Въ четвергъ, послѣдній день рамазана, главнокомандующій сжалился надъ жителями Яффы, и приказалъ предложить имъ о сдачѣ; но вмѣсто всякаго отвѣта, его посланный былъ задержанъ вопреки законовъ военныхъ и Магометовыхъ.

« Бонапарте въ ту же минуту закипѣлъ гнѣвомъ; онъ велѣлъ палить изъ пушекъ и метать бомбы. Вскорѣ пушки на стѣнахъ Яффы были подбиты. Къ полудню сдѣланъ проломъ; начался приступъ, и Французы, меньше чѣмъ въ часъ, овладѣли городомъ и укрѣпленіями. Обѣ арміи вступили въ рукопашный бой. Французы остались побѣдителями; грабительство продолжалось во всю ночь. Въ пятницу, главнокомандующій сжалился надъ Египтянами, находившимися въ Яффѣ; онъ помиловалъ и богатыхъ и бѣдныхъ, и съ честью отпустилъ ихъ въ отечество. Такимъ же образомъ поступилъ онъ и съ бывшими въ Яффѣ жителями Дамаска и Алепа.

« Во время сраженія погибло отъ ружья и меча болѣе четырехъ тысячъ Джеззаровыхъ воиновъ. Французы потеряли не много людей. Раненыхъ было мало, и то только тѣ, которые успѣли незамѣтно прокрасться по дорогѣ къ мосту. О поклонники Бога! покоритесь его судьбамъ; не прерѣкайте Его волѣ; сохраняйте Его заповѣди. Знайте, что земля есть Его собственность, и Онъ отдастъ ее кому хочетъ. Затѣмъ да будетъ надъ вами милость и благословеніе Божіе. »

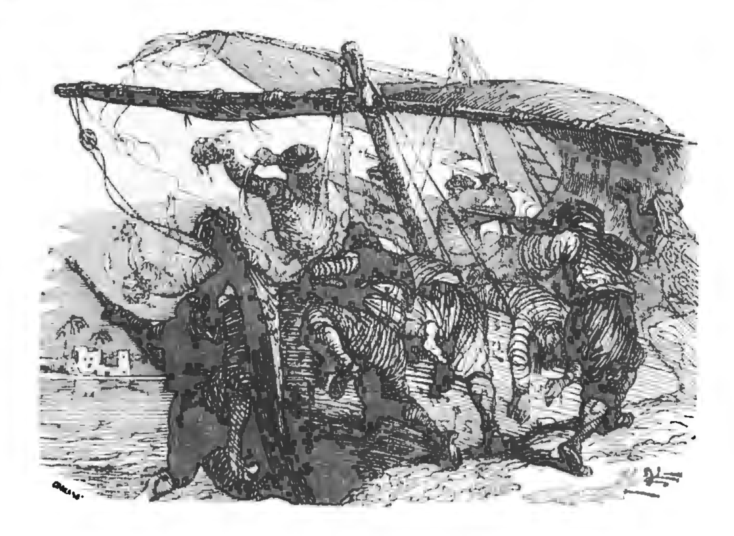
Французская армія внесла съ собою въ Сирію зародышъ моровой язвы; она развилась во время осады Яффы, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливалась. Генералъ-адъютантъ Грезіё дотого боялся заразы, что ни до кого не хотѣлъ дотрогиваться; Наполеонъ по этому случаю сказалъ: « Если онъ боится язвы, такъ умретъ отъ нея. » И предсказаніе его сбылось во время осады Акры.

Бонапарте прибылъ подъ Акру 16 марта, и нашелъ болѣе сопротивленія чѣмъ ожидалъ. Генералъ Кафарелли былъ тутъ смертельно раненъ; умирая, онъ просилъ, чтобы ему прочитали предисловіе Вольтера къ *Духу Законовъ*, что показалось

весьма страннымъ главнокомандующему, который, однако же, былъ глубоко опечаленъ потерею храбраго генерала.

Въ это время получены въ главной квартирѣ извѣстія изъ Верхняго-Египта. Дезè увѣдомлялъ между прочимъ, что военное судно *Италія*, погибло, послѣ кровопролитнаго и упорнаго бою, на западномъ берегу Нила. Наполеона, котораго геній не чуждъ былъ иногда вліянія суевѣрныхъ предразсудковъ, узнавъ объ этомъ несчастіи, вскричалъ: « Такъ и есть! Италія погибла для Франціи; мои предчувствія никогда меня не обманываютъ. »

Во время осады Акры выиграно Французами славное сраженіе при горѣ Ѳаворской, въ которомъ Клеберъ, аттакованный и окруженный двѣнадцатью тысячами непріятельскихъ всадниковъ, и такимъ же числомъ пѣшихъ воиновъ, мужественно выдержалъ ихъ нападеніе, имѣя въ своемъ отрядѣ всего только три тысячи человѣкъ. Бонапарте, извѣстясь о значительности непріятельскихъ силъ, пошелъ къ Клеберу на помощь съ одною дивизіей. Прибывъ на полѣ битвы, онъ построилъ ее въ два каре и расположилъ ихъ такимъ образомъ, что они составили, съ третьимъ каре Клебера, ровностороннїй треугольникъ, и непріятель очутился въ его серединѣ. Ужасный огонь со всѣхъ трехъ угловъ этого треугольника началъ нещадно разить мамлюковъ, и они скоро разсыпались во всѣ стороны, покрывая мѣсто сраженія грудами своихъ труповъ.

Осада Акры продолжалась уже два мѣсяца; Наполеонъ, видя, что его небольшая армія день ото дня ослабѣваетъ отъ язвы и безпрестанныхъ стычекъ съ отважнымъ гарнизономъ, рѣшился возвратиться въ Египетъ. Онъ оставилъ всѣ свои огромные замыслы на Востокъ, гдѣ въ тщеславномъ воображеніи своемъ носился тò на Индѣ, тò на Босфорѣ, и въ послѣдствіи сказалъ: « Если бы Акра пала, я измѣнилъ бы лицо міра; въ этой лачугѣ заключалась тогда судьба цѣлаго Востока. »

Вотъ прокламація, которую онъ по этому случаю издалъ въ лагерѣ подъ Акрой:

« Воины,

« Вы перешли пустыню, отдѣляющую Африку отъ Азіи, и перешли ее быстрѣе чѣмъ Арабы.

« Армія Арабовъ, которая намѣревалась вторгнуться въ Египетъ, уничтожена; вы взяли въ плѣнъ ея начальника, отбили ея багажъ и верблюдовъ.

« Вы овладѣли всѣми укрѣпленными мѣстами, которыя охраняютъ колодцы пустыни.

« Вы разсѣяли на поляхъ близъ горы Ѳавора всѣ эти толпы, сбѣжавшіяся со всѣхъ сторонъ Азіи, въ надеждѣ разграбить Египетъ.

« Тридцать непріятельскихъ кораблей, которые за двѣнадцать дней передъ этимъ прибыли въ Акру, везли войско, назначенное для осады Александріи; но войско это, принужденное подать помощь Акрѣ, уже не существуетъ: часть его знаменъ послужитъ вамъ трофеями при возвращеніи въ Египетъ.

« Наконецъ, поддержавъ съ одною горстью воиновъ, въ теченіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, войну въ самомъ сердцѣ Сиріи, мы взяли у непріятеля сорокъ полевыхъ орудій, пятьдесятъ знаменъ, шесть тысячъ плѣнныхъ, срыли укрѣпленія Газы, Яффы, Кайяфы, Акры, и теперь возвратимся въ Египетъ: къ этому принуждаетъ меня наступившее время года.

« Еще нѣсколько дней, и вы могли бы надѣяться взять самаго пашу въ его собственномъ дворцѣ; но въ теперешнее время года взятіе акрскаго замка не стоитъ потери нѣсколькихъ дней: храбрые, которыми бы должно пожертвовать на приступѣ, нужнѣе теперь для исполненія другихъ предпріятій. »

Отступленіе начато 20 мая. Бонапарте хотѣлъ, чтобы всѣ лошади были отданы подъ больныхъ и зараженныхъ язвою; и когда начальствующій его конюшнею спросилъ у него, какую лошадь прикажетъ онъ оставить для себя, то Наполеонъ гнѣвно сказалъ: «Чтобъ всѣ шли пѣшкомъ!... я первый; развѣ вы не читали приказу? Вонъ! »

Въ Яффѣ, куда прибыли 24 числа, гошпитали были завалены больными; злокачественныя лихорадки свирѣпствовали

въ ужасной степени. Главнокомандующій посѣтилъ несчастныхъ страдальцевъ, и, казалось, принялъ живое участіе въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Онъ отдалъ повелѣніе вывесть всѣхъ больныхъ; но между ними находилось, по словамъ Бурріенна, до шестидесяти человѣкъ пораженныхъ язвою, и въ томъ числѣ, какъ говорятъ *Записки на островѣ Святой-Елены*, было семеро или осьмеро до того ослабѣвшихъ, что имъ не оставалось жить долѣе сутокъ. Чтò было дѣлать съ

этими умирающими? Бóнапарте посовѣтовался: ему отвѣчали, что многіе изъ зараженныхъ сами просятъ смерти, что сообщеніе съ ними можетъ быть пагубно для всей арміи, и что ускореніе нѣсколькими часами ихъ смерти будетъ и дѣломъ благоразумной осторожности и человѣколюбія. Нѣтъ почти ни какого сомнѣнія, что несчастнымъ дали снотворное питье.

Приближаясь къ Каиру, Бонапарте приказалъ, чтобы все было готово къ его торжественному вшествію въ эту столицу. Онъ принялъ эту мѣру для того чтобы уничтожить, или по-крайней-мѣрѣ ослабить неблагопріятное впечатлѣніе, сдѣ-

ланное на умы жителей Каира и войска не совсѣмъ удачнымъ окончаніемъ сирійскаго похода. Ему надобно было упредить въ однихъ упадокъ духа, въ другихъ не допустить развиться духу мятежа. Политика вмѣняла ему въ обязанность скрывать свои потери и преувеличивать полученныя выгоды.

Каирскій диванъ отвѣчалъ видамъ Бонапарте, учредилъ народное пиршество и издалъ прокламацію, въ которой, между прочимъ, было сказано:

« Свыше хранимый, главнокомандующій французскою арміею, генералъ Бонапарте, *тотъ, который любитъ религію Магомета*, прибылъ въ Каиръ.... Онъ вступилъ въ городъ вратами побѣды.... День этотъ — великій день! никогда не бывало подобнаго дня.... Бонапарте былъ въ Газѣ и въ Яффѣ: покровительствовалъ жителямъ Газы, но жители Яффы, люди заблудшіе, не пожелали сдаться, и онъ, въ гнѣвѣ своемъ, предалъ ихъ на убійство и разграбленіе. Онъ уничтожилъ всѣ ихъ укрѣпленія и погубилъ всѣхъ, которые были тамъ. »

Въ бытность свою въ Каирѣ, Наполеонъ занялся статистикой Египта, и сдѣланныя имъ по этому предмету замѣчанія, помѣщены въ мемоарахъ его секретаря.

Вскорѣ новый набѣгъ Муратъ-бея на Нижній-Египетъ отвлекъ его отъ этого мирнаго занятія. Онъ оставилъ Каиръ 14 іюля и пошелъ къ пирамидамъ.

Но гонецъ отъ Мармона, начальствовавшаго въ Александріи, привезъ ему, вечеромъ 15 числа, извѣстіе, что Турки, покровительствуемые Англичанами, сдѣлали, 11 числа, высадку въ Абукирѣ. Главнокомандующій немедленно полетѣлъ навстрѣчу турецкой арміи, состоявшей подъ командою Мустафы-Паши; онъ торопился выкупить въ самомъ Абукирѣ стыдъ пораженія подъ Абукиромъ. И выкупилъ. Десять тысячъ человѣкъ непріятельскаго войска были вогнаны въ море, остальные убиты или взяты въ плѣнъ. Послушаемъ самаго Бонапарте, въ донесеніи его Директоріи.

« Я извѣстилъ васъ депешею отъ 21 флореаля, что наступившее время года принудило меня рѣшиться оставить Сирію.

« 23 мессидора, сто кораблей, бо́льшею частью военныхъ, приходятъ къ Александріи и дѣлаютъ высадку у Абукира. 27, непріятель мужественно идетъ на приступъ и овладѣваетъ

палисадированнымъ абукирскимъ редутомъ. Крѣпость сдается; непріятель выгружаетъ свою полевую артиллерію, и подкрѣпленный еще пятидесятью кораблями, занимаетъ позицію, примкнувъ правымъ флангомъ къ морю, а лѣвымъ упираясь на Маадигское озеро и построясь на песчаныхъ возвышеніяхъ.

« Я, 27 числа, выступаю изъ моего лагеря подъ пирамидами, 1 термидора прихожу въ Рагманигъ, избираю Биркетъ центромъ моихъ операцій, и, 7 термидора, въ семь часовъ утра, становлюсь лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

« Генералъ Ланнъ идетъ вдоль береговъ озера, и становится въ боевой порядокъ противъ лѣваго крыла Турковъ, а генералъ Мюратъ, который начальствуетъ авангардомъ, приказываетъ въ то же время генералу Детянъ (Destaings) напасть на правый непріятельскій флангъ; аттаку поддерживаетъ генералъ Ланюсъ.

« Крылья непріятельской арміи раздѣлены прекрасною долиной, пространствамъ въ четыреста саженъ: наша кавалерія успѣваетъ проникнуть въ это пространство, и съ быстротою

мысли кидается въ тылъ обоихъ фланговъ турецкой арміи, которая, сбитая, изрубленная, тонетъ въ море: не спаслось ни одного человѣка. Будь у насъ это дѣло съ европейскими

войсками, и мы бы взяли три тысячи плѣнныхъ: теперь насчитали три тысячи труповъ.

« Вторая непріятельская линія, въ пяти или шести стахъ саженяхъ отъ первой, занимаетъ крѣпкую позицію. Въ этомъ мѣстѣ перешѣекъ очень узокъ, тщательно обведенъ ретраншаментомъ и прикрытъ тридцатью канонерскими лодками; въ переди этой позиціи Турки занимали селеніе Абукиръ, кото-

рос обвели высокимъ валомъ и укрѣпили. Генералъ Мюратъ овладѣваетъ Абукиромъ; генералъ Ланнъ идетъ на лѣвое крыло Турковъ; генералъ Фюжіеръ, въ сомкнутыхъ колоннахъ, аттакуетъ правое. И нападеніе и оборона равно упорны; но неустрашимая кавалерія Мюрата рѣшилась въ этотъ день быть главнымъ дѣйствующимъ оружіемъ; она нападаетъ на непріятеля съ его лѣваго флангу, заскакиваетъ въ тылъ праваго, бьетъ его и рѣжетъ безпощадно. Гражданинъ Бернаръ, баталіонный командиръ шестьдесятъ девятоіі полу-бригады, и гражданинъ Баиль, капитанъ гренадерскоіі роты тоіі же полубригады, первые всходятъ на редутъ, и этимъ покрываютъ себя славою.

« Вся вторая турецкая линія, какъ и первая, положена на мѣстѣ или утоплена.

« У непріятеля остается три тысячи человѣкъ резерву, занявшаго Абукирскую крѣпость, въ четырехъ стахъ саженяхъ отъ ихъ второіі линіи; генералъ Ланюсъ окружаетъ эту крѣпость: ее бомбардируютъ изъ шести мортиръ.

« Берегъ, на который, прошлаго года, было выкинуто столько труповъ Англичанъ и Французовъ, покрытъ теперь тѣлами нашихъ непріятелеіі: ихъ насчитано до нѣсколькихъ тысячъ: изъ всеіі этоіі арміи не спасся ни одинъ человѣкъ.

« Мустафа, паша румеліііскій, главнокомандующій воіска, и двоюродный братъ турецкаго посланника въ Парижѣ, взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ штабомъ: посылаю вамъ три его бунчуга....

« Успѣхомъ этоіі битвы мы вообще обязаны генералу Мюрату: испрашиваю для него чинъ дивизіоннаго генерала; его кавалеріііская бригада дѣлала дѣла неимовѣрныя....

« Я подарилъ генералу Бертьѣ, отъ имени Директоріи, кинжалъ прекрасноіі работы, въ знакъ удовольствія за тѣ услуги, которыя онъ не переставалъ оказывать во все продолженіе кампаніи.... »

Бонапарте воспользовался этимъ успѣхомъ, чтобы послать парламантера къ англіііскому адмиралу. Тотъ прислалъ ему номеръ французской Франкфуртской газеты, отъ 10 іюня 1799 года. Наполеонъ, который жаловался, что давнымъ давно не имѣетъ ни какихъ извѣстій изъ Франціи, жадно принялся за

чтеніе листка. Онъ увидѣлъ изъ него печальное положеніе дѣлъ республики и пораженіе ея войскъ, которыхъ въ ту пору билъ Суровъ въ Италіи, и вскричалъ: «Такъ и есть! предчувствіе не обмануло меня; Италія пропала!!! Этакіе негодяи! Всѣ плоды нашихъ побѣдъ потеряны! Приходится мнѣ ѣхать.»

Съ этой самой минуты онъ рѣшился возвратиться въ Европу и повѣрилъ свое намѣреніе Бертьè и адмиралу Гантому, которому поручено приготовить два фрегата, la Muiron и la

Carrère, и два маленькія судна, la Revanche и la Fortune, для перевозки во Францію главнокомандующаго и его свиты.

Предстояло ввѣрить главное начальство надъ арміею человѣку достойному. Бонапарте могъ избрать только или Дезè, или Клебера. Желая взять перваго съ собою, онъ рѣшился назначить втораго своимъ преемникомъ, несмотря на то, что они были между собою не совсѣмъ въ дружескихъ сношеніяхъ и письменно передалъ ему вручаемую власть.

Желала ли Директорія возвращенія Бонапарте, отъѣздъ котораго она видѣла съ такимъ удовольствіемъ. Говорили, что Трельяръ, Ларевельеръ-Лèпо и Баррасъ писали къ Наполеону, и будто это-то письмо и заставило его рѣшиться оста-

вить Египетъ. На этотъ счетъ существуетъ столько разнорѣчивыхъ показаній, что согласить ихъ очень трудно; намъ кажется всего вѣроятнѣе то̀, что Наполеонъ, отвращенный отъ своихъ видовъ на Востокъ неудачею сирійской кампаніи, и извѣщенный о ходѣ дѣлъ и расположеніи умовъ во Франціи, предположилъ, что наступило уже время обнаружить свои честолюбивые виды и обратиться на Западъ.

Бонапарте отплылъ въ концѣ августа, и взялъ съ собою Бертіе, Мармона, Мюрата, Ланна, Андреосси, Монжа, Бертолета и нѣкоторыхъ другихъ особъ и ускользнувъ отъ Сидней-Смита, вышелъ 6 октября на берегъ въ Фрежюсѣ.

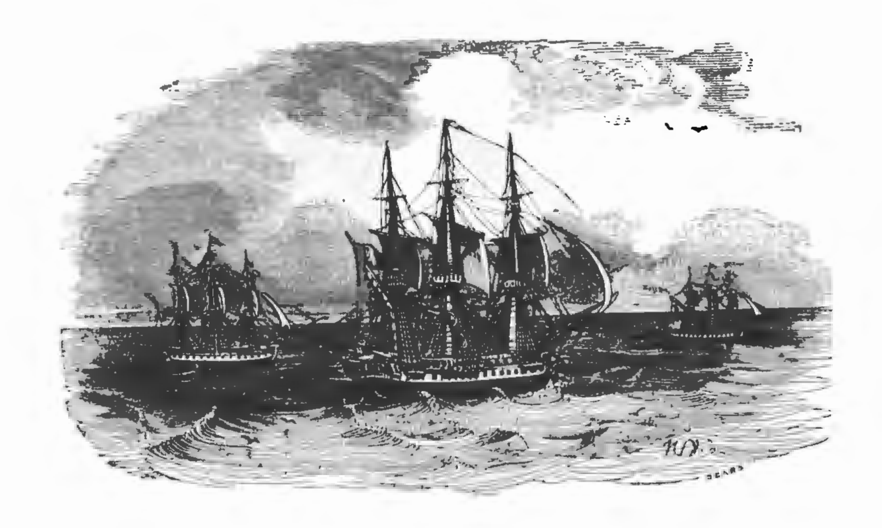

ГЛАВА IX.

Возвращеніе во Францію. Осемнадцатое брюмера

Плаваніе отъ Александріи до Фрежюса было не безъ невзгодъ и опасностей. Отходя отъ египетскаго берега, флотилія должна была бороться съ вѣтромъ дотого противнымъ и сильнымъ, что адмиралъ предложилъ-было возвратиться въ гавань; и это предложеніе, одобряемое всѣмъ экипажемъ, было бы непремѣнно приведено въ исполненіе, если бъ не твердая воля и не отважная рѣшительность Бонапарте, который, несмотря ни на какія затрудненія и опасности, хотѣлъ во что бы то ни стало исполнить высокое назначеніе судьбы ожидавшее его въ Европѣ. Эта твердость воли, и приказаніе отданное имъ плыть вдоль африканскихъ береговъ до высоты Сардиніи, спасли флотилію отъ англійскихъ крейсеровъ. Ожиданіе утомительнаго карантина и появленіе

на море каждаго, даже малѣйшаго, судна удивительно тревожили Наполеона. Въ Аяччіо узналъ онъ о бѣдственномъ пораженіи Французомъ подъ Нови, и нетерпѣливо хотѣлъ принять начальство надъ италіянскою арміей. Онъ говорилъ: « Извѣстіе о новой моей побѣдѣ пришло бы въ Парижъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ подъ Абукиромъ. Это бы славно! » Очевидно, что Бонапарте чувствовалъ необходимость загладить какимъ-нибудь блестящимъ подвигомъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на умы его отъѣздомъ изъ Егип-

та, отъѣздомъ до того неожиданнымъ, что могъ навлечь на него упрекъ въ томъ, что онъ, просто, бросилъ свою армію. Но когда Наполеонъ узналъ о всей значительности потерь, понесенныхъ Французами отъ русскихъ войскъ въ Италіи, то утратилъ надежду на воображаемые успѣхи, и впалъ въ такое уныніе, что сказали, будто онъ носитъ трауръ по Италіи. Между-тѣмъ усердіе жителей Фрежюса избавило Бонапарте отъ скучнаго карантина. Едва узнали они о прибытіи знаменитаго генерала въ свой портъ, какъ выѣхали на

множествѣ лодокъ въ море и окружили корабль, на которомъ онъ находился. Народъ кричалъ: и привѣтствовалъ пріѣзжихъ. Такимъ образомъ мѣры карантинной осторожности сдѣлались вовсе безполезными, и Наполеонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поспѣшить въ Парижъ.

Какого бы общественнаго мнѣнія ни должно было ожидать главнокомандующему, который оставилъ ввѣренную ему армію за моремъ, въ климатѣ нездоровомъ, подъ зноемъ палящаго солнца, однако же огромное большинство націи приняло его какъ освободителя. Демократія нанесла уже Франціи столько внутреннихъ язвъ, что опротивѣла всѣмъ. Ни кто и ни чего не чаялъ отъ новыхъ учрежденій правительства, которое было не что иное, какъ попеременная тиранія разныхъ партій; а если вспомнить, что оно, въ текущемъ положеніи дѣлъ, не съумѣло даже удержать за собою ни прежняго достоинства, ни воспользоваться плодами прежнихъ блестящихъ кампаній, то легко будетъ понять, что умы вообще были расположены къ желанію большаго политическаго переворота. Но какой будетъ этотъ переворотъ, и кто одинъ или кто многіе совершатъ его? Вотъ о чемъ всѣ спрашивали другъ друга, и что̀ подавало поводъ къ тысячѣ соображеній, опасеній и надеждъ, смотря по видамъ и цѣлямъ тѣхъ, которые занимались этими вопросами.

Переворотъ не могъ совершиться въ пользу демократіи, исключительно обвиняемой въ безпорядкахъ и анархіи, которыхъ

прекращенія нетерпѣливо желала вся нація; не могъ онъ также быть и въ пользу законной королевской власти, потому что большинство ослѣпленнаго народа всё еще противилось этому, и событія фруктидора доказали, что армія поддержитъ народъ.

Потому-то общественное мнѣніе очевидно клонилось къ сосредоточенію власти въ могучихъ рукахъ, однако же въ духѣ революціи, а отнюдь не противу его. Въ такомъ положеніи дѣлъ, Франціи нуженъ былъ человѣкъ, который бы могъ выполнить много условій. Ему должно было уничтожить демократію, но уничтожить ее сообразно съ направленіемъ революціи; соединить въ себѣ сборную диктатуру національныхъ собраній, которые властвовали во имя народа; быть признану за человѣка, глубоко напитаннаго ученіемъ настоящаго времени, и уже оказавшаго отечеству достаточныя заслуги; надобно было также, чтобы народъ видѣлъ въ немъ вождя, способнаго защищать его противу непріятелей внѣшнихъ, и чтобы притомъ имя его не было запятнано какъ имена изверговъ, стоявшихъ сначала въ челѣ революціонеровъ. И давно уже нашелся человѣкъ, который предчувствовалъ себя способнымъ къ исполненію столь важнаго назначенія! человѣкъ, котораго честолюбіе дожидалось только случая взяться за это дѣло, потому что онъ видѣлъ, что выполняетъ всѣ требуемыя условія.

То, что Бонапарте предвидѣлъ и желалъ, такъ согласовалось съ общими желаніями и нуждами, что возвращеніе его въ Парижъ не могло не быть предвѣстникомъ событія, которымъ должна была начаться новая фаза французской революціи. Отъ того-то, лишь узнали о его прибытіи, всѣ партіи начали стараться съ нимъ сблизиться, стали искать въ немъ поддержки, и думали употребить его на пользу своихъ плановъ и преднамѣреній.

Большинство Директоріи, то есть, Баррасъ, Гойё и Муленъ хотѣли сохранить конституцію III года: Баррасъ, отъ того что находилъ при ней возможность удержать свою власть, а Гойё и Муленъ, потому что искренно вѣровали въ возможность поддержать республиканское правительство въ теперешнемъ его видѣ. Напротивъ того, Сьэзъ (Sieyès), который

въ глубинѣ души питалъ уваженіе къ священной королевской власти, искалъ только случая быть ей полезнымъ. Что̀ касается до Рожеръ-Дюкло̀, то̀ онъ во всемъ совершенно соглашался съ Сьэзомъ. Однако же Бонапарте сначала не разгадалъ-было этого неизбѣжнаго сообщника, и даже обошелся съ нимъ съ обиднымъ презрѣніемъ на обѣдѣ, данномъ ему Гоійе, на другой день свиданія его съ членами Директоріи, при которомъ съ обѣихъ сторонъ была обнаружена взаимная холодность. По выходѣ изъ-за этого обѣда, Сьэзъ сказалъ: «Взгляните, какъ этотъ маленькій нахалъ обращается съ членомъ властительнаго собранія, которому бы слѣдовало велѣть его разстрѣлять!»

Но это взаимное неблагорасположеніе метафизика съ воиномъ, вскорѣ уступило ихъ общему желанію измѣнить политическое положеніе Франціи. Разъ, кому-то случилось сказать при Бонапарте: «Ищите поддержки въ тѣхъ людяхъ, которые считаютъ за якобинцевъ всѣхъ друзей республики, и будьте увѣрены, что̀ Сьэзъ сто̀итъ въ челѣ этихъ людей;» съ той поры нерасположеніе Наполеона къ Сьэзу уменьшилось, или по-крайней-мѣрѣ онъ началъ скрывать это чувство, чтобы привлечь на свою сторону человѣка, которому прежде оказывалъ презрѣніе. Директорія, желая избавиться отъ опаснаго сосѣдства, хотѣла предоставить Бонапарте начальство надъ любою арміею. Но это предложеніе, лестное бы для всякаго другаго, не могло льстить самолюбію будущаго императора.

Происшествія осемнадцатаго брюмера были предварительно соображены, въ совѣтѣ, Луціаномъ Бонапарте, Сьэзомъ, Таллераномъ, Фушѐ, Реалемъ, Реньо̀ де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели и нѣкоторыми другими. Особенно Фушѐ показалъ себя нетерпѣливымъ на уничтоженіе республиканской системы; онъ сказалъ секретарю Наполеона: «Пусть вашъ генералъ поторопится; если онъ промедлитъ, то погибнетъ.»

Камбасаресъ и Лёбрёнъ склонились не вдругъ. Роль заговорщиковъ не согласовалась съ осторожностью одного и съ умѣренностью другаго. Бонапарте, узнавъ о ихъ нерѣшительности, вскричалъ, какъ-будто уже располагая судьбами Франціи: «Не хочу проволочекъ; пусть они не думаютъ, что нужны мнѣ; пусть рѣшаются сегодня, а если нѣтъ, такъ завтра

будетъ поздно; я чувствую себя въ силахъ дѣйствовать и безъ посторонней помощи.»

Почти всѣ генералы, пользующіеся нѣкоторою извѣстностью и бывшіе въ ту пору въ Парижѣ, вошли въ виды Бонапарте; самъ Моро предоставилъ себя въ его распоряженія. Но знаменитому заговорщику не доставало содѣйствія того изъ своихъ

товарищей по оружію, чьи таланты и характеръ внушали ему самыя большія опасенія. Бывшій тогда военнымъ министромъ, генералъ Бернадотъ, нынѣшній король шведской, хотѣлъ защищать республику и конституцію III года. Однако же Іосифъ Бонапарте, родственникъ Бернадота, успѣлъ уговорить его пріѣхать къ брату въ самое утро осемнадцатаго брюмера. Всѣ

генералы собрались уже въ полной парадной формѣ; одинъ генералъ Бернадотъ пріѣхалъ въ партикулярномъ платьѣ. Это показалось очень досадно Наполеону; онъ тотчасъ взялъ его за руку и вышелъ съ нимъ въ кабинетъ, гдѣ немедленно и искренне открылъ ему свои намѣренія. Наполеонъ сказалъ Бернадоту: «Ваша Директорія всѣмъ ненавистна; необходимо измѣнить образъ правленія. Надѣньте мундиръ: я не могу васъ дожидаться; вы найдете меня въ Тюльери, въ кругу всѣхъ нашихъ товарищей. Не надѣйтесь ни на Моро̀, ни на Бёрноньвилля, ни на другихъ близкихъ къ вамъ генераловъ. Когда вы лучше узнаете людей, то увидите, что они много обѣщаютъ да мало дѣлаютъ. Не ввѣряйтесь имъ.» Бернадотъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ принимать участія въ революціи, и Бонапарте потребовалъ отъ него обѣщанія оставаться по-крайней-мѣрѣ нейтральнымъ. Сначала Бернадотъ согласился только въ половину. «Я останусь спокойнымъ какъ гражданинъ, отвѣчалъ онъ: но если Директорія дастъ мнѣ приказаніе дѣйствовать, то стану дѣйствовать.» Получивъ такой отвѣтъ, Бонапарте не увлекся пылкостью своего характера, а напротивъ, разсыпался въ самыхъ лестныхъ обѣщаніяхъ передъ человѣкомъ, чье вліяніе, умъ и храбрость могли ему быть очень опасными.

Между-тѣмъ Совѣтъ Старѣйшинъ прислалъ Наполеону слѣдующій декретъ:

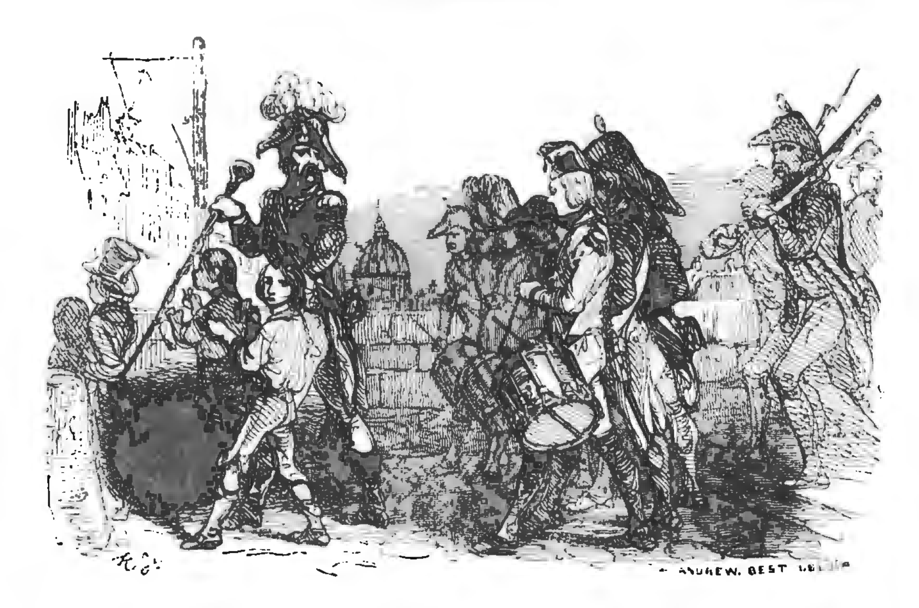
«1) Законодательное собраніе перемѣщается въ Сенъ-Клу.

«2) Члены совѣтовъ соберутся туда завтра, 19 числа, въ полдень.

«3) Исполненіе настоящаго декрета возлагается на генерала Бонапарте. Онъ имѣетъ принять надлежащія мѣры для безопасности народнаго представительства. Вся національная гвардія и войска, находящіяся въ Парижѣ и его окрестностяхъ, и войска всего семнадцатаго военнаго округа поступаютъ немедленно въ его непосредственное распоряженіе....

«4) Генералъ Бонапарте имѣетъ явиться въ Совѣтъ Старѣйшинъ для принесенія присяги.... »

Наполеонъ ожидалъ полученія этого декрета, написаннаго по его согласію съ членами Совѣта, державшими его сторону. Онъ прочиталъ его собраннымъ войскамъ, и прибавилъ, что надѣется на ихъ полную довѣренность.

Декретъ Совѣта Старѣйшинъ былъ обнародованъ при барабанномъ боѣ по всѣмъ кварталамъ Парижа. Потомъ Бонапарте издалъ прокламацію, въ которой говорилъ: « Я беру на себя попеченіе о безопасности народнаго представительства.... »

Такимъ образомъ Бонапарте былъ, по видимому, законно, облеченъ въ полновластіе надъ столицей, а Директорія ничего не предпринимала, и, сказать къ ея оправданію, не могла ничего предпринять. Гойе простосердечно сидѣлъ у себя дома, въ Люксембургѣ, дожидаясь къ обѣду главу заговорщиковъ, который въ этотъ день назвался къ нему обѣдать нарочно длятого чтобы посредствомъ этого удержать президента республики въ его столовой комнатѣ. Муленъ выражалъ свое негодованіе въ безполезныхъ представленіяхъ. Баррасъ получилъ извѣстіе, что политическій переворотъ, отъ котораго онъ надѣялся личныхъ выгодъ, будетъ приведенъ въ исполненіе безъ его участія. Сьэзъ и Рожеръ-Дюкло рѣшились сдать должности, и сами были въ числѣ заговорщиковъ. Слѣдовательно, Бонапарте могъ встрѣтить препятствія развѣ въ одномъ Совѣтѣ.

Онъ явился въ его присутствіе, 19 числа, въ часъ по полудни, предварительно занявъ всѣ важные пункты своими войсками, подъ командою преданныхъ ему генераловъ; съ собою онъ взялъ Бертіё, Мюрата, Ланна и нѣкоторыхъ другихъ. О

Гойё и Муленѣ, сказали народу, будто они отказались отъ директорства, чего вовсе не было. Сьэзъ и Рожеръ-Дюкло̀ отказались дѣйствительно, и первый имѣлъ осторожность попросить, чтобы его держали подъ домашнимъ арестомъ. Баррасъ, убѣжденный великимъ убѣдителемъ Таллераномъ, также отказался и немедленно отправился въ Гробуа̀, оставивъ къ президенту Совѣта Старѣйшинъ письмо, въ которомъ ска-

залъ, что «съ радостью вступаетъ снова въ ряды недолжностныхъ гражданъ.»

Несмотря на то, что заговорщики считали себя повелителями Совѣта Старѣйшинъ, Бонапарте встрѣтилъ въ его членахъ болѣе сопротивленія чѣмъ ожидалъ, до того, что привыкнувъ въ арміи быть окруженнымъ людьми безпрекословно покорными его волѣ, онъ здѣсь совершенно смѣшался и едва не утратилъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже выгодъ. Онъ то̀ говорилъ словами безъ связи, то оправдывалъ свое поведеніе прошедшими заслугами. Наконецъ, когда Ланглѐ нашелъ случай напомнить ему о конституціи, Наполеонъ ободрился и вскричалъ: «Конституція! Вы дѣйствовали вопреки ей осемнадцатаго фруктидора, двадцать втораго флореаля, тридцатаго преріаля. Конституція! да на нее опираются всѣ партіи, и всѣ дѣйствуютъ вопреки ей!... и нынче, развѣ заговоръ опирается не на конституцію?... Если ужъ пришлось говорить искренно, такъ я скажу вамъ, что Директоры Баррасъ и Муленъ предлагали мнѣ стать въ челѣ партіи, желающей ниспровергнуть всѣ либеральны идеи.»

Эти слова взволновали всѣ страсти. Совѣтъ потребовалъ, чтобы Бонапарте вполнѣ объяснился передъ лицомъ націи. Тутъ замѣшательство его возрасло до высочайшей степени, и онъ не нашелся сдѣлать ничего болѣе, какъ удаляясь вскричать: «Кто меня любитъ, тотъ ступай за мной!»

Въ Пятисотенномъ Совѣтѣ буря была еще сильнѣе, потому что большинство его членовъ оставалось непоколебимымъ въ преданности къ республикѣ и конституціи. Представители приступали къ новой присягѣ желая поддержать существующій порядокъ, какъ двери совѣта растворились и вошелъ Бонапарте. Его появленіе возбудило почти общее негодованіе. Со всѣхъ сторонъ раздались крики: «Вонъ диктатора! Вонъ Кромвеля! Для Бонапарте нѣтъ покровительства законовъ!» Наполеонъ увидѣлъ, что не можетъ устоять противу грозы, немедленно возвратился къ своему конвою и поѣхалъ къ войску. Тутъ онъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ и совершенно ободрился, когда увидѣлъ Луціана, президента Пятисотеннаго Совѣта, поспѣшившаго на помощь къ брату съ своимъ краснорѣчіемъ, мужествомъ и дѣятельностью.

Луціанъ сѣлъ на коня, поскакалъ вдоль строя солдатъ, и вскричалъ голосомъ человѣка, которому еще кажется, что видитъ передъ собою убійцъ и кинжалы:

« Граждане, воины,

« Я, президентъ Пятисотеннаго Совѣта, объявляю вамъ, что огромное большинство его членовъ находится теперь подъ страхомъ кинжаловъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, которые принуждаютъ другихъ раздѣлять свои ужасныя намѣренія.

« Я объявляю вамъ, что эти дерзскіе разбойники, которые безсомнѣнія подкуплены Англіей, взбунтовались противъ Совѣта Старѣйшинъ, и осмѣлились сказать, что генералъ, которому онъ поручилъ исполненіе декрета, лишается покровительства законовъ!...

« Я, во имя народа, который уже столько лѣтъ служитъ игрушкою этимъ презрѣннымъ остаткамъ временъ ужаса, поручаю покровительству воиновъ бо́льшую часть членовъ совѣта; пусть штыки избавятъ ихъ отъ кинжаловъ, и тогда они свободно займутся рѣшеніемъ участи республики.

« Генералъ, и вы воины и граждане, вы должны признавать законодателями Франціи только тѣхъ, которые будутъ

со мною, своимъ президентомъ. Остальныхъ выгоните вонъ изъ собранія. Эти разбойники не суть уже народные представители, а только представители кинжаловъ.... »

Однако же войско, несмотря на эту рѣчь, оставалось въ нерѣшимости. И чтобы кончить все дѣло разомъ, Луціанъ прибавилъ: « Клянусь поразить роднаго брата, если когда нибудь посягнетъ на благосостояніе Французовъ! »

Клятва эта, произнесенная сильнымъ голосомъ, побѣдила нерѣшимость войска. Однако же Бонапарте не безъ сильнаго волненія приказалъ Мюрату итти съ своими гренадерами, и разогнать народныхъ представителей. Зала совѣта была очищена въ одну минуту.

Но чтобы придать своимъ дѣйствіямъ тѣнь законности, заговорщики осемнадцатаго брюмера постарались соединить хотя сколькихъ-нибудь членовъ разогнаннаго ими собранія. Луціанъ собралъ кое-какъ въ Сенъ-Клу тридцать человѣкъ народныхъ представителей, которые согласились машинально исполнять должность верховной власти, бывшей уже на самомъ дѣлѣ въ рукахъ Наполеона, и издали декретъ, которымъ уничтожалось прежнее правительство и учреждалось консуль-

ство, назначенное изъ трехъ лицъ: Сьэза, Рожера-Дюкло и Бонапарте. Этотъ великій политическій переворотъ послѣдовалъ въ девять часовъ вечера.

Былъ уже одиннадцатый часъ ночи, а Бонапарте во весь день не успѣлъ еще съѣсть и куска хлѣба. Но возвратясь домой, онъ не занялся удовлетвореніемъ физическихъ нуждъ, а написалъ прокламацію къ французскому народу:

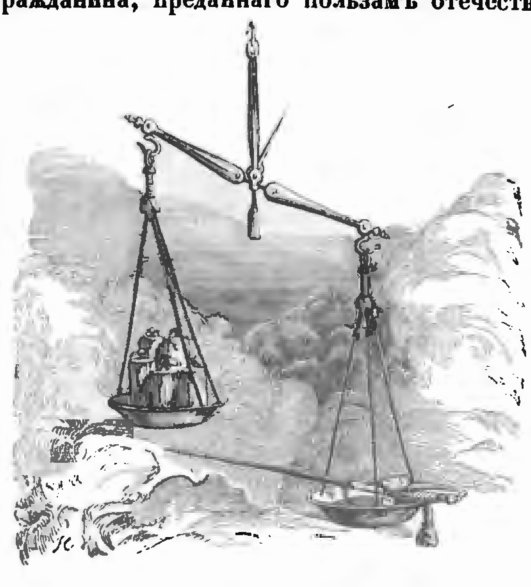
« При возвращеніи моемъ въ Парижъ, я нашелъ разъединеніе всѣхъ властей, которые соглашались въ одномъ только томъ, что конституція въ половину уничтожена и не можетъ охранять отечественнаго блага!

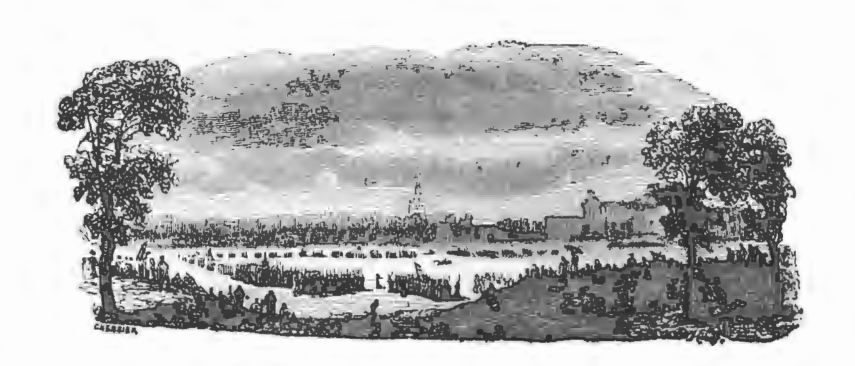
« Всѣ партіи обратились ко мнѣ, повѣрили мнѣ свои виды, открыли тайны и просили моей помощи: я отказался пристать къ которой бы то ни было.

« Совѣтъ Старѣйшинъ потребовалъ моего содѣйствія; я исполнилъ его волю. Планъ общаго возобновленія былъ составленъ лицами, въ которыхъ нація привыкла видѣть защитниковъ правъ собственности. »

Вслѣдъ за этимъ Бонапарте излагаетъ событія въ Сенъ-Клу, и подтвердивъ своимъ свидѣтельствомъ смѣлую выдумку Луціана о кинжалахъ, оканчиваетъ такъ:

« Французы! Вы, конечно, отдадите справедливость усердію воина и гражданина, преданнаго пользамъ отечества.... »

ГЛАВА X.

Учрежденіе консульскаго правленія.

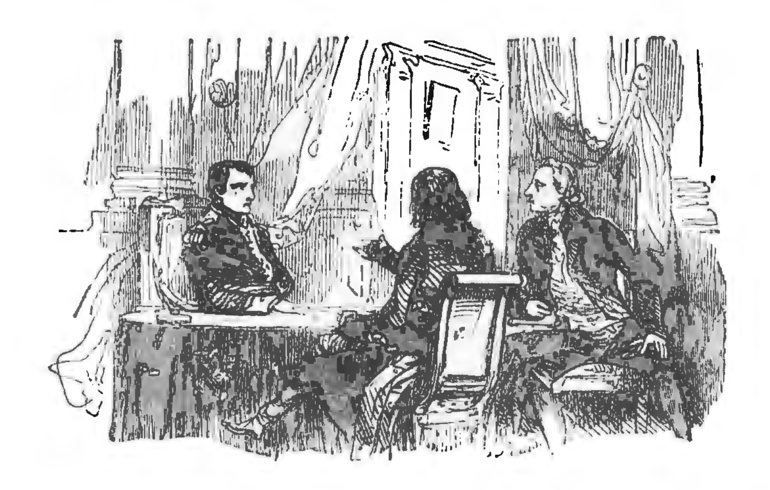
Вся Франція, за исключеніемъ развѣ очень не многихъ буйныхъ головъ, усталая отъ преступленій революціи, поспѣшила одобрить поступокъ Бонапарте; масса народу и всѣ партіи согласились въ томъ, что происшествіе въ Сенъ-Клу можетъ имѣть спасительное вліяніе на дѣла, и прекратить совершенный безпорядокъ, въ которомъ находилась Франція. Говоря объ этомъ событіи, Наполеонъ въ послѣдствіи сказалъ: «Всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ этомъ достопамятномъ политическомъ переворотѣ, не слѣдуетъ оправдываться, если ихъ станутъ обвинять въ немъ; имъ довольно будетъ сказать, по примѣру извѣстнаго Римлянина: «Мы свидѣтельствуемъ, что спасли отечество; идите вмѣстѣ съ нами благодарить боговъ.»

Когда Бонапарте явился, съ мечемъ въ рукахъ, чтобы замѣнить собственною мыслью и своей единственной волею законы и правительство, установленные народомъ, то это случилось потому, что и законы и правительство республики были вовсе дурны. Революція очевидно повергла Францію въ бездну золъ, и соединеніе власти въ одни руки оставалось единственной надеждой спасенія государству. Народъ доказалъ это, одобривъ съ восторгомъ поступокъ Наполеона; и теперь, послѣ столькихъ его ошибокъ, народъ всё-еще видитъ въ немъ великаго человѣка.

Чтобы дать понятіе о степени того безпорядку, въ которомъ находилась Франція во время Директоріи, довольно будетъ сказать, что, когда Наполеонъ похитилъ изъ рукъ ея власть, и имѣлъ надобность послать курьера къ Шампіоне, который командовалъ арміей въ Италіи, то въ государственномъ казначействѣ не нашлось денегъ на прогоны; а когда консулъ захотѣлъ узнать о состояніи арміи, такъ принужденъ былъ отправить по полкамъ нарочныхъ чиновниковъ, для составленія войскамъ списковъ, которыхъ не было въ военномъ министерствѣ. «По-крайней-мѣрѣ, говорилъ Бонапарте членамъ этого министерства, у васъ есть роспись жалованью, такъ мы по ней можемъ добраться до числа солдатъ.» — «Да мы солдатамъ-то не платимъ жалованья,» отвѣчали они.

Въ самое первое засѣданіе консуловъ, Сьэзъ, который, полагаясь на свои лѣта и прежнія политическія дѣйствія, льстился надеждою быть президентомъ, спросилъ своихъ товарищей: «Кто жъ у насъ будетъ президентомъ?» воображая, что они уступятъ ему эту честь. Но Рожеръ-Дюкло живо отвѣтилъ: «Развѣ вы не видите, что президентомъ генералъ Бонапарте?»

Сьэзъ, напыщенный метафизикой, никакъ не воображалъ, чтобы молодой человѣкъ, воспитанный въ лагерѣ, и который казался совершенно преданнымъ одному военному искусству,

сталъ оспаривать славу изобрѣтенія новыхъ правительственныхъ мѣръ, у старшаго дипломата, про котораго довольно справедливо говорили, что у него всегда про запасъ найдется въ карманѣ конституція. И потому онъ, нисколько не сомнѣваясь, смѣло предложилъ товарищамъ плодъ своихъ ежедневныхъ размышленій; но когда дошелъ до того параграфа, которымъ предполагалось учредить Великаго-Избирателя (grand-électeur), который бы жилъ въ Версали, получалъ шесть милліоновъ жалованья, и не имѣлъ бы ни какой другой должности, кромѣ какъ назначать двухъ консуловъ, съ утвержденія ихъ сенатомъ, которому предоставлялось право лишать достоинства, не только этихъ двухъ консуловъ, но и самого Великаго-Избирателя; то Бонапарте захохоталъ, и говоря его словами, «пошелъ рубить сплеча» метафизическія нелѣпости своего товарища. Сьэзъ, столько же тщеславный какъ и робкій когда встрѣчалъ твердое сопротивленіе, началъ довольно плохо оправдывать свой планъ аналогіей съ королевскою властью; но Бонапарте отвѣчалъ: «Вы принимаете тѣнь за существенность; да и какимъ же это образомъ вы могли себѣ представить, чтобы какой-нибудь человѣкъ, мало-мальски талантливый и честный, согласился играть роль свиньи, откармливаемой на убой сколькими-то милліонами?»

Съ этой минуты между воиномъ и метафизикомъ все было кончено. Они оба поняли, что имъ нельзя долго итти по одной дорогѣ. Конституція VIII года обнародована. Она учреждала нѣкоторое подобіе народнаго представительства, раздѣленнаго между нѣсколькихъ властей, то есть, сената, судовъ и законодательнаго собранія; но между-тѣмъ настоящее народное представительство было сосредоточено въ консульскомъ тріумвиратѣ, или, лучше сказать, въ одной особѣ перваго консула.

Достигнувъ до этого верховнаго званія, Бонапарте не замѣдлилъ избавиться отъ Сьэза, который удовольствовался назначеніемъ себѣ пожизненной пенсіи. Наполеонъ отослалъ также и Рожера-Дюко, который, естественнымъ образомъ, попалъ въ сенаторы, и назначилъ себѣ въ новые товарищи Камбасереса и Лёбрёна.

Первыя мѣры, принятыя консулами, были: уничтоженіе

закона объ обезпеченіяхъ и закона о насильственномъ займѣ. Терпимость замѣнила преслѣдованія; храмы Божіи отворены; эмигрантамъ всѣхъ эпохъ дозволено возвратиться въ отечество; между прочими Карнò, прямо изъ изгнанія, занялъ мѣсто въ Академіи, и вслѣдъ за тѣмъ въ министерствѣ.

Въ первые времена своего консульства, Бонапарте, живя въ Луксенбургѣ, сохранилъ всю простоту своихъ привычекъ и вкусовъ, которыми былъ обязанъ воспитанію, и которыхъ нисколько не утратилъ во время лагерной жизни. Онъ велъ себя чрезвычайно умѣренно, и однакò жъ уже предчувствовалъ, что скоро потучнѣетъ. Теплыя ванны, имъ употребляемыя, имѣли, должно думать, вліяніе на это послѣднее обстоятельство. Чтò касается до сна, то онъ употреблялъ на него семь часовъ въ сутки, и нàстрого запрѣщалъ будить себя, развѣ будутъ получены какія-нибудь непріятныя новости. Онъ говорилъ: «При добромъ извѣстіи нечего торопиться; а при дурномъ нельзя терять ни минуты.»

Несмотря на немножко мѣщанскую жизнь, которую велъ Наполеонъ въ своемъ консульскомъ дворцѣ, онъ каждый день принималъ однако же всѣхъ знаменитостей тогдашняго времени, и благородная, прекрасная жена его, хозяйничала какъ нельзя лучше. Въ ихъ-то обществѣ воскресла старинная французская вѣжливость, изгнанная республиканскимъ ригоризмомъ.

Первый консулъ, по большей части погруженный въ думы и размышленія, рѣдко принималъ участіе въ пріятныхъ разговорахъ блестящаго общества, которое начинало сбираться въ его домѣ. Однако же, когда на него находили веселыя минуты, то очаровательность, живость, и самое обиліе его рѣчи доказывали, что ему стòитъ только захотѣть, чтобъ быть любезнымъ. Но это-то «захотѣть» и случалось съ нимъ очень очень нечасто, такъ, что особенно дамы справедливо могли жаловаться на его неразговорчивость.

Жесткій въ обращеніи и вспыльчивый характеромъ, Бонапарте скрывалъ подъ этою наружною оболочкою душу доступную чувствительности и нѣжнымъ ощущеніямъ. Сколько былъ онъ мраченъ и угрюмъ, непривѣтливъ и вспыльчивъ, строгъ и непреклоненъ когда предавался размышленіямъ о дѣлахъ политическихъ, или выходилъ на сцену какъ человѣкъ государственный, столько же, напротивъ, былъ ласковъ, дружелюбенъ, добросердеченъ и нѣженъ въ своемъ семейномъ быту.

Въ доказательство, мы приведемъ отрывокъ изъ письма его къ брату своему Іосифу, писаннаго въ третьемъ году республики: «Въ какое бы положеніе судьба ни поставила тебя, мой другъ, а ты долженъ знать, что не имѣешь друга ни привязаннѣе меня, ни болѣе меня желающаго тебѣ счастія.... Жизнь одинъ легкой, скоро проходящій, сонъ. Если ты поѣдешь, и будешь имѣть причины думать, что отъѣзжаешь надолго!!! то пришли мнѣ свой портретъ. Мы столько лѣтъ провели вмѣстѣ, были такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что наши сердца стали однимъ сердцемъ, и ты лучше чѣмъ кто другой знаешь, какъ мое тебѣ предано; пишу эти строки, и чувствую что-то такое, что рѣдко чувствовалъ въ мою жизнь; я постигаю, какъ бы намъ хо-

тѣлось скорѣе быть вмѣстѣ, и не могу продолжать этого письма.....»

Летиція, мать Наполеона, имѣла привычку говорить про него, когда онъ уже сталъ императоромъ: «Что̀ бы императоръ ни говорилъ, а всё-таки онъ добрый человѣкъ.» Бурріеннъ свидѣтельствуетъ то же, хотя и говоритъ, что Наполеонъ показывалъ видъ будто не вѣритъ въ существованіе дружбы, и утверждалъ, что никого не любитъ. Такое противорѣчіе объясняется различіемъ положеній: человѣкъ государственный не долженъ имѣть частныхъ привязанностей, и въ этомъ-то отношеніи Наполеонъ говорилъ, что никого не любитъ. Но внѣ политики, природа и надъ нимъ брала власть. Во время италіянскихъ кампаній, послѣ одного жаркаго сраженія, Бонапарте, въ сопровожденіи своего главнаго штабу, проѣзжалъ по полю битвы, покрытому раненными и мертвыми; свита его, въ упоеніи восторгомъ побѣды, не обращала вниманія на плачевное зрѣлище, и не удерживалась отъ изъявленій этого восторга. Вдругъ, главнокомандующій увидѣлъ собаку, которая выла, припавъ къ трупу австрійскаго солдата, и остановился: «Взгляните, господа; — сказалъ онъ, — вотъ собака, которая даетъ намъ урокъ въ человѣколюбіи.»

Мы уже сказали, что хотя новая конституція и ввѣрила исполнительную власть тремъ консуламъ, но тѣмъ не менѣе

всѣ знали, что вся власть сосредоточена въ рукахъ одного перваго консула. По словамъ Бурріенна, Камбасерессъ и Лёбрёнъ, при самомъ ихъ возведеніи на степень консульскаго достоинства, болѣе походили на ассистентовъ чѣмъ на товарищей Бонапарте. Слѣдственно, Франція, на самомъ дѣлѣ, приняла снова тотъ же образъ монархическаго правленія, отъ котораго такъ безумно, такъ преступно отказалась; отъ республики сохранилось одно только имя. Отъ перваго консула все зависѣло и должно-было зависѣть, потому что этого требовало стеченіе тогдашнихъ обстоятельствъ. Таллеранъ это предчувствовалъ, и какъ ловкій, ранній, царедворецъ, сказалъ Бонапарте, въ самый первый разъ, что вошелъ къ нему въ кабинетъ, въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ:

«Вы, гражданинъ консулъ, ввѣрили мнѣ министерство иностранныхъ дѣлъ, и я оправдаю вашу довѣренность; но я считаю себѣ обязаннымъ теперь же сказать вамъ, что не стану заниматься ни съ кѣмъ кромѣ васъ. Съ моей стороны тутъ нѣтъ никакой пустой гордости, и я поступаю такимъ образомъ единственно для блага Франціи. Для надлежащаго управленія ею, и для единства дѣйствій, вамъ слѣдуетъ быть первымъ консуломъ, и надобно, чтобы въ рукахъ перваго консула было все, что прямо относится къ политикѣ, то есть, министерства внутреннихъ дѣлъ и полиціи, для дѣлъ внутреннихъ, мое министерство для внѣшнихъ, и два великія средства исполненія намѣреній — военное и морское. И по этому, лучше всего чтобы министры этихъ пяти департаментовъ занимались единственно съ вами. Управленіе юстиціей и финансами, конечно, соединено множествомъ нитей съ политикою, но всё-таки не такъ съ нею связано. И если вы позволите сказать, то я полагалъ бы ввѣрить второму консулу, очень искусному юриспруденту, высшую власть надъ юстиціей; а третьему, весьма знающему въ финансовой части, предоставить полное завѣдываніе ею. Это бы заняло, это бы забавляло ихъ; а вы, генералъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ жизненныя силы правительства, достигли бы до исполненія вашего благороднаго намѣренія, — до возстановленія Франціи.» Когда Таллеранъ вышелъ, Наполеонъ сказалъ своему секретарю: «Знаете ли, Талле-

ранъ прекрасный совѣтникъ. Онъ человѣкъ очень очень умный .... и ловокъ. Мнѣ и самому хочется сдѣлать то̀, что онъ совѣтуетъ. Конечно, тотъ, кто идетъ одинъ, ступаетъ вѣрнѣе. Лёбрёнъ честный человѣкъ, да у него въ головѣ не политика, а сочиненіе книгъ; въ Камбасересѣ осталось еще много кой-чего отъ революціи. Мое правленіе должно быть совершенно новымъ правленіемъ.»

Между-тѣмъ, Бонапарте, опасаясь новой междоусобной войны въ западныхъ областяхъ, написалъ къ нимъ прокламацію, которою предостерегалъ беречься Англичанъ. Эти предостереженія не могли не удержать общаго возстанія, по той простой причинѣ, что ихъ поддерживала шестидесяти-тысячная армія. Но поборники законной королевской власти, опираясь на правоту своего дѣла, все-еще не клали оружія и держались наготовѣ возобновить борьбу. Они поняли, однако же, что время междоусобій прошло, и исторія благородныхъ Вандейцевъ кончилась по необходимости; отъ нея сохранилась только память геройскихъ подвиговъ и неизмѣнной вѣрности!

Бонапарте, зная, что достоинство любитъ получать знаки отличія, поощряющіе его усердіе, роздалъ сто почетныхъ сабель тѣмъ изъ солдатъ, которые наиболѣе отличились въ сраженіяхъ; и это вниманіе къ простымъ воинамъ было принято со всеобщимъ одобреніемъ.

На благодарственное письмо, полученное по этому случаю отъ гренадерскаго сержанта, по прозванія Онъ, Бонапарте отвѣчалъ: «Я получилъ письмо твое, мой храбрый товарищъ, и мнѣ извѣстны всѣ твои доблестныя дѣла. Ты, послѣ смерти храбраго Бенезетта, остался самый храбрый гренадеръ во всей арміи. Ты получилъ одну изъ почетныхъ сабель, розданныхъ мною отличнымъ воинамъ, и всѣ они соглашаются въ томъ, что ты болѣе всѣхъ ее заслуживалъ.

«Я очень желаю съ тобою увидѣться; военный министръ посылаетъ тебѣ повелѣніе пріѣхать въ Парижъ.»

Каковы бы ни были тайныя побужденія, заставлявшія Наполеона принимать на себя такую личину искренности и

простоты въ обращеніи, но всё-же такого рода поступки, будь они и слѣдствіемъ расчетовъ властолюбія, споснѣе видѣть, чѣмъ смотрѣть какъ онъ давалъ праздники въ честь лицъ, которые, будто бы, избавили его въ Сенъ-Клу отъ опасностей, которымъ онъ вовсе и не подвергался. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ дѣйствія Наполеона, имѣвшія цѣлью привлечь къ нему народное расположеніе, были расчитаны для пользы его честолюбивыхъ замысловъ. Ученые и артисты получали разнаго рода поощренія; народная промышленность, убитая междоусобіемъ, воскресла и развилась съ силою еще большею прежней. Основанъ Французскій Банкъ; мѣра и вѣсъ учреждены положительно; словомъ, Бонапарте, какъ верховный правитель государства, исполнялъ тò, что замышлялъ сдѣлать еще въ бытность свою главнокомандующимъ арміею, когда старался обогатить національный музеумъ, входилъ въ сношенія съ профессорами, назначалъ въ свой штабъ людей ученыхъ, и при случаѣ подписывался «Членъ Академіи Наукъ.»

Первый консулъ тѣмъ ревностнѣе заботился объ успѣхахъ просвѣщенія и ихъ поощреніи, что самъ, въ свою молодость, мечталъ о знаменитости на ученомъ поприщѣ, и даже сбирался превзойти Нютона. «Когда я былъ молодъ, — говоритъ онъ, — то воображалъ сдѣлаться изобрѣтателемъ, Нютономъ.» Жофруа Сентъ-Илеръ разсказываетъ, что Бонапарте, разъ, при немъ, сказалъ: «Военная служба стала моимъ ремесломъ; но это случилось не по моей волѣ, а по стеченію обстоятельствъ.» Въ послѣднія минуты своего пребыванія въ Каирѣ, услышавъ слова Монжа: «Ни кому не сравниться съ Нютономъ; открыть можно было только одинъ міръ, — другаго нѣтъ!» Наполеонъ съ жаромъ возразилъ: «Чтò слышу? одинъ міръ!.. А чтò жъ вы скажете о *мірѣ подробностей*. Думалъ ли о немъ кто-нибудь изъ васъ? А я, я вѣровалъ въ него съ пятнадцатилѣтняго моего возраста..... Кто наблюдалъ за притяженіемъ и силами наименьшихъ атомовъ, которые безпрестанно носятся вокругъ насъ?...»

Чрезвычайно занятый войною въ Италіи, и въ чаду ежедневныхъ побѣдъ, Бонапарте оставался однако же вѣренъ

своимъ наклонностямъ, и дѣлалъ все, что могъ, на пользу наукъ и художествъ.

Въ Павіи бесѣдовалъ онъ съ физіологомъ Скарпа. Въ 1801, имѣлъ переговоры съ физикомъ Вольтою, котораго осыпалъ почестями и подарками. Въ 1802, основалъ премію въ шестьдесятъ тысячъ франковъ для того, кто посредствомъ опытовъ и открытій, подвинетъ ученіе объ электричествѣ и гальванизмѣ, на столько же какъ подвинули его Франклинъ и Вольта.

Не одно попеченіе о водвореніи въ республикѣ внутренняго спокойствія исключительно занимало перваго консула; онъ заботился также и о мирѣ внѣшнемъ, которымъ ему очень хотѣлось ознаменовать начало своего верхняго управленія Франціею. По этому онъ приказалъ Таллерану открыть переговоры съ лондонскимъ кабинетомъ, а 26 декабря 1799, въ самые первые дни принятія консульства, такъ писалъ къ англійскому королю:

«Бонапарте, первый консулъ республики,
Е. В. Королю Великобританіи и Ирландіи.

«Призванный желаніемъ французскаго народа занять первое мѣсто въ правительствѣ республики, я считаю пристойнымъ, при самомъ моемъ вступленіи въ должность, прямо сообщить о томъ вашему величеству.

«Неужели война, уже втеченіи осьми лѣтъ опустошающая всѣ четыре части свѣта, должна быть вѣчною? Неужели нѣтъ никакой возможности объясниться другъ съ другомъ?

«Какимъ же образомъ двѣ просвѣщеннѣйшія націи Европы, которыя и сильны и независимы, могутъ приносить на жертву пустымъ идеямъ о величіи благо торговли, внутреннее благоденствіе, счастіе семействъ? Какимъ же образомъ онѣ не чувствуютъ, что миръ есть первѣйшая изъ потребностей, также какъ и первѣйшая слава?

«Эти чувства не могутъ быть чужды сердцу вашего величества, вамъ, царствующему надъ великимъ народомъ съ единственною цѣлью сдѣлать его счастливымъ.

«Вашему величеству благоугодно будетъ принять это письмо какъ знакъ искренняго моего желанія усердно содѣйство-

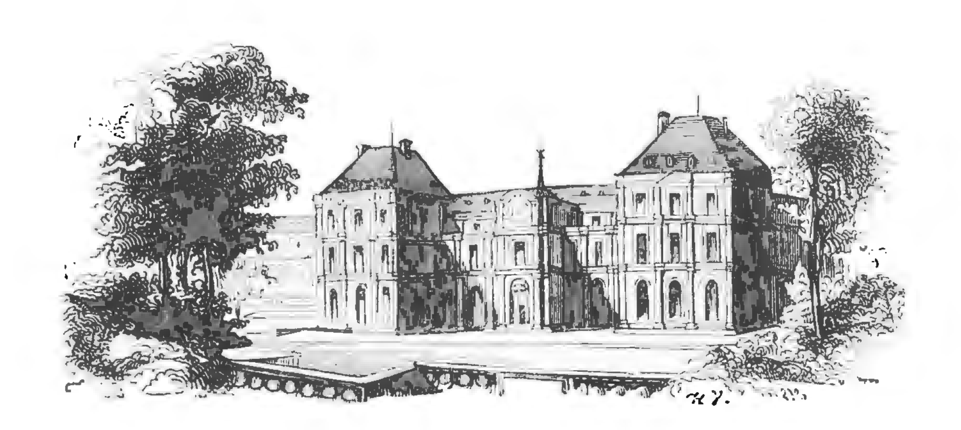
вать, во второй разъ, къ заключенію всеобщаго мира, безъ всякихъ промедленій, съ полною довѣрчивостью и безъ тѣхъ формъ, которыя быть-можетъ нужны при переговорахъ между небольшими владѣніями, чтобы скрыть ихъ обоюдную слабость, но въ дѣлахъ между сильными государствами не служатъ ни къ чему, и только проявляютъ намѣреніе обмануть другъ друга.

«И Франція и Англія, употребя во зло свои силы, могутъ еще долго поддерживать между собою войну на несчастіе всѣхъ народовъ; но, смѣю сказать, что участь всѣхъ просвѣщенныхъ націй тѣсно связана съ окончаніемъ войны, объемлющей всѣ части свѣта.

«Бонапарте.»

Ясно, что Наполеонъ опасался для Франціи враждебнаго расположенія въ одно время двухъ такихъ сильныхъ державъ, каковы Великобританія и Австрія; и потому началъ переговоры и съ лондонскимъ и съ вѣнскимъ дворомъ, чтобы склонить къ себѣ или тотъ или другой. Но англійскій король отвѣчалъ черезъ лорда Гранвиля, что считаетъ не умѣстнымъ входить въ непосредственную переписку съ консуломъ, а вѣнскій дворъ отвергъ всѣ его предложенія.

ГЛАВА XI.

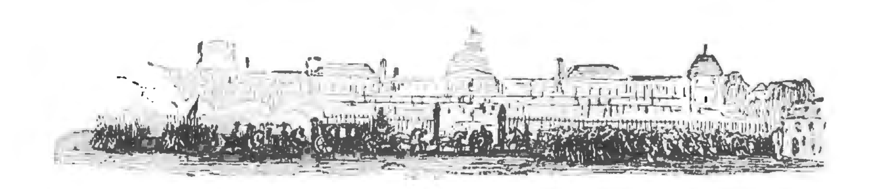
Перемѣщеніе консульской резиденціи въ Тюилери. Новая италіянская кампанія. Битва при Маренго. Возвращеніе въ Парижъ. Національный праздникъ.

Первый консулъ хорошо понималъ всю важность формъ, въ которыя облекается власть, и все вліяніе наружнаго блеску, которымъ она окружаетъ себя; онъ прилежно занялся всѣмъ, что̀ могло въ глазахъ народа придать его власти бо̀льшую блистательность. Мѣстопребываніемъ прежнихъ властителей республики былъ Люксенбургскій дворецъ; но власти эти пали при рукоплесканіяхъ націи, которой наскучило страдать подъ ихъ беззаконнымъ правленіемъ; этого уже было довольно, чтобы Бонапарте не захотѣлъ жить въ Люксенбургѣ. Ему показалось тамъ тѣсно; консулу понадобился дворецъ королей, потому что онъ и дѣйствительно имѣлъ въ

своихъ рукахъ королевскую власть; Наполеонъ расположился переѣхать въ Тюилери, мѣсто освященное въ народныхъ воспоминаніяхъ какъ всегдашнее пребываніе верховной власти, какъ нѣкоторый родъ отечественнаго алтаря. Ревностные республиканцы старались, правда, распустить молву, что такое распоряженіе перваго консула отзывается желаніемъ возстановить монархію; но и Конвентъ и Комитетъ общественной безопасности, еще прежде Бонапарте, помѣщались въ Тюилери, и приверженцы перваго консула говорили, что онъ только слѣдуетъ ихъ примѣру.

Принявъ рѣшительное намѣреніе перейти въ чертоги королей, Наполеонъ назначилъ на это день 19 января 1800 году, и когда этотъ день наступилъ, онъ сказалъ своему секретарю: «И такъ, наконецъ, мы будемъ ночевать въ Тюилери!... При переѣздѣ туда меня должна сопровождать свита; скучно, да нечего дѣлать: надобно говорить глазамъ; это хорошо для народа. Директорія была слишкомъ проста; оттого ея и не уважали. Простота хорошо въ арміи; но въ большомъ городѣ, во дворцѣ, глава правительства долженъ стараться всѣми средствами обращать на себя взоры.....»

Ровно въ часъ по полудни Бонапарте выѣхалъ изъ Люксенбурга въ сопровожденіи поѣзда, котораго главное великолѣпіе составлялъ парадъ войскъ. Полки шли съ музыкой впереди; генералы и штабъ были верхами; народъ толпился со всѣхъ сторонъ. Глаза каждаго искали перваго консула,

который ѣхалъ въ каретѣ, запряженной шестью сѣрыми лошадьми, подаренными ему австрійскимъ императоромъ послѣ заключенія кампо-формійскаго трактата. Камбасересъ

и Лёбрёнъ помѣщались въ той же каретѣ, на переди, и казались только камергерами своего товарища. Поѣздъ тянулся по большей части улицъ Парижа, и народъ вездѣ встрѣчалъ Бонапарте съ восторгомъ.

Въѣхавъ на дворъ тюильрійскаго зàмка, первый консулъ, сопровождаемый Мюратомъ и Ланномъ, сдѣлалъ смотръ войскамъ. Когда мимо его стали проходить церемоніяльнымъ маршемъ 96-я, 43-я и 30-я полу бригады, онъ снялъ шляпу и склонилъ голову въ знакъ уваженія къ знаменамъ,

развѣвавшимися въ стольких сраженіяхъ. По окончаніи смотра Наполеонъ вошелъ въ дворецъ.

Остерегаясь, однако же, слишкомъ явно выказать свои тайныя намѣренія, онъ захотѣлъ, чтобы царственная резиденція

была называема « дворцомъ правительства, » и чтобы потѣшить республиканцевъ наполнилъ этотъ дворецъ изображеніями на картинахъ и бюстами великихъ людей древности. Между прочимъ въ одной изъ галерей новыхъ консульскихъ аппартаментомъ поставлена картина Давида *Юній Брутъ*, и превосходный бюстъ Брута младшаго, вывезенный изъ Италіи.

Всѣ эти предосторожности обнаруживали стремленіе перваго консула къ единовластію, и вмѣстѣ доказывали, что онъ глубоко чувствуетъ свое положеніе. Но предубежденіе къ нему народа было невѣроятное; народъ видѣлъ его консуломъ, потомъ увидѣлъ императоромъ, и всё-таки говорилъ: « Что̂ Бонапарте ни дѣлай, а въ душѣ онъ демократъ. »

Улучшенія въ управленіи Франціей, какъ тѣ, о которыхъ мы уже имѣли случай сказать, такъ и многія другія, начались приводиться въ дѣйствіе со времени водворенія Наполеона въ Тюилери. Въ это же время, печальное событіе въ Америкѣ, смерть Вашингтона, подало ему поводъ заслонить свои замыслы поступкомъ въ духѣ толпы; онъ отдалъ приказъ по арміи:

« Вашингтонъ умеръ!.... Вслѣдствіе того *первый консулъ* приказываетъ навязать на десять дней черный крепъ на всѣ знамена французскихъ войскъ. »

Въ тотъ же день, консулы обнародовали результатъ собранія голосовъ націи о новомъ констуціонномъ актѣ.

Изъ числа трехъ милліоновъ двѣнадцати тысячъ пять сотъ шестидесяти девяти человѣкъ имѣющихъ право голоса, тысячу пять сотъ шестьдесять два отвергли, а три милліона одиннадцать тысячъ семь человѣкъ приняли конституцію.

Между-тѣмъ правительство получило извѣстія изъ арміи, находящейся въ Египтѣ. Бумаги были адресованы на имя Директоріи, и Клеберъ не щадилъ въ нихъ Бонапарте, котораго обвинялъ въ томъ, что онъ покинулъ армію въ крайне бѣдственномъ положеніи. Первый консулъ, распечатавъ эти бумаги, счелъ себя очень счастливымъ, что онѣ попались ему въ руки. Но отвергая личную месть для общей пользы отечества, онъ отвѣчалъ Клеберу какъ человѣкъ, который умѣетъ управлять собою. Отвѣтомъ его была прокламація къ восточной арміи

превосходно написанная съ цѣлью скрыть содержаніе донесеній присланныхъ изъ Египта; вотъ эта прокламація:

«Воины,

«Консулы республики не упускаютъ изъ виду восточной арміи.

«Франція знаетъ все содѣйствіе вашихъ побѣдъ къ возстановленію ея торговли и распространенію повсемѣстнаго просвѣщенія. Вся Европа смотритъ на васъ. Я, часто, мысленно переношусь къ вамъ.

«Въ какое бы положеніе вы ни были поставлены случайностями воины, оставайтесь всегда тѣми же воинами, какими были при Риволи и Абукирѣ, и вы будете непобѣдимы.

«Имѣйте къ Клеберу то̀ неограниченное довѣріе, которое имѣли ко мнѣ: онъ его вполнѣ заслуживаетъ.

«Воины, помышляйте о томъ днѣ, когда, увѣнчанные побѣдою, вы возвратитесь на свою святую родину; тотъ день будетъ днемъ славы для цѣлой Франціи.»

Между-тѣмъ Австрія, оправясь отъ уныиія, наведеннаго на нее столькими потерями въ достопамятныя италіянскія кампаніи, охотно вошла въ виды лондонскаго кабинета, непріязненныя для Франціи, и отвергла всѣ миролюбивыя предложенія Бонапарте. Видя такое положеніе дѣлъ, первый консулъ началъ тѣмъ, что приказалъ собраться, въ Дижонѣ, резервной арміи въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, которую ввѣрилъ начальству Бертіе, а на его мѣсто военнымъ министромъ опредѣлилъ Карно̀. Но Наполеонъ не замѣшкался и самъ принятъ команду надъ этимъ войскомъ, изъ котораго образовалъ новую италіянскую армію.

Отправясь изъ Парижа шестаго мая, онъ пятнадцатаго прибылъ къ горѣ Сенъ-Бернару, и въ три дня совершилъ черезъ нее переправу. Отъ семьнадцатого мая, онъ, изъ главной своей квартиры въ Мартиньи, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что трудная переправа совершена благополучно, и что къ двадцать первому числу вся армія ступитъ на землю Италіи.

«Гражданинъ-министръ, — писалъ онъ ему, — я стою у подножія Альпъ, посреди Валѐ.

Дорога черезъ Большой-Сенъ-Бернаръ представляла намъ чрезвычайно много затрудненій при ея переходѣ; но войско мужественно побѣдило всѣ препятствія. Треть артиллеріи уже перевезена въ Италію; армія быстро спускается съ горы; Бертіе въ Піэмонтѣ: черезъ три дня всѣ войска будутъ по ту сторону Альпъ. »

И все исполнилось точно такъ, какъ предвидѣлъ первый консулъ, и исполнилось быстро и въ порядкѣ.

Овладѣвъ, какъ-бы мимоходомъ, городомъ Аостомъ, армія была остановлена крѣпостью Бардъ, почитаемой за неприступную по положенію своему на вершинѣ отвѣсной скалы, замыкающей глубокую долину, по которой надобно было проходить. Чтобы преодолѣть такую преграду, въ скалѣ, внѣ выстрѣловъ крѣпости, пробили тропинку, и по ней пошла пѣхота и конница; потомъ, выбравъ темную ночь, обвязали соломой колеса лафетовъ и артиллерійскихъ ящиковъ, и такимъ образомъ успѣли переправить орудія по-мимо крѣпости, слѣдуя по маленькой бардской долинѣ, обстрѣливаемой

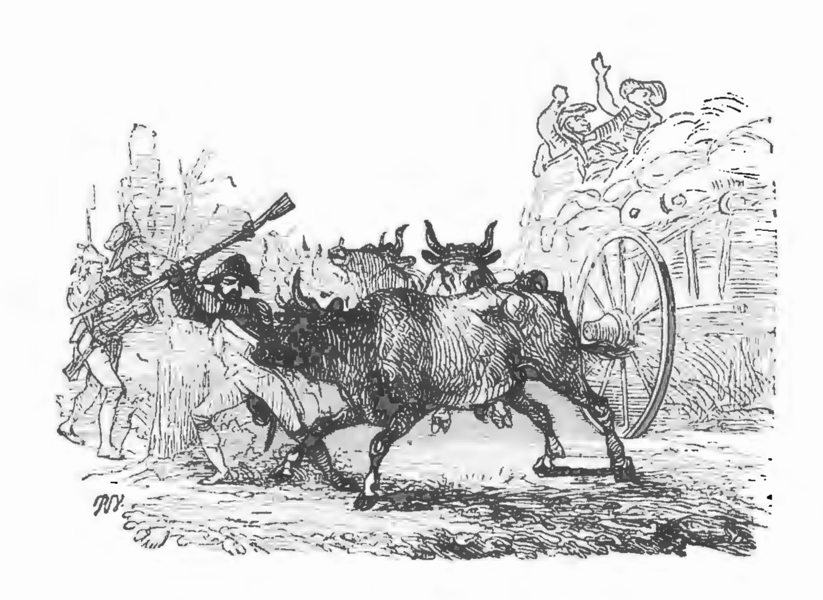

только одною батареею въ двадцать двѣ пушки, которыхъ

огонь, направленный на удачу, нанесъ Французамъ очень незначительный вредъ.

Въ самыхъ первыхъ числахъ іюня, главная квартира была перенесена въ Миланъ, и здѣсь Бонапарте, провозгласивъ учрежденіе снова цизальпійской республики, издалъ къ своему войску прокламацію, въ которой, между прочимъ, говоритъ:

« Воины,... вы уже въ столицѣ цизальпійской республики; испуганные непріятели бѣгутъ передъ вами; вы отбили у нихъ и госпитали, и магазины, и запасные парки... Начальный подвигъ кампаніи совершенъ.

«Результатомъ всѣхъ нашихъ усилій будутъ: Слава непомрачимая и твердый миръ.»

Но до прочнаго мира было еще далеко; и однако же Французы были уже наканунѣ одной изъ тѣхъ рѣшительныхъ по-

бѣдъ, которыя, хотя не искренне, хотя на время, припуждаютъ враговъ откладывать свои непріязненныя дѣйствія. Девятаго іюня Бонапарте переправился черезъ По, и поразилъ имперцевъ при Монтебелло, гдѣ генералъ Ланнъ покрылъ

себя славою. Четырнадцатаго, Наполеонъ снова настигъ непріятелей на долинахъ Маренго, и одержалъ одну изъ самыхъ блистательнѣйшихъ побѣдъ. Послушаемъ, какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ:

«Послѣ сраженія при Монтебелло, армія двинулась, чтобъ перейти Сіеру. Авангардъ, состоявшій подъ начальствомъ генерала Гарданна, встрѣтивъ, 24 числа, непріятеля, который не допускалъ его приблизиться къ Бормидѣ и охранялъ свои три моста близъ Александріи, расбилъ его, отнялъ двѣ пушки и взялъ сто человѣкъ плѣнными.

«Въ то же время, вдоль берега По, на-противъ Валенціи, приближалась дивизія генерала Шабрана, въ намѣреніи воспрепятствовать непріятелю перейти за эту рѣку. Такимъ образомъ Меласъ нашелся стѣсненнымъ между двухъ рѣкъ, Бормидою и По. У него отрѣзанъ единственный путь, по которому онъ могъ отступать послѣ пораженія при Монтебелло; непріятель, казалось, не слѣдуетъ никакому плану и еще не рѣшился на то, какъ ему дѣйствовать.

«Двадцать пятаго, на разсвѣтѣ, непріятель перешелъ Бормиду по тремъ мостамъ, и принялъ намѣреніе прорваться сквозь наши войска; онъ двинулся всѣми силами, напалъ врасплохъ на нашъ авангардъ, и съ крайнею живостью началъ знаменитую маренгскую битву, которая рѣшила наконецъ судьбу Италіи и австрійской арміи.

«Въ продолженіе этой битвы, мы четыре раза отступали и четыре раза шли впередъ. Более шестидесяти орудій, на разныхъ пунктахъ, переходили попеременно то въ однѣ, то въ другія руки. Кавалерія двѣнадцать разъ, съ разнымъ успѣхомъ, ходила въ аттаку.

«Было три часа по-полудни. Десять тысячъ человѣкъ пѣхоты обходило наше правое крыло по прелестной сенъ-жюліенской долинѣ; ихъ поддерживали конница и многочислен-

ная артиллерія. Гренадеры гвардіи, построясь въ каре, стали посереди этой долины, какъ гранитный редутъ: ничто не могло сбить или сдвинуть ихъ съ мѣста; и конница, и пѣхота, и артиллерія, все дѣйствовало противъ этого баталіона, — и все тщетно. Тогда-то вподлинну увидѣли, что̀ можетъ горсть людей истинно храбрыхъ.

«Такая отчаянная оборона гвардейскихъ гренадеръ задержала движеніе лѣваго непріятельскаго фланга, и оперла нашъ правый, покуда не подоспѣлъ генералъ Монніё, который взялъ въ штыки деревню Кастель-Черіоло.

«Въ это время имперская кавалерія сдѣлала быстрое движеніе на наше лѣвое крыло, и то уже довольно разстроенное, и принудила его отступить.

«Непріятель шелъ впередъ всею линіей, и сыпалъ на насъ картечь болѣе чѣмъ изо ста орудій.

«Дороги были покрытыми бѣгущими, ранеными, обломками ящиковъ и лафетовъ. Непріятелей допустили прибли-

зиться на ружейный выстрѣлъ къ деревнѣ Сенъ-Жюльенъ, гдѣ была построена въ боевомъ порядкѣ дивизія генерала Дезè, имѣя впереди себя восемь орудій легкой артиллеріи, а на флангахъ по баталіону построенному въ полу-кареяхъ. Всѣ бѣглецы собирались за нихъ.

«Уже непріятель сталъ дѣлать ошибки, предзнаменовавшія его пораженіе: онъ началъ слишкомъ растягивать свои фланги.

«Присутствіе перваго консула поддерживало мужество войскъ.

«Дѣти! говорилъ онъ имъ: помните, что я имѣю привычку ночевать на полѣ битвы.

«При крикахъ: да здравствуетъ первый консулъ! Дезè живо повелъ атаку съ центра. Ряды имперцевъ въ одну минуту разстроены. Генералъ Келлерманъ, который, въ те-

ченіе цѣлаго дня, прикрывалъ своей тяжелой кавалеріей отступленіе нашего праваго крыла, кинулся въ аттаку съ такою быстротой и такъ кстати, что взяты въ плѣнъ шесть тысячъ австрійскихъ гренадеръ, начальникъ ихъ главнаго штаба, генералъ Цахъ, и убито множество другихъ генера-

ловъ. Вся армія послѣдовала за этимъ движеніемъ. Правое крыло непріятелей отрѣзано. Ужасъ и смятеніе овладѣло его рядами.

«Австрійская кавалерія устремилась - было къ центру для прикрытія отступленія; но бригадный командиръ Бессіеръ, взявъ полкъ головорѣзовъ (les casse-cols) и гвардейскихъ гренадеръ, ударилъ на нее, разсѣялъ, и тѣмъ довершилъ полное разстройство непріятельской арміи.

«Мы взяли пятьнадцать знаменъ, сорокъ орудій, и отъ шести до осьми тысячъ плѣнными; на полѣ легло болѣе шести тысячъ имперцевъ.

«Девятый легкій пѣхотный полкъ заслужилъ быть названнымъ несравненнымъ. Тяжелая кавалерія и осьмой драгунскій полкъ покрыли себя славою. Потеря и съ нашей стороны значительна; у насъ убито шесть сотъ человѣкъ, ранено полторы тысячи и взято плѣнными девять сотъ.

«Генералы Шампо, Мармонъ и Будѐ ранены.

«У генералъ-аншефа Бертіе весь мундиръ пробитъ пулями; многіе изъ его адъютантовъ убиты или ранены. Но армія и все отечество понесли еще чувствительнѣйшую утрату. Дезѐ убитъ при самомъ началѣ аттаки, произведенной его дивизіею; умирая, Дезѐ успѣлъ только сказать бывшему при немъ молодому Лёбрёну: «Скажите первому консулу, что я умирая жалѣю только о томъ, что не имѣлъ времени заслужить на-дольше памяти потомства.»

Въ теченіе своего военнаго поприща Дезѐ былъ три раза раненъ и подъ нимъ убито четыре лошади. Онъ прибылъ

въ главную квартиру только за три дня до маренгской битвы, горѣлъ желаніемъ быть въ дѣлѣ, и на-канунѣ раза два три говорилъ своимъ адъютантамъ: «Вотъ ужъ прошло много времени съ-тѣхъ-поръ какъ я не дрался въ Европѣ; ядры забыли меня; ну, быть чему-то.» Когда, въ самомъ пылу битвы, донесли Бонапарте, что Дезё убитъ, у него вырвались только эти слова: «О, для чего не позволено мнѣ плакать!» Тѣло Дезё было на почтовыхъ отправлено въ Миланъ, и тамъ набальзамировано.

Два дня спустя Бонапарте писалъ къ консуламъ, изъ главной квартиры въ Торре ди Гарафола:

«Граждане консулы; на другой день послѣ сраженія при Маренго, генералъ Меласъ прислалъ на наши аванпосты просить позволенія прислать ко мнѣ генерала Скала. Въ продолженіи дня заключена конвенція, съ которой прилагаю копію. Она подписана въ ночи генераломъ Бертіё и генераломъ Меласомъ. Надѣюсь, что французской народъ будетъ доволенъ своей арміей.»

Битва при Маренго предала въ руки побѣдителей Піемонтъ и Ломбардію. Первый консулъ недолго пробылъ въ Италіи. Въ Миланѣ народъ, и даже духовенство, приняли его съ восторгомъ. Бонапарте, желая пріобрѣсть опору въ духовныхъ особахъ сказалъ имъ слѣдующую рѣчь:

«Служители церкви, которой я сынъ, я считаю васъ лучшими моими друзьями; я объявляю вамъ, что сочту за возмутителя общественнаго спокойствія, и велю жестоко наказать, и, если будетъ нужно, то предамъ смерти, всякаго, кто осмѣлится нанесть оскорбленіе нашей святой религіи, или вашимъ священнымъ особамъ...... Безъ религіи человѣкъ ходитъ во тмѣ; одна только религія даруетъ человѣку непреложный свѣтъ, и указываетъ ему на его начало и послѣдній конецъ.»

Такую рѣчь должно приписывать не одной политикѣ честолюбиваго солдата. Бонапарте, правда, былъ равнодушенъ къ религіи; это доказывается поведеніемъ его въ Каирѣ, и свидѣтельствомъ Записокъ на островѣ Святой-Елены, равно какъ и свидѣтельствомъ доктора О'Меара, Пеле де ла-Лозеръ и Тибодо; но у него была религія политическая.

Онъ говорилъ: «нѣтъ примѣровъ, чтобы государство могло существовать безъ алтарей и ихъ служителей;» и этой-то политической религіи Наполеона должно приписать ту рѣчь къ духовенству, которую мы сейчасъ привели.

Овладѣвъ въ нѣсколько дней Италіею, первый консулъ поспѣшилъ возвратиться во Францію, но прежде учредилъ Совѣтъ для приведенія въ порядокъ управленія цизальпійской республики и возобновилъ въ Павіи университетъ. Двадцать шестаго іюня Бонапарте приказалъ перевесть тѣло Дезè на Сенъ-Бернаръ, и тамъ воздвигнуть памятникъ въ

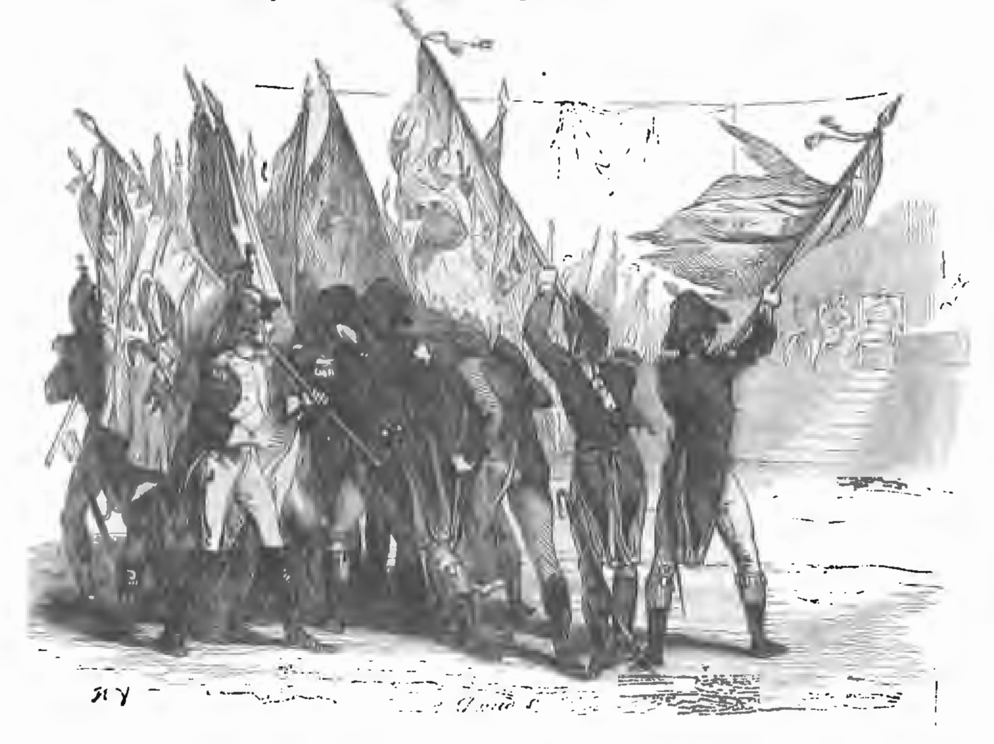
честь павшаго героя. 29, онъ прибылъ въ Ліонъ, и привлекъ къ себѣ расположеніе жителей этого торговаго и обширнаго города, повелѣніемъ возобновить фасады Беллекурской площади, и самъ положилъ первый камень сихъ работъ.

Третьяго іюля, то есть, менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда своего изъ Парижа, Наполеонъ возвратился туда увѣнчанный новыми побѣдными лаврами и былъ принятъ съ живымъ, единодушнымъ восторгомъ, Первымъ его дѣломъ было наградить воиновъ отличившихся храбростью. Еще при открытіи кампаніи онъ наименовалъ неустрашимаго Латуръ-д'Овернья, который не хотѣлъ никакого повышенія чиномъ, *первымъ гренадеромъ республики*, а теперь наз-

началъ по арміи большое производство и многимъ роздалъ почетные листы.

Покуда первый консулъ овладѣвалъ въ нѣсколько дней лучшею частью Италіи, Брюнъ и Бернадотъ, главнокомандующіе западной арміею, умиротворили Бретань, и по этому случаю было рѣшено праздновать соединеніе всѣхъ Французовъ. Предписаніе консуловъ, отъ 12 іюня, назначило для этого празднества день 14 іюля, и чтобы торжество было полнѣе, то предписано начать въ этотъ же день, какъ въ департаментахъ такъ и на Вандомской площади въ столицѣ, закладку колоннъ, воздвигаемыхъ въ честь и память павшихъ на полѣ брани.

И снова на Марсовомъ-полѣ, послѣ десяти лѣтъ смутъ и бѣдствій, собралось неисчислимое множество народу. Офицеры, присланные отъ арміи рейнской и италіянской, развернули передъ консулами знамена отбитыя у непріятелей, которыя приносили въ даръ отечеству, и Бонапарте произнесъ къ депутатамъ арміи слѣдующія слова:

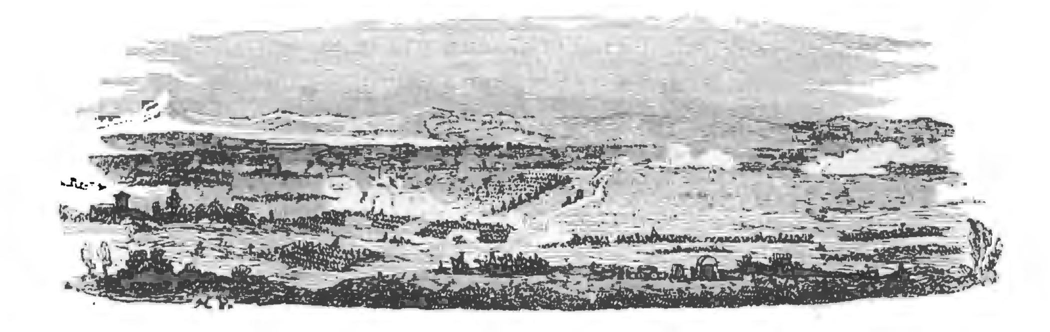

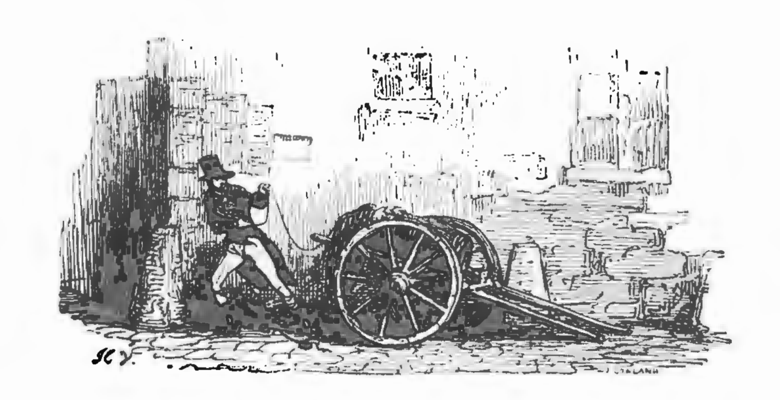
«Знамена, представляемыя правительству въ присутствіи жителей нашей огромной столицы, свидѣтельствуютъ о геніяльности главнокомандующихъ Моро̀, Массена и Бертіе; о достоинствахъ генераловъ, ихъ помощниковъ, и о мужествѣ французскихъ воиновъ.

«Возвратясь въ лагери, скажите солдатамъ, что къ первому вендеміеру народъ французскій ожидаетъ отъ нихъ или извѣстія о заключеніи мира, или новыхъ знаменъ отбитыхъ у непріятеля.»

Въ этой рѣчи достойно примѣчанія то̀, что Бонапарте, поставленный въ необходимость умолчать о себѣ и выхвалить другихъ военачальниковъ, зная впрочемъ, что имя его не будетъ забыто народомъ, нарочно назвалъ тѣхъ генераловъ, которые болѣе другихъ могли съ нимъ соперничествовать, и упомянулъ о Моро̀ и Массенѣ прежде чѣмъ о Бертіе, своемъ повѣренномъ и другѣ. Это было ловкое средство показать, что онъ не питаетъ ни малѣйшей зависти къ знаменитымъ воинамъ, и что вовсе не думаетъ будто они и вправду могутъ быть его соперниками. Такія слова проявляютъ гордую самосознательность генія, которая выказывается изъ-за вынужденной скромности оффиціяльной рѣчи, и никогда такъ явно не обнаруживаетъ своего личнаго превосходства, какъ когда выставляетъ на видъ достоинства другихъ.

Празднество заключилось пиромъ, даннымъ первымъ консуломъ главнымъ властямъ республики, и на которомъ онъ предложилъ тостъ: «За 14 іюля и за нашего повелителя — за французскій народъ!»

ГЛАВА XII.

Учрежденіе государственнаго совѣта. Люневильскій конгрессъ. Праздникъ въ честь основанія республики. Два заговора. Адская машина.

Вскорѣ послѣ 14 іюля, первый консулъ подписалъ прелиминарныя статьи мира между Франціей и Австріей, и доказалъ тò миролюбное расположеніе, которое обнаружилъ въ рѣчи своей къ депутатамъ отъ арміи.

Черезъ мѣсяцъ потомъ, Бонапарте занялся учрежденіемъ государственнаго совѣта и назначеніемъ его членовъ.

Третьяго сентября заключилъ онъ торговой и дружественный договоръ между Франціей и Соединенными-Штатами; а 20 того же мѣсяца, получивъ отказъ австрійскаго императора подписать прелиминарныя статьи, назначилъ новый конгрессъ въ Люневилѣ, на которой представителемъ французской республики отправилъ генерала Кларка.

Праздникъ, данный 1 вендеміера, былъ не менѣе торжестве-

ненъ какъ и праздникъ бывшій 14 іюля. На немъ присутствовали депутаты отъ властей всѣхъ департаментовъ. Въ этотъ день было назначено начать сооруженіе на площади Побѣдъ національнаго памятника въ честь Дезè и Клебера, которые пали въ одинъ и тотъ же день, первый при Маренго, отъ непріятельской пули, а другой въ Каирѣ, подъ кинжаломъ убійцы.

Перенесеніе праха Тюренна въ храмъ Марса, исполненное по приказанію консуловъ, еще болѣе придало торжественности празднику 1 вендеміера. Военный министръ Карнò произнесъ по этому случаю рѣчь, достойную знаменитаго воина, въ честь котораго говорилъ ее, и достойную себя; потому что та рѣчъ была похвала воинскому искусству, скромности, генію, общественной и частной жизни великаго Тюренна, про-

изнесенная человѣкомъ, который подобно ему, оказалъ большія услуги отечеству и военными своими дарованіями и высокою своею нравственностью. Въ этомъ похвальномъ словѣ Карнô съумѣлъ связать имена Клебера и Дезѐ съ именемъ храбраго и ученаго Латуръ-д'Овернья, только-что павшаго на полѣ битвы въ Германіи и который приходился въ родствѣ Тюренну.

Осьмый годъ основанія республики былъ также ознаменованъ и открытіемъ въ Сенъ-Сирѣ Пританея.

Однако же, несмотря на торжественность народныхъ пиршествъ и на усилія перваго консула не слишкомъ возбуждать въ такъ называемыхъ патріотахъ сомнѣнія насчетъ своихъ тайныхъ намѣреній, средства употребленныя имъ для присвоеніе власти, и расположеніе, которое онъ съ-тѣхъ-поръ обнаруживалъ къ уничтоженію республиканскихъ постановленій, не могли не возбудить фанатизма нѣкоторыхъ агентовъ республики, способныхъ умыслить и исполнить убійство человѣка, на котораго они смотрѣли не иначе какъ на похитителя и тирана. Въ числѣ такихъ фанатиковъ были бывшій депутатъ Арена, скульпторъ Черакки, Топино-Лёбрёнъ, ученикъ Давида, и Дамервилль. Бездѣльникъ, по прозванью Гаррель, употребилъ въ свою пользу ихъ ненависть къ Бонапарте, втянулъ въ заговоръ и все открылъ полиціи; такъ, что первый консулъ дотого почелъ себя безопаснымъ отъ этого заговора, что въ тотъ же вечеръ поѣхалъ въ театръ, гдѣ заговорщики предположили-было напасть на него.

Съ своей стороны и тѣ, которые ожидали найти въ Бонапарте новаго Монка, не видя исполненія своихъ ожиданій, составили тоже противъ него заговоръ, и устроили извѣстную «адскую машину.» Это было 3 нивоза; первый консулъ ѣхалъ въ оперу, на первое представленіе Гайденовой ораторіи *Сотвореніе міра*. Съ нимъ были Ланнъ, Бертіѐ и Лористонъ. Въ то время какъ они проѣзжали улицею Сенъ-Никэзъ, вдругъ взорвало боченокъ пороху на тележкѣ, нарочно тамъ поставленной. Опоздай экипажъ перваго консула только десятью секундами, — Бонапарте, и всѣ съ нимъ бывшіе, взлетели бы на воздухъ. Къчастію, кучеръ былъ пьянъ, и гналъ лошадей скорѣе обыкновеннаго, и эта-та поспѣшность избавила отъ

трагической гибели, человѣка, котораго преждевременная смерть измѣнила бы судьбы Европы и Франціи. «Подъ нами подведенъ подкопъ!» вскричалъ первый консулъ. Ланнъ и Бертіе настаивали на томъ, чтобъ возвратиться въ Тюилери. «Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Бонапарте, ѣдемъ въ оперу!» И онъ сѣлъ въ своей ложѣ также равнодушно, какъ-будто и не видалъ никакой опасности, какъ-будто душа его была совер-

шенно спокойна. Однако жъ онъ недолго предавался этому наружному спокойствію. Показавъ передъ публикой въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, что не смутился опасностью, Наполеонъ, уступая силѣ впечатлѣнія, поспѣшилъ въ Тюилери, гдѣ уже собрались всѣ значительныя лица той эпохи, чтобы узнать что́ случилось и чѣмъ все это кончится. Эдва войдя въ комнату, гдѣ находились собравшіеся, Бонапарте предался всей горячности своего характера, и громкимъ голосомъ вскричалъ: « Вотъ дѣла якобинцевъ; якобинцы хотѣли убить меня!... Въ этомъ заговорѣ нѣтъ ни дворянъ, ни шуановъ, ни духовенства!... Я старой воробей и меня не обманутъ. Заговорщики, просто, бездѣльники, люди въ грязи и лохмотьяхъ, которые постоянно бунтуютъ противъ всякаго правительства. Это версальскіе убійцы, разбойники 31 майя, преріальскіе заговорщики, виновники всѣхъ преступленій замышленныхъ противъ властей. Если ужъ ихъ нельзя усмирить, то надобно раздавить; надобно очистить Францію отъ этой негодной дряни. Нѣтъ пощады такимъ бездѣльникамъ!.... »

Почти тоже самое повторилъ Бонапарте и въ отвѣтѣ своемъ депутатамъ департамента Сены; но печальнѣе всего было то̀, что вскорѣ потомъ послѣдовала казнь несчастныхъ, увлеченныхъ и преданныхъ Гаррелемъ, и изгнаніе изъ отечества ста тридцати гражданъ, подозрѣваемыхъ въ слишкомъ явномъ неблагорасположеніи къ консулу. Министръ полиціи, Фушѐ, которому надо же было оправдаться въ томъ, что онъ не успѣлъ открыть и предупредить заговора, всѣхъ болѣе настаивалъ о наказаніи мнимыхъ преступниковъ; и мѣры имъ предложенныя были легко одобрены первымъ консуломъ, въ которомъ онъ уже давно возбуждалъ подозрѣнія на республиканцевъ. Но черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, узнали, что адская машина была устроена Карбономъ и Сенъ-Режаномъ: ихъ осудили на смерть и казнили. Однако жъ казнь настоящихъ виновныхъ ничуть не измѣнила участи невинно изгнанныхъ, которые, во время проѣзда своего черезъ Нантъ, едва едва не сдѣлались жертвою ярости черни.

Совсѣмъ тѣмъ, такая диктаторская управа встрѣтила не многихъ порицателей: дотого тогдашнее общественное мнѣ-

ніе было въ пользу Наполеона. Однако же адмиралъ Трюгè позволилъ себѣ нѣкоторыя замѣчанія, въ которыхъ жаловался на то, что въ нѣкоторыхъ брошюрахъ проповѣдуютъ возвращеніе къ монархіи и наслѣдственной власти. Это былъ намѣкъ на брошюру подъ названіемъ *Параллель между Цезаремъ, Кромвелемъ и Бонапарте*, которая была издана подъ покровительствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и очевидно казалась назначенною къ тому, чтобы посмотрѣть, какъ пріиметъ народъ новое измѣненіе формы правленія замышляемое Наполеономъ.

ГЛАВА XIII.

Учрежденіе специальныхъ присутственныхъ мѣстъ. Публичныя работы. Люневильскій трактатъ. Поощреніе наукъ и промышлености. Миръ съ Испаніей, неаполитанскимъ королевствомъ и Пармою. Конкордатъ. Аміенскій миръ. Te Deum въ соборной церкви Парижской Богоматери.

Сочинения, пущенныя въ ходъ для того чтобы вывѣдать мнѣніе народа, приняты публикою не такъ, какъ бы можно ожидать судя по общему расположенію, которымъ пользовался первый консулъ, и поэтому принята благоразумная мѣра скрыть оффиціяльность этихъ сочиненій и отсрочить исполненіе намѣренія, на которое онѣ намѣкали. Но адская машина подала поводъ къ учрежденію специяльныхъ судовъ

и изъемлемыхъ отъ дѣйствія общаго закона расправъ, сдѣлавшихся орудіями къ быстрому развитію верховной власти, которую первый консулъ уже на самомъ дѣлѣ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ. Это опасное учрежденіе породило смѣлую оппозицію нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, какъ напримѣръ Бенжаменъ-Констана, Дону, Женгене (Ginguené), Шенье, Испара (Isnard) и другихъ. Въ сенатѣ нашлись также три четыре великодушныхъ человѣка, Ламбрехтъ, Ланжюинè, Гарà и Ленуаръ-Ларошъ, которые возстали противъ этой мѣры. Но въ пользу желаній перваго консула было такое большинство голосовъ, что желанія эти легко были облечены въ законную форму.

Вмѣстѣ съ приведеніемъ въ исполненіе своихъ честолюбивыхъ замысловъ, Наполеонъ не оставлялъ однако жъ пещись объ истинныхъ общественныхъ пользахъ. По всей Франціи проводились новыя дороги и новыя каналы; художества возрождались съ новымъ блескомъ; ученыя открытія поощрялись; торговля и промышленость открывали себѣ пути до-сихъ-поръ неизвѣстные.

Семьнадцатаго января 1801, повѣлено возобновленіе дѣйствій Африканской Компаніи, и первый консулъ, переносясь мыслію отъ Атласа къ Альпамъ, и объемля своимъ прозорливымъ взоромъ всю пользу просвѣщенія, въ тотъ же день далъ приказаніе генералу Тюрро предсѣдательствовать въ коммисіи, назначенной для построенія прекрасной симплонской дороги.

Девятаго февраля былъ въ Люневилѣ подписанъ мирный договоръ съ державами твердой земли. Бонапарте воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ обвинить лондонской кабинетъ и представить его какъ единственное препятствіе къ всеобщему умиротворенію. Въ письмѣ своемъ къ Законодательному Собранію, онъ сказалъ: « Остается жалѣть, что этотъ мирный договоръ не объемлетъ всѣхъ частей свѣта. По-крайней-мѣрѣ таково былъ желаніе Франціи, и такова была постоянная цѣль усилій ея правительства; но всѣ эти усилія оказались тщетными. Европа знаетъ какъ дѣйствовало англійское министерство, чтобы разстроить и самое заключеніе люневильскаго трактата. » Вслѣдъ за тѣмъ, въ отвѣтѣ своемъ на

поздравленія Законодательнаго Собранія, Наполеонъ далъ почувствовать, что въ умѣ его уже раждается гигантскій замыселъ введенія континентальной системы; онъ говорилъ: « Всѣ державы твердой земли согласятся между собою, чтобы принудить Англію итти по пути умѣренности, справедливости и здраваго разсудку. »

Бонапарте, радуясь возстановленію во Франціи внутренняго спокойствія, которое предшествовало заключенію внѣшняго мира, поспѣшилъ изъявить свое удовольствіе по случаю согласія, замѣченнаго имъ между жителями разныхъ департаментовъ, которые онъ объѣхалъ; говоря объ этомъ, онъ примолвилъ: « И такъ нечего слушать необдуманныхъ рѣчей нѣкоторыхъ ораторовъ. » Эти слова были намѣкомъ на смѣлыя рѣчи, произнесенныя во время преній о учрежденіи специальныхъ присутственныхъ мѣстъ.

За люневильскимъ трактатомъ, заключеннымъ преимущественно съ Австріею, послѣдовали мирные договоры съ Неаполемъ, Мадритомъ и Пармою. Около того же времени Бонапарте учредилъ департаменты роерскій, саррскій, рейнъ-и мозельскій и монъ-тонерскій; а какъ умиротвореніе и распространеніе границъ Французской республики, должны были имѣть вліяніе на ея вещественныя выгоды, то первый консулъ велѣлъ издать законъ, которымъ ему присвоена власть учреждать торговыя биржи, и отдалъ приказаніе, чтобы каждый годъ, отъ 17 до 22 сентября, была публичная выставка всѣхъ издѣлій отечественной промышлености.

Освободясь отъ военныхъ заботъ на твердой землѣ Европы, и довольный разъединеніемъ, по-крайней-мѣрѣ по наружности, Англіи съ другими державами, Бонапарте основывалъ большія надежды на благорасположеніи къ нему Россійскаго Императора Павла I. Но кончина этого Государя разрушила всѣ его планы. Узнавъ о ней, онъ изъявилъ непритворное и живое прискорбіе.

Вотъ уже другой разъ нечаянное событіе разстроивало огромный замыселъ Бонапарте, уничтожить могущество Великобританіи въ Индіи.

Однако же первый консулъ не довольствовался тѣмъ, что успѣлъ уже сдѣлать. Посреди своихъ славныхъ трудовъ

и великихъ предпачинанiй, онъ чувствовалъ, что его планъ реорганизацiи не полонъ: въ немъ еще не было назначено мѣста для религiи. Конечно, онъ и прежде не то чтобы не обращалъ на нее вниманiя; но о ней не было говорено ни въ заключенныхъ трактатахъ, ни въ изданныхъ законахъ. Если духовенство и пользовалось, на равнѣ съ лицами другихъ состоянiй, милостями консула, то этого всё-еще было мало для упроченiя того положенiя, въ которомъ находился первый консулъ; и чтобы оперѣть его на основанiи законномъ, Наполеонъ вошелъ въ переговоры съ Римомъ, и заключилъ конкордатъ съ папою Пiемъ VII. Философы изъ свиты Бонапарте, которые не отказались содѣйствовать революцiи брюмера, потому что она упрочивала ихъ внезапное возвышенiе, вдругъ заговорили противъ обновленiя религiи. Имъ хотѣлось, чтобы Бонапарте провозгласилъ себя главою галликанскаго вѣроисповѣдыванiя и совершенно бы прервалъ всѣ сношенiя съ папою. Но первый консулъ зналъ лучше чѣмъ эти люди важность религiи, и опасность, такъ сказать, задѣть за живое большинство нацiи.

Еще во времена революцiи и тиранскаго владычества философизма и Директорiи, нѣкоторые почувствовали ту необъятную пустоту, которую оставляетъ по себѣ низпроверженiе религiи, и тщетно старались пополнить ее, кто учрежденiемъ праздниковъ въ честь Бога Вышняго, кто обрядами ѳеофилантроповъ.

Бонапарте, увѣренный въ томъ, что несравненно бóльшая часть Французовъ привержена къ римскому вѣроисповѣданiю, естественно долженъ былъ отнестись къ папѣ съ переговорами о возобновленiи богослуженiя, и показать видъ, что намѣревается возвратить церкви ея прежнее величество а прелатамъ прежнiй блескъ ихъ званiя. Поэтому-то, не обращая вниманiя на сарказмы приближенныхъ къ себѣ людей, которые всѣ были волтерiанцы, онъ, по случаю заключенiя съ Англiею амiенскаго мира, приказалъ отслужить *Te Deum* въ соборной церкви парижской Богоматери. При совершенiи этого молебствiя присутствовали всѣ знаменитости тогдашней эпохи. Когда Ланнъ и Ожерó, назначенные сопровождать перваго консула, узнали, что должны итти къ обѣднѣ, то

хотѣли отказаться; но Бонапарте не позволилъ, и на другой день все шутилъ надъ Ожеро̀, спрашивая, поправилась ему вчерашняя церемонія.

« Конкордатъ 1801 года, — сказалъ Наполеонъ въ своихъ мемоарахъ, — былъ нуженъ для религіи, для правительства.... Онъ прекратилъ безпорядки, устранилъ взаимную недовѣрчивость.... » Въ одномъ изъ совѣщаній, предшествовавшихъ подписанію конкордата, Наполеонъ сказалъ: « Если бы въ Римѣ не было папъ, такъ на этотъ случай слѣдовало бы ихъ выдумать. »

Помирившись съ папою, Бонапарте далъ новое ручательство въ продолжительности возстановленнаго спокойствія, учрежденіемъ королевствъ въ Италіи, которую прежде хотѣлъ-было наводнить республиками. Тоскана возведена на степень маленькаго независимаго государства, въ пользу одного изъ пармскихъ инфантовъ, у котораго отобрали прежнія его владѣнія, для присоединенія ихъ къ Ломбардіи. Принцъ этотъ, принявшій пышный титулъ короля Этруріи, посѣтилъ столицу Франціи подъ именемъ графа ливорнскаго. Въ честь его были даны блестящіе праздники, по случаю которыхъ снова появились изъисканность и изящность старой аристократіи. Но великолѣпіе пріема не могло скрыть всей ничтожности гостя; и когда Бонапарте спрашивали, какимъ это образомъ такой незавидный человѣкъ облеченъ такимъ верховнымъ саномъ, онъ только отвѣчалъ: « Политика, политика..... »

Между-тѣмъ другой знаменитый гость прибылъ въ Парижъ съ береговъ Темзы. Ему не сдѣлали такого великолѣпнаго пріема какъ прежнему, но зато Бонапарте обличалъ передъ нимъ искреннее радушіе. Этотъ гость уже былъ не ничтожность; человѣкъ съ высшимъ умомъ и благороднымъ характеромъ, про котораго Наполеонъ сказалъ, что « сердце живитъ его геній, тогда какъ въ Питтѣ геній одушевляетъ сердце. » Гость этотъ былъ Фоксъ!

Бонапарте расточалъ передъ знаменитымъ Англичаниномъ самыя живыя доказательства дружелюбія и уваженія. « Я часто принималъ его, говоритъ онъ съ своемъ *Меморіалѣ*; еще прежде я уже много наслышался о его талантахъ, и теперь

узналъ его прекрасную душу, доброе сердце, виды обширные и благородные. Я полюбилъ его. Мы часто бесѣдовали съ нимъ о множествѣ предметовъ и безъ всякихъ предразсудковъ.... Фоксъ — примѣръ людей государственныхъ, и рано ли, поздно ли, а его система обоймется цѣлый свѣтъ.... »

Чувства симпатіи перваго консула къ Фоксу были раздѣляемы вообще всѣми Французами. « Его принимали какъ какого-нибудь тріумфатора во всѣхъ городахъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ. Давали въ его честь праздники; и вездѣ, гдѣ только узнавали что Фоксъ будетъ проѣзжать, его встрѣчали и провожали съ величайшими почестями. » (О'Мирё.)

Положеніе Франціи послѣ аміенскаго мира было таково, какимъ она уже давно не пользовалась. Науки и художества развивались до удивительной степени; музеумы обогатились похищеніями драгоцѣнной, древней собственности народовъ; торговля и промышленость, для которыхъ были открыты новыя пути проведеніемъ множества дорогъ и каналовъ, вводили неслыханную дотолѣ роскошь; открыто множество школъ и лицеевъ; военная слава дошла до высокой степени; бразды правленія были въ рукахъ Бонапарте.... Казалось, чего бы не доставало Франціи!... Ей недоставало законнаго короля; на ней, кровавымъ пятномъ, лежало тяжкое преступленіе, — и все ея мнимое величіе допускалось Провидѣніемъ только длятого чтобы народы видѣли, какъ оно караетъ преступниковъ.

Положеніе Франціи, говоримъ, казалось блистательнымъ; но ея конституція носила въ себѣ самой невозможность быть постоянною. Всѣ были убѣждены въ томъ, что ея побѣды и мирные договоры, ея могущество и блескъ, суть плоды генія одного человѣка; и всѣ также были увѣрены, что одинъ только этотъ геній всостояніи поддерживать ее на теперешней степени славы; и тогда естественно раждался вопросъ, какимъ же образомъ этотъ человѣкъ, первый по всему, можетъ, по силѣ конституціи, занять когда-нибудь второстепенное мѣсто? Сенату казалось, что онъ уже и то много сдѣлалъ для Бонапарте, когда, по голосу націи, требовавшей блистательнаго вознагражденія первому консулу, назначилъ его консуломъ *на десять* лѣтъ. Но десять лѣтъ должны же были кончиться, и вопросъ не разрѣшался этимъ временнымъ первенствомъ такого человѣка какъ Бонапарте, который не могъ уже сдѣлаться просто частнымъ человѣкомъ. Наполеонъ и Франція поняли это; и потому, когда Сенатъ утвердилъ за нимъ консульство на десять лѣтъ, онъ отвергъ его и обратился къ народу съ вопросомъ: « Быть ли Бонапарте кон-

суломъ на всю его жизнь?» и три милліона голосовъ отвѣчали «Быть!»

Сенатъ, желая сколько возможно прикрыть свое прежнее неблаговременное распоряженіе, поспѣшилъ объявить народную волю, и притомъ, собственно отъ себя, даровалъ первому консулу новое право, — право избрать себѣ преемника. Вотъ что̀ отвѣчалъ Бонапарте депутаціи отъ Сената:

«Сенаторы,

«Жизнь гражданина принадлежитъ народу. Народъ желаетъ, чтобы я всю жизнь свою посвятилъ ему.... Покорствую его волѣ....

«Давая мнѣ новое ручательство, ручательство постоянное, народъ возлагаетъ на меня обязанность улучшить систему его законодательства новыми предусмотрительными постановленіями.

«Мои усилія, ваше содѣйствіе и содѣйствіе властей, и довѣренность ко мнѣ народа, утвердятъ, надѣюсь, благосостояніе Франціи.... И тогда, довольный тѣмъ что̀ сдѣлалъ, я безъ сожалѣнія сойду въ могилу, и оставлю свою память на судъ потомству.»

Однако же общенародное назначеніе Наполеона пожизненнымъ консуломъ, встрѣтило нѣкоторые, отдѣленные, голоса не въ его пользу: но это было капля въ Океанѣ. Пожизненное консульство, казалось, сопрягало судьбы Франціи съ судьбою одного человѣка, и нѣкоторымъ образомъ составляло родъ самодержавія, немногимъ уже отдѣленнаго отъ наслѣдственной монархіи: и нельзя же было ожидать, чтобы люди всѣхъ партій, порожденныхъ 1789 годомъ, были согласны съ большинствомъ голосовъ націи, облекшихъ Бонапарте столь огромною властью: Конвентъ и учредительное Собраніе нашли своихъ представителей; первый, въ лицѣ Лафайэта, далъ одно условное согласіе на пожизненность достоинства перваго консула; а второе, въ лицѣ Карно̀, вовсе отвергло такое назначеніе.

Бонапарте предвидѣлъ оппозицію со стороны Лафайэта, который, не соглашаясь на всѣ личныя убѣжденія консула, постоянно отказывался занять почетное мѣсто сенатора; и если бы Наполеонъ лучше зналъ Лафайэта, то не сталъ бы

тщетно стараться привлечь его на свою сторону: Лафайэтъ не только не измѣнился съ эпохи 1789 года, но еще хотѣлъ, чтобы Франція, Европа и Америка знали, что онъ остается всё однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Полный воспоминаній о томъ, чѣмъ онъ былъ при Вашингтонѣ и Мирабо̀, онъ составилъ себѣ первостепенное политическое значеніе, тщательно намѣревался сохранить его, и не былъ расположенъ занять второстепенное мѣсто при комъ бы то ни было. Ему также хотѣлось быть представителемъ какой-нибудь эпохи, живымъ знаменіемъ 89 года; и когда человѣкъ этотъ смотрѣлъ на себя какъ на лицо вполнѣ историческое, какъ на первое дѣйствующее лицо многихъ великихъ сценъ, то, естественно, не хотѣлъ сойти съ высоты, на которую поставили его побѣдители 14 іюля, и стать въ ряды безвѣстной толпы, окружающей побѣдителя 18 брюмера. И такимъ образомъ, Лафайэтъ, участникъ въ первоначальной федераціи, охраняя свое самодостоинство, не могъ сблизиться съ диктаторомъ 1802 года, и долженъ былъ отказаться отъ тоги сенатора; поэтому-то онъ смиренно скрылся въ своемъ уединеніи, въ Лагранжѣ, и не принималъ необдуманнаго участія въ блестящихъ тюильерскихъ собраніяхъ.

Въ это время, Бонапарте, передъ самымъ назначеніемъ его консуломъ на жизнь, учредилъ орденъ Почетнаго-Легіона.

« Этотъ знакъ отличія, — было сказано отъ имени консула въ Законодательномъ собраніи, — будетъ наградою всѣхъ достойныхъ, безъ различія званій. »

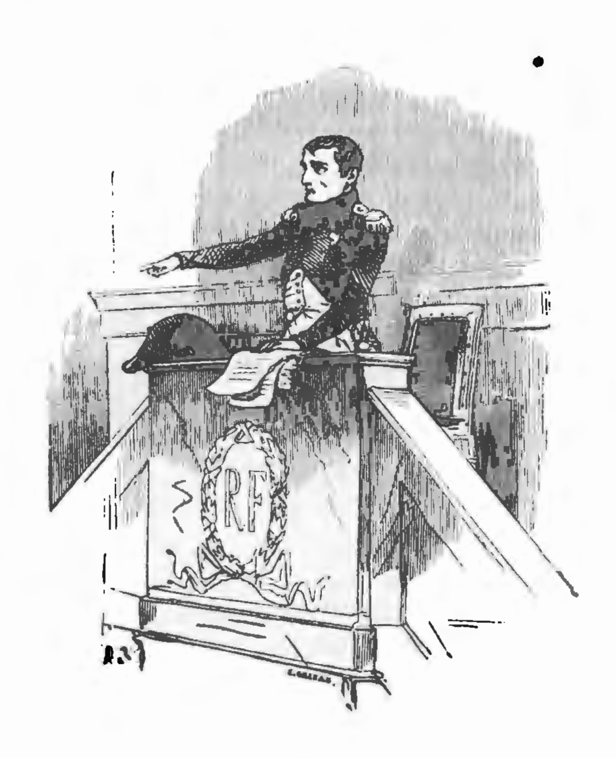
Но учрежденіе « знака отличія », несмотря на оговорку *безъ различія званій*, живо напоминало о системѣ правъ и преимуществъ, и не могло не возбудить противорѣчія нѣкоторыхъ; должно сказать, что въ этомъ случаѣ многіе люди умѣренные не одобряли новаго учрежденія. Бонапарте изумился, но отвергъ всѣ предложенія тѣхъ, которые, желая держаться середины, совѣтовали ему учредить этотъ орденъ единственно для военныхъ. « Нѣтъ, сказалъ онъ: насъ тридцать милліоновъ человѣкъ, связанныхъ наукою, собственностью, торговлею. Три или четыреста военныхъ ничего не значатъ въ сравненіи съ этою массою. Притомъ,

какъ-скоро нѣтъ войны, то военачальникъ становится снова гражданиномъ. Если смотрѣть на военнаго съ односторонней точки зрѣнія, такъ ему нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ правъ сильнѣйшаго; военный видитъ одного себя, все относитъ къ самому себѣ.... И потому, я ни сколько не остановлюсь, въ этомъ случаѣ, отдать предпочтеніе службѣ гражданской.... я управляю государствомъ, не въ качествѣ главнокомандующаго арміями, но потому что нація думаетъ найти во мнѣ способности къ управленію гражданскою частью. Если бъ она думала иначе, то правительство не могло бы поддержать себя. Я очень хорошо зналъ, что послѣдній барабанщикъ пойметъ меня, когда, въ бытность мою генераломъ, подписывался: членъ Академіи.... Если орденъ Почетнаго-Легіона не будетъ наградою заслугъ на поприщѣ гражданской службы, такъ онъ и не будетъ Почетнымъ..... »

Нельзя отвергнуть, что мысль награждать одинаковымъ отличіемъ всѣ роды заслугъ и достоинствъ, была великою мыслію, и всѣмъ, безъ различія, открывала дорогу къ извѣстности. И въ такомъ случаѣ позволительно думать, что если нашлись люди умѣренные, люди благомыслящіе, которые порицали учрежденіе ордена, то они дѣлали это потому, что не совершенно вѣрили словамъ Бонапарте, и видѣли въ Почетномъ-Легіонѣ только новое средство, которое консулъ не замедлитъ употребитъ сообразно съ своими намѣреніями, которыя они могли предугадывать. Поэтому, можно сказать, что порицали собственно не учрежденіе знака отличія и не то, что бы не поняли перваго консула, а что уже предчувствовали въ немъ императора,

Между нововведеніями временъ консульства, всѣхъ болѣе отличается *Сводъ Гражданскихъ Законовъ*. Напрасно говорятъ, будто это исключительно произведеніе многихъ великихъ юрисконсультовъ тогдашней эпохи. Всѣ знаютъ, что Бонапарте постоянно сообщалъ имъ свои замѣчанія, и даже неразъ случалось, что однимъ счастливымъ словомъ, одною изъ тѣхъ искръ, которыя можетъ разсыпать только геній, рѣшалъ затрудненія, изъ которыхъ законники ни какъ не могли выпутаться. Такимъ образомъ, онъ велѣлъ прибавить всю V главу въ положеніи о гражданскихъ актахъ,

которою ясно и чисто опредѣляются гражданскія права военныхъ во время бытности ихъ внѣ границъ отечества. Когда ему замѣтили, что для актовъ совершаемыхъ военными за границею, будетъ достаточно, если они совершатся по положеніямъ существующимъ въ той странѣ, гдѣ подписаны, Бонапарте тотчасъ отвѣтилъ: « Когда военный подъ своимъ знаменемъ, то онъ въ своемъ отечествѣ: гдѣ наше знамя, тамъ и наше отечество. »

Между-тѣмъ аміенскій договоръ оставлялъ въ бездѣйствіи въ рукахъ Наполеона всѣ военныя силы Франціи, и тогда-то первый консулъ придумалъ, пользуясь спокойствіемъ въ Европѣ, перенесть оружіе въ Америку, и покорить островъ Сентъ-Доминго. Начальникомъ этой экспедиціи онъ назначилъ зятя

своего Леклерка (Leclerc). Экспедиція не была успѣшна. Важнѣйшимъ ея слѣдствіемъ было похищеніе начальника негровъ,

Туссенъ-Лувертюра, человѣка очень замѣчательнаго въ той сторонѣ; онъ привезенъ во Францію, и умеръ въ крѣпости Жу. Леклеркъ погибъ, жалѣя, что взялся за дѣло, котораго не могъ привесть къ желаемой развязкѣ. Рошамбо, заступившій его мѣсто, вовсе потерялъ колонію изъ-за своего слишкомъ строгаго обращенія съ туземцами.

Италія, колыбель славы и могущества Наполеона, привлекала также его вниманіе. Въ 1802 году, онъ былъ избранъ президентомъ Цизальпинской республики, что согласовалось съ его видами. « У васъ только одни частные законы, — сказалъ онъ депутатамъ отъ этой республики; — вамъ нужны законы общіе. Вашъ народъ имѣетъ только одни мѣстные обычаи; ему должно принять обычаи самостоятельной націи. » Въ теченіе этого года Бонапарте присоединилъ къ Франціи Піэмонтъ, и раздѣлилъ его на шесть департаментовъ: По, Доара, Сезія, Стура, Танаро и Маренго.

Первые дни 1803 года были ознаменованы преобразованіемъ Національнаго Института (Академіи наукъ и изящныхъ искусствъ), который раздѣленъ на четыре класса: 1 науки; 2 языковѣдѣніе и литература; 3 исторія и древняя литература; 4 художества. Это новое учрежденіе исключало науки нравственныя и политическія, что было слѣдствіемъ нерасположенія Бонапарте къ нѣкоторымъ публицистамъ и метафизикамъ, которые осмѣлились-было возвысить голосъ и порицать его гражданскія постановленія.

Къ тому же времени относится основаніе первымъ консуломъ весьма значительныхъ учебныхъ заведеній: военной специяльной школы въ Фонтенблò, и специяльной школы художествъ и рукомеслъ въ Компіэнѣ.

Умиривъ отечество, Наполеонъ хотѣлъ принять на себя посредничество въ распряхъ гельветической конфедераціи. По этому поводу, онъ далъ Швейцаріи новое уложеніе, кончившее всѣ споры между старинными кантонами. Девятнадцать областей, имѣющихъ каждая свою конституцію, составили, подъ верховнымъ покровительствомъ Франціи, новую Гельвецію.

Первый консулъ обратился къ ней съ прокламаціей, въ которой, между прочимъ, было сказано:

« Нѣтъ ни одного разсудительнаго человѣка, который бы не увидѣлъ, что посредничество, которое я принялъ на себя, есть для Гельвеціи благодѣяніе того Провидѣнія, которое посреди столькихъ смутъ и колебаній, всегда хранило существованіе и независимость вашей націи, и что только это

посредничество остается вамъ единственнымъ средствомъ сохранить то и другую.»

Иностранные кабинеты, особенно лондонскій, не могли, конечно, равнодушно смотрѣть на развивающееся могущество Франціи и на полновластіе въ ней Бонапарте. Торіи безпрестанно нападали на него въ своихъ газетахъ. Наполеонъ велѣлъ напечатать въ «Монитёрѣ:»

«Часть англійскихъ журналистовъ не перестаетъ требовать войны..... Ихъ негодованіе возбуждается болѣе всего дѣлами Швейцаріи, которыя благополучно приведены къ окончанію.....»

Оффиціяльная нота къ великобританскому правительству, оканчивалась изъявленіемъ желанія сохранить миръ, но и давала разумѣть, что, въ случаѣ нужды, Франція готова будетъ приняться за оружіе, и что угрозами отъ нея ни чего не получатъ. За этою нотою послѣдовала другая, которая заключалась слѣдующими примѣчательными словами:

«Скорѣе волны Океана подроютъ скалу, которая въ теченіи сорока̀ вѣковъ противится ихъ усиліямъ, чѣмъ непріязненная партія успѣетъ возжечь войну и всѣ ея ужасы въ сердце запада, или, что еще невѣроятнѣе, заставить хотя на одно мгновеніе поблѣднѣть звѣзду французскаго народа.»

Но скоро для перваго консула наступило время, когда ему уже нельзя стало довольствоваться одной полемикой съ англійскими журналистами; и въ «Монитёрѣ» было напечатано:

«Газета *Times*, которая, говорятъ, состоитъ подъ надзоромъ министерства, безпрерывно возстаетъ противъ французскаго правительства..... Она обвиняетъ его въ поступкахъ самыхъ низкихъ, самыхъ черныхъ. Какая же ея цѣль?..... Кто подкупилъ ее?....

«Другой журналъ, издаваемый эмигрантами, перещеголялъ въ этомъ случаѣ Times, и осыпаетъ насъ ругательствами.

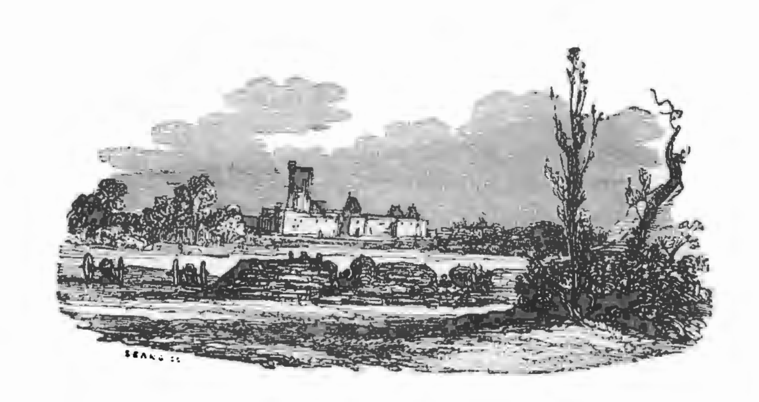
«Одиннадцать прелатовъ собрались въ Лондонѣ, и подъ предсѣдательствомъ арраскаго епископа, бранятъ французское духовенство....

«Множество Французовъ, осужденныхъ за разныя преступленія, совершенныя уже послѣ заключенія аміенскаго трактата, нашли себѣ убѣжище на островѣ Джерси....

«Жоржъ, изобрѣтатель адской машины, публично носитъ въ столицѣ Англіи красную ленту....»

Послѣ такихъ рѣзкихъ обвиненій, аміенскому миру было мудрено оставаться продолжительнымъ.

ГЛАВА XIV.

Разрывъ между Франціей и Англіей. Путешествіе Бонапарте въ Бельгію и по прибрежью. Заговоръ Пишегрю и Жоржа. Смерть герцога Ангіенскаго. Конецъ консульства.

Единство Европы, первоначально созданное христіанской религіей, и впослѣдствіи утверждаемое покровительствомъ политики, было жестоко нарушено французской революціей, которой совершиться попустило Провидѣніе, какъ-бы нарочно длятого чтобы впослѣдствіи показать народамъ, какъ страшно караетъ оно народъ преступный, поправшій все, что̀ есть священное на земли. Всѣ державы праведно неблагопріятствовали Франціи, но не пришло еще время сокрушенія могущества беззаконнаго, и рука Божія удерживала еще громъ, который предопредѣлила кинуть на него рукою Россіи, всегда вѣрной вѣрѣ и царямъ своимъ. Судьбы Вседержителя не исповѣдимы; но не даромъ же Провидѣніе избрало народъ, вѣрный и преданный Царю, для наказанія народа-цареубійцы!

Въ такомъ положеніи дѣлъ, для Франціи не могло быть прочнаго мира. Мирились по необходимости — и только! Когда и теперь, по прошествіи почти полу-столѣтія, каждый благомыслящій человѣкъ съ такимъ негодованіемъ смотритъ на французскую революцію, то что̀ же было въ 1803 году!

Посланіе консуловъ, отъ 20 мая 1803, извѣстило сенатъ и Законодательной Собраніе о необходимости войны съ Ве-

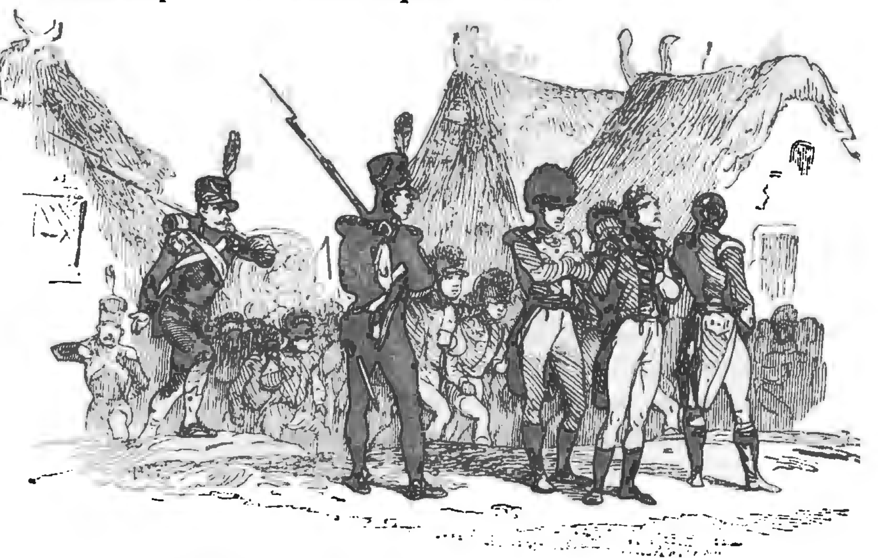
ликобританіей. Сенатъ и Законодательное Собраніе отвѣчали: « Принять немедленно дѣйствительнѣйшія мѣры, чтобы принудить Англію *соблюдать договоры* и уважать *достоинство* французскаго народа. » На этотъ отвѣтъ первый консулъ возразилъ:

« Мы поставлены въ необходимость вести войну: будемъ вести ее со славою.....

« Нѣтъ сомнѣнія, что мы желаемъ оставить нашимъ потомкамъ имя французское честнымъ и незапятнаннымъ (III)...

« Каковы бы ни были обстоятельства, но, во всякомъ случаѣ, Англія получитъ отъ насъ примѣръ въ воздержности (IIII), которая одна всостояніи поддерживать общественный порядокъ. »

Поводомъ къ расторженію мира со стороны Англіи, былъ споръ за владѣніе островами Лампедузой и Мальтою, и очищеніе Голландіи. Россійскій Императоръ и король прусскій тщетно предлагали свое посредничество.

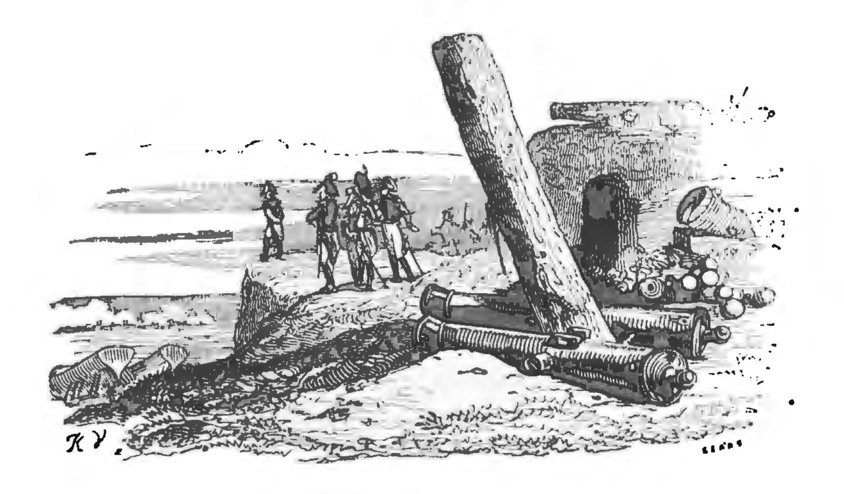

Первое открытіе непріятельскихъ дѣйствій между двумя воюющими державами, было неблагопріятно для Англіи. Французскія войски заняли Гановеръ, и взяли въ плѣнъ англо-гановерскую армію, оставленную своимъ главнокомандующимъ, герцогемъ кембриджскимъ.

Послѣ начатія такимъ счастливымъ образомъ военныхъ дѣйствій, Бонапарте отправился изъ Парижа въ Бельгію. Искренно или неискренно, только Брюссель и Бельгійцы съ восторгомъ встрѣтили человѣка, который присоединилъ ихъ къ французской республикѣ. Бонапарте отвѣчалъ на привѣтъ Бельгійцевъ приказаніемъ соединить Рейнъ, Маасъ и Шельду большимъ судоходнымъ каналомъ.

Возвратясь въ Парижъ, Наполеонъ приказалъ открыть для публики мостъ des Arts, а изъ Пританея образовалъ Лицей. Не менѣе того занимался онъ и дѣлами иностраннаго министерства. Заключилъ союзъ съ Швейцаріею, принялъ на экстраординарной аудіенціи посланника Оттоманской Порты, и обнародовалъ объ уступкѣ Луизіаны Соединеннымъ-Штатамъ, за шестьдесятъ милліоновъ франковъ.

Но всего болѣе занимала перваго консула война съ Великобританіей. Онъ серіозно началъ обдумывать планъ высадки въ Англію, и впослѣдствіи говорилъ объ этомъ планѣ: «Если надъ нимъ смѣялись въ Парижѣ, такъ зато не смѣялся Питтъ въ Лондонѣ.» Выѣхавъ изъ Парижа въ началѣ ноября, Наполеонъ объѣхалъ поморье, гдѣ по его повелѣнію производились огромныя работы, для содѣйствія къ исполненію замышляемой высадки, и при его глазахъ произошло подъ Булонью (Boulogne) сраженіе между одного дивизіей англійскаго флота и французской флотиліей.

Прибывъ обратно въ столицу, первый консулъ нашелъ уже тамъ посланіе англійскаго короля къ французскому парламенту, посланіе, которымъ Георгъ III объявлялъ, что: «возстастъ съ своимъ народомъ, потому что видитъ какъ Франція вооружается противъ конституціи, вѣроисповѣданія и независимости англійской націи; но кончится тѣмъ, — говорилъ Георгъ III, — что Франція покроетъ себя стыдомъ и падетъ въ бездну золъ.»

Эти слова, теперь, намъ могутъ казаться пророчественными; но въ тогдашнюю пору ни кто во Франціи не призналъ ихъ основательными, и взбѣшенный Бонапарте велѣлъ напечатать въ «Монитёрѣ» опроверженіе на посланіе англійскаго короля, въ которомъ не постыдился нападать болѣе всего на его преклонныя лѣта, и между прочимъ сказалъ:

«Король Великобританіи говоритъ о чести своей короны, объ охраненіи констистуціи, религіи, законовъ, независимости. Но развѣ всѣ эти неоцѣненныя блага не были обезпечены Англіи аміенскимъ трактатомъ?.... Ваша религія, ваши законы и ваша независимость, скажите, что имѣютъ общаго съ островомъ Мальтою?

«Человѣческой мудрости не дано предвидѣть будущаго....; но мы можемъ смѣло предрѣчь, что не видать вамъ Мальты, не видать вамъ Ламиедузы, и прійдется вамъ подписать трактатъ менѣе для васъ выгодный амienскаго.... »

Война показала Бонапарте величайшимъ полководцемъ; правительственныя мѣры, имъ принятыя, обличили въ немъ великаго государственнаго человѣка: теперь, когда типографскій станокъ становился уже политическимъ могуществомъ, ему оставалось доказать, что онъ также хорошо съумѣетъ владѣть и перомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его прокламаціи, приказы по арміи, рѣчи къ воинамъ и рѣчи оффиціяльныя могутъ дать понятіе о силѣ и сжатости, о благородствѣ и возвышенности его слога; но всего этого ему казалось не довольно. Въ ту пору журналистика начинала играть важную ролю, и этого уже было достаточно, чтобы Наполеонъ захотѣлъ и самъ дѣйствовать на этомъ поприще, и такимъ образомъ стать вполнѣ человѣкомъ своего времени. Побѣдитель при Маренго никакъ не думалъ унизить себя, принимаясь за

перо для журнальной статьи, которою старался разить непріятелей, также чувствительно какъ и мечемъ. Онъ даже неразъ говаривалъ, что если бы ему привелось избирать на свою долю доблести воина или достоинства гражданина, то не обинуясь избралъ бы послѣднія, и потому-то, въ бытность свою въ Италіи и Египтѣ, прежде титула «главнокомандующій войскомъ» ставилъ титулъ «членъ академіи.»

Обдумывая военныя дѣйствія противъ Англіи, первый консулъ не переставалъ однако же заниматься и внутреннимъ устройствомъ Франціи. 20 декабря 1803, по его предложенію послѣдовало постановленіе сената (Senatus-consulte), которое измѣнило въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ образованіе Законодательнаго Собранія, открытаго, въ новомъ своемъ видѣ, 6 января 1804. Президентомъ этого присутственнаго мѣста назначенъ господинъ Фонтаннъ. Предпочтя Фонтанна другимъ кандидатамъ, несмотря на его приверженность къ королевской партіи, Бонапарте только слѣдовалъ своей системѣ «слитія,» посредствомъ которой воображалъ соединить въ доброжелательствѣ къ себѣ обѣ крайнія партіи, то есть, роялистовъ и ультра-революціонеровъ: представителемъ одной считался Фонтаннъ, представителемъ другой — Фуше.

На разсмотрѣніе Законодательнаго Собранія, въ засѣданіе 16 января, было представлено обозрѣніе положенія французской республики. Разумѣется, что это была великолѣпная картина общественнаго благосостоянія. Господинъ Фонтаннъ, въ челѣ депутаціи отъ совѣта, принесъ поздравленія первому консулу. «Законодательное Собраніе, — сказалъ онъ Наполеону, — изъявляетъ вамъ, отъ лица французскаго народу, благодарность за столько полезныхъ трудовъ, предпринятыхъ на пользу земледѣлія и промышлености, отъ которыхъ война не отвлекала вашего вниманія. Случается, что привычка къ идеямъ высокимъ подаетъ людямъ геніяльнымъ поводъ пренебрегать мелочными подробностями по разнымъ частямъ управленія государствомъ; потомство не упрекнетъ васъ даже и въ этомъ. Ваша мысль и исполненіе по ней идутъ рядомъ, и объемляютъ вдругъ всѣ предметы.

«Все совершенствуется; ненависти потухаютъ, оппозиціи изчезаютъ, и, подъ торжествующимъ вліяніемъ генія, все за

собой увлекающаго, системы и люди, самые противурѣчащіе другъ другу, сближаются, смѣшиваются, и единодушно способствуютъ къ прославленію отечества. Обычаи и старыя и новыя начинаютъ согласоваться между собою....

« Эти благодѣянія, гражданинъ консулъ, суть плоды четырехъ лѣтъ. Всѣ лучи національной славы, которые блѣднѣли въ продолженіе пяти годовъ, получили новый блескъ, и вамъ мы обязаны этимъ блескомъ. »

Казалось бы, что общій восторгъ Французовъ, котораго Бонапарте былъ предметомъ, и ихъ единодушное согласіе на дарованіе ему пожизненнаго консульства, должны были обезоружить всѣ партіи и принудить ихъ къ бездѣйствію; но на дѣлѣ этого не было: главы разныхъ партій не переставали возставать и подъ рукою дѣйствовать противъ новаго порядку вѣщей. Съ расторженіемъ амієнскаго миру, Англія дѣлалась ихъ сильною опорою.

Въ этомъ положеніи дѣлъ, они тотчасъ сообразили, что продолженіе внутренняго спокойствія во Франціи можетъ укоренить жителей западныхъ ея областей въ мирномъ образѣ жизни, затруднить ходъ всякихъ смутъ, и что необходимо напасть на консула прежде чѣмъ власть его успѣетъ укрѣпиться. Вслѣдствіе этого былъ составленъ заговоръ противъ правительства и жизни Бонапарте. Заговорщики, возбуждаемые торіями, распространились отъ Темзы до береговъ Рейна. Пишегрю вошелъ въ сношенія съ знаменитымъ шуаномъ Кадудалемъ; самъ Моро принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ. « Какимъ это образомъ Моро тутъ вмѣшался? воскликнулъ Наполеонъ. Тотъ человѣкъ, котораго одного я бы могъ еще опасаться, который одинъ могъ бы, хотя нѣсколько, быть мнѣ помѣхою, впутался чрезвычайно неосторожно! Право, мнѣ помогаетъ моя звѣзда!.... »

Открывъ этотъ заговоръ, правительство не замѣдлило объявить о немъ во всеуслышаніе. Всѣ чины государства явились къ Наполеону, принесть ему удостовѣренія въ томъ, что готовы употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства, для уничтоженія и впередъ подобныхъ покушеній на его особу. Бонапарте отвѣчалъ имъ:

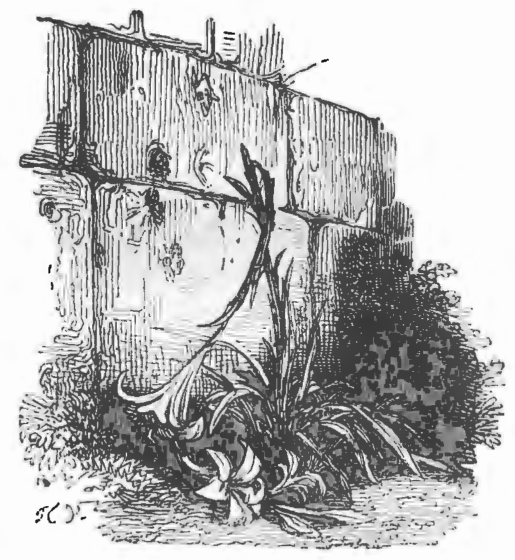
« Со дня вступленія моего въ должность верхняго прави-

теля, было сдѣлано множество заговоровъ противъ моей жизни; воспитанный въ лагерѣ, я никогда не видѣлъ большой важности въ этихъ опасностяхъ, которыхъ вовсе не боюсь.

« Но не могу не быть тронутъ до глубины души, помышляя, какой бы участи подвергся нашъ великій народъ, если бы удалось совершеніе послѣдняго убійственнаго замыслу; потому что замыселъ этотъ устроенъ не столько противъ меня, сколько противъ народа.

« Я уже съ давнихъ поръ отрекся отъ сладостей частнаго быту; все мое время, вся моя жизнь посвящены исполненію обязанностей, возложенныхъ на меня судьбою и французскимъ народомъ.

« Заговоры злыхъ людей не будутъ имѣть успѣху. Граждане должны оставаться спокойными: жизнь моя не пресѣчется до-тѣхъ-поръ покуда нужна отечеству. Но я хочу, чтобы народъ французскій зналъ, что для меня жизнь не станетъ имѣть ни цѣны ни цѣли, если нація не сохранитъ ко мнѣ любви и довѣренности. »

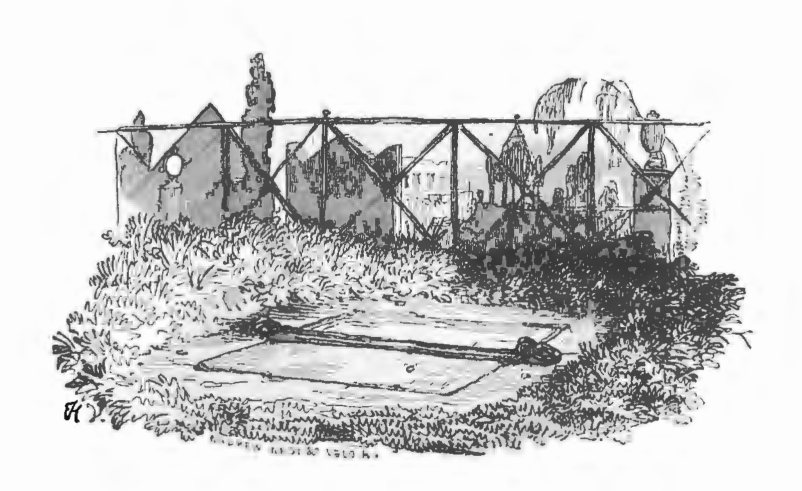

Высказывая такимъ образомъ, что успѣхи контръ-революціи не могутъ имѣть мѣста покуда онъ живъ, и сопрягая судьбы Франціи съ собственною своею судьбою, Бонапарте

довольно ясно высказывалъ, что пожизненная власть, ему ввѣренная, кажется ему недостаточною для обезпеченія будущности государства, и что онъ помышляетъ о новомъ порядкѣ вещей. И мы вскорѣ увидимъ осуществленіе его мысли.

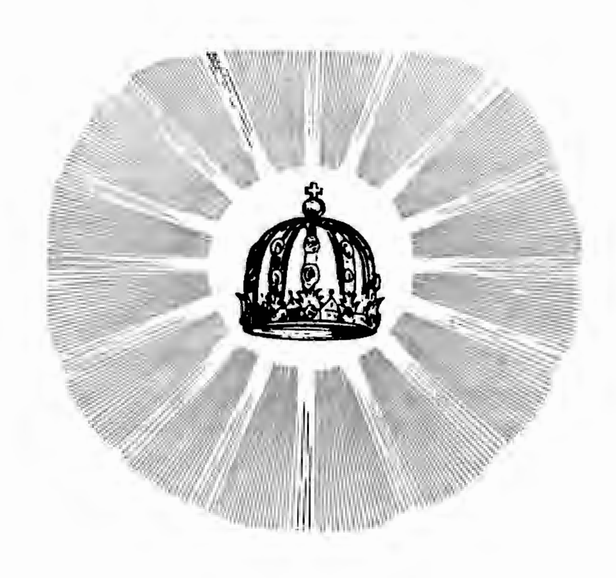
Въ это время, Наполеонъ запятналъ себя кровавымъ, неизгладимымъ изъ памяти народовъ, преступленіемъ. Онъ велѣлъ похитить изъ баденскихъ владѣній, герцога Ангіенскаго, послѣднюю отрасль знаменитаго дому Кондè, и предалъ его смерти.

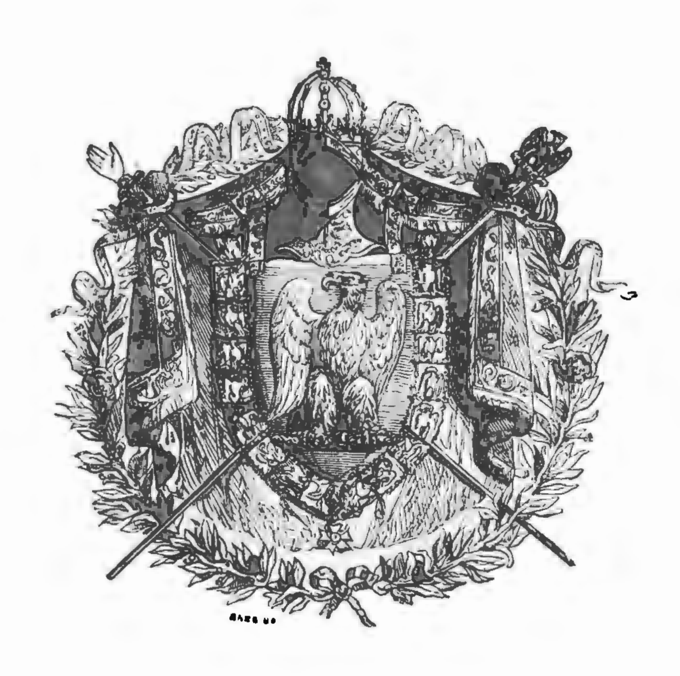
Наполеонъ чувствовалъ и самъ, что убійство герцога навлечетъ на него негодованіе современниковъ и потомства, и потому, при каждомъ случаѣ, старался оправдаться. Такъ, напримѣръ, въ своемъ *Духовномъ Завѣщаніи* онъ говоритъ: « Я велѣлъ задержать и судить герцога Ангіенскаго, затѣмъ что это было нужно для безопасности, пользъ и чести французскаго народа... » Но гдѣ жъ на это доказательства? Ихъ нѣтъ; и оправданіе невозможно.

Предполагали, что Бонапарте, окруженный закорѣнелыми якобинцами, которые открывали ему дорогу къ похищенію престола, хотѣлъ этимъ убійствомъ дать имъ ручательство въ томъ, что Бурбоны никогда не возвратятся во Францію.

Это предположеніе не имѣетъ рѣшительно ни малѣйшей вѣроятности. Событія 13 вендеміера и 18 фруктидора служили уже достаточною порукою за расположенія перваго консула. Были люди, напримѣръ, Таллеранъ и Фуше, которые не менѣе Наполеона должны были опасаться возстановленія законной власти Бурбоновъ, и которые, однако жъ, заняли впослѣдствіи мѣсто въ государственномъ совѣтѣ Лудовика XVIII. Въ этомъ отношеніи безполезность убійства герцога Ангіенскаго доказывается даже самимъ Бонапарте: онъ сказалъ въ своихъ *Запискахъ*: «Я никогда и не думалъ о принцахъ крови; да если бъ даже и былъ къ нимъ расположенъ, то ни чего бы не могъ для нихъ сдѣлать.... Я не иначе могъ проложить себѣ дорогу къ трону, какъ вслѣдствіе того, что французскій народъ считалъ себя свободнымъ...»

ГЛАВА XV.

Бонапарте императоръ. Булонскій лагерь. Путешествіе въ Бельгію.

Если бы Бонапарте домогался до власти съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы возстановить въ государствѣ порядокъ и утушить кровожадную революцію, то ему бы можно было удовольствоваться званіемъ пожизненнаго консула, особенно когда ему предоставлено было чрезвычайно важное право назначить себѣ преемника.

Но онъ хотѣлъ власти наслѣдственной, хотѣлъ надѣть корону, и старался прикрасить это дѣйствіе мнимою необходимостью: « Одна только наслѣдственная власть, говоритъ онъ, можетъ отвратить контръ-революцію. Покуда я живъ, бояться нечего; но послѣ моей смерти, всякой, кого бы не

избралъ народъ, будетъ не въ состояніи держать бразды правленія..... Франція много обязана своимъ двадцати дивизіоннымъ генераламъ; но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть главнокомандующимъ арміею, а и того менѣе стать въ челѣ правительства. » (Пеле де-ла-Лозеръ.)

Но основательно ли было такое мнѣніе Бонапарте о дивизіонныхъ генералахъ? Мнѣніе объ нихъ неспособности быть главою государства, о которой онъ такъ утвердительно и громко говоритъ, не оказалось ли впослѣдствіи ложнымъ? и не одинъ ли изъ этихъ самыхъ генераловъ со славою занимаетъ еще и теперь тронъ Вазы? Положимъ, однако же, что Бонапарте, ошибаясь въ достоинствѣ военныхъ своихъ товарищей, не признавалъ ихъ способными къ верховной власти; но развѣ и въ числѣ гражданскихъ чиновниковъ, его окружающихъ, онъ также не могъ найти ни одного способнаго? А по праву назначить себѣ преемника, развѣ онъ не могъ избрать любаго или изъ чиновъ гражданскихъ или изъ военныхъ?

Мы не вѣримъ искренности вышеприведенныхъ словъ Наполеона; намъ кажется неопровержимымъ, что если Бонапарте, оправдывая свое намѣреніе, серіозно полагалъ, что нѣтъ во Франціи человѣка, который бы послѣ его смерти могъ достойно занять его мѣсто, то въ такомъ случаѣ заблуждался по необъятному своему честолюбію; и это служитъ доказателььтвомъ того, что и на самый геній находятъ минуты дремоты, на просвѣщенный умъ бываютъ минуты ослѣпленія.

Наполеонъ, конечно, не могъ не видѣть, что престолонаслѣдіе — ручательство за благо народа; но вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ трономъ возвратить это право законнымъ наслѣдникамъ несчастнаго Людовика XVI, онъ хотѣлъ присвоить его себѣ, пренебрегая правами династіи освященной религіей и вѣками. Но въ 1804 году, что̀ была религія во Франціи!

Съ другой стороны, Наполеона не окружали, какъ основателей династіи Бурбоновъ, грозные вассалы, владѣтели обширнѣйшихъ областей государства, безпрестанно готовые къ непокорству и къ объявленію себя независимыми. Вмѣсто

феодальныхъ властелиновъ, наслѣдственно обреченныхъ на военное поприще, во Францiя возникли теперь новыя могущества — земледѣліе и торговля, науки и художества. Генералы, наиболѣе прославившіе свое имя, не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на народонаселеніе, и политика не могла считать ихъ опасными противудѣятелями. Изъ всего этого должно заключить, что Бонапарте не имѣлъ, кромѣ своего ненасытнаго честолюбія, ни какой положительной причины основывать новую династію. Что было возможно и нехоцимо во времена феодальныя, то не было не возможно ни необобходимо въ 1804 году. Но Бонапарте уже не довольствовался верховною пожизненною властью. Въ его душу запала гордая мысль стать основателемъ новой династіи и возвести свой родъ на степень родовъ царственныхъ; съ той поры его политика начала дѣйствовать только для достиженія этой цѣли. Шатобріанъ сказалъ объ немъ: »Гигантъ не совершенно связывалъ свою судьбу съ судьбою современниковъ; геніемъ своимъ онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію, а честолюбіемъ къ вѣкамъ минувшимъ.»

Двадцать осьмаго флореала XII года (18 мая 1804), когда Сенатъ поднесъ ему постановленіе (Senatus-consulte), которымъ Наполеонъ призывался къ восшествію на тронъ въ достоинствѣ императора, и утвержалось за его родомъ право престолонаслѣдія, то Бонапарте еще лицемѣрилъ и отвѣчалъ:

«Утвержденіе за моимъ родомъ права престолонаслѣдія я предоставляю на разсмотреніе французскаго народа. Надѣюсь, что Францiя никогда не будетъ раскаяваться въ томъ что осыплетъ мое семейство почестями. Во всякомъ случаѣ, да знаютъ, что мой духъ перестанетъ почивать на моихъ потомкахъ, какъ-скоро они перестанутъ заслуживать любовь и довѣренность французскаго народу.»

Эти слова явно могли указывать на престолонаслѣдіе не полное, не совершенное, а только условное. Сегодня народъ меня любитъ и довѣряетъ мнѣ, и вотъ я облеченъ верховною властью; завтра, тотъ же народъ передумалъ, измѣнилъ свой образъ мыслей, и, слѣдственно, муропомазаніе предъ лицомъ церкви не вмѣнится ни во что; народъ возметъ обратно

свою присягу, церковь свое благословеніе.... И вотъ до какого нелѣпаго заблужденія можетъ довесть гордость и честолюбіе!!... Вотъ слѣдствія замѣненія законныхъ царственныхъ династій, династіями изъ рода частныхъ лицъ!...

Консулъ Камбасересъ, на котораго было возложено Сенатомъ отдать Бонапарте отвѣтъ отъ имени націи, такъ говорилъ товарищу, ставшему его повелителемъ:

« Французскій народъ въ теченіе многихъ вѣковъ испытывалъ всю пользу, сопряженную съ правомъ престолонаслѣдія. Онъ видѣлъ, въ короткомъ, но горестномъ, опытѣ, какъ неудобна противоположная система, и по собственной, свободной, волѣ желаетъ принять прежнюю форму правленія. Народъ французской, по свободному праву и свободной своей волѣ, предоставляетъ вашему императорскому величеству власть, которою пользоваться самъ не считаетъ сообразнымъ съ своими выгодами. Онъ совершаетъ этотъ торжественный актъ за себя и за своихъ потомковъ, и довѣряетъ счастіе своихъ поколѣній поколѣнію вашего императорскаго величества. Одно наслѣдуетъ ваши доблести, другія нашу къ вамъ любовь и вѣрность. »

Наполеонъ отвѣчалъ:

« Все, что можетъ споспѣшествовать къ благоденствію отечества, существенно сопряжено съ нашимъ собственнымъ счастіемъ.

« Я принимаю титулъ, который по вашему мнѣнію можетъ быть не безполезенъ для славы націи. »

По окончаніи аудіенціи у императора, сенатъ отправился къ Жозефинѣ, для принесенія поздравленій съ титуломъ императрицы. Камбасересъ говорилъ ей:

« Ваше величество!

« Мо́лва не перестаетъ говорить о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя вы дѣлаете многимъ; она говоритъ, что вы, всегда доступныя для несчастныхъ, употребляете ваше вліяніе на главу государства единственно длятого чтобы подавать имъ руку помощи, и къ благодѣяніямъ присоединяете ту деликатность, которая обязываетъ къ вамъ еще бо́льшей, еще сладостнѣйшей благодарностью. Такое благорасположеніе вашего величества предзнаменуетъ, что имя императрицы Жо-

зефины будетъ намъ залогомъ надеждъ и утѣшеній... Сенатъ радуется, что первый имѣетъ честь принесть вашему императорскому величеству свои усерднѣйшія поздравленія. »

Усердіе Камбасереса было награждено возведеніемъ его въ званіе архиканцлера. Нельзя же было менѣе вознаградить человѣка, занимавшаго второе мѣсто въ республикѣ, за торопливое согласіе сдѣлаться первымъ подданнымъ новаго императора, своего бывшаго товарища. Лёбрёнъ назначенъ архиказначеемъ.

Самая присяга Наполеона, какъ императора, обличаетъ, что онъ еще опасался слишкомъ раздражать республиканцевъ; вотъ въ какихъ словахъ онъ произнесъ ее:

« Клянусь охранять цѣлость владѣній *республики*; [1] уважать постановленія конкордата и свободу вѣроисповѣданій; уважать и заставить уважать равенство правъ, гражданскую и политическую свободу, и обезпечить неприкосновенность національныхъ имѣній, проданныхъ ихъ настоящимъ владѣльцамъ; не учреждать ни какихъ налоговъ, ни какихъ поборовъ иначе, какъ въ силу законовъ; поддерживать установленный орденъ Почетнаго-Легіона, и управлять государствомъ имѣя единственною цѣлью выгоды, благоденствіе и славу Французскаго народа. »

Несмотря на всѣ эти усилія показать народу, что учрежденіе имперіи не помѣшаетъ существованію республики, не было возможности, чтобы основаніе новой династіи было безропотно принято закорѣнѣлыми республиканцами, и не возбудило бы съ ихъ стороны нѣкоторыхъ сильныхъ возраженій. Знаменитѣйшій человѣкъ партіи республиканцевъ, Карнô, снова возвысилъ свой голосъ и сказалъ: « Со времени событій 18 брюмера, была эпоха, быть-можетъ единственная въ лѣтописахъ міра. Послѣ амьенскаго трактата, Бонапарте могъ избирать между системою республиканскою и системою монархическою: онъ могъ привесть въ дѣйствіе все, что хотѣлъ; онъ не встрѣтилъ бы ни малѣйшихъ препятствій своей

(1) Здѣсь любопытно замѣтить что въ это время выбита была медаль, на одной сторонѣ которой изображенъ портретъ Бонапарте съ надписью: Napoléon, Empereur des Français, а на реверсѣ другая надпись: République Française, une & indivisible.

волѣ. Ему ввѣрена была свобода націи, и онъ клялся защищать ее: если бъ онъ сдержалъ эту клятву, то исполнилъ бы ожиданія націи и покрылъ бы себя безсмертной славою..... »

Но голосъ Карнô, былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Всѣ правительственныя сословія государства единодушно увлекались къ Монархіи; въ сенатѣ оказалось только три человѣка не раздѣляющихъ общаго мнѣнія: Грегоаръ, Ламбрехтъ и Гарà; Ланжюинè находился на ту пору въ отсутствіи. Такова была сила теченія обстоятельствъ, что ветераны Конвента увидѣли себя внезапно превращенными въ придворныхъ, забыли свои прежнія правила, свой прежній языкъ и вчерашнюю одежду.

Генералы республики уступили, подобно бывшимъ народнымъ представителямъ, необходимости обстоятельствъ. Они тѣмъ съ бôльшимъ удовольствіемъ согласились на новый порядокъ вещей, что видѣли въ немъ ручательство за неизмѣнность своего собственнаго положенія. Наполеонъ, на другой день послѣ возведенія въ императорское достоинство, призвалъ къ своему трону знаменитѣйшихъ своихъ товарищей по оружію, которыхъ облекъ въ званіе маршаловъ Франціи; то были: Бертьè, Мюратъ, Монсей, Журданъ, Массена, Ожерô, Бернадотъ, Сультъ, Брюнъ, Ланнъ, Мортьè, Ней, Даву, Бессіеръ, Келлерманъ, Лефевръ, Перипьонъ и Серюрьè.

Народъ не только не видѣлъ въ этомъ отличіи ни чего предосудительнаго республиканскому равенству; но еще находилъ, что такіе знаки отличія людямъ достойнымъ, безъ различія роду и племени, ручаются за равенство состояній.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ, Наполеонъ могъ ознаменовать это событіе дѣломъ милосердія. Рѣшеніе уголовнаго суда, отъ 10 іюня 1804, приговаривало къ смерти Жоржа Кадудаля и его сообщниковъ. Генералъ Морô, любимый арміею, осужденъ на дву-лѣтнее тюремное заключеніе, но приговоръ измѣненъ на вѣчное изгнаніе. Между-тѣмъ, въ числѣ приговоренныхъ къ смертной казни, были люди знаменитыхъ фамилій, и между прочими господа де-Ривьеръ и де-Полиньякъ. Самыя сильныя ходатайства были употреблены, чтобы смягчить гнѣвъ на нихъ Наполеона, и благородная Жозефина

сама приняла на себя содѣйствовать къ успѣху просьбъ ихъ отчаявающихся семействъ. Подъ ея покровительствомъ, госпожа де-Монтессонъ пріѣхала въ Сенъ-Клу и нашла случай представить императору госпожу де-Полиньякъ. Бонапарте, увидѣвъ ее, былъ тронутъ ея необыкновенной красотою, и сказалъ: « Вамъ мужъ покушался на мою жизнь, слѣдственно я могу простить. »

Великодушіе императора не остановилось на помилованіи только тѣхъ лицъ, которыя нашли за себя сильное заступленіе и ходатайство. Дѣвушка, не знатной фамиліи, одинаково успѣшно какъ и знатная дама нашла доступъ къ императору, и вымолила прощеніе своему брату.

Милосердіе Наполеона простерлось на господъ Лажоле, Буве-де-Лозье, Рошелль, Гальяръ, Руссильонъ и Карла д'Озье; но Жоржъ Кадудаль и другіе его сообщники не избѣгли казни. Пишегрю самоубійствомъ окончилъ жизнь въ темницѣ. « Казнь Жоржа, — говоритъ Наполеонъ въ своихъ *Мемоарахъ*, — не внушила ни кому сожалѣнія, потому что покушеніе на убійство кого бы то ни было, всегда отвратительно. » Что касается до самоубійства Пишегрю, то ни чуть не мудрено, что въ тогдашнюю пору могли сказать, будто смерть его послѣдовала по волѣ императора; по тогдашнему положенію дѣлъ, нѣкоторые, даже честные, люди могли вѣрить этому. Но Наполеонъ сказалъ: « Мнѣ бы даже стыдно было оправдываться: клевета слишкомъ неосновательна. Что мнѣ было въ жизни или смерти Пишегрю? человѣкъ съ моимъ характеромъ не дѣйствуетъ безъ важныхъ причинъ. Развѣ видали когда, чтобы я проливалъ кровь изъ-за одного каприза? сколько ни старались очернить мою жизнь и характеръ, но тѣ, которые меня знаютъ, знаютъ и то что я не способенъ къ преступленію.... Пишегрю, просто, увидѣлъ себя въ безпомощномъ положеніи, и сильная душа его не могла вы-

нести мысли о позорной казни; онъ или отчаялся въ моемъ милосердіи, или пренебрегъ имъ, и поднялъ самъ на себя руку.» (*Меморіалъ*.)

Между-тѣмъ, Лудовикъ XVIII протестовалъ противъ избранія Бонапарте императоромъ; а Наполеонъ приказалъ напечатать этотъ протестъ въ «Мониторѣ», какъ-бы доказывая тѣмъ, что увѣренъ въ расположеніи къ себѣ Французовъ.

Четырнадцатое іюля, во времена революціи, совершался народный праздникъ въ воспоминаніе разрушенія бастиліи; Наполеонъ не отмѣнилъ этого праздника, и по случаю его назначилъ первую раздачу знаковъ ордена Почетнаго-Легіона. Церемонія пожалованія кавалеровъ происходила въ Домѣ Инвалидовъ. Кардиналъ Дю-Беллоа, архіепископъ парижскій, и ду-

ховенство встрѣтили императора у дверей церкви. Наполеонъ былъ окруженъ всѣми великими чинами и сановниками импе-

рiи. Послѣ божественной службы, Ласепедъ, великiй-канцлеръ ордена Почетнаго-Легiона, произнесъ рѣчь, приспособленную къ обстоятельствамъ.

Кончивъ рѣчь, Ласепедъ вызвалъ новожалуемыхъ кавалеровъ первой степени, въ числѣ которыхъ былъ и кардиналъ Капрара; императоръ надѣлъ шляпу и, посреди глубочайшаго молчанiя, произнесъ твердымъ голосомъ:

« Господа кавалеры, — генералы, офицеры, граждане и воины, клянетесь вашей честью, что посвятите себя на службу имперiи для охраненiя ея владѣнiй во всей ихъ цѣлости; для защиты императора и законовъ *республики*..... клянетесь ли? »

Всѣ кавалеры отвѣчали: « Клянемся! » и тотчасъ же раздались крики: « Да здравствуетъ императоръ! » Господинъ Бурріенъ, описывая этотъ случай, говоритъ, что восторгъ присутствовавшихъ при церемонiи былъ неизъяснимъ.

На слѣдующiй за тѣмъ день, политехническая школа получила новое образованiе.

Черезъ два дня потомъ Наполеонъ отправился изъ Парижа для осмотрѣнiя береговъ Ла-Манша и обозрѣнiя учрежденныхъ тамъ лагерей. Онъ далъ знать, что предпринимаетъ это путешествiе для того чтобы лично раздать знаки Почетнаго-Легiона тѣмъ храбрымъ воинамъ, которые не могли присутствовать при церемонiи въ Домѣ Инвалидовъ. Однако же, вообще полагали, что личная раздача орденскихъ знаковъ, не что болѣе какъ предлогъ, а истинная цѣль поѣздки Наполеона, — приготовленiе къ приведенiю въ дѣйствiе любимаго своего плана — высадки въ Англiю.

Войска были расположены уступами по берегу моря отъ Етапла до Остенда. Даву стоялъ въ Дёнкеркенѣ; Ней въ Калè; Удино въ Сентъ-Омерѣ; Мармонъ на границахъ Голландiи, а Сультъ командовалъ общимъ лагеремъ въ Булоньѣ.

По прибытiи своемъ въ этотъ послѣднiй городъ, Наполеонъ нашелъ войско исполненное энтузiазма. Генералы и солдаты, всѣ думали, что сейчасъ отправятся въ Англiю; на этотъ счетъ и въ Англiи были не вовсе безъ опасенiй. Пять сотъ судовъ, подъ командою Фергёля (Verhuel), казалось ожидали только сигнала, чтобы направиться къ берегамъ Вели-

кобританіи. Одинъ только Наполеонъ зналъ существенное назначеніе всѣхъ этихъ огромныхъ военныхъ приготовленій. Угрожая Англіи, онъ въ то же время видѣлъ, что на горизонтѣ твердой земли собираются тучи, что буря эта должна скоро разразиться и потому-то, подавая видъ, будто готовится къ морской экспедиціи, въ самомъ дѣлѣ помышлялъ о войнѣ континентальной.

Не далеко отъ Кессаревой башни, на пространной равнинѣ, собралось, подъ начальствомъ маршала Сульта, осемьдесять тысячъ воиномъ изъ булоньскаго и монтрёльскаго лагерей. Императоръ явился посреди ихъ окруженный всѣми знаменитыми французскими полководцами той эпохи. Онъ

помѣстился на возвышеніи, въ родѣ трона, и повторилъ громкимъ голосомъ прежнюю формулу присяги кавалеровъ. Слова его и теперь были приняты съ такимъ же восторгомъ, какъ при церемоніи въ Домѣ Инвалидовъ, и Наполеонъ былъ

этимъ такъ доволенъ, что впослѣдствіи одинъ изъ его адъютантовъ, генералъ Раппъ, сказалъ, что онъ никогда, ни прежде, ни послѣ, не видывалъ императора такъ веселымъ.

Однако жъ радость этого дня была, около вечера, потревожена сильною бурею, грозившею погубить часть флота. Наполеонъ, извѣщенный объ этой опасности, тотчасъ поспѣшилъ къ пристани, для личныхъ распоряженій. Но когда онъ прибылъ

на мѣсто, то гроза кончилась и опасность миновалась. Флотилія, не потерпѣвъ нисколько, вошла въ гавань, а Наполеонъ возвратился въ лагерь, гдѣ войско незамедлило предаться веселости. Празднество кончилось фейерверкомъ на взморьѣ; отблескъ этихъ потѣшныхъ огней былъ видѣнъ даже съ противулежащаго берегу Англіи.

Во время пребыванія Наполеона въ этомъ лагерѣ, случилось, что два англійскіе плѣнные матроса успѣли уйти изъ подъ стражи, и не имѣя никакихъ инструментовъ кромѣ ножа, ухитрились сдѣлать маленькій челночекъ изъ нѣсколькихъ кусковъ дерева, которые сколотили какъ могли; въ этой-то лодкѣ, которую бы легко унесъ на спинѣ каждой мальчикъ, рѣшились они попытаться доплыть до одного англійскаго фрегета, крейсировавшаго въ виду французскихъ береговъ. Но едва эти отважные люди пустились въ открытое море, какъ ихъ замѣтили съ брантвахты, и опять взяли. По военнымъ законамъ ихъ слѣдовало разстрѣлять какъ шпіоновъ. Между-тѣмъ слухъ объ отважномъ предпріятіи храбрецовъ распространился по всему лагерю, дошелъ до Наполеона, и онъ пожелалъ ихъ видѣть.

« Правда ли, спросилъ императоръ, что вы на такой доскѣ рѣшались переплыть море? » — « Ахъ, ваше величество! отвѣчали они: если вы изволите сомнѣваться, то позвольте только, и мы сейчасъ пустимся. » — « Хорошо; позволяю. Вы люди смѣлые и предпріимчивые; я люблю храбрыхъ, но

не хочу, чтобы вы рисковали жизнью; дарую вамъ свободу, и, кромѣ того, прикажу васъ доставить на англійское судно. Скажите же въ Лондонѣ какъ я уважаю мужество, даже и въ непріятеляхъ.... » И Наполеонъ, щедро одаривъ матросовъ, отпустилъ ихъ. Въ бытность свою на островѣ Святой-

Елены, онъ любилъ припоминать этотъ случай, и неразъ разсказывалъ его окружающимъ.

Мы уже сказали, что Наполеонъ предвидѣлъ неминуемую войну на твердой землѣ; и потому старался всѣми средствами поддерживать энтузіазмъ своихъ воиновъ. Изъ остатковъ революціонерной арміи, онъ началъ устроивать полки императорскіе, ту «большую армію», которой было предопредѣлено побывать во всѣхъ столицахъ Европы, и сокрушиться наконецъ о сильную волю Александра Благословеннаго и крѣпкую грудь народа, вѣрнаго Царю и вѣрѣ.

Приготовленія къ войнѣ не мѣшали однако же императору заниматься и устройствомъ гражданской части. Напротивъ, онъ старался показать, что геній его равно объемлетъ всѣ вѣтви государственнаго управленія, и что мысль его, безъ всякаго затрудненія, и всё также свѣтлая, можетъ безпрепятственно переноситься съ предмета на предметъ. Такимъ-то образомъ, пребывая въ лагерѣ, онъ основалъ «десяти-лѣтнія преміи», по случаю чего издалъ слѣдующій декретъ:

«Наполеонъ, императоръ Французовъ, и прочая.

«Имѣя намѣреніе поощрять науки, словесность и художества, которыя такъ много способствуютъ къ знаменитости и славѣ народовъ;

«Желая, чтобы Франція какъ-можно болѣе отличилась на этомъ поприщѣ, и чтобы наставшій вѣкъ былъ для нея еще славнѣе прошедшаго;

«Желая также знать людей, которые наиболѣе будутъ споспѣшествовать процвѣтанію наукъ, словесности и художествъ;

«Повелѣли и повелѣваемъ слѣдующее:

«*Статья* I. Черезъ каждые десять лѣтъ, въ день 18 брюмера, будутъ раздаваться, собственною моею рукою, большія преміи; мѣсто церемоніи и самый обрядъ ея совершенія будутъ каждый разъ предварительно назначены.

«*II.* Всѣ произведенія по всѣмъ отраслямъ наукъ, словесности и художествъ, всѣ полезныя новоизобрѣтенія, всѣ заведенія клонящіяся къ усовершенствованію земледѣлія и народной промышлености, все, совершенное въ теченіе десятилѣтія, за одинъ годъ до раздачи премій, будетъ допущено къ состязанію на ихъ полученіе.

« *III*. Первая раздача премій имѣеть быть 18 брюмера XVIII года, и, согласно съ предъидущей статею, всѣ произведенія, новоизобрѣтенія и заведенія, начиная отъ 18 брюмера VII года до 18 брюмера XVII года, могутъ вступить въ состязаніе.

« *IV*. Эти большія преміи будутъ однѣ въ десять тысячъ, другія въ пять тысячъ франковъ.

« *V*. Число большихъ премій въ десять тысячъ франковъ будетъ девять, и онѣ назначаются:

« 1. Авторамъ двухъ лучшихъ ученыхъ сочиненій, одного по части наукъ физическихъ, другаго по части наукъ математическихъ;

« 2. Автору лучшей исторіи, или историческаго отрывка, какъ новыхъ такъ и древнихъ временъ;

« 3. Изобрѣтателю машины принесшей самую бóльшую пользу художествамъ и мануфактурамъ;

« 4. Основателю зеведенія наиболѣе полезнаго для земледѣлія и народной промышлености;

« 3. Автору лучшей изъ театральныхъ піесъ, комедіи или трагедіи, представляемыхъ на французскихъ театрахъ;

« 6. Двумъ артистамъ, которые произведутъ, одинъ лучшую картину, другой изваяніе, взявъ для своей работы сюжетъ изъ французской исторіи;

« 7. Композитору лучшей оперы, изъ принятыхъ на театръ императорской академіи музыки.

« *VI*. Число большихъ премій въ пять тысячъ франковъ будетъ тринадцать, и онѣ назначаются:

« 1. Переводчикамъ десяти манускриптовъ изъ императорской или другихъ библіотекъ, находящихся въ Парижѣ, писанныхъ на древнихъ или восточныхъ языкахъ, которые переводы будутъ признаны болѣе полезными или для наукъ, или для исторіи, или для словесности, или для художествъ;

« 2. Тремъ авторамъ не большихъ поэмъ на достопамятныя событія изъ отечественной исторіи, или на случаи дѣлающіе честь французскому народу.

« *VII*. Преміи эти будутъ назначаемы на основаніи донесеній коммиссіи присяжныхъ, составляемой изъ четырехъ непремѣнныхъ секретарей четырехъ отдѣленій Академіи наукъ,

и четырехъ президентовъ, занимавшихъ эти мѣста въ годъ предшествовавшій раздачѣ премій. »

Между-тѣмъ какъ Европа ожидала, что Наполеонъ съ своимъ войскомъ нахлынетъ на Великобританію, онъ незапно явился въ Брюсселѣ. Тамъ было назначено свиданіе императора съ Жозефиною, которое и произошло въ зàмкѣ Лакенѣ, великолѣпно отдѣланномъ на этотъ случай. Здѣсь-то Наполеонъ, по поводу одного изъ романовъ госпожи Стаель, произнесъ достопамятныя слова, которыя мы сейчасъ передадимъ читателямъ, и которыя могутъ служить объясненіемъ той вражды, что авторъ *Коринны* питалъ впослѣдствіи къ императору: « Я столько же не люблю женщинъ, которыя дѣлаются мужчинами, — сказалъ онъ, — какъ не люблю женоподобныхъ мужчинъ. Въ этомъ мірѣ каждому есть свое назначеніе. Чтò такое эти порывы мысли? чтò изъ нихъ слѣдуетъ? Ничего. Все это одна метафизика чувствъ, одно безпорядочное направленіе ума. Я не могу терпѣть этой женщины; и во-первыхъ потому, что не люблю женщинъ, которыя навязываются на меня, а Богъ-знаетъ какъ эта со мной кокетничала! »

Всегдашнее неблагорасположеніе Наполеона къ госпожѣ Стаель, « которая, по словамъ его *Меморіала*, сдѣлалось жаркимъ его врагомъ зато что была отвергнута, » это неблагорасположеніе дѣлаетъ на этотъ разъ великаго человѣка несправедливымъ ко всѣмъ женщинамъ вообще, оттого что онъ имѣлъ причины жаловаться на одну изъ нихъ. Впрочемъ, образъ его мнѣнія, въ другихъ случаяхъ вѣрный и правильный, въ этомъ былъ дотого ложенъ отъ слѣдствія привычки и постоянной ссоры, что не измѣнился даже и на Островѣ Святой-Елены; Наполеонъ и тамъ не переставалъ смотрѣть съ той же точки зрѣнія на отношенія двухъ половъ, и утверждалъ, что « женщины пригодны только на то, чтобы раждать дѣтей. » — « Вы бы готовы быть намъ равными, говорилъ онъ госпожамъ Бертранъ и де-Монтолонъ: но это совершенный вздоръ! Женщина принадлежитъ мужчинѣ, а мужчина никогда не можетъ принадлежать женщинѣ. »

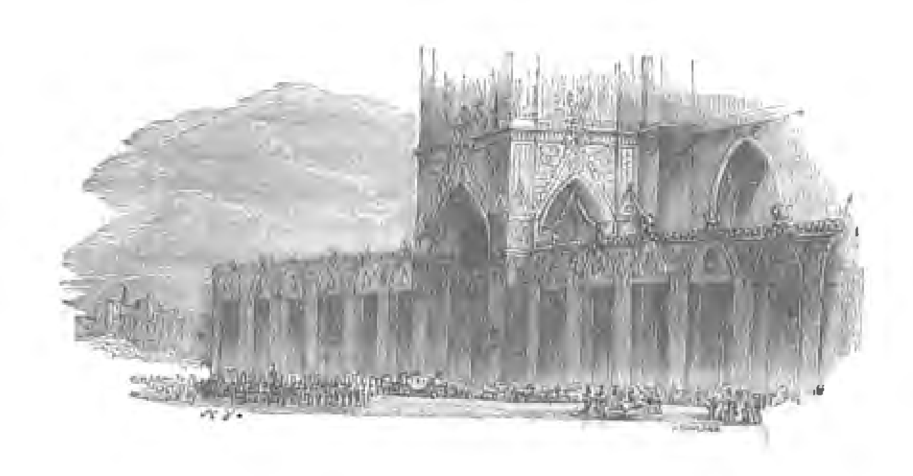
Пребываніе императора въ Лакенѣ было непродолжительно. Онъ оставилъ этотъ прелестный зàмокъ, и отправился въ

Ахенъ, гдѣ пробылъ нѣсколько времени, какъ-бы по тайной симпатіи къ столицѣ и могилѣ великаго императора, по слѣдамъ котораго думалъ итти.

Изъ города Карла Великаго, Наполеонъ поѣхалъ въ Майнцъ, черезъ Кельнъ и Кобленцъ. Имперскія князья поспѣшили къ нему на встрѣчу, и онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы бросить первыя семена Рейнскаго Союза, объ учрежденіи котораго уже помышлялъ какъ объ оплотѣ Франціи противъ великихъ державъ Сѣвера.

Но искреннія или неискреннія доказательства приверженности князей и народовъ, не удовлетворяли еще честолюбію того, который думалъ быть преемникомъ славы Карла Великаго. Герой среднихъ вѣковъ былъ утвержденъ съ своемъ достоинствѣ помазаніемъ церкви; и Наполеонъ, мало заботясь о разности времени и обстоятельствъ, захотѣлъ утвердить свой тронъ на тѣхъ же опорахъ, на которыхъ былъ утвержденъ тронъ Карла Великаго. Чтобы это сходство было какъ-можно совершеннѣе, онъ тоже пожелалъ быть помазанъ рукою верховнаго первосвятителя, и въ этомъ намѣреніи отправилъ Кафарелли изъ Майнца въ Римъ, съ порученіемъ склонить Папу Пія VII прибыть въ Парижъ для совершенія мvропомазанія императора Французовъ. Покуда шли эти переговоры, Наполеонъ, съ береговъ Рейна, приказывалъ выйти въ море двумъ эскадрамъ, одной изъ Рошфора, другой изъ Тулона, подъ начальствомъ адмираловъ Миссіесси (Missiessy) и Вильнёва: такимъ образомъ онъ всё не переставалъ показывать виду, будто занятъ исполненіемъ плана морской экспедиціи. Пробывъ внѣ своей столицы три мѣсяца, императоръ возвратился въ Сенъ-Клу около половины октября.

ГЛАВА XVI.

Созваніе Законодательнаго Собранія. Повѣрка народныхъ голосовъ. Прибытіе папы Пія VII въ Францію. Коронованіе императора.

Эпоха коронованія приближалась. Кафарелли писалъ изъ Рима, что порученіе, на него возложенное, исполненно съ успѣхомъ. Наполеонъ готовился возсѣсть на тронъ старшихъ сыновей западной церкви, съ торжественнаго соизволенія и по благословенію самаго главы той церкви. Но къ торжественности обрядовъ религіи, должно было присоединить все политическое великолѣпіе. Сенатъ и государственный совѣтъ были на-лицо; одно только Законодательное Собраніе требовало времени на то, чтобы быть созваннымъ, и декретъ объ этомъ послѣдовалъ 17 октября.

Члены Сената уже, каждый порознь, присягнули императору, и президентъ его, Франсуа де-Нёшато, даже произнесъ рѣчь, въ которой заключались, между прочимъ, слѣдующія слова:

« Ваше величество; въ отдаленной будущности, когда дѣти дѣтей нашихъ пріидутъ признать своимъ императоромъ одного изъ вашихъ внучатъ или правнучатъ, и представятъ ему картину чувствованій, нуждъ и ожиданій націи, то всѣ его обязанности, какъ императора, могутъ ему быть напомянуты въ не многихъ словахъ. Стóитъ только сказать: «Государь, васъ зовутъ *Бонапарте*: помните *Наполеона Великаго!* »

Когда были собраны народные голоса, по опредѣленію сената 28 флореаля XII года, и спеціальная коммиссія, посредствомъ Рёдерера, утвердила, что дѣйствительно « три милліона пять сотъ семдесятъ двѣ тѣсячи триста двадцать девять гражданъ, имѣющихъ право голоса, объявили, что желаютъ утвержденія наслѣдственности императорскаго достоинства въ прямомъ, законномъ поколѣніи, или въ узаконенныхъ пріемышахъ Наполеона Бонапарте, и въ законномъ, прямомъ поколѣніи Іосифа Бонапарте и Людвига Бонапарте, тогда тому же Франсуа де-Нёшато было поручено принесть императору поздравленія съ этимъ новымъ доказательствомъ благодарности и довѣрія французскаго народу. На эту рѣчь Наполеонъ отвѣчалъ:

« Я восхожу на тронъ, на который призванъ единодушнымъ желаніемъ сената, народа и воиновъ, съ сердцемъ исполненнымъ предчувствія о великихъ судьбахъ французской націи, которую я первый назвалъ *великою*.

« Отъ самаго моего дѣтства всѣ мои мысли были посвящены ей; и я долженъ сказать, что всѣ теперешнія мои радости или печали зависятъ отъ счастія и несчастія моего народа.

« Потомки мои надолго сохранятъ этотъ тронъ, первый въ цѣломъ свѣтѣ.

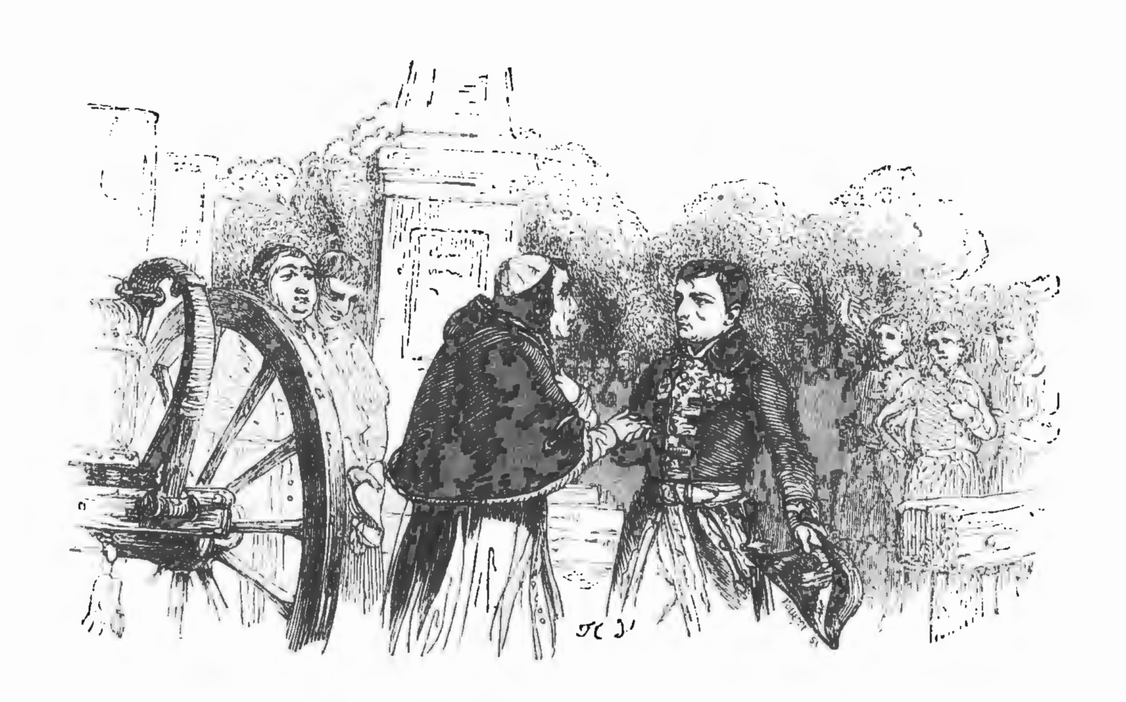
« Въ военныхъ станахъ они явятся первыми солдатами арміи, и не будутъ щадить своей жизни для блага отечества.

« На поприщѣ гражданской службы, они никогда не забудутъ, что презрѣніе къ законамъ и потрясеніе общественныхъ учрежденій, есть не что иное какъ проявленіе слабости и недоумѣній правительственныхъ лицъ.

« Вы, сенаторы, въ которыхъ я всегда и постоянно нахо-

дилъ и совѣтниковъ и опору въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, вы передадите свой духъ вашимъ преемникамъ; будьте всегда первыми совѣтниками и опорою этого трона, столь необходимаго для счастія нашей пространной имперіи. »

Время коронаціи наступило. Пій VII, выѣхавъ изъ Рима въ началѣ ноября, 25 прибылъ въ Фонтенбло. Наполеонъ, который выѣхалъ на охоту, нарочно для того чтобы встрѣтиться съ нимъ, поѣхалъ по немурской дорогѣ. Едва завидѣлъ онъ экипажъ папы, какъ сошелъ съ коня; первосвященникъ сдѣлалъ тоже, и, поцѣловавшись, оба сѣли въ одну карету и прибыли въ императорскій дворецъ въ Фонтенбло, который былъ заново и великолѣпно меблированъ. Здѣсь императоръ и папа имѣли между собою частыя конференціи;

они отправились оттуда 28 числа, и въ тотъ же день послѣдовалъ ихъ торжественный въѣздъ въ Парижъ.

Коронація была назначена 2 декабря; но сначала не рѣшались, гдѣ быть церемоніи. Иные говорили-было о Марсовомъ полѣ, другіе о церкви въ домѣ Инвалидовъ; Наполеонъ предпочелъ соборъ парижской Божія Матери. Марсово поле было слишкомъ полно революціонерныхъ воспоминаній, и поэтому не могло служить мѣстомъ исполненія церемоніи, которая возстановляла тронъ и религію въ государствѣ ниспровергшемъ и тотъ и другую. При теперешнемъ обстоятельствѣ, всякое сближеніе между годами 1804 и 1790 было бы большою несообразностью. Пій VII такъ сохранялъ чувство своего самодостоинства, что не согласился бы пародировать роль Таллерана; а Наполеонъ имѣлъ столько знанія приличій, что не сталъ бы и предлагать ему этого. « Мѣстомъ церемоніи коронованія, — говоритъ Наполеонъ, — предлагали-было избрать Марсово поле, вслѣдствіе сопряженныхъ съ нимъ воспоминаній временъ федераціи; но прежнія времена уже совершенно измѣнились... Говорили также и о церкви въ домѣ Инвалидовъ, по причинѣ сопряженныхъ съ нею воспоминаній о военныхъ подвигахъ; но соборная церковь Богородицы показалась мнѣ мѣстомъ болѣе приличнымъ и удобнымъ, какъ по своему пространству, такъ и потому, что въ ней все сильнѣе говоритъ воображенію... » (Пелѐ де-ла-Лозеръ.)

Въ назначенный день, Пій VII отправился въ соборъ въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, и, по римскому обычаю, ему предшествовалъ мулъ, что̀ возбудило въ парижанахъ смѣхъ, который въ теченіе нѣкотораго времени мѣшалъ торжественности папскаго шествія. Императоръ явился послѣ папы. Свита его представляла собою одно изъ самыхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ. Ее составляли всѣ тогдашніе знаменитости военнаго и гражданскаго поприщей. Великолѣпіе мундировъ и одеждъ, роскошность экипажей и упряжи, богатство ливрей, огромное стеченіе зрителей со всѣхъ концевъ Франціи, все способствовало къ довершенію изумительнаго блеску этого поѣзда. Представителями націи въ соборѣ были президенты кантоновъ, президенты избирательныхъ коллегій, депутаты отъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ и отъ ар-

міи, законодательный корпусъ и другіе высшія сословія государства. Службу совершалъ самъ папа. Императоръ, подошедъ къ алтарю, не дождался того, чтобы его святѣйшество возложилъ на него корону, но, взявъ ее изъ рукъ папы, самъ надѣлъ себѣ на голову, и потомъ самъ же короновалъ императрицу Жозефину.

На другой день послѣ этого торжества, на Марсовомъ полѣ происходилъ смотръ войскъ и раздача императорстихъ орловъ разнымъ полкамъ арміи. Императоръ раздавалъ ихъ изъ своихъ рукъ, съ трона, устроеннаго для него близъ военной школы. По поданному сигналу, войска пришли въ движеніи

и приблизились къ нему. « Воины, сказалъ императоръ: вотъ ваши знамена; эти орлы всегда будутъ служить вамъ пунктомъ соединенія: они будутъ вездѣ, гдѣ вашъ императоръ сочтетъ ихъ присутствіе нужнымъ для защиты своего престола и своего народу.

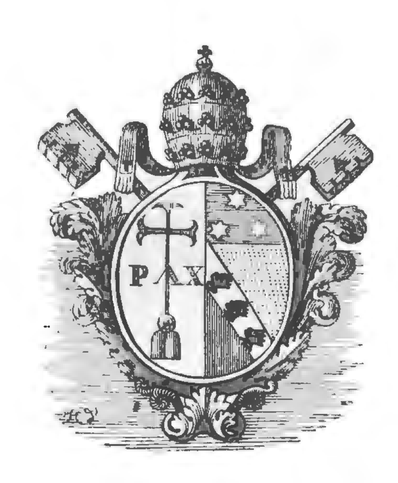
« Вы клянетесь жертвовать вашей жизнію для ихъ защиты, и для постояннаго сохраненія ихъ на пути чести и побѣды. »

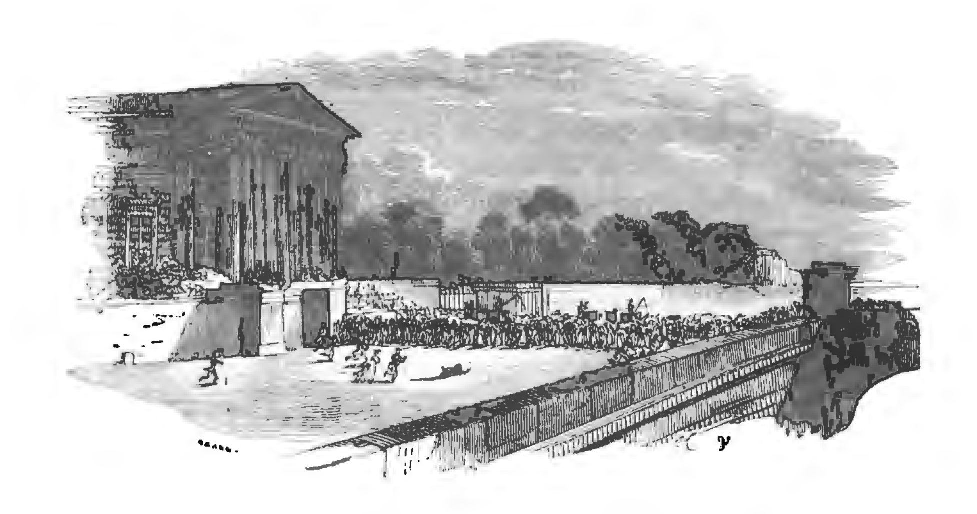
Воины отвѣтствовали единодушнымъ восклицаніемъ: « Клянемся! »

Послѣ того Сенатъ и городъ Парижъ пожелали праздновать эпоху коронаціи пиршествами въ честь императора и императрицы. Муниципальный совѣтъ столицы даже подалъ по этому случаю поздравительный адрессъ, на который Наполеонъ отвѣчалъ чрезвычайно благосклонно.

Во все продолженіе этихъ пиршествъ, Пій VII оставался въ Парижѣ. Онъ прибылъ во Францію единственно въ той надеждѣ, что его снисхожденіе послужитъ къ пользамъ мірской власти папъ, и потому очень естественно продолжилъ свое пребываніе въ гостяхъ у Наполеона на столько времени, сколько ему казалось нужнымъ для исполненія своихъ надеждъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, имѣлъ ли намѣреніе императоръ Французовъ, осыпая римскаго первосвященника знаками глубокаго почтенія и доказательствами признательности за совершенное надъ собою помазаніе, измѣнить свою политику въ отношеніи къ Италіи.

ГЛАВА XVII.

Засѣданія Законодательнаго Собранія. Статуя Наполеона. Письмо императора къ королю Великобританіи. Отвѣтъ лорда Мюльграва.

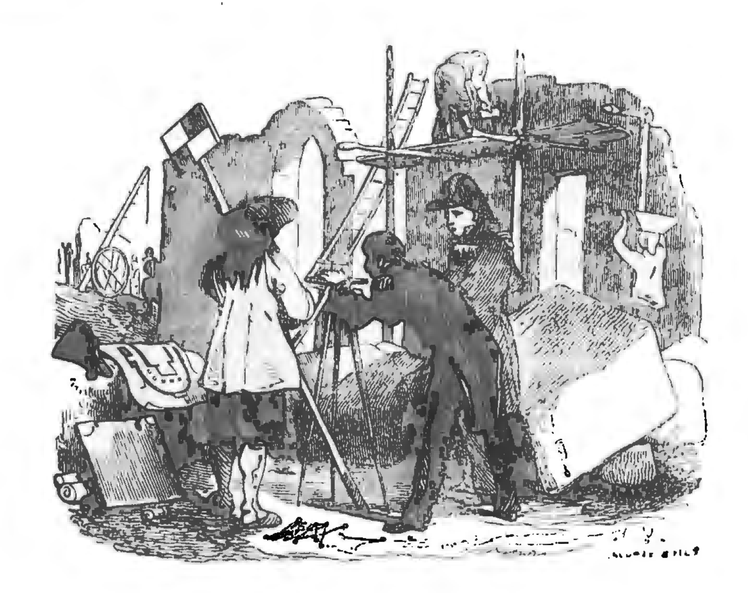
Спустя двадцать пять дней послѣ своей коронаціи, императоръ открылъ засѣданіе Законодательнаго собранія, рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

« Безсиліе верховной власти есть величайшее народное бѣдствіе. Будучи солдатомъ и потомъ первымъ консуломъ, я имѣлъ одну только мысль; теперь я императоръ, и тоже не имѣю другой мысли: это — благоденствіе Франціи. Я былъ столько счастливъ, что прославилъ ее моими побѣдами, извлекъ изъ состоянія междоусобныхъ раздоровъ... Если смерть не постигнетъ меня посреди моихъ трудовъ, то надѣюсь оста-

вить въ потомствѣ память, которая будетъ служить или всегдашнимъ примѣромъ или упрёкомъ для моихъ наслѣдниковъ.

« Мой министръ иностранныхъ дѣлъ представитъ вамъ обозрѣніе положенія имперіи. »

И господинъ де-Шампаньи исполнилъ возложенную на него блестящую и не трудную обязанность. Онъ описалъ настоящее благоденствіе Франціи послѣ столькихъ бурь: красноречиво говорилъ о всѣхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ исполненныхъ или предпринятыхъ Наполеономъ; о процвѣтаніи мануфактуръ и фабрикъ; объ успѣхахъ земледелія и народной промышлености; о распространеніи торговли; словомъ, говорилъ о всемъ, о чемъ было можно говорить въ похвалу императору.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, члены Законодательнаго Собранія, въ полныхъ мундирахъ, представились 2 января 1805, на аудіенцію къ императору, для принесенія адресса, въ которомъ президентъ Фонтанъ, несмотря на ропотъ большинства своихъ товарищей, съумѣлъ вклеить формулу « вѣрноподданнѣйшіе. » Черезъ нѣсколько дней потомъ, статуя Наполеона, работы Шодѐ, была поставлена въ залѣ засѣданія

депутатовъ, и по этому случаю, господинъ де-Вобланъ, квесторъ депутатовъ, произнесъ, въ присутствіи императора, императрицы и всѣхъ высшихъ чиновъ двора, похвальное слово Наполеону.

Вскорѣ затѣмъ закрыты засѣданія Законодательнаго Собранія.

Наполеонъ понялъ, что пользы Франціи, прежде всего, требовали прочнаго и продолжительнаго мира, мира цѣлой Ев-

ропы, не исключая и Англія. Забывая неуспѣшность письма перваго консула къ Георгу III, императоръ рѣшился возобновить миролюбивыя сношенія съ королемъ Великобританіи, и, отъ 2 января 1805, писалъ къ нему такимъ образомъ:

« Monsieur mon frère,

« Призванный на престолъ Промысломъ и желаніями сената, народа и войска, я поставляю себѣ первымъ долгомъ стараться о заключеніи мира. Франція и Англія истрачиваютъ свое благоденствіе, и могутъ продолжать войну цѣлыя вѣка. Но правительства этихъ государствъ стремятся ли къ достиженію священнѣйшей цѣли? и безполезное изліяніе такого множества крови, не лежитъ ли укоромъ на собственной ихъ совѣсти? Я не полагаю никакого себѣ безчестія въ томъ, что первый дѣлаю шагъ къ примиренію; я, кажется, довольно доказалъ передъ лицомъ всего свѣта, что не боюсь никакихъ случайностей войны; да и притомъ мое положеніе таково, что мнѣ нечего и опасаться ихъ. Миръ составляетъ искреннее желаніе моего сердца, но и счастіе войны никогда не было противъ меня.... »

Наполеонъ не получилъ на это письмо непосредственнаго и прямаго отвѣту; король Великобританіи удовольствовался тѣмъ, что приказалъ лорду Мюльграву написать къ Таллерану письмо, въ очень неопредѣлительныхъ выраженіяхъ. Наполеонъ велѣлъ представить это письмо, также какъ и копію съ своего, на разсмотрѣніе Сената. Лордъ Мюльгравъ говорилъ:

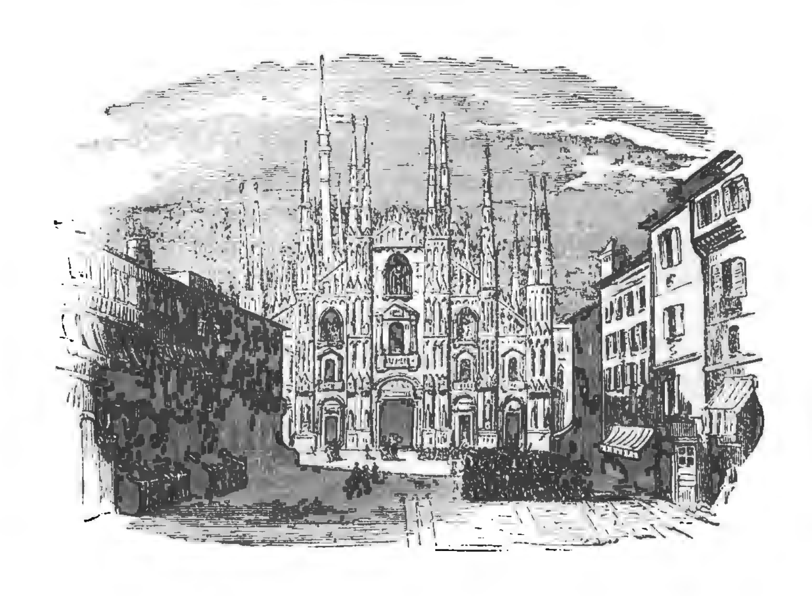
« Его величество получилъ письмо, адресованное къ нему *главою* французскаго правительства.

« Его величество ничего не желаетъ столько, какъ случаю снова доставить своимъ подданнымъ выгоды мира, утвержденнаго на основаніяхъ непредосудительныхъ для блага и безопасности его владѣній. Его величество пребываетъ въ той увѣренности, что этого нельзя достигнуть иначе какъ такими средствами, которыя бы могли устранить отъ Европы опасности и несчастія, которымъ она подвергалась. Сообразно съ этимъ, его величество чувствуетъ, что ему невозможно болѣе положительно отвѣчать на сдѣланныя ему предложенія, до-тѣхъ-поръ покуда его величество не успѣетъ войти по этому предмету въ сношенія съ европейскими державами, съ

которыми состоитъ въ дружественныхъ связахъ, особенно же съ Императоромъ Всероссійскимъ, который явно доказалъ свою мудрость и возвышенныя чувствованія, которыми онъ одушевленъ, равно какъ и живѣйшее участіе къ безопасности и независимости Европы. »

Какъ англійскій дипломатъ ни маскировалъ словами расположенія Англіи, а не менѣе того было ясно, что эти расположенія отнюдь не дружелюбныя. Наполеонъ почувствовалъ это, и обнародовалъ и письмо свое къ Георгу III, и отвѣтъ лорда Мюльграва, чтобы тѣмъ оправдать дѣлаемыя Франціею приготовленія къ войнѣ.

ГЛАВА XVIII.

Наполеонъ объявленъ королемъ Италіи. Отбытіе его изъ Парижа. Пребываніе въ Туринѣ. Маренгскій монументъ. Вшествіе въ Миланъ. Присоединеніе Генуи къ Франціи. Новое коронованіе. Путешествіе въ Италію. Возвращеніе во Францію.

Письма, предложенныя Сенату Таллераномъ, отъ имени императора, обезпечивали Наполеона въ томъ отношеніи, что народъ не припишетъ ему продолженія войны на морѣ и возобновленія военныхъ дѣйствій на твердой землѣ.

Пій VII всё-еще находился въ Парижѣ. Онъ видѣлъ, какъ собрались туда депутаты избирательныхъ коллегій и правительствъ италійской республики, для принесенія Наполеону увѣреній въ преданности къ нему ихъ націи, и для провозглашенія его королемъ Италіи.

Мельци (Melzi), вице-президентъ республики, былъ избранъ ораторомъ депутаціи; 17 марта 1805, принятъ онъ императоромъ на торжественной аудіенціи, и, въ присутствіи полнаго собранія сената, произнесъ рѣчь, которую заключилъ слѣдующими словами:

« Вашему величеству угодно было, чтобы италійская республика существовала, — и она существовала. Теперь, да будетъ вамъ угодно, чтобы италійское королевство было счастливо, — и оно будетъ счастливо. »

Папа не безъ тайнаго и глубокаго безпокойства видѣлъ учрежденіе новаго италіянскаго королевства, и непосредственную власть Наполеона распространяющеюся до самыхъ стѣнъ Рима. Путешествіе, совершенное Піемъ VII въ Францію, имѣло главною цѣлью мірскія выгоды апостольскаго престола, а такое опасное сосѣдство, каково было сосѣдство Наполеона, вовсе не соотвѣтствовало ожиданіямъ папы. Однако же онъ скрылъ свое неудовольствіе, и согласился еще разъ священнодѣйствовать, по случаю рожденія втораго сына Людвига Бонапарте. Новорожденный былъ названъ Наполеонъ-Людвигъ, и таинство крещенія совершено надъ нимъ самимъ папою, 24 марта, въ замкѣ Сенъ-Клу.

Императоръ, вмѣстѣ съ императрицею, выѣхалъ, 1 апрѣля, изъ Парижа въ Миланъ. Онъ останавливался на три недѣли въ Туринѣ, гдѣ жилъ въ Ступинискомъ дворцѣ, прозванномъ Сенъ-Клу сардинскихъ королей. Папа, возвращаясь въ Римъ, имѣлъ тамъ свиданія съ Наполеономъ, но и здѣсь, какъ въ Парижѣ и Фонтенбло, Пій VII, за свое снисхожденіе къ императору, не получилъ отъ него ни какой уступки земель.

Осьмаго мая, Наполеонъ, по дорогѣ въ Миланъ, захотѣлъ взглянуть на поле битвы при Маренго; тамъ были въ сборѣ всѣ французскія войска, находящіяся въ той части Италіи. Императоръ производя смотръ, былъ одѣтъ въ то же самое платье, которое было на немъ въ достопамятный день маренгскаго сраженія. Бурріеннъ замѣчаетъ, что платье это уже было въ нѣсколькихъ мѣстахъ проѣдено молью.

Наполеонъ положилъ на этомъ полѣ первый камень памятника, въ честь воиновъ павшихъ въ маренгскомъ бою, и въ тотъ же день имѣлъ въѣздъ въ Миланъ, гдѣ ему была сдѣлана торжественная встрѣча. Здѣсь Наполеонъ присоединилъ къ Франціи Генуу, и генуэзской дожъ сталъ простымъ французскимъ сенаторомъ.

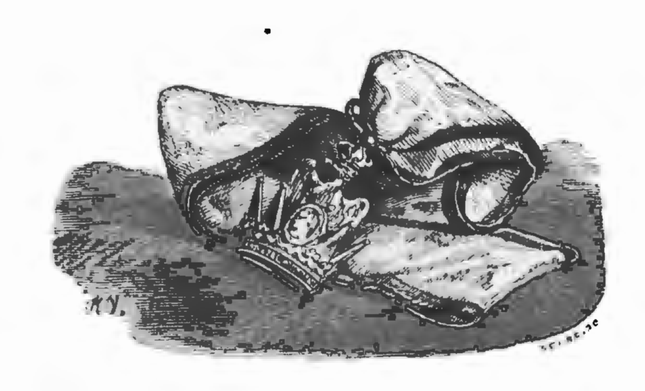
Коронованіе Наполеона, какъ короля италіянскаго, происходило 26 мая, въ миланскомъ соборѣ. Службу совершалъ кардиналъ Капрара, архіепископъ города, который и подалъ императору желѣзную корону, а тотъ, самъ возложивъ ее на себя, сказалъ: « Богъ мнѣ ее далъ, — бѣда тому, кто тронетъ! »

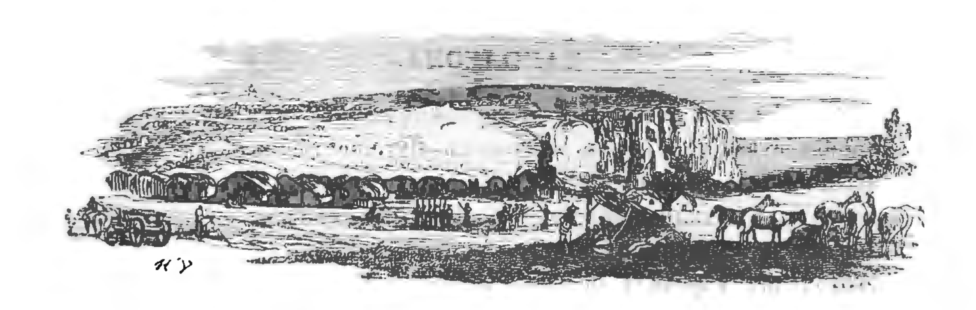

Австрійскій кабинетъ естественно былъ долженъ, еще болѣе чѣмъ папа, опасаться владычества Французовъ въ Италіи; Наполеонъ, ожидая этого, всячески старался возбудить къ себѣ привязанность своихъ новыхъ подданныхъ. Онъ,

вмѣстѣ съ императрицею Жозефиной, объѣхалъ свое новое королевство. Въ Генуѣ высокимъ путешественникомъ былъ данъ блестящій праздникъ, и Наполеонъ, исполняя обѣщаніе, назначилъ Италіи вице-короля. Въ этотъ санъ возведенъ человѣкъ достойнѣйшій, благородный Евгеній Богарнè. Потомъ, Наполеонъ учредилъ орденъ Желѣзной-Короны, и туринскій университетъ.

Императоръ и императрица возвратились въ Фонтенбло 11 іюля, а оттуда прибыли въ Парижъ и въ Сенъ-Клу. Но Наполеону не было суждено оставаться въ мирѣ съ европейскими державами.

ГЛАВА XIX.

Отъѣздъ Наполеона въ булоньскій лагерь. Сборъ французскихъ войскъ на границахъ Австріи. Возвращеніе императора въ Парижъ. Возобновленіе грегоріанскаго календаря. Наборъ осьмидесяти-тысячьнаго войска. Отбытіе императора къ арміи. Аустерлицкая кампанія.

Предвидѣнная минута приближалась; война становилась неизбѣжною. Императоръ, въ началѣ августа, снова оставилъ столицу и отправился въ булонскій лагерь для обозрѣнія арміи, расположенной эшелонами по прибрежью.

Путешествіе это продолжалось не болѣе мѣсяца, и въ то же время отдано приказаніе собраться на границахъ Австріи осьмидесяти-тысячному корпусу войскъ.

Возвратясь въ Парижъ, Наполеонъ, несмотря на приготовленія къ войнѣ, которыя требовали его полнаго вниманія, занялся также и введеніемъ снова въ употребленія грегоріанскаго календаря, что̀ было естественнымъ слѣдствіемъ его новой правительственной системы и титула имъ принятаго. Республиканское лѣтосчисленіе становилось, конечно, несовмѣстно съ дѣйствіями правленія монархическаго; но раздѣленіе года, принятое и утвержденное національнымъ конвентомъ, было основано на выводахъ науки: что̀ жъ нужды? Наука и опять потрудится доказать, что необходимо возвра-

титься къ грегоріанскому календарю, и Ла-Пласъ пріиметъ на себя трудъ благополучно привесть къ концу все дѣло. Однако жъ, справедливость требуетъ сказать, что этотъ ученый сенаторъ для отвращенія опасеній, которыя бы могъ возбудить такой шагъ къ возстановленію до-революціоннаго порядку вещей, не забылъ сослаться въ необходимости введенія прежняго календаря, на повсемѣстное употребленіе его во всей Европѣ. Но въ этомъ отношеніи всего замѣчательнѣе слова, сказанныя ораторомъ правительства Реньо де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, на котораго было возложено представить проектъ на утвержденіе сената: « Нѣтъ сомнѣнія, — говоритъ онъ, — что пріидетъ время, когда умиренная Европа возвратится къ полезнымъ соображеніямъ, почувствуетъ нужду усовершить общественныя учрежденія, и, посредствомъ этихъ учрежденій, сблизить между собою народы; тогда, конечно, будетъ введена всеобщая, совершеннѣйшая, метода раздѣленія временъ года. Тогда вся Европа, для пользы политики и торговли, составитъ и станетъ употреблять одинъ и тотъ же календарь. »

Между-тѣмъ необъятное честолюбіе Наполеона и страсть его къ завоеваніямъ не могли не внушить Россіи опасеній насчетъ будущей судьбы и равновѣсія европейскихъ державъ. Императоръ Всероссійскій тщетно старался согласить и воюющія и располагающіяся къ войнѣ стороны. Новая война вспыхнула между Франціей и Австріей; Россія приняла сторону послѣдней.

По этому случаю Наполеонъ между прочимъ, сказалъ своему сенату:

« ..... Я желалъ сохранить міръ (?!); но австрійская армія перешла Иннъ, Мюнхенъ въ рукахъ непріятеля, баварскій курфирстъ изгнанъ изъ своихъ владѣній....

«Мой народъ всегда и при всякомъ случаѣ доказывалъ мнѣ свою любовь и довѣренность. Онъ и теперь соберется подъ знамена своего императора и своихъ воиновъ, которые чрезъ нѣсколько дней перешагнутъ за границы Франціи....

« Французы, вашъ императоръ исполнитъ свой долгъ, мои воины тоже, вы, конечно, не забудете своихъ обязанностей. »

Отвѣтомъ сената было постановленіе о наборѣ осьмидесяти

тысячъ свѣжаго войска и новомъ образованіи національной гвардіи.

Увѣрившись такимъ образомъ въ содѣйствіи Франціи, Наполеонъ отправился изъ Парижа 24 сентября, учредилъ свою

главную квартиру въ Страсбургѣ и, 29, издалъ воззваніе къ войску, которымъ возбуждалъ его мужество.

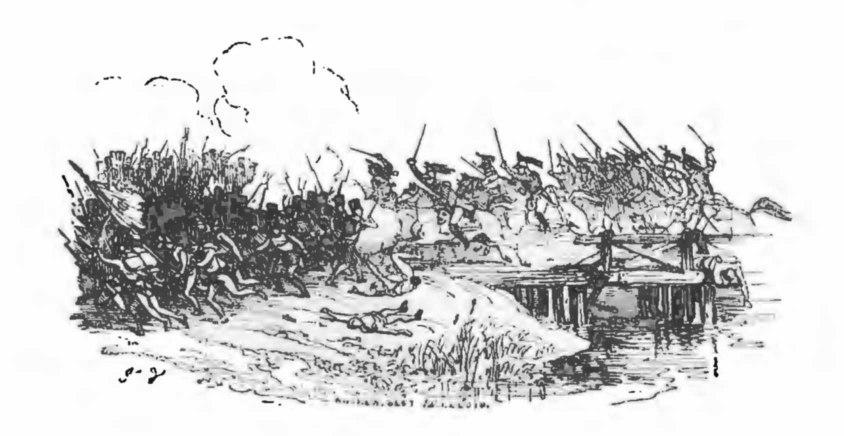
« Воины, — говорилъ онъ, — намъ прійдется дѣлать большіе переходы форсированнымъ маршемъ; переносить всякаго роду лишенія; но каковы бы не были противупоставляемыя намъ препятствія, мы ихъ побѣдимъ, и не будемъ знать отдыху, покуда не водрузимъ нашихъ знаменъ на землѣ непріятельской. »

Перейдя Рейнъ въ Келѣ, 1 октября, Наполеонъ въ тотъ же день ночевалъ въ Эттелингенѣ, имѣлъ тамъ свиданіе съ баденскими принцами и курфирстомъ, и потомъ пошелъ на Луизбургъ, гдѣ расположился во дворцѣ курфирста виртенбергскаго.

Шестаго октября, французская армія, миновавъ Черныя горы и линію паралельныхъ между собою рѣкъ, впадающихъ въ Дунай, вступила въ Баварію; и такимъ образомъ, Австрійцы, которые заняли-было выходы Чернаго лѣсу, чтобы воспротивиться движенію французскихъ войскъ, были обойдены и сами угрожаемы съ тылу.

Послѣ этого Наполеонъ тотчасъ же обратился съ прокламаціей къ Баварцамъ: «Я пришелъ съ моей арміей, — сказалъ онъ, — чтобы избавить васъ отъ несправедливыхъ притѣсненій.... Надѣюсь, что послѣ перваго же сраженія вы мнѣ доставите возможность сказать, что ваши воины достойны стоять въ рядахъ моего войска.»

На слѣдующій день, 7 октября, произошла первая сшибка.

Мостъ на Лехѣ, тщетно защищаемый имперцами, былъ занятъ двумя стами драгуновъ изъ корпусу Мюрата.

Осьмаго, маршалъ Сультъ, который уже ознаменовалъ себя при самомъ открытіи кампаніи занятіемъ Донаuверта, устремился на Аугзбургъ.

Между-тѣмъ Мюратъ съ тремя кавалерійскими дивизіями, маневрировалъ, чтобы перерѣзать при Аугсбургѣ ульмскую дорогу. Встрѣтясь съ непріятелемъ при Вертингенѣ, онъ живо напалъ на него, и, поддержанный маршаломъ Ланномъ, который прибылъ съ дивизіей Удино, принудилъ, послѣ двухъ-часоваго сраженія, двѣнадцать баталіоновъ австрійскихъ гре-

надеровъ положить оружіе. Наполеонъ извѣстилъ объ этой побѣдѣ префектовъ и меровъ Парижа, и препроводилъ къ нимъ знамена и двѣ пушки, отбитыя у непріятелей, при письмѣ, отъ 10 октября, изъ главной квартиры въ городѣ Аугзбургѣ, который на-канунѣ былъ занятъ дивизіями Вандама, Сентъ-Илера и Лёграна подъ командою Сульта.

Дѣлая смотръ драгунамъ при деревнѣ Цумерэгаузенъ, императоръ приказалъ представить себѣ солдата, по фамиліи Марантъ, который, во время занятія Лехскаго мосту, спасъ жизнь своему капитану, несмотря на то, что этотъ капитанъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, разжаловалъ его изъ унтеръ-офицеровъ. Наполеонъ далъ Маранту знакъ ордена Почетнаго-легіона.

Спустя сутки послѣ сраженія подъ Вертингеномъ, полкъ изъ корпуса маршала Нея овладѣлъ гёнзбургскимъ мостомъ, сбивъ въ штыки защищавшій его отрядъ Австрійцевъ подъ личнымъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда.

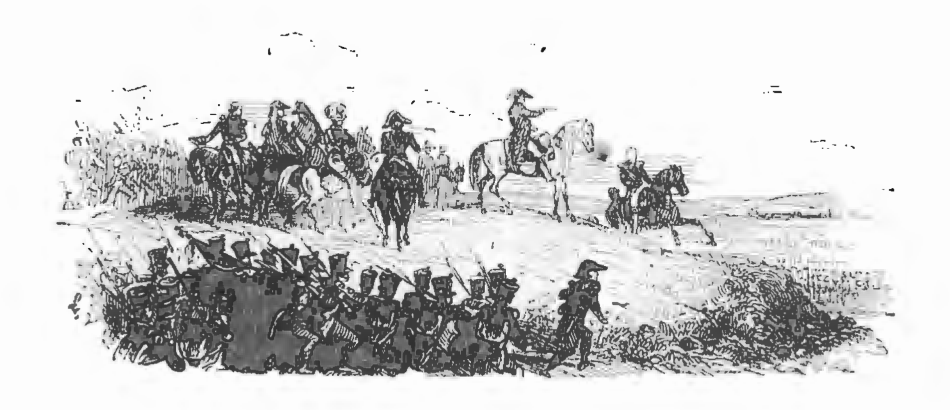
Австрійская армія была въ полномъ отступленіи, и Французы, преслѣдуя ее, маневрировали такъ искусно, что от-

рѣзали ей почти всѣ пути сообщенія. Въ пятомъ бюллетенѣ было сказано: « Рѣшительная битва воспослѣдуетъ скоро; австрійская армія находится почти въ томъ же положеніи, какъ армія Меласа при Маренго. »

Маршалъ Бернардотъ занялъ столицу Баваріи 14 октября въ 6 часовъ утра. Эрцгерцогъ Фердинандъ оставилъ тамъ осемьсотъ человѣкъ, которые взяты въ плѣнъ Французами.

Почти въ тоже время, дивизія Дюпона, въ числѣ шести тысячъ человѣкъ, выдерживала нападенія ульмскаго гарнизона, состоявшаго изъ двадцати пяти-тысячнаго отряда, и въ сраженіи при Альбеккѣ взяла плѣнными полторы тысячи имперцевъ.

Императоръ прибылъ въ лагерь подъ Ульмомъ 13 октября.

Онъ приказалъ занять мостъ и позицію при Эльхингенѣ, чтобы легче было окружить непріятельскую армію.

Четырнадцатаго числа, на утренней зарѣ, маршалъ Ней перешелъ по этому мосту, и взялъ эльхингенскую позицію не взирая на сильное сопротивленіе Австрійцевъ. На слѣдующій день Наполеонъ опять прибылъ къ Ульму. Мюратъ, Ланнъ и Ней выстроились въ боевой порядокъ, приготовляясь къ приступу; тѣмъ временемъ Сультъ занялъ Биберахъ, а Бернадотъ продолжалъ успѣшно дѣйствовать за Мюнхеномъ и довершалъ совершенное пораженіе генарала Кинмейера. Въ

лагерѣ подъ Ульмомъ французскіе солдаты ходили по колѣно въ грязи, и самъ императоръ въ теченіе цѣлой недѣли не снималъ сапоговъ.

Семнадцатаго числа Маккъ, не дождавшись приступу, сдалъ Ульмъ на капитуляцію.

Наполеонъ считалъ битву при Эльхингенѣ однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ. Онъ перенесъ свою главную квартиру на поле этого сраженія, и 18 числа послалъ Сенату сорокъ знаменъ, взятыхъ у непріятеля со дня вертингенской побѣды.

Со времени начатія кампаніи, — писалъ онъ, — я разсѣялъ сто-тысячную непріятельскую армію, и почти половину взялъ въ плѣнъ; остальные солдаты этой арміи или убиты, или ранены, или въ величайшемъ уныніи... Баварскій курфирстъ снова на своемъ тронѣ... Надѣюсь въ скоромъ времени восторжествовать надъ всѣми моими непріятелями.»

Капитуляція Ульма приведена въ исполненіе 20 октября. Двадцать-семь тысячъ австрійскихъ воиновъ, при шестидесяти

орудіяхъ и осьмнадцати генералахъ, прошли мимо Наполеона, который стоялъ на высотѣ повелѣвающей Дунаемъ; въ ту

пору воды этой рѣки разлились такъ, какъ не случалось уже въ теченіе ста лѣтъ. Императоръ подозвалъ къ себѣ австрійскихъ генераловъ, и сказалъ имъ: «Я, право, не знаю, господа, за что мы деремся, и не могу понять, чего требуетъ отъ меня вашъ государь?»

Затѣмъ Наполеонъ отправился въ Мюнхенъ, и прибылъ туда 24 числа.

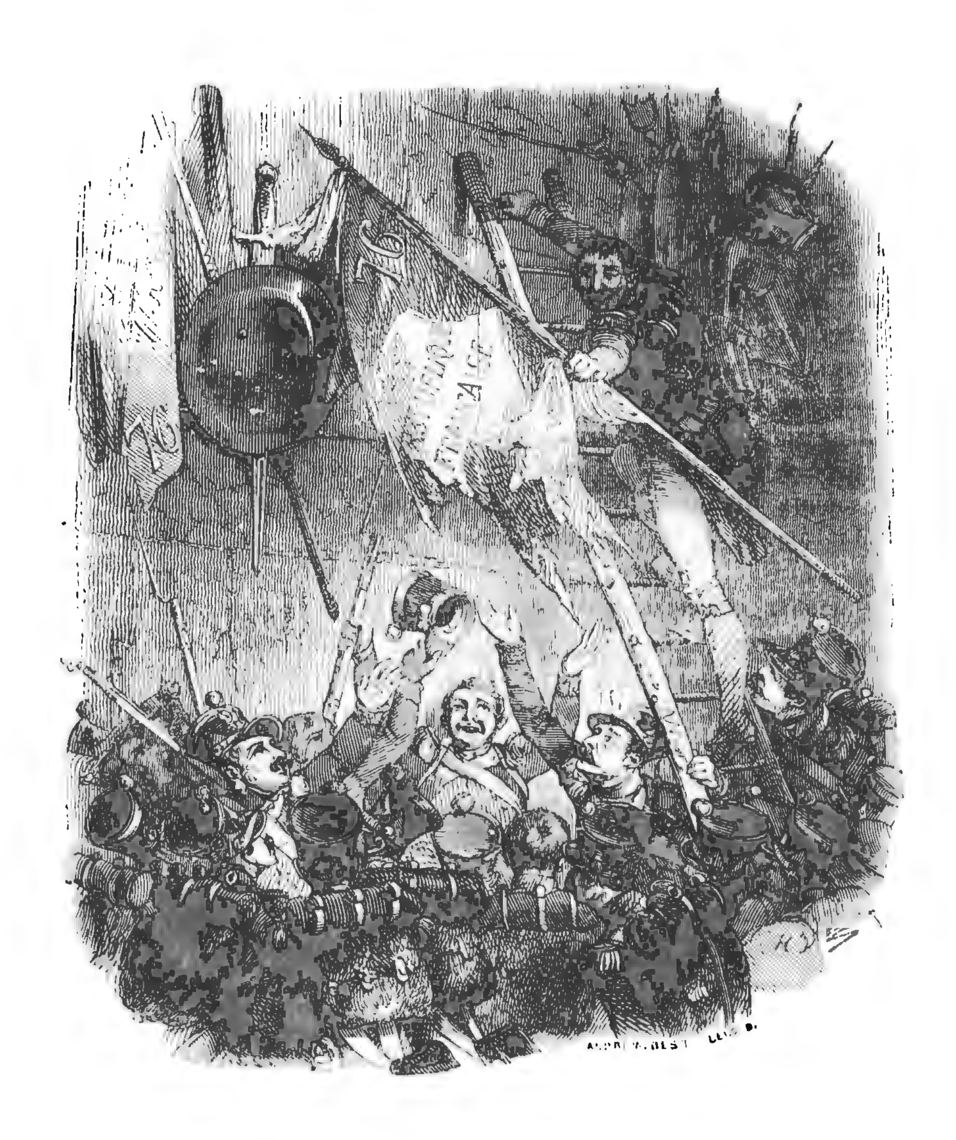
Австрійская армія была почти уничтожена и Французы очутились подъ Вѣною. 10 ноября ихъ главная квартира была въ Молькѣ. Между-тѣмъ русскія войски успѣли подкрѣпить Австрійцевъ; первое сраженіе Русскихъ съ Французами произошло 11 ноября, подъ Дирнштейномъ и было славнымъ для русскаго оружія.

Тринадцатаго ноября, великая армія вступила въ Вѣну. Маршалъ Ланнъ и генералъ Бертранъ первые прошли по мосту, котораго непріятель не успѣлъ сжечь. Наполеонъ не разсудилъ въѣхать въ городъ, и учредилъ свою главную квартиру въ шёнбрунскомъ дворцѣ.

Ни австрійскаго императора, ни его двора уже не было въ столицѣ. Правительственныя лица, остававшіяся въ ней, и въ томъ числѣ графъ Бубна, явились къ Наполеону въ Шёнбруннъ, съ просьбою пощадить городъ. Наполеонъ принялъ ихъ очень ласково, и отдалъ приказъ по арміи строжайше уважать всѣ лица и всякую собственность.

Занятіе Вѣны не мѣшало однако же продолженію военныхъ дѣйствій. Мюратъ и Ланнъ бились съ Русскими, 15 и 16, подъ Голланбруномъ и Юнкерздорфомъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ сраженій участвовалъ тоже и маршалъ Сультъ. Побѣда осталась опять на сторонѣ русскихъ войскъ.

Тѣмъ временемъ маршалъ Ней, на котораго было возложено завладѣть Тиролемъ, успѣшно исполнялъ данное себѣ порученіе. Взявъ крѣпости Шартницъ и Нёстаркъ, онъ, 16 ноября, занялъ Инспрукъ, гдѣ нашелъ шестнадцать тысячь ружей и огромное количество пороху. Въ числѣ войскъ, составляющихъ его корпусъ, находился и семдесятъ-шестой линейный полкъ, у котораго, въ прошлую войну, было отбито непріятелемъ два знамя. Знамена эти найдены въ инспрукскомъ арсеналѣ; одинъ изъ офицеровъ узналъ ихъ, и когда маршалъ Ней приказалъ съ торжествомъ возвратить эти знамена полку, то немногіе старые солдаты плакали отъ радости, а

молодые радовались, что возвратили этимъ ветеранамъ ихъ прежнюю потерю.

Между-тѣмъ Наполеонъ, прибывъ 20 ноября въ Брюнъ,

размѣстилъ свою армію на тѣсныхъ кантониръ-квартирахъ. 1 декабря 1805 года, наканунѣ дня коронаціи, за годъ передъ тѣмъ, Наполеона, французская и русско-австрійская арміи были въ виду одна другой. Главное начальство надъ союзными войсками было ввѣрено генералу Кутузову. Французская армія была расположена между селеніями Беланницомъ и Рейгерномъ, а именно: лѣвое крыло, корпусъ Ланна (дивизіи Сюше и Каффарелли) и конница Мюрата (легкія дивизія Вальтера, Бомона и Келлермана и кирасирскія Нансути и Гопульта) по обѣимъ сторонамъ ольмюцкой дороги, позади селенія Дворошны и горы Сантонъ, занятой однимъ пѣхотнымъ полкомъ и осьмнадцатью батарейными орудіями. Центръ, корпусы Бернадота (дивизіи Раво и Друэ д'Эрлона), и Сульта (дивизіи Вандама и Сентъ-Илера), по ту сторону Ржишскаго ручья, впереди селенія Шлапаница и у Понтовица, прикрываясь къ сторонѣ Працена легкою кавалерійскою бригадою генерала Маргарона; правое крыло, дивизія Леграна (принадлежащая къ корпусу Сульта), и часть корпуса Даву (пѣхотная дивизія Фріана и кавалерійская Бурсье), первая на высотахъ позади Кобельница, Сокольница и Тельница, занимая эти селенія, другая нѣсколько назади, у Отмарау и Клейнъ-Регерна; резервы, то есть, десять баталіоновъ гвардіи (маршалъ Бессьеръ) и столько же гренадеровъ генерала Удино (подъ начальствомъ Дюрока), на высотахъ позади Шлапаница и Бѣловицы. Въ союзной арміи считалось 68.000 пѣхоты и 17.000 конницы; французская превосходила это число двадцатью пятью тысячами человѣкъ. Наполеонъ лишь-только узналъ о прибытіи къ союзной арміи Россійскаго Императора, какъ отправилъ генералъ-адъютанта своего Савари поздравить Его Величество съ пріѣздомъ. Савари возвратился въ то самое время, когда Наполеонъ обозрѣвалъ часть непріятельской позиціи. Онъ не могъ довольно нахвалиться милостивымъ обхожденіемъ и привѣтливостію Русскаго Монарха и Его Высочества Великаго Князя Константина Павловича.

Еще 27 ноября, русскіе двинулись къ Вишау, и нечаяннымъ нападеніемъ взяли въ плѣнъ передовой французскій постъ. Вслѣдъ за тѣмъ Императоръ Александръ присылалъ къ Наполеону генералъ-адъютанта своего князя Долгорукова съ

нѣкоторыми предложеніями, которыя, однако же, не имѣли успѣха.

Наполеонъ, наблюдая 1 декабря движенія союзниковъ съ праценскихъ высотъ и съ бозеницкой горы, рѣшился напасть на нихъ на другой день, во время самаго движенія, и тогда же сообщилъ свой планъ дѣйствія всей арміи; онъ издалъ воззваніе къ своему войску, въ которомъ, между прочимъ говорилъ: « Воины! непріятель хочетъ обойти насъ справа, но онъ обнаружитъ свой флангъ... Я самъ направлю на него

ваши удары... Побѣда несомнѣнна... она окончитъ войну миромъ, достойнымъ моего народа, достойнымъ меня и васъ.»

Между-тѣмъ союзники двигалися фланговымъ маршемъ въ лѣво. Французы выжидали дальнѣйшаго развитія ихъ движенія.

Вечеромъ, Наполеонъ пожелалъ инкогнито обойти всѣ бивуаки своихъ войскъ; но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ узнанъ, и невозможно описать восторга, съ которымъ приняли его воины. Тысячи пучковъ соломы были воткнуты и зажжены на тысячахъ жердей, чтобы поздравить великаго вождя съ наступленіемъ перваго годичнаго праздника его коронованія.

Возвратясь въ свой бивуакъ, наскоро построенный гренадерами, Наполеонъ сказалъ: «Вотъ лучшій вечеръ въ моей жизни.»

Втораго числа декабря, императоръ сѣлъ верхомъ въ часъ по полуночи, чтобы обозрѣть огни непріятельскихъ бивуакъ, и узнать отъ своихъ передовыхъ постовъ, нѣтъ-ли какихъ новыхъ свѣденій о распоряженіи союзниковъ.

Наконецъ разсвѣло. Императоръ, окруженный всѣми своими маршалами, отдалъ имъ послѣднія приказанія, и всѣ, во весь галопъ, поскакали, каждый къ своему мѣсту.

Битва подъ Аустерлицемъ.

Лѣвое крыло союзниковъ, выступивъ на разсвѣтѣ, спустилась тремя колоннами къ ржишкому ручью. Корпуса Кинмейера и Дохтурова, овладѣвъ Тельницомъ, выстроились на противолежащихъ высотахъ; графъ Ланжеронъ, взявъ Со-

кольницъ, дебушировалъ изъ него съ праваго флангу Дохтурова; генералъ Пржибышевскій приблизился къ Сокольниц-

кому за̀мку. Въ восемь съ половиною часовъ утра, яркое осеннее солнце освѣтило поле битвы, и показало императору, что важныя праценскія высоты, оставленныя лѣвымъ крыломъ союзниковъ, еще не были заняты ихъ центромъ, медленно приближавшимся со стороны Крженевица, между-тѣмъ какъ конница Лихтенштейна принимала отъ нихъ вправо, а русская гвардія спускалась съ аустерлицкихъ высотъ.

Увидѣвъ все это, Наполеонъ вскричалъ: « Непріятель самъ предается въ наши руки; рѣшимъ войну громовымъ ударомъ! » и приказалъ произвесть общее нападеніе. Французскіе центръ и резервъ свертываются въ колонны; Сультъ, съ дивизіями Вандама и Сентъ-Илера, устремляется къ праценскимъ вы-

сотамъ; Бернадотъ поддерживаетъ его, направлясь на Блазевицъ; Мюратъ и Каффарелли наступаютъ къ селеніямъ Кругу и Голубицу; гвардія и гренадеры слѣдуютъ за Сультомъ и Бернадотомъ. Въ то же самое время, Даву, занявъ высоты у Сокольница и Отмарау, останавливаетъ Буксгевдена; Ланнъ, съ дивизіею Сюшè удерживаетъ Багратіона. Русскій генералъ Милорадовичъ, выстроивъ поспѣшно свою дивизію, бросился-было на встрѣчу маршалу Сульту, но былъ принужденъ отступить; праценскія высоты заняты Французами, и на нихъ немедленно устроены сильныя батареи, которыя начали громить. Непріятельскій центръ отступилъ за рѣчку Цитаву. Линія союзниковъ прорвана.

Однако же, русскій гвардейскій уланскій полкъ бросился въ атаку на легкую кавалерію Келлермана, опрокинулъ ее и гналъ до кирасировъ; но атакованный въ свою очередъ ки-

расирами, и взятый во флангъ дивизіями Ривò и Каффарелли, былъ опрокинутъ.

Въ этомъ чрезвычайно опасномъ положеніи русско-австрійской арміи, завязался упорнѣйшій бой между корпусомъ Бернадота и русской пѣшей гвардіей, между-тѣмъ какъ русскій же гвардейскій конный полкъ, напавъ на лѣвый флангъ Вандама, врубился въ карен четвертаго линейнаго полка и овладѣлъ его орломъ. Наполеонъ тотчасъ же подкрѣпилъ Бернадота гвардейскою конницею Бессіера. Русская гвардія отступила къ Крженевицу, а потомъ на аустерлицкія высоты. Дивизія князя Багратіона обойдена дивизіею Каффарелли, а Ланнъ, прорѣзавъ непріятельскую линію, и отбросивъ часть ея къ Крженевицу, принудилъ остальную отступить къ Рауспицу и потомъ къ Аустерлицу. Это движеніе открыло французамъ дорогу въ Ольмюцъ, и они захватили бóльшую часть обозу. Между-тѣмъ графъ Буксгевденъ продолжалъ усиливаться овладѣть соколопицкими высотами. Тогда Наполеонъ, разбивъ центръ союзниковъ, приказалъ Сульту занять дивизіею Вандама селеніе Ауэздъ, лежащее на берегу Сачанскаго озера, а дивизіи Сентъ-Илера, поддержанной резервами, атаковать Буксгевдена. Участь лѣваго крыла союзниковъ вскорѣ была рѣшена, и многіе изъ Русскихъ потонули въ озерѣ.

Генералъ Дохтуровъ, слѣдуя за Ланжерономъ, поворотилъ тогда обратно въ Тельницъ, и упорной защитою этаго селенія однимъ полкомъ, далъ время, какъ своей дивизіи, такъ и авангарду Кинмейера, пробраться къ Отницу и Милешевицу, причемъ однако же французскія войска овладѣли немногими орудіями.

Вся потеря союзниковъ въ этотъ достопамятный день простиралась до 25,000 человѣкъ и осьмидесяти орудій. Французы лишились до 10,000 человѣкъ. Побѣда подъ Аустерлицемъ принадлежитъ къ числу самыхъ блистательныхъ побѣдъ Наполеона. Но Русскіе не остались въ долгу: чрезъ семь лѣтъ потомъ они отплатили ему на славу!!...

Третьяго числа, на утренней зарѣ, князь Лихтенштейнъ, главнокомандующій австрійскихъ войскъ, явился къ импе-

ратору въ главную квартиру, подъ которую былъ запятъ простой сѣновалъ. Они долго оставались на-единѣ. Между-

тѣмъ союзники продолжали отступать отъ Аустерлица по гедингской дорогѣ, а Французы быстро ихъ преслѣдовали.

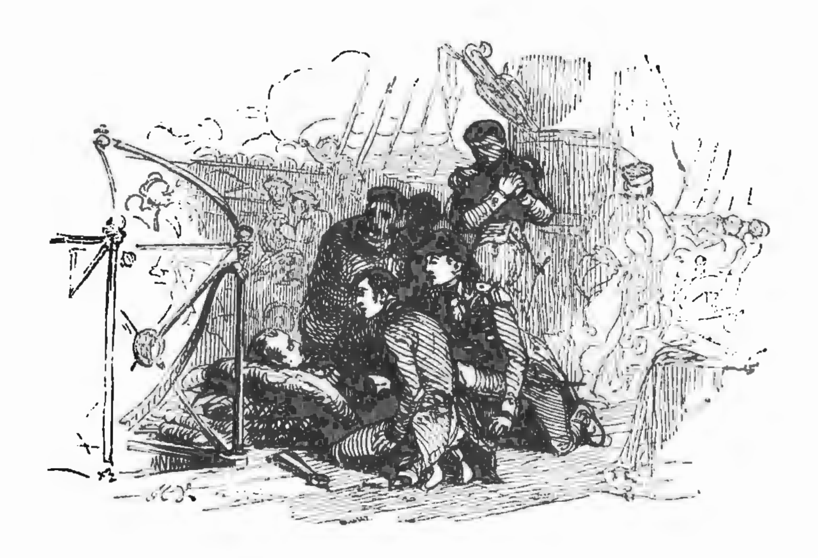

ГЛАВА XX.

Морская битва при Трафальгарѣ. Пресбургскій миръ. Война съ Неаполемъ. Возведеніе баварскаго и виртембергскаго курфиршествъ на степень королевствъ. Возвращеніе Наполеона во Францію.

Между-тѣмъ война Франціи съ Англіею продолжалась. Нельсонъ, въ знаменитомъ морскомъ сраженіи при Трафальгарѣ, на южномъ берегѣ Испаніи, уничтожилъ соединенный французскій и испанскій флоты, но заплатилъ жизнію за одержанную побѣду.

Извѣстіе объ истребленіи флота глубоко опечалило императора. Онъ видѣлъ, что этотъ случай на долго оставитъ за Англичанами владычество надъ морями, и потому еще болѣе сталъ стараться вредить имъ на сушѣ, или въ лицѣ ихъ союзниковъ, или стѣсненіемъ ихъ колоніяльной торговли. Говоря впослѣдствіи о трафалгарской битвѣ, Наполеонъ сказалъ: «Я никогда не переставалъ отъискивать человѣка способнаго къ морскому дѣлу, однако же всѣ усилія мои остались тщетными, и я не могъ ни какимъ образомъ найти такого человѣка. Въ этомъ родѣ службы есть такія особенности, такая техника, что всѣ мои соображенія не удавались.... Встрѣть я кого-нибудь, кто бы съумѣлъ отгадать и привесть въ исполненіе мои мысли, чего бы мы съ нимъ не сдѣлали! Но во все продолженіе моего царствованія у меня не нашлось геніяльнаго моряка.»

На другой день послѣ аустерлицкой битвы, императоръ австрійскій предложилъ Наполеону, черезъ князя Лихтенштейна, имѣть съ нимъ свиданіе, и оно послѣдовало въ тотъ же день въ лагерной палаткѣ побѣдителя.

— « Вотъ уже два мѣсяца какъ я не знаю другаго дворца, кромѣ того, въ которомъ принимаю ваше величество, » сказалъ Наполеонъ встрѣчая императора Франца.

— « Вы извлекаете изъ него такія выгоды, отвѣчалъ тотъ съ усмѣшкою: что онъ долженъ вамъ нравиться. »

Въ нѣсколько часовъ заключено перемиріе, и условлены главнѣйшія статьи мира.

Когда императоръ австрійскій поѣхалъ обратно, Наполеонъ проводилъ его до кареты, и отправилъ съ нимъ, для переговоровъ съ Всероссійскимъ Императоромъ, генералъ-адъютанта своего Савари.

Перемиріе, условленное 3 декабря австрійскимъ и французскимъ императорами, шестаго подписано маршаломъ Бертіе и княземъ Лихтенштейномъ. Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ издалъ два декрета: однимъ назначались пенсіоны вдовамъ и дѣтямъ всѣхъ, безъ исключенія, воиновъ павшихъ въ аустерлицкомъ сраженіи; другимъ повелѣно расплавить отбитыя у непріятеля въ этомъ дѣлѣ пушки и слить изъ нихъ колонну, которую

и поставить на Вандомской площади. Спустя нѣсколько времени воспослѣдовалъ еще, третій, декретъ, повелѣвающій дѣтей генераловъ, офицеровъ и солдатъ, убитыхъ подъ Аустерлицомъ, содержать и воспитывать на казенный счетъ, и къ имени и фамиліи каждаго изъ нихъ прибавить имя Наполеонъ.

Главная квартира перенесена въ Брюнъ. Здѣсь Наполеонъ велѣлъ представить къ себѣ русскаго кавалергардскаго полковника князя Репнина, и сказалъ: «Я не желаю лишать Россійскаго Императора такихъ храбрыхъ людей какъ воины Его мужественной гвардіи: соберите ихъ всѣхъ и возвратитесь съ ними въ отечество.»

Тринадцатаго декабря Наполеонъ снова переѣхалъ въ Шёнбруннъ, гдѣ принималъ депутацію меровъ Парижа, которымъ возвѣстилъ о скоромъ заключеніи мира, и отдалъ знамена, отбитыя у непріятеля, для украшенія ими Парижскаго собора Богородицы.

Въ бытность свою въ Шёнбруннѣ, императоръ, дѣлая смотръ войску и приблизясь къ первому батальону четвертаго линѣйнаго полка, у котораго Русскіе, во время аустерлицкаго сраженія отбили орелъ, вскричалъ: «Солдаты, гдѣ орелъ, который я ввѣрилъ вамъ? Вы клялись, что онъ для васъ будетъ всегда пунктомъ соединенія, и что за него вы положите свои головы. Какъ сдержали вы вашу клятву?» Батальонный командиръ отвѣчалъ, что они, за дымомъ, не примѣтили, какъ былъ убитъ знаменосецъ, и потому не могли защитить своего орла. Наполеонъ заставилъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ присягнуть въ томъ, что ихъ батальонный командиръ говоритъ правду, и далъ имъ другаго орла.

Наконецъ, 26 декабря, въ Пресбургѣ подписанъ миръ, которымъ венеціянскія владѣнія присоединены къ италіянскому королевству, а курфиршества баварское и виртембергское возведены въ достоинство королевствъ. Наполеонъ извѣстилъ армію объ этихъ событіяхъ прокламаціей отъ 27 числа, въ которой, между прочимъ, было сказано: « Въ Парижѣ, въ первыхъ числахъ мая, я устрою большое празднество, и приглашу всѣхъ моихъ воиновъ принять въ немъ участіе, а потомъ, пойдемъ туда, куда призовутъ насъ слава и пользы отече-

ства.... Мы не забудемъ также воздать и должныхъ почестей нашимъ товарищамъ, павшимъ на поляхъ чести въ двѣ послѣднія кампаніи, и свѣтъ увидитъ, что мы готовы слѣдовать ихъ примѣру.... »

Все это, конечно, шарлатанизмъ; но такого роду рѣчь всесильна надъ сердцемъ солдата, и вотъ одна изъ причинъ, по которымъ Наполеонъ былъ такъ любимъ своими воинами.

Прощальныя слова, обращенныя Наполеономъ къ столицѣ Австріи, заслуживаютъ тоже быть сохраненными на страницахъ исторіи.

« Жители Вѣны, говорилъ онъ, я мало показывался между вами, но это не отъ презрѣнія или суетной гордости, а только потому что не желалъ ни сколько отвлекать васъ отъ чувства обязанностей вашихъ къ монарху, съ которымъ готовился заключить миръ. Оставляя васъ, прошу принять какъ доказательство моего уваженія, вашъ арсеналъ, сохраненный въ совершенной цѣлости, и, по законамъ войны, принадле-

жащій мнѣ: пользуйтесь имъ для всегдашняго охраненія порядку. Всѣ претерпѣнныя вами бѣдствія считайте неминуемымъ слѣдствіемъ всякой войны, а на снисхожденія моихъ войскъ при разныхъ случаяхъ, смотрите какъ на знакъ заслуженнаго вами уваженія. »

Едва была обнародована эта прокламація, какъ въ тотъ же самый день, 27 декабря, послѣдовала другая, объявляющая войну Франціи съ неаполитанскимъ королевствомъ, которое, вопреки существующимъ договорамъ, открыло свои порты Англичанамъ.

« Воины, говорилъ Наполеонъ въ этой прокламаціи: идите въ Италію, и скорѣе извѣстите меня, что она вся покорна моей власти, или власти моихъ союзниковъ. »

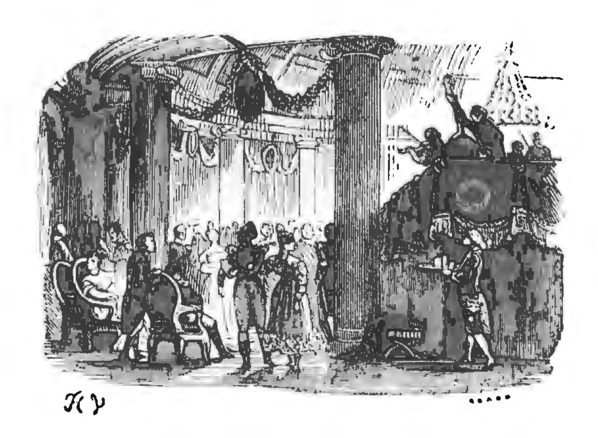
Италіянская армія, приведенная побѣдами Массены къ границамъ Австріи, достойно исполнила ожиданія императора, и быстро заняла неаполитанское королевство. Генералъ Сенъ-Сиръ занялъ Неаполь, и царствующая королева лишилась престола.

Прежде еще отъѣзду своего изъ Вѣны, Наполеонъ призывалъ къ себѣ Гаугвица, повѣреннаго въ дѣлахъ Пруссіи, и рѣзко изъявилъ ему крайнее неудовольствіе на то, что въ

Ганноверѣ находится тридцати-тысячный корпусъ русскихъ войскъ. Гаугвицъ, въ отвращеніе непріятностей, оказалъ себя расположеннымъ приступить къ трактату, на основаніяхъ, предложенныхъ Таллераномъ, и подписалъ договоръ, по которому Пруссія уступала Франціи Ганноверъ, а въ замѣнъ получала маркграфства Байрёйтское и Аншпахское. Но тѣмъ самымъ временемъ въ Берлинѣ шли другіе переговоры между Гарденбергомъ и лондонскимъ кабинетомъ. Мы скоро увидимъ послѣдствія этой двойной дипломатики.

Возвращаясь въ Парижъ, Наполеонъ провелъ нѣсколько дней въ Мюнхенѣ, по случаю бракосочетанія принца Евгенія съ дочерью короля баварскаго, и оттуда послалъ французскому сенату декретъ, которымъ усыновлялъ принца Евгенія и назначалъ его, послѣ своей смерти, наслѣдникомъ италіянскаго королевства, въ случаѣ если не будетъ имѣть наслѣдника по прямой линіи.

Бракосочетаніе принца совершено 15 января 1805, въ Мюнхенѣ. Наполеонъ и императрица Жозефина присутствовали при церемоніи и на пиршествахъ, данныхъ по этому случаю баварскимъ дворомъ.

Тѣмъ временемъ какъ императоръ пребывалъ въ Баваріи, высшія сословія Франціи и народъ Парижа готовились сдѣлать ему достойную встрѣчу въ столицѣ.

Перваго января 1806 года, знамена, присланныя императоромъ сенату, были перенесены въ Люксембургъ, въ сопровожденіи военной музыки и части парижскаго гарнизона.

Архиканцлеръ и всѣ министры присутствовали при торжественномъ засѣданіи сената, который опредѣлилъ:

1. Воздвигнуть Наполеону-Великому тріумфальный монументъ;

2. Сенату, въ полномъ собраніи, выйти навстрѣчу его величества и принесть императору свидѣтельства удивленія, признательности и преданности къ нему всей націи;

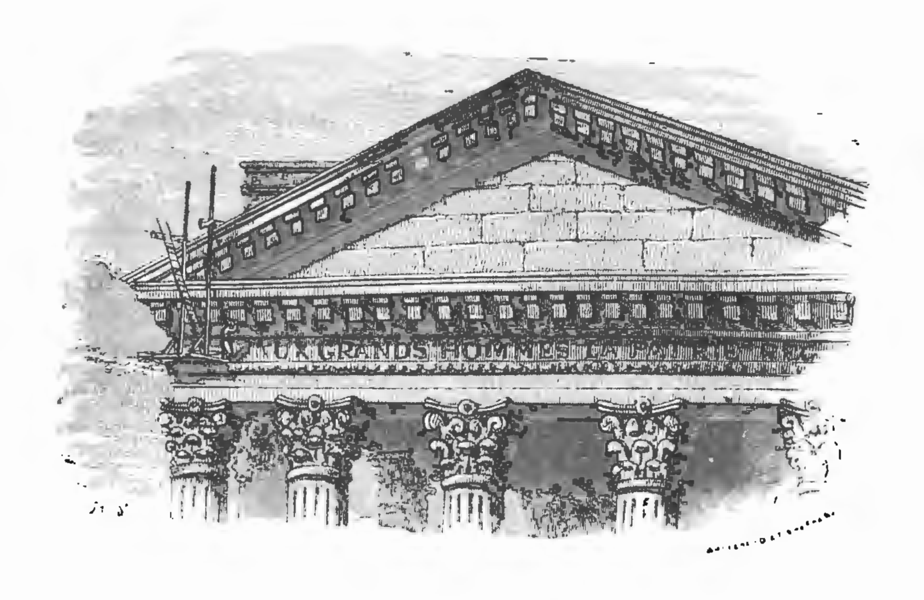
3. Письмо императора къ сенату, писанное изъ Эльхингена отъ 26 вендеміера XIV года, начертить на мраморныхъ доскахъ, которыя поставить въ залѣ собранія сената;

4. Подъ этимъ письмомъ прибавить:

« Пятьдесять четыре знамя, присланныя его величествомъ, поставлены въ этой залѣ въ среду, 1 января 1806 года. »

Знамена, назначенныя для украшенія парижскаго собора Богоматери, торжественно приняты духовенствомъ и внесены въ церковъ 19 января.

ГЛАВА XXI.

Признаніе Наполеона Оттоманскою Портою въ достоинствѣ императора. Пантеонъ возвращенъ своему первоначальному назначенію. Возобновленіе аббатства святаго Діонисія. Открытіе Законодательнаго Собранія. Общенародныя работы. Гражданское уложеніе. Императорскій университетъ. Французскій банкъ. Положенія объ императорской фамиліи. Іосифъ Бонапарте, король неаполитанскій. Мюратъ, великій-герцогъ бергскій. Людвигъ Бонапарте, король голландскій. Основаніе Рейнскаго Союзу. Собраніе въ Парижѣ Великаго Сангедрина. Трактатъ съ Портою. Переговоры о заключеніи всеобщаго мира. Смерть Фокса.

Императоръ и императрица Жозефина возвратились въ Парижъ 26 января, и народъ встрѣтилъ ихъ съ изъявленіями живѣйшаго восторга. Народныя пиршества смѣнялись одно другимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

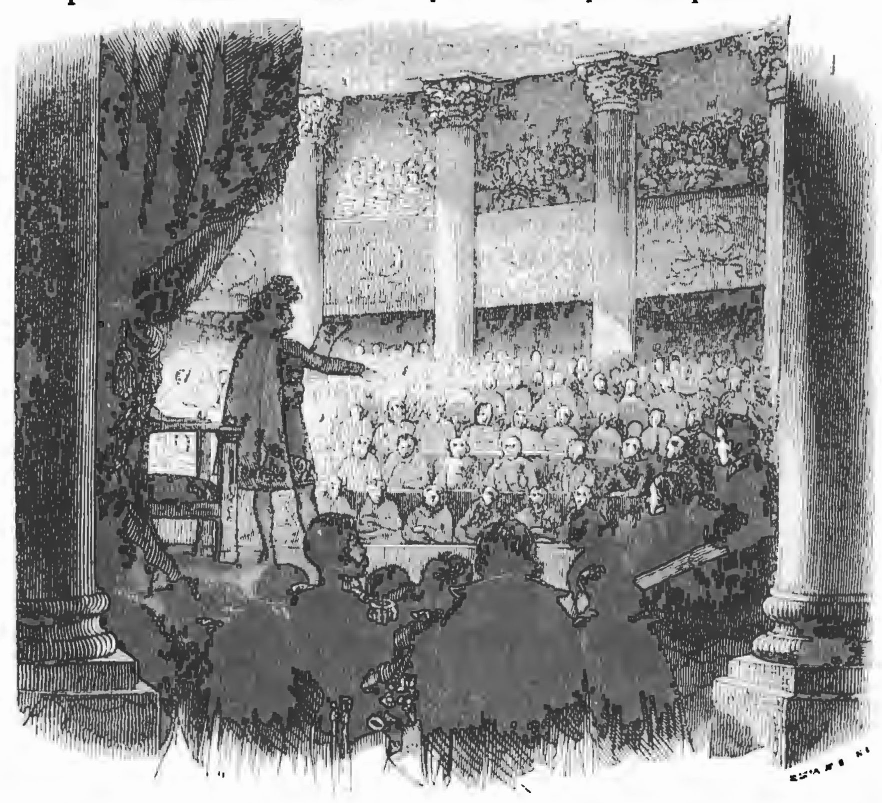
Наполеону черезвычайно желалось, чтобы всѣ державы признали его въ достоинствѣ императора Французовъ; его гордость и самолюбіе сопрягали съ признаніемъ за нимъ этого титула величайшую важность, и онъ сильно огорчился, когда Императоръ Всероссійскій, въ письмѣ къ нему, по примѣру

англійскаго короля, просто назвалъ его «главою французскаго правительства.» Но въ это же время Наполеонъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что наконецъ Султанъ Селимъ III оффиціально призналъ его императоромъ.

Декретомъ отъ 20 февраля 1806, Пантеонъ возвращенъ своему первобытному назначенію, и снова сталъ храмомъ Божіимъ. Тотъ же самый декретъ повелѣвалъ возобновленіе погребальнаго мѣста королей, аббатства Святаго Діонисія.

Такимъ-то образомъ Наполеонъ уже явно перестАлъ щадить филисофическія и демократическія идеи націи, и этимъ декретомъ уже выражалось полное его возвращеніе къ идеямъ религіознымъ и монархическимъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія декрета отъ 20 февраля, начались новыя засѣданія Законодательнаго Собранія. Наполеонъ лично открылъ ихъ тронною рѣчью.

Министры отдали отчеты о положеніи имперіи, и представили ея благосостояніе болѣе и болѣе возрастающимъ. На всемъ пространствѣ государства, которое въ ту пору заключало въ себѣ сто десять департаментовъ, не считая Голландіи, венеціянской области и италіянскаго королевства, были проложены новыя дороги, проведены каналы, устроены мосты и зданія для разныхъ полезныхъ назначеній. Министръ внутренныхъ дѣлъ исчислилъ всѣ новыя пути сообщенія, предположенныя къ открытію, прибавилъ, что правительство не замедлитъ заняться и улучшеніемъ дорогъ проселочныхъ; а господинъ Шампаньи представилъ обзоръ новыхъ зданій, украсившихъ столицу.

Во время этого засѣданія, Законодательное Собраніе утвердило новое гражданское уложеніе, о которомъ министръ внутреннихъ дѣлъ очень умно замѣтилъ: «Конечно, и въ этомъ уложеніи найдутся несовершенства; но, по-крайней мѣрѣ, въ немъ ихъ будетъ меньше чѣмъ въ прежнихъ.»

Къ этой же эпохѣ относится и основаніе императортскаго университета. Причины этого важнаго учрежденія объяснены знаменитымъ Фуркруа.

Установленіе французскаго банка облечено также законною формою, по представленію Реньо де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, и засѣданія закрыты рѣчью господина Жобера, 12 мая 1806, въ которой, между прочимъ, сказано:

« Его величество бросилъ глубокій взоръ на разныя части финансовой системы.

« Его Величество сообразилъ натуру почвъ, исчислилъ способы и средства, которые движеніе внѣшней торговли должно доставить землепашцамъ и торговому классу народа.

« Его величество внялъ также общимъ представленіямъ противъ таксы на содержаніе дорогъ, и изволилъ сказать:

« Сборъ дорожныхъ податей отмѣненъ;

« Заставы снимаются;

« Косвенные налоги, тщательнѣйше соображенные съ положеніемъ Франціи, обезпечатъ издержки, необходимыя по администраціи. »

Это было учрежденіе такъ называемыхъ « соединенныхъ налоговъ. » Очевидно, что Наполеонъ, слѣдуя видамъ своей

политики, хотѣлъ привлечь къ себѣ богатыхъ владѣльцевъ помѣстій, мѣрою противною выгодамъ большинства народонаселенія, на которое, естественно, должна была окончательно упасть вся масса косвенныхъ налоговъ. Такія распоряженія должны были необходимо, если не сейчасъ, то со временемъ, охладить къ нему народное благорасположеніе; и когда пріидутъ дни, въ которые счастье, по волѣ Промысла, отвратитъ отъ Наполеона свое лицо, мы увидимъ, что въ числѣ обѣщаній, дѣлаемыхъ въ то время народу, будетъ упомянуто и объ уничтоженіи «соединенныхъ налоговъ!»

Наполеонъ имѣлъ слишкомъ много логики, чтобы не примѣнить къ ней всѣхъ своихъ дѣйствій по части возсозданія монархической власти. Что онъ сдѣлалъ для себя, какъ глава правительства, то сдѣлалъ и для своихъ родственниковъ и приближенныхъ. Сенату, въ засѣданіе 31 марта 1806, были предложены учрежденія объ императорской фамиліи, опредѣляющія положеніе принцевъ и принцессъ императорскаго дому; возводящія на степень герцогствъ и наслѣдственныхъ владѣній Далмацію, Истрію, и другія области; призывающія Іосифа-Наполеона Бонапарте на тронъ неаполитанскаго королевства; предоставляющія Мюрату, зятю императора, верховную власть надъ герцогствами бергскимъ и клевскимъ; принцессѣ Паулинѣ надъ княжествомъ гвастальскимъ; Бертіе надъ княжествомъ нёшательскимъ, и такъ далѣе.

Изъ всѣхъ этихъ назначеній, самое замѣчательное, конечно, назначеніе Іосифа Бонапарте на неаполитанскій тронъ, съ котораго такимъ образомъ сведена вѣтвь дома Бурбоновъ, принужденная удовольствоваться владѣніемъ одной Сициліею. Это назначеніе принесло къ подошвѣ Везувія первыя сѣмена революціоннаго духа, развившагося впослѣдствіи.

Въ теченіе того же года, другой братъ Наполеона, Людвигъ Бонапарте, также увѣнчанъ королевской короною. Депутаты батавскаго народа, въ лицѣ адмирала Ферюэля (Verhuel), просили императора Французовъ, отпустить къ нимъ брата своего, принца Людвига-Наполеона, для принятія «верховнаго правительства надъ ихъ республикою» съ титуломъ короля Голландіи. «Принцъ, — сказалъ онъ ему, — царствуйте надъ этими народами. Отцы ихъ стяжали независимость не

иначе какъ при помощи Франціи. Потомъ Голландія сдѣлалась союзницей Англіи; потомъ иноземцы завладѣли ею, и она снова стала обязана Франціи своимъ существованіемъ, а вамъ пусть она будетъ обязана своими вѣнценосцами. Однако жъ не переставайте никогда быть Французомъ.»

Эти послѣднія слова заключаютъ въ себѣ сокращенное объясненіе политики Наполеона при каждомъ его насильственномъ овладѣніи сосѣдними съ Франціею странами. Его цѣлью при возведеніи на троны своихъ братьевъ, было не одно желаніе облечь свое семейство блескомъ верховной власти, соотвѣтственнымъ его собственному положенію: онъ хотѣлъ еще, чтобы сосѣдственныя монархіи, покорныя его владычеству, стали не что иное какъ области монархіи французской. И Наполеонъ шелъ къ своей цѣли не только посредствомъ раздаванія коронъ своимъ родственникамъ, но въ духѣ же этого намѣренія устраивалъ сильныя конфедераціи, которыхъ становился главою подъ именемъ протектора или медіатора. Такимъ-то образомъ, возведя курфирстовъ баварскаго и виртембергскаго въ достоинство королей, онъ захотѣлъ еще неразрывнѣе связать судьбу ихъ съ судьбами французской конфедераціи, слѣдствіемъ которой было то̀, что всѣ лучшія германскія области почти отошли къ Франціи.

Посреди всѣхъ этихъ заботъ, Наполеонъ занялся также и окончательнымъ устройствомъ государственнаго совѣта, учрежденіемъ каѳедры сельскаго хозяйства въ альфортской школѣ, заведеніемъ табуновъ лошадей, уничтоженіемъ игорныхъ домовъ во всей имперіи, и многими другими предметами внутренняго благоустройства государства. Онъ тоже обратилъ вниманіе и на Евреевъ, и декретомъ отъ 30 мая 1806, приглашалъ всѣхъ своихъ подданныхъ еврейскаго вѣроисповѣданія прислатъ въ Парижъ депутатовъ, и 26 іюля того же года, произошло въ столицѣ Франціи первое засѣданіе іудейскаго Великаго Сангедрина.

Изъ европейскихъ державъ, Наполеонъ былъ тогда въ непріязненныхъ отношеніяхъ только съ Россіей и Англіей. Съ Портою онъ заключилъ выгодный миръ, и этимъ обязанъ искусству своего посланника въ Константинополѣ, генерала Себастіани. Въ самый день аудіенціи голландскимъ депута-

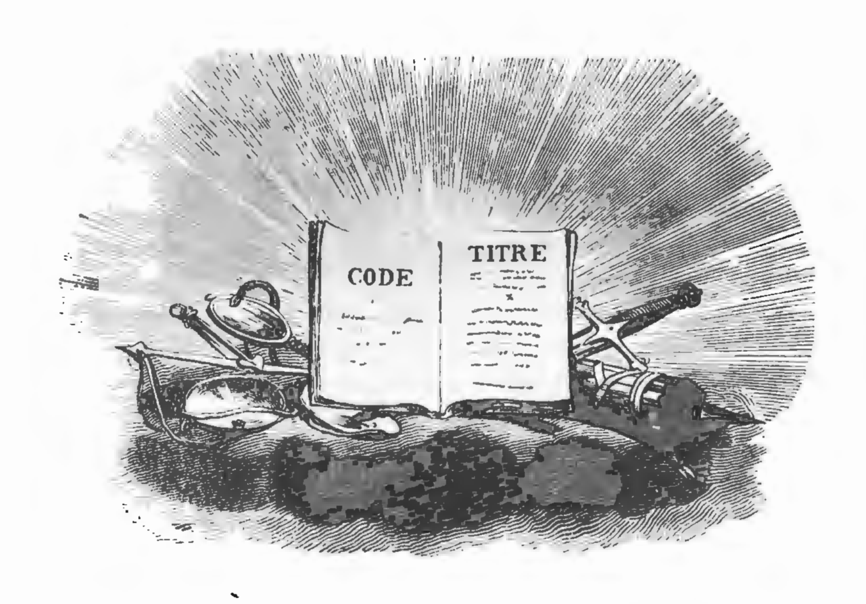
тамъ, императоръ принималъ и Мугамеда-Ефенди, чрезвычайнаго посланника Блистательной Порты, и въ тотъ же день

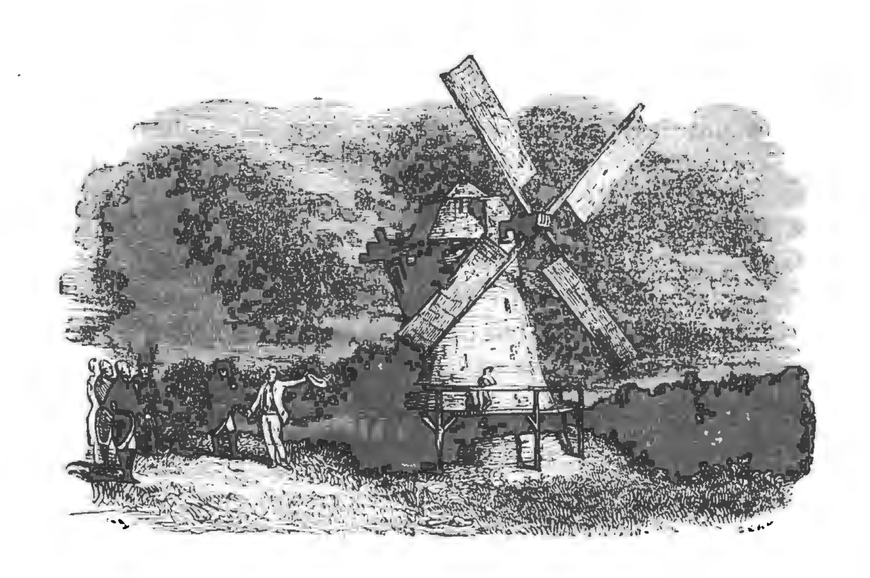

обнародованъ декретъ, отдающій княжество беневентское Таллерану, а княжество Понте-Корво Бернадоту.

Между-тѣмъ, хотя несогласія съ петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами продолжались, однако жъ можно было надѣяться, что онѣ скоро прекратятся. Смерть Питта, послѣдовавшая въ января 1806 года, и снова вступленіе Фокса въ министерство, заставляли предполагать, что политика Ве-

ликобританіи въ отношеніи къ Франціи измѣнится. Мы уже сказали, что Фоксъ и Наполеонъ уважали другъ друга. Но, къ несчастію, Фоксъ умеръ 16 сентября 1806, въ самое время переговоровъ о мирѣ, и они были прерваны.

ГЛАВА XXII.

Прусская кампанія Іенская битва. Наполеонъ въ Потсдамѣ.

После того какъ Пруссія, по убѣжденіямъ Наполеона, склонилась уступить ему Аншпахъ и получить въ замѣнъ Ганноверъ, принадлежащій Англіи, Англія и Швеція, союзница Великобританіи, объявили Пруссіи войну.

Императоръ Всероссійскій, который, послѣ пораженій претерпѣнныхъ Австріею, считалъ Пруссію единственнымъ оплотомъ своей имперіи противъ Франціи, былъ озабоченъ ея положеніемъ, и вознамѣрился еще разъ попытатся о сохраненіи мира на твердой землѣ. По этому случаю Его Величество отправилъ въ Парижъ чиновника для переговоровъ, ко-

торому повелѣлъ, однако жъ, не заключать съ французскимъ правительствомъ ни какихъ условій безъ участія находившихся тогда въ Парижѣ англійскихъ полномочныхъ, потому что Императоръ Всероссійскій условился съ королемъ Великобританіи дѣйствовать за-одно. Совсѣмъ тѣмъ, русскій посланный, несмотря на данныя ему точныя и опредѣлительныя наставленія, не снесся съ англійскими уполномоченными, и, безъ вѣдома ихъ, подписалъ, 20 іюля 1806, договоръ между Россіей и Франціей. Разумѣется, что этого одного уже было достаточно для того чтобы Всероссійскій Императоръ не призналъ договора, въ которомъ притомъ нашлись статьи, по мнѣнію Его Величества Государя Императора Александра I, не совмѣстныя съ достоинствомъ Его державы. Взаимныя отношенія Россіи къ Франціи продолжали оставаться въ очень сомнительномъ положеніи.

Доведя Пруссію до весьма затруднительнаго состоянія, Наполеонъ не упускалъ и случая имъ пользоваться. Его требованія становились бо̀льше и бо̀льше, такъ, что король прусскій, увидѣвъ наконецъ, что часть его владѣній окружена французскими войсками, а другой угрожаетъ ихъ вторженіе, объявилъ, что не хочетъ долѣе сносить утѣсненій со стороны Наполеона, и станетъ всѣми своими средствами защитать права и независимость своей державы, если не получитъ, въ опредѣленный срокъ, требуемаго удовлетворенія.

Наполеонъ, узнавъ расположеніе прусскаго короля, извѣстилъ о томъ Рейнскій Союзъ, и, 21 сентября 1806, писалъ къ баварскому королю, требуя вооружить извѣстное число вспомогательныхъ войскъ, по условіямъ трактата, заключеннаго 12 іюля.

Черезъ три дня потомъ, императоръ, вмѣстѣ съ императрицею Жозефиной, оставилъ Сенъ-Клу и направился къ границамъ Германіи. Наполеонъ пріѣхалъ 28 въ Майнцъ, гдѣ растался съ супругою, и получивъ 30 числа извѣстіе, что Вюрцбургскій курфирстъ приступилъ къ Рейнскому Союзу, 1 октября перешагнулъ за Рейнъ. Шестаго числа его главная квартира находилась въ Бамбергѣ.

Седьмаго октября Наполеонъ получилъ письмо короля прусскаго, въ которомъ были исчислены всѣ поводы къ войнѣ,

поданныя Франціей. Къ этому письму была тоже приложена и извѣстная нота господина Кнобельсдорфа, прочитавъ которую, императоръ сказалъ, обращаясь къ Бертіе:

« Ну, маршалъ, намъ назначаютъ свиданіе къ осьмому числу. Дѣлать нечего! Французы никогда не отказывались отъ принятія вызова; но, смотрите же, будемъ какъ-можно вежливѣе, потому что, говорятъ, при сраженіи будетъ присутствовать сама королева. Идемъ, не отдыхая, въ Саксонію! »

Наполеонъ намекалъ на Ея Величество прусскую королеву, которая, дѣйствительно, находилась при своей арміи.

Осьмаго октября императоръ, въ три часа утра, выступилъ изъ Бамберга, перешелъ въ день лѣсомъ Франконію, и 9, подъ Шлейтцомъ, началась кампанія. Бернадотъ овладѣлъ этимъ

селеніемъ, послѣ боя съ десяти-тысячнымъ отрядомъ непріятелей.

Мюратъ тоже принималъ участіе въ этомъ сраженіи, и, съ саблей на-голо, водилъ въ аттаку свою кавалерію.

Десятаго числа происходила заальфельденская битва, между лѣвымъ крыломъ французской арміи, подъ командою маршала Ланна, и авангардомъ войскъ принца Гогенлоэ, подъ командою принца Лудвига прусскаго, который убитъ въ этомъ сраженіи. Принцъ Лудвигъ былъ любимъ своими воинами, и желалъ сердечно возстановить древнюю военную славу отечества. Онъ былъ юноша отлично мужественный и храбрый. Содрогаясь при одной мысли оставить постъ себѣ ввѣренный, онъ принялъ сраженіе, невзирая на превосходство французскихъ силъ, имѣвшихъ притомъ на своей сторонѣ всѣ выгоды позиціи, и сдѣлался жертвою своихъ благородныхъ усилій удержать и соединить нѣкоторыхъ убѣгавшихъ. Одинъ гусаръ, по имени

Гендѐ (Guindet), предложилъ принцу сдаться, но видя, что принцъ, вмѣсто всякаго отвѣту приготовляется къ оборонѣ, нанесъ ему смертельный ударъ.

Уже 12 числа передовые французскіе отряды были у воротъ Лейпцига, а главная квартира императора въ Герѣ. Вслѣдъ за тѣмъ произошла знаменитая битва іенская, которая такъ описана въ пятомъ бюллетенѣ большой арміи.

Іенское сраженіе.

« Іенская битва окупила рорбахское пораженіе и, въ семь дней, положила конецъ кампаніи....

«Пруссаки намѣревались начать военныя дѣйствія 9 октября, дебушируя своимъ правымъ крыломъ на Франкфуртъ, лѣвымъ на Бамбергъ, а центромъ на Вюрцбургъ; всѣ дивизіи прусской арміи были уже готовы исполнить этотъ планъ, какъ Французы, обойдя ихъ слѣва, въ нѣсколько дней заняли Заальбургъ, Лабенштейнъ, Шлейцъ, Геру и Наумбургъ. Прусская армія, будучи обойдена, употребила 9-е, 10-е, 11-е и 12-е числа октября, на сосредоточеніе всѣхъ своихъ корпусовъ, и 13-го выстроилась въ боевый порядокъ между Капельсдорфомъ и Ауэрштетомъ; она состояла изъ стапятидесяти тысячъ человѣкъ.

« Тринадцатаго, въ два часа по-полудни, императоръ прибылъ въ Іену, и, помѣстясь на небольшой возвышенности, занятой нашимъ авангардомъ, сдѣлалъ наблюденія надъ движеніями непріятеля, который, казалось, готовился на слѣдующій день аттаковать и занять всѣ выходы на рѣкѣ Заале. Непріятель, въ большихъ силахъ и при совершенно крѣпкой позиціи, охранялъ дорогу отъ Іены въ Веймаръ, и, казалось, полагалъ, что Французы не могутъ дебушировать въ долину, не прорвавшись сначала черезъ этотъ пунктъ. И въ самомъ дѣлѣ, можно было считать невозможнымъ поставить артиллерію на той небольшой возвышенности, о которой мы упомянули, и на которой едва едва могли бы развернуться четыре баталіона. Однако жъ, велѣно было въ продолженіе цѣлой ночи пробивать дорогу въ каменной почвѣ, и артиллерію, кое-какъ, успѣли поставить на возвышеніи.

« Маршалъ Даву получилъ повелѣніе дебушировать на Наумбургъ, чтобы защищать кёзенскіе дефилеи, если непріятель захочетъ идти на Наумбургъ, или направиться на Альподу, чтобы захватить его съ тылу, если расположится оставаться на теперешней своей позиціи.

« Корпусу маршала князя Понтекорво (нынѣшняго короля шведскаго) назначено дебушировать на Дорнбургъ, затѣмъ чтобы тоже взять непріятеля въ тылъ если онъ пойдетъ на Наумбургъ, и въ томъ случаѣ, если обратится на Іену.

« Тяжелая кавалерія, которая нѣсколько отстала отъ арміи, не могла прибыть ранѣе какъ въ полдень, а кавалерія императорской гвардіи, какимъ бы ни шла форсированнымъ

маршемъ, всё-еще была на разстояніи тридцати шести часовъ пути. Но въ военное время встрѣчаются случаи, при которыхъ не должно сравнивать никакихъ выгодъ, съ выгодою предупредить непріятеля и самому первому напасть на него. Наполеонъ приказалъ поставить, на возвышенности занятой его авангардомъ, насупротивъ которой находилась непріятельская позиція, весь корпусъ маршала Ланна, по дивизіи на каждое крыло. Вершина занята гвардіей, построенной маршаломъ Лефебромъ въ баталіонъ-каре. Императоръ провелъ ночь на бивуакахъ, вмѣстѣ съ своими воинами. Ночь эта представляла зрѣлище достойное наблюденія: двѣ арміи,

изъ которыхъ одна развертывала фронтъ на протяженіи шести льё, а другая, судя по огнямъ бивуакъ, была сосредоточена на самомъ маломъ пространствѣ. Огни, зажженные и тою и другою, находились другъ отъ друга на разстояніи половины пушечнаго выстрѣла, а передовыя цѣпи арміи почти сходились между собою; все, что дѣлалось въ одной, было слышно въ другой.

« Корпусы маршала Нея и Сульта шли во всю ночь. На разсвѣтѣ всѣ войска стали въ ружье. Дивизія Газана расположилась тремя линіями влѣво отъ возвышенности; дивизія Сюшѐ стала справа; императорская гвардія занимала вершину

пригорка: артиллерія всѣхъ этихъ войскъ помѣстилась въ интервалахъ. Отъ стороны города и сосѣднихъ долинъ были сдѣланы выходы, чтобы какъ-можно облегчить деплояду войскъ, которымъ не нашлось мѣста на пригоркѣ; и легко быть можетъ, что это дебушированіе цѣлой арміи на такомъ тѣсномъ пространствѣ, случалось еще впервые.

« День былъ чрезвычайно мрачный по причинѣ тумана. Императоръ проѣхалъ вдоль нѣсколькихъ линій, и говорилъ солдатамъ, чтобы они остерегались прусской кавалеріи, которая считалась весьма опасною. Онъ напомнилъ имъ, что, за годъ передъ этимъ, они взяли Ульмъ, и что теперь прусская армія, точно также какъ тогда австрійская, обойдена со всѣхъ сторонъ и потеряла свою операціонную линію и магазины; что она будетъ сражаться не изъ-за побѣды, а только длятого чтобы пробить себѣ дорогу къ отступленію; и что если который изъ французскихъ отрядовъ пропуститъ Пруссаковъ пробиться черезъ путь, ввѣренный его охраненію, то будетъ навсегда обезславленъ. На эти увѣщанія, солдаты отвѣчали крикомъ: « Впередъ! » Застрѣльщики завязали дѣло; начался живой ружейный огонь. Какъ ни сильна была позиція, занятая непріятелемъ, однако жъ онъ съ нея сбитъ, и французская армія, дебушируя въ долину, начала выстроиваться въ боевой порядокъ.

« Непріятель, имѣвшій намѣреніе аттаковать насъ тогда какъ разойдется утренній туманъ, тоже сталъ подъ ружье. Онъ отрядилъ корпусъ въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, для прикрытія Наумбурга и занятія кёзенскихъ выходовъ, но маршалъ Даву уже предупредилъ его. Два другіе прусскіе корпуса, въ осемьдесятъ тысячъ человѣкъ, пошли навстрѣчу французской арміи, дебушировавшей съ іенской возвышенности. Туманъ покрывалъ обѣ арміи въ продолженіе двухъ часовъ, наконецъ разсѣялся, и показалось свѣтлое осеннее солнце. Арміи увидѣли себя на близкій пушечный выстрѣлъ другъ отъ друга. Французское лѣвое крыло, подъ командою маршала Ожеро, опиралось на селеніе и прилегавшій лѣсъ. Императорская гвардія отдѣляла его отъ центра, въ которомъ находился маршалъ Ланъ. Правое крыло составляли войска маршала Сульта; маршалъ Ней начальствовалъ всего надъ

трехъ-тысячнымъ отрядомъ, потому что остальная часть его корпусу еще не прибыла на мѣсто.

« Непріятельская армія была многочисленна и имѣла прекрасную кавалерію. Движенія ея исполнялись быстро и правильно. Императору хотѣлось бы еще часа два не вступать въ сраженіе, для того чтобы подождать войскъ, которыя должны были подойти, а особенно кавалеріи: но дѣло уже завязалось. Нѣсколько французскихъ баталіоновъ заняли деревню Гольштедтъ, и непріятель двинулся, чтобы выгнать ихъ оттуда. Маршалу Ланну тотчасъ же было приказано итти эшелонами для поддержанія Гольштедта. Маршалъ Сультъ атаковалъ лѣсъ, который находился отъ него вправо. Непріятель сдѣлалъ движеніе съ своего праваго фланга на наше лѣвое крыло; маршалу Ожерò велѣно отражать, и, менѣе чѣмъ черезъ часъ, битва сдѣлалась общей. Отъ двухъ сотъ пятидесяти до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, и отъ семи до осьми сотъ орудій, повсюду разносили смерть и представляли зрѣлище рѣдкое въ военныхъ лѣтописяхъ.

« И та и другая армія постоянно манёврировали какъ на парадѣ. Сначала, ни въ той ни въ другой, не оказывалось ни малѣйшаго замѣшательства; но побѣда недолго оставалась нерѣшенною. Императоръ, на всякій случай, не пускалъ еще въ дѣйствіе значительныхъ силъ своего резерва.

« Маршалъ Сультъ, овладѣвъ наконецъ лѣсомъ, который непріятель твердо отстаивалъ цѣлыхъ два часа, сдѣлалъ движеніе впередъ. Въ эту самую минуту императоръ извѣстился, что дивизія резервной французской кавалеріи начинаетъ строиться, и двѣ дивизіи корпуса маршала Нея вытягиваются въ боевой порядокъ на заднеи оконечности поля сраженія. Тогда резервы немедленно подвинуты къ первой линіи, которая, будучи такимъ образомъ обезпечена, кинулась на непріятеля, и скоро принудила его къ совершенному отступленію. Сначала, въ продолженіе часа, непріятель отступалъ въ большомъ порядкѣ; но, когда подоспѣли наши драгунскія и кирасирскія дивизіи, подъ начальствомъ герцога Бергскаго, и приняли участіе въ битвѣ, то порядокъ отступленія непріятельскихъ войскъ разстроился и ряды его смѣшались, несмотря на то, что храбрая прусская пѣхота пять

разъ строилась въ каре, и употребила всѣ усилія, чтобы удержать натискъ французской кавалеріи. Такимъ образомъ преслѣдованіе непріятеля продолжалось на разстояніи шести льё, и Французы, по ихъ пятамъ, прибыли въ Веймаръ.

« Корпусъ маршала Даву, на правомъ крылѣ, дѣйствовалъ также чрезвычайно успѣшно, и не только удержалъ, но и разбилъ значительныя непріятельскія силы, которыя располагались дебушировать къ сторонѣ Кёзена.....

« Трофеями побѣды суть: отъ тридцати до сорока тысячъ плѣнныхъ; отъ двадцати-пяти до тридцати знаменъ; триста орудій и огромные запасные магазины. Въ числѣ плѣнныхъ находятся болѣе двадцати генераловъ и, между прочими, генералъ-лейтенантъ Шметтау. Непріятель потерялъ убитыми и ранеными болѣе двадцати тысячъ человѣкъ; фельдмаршалъ Моллендорфъ раненъ; герцогъ Брауншвейгскій убитъ; генералъ Блюхеръ тоже; принцъ Генрихъ прусскій опасно раненъ.

«Въ этомъ сраженіи, прусской арміи отступленіе было совершенно отрѣзано и она потеряла свою операціонную линію. Лѣвое крыло ея, преслѣдуемое маршаломъ Даву, ретировалось на Веймаръ, тѣмъ временемъ какъ правое и центръ, отходили отъ Веймара на Наумбургъ....

« Потеря съ нашей стороны простирается отъ тысячи до тысячи двухъ сотъ человѣкъ убитыми, и до трехъ тысячъ ранеными. Въ настоящую минуту, великій герцогъ Бергскій обложилъ Эрфуртъ, гдѣ находится непріятельскій корпусъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Моллендорфа и принца Оранскаго.....

« Въ пылу битвы, императоръ, завидя, что отличная прусская кавалерія угрожаетъ его пѣхотѣ, самъ поскакалъ, чтобы приказать ей построиться въ каре. Гвардія съ досадой видѣла, что стоитъ въ бездѣйствіи между-тѣмъ какъ всѣ остальныя войска принимаютъ участіе въ сраженіе. Изъ ея рядовъ послышались многіе голоса: « Впередъ! » — «Это что! вскричалъ императоръ, осаживая коня: одни только безбородые

могутъ рѣшиться давать мнѣ совѣты какъ надобно дѣйствовать; пусть подождутъ, да попробуютъ сначала предводительствовать арміей въ тридцати генеральныхъ сраженіяхъ, и тогда, пожалуй, я послушаю, что скажутъ. »

« .....Маршалъ Ланнъ получилъ контузію въ грудь. Съ маршала Даву пулей сбита шляпа, и мундиръ его прострѣленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ..... »

Въ числѣ плѣнныхъ находилось шесть тысячъ солдатъ и три ста офицеровъ Саксонцевъ. Хитрый Наполеонъ тотчасъ придумалъ извлечь изъ этого обстоятельства важную пользу, и добыть себѣ союзниковъ на берегахъ Ельбы. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ этихъ плѣнныхъ, и обѣщалъ позволить имъ немедленно возвратиться на родину, если они обяжутся честнымъ словомъ не служить болѣе противъ Франціи, говоря, что настоящее мѣсто Саксоніи въ числѣ областей Рейнскаго Союза; что Франція естественная покровительница Саксоніи, и что, наконецъ пора же воцариться въ Европѣ всеобщему миру.

Саксонцы согласились на условіе, и отпущены.

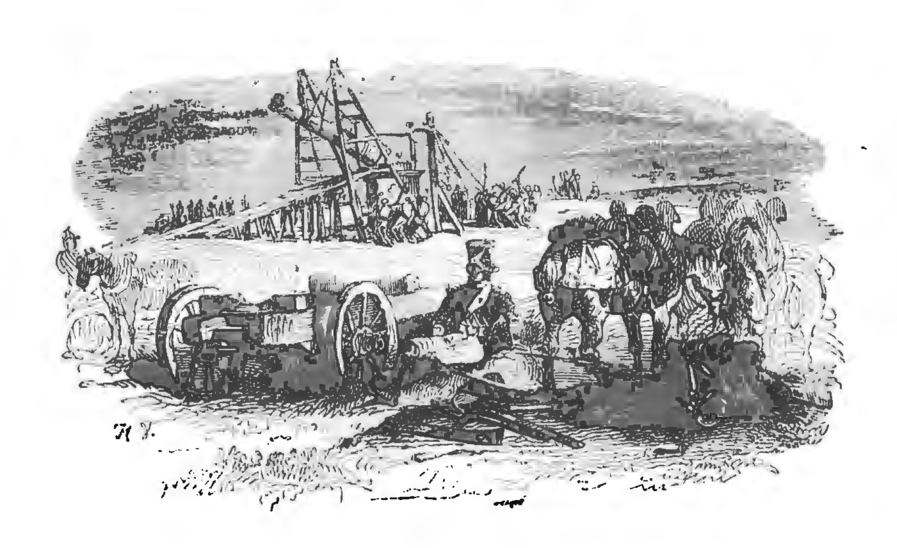
Вслѣдъ за іенскою битвою занятъ Эрфуртъ, который сдался 16 числа: Принцъ Оранскій и фельдмаршалъ Моллендорфъ взяты въ плѣнъ.

Въ тотъ же день, его величество, король прусскій, предложилъ заключить перемиріе, но Наполеонъ не согласился.

Между-тѣмъ, покуда маршалъ Сультъ быстро преслѣдовалъ десяти-тысячный корпусъ генерала Калкрейта (Kalkreuth), и 22 числа прибылъ подъ стѣны Магдебурга, Бернадотъ истребилъ въ Галлѣ непріятельскія резервы.

Императоръ, проѣзжая полемъ розбахсцаго сраженія, приказалъ перевесть въ Парижъ воздвигнутую на немъ колонну.

Сраженіе при Галлѣ происходило 17 числа. Осьмнадцатаго маршалъ Даву овладѣлъ Лейпцигомъ, а двадцать перваго остатки прусской арміи были со всѣхъ сторонъ окружены войсками Сульта и Мюрата. Тогда герцогъ Брауншвейгскій одинъ изъ жесточайшихъ враговъ Наполеона, который хотѣлъ-было, въ эпоху 1792 году, сжечь Парижъ, вступилъ въ переговоры съ императоромъ и отдалъ себя и свои владѣнія подъ его покровительство.

« Если бы мнѣ вздумалось, — сказалъ Наполеонъ посланному отъ герцога, — если бы мнѣ вздумалось приказать разрушить городъ Брауншвейгъ и не оставить въ немъ камня на камнѣ, что сказалъ бы на это вашъ государь? И однако жъ, по праву возмездія, я бы могъ это сдѣлать..... »

Но городъ и владѣнія герцога пощажены. 24, Наполеонъ прибылъ въ Потсдамъ, и въ тотъ же вечеръ прошелъ по всему дворцу Санъ-Суси, котораго расположеніе ему показалось прекраснымъ. Онъ, какъ-бы погруженный въ глубочайшую думу, остановился на нѣсколько времени въ комнатѣ, занимаемой нѣкогда Фридрихомъ Великимъ, которая оставлена была въ томъ же видѣ какъ была при немъ.

На слѣдующій день, 25, сдѣлавъ смотръ своей пѣшей гвардіи, состоявшей подъ начальствомъ маршала Лефебра, Наполеонъ пошелъ къ гробницѣ Фридриха.

« Остатки этого великаго человѣка, — сказано въ осьмнадцатомъ бюллетенѣ, — сокрыты въ деревянномъ гробѣ, обитомъ мѣдью, который поставленъ въ подземельномъ склепѣ,

и не отличается никакими украшеніями напоминавшими бы подвиги великаго.

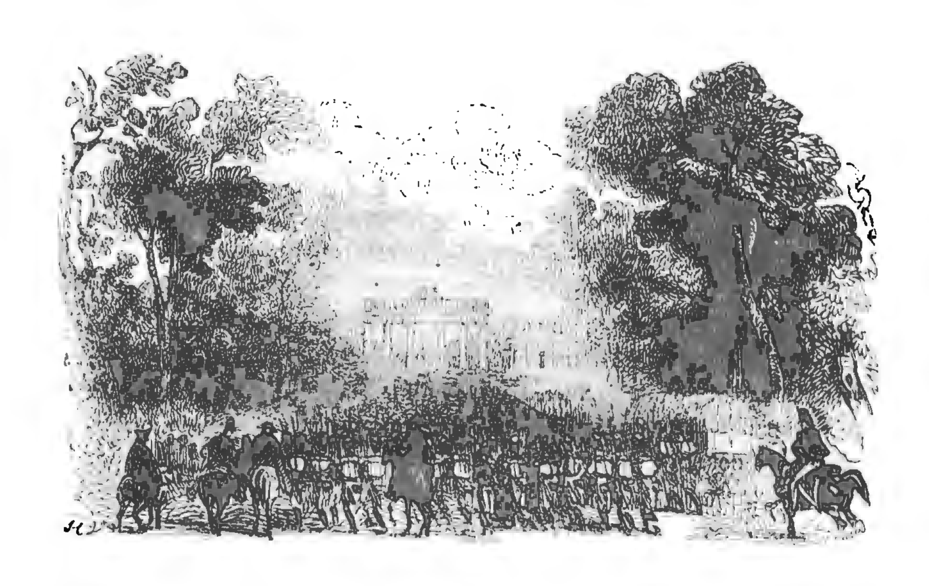
« Императоръ подарилъ парижскому Дому Инвалидовъ, шпагу, знакъ ордена Чернаго-Орла и генеральскій шарфъ, принадлежавшіе Фридриху, также какъ и знамена, подъ которыми его гвардія сражалась во время семи-лѣтней войны. Нѣтъ сомнѣнія, что старые солдаты ганноверской арміи, пріймутъ со священнымъ чувствомъ глубокаго почтенія все то, что

принадлежало одному изъ величайшихъ полководцевъ своего времени.»

Наполеонъ, указывая на шпагу Фридриха Великаго, сказалъ: «Мнѣ эта вещь дороже двадцати милліоновъ франковъ.»

Думалъ ли тогда великій завоеватель, что всѣ эти трофеи, вмѣстѣ и съ необъятнымъ его Парижемъ и знаменитымъ Домомъ Инвалидовъ, поступятъ нѣкогда во власть его собственныхъ побѣдителей — Русскихъ, Пруссаковъ и Англичанъ, и что наконецъ, онъ самъ умретъ плѣнникомъ Великобританіи?.. Vanitas vanitatum!....

ГЛАВА XXIII.

Вшествіе Наполеона въ Берлинъ. Его пребываніе въ этой столицѣ. Континентальная блокада. Перемиріе. Посланіе къ сенату. Наборъ осьмидесяти-тысячъ человѣкъ свѣжаго войска. Позенская прокламація. Монументъ на площади Святой Магдалины.

Двадцать седьмаго октября 1806, менѣе году послѣ занятія Наполеономъ Вѣны, онъ уже торжественно въѣзжалъ въ Берлинъ черезъ великолѣпную шарлотенбургскую заставу; его окружали маршалы Даву, Бертіе и Ожеро̀, оберъ-маршалъ дворца Дюрокъ, и оберъ-штальмейстеръ Коленкуръ. Императоръ ѣхалъ въ предшествіи и сопровожденіи своихъ конныхъ гренадеръ и конныхъ-егерей, вдоль

дороги, по сторонамъ которой была вытянута линія пѣхоты Нансути. Шествіе открывала пѣшая гвардія, подъ командой маршала Лефебра. Ключи города были поднесены побѣдителю комендантомъ, генераломъ Гулленъ (Hullin).

Первымъ дѣломъ Наполеона было учредить муниципальный совѣтъ, составленный изъ шестидесяти членовъ, которыхъ избрать онъ поручилъ изъ тысячи самыхъ богатыхъ жителей. Управленіе городомъ отъ имени Французовъ, принялъ-было на себя князь Гатцфельдъ; но Наполеонъ узналъ, что онъ продолжаетъ вести переписку съ прусскимъ кабинетомъ, и когда князь явился къ императору, тотъ сказалъ ему: «Не показывайтесь мнѣ на глаза, я не имѣю нужды въ вашихъ услугахъ; ступайте въ свое помѣстье.» Черезъ нѣсколько минутъ потомъ, князь Гатцфельдъ былъ арестованъ и преданъ военному суду.

Жена его, дочь господина Шуленбурга, будучи извѣщена о происходившемъ, предавалась ужаснѣйшему отчаянію, какъ вдругъ ей пришло на мысль обратиться къ милосердію императора. Дюрокъ одобрилъ ея намѣреніе, и взялъ на себя доставить ей случай увидѣться съ Наполеономъ. И въ самомъ дѣлѣ, Дюрокъ провелъ княгиню во дворецъ, гдѣ она бросилась къ ногамъ императора, умоляя о милосердіи, и увѣряя, что мужъ ея невиненъ, и что на него только клевещутъ. — « Хорошо, сказалъ Наполеонъ: вы знаете руку вашего мужа? Извольте жъ, я отдаю на ваше разсужденіе.» И говоря это, онъ подалъ просительницѣ собственноручное письмо князя Гатцфельда, которое было перехвачено и заключало въ себѣ несомнѣнныя доказательства о родѣ его сношеній съ кабинетомъ, находившимся въ войнѣ съ Французами. Княгиня была въ то время уже въ осьмомъ мѣсяцѣ беременности, и, читая это убійственное письмо, безпрестанно лишалась чувствъ. Наполеонъ сжалился надъ страданіями несчастной женщины, и сказалъ: « Знаете? Киньте это письмо въ огонь, и тогда, за неимѣніемъ доказательствъ, нельзя будетъ осудить вашего мужа.» Въ комнатѣ горѣлъ каминъ; княгиня тотчасъ же воспользовалось случаемъ спасти мужа, бросила письмо въ огонь, и маршалъ Бертiе получилъ повелѣніе немедленно возвратить свободу князя Гатцфельду.

На другой день после вшествія своего въ Берлинъ, Наполеонъ принялъ на аудіенцію министровъ Баваріи, Испаніи, Португаліи и Оттоманской Порты. Въ тотъ же день представлялись ему и духовныя лица разныхъ сектъ протестантскаго вѣроисповѣданія, и гражданскіе чины подъ начальствомъ канцлера. Императоръ говорилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ о разныхъ предметахъ по части законовѣдѣнія.

Во время этой-то бытности своей въ Берлинѣ, Наполеонъ издалъ знаменитый декретъ, которымъ учреждалась континентальная блокада, и всѣмъ подданнымъ и союзникамъ французской имперіи запрещалась всякая торговля и всякія сношенія съ Великобританіей. Конечно, такого рода учрежденіе легко можно назвать дѣломъ ослѣпленной ненависти; но тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что Франція обязана ему введеніемъ новыхъ вѣтвей промышлености, каково, напримѣръ, производство сахароваренія изъ туземныхъ растеній. «Во всей Европѣ, —говоритъ Наполеонъ, — никто не раздѣлялъ мо-

его образа мыслей обо этомъ предметѣ.... Если бы я не палъ, то измѣнилъ бы весь способъ веденія торговли, также какъ и весь ходъ промышлености. Я уже перенесъ на почву Франціи сахаръ и индиго; перенесъ бы и хлопчатую бумагу, и еще бы многое..... »

Покуда Наполеонъ занимался въ Берлинѣ изобрѣтеніемъ средствъ вредить Англичанамъ, его маршалы не переставали преслѣдовать непріятельской арміи. Двадцать осьмаго октября Мюратъ овладѣлъ Пренцловомъ, и принудилъ князя Гогенлоэ сдаться на капитуляцію; а на слѣдующій день, крѣпость Штетинъ отворила свои ворота генералу Лассалю, начальствовавшему правымъ крыломъ войскъ великаго герцога Бергскаго.

Кюстринъ сдавался маршалу Даву втораго ноября; между-тѣмъ Мортіе занималъ гессенскія и гамбургскія владѣнія.

Подъ Любекомъ, Французовъ ожидало новое торжество. 6 ноября, Мюратъ, Сультъ и Бернадотъ, послѣ искусcно произведенныхъ движеній, сошлись подъ стѣнами этого города, гдѣ знаменитый Блюхеръ соединилъ остальныя войска Пруссіи. Французы пошли на приступъ. Бернадотъ ворвался въ городъ съ одной стороны, Сультъ съ другой.

Пруссаки защищались храбро и упорно, но наконецъ принуждены были уступить превосходству силъ.

Въ несколько дней сдались и еще многія крепости. Осьмаго числа взятъ Магдебургъ, где Французы нашли осемь сотъ орудій, а десятаго маршалъ Даву занялъ Резенъ. Тридцать второй бюллетень, отъ 16 ноября, известилъ, что «после сраженія при Любеке и занятія Магдебурга, кампанія противъ Пруссіи совершенно кончена.»

Въ тотъ же день заключено перемиріе, подписанное въ Шарлоттенбурге, а между-темъ часть французскихъ войскъ направилась къ Висле, потому что, когда между Франціей и Пруссіей последовалъ разрывъ, то Императоръ Всероссійскій послалъ на помощь последней значительную часть своей арміи; но узнавъ о последствіяхъ іенскаго сраженія, приказалъ своимъ войскамъ остановиться на правомъ берегу этой реки.

Двадцать пятаго ноября, Наполеонъ оставилъ Берлинъ, и 28 прибылъ въ Познань. Однако же установленіе континентальной блокады и новая война возбуждали противъ Наполеона общій ропотъ; онъ это зналъ, но желаніе нанесть вредъ Англичанамъ и особенные виды его политики, не позволяли ему внимать голосу націи. Самый сенатъ, такъ подобострастный къ императору, осмелился, въ адрессе, полученномъ Наполеономъ въ Берлине, намекнуть на общее желаніе мира; ответомъ былъ декретъ, которымъ предписывался наборъ осьмидесяти тысячъ человекъ свежаго войска; а мужество солдатъ действующей арміи возбуждено прокламаціей, изданной въ Познани, 2 декабря.

«.....Воины, — было между прочимъ сказано въ этой прокламаціи, — мы не положимъ оружія, доколе всеобщій миръ не утвердитъ могущества нашихъ союзниковъ, не возвратитъ намъ нашихъ колоній и безопасности нашей торговли. Мы, на берегахъ Эльбы и Одера, овладели Пондишери, нашими заведеніями въ Индіи, мысомъ Доброй-Надежды и испанскими колоніями.....»

Бурріеннъ говоритъ, что эта прокламація сильно подействовала не только на французскую армію, находящуюся на берегахъ Вислы, но и на всю Германію.

Прежде начатія новой кампаніи, Наполеонъ хотелъ воз-

двигнуть монументъ, въ воспоминаніе двухъ прошедшихъ кампаній, и, втораго же декабря, вмѣстѣ съ прокламаціеі, издалъ декретъ, которымъ повелѣно:

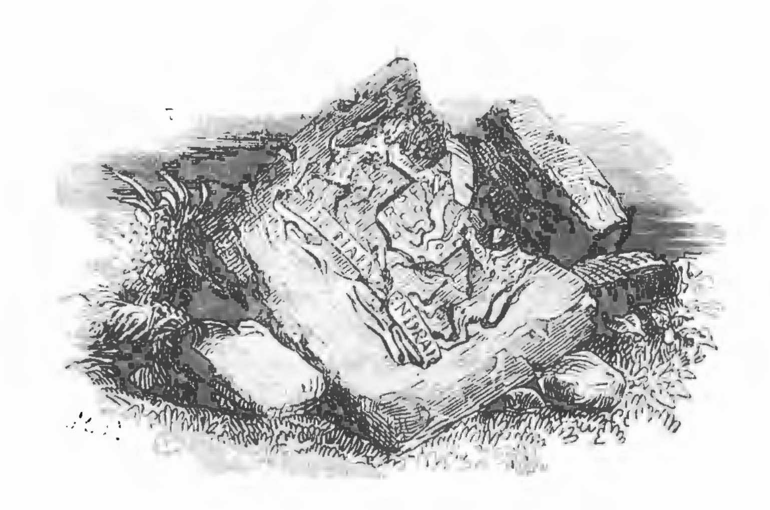
« I. На Магдалинской Площади нашего добраго города Парижа, будетъ, на счетъ казны, воздвигнутъ монументъ въ честь большой арміи, на фронтонѣ котораго надпишется:

Императоръ Наполеонъ воинамъ большой арміи.

« II. Въ залѣ, внутри этого монумента, на мраморныхъ доскахъ будутъ написаны имена всѣхъ чиновъ, находившихся въ сраженіяхъ ульмскомъ, аустерлицкомъ и іенскомъ, а имена всѣхъ павшихъ въ этихъ битвахъ напишутся на доскахъ чистаго золота. На серебреныхъ доскахъ будетъ исчислено сколько каждый департаментъ доставилъ солдатъ въ составъ большой арміи.

« III. Вокругъ залы будутъ изваяны барельефы, на которыхъ изобразятся полковые командиры каждаго изъ полковъ большой арміи, съ подписью ихъ именъ, и прочая, и прочая. »

Тѣмъ же декретомъ повелѣвалось установить каждогодныя торжества въ дни аустерлицкаго и іенскаго сраженій.

ГЛАВА XXIV.

Польская кампанія. Тильзитскій миръ.

Императоръ оставался въ Познани до 16 декабря, и принималъ здѣсь депутацію отъ Варшавы. А между-тѣмъ французская армія, не находя себѣ препятствій, быстро подвигалась впередъ, заняла Варшаву, крѣпость Торгау, и шестаго числа переправилась на правый берегъ Вислы, невзирая на сопротивленіе небольшаго, находившагося тутъ, отряда прусскихъ войскъ.

Одинадцатаго числа Наполеонъ заключилъ мирный союзъ съ Саксоніею, въ слѣдствіе котораго саксонскій курфирстъ приступилъ къ Рейнскому Союзу и получилъ титулъ короля. Это обстоятельство было весьма важно для выгодъ тогдашней политики Франціи, потому что доставляло ей союзника, въ лицѣ ближайшаго сосѣда съ Берлиномъ. Осьмнадцатаго, Наполеонъ былъ въ Варшавѣ, откуда выѣхалъ двадцать треть-

яго декабря, и немедленно перешелъ черезъ Бугъ, по наведенному мосту, и въ ночи корпусъ маршала Даву, вступилъ, подъ Чарново, въ битву съ русскими войсками, подъ командою генераловъ Каменскаго, Бенигсена и Буксгевдена. Сраженіе это продолжалось, при свѣтѣ мѣсяца, до третьяго часу за полночь.

24, 25 и 26, происходили также значительныя сраженія, изъ которыхъ болѣе всего потерпѣли Французы подъ Пултускомъ.

Бреславль сдался на капитуляцію 5 января 1807. Однако жъ предмѣстья города были зажжены осажденными, и по этому случаю погибло въ пламени много женщинъ и дѣтей; Французы, кому могли, оказали помощь.

Наполеонъ, возвратившись, 2 января въ Варшаву, принималъ тамъ министровъ нѣкоторыхъ иностранныхъ дворовъ, и депутацію отъ италіянскаго королевства. Между-тѣмъ, чтобы увеличить усердіе къ себѣ войскъ Рейнскаго Союза, онъ отправилъ къ виртембергскому королю часть знаменъ, найденныхъ въ Глогау, и десять знаковъ ордена Почетнаго-Легіона, для награжденія ими тѣхъ изъ виртембергскихъ воиновъ, которые наиболѣе отличились мужествомъ въ дѣлахъ противъ непріятеля.

Военныя дѣйствія оставались какъ-бы прекращенными въ теченіе дней двадцати. Но 23 числа возобновились, сраженіемъ при Морунгѣ, между русскими отрядами графа Палена и князя Голицына, и французскимъ отрядомъ маршала Бернадота.

Въ это время императоръ Французовъ получилъ извѣстіе, что Порта объявила войну Россіи, и увидѣлъ изъ этого какъ успѣшно дѣйствіе его дипломатики. Усилія его убѣдить также и Персію къ расторженію мира съ Россіею, имѣли одинаковый, благопріятный для него, конецъ, такъ, что Турція и Персія дѣлали въ пользу Франціи весьма важную диверсію, что несказанно обрадовало Наполеона.

Въ бытность свою въ Варшавѣ, онъ получилъ письмо отъ одного слишкомъ столѣтняго старика, который просилъ оказать ему вспомоществованіе и лично вручилъ Наполеону свое письмо.

Наполеонъ приказалъ выдавать старцу ежегодную пенсію въ сто наполеондоровъ, и велѣлъ заплатить ее за годъ впередъ.

Тѣмъ временемъ, россійская армія, получивъ подкрѣпленіе, расположилась вытѣснить Французовъ изъ ихъ зимнихъ квартиръ, двинулась впередъ и принудила корпусъ Бернадота къ отступленію. Наполеонъ оставилъ Варшаву, и, 31 января, вечеромъ, присоединился къ корпусу Мюрата въ Виллембергѣ.

На другой день императоръ Французовъ пошелъ на встрѣчу Русскимъ, которыми начальствовалъ опытный генералъ Бенигсенъ. 3, 4, 5 и 6 числъ февраля, происходили сраженія подъ Бергфридомъ, Ватердорфомъ, Диппеномъ, Гофомъ и Прейсиш-Эйлау. Эйлауская церковь и кладбище упорно и мужественно обороняемыя Русскими, не прежде какъ въ десять часовъ вечера шестаго числа перешли въ руки Французовъ; но зато корпусъ маршала Ожеро, попавшись, седьмаго числа, между центра и праваго фланга Русскихъ войскъ, претерпѣлъ жестокое пораженіе.

На слѣдующій день генералъ Бенигсенъ отошелъ за Прегель.

Дѣло подъ Прейсишъ-Эйлау было ужасно кровопролитно; пало много Русскихъ, но много и Французовъ. Значитель-

ность потери со стороны послѣднихъ, доказывается самыми письмами Наполеона къ императрицѣ Жозефинѣ, изъ которыхъ, въ трехъ, писанныхъ въ теченіе февраля мѣсяца, онъ неоднократно возвращается къ этому печальному обстоя-

тельству, и говоритъ: « Вчера происходило ужасное сраженіе..... у меня погибло много людей..... Вся здѣшняя окрестность покрыта мертвыми и ранеными..... Душа страждетъ, при видѣ столькихъ жертвъ войны.... »

Въ прейсишь-эйлаускомъ сраженіи палъ храбрый генералъ Опу (Hautpoul), начальствовавшій кирасирами, и Наполеонъ

приказалъ вылить изъ бронзы его статую. 25 апрѣля главная квартира императора Французовъ находилась въ Финкенштейнѣ, но армія его была дотого ослаблена многими потерями, что онъ снова прибѣгнулъ къ конскрипціи; это заставило въ Парижѣ сказать, что « извѣстіе отъ императора о побѣдѣ, есть непремѣнное предвѣстіе новаго набору рекрутъ. »

Наполеонъ чувствовалъ, что, для полученія полнаго перевѣсу, ему должно овладѣть Данцигомъ, и потому крѣпость эта была, еще съ марта мѣсяца, обложена Французскими войсками; но, не имѣя достаточныхъ силъ, Наполеонъ держалъ ее только въ блокадѣ, тѣмъ болѣе, что Русскіе успѣли подкрѣпить ея гарнизонъ высадкою отъ девяти до десяти тысячъ десантнаго войска, подъ командою генерала Каменскаго (младшаго). Главное начальство въ крѣпости было ввѣрено генералу Калькрейту. Но едва Французская армія усилилась,

какъ тотчасъ и осадила Данцигъ. 17 мая былъ взорванъ посредствомъ мины блокгаузъ покрытаго пути, а 21 числа генералъ Калькрейтъ, черезъ пятьдесятъ одинъ день по открытіи траншей, сдался на капитуляцію. Но военныя дѣйствія всё-еще не прекращались. Пятаго іюня Русскіе аттаковали мостъ на Спанденѣ, которымъ овладѣвали семь разъ.

Такимъ образомъ, въ теченіи цѣлой недѣли, между обѣими арміями происходили однѣ частныя сраженія; но 14 іюня онѣ сошлись подъ Фридландомъ. Сраженіе началось въ три часа утра; первый огонь открыли корпуса маршаловъ Ланна и Мортіе, поддержанные драгунами Груши и кирасирами Нан-

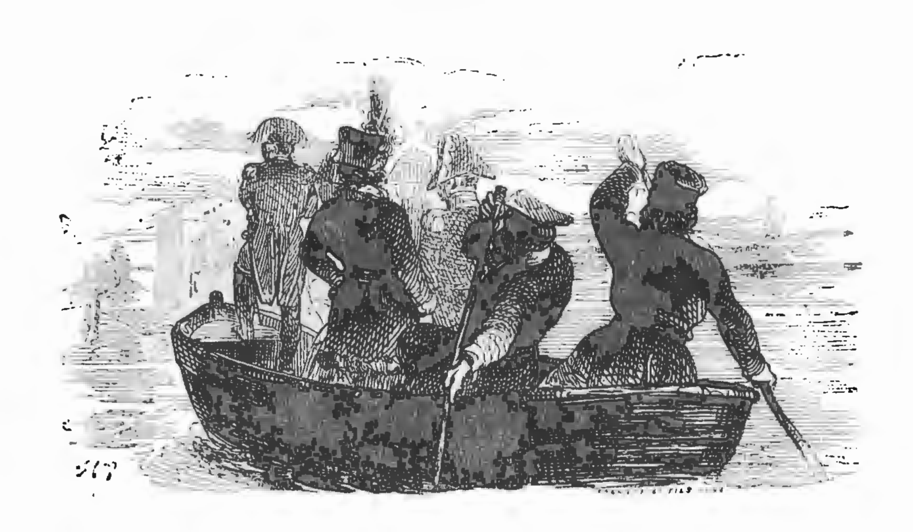

сути. Участь битвы оставалась не рѣшенною до пяти часовъ вечера, пока не нагрянула колонна войскъ маршала Нея, и Фридландъ занятъ Французами.

По полученіи извѣстія объ этомъ сраженіи, союзники оставили Кёнигсбергъ, который былъ занятъ, 16 іюня, маршаломъ Сультомъ. 19, Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру въ Тильзитъ; 21, Императоръ Всероссійскій и король Прусскій заключили съ Наполеономъ перемиріе.

Двадцать пятаго іюня, въ часъ по полудни, Его Величество Императоръ Всероссійскій и императоръ Французовъ имѣли свиданіе, которое происходило въ павильонѣ, на плоту, устроенномъ посереди Немана. Императора Всероссійскаго сопровождали Его Высочество Великій Князь Цесаревичь Константинъ Павловичь, генералы Бенигсенъ, Уваровъ, князь Ло-

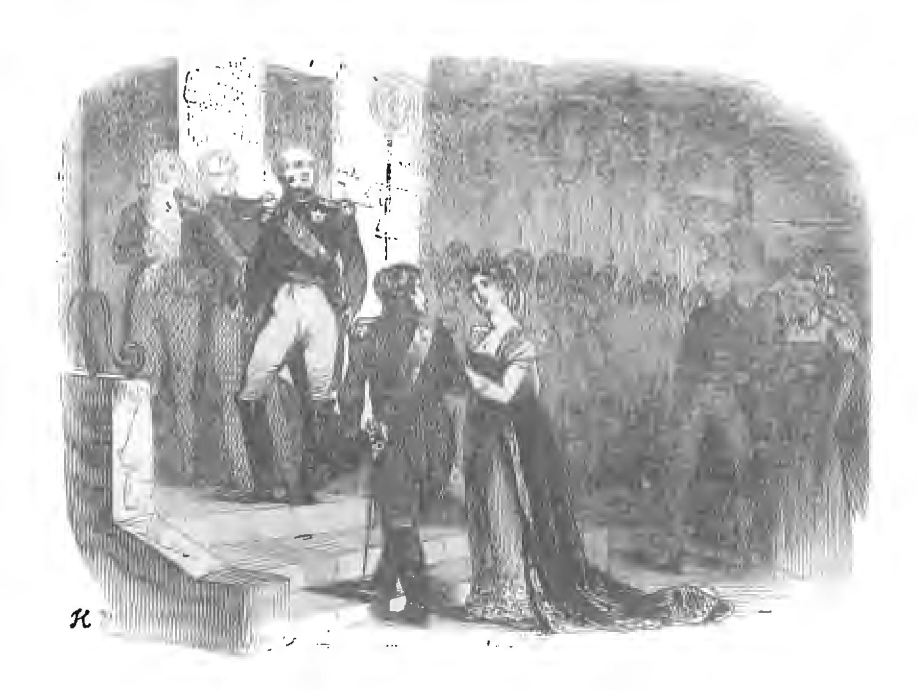
бановъ-Ростовскій и графъ Ливенъ, а при Наполеонѣ находились Мюратъ, Бертіе, Дюрокъ и Коленкуръ.

Выйдя въ одно время на плотъ, Монархи обнялись въ виду обѣихъ армій, и потомъ провели нѣсколько часовъ на-единѣ.

На другой день, между Ихъ Величествами, опять и въ томъ же павильонѣ, происходило свиданіе, на которомъ присутствовалъ и его величество король Прусскій. Три вѣнценосца въ теченіе нѣсколькихъ дней часто дѣлали взаимныя посѣщенія и устроивали другъ для друга пиршества. Непріязненное расположеніе державъ, казалось, вовсе исчезло, и потоки крови перестали литься. На одномъ изъ обѣдовъ, Наполеонъ, вставъ съ мѣста, первый предложилъ тостъ за здравіе ея величества прусской королевы.

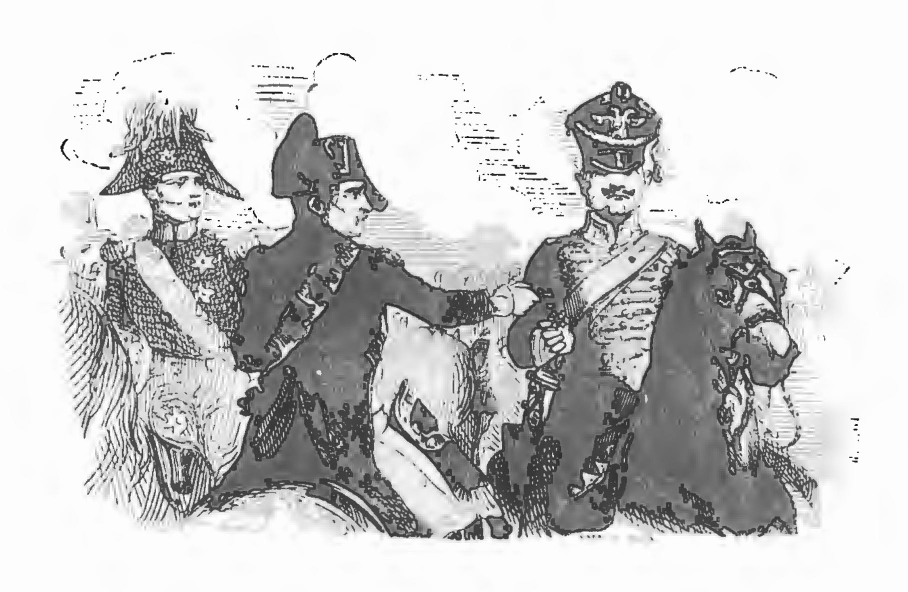
Королева прусская прибыла въ Тильзитъ въ полдень шестаго іюля; черезъ два часа спустя, Наполеонъ явился къ ея

величеству, а осьмаго числа, заключенъ и подписанъ мирный договоръ, по которому Россія получила бѣлостокскую область а Вестфалія возведена въ достоинство королевства, и королемъ ея признанъ Жеромъ (Іеронимъ) Бонапарте, братъ Наполеона. Континентальная система, съ нѣкоторыми ограниченіями, принята и Россіей и Пруссіей.

Прежде чѣмъ оставить Тильзитъ, Наполеонъ просилъ Всероссійскаго Императора приказать представить себѣ одного изъ храбрѣйшихъ солдатъ русской гвардіи, и въ знакъ уваженія къ отличному мужеству этого войска, собственною рукой украсилъ его золотымъ крестомъ ордена Почетнаго-

Легіона. Наполеонъ подарилъ также свой портретъ Атаману Платову.

Девятаго іюля, въ одиннадцать часовъ утра, императоръ Французовъ, имѣя на себѣ полные знаки ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, поѣхалъ посѣтить Всероссійскаго Монарха, который, со своей стороны, изволилъ надѣть большую звѣзду ордена Почетнаго-Легіона. Пробывъ вмѣстѣ три часа, оба Монарха сѣли верхомъ и поѣхали къ берегамъ Немана, и покуда Русскій Государь переправлялся черезъ рѣку, императоръ Французовъ, изъ почтенія къ Его Величеству, не отъѣзжалъ отъ берега. На другой день, Напо-

леонъ имѣлъ свиданіе съ королемъ прусскимъ, и послѣ того немедленно отправился въ Кёнигсбергъ.

ГЛАВА XXV.

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ. Засѣданіе Законодательнаго Собранія. Уничтоженіе Трибуната. Путешествіе императора въ Италію. Занятіе Португаліи. Возвращеніе Наполеона. Картина успѣховъ сдѣланныхъ науками и художествами съ 1789 года.

Наполеонъ недолго пробылъ въ старинной столицѣ Пруссіи. Онъ выѣхалъ изъ нея 13 іюля, и 17 прибылъ въ Дрезденъ, въ сопровожденіи короля Саксонскаго, выѣхавшаго къ нему на встрѣчу въ Бауценъ, на границу своихъ владѣній. Двадцать седьмаго числа Наполеонъ былъ уже въ Сенъ-Клу, и всѣ государственные чины немедленно явились принесть ему поздравленія съ благополучнымъ пріѣздомъ и окончаніемъ войны.

Императоръ пожелалъ ознаменовать свое возвращеніе производствами и наградами по службѣ. Многіе были пожалованы въ достоинство сенаторовъ, въ томъ числѣ дивизіонные генералы Клейнъ и де-Бомонъ, и туринскій архіепископъ. Князь Беневентскій, Таллеранъ, назначенъ вице-великимъ-электоромъ, а князь Нёшательскій, Бертіè, получилъ званіе вице-коннетабля.

Пятнадцатаго августа, въ день Успѣнія, Наполеонъ, съ великолѣпною свитою, отправился въ соборъ Парижской Богоматери, и присутствовалъ при Te Deum, пѣтомъ по случаю заключенія тильзитскаго мира.

Въ это же время прибыла въ Парижъ депутація отъ италіянскаго королевства, для принесенія поздравленій императору Французовъ, своему государю. Наполеонъ былъ очень

доволенъ этимъ, и сказалъ: «Я видѣлъ съ сердечною радостью отличное поведеніе моихъ италіянскихъ войскъ въ теченіе послѣдней кампаній. Италіянцы, въ первый разъ еще послѣ многихъ вѣковъ, съ честію показали себя на великомъ поприще свѣта: надѣюсь, что такое счастливое начало возбудитъ соревнованіе ихъ націи; что самыя женщины не захотятъ удерживать при себѣ ту праздную молодёжъ, которая томится въ ихъ будуарахъ, и не прежде призовутъ къ себѣ этихъ безполезныхъ молодыхъ людей, какъ тогда, когда они будутъ украшены почтенными знаками за услуги отечеству на полѣ чести. Впрочемъ, я надѣюсь, еще прежде наступленія нынѣшней зимы, побывать въ моихъ италіянскихъ владѣніяхъ.»

Открытіе засѣданія Законодательнаго Собранія происходило шестнадцатаго августа. При этомъ случаѣ Наполеонъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ извѣстные слова: «Я горжусь тѣмъ, что называюсь первымъ изъ васъ.»

Въ этой же рѣчи, онъ далъ почувствовать, что скоро приступитъ къ измѣненію нѣкоторыхъ конституціонныхъ учрежденій. Можно было безошибочно предсказать, что плодомъ правительственныхъ соображеній Наполеона будетъ развитіе его диктаторственной мысли, и что онъ уничтожитъ самыя слѣды того, что̀ составляло еще какъ-бы нѣкоторый родъ представительной власти, то есть, власти мнимой, потому что вся дѣйствительная власть давно уже была въ его рукахъ. Въ слѣдствіе этого, представительное собраніе, называемое Трибунатомъ, уничтожено, затѣмъ что одно это названіе напоминало уже республику, и не могло существовать вблизи новаго императорскаго трона. Впрочемъ, трибуны и не оказали ни малѣйшаго сопротивленія, и, какъ ловкіе царедворцы, съ должною покорностью приняли уничтоженіе своего званія.

Наполеонъ измѣнилъ также и нѣкоторыя положенія въ составѣ Законодательнаго Собранія и въ формахъ его совѣщаній, и, между-прочимъ, для допущенія быть членомъ этого собранія, назначенъ сорока-лѣтній возрастъ. Въ это же засѣданіе утверждено новое торговое положеніе.

Война между Франціей и Швеціей всё-еще продолжалась. Девятнадцатаго августа, Французы овладѣли городомъ Штраль-

зундомъ, а 3 сентября островъ Рюгенъ сдался на капитуляцію; такимъ образомъ вся шведская Померанія была во власти Наполеона, но король шведскій не отставалъ отъ союза съ Англіею.

Наполеону крайнѣ было непріятно, что Бальтійское море оставалось открытымъ для великобританскагό флага, и что Швеція не приступила къ континентальной системѣ. Но еще непріятнѣе была ему постоянная связь съ Англіей другаго государства — Португаліи. Царственный браганцскій домъ, связанный съ Англіей видами политики и торговли, на дѣлѣ считалъ ни во чтό декретъ, изданный Наполеономъ въ Берлинѣ, и только на словахъ объявилъ себя въ непріязненномъ положеніи противъ Великобританіи. Наполеонъ, привыкнувъ убѣждать силою оружія, послалъ въ Португалію корпусъ войскъ, подъ командою Жюнό, выхлопотавъ ему напередъ дозволеніе Испаніи пройти черезъ ея владѣнія.

Покуда Жюнό шелъ къ Тагу, Наполеонъ располагался посѣтить берега Пό и Адріатики. Передъ отъѣздомъ въ Италію, онъ принялъ на торжественной аудіенціи персидскаго посланника, который прибылъ въ Парижъ и привезъ императору великолѣпные дары отъ шаха, и въ числѣ ихъ мечи Тамерлана и Тамасъ-Кули-Хана.

Наполеонъ отправился изъ Парижа 16 октября (1807), и прибылъ въ Миланъ 21. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, императорская гвардія возвратилась изъ походу и вступила въ столицу. Прибытіе ея подало поводъ къ множеству праздниковъ. Городскія власти дали ей пиръ въ ратушѣ, а сенатъ въ занимаемомъ имъ зданіи.

Императоръ недолго пробылъ въ Миланѣ; ему хотѣлось скорѣе показаться своимъ подданнымъ, пріобрѣтеннымъ по пресбургскому трактату. Онъ прибылъ въ Венецію 29 ноября, въ тотъ самый день, въ который Жюно̀, перешедъ Испанію, овладѣвалъ Абрантесомъ, пограничнымъ португальскимъ городомъ. На другой день, французскія войска заняли Лисабонъ оставленный королевскою фамиліей, которая сѣла на англійскія суда и отплыла въ Бразилію.

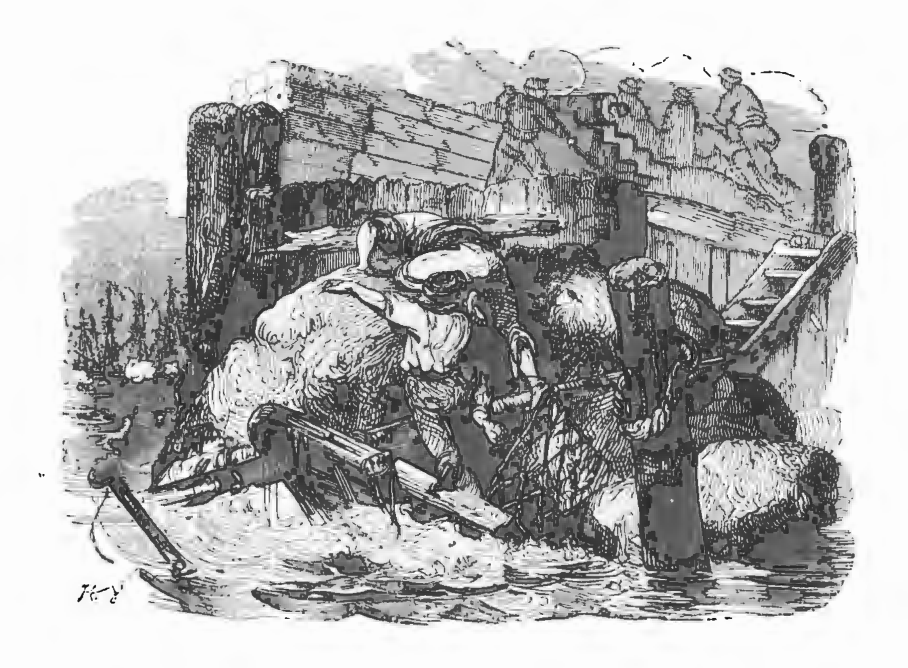
Посѣтивъ венеціянскія и ломбардскія владѣнія, и встрѣтясь въ Мантуѣ съ братомъ своимъ Луціаномъ, котораго дочь ему было хотѣлось выдать за принца астурійскаго, Наполеонъ возвратился въ столицу своего италіянскаго королевства. Здѣсь онъ обнародовалъ грамматы, въ силу которыхъ вице-король Евгеній Богарнѐ получалъ титулъ князя Венеціи, а дочь его, Жозефина, титулъ принцессы болоньской; Мельци, бывшій президентъ чизальпинской республики, наименованъ герцогомъ Лоди. По этому случаю, Наполеонъ произнесъ рѣчь къ законодательному собранію италіянскаго королевства, въ которой говорилъ:

« Господа possidenti, dotti и commercianti, (помѣщики, ученые и купцы) я съ удовольствіемъ вижу васъ кругомъ моего трона. Возвратясь къ вамъ, черезъ три года, я съ радостью замѣчаю успѣхи, сдѣланныя моимъ народомъ; но еще многое остается довершить, чтобы поправить ошибки нашихъ отцовъ, и сдѣлать васъ достойными той судьбы, которую готовлю вамъ !

« Междоусобія нашихъ предковъ и ихъ ничтожный эгоизмъ приготовили намъ утрату всѣхъ нашихъ правъ. Отечество лишилось наслѣдія своего достоинства и своей степени на чредѣ европейскихъ державъ; оно потеряло ту славу, которую поддерживало въ теченіе столькихъ вѣковъ. Эту-то самую славу хочу я возвратить вамъ. »

Нечего и говорить, что эти слова были приняты съ восторгомъ, можетъ быть притворнымъ, но тѣмъ не менѣе громко выраженнымъ.

Со времени заключенія тильзитскаго договора, Императоръ Всероссійскій тщетно старался склонить къ миру и Великобританію. Недовольная приступленіемъ великихъ сѣверныхъ державъ къ континентальной системѣ, Англія послала въ Бальтику двадцать семь судовъ съ двадцатью тысячами войска, подъ начальствомъ лорда Каткарта, длятого чтобы принудить Данію выдать ей свой флотъ, въ видѣ обезпеченія. Король датскій, разумѣется, отказался отъ такого предложенія, а англійскій адмиралъ отвѣчалъ на этотъ отказъ бомбардированьемъ Копенгагена, за которымъ послѣдовала немедлен-

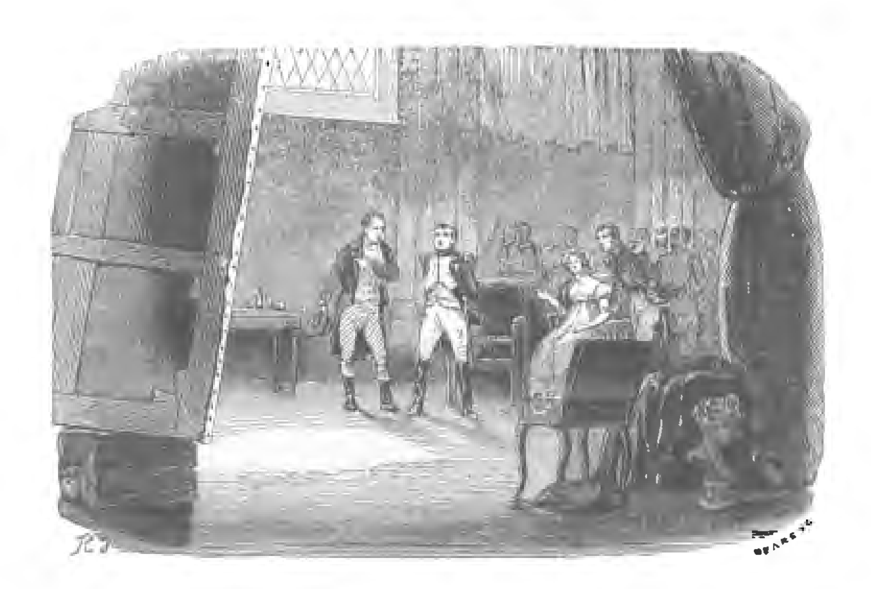
ная капитуляція этой столицы и истребленіе всего датскаго флота. Извѣстясь о такомъ печальномъ событіи, Наполеонъ приказалъ повсемѣстно привесть въ исполненіе статьи берлинскаго трактата, во всей ихъ силѣ и строгости.

Между-тѣмъ, его занимала и мысль присоединенія Тосканы къ владѣніямъ французской имперіи; приготовивъ все для исполненія этого плана, Наполеонъ отбылъ во Францію. Проѣзжая Альпами, онъ остановился въ Шамбери; тамъ ожидалъ его одинъ молодой человѣкъ, съ просьбою дозволить матери его возвратиться въ отечество: этотъ молодой человѣкъ былъ сынъ госпожи Сталь. Наполеонъ принялъ его очень благосклонно, но показалъ себя непреклоннымъ какъ къ дочери Неккера, такъ и къ самому Неккеру. «Ваша матушка, сказалъ онъ, должна быть очень довольна пребываніемъ своимъ въ Вѣнѣ: по-крайней-мѣрѣ будетъ имѣть случай славно выучиться по-нѣмецки... Я не говорю, что она злая женщина... Въ ней много, даже слишкомъ много, ума; но это умъ необузданный, не повинующійся..... А все это можетъ сдѣлаться опаснымъ: съ ея восторженной головой, она можетъ надѣлать себѣ прозелитовъ. Я въ необходимости наблюдать за этимъ. Она меня не любитъ. Я не могу позволить ей жить въ Парижѣ ужъ и по одному тому, что она, своими сношеніями, можетъ окомпрометировать многихъ..... Она бы сдѣлалась знаменемъ сенъ-жерменскаго предмѣстья... Она стала бы говорить шуточки, которымъ не придаетъ никакой важности, но которыя я считаю весьма важными. Мое правительсво не шуточка.... » Молодой человѣкъ увѣрялъ, что мать его не подастъ ни малѣйшаго поводу къ порицанію, и будетъ видаться только съ небольшимъ числомъ искреннихъ пріятелей, списокъ которыхъ даже будетъ предварительно представленъ на разсмотреніе его величества: « Нѣкоторыя особы, примолвилъ молодой Сталь: увѣряли меня, будто послѣднее сочиненіе моего дѣда въ особенности вооружило васъ противъ моей матери; но я могу клятвенно удостовѣрить ваше величество, что она не принимала никакого участія въ этомъ сочиненіи. » — « Конечно, отвѣчалъ Наполеонъ, это сочиненіе тоже одна изъ причинъ моего справедливаго негодованія. Вашъ дѣдъ былъ идеологъ, старый глупецъ, человѣкъ сумасшедшій. Какъ? Ему, въ шестьдесятъ лѣтъ, вообразилось, что онъ можетъ ниспровергнуть мою конституцію и учредить свою собственную!... Сказать правду, хорошо бы было правленіе государствъ изобрѣтенное систе-

матиками, теоретиками, которые судятъ о людяхъ по книгамъ, а о свѣтѣ по географическимъ картамъ!.... Всѣ эти экономисты — пустые люди; надсаждаются надъ планами финансовъ, а сами не способны занять мѣсто послѣдняго сборщика податей въ самой маленькой деревушкѣ моей имперіи. Сочиненіе вашего дѣда, не что иное какъ произведеніе стараго упрямца, толкующаго вкривь и вкось о правительствахъ..... » При этихъ словахъ, внукъ Неккера не могъ удержаться, и возразилъ, что, вѣроятно, его величество не читалъ самъ книги, о которой рѣчь, и что ему донесено о ней людьми неблагорасположенными къ сочинителю, который отдаетъ въ своемъ твореніи должную справедливость императору Французовъ. — « Ошибаетесь, живо возразилъ Наполеонъ: я *самъ* читалъ эту книгу отъ начала до конца... Да! конечно, хороша справедливость, которую вашъ дѣдъ отдаетъ мнѣ! Онъ называетъ меня человѣкомъ, нужнымъ по обстоятельствамъ! и, по его книгѣ выходитъ, что этому нужному человѣку не мѣшало бы отрубить голову! Спасибо!.... Я, точно, былъ человѣкъ нужный, необходимый, чтобы поправить всѣ глупости вашего дѣда и излѣчить зло, нанесенное имъ Франціи.... Революція — дѣло вашего дѣда.... Уважайте власть, потому что власть дается отъ Бога... Вы еще молоды; если бы вы имѣли мою опытность, то видѣли бы вещи въ другомъ свѣтѣ. Ваша откровенность не только не кажется мнѣ досадною, но, напротивъ, она мнѣ нравится: я люблю, когда сынъ проситъ за мать.... Однако жъ, не хочу давать вамъ пустыхъ обнадѣживаній, и не скрою, что вы ничего не добьетесь отъ меня.... » Когда молодой Стаель вышелъ отъ императора, тотъ обернулся къ Дюроку и спросилъ: — «Не слишкомъ ли былъ я жестокъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ?. Впрочемъ, нужды нѣтъ, за то другіе не станутъ приставать ко мнѣ. Эти люди порицаютъ все, что̀ я дѣлаю; они не понимаютъ меня.»

Наполеонъ прибылъ въ Парижъ 1 января 1808 года. Черезъ три дня потомъ, онъ, въ сопровожденіи императрицы Жозефины, посѣтилъ мастерскую знаменитаго живописца Давида, чтобы взглянуть на картину « Коронація. »

Въ теченіе этого же мѣсяца онъ издалъ окончительное

учрежденіе французскаго банка, и присоединилъ къ своей имперіи Флиссингенъ и его область. Участь Португаліи всё-еще оставалась не рѣшенною. Хотя Португалія и была уже на всѣхъ пунктахъ занята французскими войсками, но Наполеонъ не хотѣлъ торопиться, и только декретомъ отъ 1 февраля, установилъ въ этомъ королевствѣ временное правительство, подъ предсѣдательствомъ Жюнô, наименованнаго генералъ-губернаторомъ. Втораго февраля, принцъ Боргèзе, зять Наполеона, тоже наименованъ генералъ-губернаторомъ за-альпійскихъ департаментовъ.

Французская Академія представила Наполеону отчетъ объ успѣхахъ той отрасли человѣческихъ познаній, которая была предметомъ ея спеціяльныхъ занятій. Такимъ образомъ, отчетъ этотъ обнималъ ходъ наукъ, художествъ и словесности, начиная съ 1789 года. Шеніѐ былъ органомъ отдѣленія,

представляющаго собою прежнюю Французскую Академію; Деламбръ и Кювіе представили отчетъ о наукахъ физическихъ и математическихъ; Дасіе говорилъ отъ лица того отдѣленія Академіи, изъ котораго образовалась теперь Академія Словесности и Надписей, а Лебретонъ представилъ отчетъ по части отдѣленія художествъ.

ГЛАВА XXVI.

Испанскія дѣла.

Франціи уже давно не съ кѣмъ было вести войны на югѣ Европы; но тѣмъ не менѣе неудовольствія, возбужденныя ею въ сѣверныхъ державахъ, не могли не быть раздѣляемы и южными. Самовластительные поступки Наполеона безпокоили Лисабонъ и Мадритъ, и особенно крайне неправились тамошнему духовенству. Наполеонъ зналъ это. Онъ зналъ, что испанскій кабинетъ, также какъ и австрійскій, готовъ былъ объявить себя на сторонѣ Пруссіи, Россіи и Англіи, и что одна только побѣда, одержанная имъ

при Іенѣ, удержала его. Прокламація князя Мира (извѣстнаго Годои) обнаружила сокровенныя намѣренія Эскуріала. Эта безвременная прокламація была причиною паденія правительства Карла IV, который нашелся принужденнымъ дѣлать Наполеону всякія уступки, чтобы только загладить подозрѣваемую въ немъ непріязненность къ императору Французовъ. Отъ этого то, и посылалъ онъ ему вспомогательное войско, подъ начальствомъ Ла-Романьи, противъ Австрійцевъ; отъ этого-то далъ ему и необдуманное дозволеніе провесть через Испанію корпусъ войскъ, назначенный для покоренія Португалія. По всему протяженію пиренейской линіи начали формироваться обсерваціонные корпуса, подъ разными названіями и подъ предлогомъ составить резервы армін, дѣйствующей въ Лузитаніи. Наполеонъ не только хотѣлъ наказать своихъ недоброжелателей за нападки въ 1805 году, но, главное, добивался возможности обеспечить себя со стороны южныхъ державъ, на тотъ случай, если у него снова возгорится война съ сѣверомъ. Онъ также былъ занятъ и приведеніемъ въ строгое исполненіе декретовъ берлинскаго и миланскаго, и въ этомъ случаѣ всѣ строжайшія мѣры, естественно, должны были наиболѣе обратиться на приморскія державы, каковы оба королевства полу-острова. Мѣры эти уже были имъ приняты въ Неаполѣ, Лисабонѣ и даже въ Римѣ, какъ увидимъ въ впослѣдствіи; но ему всего нужнѣе было ввести ихъ въ Испаніи, въ государствѣ прилегающемъ къ двумъ морямъ, и на престолѣ котораго былъ Бурбонъ.

Жирондскіе и пиренейскіе обсерваціонные корпуса получили повелѣніе двинуться впередъ. Маршалъ Монсей вступилъ въ баскскія провинціи; Дюпонъ занялъ Вальадолидъ, а Дюгемъ проникъ въ Каталонію. Въ это время на полу-островѣ было уже не менѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ французскаго войска, не считая въ томъ числѣ корпуса Жюно. Войска эти были безпрепятственно допущены занять многія крѣпости.

Если бы Наполеонъ желалъ одного только ручательства въ благорасположеніи къ себѣ испанскаго двора, то можетъ-быть и удовольствовался бы занятіемъ столькихъ важныхъ пунктовъ. Но внутреннее положеніе Испаніи и семейныя событія

въ Эскуріалѣ измѣнили его первоначальный планъ, и представили его самолюбію случай соединить испанскую націю съ французской, не посредствомъ временнаго нашествія, а посредствомъ полной революціи.

Кормило государства Карла-Пятаго было въ то время въ рукахъ одного изъ тѣхъ людей, которыхъ Провидѣніе ставитъ всегда въ челѣ народа, готоваго пасть чтобъ возродиться; къ этому сильно содѣйствовали и семейныя обстоятельства Карла IV. Старая кастильская гордость должна была преклониться передъ высокомѣрнымъ выскочкой; униженіе власти, неизбѣжимое предшествіе ея паденія, дошло до послѣдней степени; Годой пользовался неограниченною довѣренностью августѣйшаго своего повелителя и самовластно управлялъ Испаніею. Сокровища Америки находились въ его распоряженіи, и онъ употреблялъ ихъ сообразно съ своими цѣлями. Наполеонъ задумалъ воспользоваться всѣми этими обстоятельствами; ему было всё-равно кто бы ни былъ на тронѣ Испаніи, лишь бы только принялъ участіе въ предначертанныхъ имъ планахъ. Для исполненія этой цѣли онъ послалъ въ баскскія провинціи маршала Бессіера, съ двадцати пяти-тысячнымъ корпусомъ, на подкрѣпленіе Монсея и Дюпона, а главное начальство надъ всей экспедиціей ввѣрилъ Мюрату, который, въ началѣ марта, учредилъ свою главную квартиру въ Бургосѣ.

Едва узнали въ Мадритѣ о приближеніи Французовъ, какъ Испанцы закричали: « Измѣна! » а дворъ переѣхалъ въ Аранхуэзъ.

Годой, который въ продолженіе малаго времени полагалъ, что успѣлъ обмануть Наполеона и привлечь къ себѣ его благорасположеніе, ясно увидѣлъ, что обманулся въ своихъ чаяніяхъ, и сталъ совѣтовать Карлу IV взять примѣръ съ браганцскаго дому и бѣжать въ американскія владѣнія Испаніи. Король согласился, и приготовленія къ отъѣзду были тотчасъ же сдѣланы въ Севильѣ. Но эти приготовленія воспламенили негодованіемъ кастильскую гордость. Подозрѣніе въ измѣнѣ, тяготѣвшее надъ княземъ Мира, получило больше основательности, и 16 марта вспыхнулъ огонь народной ярости. Аранхуэзскій дворецъ былъ окруженъ раздраженной

чернью, неистово требовавшей головы Годоя. Домъ его былъ разбитъ и ограбленъ; онъ самъ едва спасся отъ смерти,

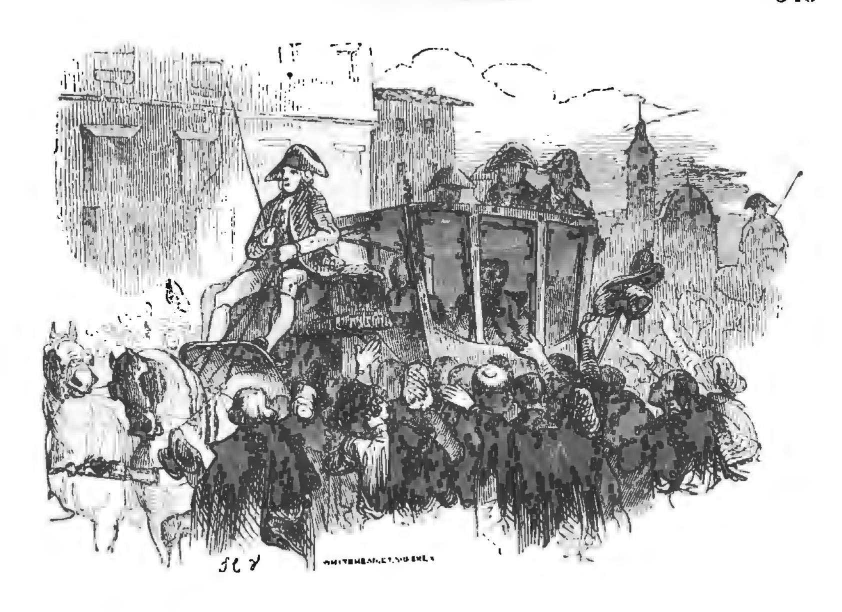

спрятавшись на чердакѣ. Карлъ IV сложилъ съ себя корону, и передалъ престолъ принцу астурійскому, который немедленно принялъ имя Фердинанда VII, и началъ свое царствованіе отобраніемъ въ казну всѣхъ имѣній Годоя, заключеннаго въ темницу въ ожиданіи приговора новаго монарха.

Едва первая вѣсть объ этомъ переворотѣ достигла до Бургоса, какъ Мюратъ поспѣшилъ двинуться на Мадритъ. Онъ вошелъ въ него 23 марта, съ шестью тысячами человѣкъ гвардіи, и съ корпусами Дюпона и Монсея. Народъ испанскій былъ пораженъ изумленіемъ и недовѣрчивостью, но не испуганъ.

На другой день, Фердинандъ VII оставилъ Аранхуэзъ и также въѣхалъ въ столицу Испаніи. Гробовое молчаніе, съ которымъ народъ встрѣтилъ вчера Французовъ, перешло сегодня въ изъявленія живѣйшаго восторгу при встрѣчѣ новаго монарха. Все народонаселеніе Мадрита вышло ему на срѣтеніе, нетерпѣливо желая привѣтствовать государя, освобождающаго народъ отъ нестерпимаго Годоя.

Дипломатическій корпусъ, съ своей стороны, не замедлилъ признать новаго короля королемъ законнымъ; одинъ только французскій посланникъ, по согласію съ Мюратомъ, оставался въ нерѣшимости. Однако жъ французскій генералиссимусъ немедленно отправилъ посланнаго къ Карлу IV, съ увѣреніемъ въ своемъ покровительствѣ и предложеніемъ помощи. Престарѣлый монархъ сначала заботился только о спасеніи своего любимца, и писалъ Мюрату: « Все преступленіе Годоя состоитъ только въ томъ, что онъ во всю свою жизнь былъ ко мнѣ привязанъ; смерть несчастнаго моего друга неминуемо повлечетъ за собою и мою. » И Годой былъ возвращенъ вѣнценосному предстателю.

Потомъ, Карлъ IV протестовалъ противъ отрѣченія своего отъ престола, какъ отрѣченія выпужденнаго обстоятельствами, и жаловался Наполеону въ письмѣ, которое поручилъ Мюрату доставить императору. Принцъ астурійскій, съ своей стороны, тоже писалъ къ Наполеону, какъ потому что опасался сильнаго его вмѣшательства въ дѣло въ пользу Карла IV, такъ и для того чтобы оправдать свое преждевременное всту-

пленіе на престолъ, и отдать свою рождающуюся власть подъ покровительство союза съ Франціей. При полученіи обѣихъ этихъ писемъ, Наполеонъ понялъ, что Испанія могла попасться въ его руки; но національный характеръ ея жителей внушалъ ему и опасеніе и сомнѣнія. « Не думайте, — писалъ онъ Мюрату, отъ 29 марта, — что вамъ стоитъ только выстроить войско, чтобъ покорить Испанію. Переворотъ 20 марта доказываетъ, что въ Испанцахъ есть энергія..... Испанія въ рукахъ дворянства и духовенства. Если они будутъ опасаться за свои права и существованіе, то возстановятъ противъ насъ всю массу народа.... Испанія имѣетъ подъ ружьемъ больше ста тысячъ человѣкъ, а этого слишкомъ достаточно на то, чтобы съ успѣхомъ вести внутреннюю войну. Войска эти, размѣщенныя по разнымъ пунктамъ, могутъ послужить опорой общаго народнаго возстанія... Я представляю вамъ здѣсь общность неизбѣжныхъ препятствій, но есть еще и другія препятствія, которыя вы сами усмотрите. Англія не упуститъ этого случая умножить наши затрудненія... Для блага моей имперіи, я могу сдѣлать много добра Испаніи. Но какія же избрать къ тому лучшія средства?....

« Ѣхать ли мнѣ въ Мадритъ?.... мнѣ кажется очень труднымъ сохранить престолъ Карлу IV, потому что онъ любитъ Годоя, а народъ его ненавидитъ.

« Фердинандъ врагъ Франціи, за то онъ и возведенъ на тронъ. Поддержать его на тронѣ, значитъ поддержать тѣ партіи, которыя, вотъ уже двадцать пять лѣтъ, стараются довесть Францію до паденія.... Я полагаю, что не должно торопиться, и что надобно выжидать послѣдующихъ событій... Я далъ повелѣніе Саварп отправиться къ новому королю, и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Онъ будетъ сноситься съ вашимъ императорскимъ высочествомъ....

« Вы будете поступать такъ, чтобы Испанцы не могли никакъ подозрѣвать какое я пріиму рѣшеніе. Это вамъ легко будетъ сдѣлать, потому что я еще и самъ не знаю, на что рѣшусь.... Вы скажете, что императоръ желаетъ усовершенствованія политическихъ учрежденій Испаніи, затѣмъ чтобы поставить это государство въ ближайшее отношеніе съ европейскимъ просвѣщеніемъ... что Испаніи нужно возобновить

свое правительство, что ей необходимы иныя охранительныя законы, иныя постановленія, которыя бы придали жизни земледѣлію, промышлености и искусствамъ. Вы представите имъ картину спокойствія и довольства, которыми наслаждается Франція, несмотря на войны, которыя принуждена весть, и картину того величія религіи, которымъ она обязана конкордату, заключенному мною съ папою. Вы объясните имъ пользы, которыя они могутъ извлечь изъ своего политическаго перерожденія: порядокъ и миръ внутри, уваженіе и могущество извнѣ. Таково должно быть направленіе всего, что вы говорите и всего, что пишете.... Не рѣшайтесь тороплиbо ни на какой поступокъ. Я могу дожидаться въ Байоннѣ, могу и перешагнуть Пиренеи... Я самъ буду заботиться о вашихъ личныхъ выгодахъ: вы ужъ не заботьтесь о нихъ... Вы слишкомъ поторопились въ вашихъ инструкціяхъ отъ 14 числа... Если война вспыхнетъ, все будетъ потеряно. Судьбы Испаніи должны рѣшиться политикой и переговорами. »

Прежде чѣмъ принять какое-либо рѣшеніе, Наполеонъ захотѣлъ взглянуть по-ближе на ходъ дѣлъ, и лично удостовѣриться въ какомъ онѣ находятся положеніи. Выѣхавъ изъ Парижа втораго апрѣля, онъ прибылъ въ Бордо четвертаго, и расположился ожидать тамъ императрицы Жозефины, которая пріѣхала десятаго. Тогда онъ, вмѣстѣ съ нею, отправился въ Байону, куда имѣлъ въѣздъ пятнадцатаго. Замокъ Марракъ, которому суждено было стать свидѣтелемъ одного изъ важнѣйшихъ политическихъ происшествій той эпохи, былъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мѣстопребываніемъ ихъ величествъ.

Наполеонъ, на другой же день по пріѣздѣ въ Байону, поспѣшилъ отвѣчать на письмо принца Астурійскаго. Откладывая изъявленіе своего мнѣнія о дѣйствительности отреченія Карла IV, Наполеонъ, въ этомъ отвѣтѣ, давалъ его сыну только титулъ королевскаго высочества, говорилъ объ опасности самоуправства, и о стыдѣ, которымъ его высочество покроетъ себя, если предастъ фаворита суду за семейныя королевскія дѣла, и, въ концѣ, сказалъ слова два о желаніи свиданія съ принцомъ Астурійскимъ. Личное изученіе дѣй-

ствующихъ лицъ совершающейся драмы, казалось ему нужнымъ для принятія окончательной рѣшимости. Если бы Карлъ IV отплылъ въ Мексику, то вопросъ сдѣлался бы менѣе сложнымъ; но какъ отъѣздъ этотъ не состоялся, то въ Испаніи было теперь два короля; это обстоятельство должно же было чѣмъ-нибудь рѣшиться, а рѣшеніе это очень много зависѣло отъ личнаго испытанія дѣйствующихъ лицъ Наполеономъ, который не хотѣлъ брать той или другой стороны, не взглянувъ на нихъ прежде своимъ проницательнымъ взоромъ.

Сначала, принцъ Астурійскій не рѣшался-было на свиданіе, предложенное императоромъ Французовъ. Однако же, тѣмъ временемъ какъ нѣкоторые изъ его приближенныхъ говорили, что подъ предлогомъ этого свиданія можетъ скрываться разставленная сѣть, другіе давали почувствовать какъ важно предупредить Карла IV и сдѣлать на умъ Наполеона первое впечатлѣніе, всегда такъ трудно истребляемое. Фердинандъ согласился съ мнѣніемъ послѣднихъ. Онъ, къ великому прискорбію Испанцевъ, оставилъ Мадритъ, и, полный неизвѣстности о своей будущности, направился къ границамъ Франціи. Прибывъ въ Витторію, Фердинандъ сталъ ожидать пріѣзда Наполеона; но Наполеонъ не ѣхалъ, и причины, побудившія принца Астурійскаго доѣхать до Алавы, принудили его продолжать путь до Байоны. Двадцатаго апрѣля, Фердинандъ, въ сопровожденіи брата своего донъ Карлоса, явился въ замокъ Марракъ. Карлъ IV, не желая дать свободно дѣйствовать сыну, прибылъ туда вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ женою и фаворитомъ, чтобы поручить себя покровительству счастливаго солдата-императора.

Между-тѣмъ, Фердинандъ желалъ-было сблизиться съ отцомъ, въ намѣреніи избѣжать вмѣшательства въ ихъ дѣла столь опаснаго посредника. Но, разъ, когда онъ послѣдовалъ за Карломъ IV и хотѣлъ войти за нимъ въ его апартаменты, тотъ обернулся и сказалъ: « Остановитесь, принцъ! Вы уже и то нанесли много оскорбленій моимъ сѣдымъ волосамъ! » и сказавъ это, онъ захлопнулъ дверь.

Наполеону было достаточно нѣсколькихъ дней, чтобы изъучить Карла IV и принца Астурійскаго. Естественно, что онъ не

остался доволенъ ни тѣмъ ни другимъ, потому что ни тотъ ни другой не могли совершенно войти въ его виды и раздѣлять его намѣренія. Впослѣдствіи Наполеонъ сказалъ: « Я схватился за единственный случай, представляемый мнѣ счастливою судьбою, *для возрожденія* Испаніи, для отторженія ея отъ Англіи и присоединенія къ нашей системѣ. Въ моемъ мнѣніи это значило положить основный камень спокойствію и безопасности Европы.... Дѣло байонское не было разставленною кому-нибудь сѣтью, но смѣлымъ, блистательнымъ дѣломъ политики.... Я находилъ себя столько могучимъ, что смѣлъ высоко поднять руку.... »

Событія не замедлили еще болѣе утвердить Наполеона въ его рѣшимости. Въ Мадритѣ произошло возмущеніе, которое,

хотя и было вскорѣ потушено, но тѣмъ не менѣе сообщилось провинціямъ. Пятаго мая Карлъ IV отрѣкается отъ престола въ пользу Наполеона; а черезъ пять дней потомъ, принцъ Астурійскій и инфанты донъ Карлосъ, донъ Антоніо и донъ Франциско ратификуютъ это отрѣченіе и отказываются отъ правъ своихъ на корону Испаніи. Король съ супругою и неразлучнымъ Годой ѣдетъ въ Компіэнь, а инфанты въ Валенсэ.

Эта абдикація короля и сыновей его совершенно раздражаетъ Испанцевъ. Возстаніе дѣлается общимъ; вездѣ учреж-

даются хунты, для обороны государства отъ нашествія иноземцевъ. Впослѣдствіи, центральная хунта образуется въ Севильѣ. Вся масса Испанцевъ, по словамъ самого Наполеона, вела себя какъ прилично честнымъ людямъ.

Императоръ и ожидалъ такого благороднаго отпору; но уже разъ вошедя въ это дѣло, не считалъ возможнымъ устраниться, и притомъ всё-еще надѣялся на свою звѣзду и на счастіе своего оружія. Онъ, съ своей стороны, тоже учредилъ хунту, подъ предсѣдательствомъ Мюрата, которой ввѣрилъ управленіе Испаніей. Хунта эта едва-только вступила въ отправленіе назначенныхъ ей обязанностей, какъ и стала приглашать на вакантный тронъ Іосифа Бонапарте, Наполеонова брата, короля неаполитанскаго.

Наполеонъ началъ тѣмъ, что издалъ прокламацію, въ которой извѣщалъ Испанцевъ о байонскихъ событіяхъ и объ отрѣченіи короля и сыновей его. « Ваша нація, — говорилъ онъ, — готова была погибнуть. Я видѣлъ ваши бѣдствія; я хочу помочь имъ..... Ваше правительство одряхлѣло; мнѣ суждено возродить его. Я улучшу всѣ ваши постановленія, и, если поможете мнѣ, то дамъ вамъ возможность воспользоваться, безъ политическаго потрясенія и безъ нарушенія порядка, благодѣтельнымъ измѣненіемъ хода дѣлъ.

« Испанцы! я приказалъ созвать генеральное собраніе депутацій отъ вашихъ провинцій и городовъ: я хочу лично освѣдомиться о вашихъ желаніяхъ и нуждахъ.

« Тогда я откажусь отъ всѣхъ своихъ правъ, и возложу славную вашу корону на голову человѣка, который будетъ второй я.....

« Въ теперешнихъ обстоятельствахъ будьте полны надежды и довѣренности, потому что я желаю, чтобы поздніе ваши потомки сохраняли воспоминаніе обо мнѣ, и говорили: — ему наше отечество обязано своимъ возрожденіемъ. »

Прокламація эта обнародована въ Байонѣ 25 мая. 6 числа слѣдующаго мѣсяца, изданъ, въ Байонѣ же, императорскій декретъ, которымъ Іосифъ Бонапарте призывался на тронъ Испаніи и Индій. Іосифъ не замѣдлилъ пріѣхать. Онъ, прежде чѣмъ отправиться въ Мадритъ, провелъ нѣсколько дней съ императоромъ, и даже принималъ въ Байонѣ депутаціи, ко-

торыя велѣно было Мюрату прислать къ нему отъ всѣхъ провинцій занятыхъ французскими войсками. Въ этомъ же городѣ собралась, 6 іюля, генеральная хунта созванная Наполеономъ. Ей предложена концистуція, составленная по примѣру французской конституціи VIII года, и она немедленно приняла ее.

Но эта хунта была только мнимая представительница испанской націи. Нѣкоторые французскіе генералы придали ей слишкомъ много важности; они вообразили, что хунта эта будетъ въ состояніи покорить всю Испанію, или, по-крайней-мѣрѣ, преобразитъ въ простой мятежъ, который будетъ легко потушить, общее возстаніе, готовящееся на всѣхъ пунктахъ полу-острова. Такое ошибочное мнѣніе французскихъ генераловъ сдѣлалось пагубнымъ для одного изъ нихъ. Генералъ Дюпонъ, принимавшій блистательное участіе въ битвѣ подъ Фридландомъ, разобщился съ другими корпусами французской арміи, въ намѣреніи итти на Андухаръ и проникнуть въ Андалузію, гдѣ народное возстаніе дѣлало большіе успѣхи. Это необдуманное движеніе повлекло за собою бѣдственныя послѣдствія. Едва Бессіеръ успѣлъ выиграть сраженіе при Ріо-Секо, а Монсей завладѣть Валенціей, какъ пораженіе и капитуляція Французовъ при Байленѣ затмили блескъ французскихъ знаменъ, и возвѣстили Европѣ, что арміи Наполеона не непобѣдимы. Дюпонъ, обойденный и окруженный Испанцами, подъ предводительствомъ Кастаньоса, положилъ ружье, и войско его, въ числѣ отъ осьмнадцати до двадцати тысячъ человѣкъ, сдалось военно-плѣнными. При этомъ извѣстіи, возстаніе всѣхъ областей Испаніи развилось съ новою силою, такъ, что король Іосифъ счелъ за нужное приказать французской арміи перейти за Эбро.

Наполеонъ, уѣхавшій изъ Байоны 22 іюля, узналъ въ Бордо о пораженіи и капитуляціи Дюпона. Негодованіе его было ужасное; онъ сказалъ одному изъ своихъ министровъ: « Армію разобьютъ, — это ничего; судьбы оружія непостоянны, и завтра можно возвратить что потеряли вчера; но чтобы армія сдалась на постыдную капитуляцію, — это пятно французскому имени! пятно нашей славѣ! Раны, нанесенныя чести, неизлечимы. Ихъ нравственное дѣйствіе ужасно. Какъ!

Французъ безчестно снялъ съ себя свой мундиръ и надѣлъ непріятельскій! Французъ опозорилъ себя согласіемъ на то, чтобы ранцы нашихъ солдатъ были обысканы, какъ чемоданы какихъ-нибудь воровъ и мошенниковъ!.... Могъ ли я ожидать этого отъ генерала Дюпона, отъ человѣка, котораго берегъ и лелѣялъ, котораго прочилъ въ маршалы!.... Говорятъ, не было другаго средства спасти армію, избавить всѣхъ солдатъ отъ неминуемой смерти. О! лучше бы всѣмъ солдатамъ лечь, лечь всѣмъ до одного съ оружіемъ въ рукахъ! Ихъ смерть была бы славна, и мы отомстили бы за нихъ. Солдатъ можно найти; но чести не возвратишь. »

Генералъ Дюпонъ отданъ подъ военный судъ, и Наполеонъ самъ написалъ въ « Монитёрѣ » отъ 19 августа:

« Мало примѣровъ поведенія столь несообразнаго со всѣми правилами военнаго дѣла. Генералъ Дюпонъ, который не

сумѣлъ направить движенія своей арміи, впослѣдствіи обнаружилъ въ переговорахъ еще менѣе политической твердости и искусства. Онъ, какъ Сабиній Титурій, былъ увлеченъ въ погибель духомъ безразсудства, и далъ себя обмануть ухищреніями другаго Амбіорикса; но римскіе солдаты были счастливѣе нашихъ: они пали всѣ съ оружіемъ въ рукахъ!»

Стыдъ байленской капитуляціи оставался пятномъ неизгладимымъ, но вещественный уронъ, нанесенный этимъ пораженіемъ, могъ быть исправленъ. Обезславивъ генерала Дюпона, Наполеонъ занялся возстановленіемъ духа французскихъ солдатъ, находящихся въ Испаніи. Онъ набралъ свѣжее войско и послалъ имъ въ подкрѣпленіе; а чтобы доказать собственную увѣренность въ окончаніи войны сообразномъ съ своимъ желаніемъ, и невозвратную рѣшимость тѣсно соединить испанскую націю съ французскою, приказалъ, декретомъ отъ 13 августа, проложить большую дорогу изъ Парижа въ Мадритъ.

ГЛАВА XXVII.

Возвращеніе императора въ Сенъ-Клу. Дипломатическія переговоры. Отправленіе войскъ въ Испанію. Свиданіе въ Эрфуртѣ. Возвращеніе въ Парижъ. Посѣщеніе Музеума. Засѣданіе Законодательнаго Собранія. Отъѣздъ Наполеона въ Байону. Новое вторженіе въ Испанію. Занятіе Мадрита. Уничтоженіе инквизиціи. Признаки непріязненныхъ отношеній съ Австріей. Наполеонъ поспѣшно оставляетъ испанскую армію, и возвращается въ Парижъ, чтобы отправиться въ Германію.

Императоръ прибылъ въ Сенъ-Клу съ самый день своихъ именинъ. Онъ торжественно принялъ тамъ графа Толстаго, посланника Императора Всероссійскаго, и великолѣпные подарки, присланные Его Величествомъ, были выставлены въ Тюильри.

Въ это время пришло въ Парижъ извѣстіе о вимейрскомъ сраженіи, между Англичанами, подъ командой лорда Веллингтона, и Французами, подъ начальствомъ Жюно. Французы, совершенно разбитые, были принуждены принять капитуляцію. Они согласились очистить Португалію и быть доставлены во Францію на англійскихъ корабляхъ.

Эта вторичная неудача оружія Наполеона по ту сторону Пиреней, какъ ни казалась чувствительною, однако же не была въ состояніи уронить его мужество. Намѣренія императора на счетъ полу-острова были такъ рѣшительны, что 4 сентября онъ говорилъ сенату. « Я рѣшился настоятельно продолжать испанскія дѣла, и истребить арміи, высаженныя на полу-островъ Англичанами..... Съ довѣренностью требую отъ моихъ народовъ новыхъ жертвъ: онѣ нужны теперь, длятого чтобы избѣгнуть впослѣдствіи жертвъ болѣе тягостныхъ.» Въ этомъ же рескриптѣ Наполеонъ съ прискорбіемъ извѣщалъ сенатъ о кончинѣ Султана Селима, своего союзника, и вслѣдъ за тѣмъ министръ Шампаньи представилъ донесеніе о положеніи дѣлъ въ Испаніи, а сенатъ объявилъ новую конскрипцію осьмидесяти тысячъ рекрутъ.

Между-тѣмъ, надобность въ подкрѣпленіи арміи находившейся въ Испаніи, становилась съ каждымъ днемъ настоятельнѣе. Не новонабранные воины могли возвратить побѣду подъ знамена Франціи; Наполеонъ это чувствовалъ, и потому, производя 11 сентября, общій смотръ своимъ старымъ фалангамъ, ветеранамъ своей « большой арміи, » объявилъ, что пойдетъ съ ними за Пиренеи.

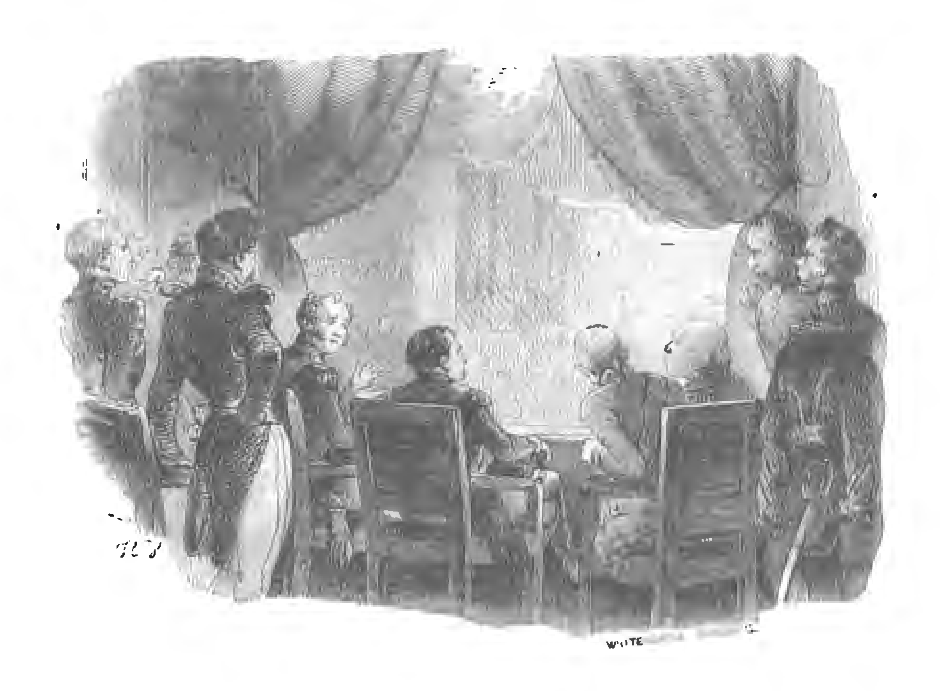
Рѣчь, которую Наполеонъ произнесъ по этому случаю къ своимъ воинамъ, воспламенила ихъ желаніе помѣряться силами съ Англичанами, которыхъ императоръ, въ каждой прокламаціи, не упускалъ называть единственныхъ препятствіемъ къ всеобщему миру.

Первый корпусъ, составленный изъ привычныхъ къ огню баталіоновъ, отправился изъ Парижа 23 сентября; имъ командовалъ маршалъ Викторъ.

Но передъ отъѣздомъ въ Испанію, Наполеонъ старался удостовѣрнться въ благорасположеніи къ себѣ сильнѣйшаго изъ европейскихъ монарховъ, Императора Всероссійскаго, блаженной памяти Александра 1-го, который и соизволилъ на личное свиданіе съ императоромъ Французовъ. Свиданіе

это происходило въ началѣ октября, въ Эрфуртѣ, гдѣ, по этому случаю, собрались и всѣ владѣтельные члены Рейнскаго Союза. Наполеонъ, чтобы сдѣлать пребываніе въ Эрфуртѣ какъ-можно пріятнѣе для Высокаго своего Гостя, взялъ туда и труппу актеровъ Французскаго театра. Осемь дней

прошли въ пиршествахъ; но и политика не была забыта. Всероссійскій Монархъ и императоръ Французовъ проводили каждый день по нѣсколько времени на-единѣ, и наконецъ разстались 14 октября.

Осмьнадцатаго октября Наполеонъ возвратился въ Сенъ-Клу, а черезъ четыре дня потомъ, вмѣстѣ съ императрицею Жозефиною, посѣтилъ Музеумъ, и долго бесѣдовалъ съ художниками, которые собрались въ этомъ храмѣ искусствъ, для встрѣчи своего покровителя.

Открытіе засѣданій Законодательнаго Собранія послѣдовало 25 числа. При этомъ случаѣ Наполеонъ, между прочимъ, сказалъ:

« За особенную къ намъ милость Провидѣнія должно считать, что Англичане ослѣпились дотого что, оставляя море, выводятъ наконецъ свои войска на твердую землю. Я отъѣзжаю черезъ нѣсколько дней; пріиму личное начальство надъ моей арміей, и съ помощью Божіей, короную въ Мадритѣ короля испанскаго и водружу мои орлы на стѣнахъ Лисабона. »

Императоръ выѣхалъ изъ Парижа 19 октября, а 3 числа

слѣдующаго мѣсяца прибылъ въ замокъ Марракъ. 5 ноября его главная квартира была въ Витторіи, а 9, по одержаніи маршаломъ Сультомъ побѣды надъ эстрамадурскою арміею, перенесена въ Бургосъ. Въ тотъ же день маршалъ Викторъ разбилъ галиційскую армію при Эспинозѣ-де-лосъ-Монтеросъ.

Планъ Наполеона состоялъ въ томъ, чтобы разобщить эти двѣ арміи, и уничтожить ихъ каждую порознь. Въ этомъ намѣреніи онъ направилъ Виктора противъ Блакка (Black), Нея и Монсея отрядилъ противъ Кастаньоса, который всё-еще командовалъ андалузскою арміей; а самъ, съ корпусомъ Сульта, и съ кавалерійскимъ резервомъ, ввѣреннымъ Бессіеру, сталъ на центрѣ операціонной линіи.

Такое расположеніе оказалось на дѣлѣ весьма удачнымъ. Эстремадурская армія была разсѣяна, галиційская уничтожена. Остатки испанскихъ войскъ отъ сраженія подъ Эспинозой, думали-было собраться и снова устроиться въ Рейназѣ, но движеніе на этотъ пунктъ маршала Сульта ихъ разсѣяло; Французы захватили весь тутъ приготовленный непріятелемъ провіантъ и снаряды, и принудили его кинуться въ Леонскія горы.

Такимъ образомъ, правый флангъ французской арміи былъ совершенно освобожденъ; но съ лѣваго ей угрожали Палафоксъ, (Palafox) начальствовавшій въ Арагоніи, и Кастаньосъ, побѣдитель при Байленѣ. Покуда Сультъ занималъ и обезоруживалъ сантандерскую область, императоръ далъ повелѣніе маршалу Ланну преслѣдовать арагонскую и андалузскую арміи. Маршалу Нею приказано двинуться къ Соріи и Таразону, чтобы стать между Мадритомъ и Кастаньосомъ, и, въ случаѣ пораженія этого генерала, отрѣзать ему дорогу на столицу и на Валенцію.

Манёвры маршала Ланна принудили испанскихъ генераловъ отступить между Туделою и Касканте. Здѣсь, опершись на Эбро, и имѣя подъ ружьемъ не менѣе сорока пяти тысячъ войска, они разсудили, что могутъ принять сраженіе. Но ни крѣпость позиція, ни мужество воиновъ не спасли ихъ отъ пораженія: маршалъ Ланнъ разбилъ Испанцевъ, и отмстилъ на самомъ Кастаньосѣ пораженіе нанесенное имъ Францу-

замъ при Байленѣ. Въ сраженіи подъ Туделою Испанцы потеряли семь тысячъ человѣкъ, тридцать пушекъ и семь знаменъ. Палафоксъ отретировался на Сарагоссу, а Кастаньосъ на Валенсію.

Извѣстясь объ этой побѣдѣ, Наполеонъ рѣшился итти прямо на Мадритъ, оставляя на своемъ правомъ флангѣ Сульта, для наблюденіи за движеніями западныхъ областей, а Ланна на лѣвомъ, для удержанія остатковъ арагонской арміи. Ней продолжалъ наблюдать армію андалузскую.

Но патріотизмъ Испанцевъ не унывалъ. Въ Эстрамадурѣ и Кастильѣ сформировалась новая армія, въ двадцать тысячъ человѣкъ, и стала противъ Наполеона, въ намѣреніи преградить ему переходъ по Сомо-Сіеррскому ущелью. Первые отряды французской арміи и дѣйствительно были остановлены испанской артиллеріей, обстрѣливавшей этотъ узскій дефилей. Одно только присутствіе Наполеона, и смѣлый, быстрый

натискъ его гвардейской кавалеріи, могли наконецъ преодолѣть храбрую и упорнѣйшую защиту Испанцевъ, и побѣдить всѣ препятствія. Французская армія, не находя болѣе преградъ, очутилась у воротъ Мадрита. Блистательное дѣло при Сомо-Сіеррѣ происходило 29 ноября, ровно черезъ недѣлю послѣ тудельскаго сраженія. 1 декабря главная квартира Наполеона находилась въ Санъ-Агустино, неподалеку отъ столицы, которая сдалась на капитуляцію 4 числа, то есть, на другой день послѣ взятія Сеговіи маршаломъ Лёфевромъ.

Сначала, Мадритъ рѣшился-было защищаться. Въ немъ собралось сорокъ тысячъ регулярнаго войска, не включая въ это число милиціи; при нихъ было сто пушекъ. По всѣмъ улицамъ наскоро устроены баррикады, и все пред-

вѣщало готовность осажденныхъ къ упорной оборонѣ, такъ, что двукратное предложеніе Наполеона о сдачѣ, принято съ изъявленіемъ презрѣнія и отчаяннымъ мужествомъ. Тогда началась пальба по городу, и выстрѣлы орудій направлены на одинъ изъ дворцовъ (Buen Retiro), повелѣвающій столицею. Едва этотъ важный постъ, послѣ жестокаго кровопролитія, былъ занятъ маршаломъ Викторомъ, какъ побѣдители начали грозить Мадриту немедленнымъ и совершеннымъ разрушеніемъ: эта угроза произвела свое дѣйствіе. Испанская армія оставила столицу, иррегулярное войско разошлось, а власти города подписали капитуляцію.

Занятіе столицы Испаніи, Наполеонъ ознаменовалъ дѣломъ, которому въ то время Испанцы, по своему ожесточенію противъ Французовъ, не могли отдать должной справедливости. Въ самый день капитуляціи Мадрита, Наполеонъ уничтожилъ инквизицію и упразднилъ часть ужаснаго множества монастырей.

Послѣ этого онъ издалъ слѣдующую прокламацію:

« Испанцы! Вы были вовлечены въ заблужденіе людьми коварными; эти люди вовлекли васъ въ борьбу безумную.... Въ нѣсколько мѣсяцевъ вы успѣли уже испытать всѣ бѣдствія вліянія духа народныхъ партій. Пораженіе вашихъ армій было дѣломъ не многихъ дней. Вотъ, я въ Мадритѣ: правà войны даютъ мнѣ право показать примѣръ и омыть въ крови оскорбленія, нанесенныя мнѣ и моему народу: но я внялъ одному гласу милосердія... Я говорилъ вамъ, въ моей прокламаціи отъ 2 іюня, что желаю быть орудіемъ вашего возрожденія. Вы захотѣли, чтобъ я, къ правамъ, предоставленнымъ мнѣ принцами вашей послѣдней династіи, присоединилъ еще и право побѣды. Да будетъ! но это нисколько не измѣняетъ моихъ начальныхъ преднамѣреній. Я даже готовъ похвалить то, чтò было благороднаго въ вашихъ усиліяхъ, я готовъ допустить, что отъ васъ скрывали ваши настоящія пользы.... Испанцы! ваша судьба въ собственныхъ вашихъ рукахъ. Не внимайте словамъ Англичанъ.... Я истребилъ все, чтò мѣшало вашему благу и величію; я далъ вамъ конституцію. Отъ васъ зависитъ воспользоваться ею....

« Но если всѣ мои усилія будутъ тщетны; если вы не отвѣтите моей довѣренности, то мнѣ останется поступить съ Испаніей какъ съ завоеванной областью, и возвесть моего брата на тронъ другаго народа. Тогда я возложу корону Испаніи на свою голову, и буду умѣть заставить уважать ее, потому что Богъ далъ мнѣ и силу и волю, нужныя для преодоленія всякихъ препятствій. »

Однако же Испанцы не сдались на слова императора Французовъ, и такъ же мало смотрѣли на его угрозы какъ и на обѣщанія.

Мадритскій коррехидоръ, въ челѣ депутаціи отъ города, явился принесть побѣдителю изъявленіе чувствъ, которыхъ не было въ душахъ народонаселенія столицы; но занятіе ея войсками Наполеона дѣлало этотъ поступокъ необходимымъ. На рѣчь коррехидора Наполеонъ отвѣчалъ:

« Жалѣю о вредѣ нанесенномъ Мадриту, и считаю за особенное счастіе, что могъ его спасти отъ бóльшихъ бѣдствій.

« Я поспѣшилъ принять мѣры для успокоенія всѣхъ сословій гражданъ, потому что знаю какъ неизвѣстность будущности тягостна каждому народу и каждому человѣку.

« Я сохранилъ монашествующіе ордена, но убавилъ число монашествующихъ лицъ. Избытки упраздненныхъ обителей я повелѣлъ обратить въ доходы, получаемые сельскими священниками.

« Я уничтожилъ также и инквизицію. Духовенству не принадлежитъ и неприлична свѣтская власть надъ гражданами.

« Я прекратилъ дѣйствіе феодальныхъ правъ; теперь каждое частное лицо можетъ заниматься всякимъ полезнымъ промысломъ.

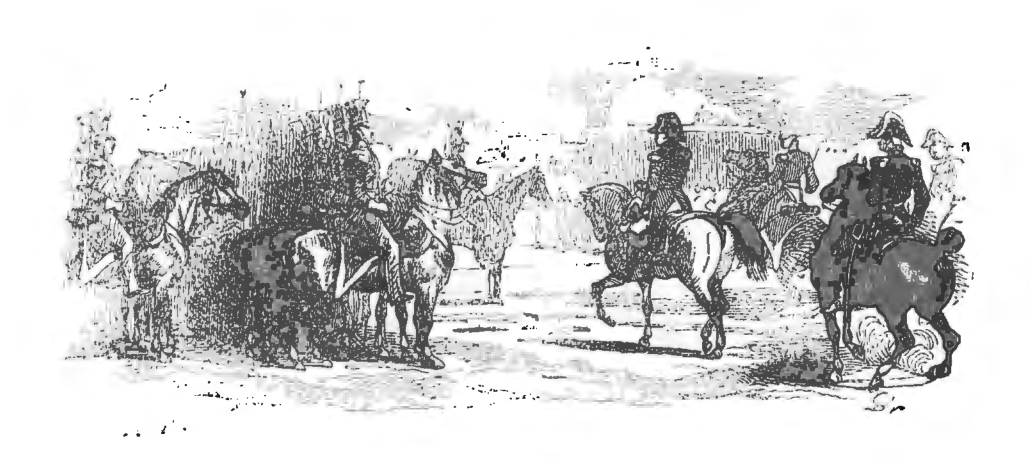
« Нѣтъ такого препятствія, котораго я бы не былъ въ состояніи превозмочь.

« Нынѣшнее поколѣніе, можетъ статься, будетъ непостоянно въ образѣ своихъ мыслей, потому что имъ руководствуютъ страсти; но ваши дѣти и дѣти дѣтей вашихъ бла-

гословятъ мое имя, какъ имя человѣка возродившаго ихъ націю; они внесутъ въ списокъ дней достопамятныхъ дни моего между вами пребыванія. »

Впродолженіи своего кратковременнаго пребыванія въ столицѣ Испаніи, Наполеонъ занимался также и смотромъ своихъ войскъ, и роздалъ нѣкоторымъ офицерамъ кресты ордена Почетнаго-Легіона.

Изъ Мадрита же послалъ Наполеонъ небольшую статью, для помѣщенія въ *Монитёръ*, желая тѣмъ исправить ошибку, сдѣланную императрицей Жозефиной въ отвѣтной ея рѣчи къ депутаціи отъ Законодательнаго Собранія, гдѣ она назвала это сословіе « представителемъ націи. » Наполеонъ объявилъ въ своей оффиціальной газетѣ, что « первый представитель націи — императоръ. »

Однако же, покуда Наполеонъ занимался въ Мадритѣ устройствомъ Испаніи, что не мѣшало ему слѣдить и за особами, облеченными властью въ Парижѣ, военныя дѣйствія въ испанскихъ провинціяхъ шли своимъ чередомъ, и возмущеніе повсюду возрождалось изъ своего пепла.

Англичане оставили Португалію, чтобы поспѣшить на помощь Мадриту; но генералъ Муръ (Moore), видя, что не поспѣетъ во-время къ столицѣ, измѣнилъ предначертанный планъ, и рѣшился обратиться на Вальядолидъ, чтобы отрѣзать французской арміи ея сообщенія. Эта рѣшимость сдѣлалась ему бѣдственной. Самъ аттакованный съ одной стороны и отрѣзанный съ другой, онъ нашелся принужденнымъ начать отъ Паленсіи отступленіе, и безъ отдыха преслѣдуемый маршаломъ Сультомъ до Короньи, былъ здѣсь

смертельно раненъ, потерялъ десять тысячъ человѣкъ своего войска, всѣхъ лошадей, всѣ орудія и всѣ запасы.

Остатки его арміи едва успѣли добраться до морскаго берегу, отдавъ въ руки маршала Коронью, которую тщетно защищали въ продолженіе трехъ дней. Въ это же время Сультъ успѣлъ разсѣять и корпусъ Романьи, укрывшійся-было въ астурійскихъ горахъ.

Наполеонъ, лишь-только узналъ о движеніи Англичанъ на Мадритъ, самъ пошелъ имъ на встрѣчу. Дѣйствія въ Галиціи начались подъ его личнымъ предводительствомъ. Въ началѣ января, главная квартира императора Французовъ переведена сначала въ Асторгу, потомъ въ Бенавентъ. Во время той

же экспедиціи, Наполеонъ пробылъ нѣсколько дней въ Тордезильясѣ, въ наружныхъ зданіяхъ монастыря святой Клары, въ которомъ умерла Іоанна Безумная, мать короля Карла Пятаго. Монастырь этотъ построенъ на развалинахъ стариннаго мавританскаго дворца, отъ котораго уцѣлѣли купальня и двѣ, очень хорошо сохранившіяся, залы. Настоятельница, женщина имѣвшая отъ роду уже семьдесятъ пять лѣтъ, представилась Наполеону; онъ принялъ ее весьма милостиво и предоставилъ ея обители разныя выгоды.

Успѣхъ французскаго оружія былъ не менѣе блестящъ и въ Каталоніи. Гувіонъ-Сенъ-Сиръ, завладѣвъ крѣпостью Розасъ, занялъ Барцелону; а маркизъ де-Вивѐсъ, потерпѣвъ пораженіе при Кардадѣ, впалъ въ немилость хунты.

Такимъ образомъ, съ прибытіемъ Наполеона въ Испанію, дѣла приняли другой оборотъ, и побѣда снова вѣнчала знамена своего любимца.

Менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, англійская армія уничтожена, корпусъ Романьи истребленъ, столица и главныя области государства опять заняты Французами. Пораженія, нанесенныя Дюпону и Жюнò, исправлены совершенно.

Между-тѣмъ, Австрія, отдохнувъ въ послѣдніе три года, готовилась къ новой войнѣ противъ Франціи. Наполеонъ находился въ Вальядолидѣ, когда до него дошло извѣстіе о непріязненномъ расположеніи и вооруженіи Австріи. Императоръ Французовъ принималъ въ Вальядолидѣ многочисленныя депутаціи, пріѣзжавшія изъ Мадрита, уничтожилъ монастырь Доминиканъ, въ которомъ былъ найденъ трупъ убитаго француз-

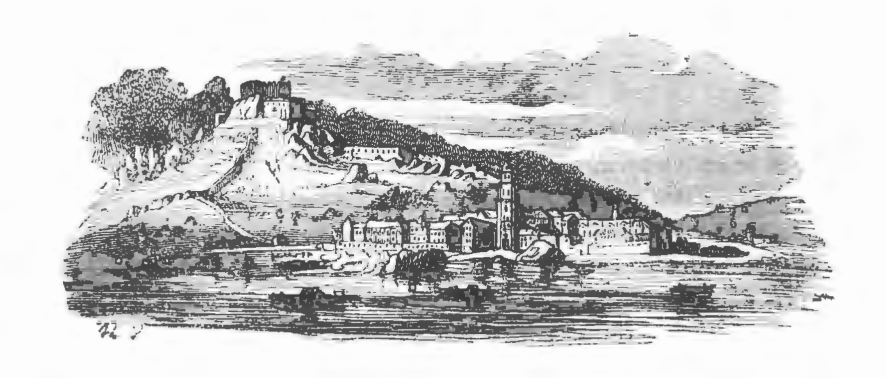

скаго солдата, и, напротивъ, оказалъ знаки своего покровительства ордену Бенедиктинцевъ, не мѣшавшихся въ политическія дѣла и спасшихъ жизнь многимъ Французамъ.

Едва узналъ Наполеонъ о намѣреніяхъ Австріи, какъ поспѣшилъ оставить Испанію, и прибылъ въ Парижъ 23 января 1809 года.

ГЛАВА XXVIII.

Кампанія противъ Австріи 1809 года.

Еще послѣ возвращенія своего изъ Байоны, въ августѣ 1808 года, Наполеонъ зналъ, что Австрія, которой положеніе во время прусской кампаніи было очень двусмысленно, обнаруживала непріязнь къ Франціи, и откровенно высказалъ свое мнѣніе Меттерниху, посланнику этой державы, прибывшему въ Сенъ-Клу для принесенія Наполеону поздравленій отъ австрійскаго двора со днемъ его ангела. Посланникъ увѣрялъ въ мирномъ расположеніи своего государя, и говорилъ, что всѣ вооруженія въ Австріи производятся единственно какъ принятіе мѣръ оборонительныхъ. Наполеонъ далъ ему почувствовать всю неосновательность такой оговорки, и говоря, что ни откуда никакая опасность не грозитъ Австрій, примолвилъ: « Однако жъ, я вѣрю, что вашъ государь не желаетъ войны; я полагаюсь на то слово, которое онъ далъ мнѣ при нашемъ свиданіи. Онъ не можетъ хранить на меня неудовольствіе; правда, я занялъ-было его столицу и бо́льшую часть его областей: но возвратилъ почти все... А, какъ думаете? Если бы кто

изъ моихъ непріятелей взялъ Парижъ, поступилъ ли бы со мною такъ умѣренно?.... Интриги влекутъ васъ туда, куда бы вы и сами не желали итти. Англичане хотятъ снова возжечь войну въ Европѣ.... » Но Меттернихъ стоялъ на томъ, что австрійскій кабинетъ не питаетъ никакихъ непріязненныхъ расположеній. По возвращеніи Наполеона изъ Испаніи, уже въ мартѣ 1809, когда все заставляло предвидѣть непремѣнный разрывъ Франціи съ Австріей, Меттернихъ не переставалъ увѣрять въ томъ же. Но ему уже никто не вѣрилъ, и сенатъ, постановленіемъ отъ 14 апрѣля, назначилъ новый наборъ сорока тысячъ конскриптовъ.

Наконецъ, австрійскій императоръ издалъ манифестъ; 9 апрѣля объявилъ войну, и 10 открылъ кампанію. 12, Наполеонъ, извѣщенный по телеграфу о переходѣ непріятеля черезъ Иннъ, выѣхалъ изъ Парижа; 16 прибылъ онъ въ Диллингенъ, гдѣ засталъ баварскаго короля, которому далъ обѣщаніе въ двѣ недѣли возвратить его столицу, уже занятую эрцгерцогомъ Карломъ. 17 Наполеонъ былъ въ Донавертѣ и издалъ къ своимъ воинамъ слѣдующую прокламацію:

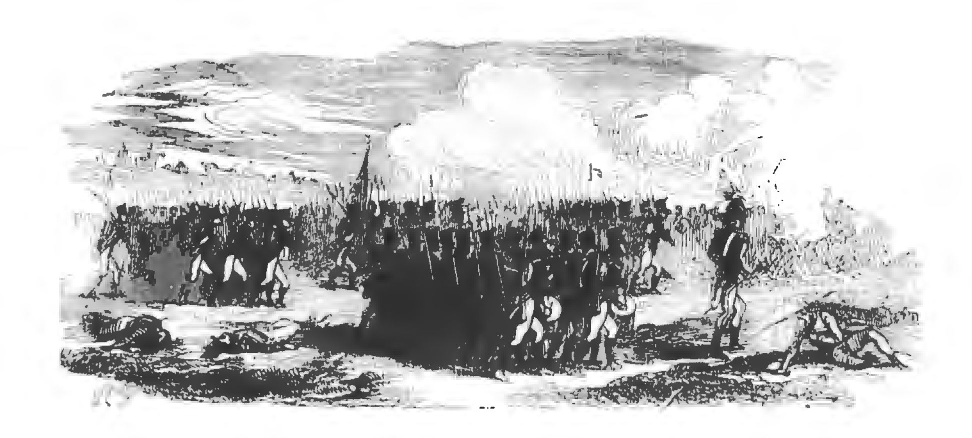
« Воины; непріятель ступилъ на землю конфедераціи. Австрійскій военачальникъ хочетъ, чтобы мы бѣжали передъ его оружіемъ, и оставили ему въ жертву нашихъ союзниковъ. Я прибылъ къ вамъ съ быстротою молніи.

« Воины; вы были свидѣтелями какъ императоръ австрійскій навѣстилъ меня на моемъ бивакѣ въ Моравіи. Вамъ, побѣдителямъ въ трехъ войнахъ, Австрія обязана всѣмъ: и троекратно не сдержала даннаго слова. Наши прошлые успѣхи служатъ вѣрнымъ ручательствомъ въ будущихъ побѣдахъ.

«Пойдемъ же, и пусть, видя насъ, непріятель узнаетъ своихъ побѣдителей. »

Австрія надѣялась на отсутствіе Наполеона, его гвардіи и старыхъ солдатъ. Она знала, что во всей Германіи разбросано не болѣе осьмидесяти тысячъ французскихъ войскъ, тогда какъ въ ея арміи, раздѣленной на девять корпусовъ и состоящей подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, считалось не менѣе полу-милліона воиновъ. Первыя дѣйствія принца Карла казались успѣшными. Онъ, быстрымъ движеніемъ черезъ Иннъ на Изеръ, принудилъ баварскаго короля оставить Мюн-

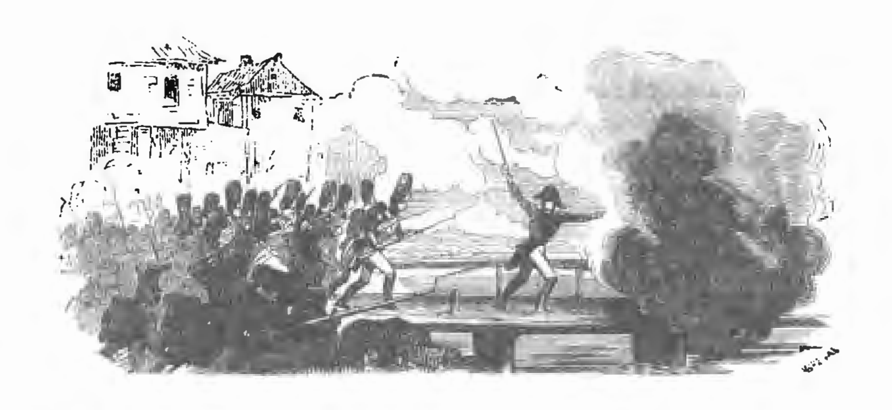
хенъ. Французская армія была въ это время растянута на протяженіи шестидесяти миль, что̀ самое доставляло возможность ее разорвать и разбить по частямъ. Австрійскій главнокомандующій замѣтилъ это и хотѣлъ этимъ воспользоваться, какъ внезапный пріѣздъ Наполеона далъ дѣлу другой видъ. Ревность эрцгерцога и его войскъ поохладѣла, а бодрость Французовъ, напротивъ, воодушевилась новою силою. Всѣ послѣдствія неблагоразумно принятыхъ мѣръ исправлены. Наполеонъ началъ маневрировать превосходно, и тотчасъ сдержалъ слово, данное королю баварскому: на десятый день послѣ обѣщанія, онъ съ торжествомъ возвратилъ его въ Мюнхенъ, куда въѣхалъ 23 апрѣля, одержавъ шесть побѣдъ втеченіи шести дней. Два первыя сраженія послѣдовали въ одинъ день, 19 апрѣля, одно подъ Пфафенгофомъ, другое подъ Танномъ. Въ битвѣ при Пейсингѣ, пятьдесятъ-седьмый линейный полкъ,

подъ командою храбраго полковника Шаррьèръ, послѣдовательно вступалъ въ дѣло съ шестью разными австрійскими полками, и каждый разъ торжествовалъ надъ непріятелемъ. 20, послѣдовало сраженіе подъ Абенсбергомъ, и побѣда опять осталась за Французами. Битва эта продолжалась всего одинъ

часъ; Австрійцы потеряли въ ней осемь знаменъ, двѣнадцать орудій и осьмнадцать тысячъ человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ Французами. На слѣдующій день новое пораженіе ожидало Австрійцевъ подъ Ландсгутомъ.

Въ этой-то битвѣ генералъ Мутонъ, начальствующій одною

колонною гренадеровъ, кинулся на мостъ черезъ Изеръ, уже объятый пламенемъ, и громовымъ голосомъ закричалъ, обращаясь къ своимъ солдатамъ, « Чего тутъ думать? Впередъ! Только, покуда, не стрѣляйте! » Гренадеры кинулись и скоро ворвались въ городъ, оставленный непріятелемъ послѣ жестокой и кровопролитной обороны. Въ самое это время, эрцгерцогъ Карлъ окружалъ и бралъ въ плѣнъ отрядъ Французовъ, въ числѣ тысячи человѣкъ, которому было поручено охранять мостъ въ Регенсбургѣ. Наполеонъ, получивъ объ этомъ донесеніе, поклялся, что черезъ двадцать же четыре часа омоетъ въ крови Австрійцевъ стыдъ нанесенный его оружію; 22 числа, онъ, дѣйствительно, двинулся на Регенсбургъ, и встрѣтилъ непріятельскую сто-десяти-тысячную армію, занявъ-

шую позицію въ Экмюлѣ. То былъ новый случай къ большому сраженію и побѣдѣ. Австрійцы разбиты, принуждены ретироваться и оставить въ рукахъ побѣдителей почти всю свою артиллерію, пятнадцать знаменъ и двадцать тысячъ плѣнными. Самъ эрцгерцогъ Карлъ обязанъ спасеніемъ только своему доброму коню.

Двадцать третьяго числа Французы подступили къ Регенсбургу, котораго не могла прикрыть австрійская кавалерія, разбитая Ланномъ; но зато шесть пѣхотныхъ полковъ, оставленныхъ эрцгерцогомъ Карломъ въ городѣ, рѣшились защищать его. Наполеонъ прибылъ самъ, чтобы распоряжаться приступомъ. Его ранило пулей въ правую ногу. Слухъ объ этомъ немедленно распространился по рядамъ французской

арміи, и множество солдатъ захотѣли лично удостовѣриться въ его справедливости. Но едва показались они на мѣстѣ перевязки, которую Наполеонъ велѣлъ себѣ сдѣлать на скорую руку, какъ онъ всталъ и сѣлъ на коня, при громкихъ крикахъ обрадованныхъ воиновъ. Вскорѣ послѣ того городъ

взятъ штурмомъ. Осемь тысячъ непріятелей сдались, остальные, упорно защищавшіеся, положены на мѣстѣ.

Тѣмъ временемъ, маршалъ Бессіеръ, преслѣдуя остатки австрійскихъ войскъ, пораженныхъ при Абенсбергѣ и Ландзгутѣ, настигъ ихъ, 24 числа, подъ Неймаркомъ, въ то самое мгновеніе, какъ они соединились съ резервнымъ корпусомъ, прибывшимъ на Иннъ, разбилъ ихъ снова и взялъ въ плѣнъ полторы тысячи человѣкъ.

Въ тотъ же день Наполеонъ отдалъ въ Регенсбургѣ слѣдующій приказъ по арміи:

« Воины;

« Вы оправдали мои ожиданія; вы мужествомъ замѣнили недостатокъ въ числѣ; вы со славою показали разницу, которая существуетъ между солдатъ Кесаря и арміею Ксеркса.

« Въ теченіи не многихъ дней мы остались побѣдителями въ сраженіяхъ таннскомъ, абенсбергскомъ и экмюльскомъ, въ битвахъ подъ Пейсингомъ, Ландсгутомъ и Регенсбургомъ. Сто орудій, сорокъ знаменъ, пятьдесятъ тысячъ плѣнныхъ, три тысячи повозокъ съ багажемъ, амуничные и боевые ящики всѣхъ непріятельскихъ полковъ, — вотъ трофеи быстрыхъ, совершенныхъ вами, переходовъ, и вашего мужества...

« Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ мы будемъ въ Вѣнѣ! »

И это дерзкое предсказаніе исполнится, какъ передъ тѣмъ исполнилось обѣщаніе Наполеона королю баварскому. Наполеонъ быстро двинется на столицу Австріи. 30 апрѣля его главная квартира находится въ Бургаузенѣ; здѣсь представляется ему графиня фонъ Армансбергъ и проситъ возвратить ей мужа, захваченнаго Австрійцами по подозрѣнію въ расположеніи къ Французамъ; здѣсь же издастъ онъ третій бюллетень большой арміи, въ которомъ жестоко и лично оскорбляетъ императора Франца. Если Наполеонъ думалъ низвергнуть его съ престола, то въ этомъ случаѣ, слова его, просто, оскорбительны; но если располагался оставить его на тронѣ обширной и сильной державы, то говорилъ совершенно вопреки всякой политикѣ, потому что посѣвалъ своей дерзновенной рѣчью сѣмяна вѣчнаго неудовольствія въ сердцѣ монарха, съ которымъ, отъ этой поры, никакой союзъ и

никакія сношенія не могли уже быть искренними, и даже становились опасными.

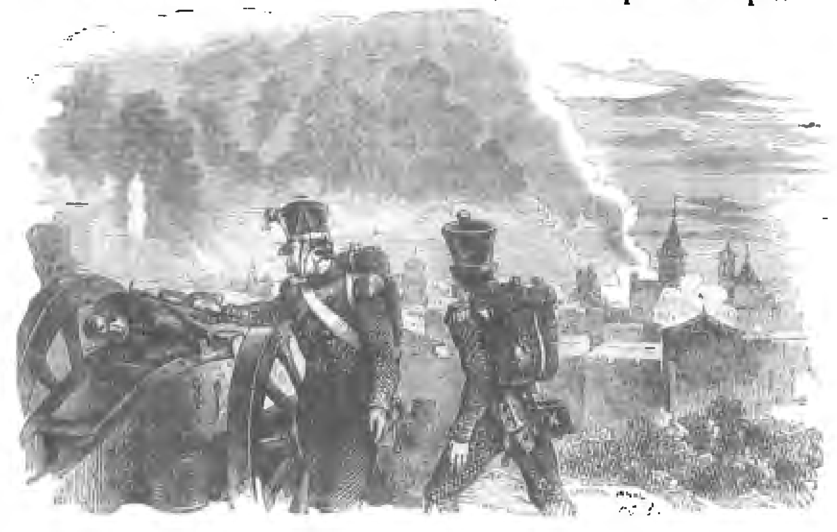
Перваго мая главная квартира императора Французовъ перенесена въ Ридъ, куда онъ прибылъ ночью. Третьяго, тридцати-тысячный корпусъ Австрійцевъ, ретирующійся отъ Ландсгута къ Эберсбергу, настигнутъ французскими егерями. Въ это время Бессіеръ и Удино, только-что соединившіеся съ Массеной, шли тоже на Эберсбергъ, и грозили окружить и уничтожить корпусъ Австрійцевъ; генералъ Клапаредъ шелъ съ французскимъ авангардомъ, состоящимъ не болѣе какъ изъ семи тысячъ человѣкъ. Едва только этотъ авангардъ дебушировалъ, какъ непріятель, занимавшій выгодную позицію, не сталъ дожидаться приближенія французскихъ корпусовъ и напалъ на него, зажегши городъ, въ которомъ вся постройка была деревянная. Пламя разлилось повсюду и остановило Бессіера, подошедшаго-было съ кавалеріей къ мосту, для поддержанія Клапареда. Такимъ образомъ, этотъ генералъ былъ принужденъ защищаться однѣми собственными средствами противъ непріятеля, слишкомъ вчетверо превосходнѣйшаго въ силахъ, и удерживался втеченіи трехъ часовъ. Наконецъ, генералы Легранъ и Дюронель (Durosnel) пришли, съ разныхъ сторонъ, на помощь авангарду. Замокъ Эберсбергъ взятъ приступомъ и сожженъ; непріятель отступилъ, черезъ Эннсъ, на Вѣну, потерявъ въ этомъ сраженіи двѣнадцать тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе половины взятыми въ плѣнъ.

На бивакахъ подъ Эберсбергомъ, Наполеонъ принималъ депутацію отъ областей Верхней Австріи. 4, онъ ночевалъ въ Эннсѣ, въ замкѣ графа Авсперга, и 6 очутился въ томъ же знаменитомъ Молкскомъ аббатствѣ, въ которомъ останавливался во время кампаніи 1805 года; и на этотъ разъ, Французскіе солдаты взяли изъ погребовъ аббатства нѣсколько милліоновъ бутылокъ вина.

Осьмаго числа главная квартира Наполеона перенесена изъ Молка въ Санктъ-Полтенъ. Черезъ два дня потомъ, въ девять часовъ утра, Наполеонъ стоялъ уже у воротъ Вѣны.

Въ столицѣ Австріи начальствовалъ эрцгерцогъ Максимиліанъ, братъ императора, и располагался защищать ее. Первыя предложенія о сдачѣ отвергнуты имъ съ презрѣніемъ. Между-тѣмъ, въ рукахъ Французовъ находились уже предмѣстья, заключающія въ себѣ двѣ трети всего народонаселенія столицы. Наполеонъ учредилъ въ нихъ національную стражу и городовое правленіе, которое немедленно отправило къ эрцгерцогу Максимиліану депутацію, съ просьбою пощадить домà предмѣстій; но его высочество не снизсходилъ на это прошеніе и огонь продолжался по-прежнему. Тогда Наполеонъ отдалъ приказъ бомбардировать столицу. Одиннадцатаго числа, въ девять часовъ вечера, мортирная батарея, поставленная въ ста саженяхъ отъ стѣнъ Вѣны, начала громить городъ.

Меньше чѣмъ въ четыре часа кинуто тысячу осемь сотъ бомбъ. Вскорѣ весь городъ представилъ одну сплошное море огня. Эрцгерцогъ, послѣ тщетныхъ усилій воспрепятствовать успѣхахъ осаждающихъ, и притомъ извѣстясь, что Французы перешли за одинъ изъ рукавовъ Дуная и могли ему отрѣзать отступленіе, оставилъ Вѣну въ ночь, и сдалъ начальство генералу О'Рельи (O'Reilli), который, на разсвѣтѣ, далъ знать Наполеону, что прекращаетъ огонь, а вслѣдъ за тѣмъ къ императору Французовъ прибыла и депутація отъ столицы, въ числѣ которой находился вѣнскій архіепископъ; депутацію эту Наполеонъ принялъ въ шенбрунскомъ паркѣ.

Въ тотъ же день, 12 числа, Массена овладѣлъ Леопольдштадтомъ. Вечеромъ подписана капитуляція Вѣны, а 13, въ шесть часовъ утра, Удино, со своими гренадерами, занялъ столицу Австріи. На другой день отданъ слѣдующій приказъ по арміи:

« Воины;

« Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ непріятель перешагнулъ за Иннъ, мы, въ тотъ же день и часъ, вступили въ Вѣну...

« Уважайте народонаселеніе города Вѣны. Я принимаю жителей столицы Австріи подъ мое особенное покровительство. Что̀ касается до людей злыхъ и мятежныхъ, то я примѣрно стану ихъ наказывать.

« Воины! будемте снисходительны къ бѣднымъ поселянамъ, къ этому доброму народу, имѣющему столько правъ на наше уваженіе. Не станемъ гордиться всѣми нашими успѣхами; будемъ смотрѣть на нихъ какъ на дѣйствія благости и правосудія Промысла.

« *Наполеонъ.* »

Однако же, австрійская армія, отступя отъ столицы, не отступалась отъ продолженія военныхъ дѣйствій. Прикрытая Дунаемъ, на которомъ разрушила мосты находившіеся въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ, эта армія выжидала только случая принять наступательное положеніе. Первою цѣлью ея аттакъ былъ линцской мостъ; но Вандамъ мужественно защищалъ его, а прибывшій къ нему на помощь маршалъ Бернадотъ вовсе отбилъ Австрійцевъ. Съ своей стороны и Наполеонъ горѣлъ нетерпѣніемъ перейти за рѣку и кончить

кампанію; поэтому все его вниманіе было обращено на возобновленіе сообщенія противоположныхъ береговъ. Массена успѣлъ перекинуть нѣсколько мостовъ черезъ тотъ рукавъ Дуная, который орошаетъ островъ Лобау; Наполеонъ рѣшился переправить по нимъ всю свою армію. Въ три дня корпуса Ланна, Бессіера и Массены заняли позицію на этомъ островѣ. Сообщеніе съ правымъ берегомъ производилось посредствомъ плашкоутнаго мосту, длиною въ пять сотъ саженъ, наведенному на трехъ рукавахъ рѣки. Другой мостъ, длиною всего въ шестьдесятъ одну саженъ, соединялъ островъ съ лѣвымъ берегомъ. По немъ перешли, 21 мая, тридцать пять тысячъ человѣкъ войска, готоваго къ бою; но къ вечеру того дня, эрцгерцогъ Карлъ, успѣвшій собрать всѣ остатки австрійскихъ корпусовъ, разбитыхъ въ Баваріи, и присоединить ихъ къ своимъ резервамъ, явился со сто-тысячною арміею, и быстро напалъ на корпуса Массены, Бессіера и Ланна, которые одни, изъ всѣхъ французскихъ войскъ, находились на лѣвомъ берегу Дуная. Первый аттакованъ Массена, стоявшій въ Асперпѣ, защищался съ мужествомъ, также какъ и Ланнъ, аттакованный въ Эсслингѣ, между-тѣмъ какъ Бессіеръ производилъ блистательныя кавалерійскія аттаки на центръ Австрійцевъ, расположенный между этими двумя деревнями.

Ночь прекратила огонь. Сто-тысячная австрійская армія не могла заставить отступить корпуса Массены, Ланна и Бессіера, въ которыхъ считалось вообще тридцать-пять тысячъ человѣкъ; слѣдовательно, можно было полагать что если къ Французамъ подоспѣетъ подкрѣпленіе, то Австрійцы будутъ разбиты. По распоряженію Наполеона, гренадеры Удино, дивизія Сентъ-Илера, двѣ бригады легкой кавалеріи, и артиллерія, принадлежащая къ этимъ войскамъ, перешли ночью мостъ и заняли позицію въ боевой линіи. Наполеонъ принялъ начальство и надѣялся одержать значительную побѣду. Въ четыре часа утра, Австрійцы, опять первые, начали сраженіе нападеніемъ на деревню Асперпъ, занятую Массеной, который, выдержавъ и отразивъ натискъ непріятелей, самъ не замедлилъ перейти въ наступательное положеніе и быстро пошелъ на аттаковавшія его колонны, а

между-тѣмъ Ланнъ, съ молодою гвардіей, ударилъ на австрійскій центръ, чтобы разъединить фланги ихъ арміи.

Побѣда очевидно склонялась на сторону Французовъ, какъ вдругъ, въ семь часовъ утра, Наполеону донесено, что отъ внезапной прибыли воды въ Дунаѣ разорвался мостъ, связывавшій островъ Лобау съ правымъ берегомъ рѣки, и такимъ образомъ уничтоженъ единственный путь сообщенія между отрядомъ, сражающимся на лѣвомъ берегу, и остальною частью французской арміи. Получивъ это извѣстіе, Наполеонъ, у котораго было только пятьдесятъ тысячъ человѣкъ противъ ста тысячъ Австрійцевъ, далъ повеленіе остановить наступательныя дѣйствія, и приказалъ своимъ маршаламъ заботиться только о сохраненіи настоящей позиціи, чтобы потомъ имъ можно было въ порядкѣ отступить на островъ Лобау. Распоряженія Наполеона исполнены въ точности. Между-тѣмъ Австрійцы, видя невыгодное положеніе Французовъ, лишенныхъ подвоза артиллерійскихъ снарядовъ и подкрѣпленія пѣхотой, немедленно аттаковали ихъ на всѣхъ пунктахъ. Они снова и въ одно время кинулись на Асперинъ и Эсслингенъ, но вездѣ были мужественно отражены Французами. Маршалъ Ланнъ, которому императоръ Наполеонъ поручилъ удержать за собой поле битвы, съ примѣрною храбростью исполнилъ возложенное на себя порученіе. Но эта блистательная услуга была послѣдняя, которую славный воинъ оказалъ отечеству и своему государю-другу. Къ концу сраженія, ядро оторвало ему ногу. Операція отнятія ноги была немедленно сдѣлана и съ такимъ успѣхомъ, что даже подала надежды, къ несчастію не сбывшіяся. Маршала принесли на носилкахъ къ императору, который не могъ удержаться отъ слезъ, при видѣ любимѣйшаго изъ бывшихъ своихъ товарищей, смертельно раненаго. Наполеонъ сказалъ впослѣдствіи: « Видно этотъ ударъ былъ мнѣ чувствителенъ, если я, въ тогдашнемъ положеніи моей арміи, могъ еще думать не объ ней одной. » Ланнъ, лежавшій въ обморокѣ, пришелъ наконецъ въ чувство, и видя подлѣ себя Наполеона, обнялъ его и сказалъ: — « Еще одинъ часъ, и вы лишитесь человѣка, который умираетъ съ увѣренностью, что былъ и есть лучшимъ вашимъ другомъ». Маршалъ прожилъ еще де-

сять дней, и было нѣсколькихъ такихъ минутъ, втеченіи которыхъ медики питали надежду спасти его отъ смерти: но всѣ ихъ усилія остались тщетными, и, 31 мая, Ланнъ скончался въ Вѣнѣ.

Сраженіе подъ Эсслингомъ нанесло чувствительный ударъ Наполеону въ его частныхъ привязанностяхъ, и лишило французскую армію еще другаго искуснаго и храбраго генерала, Сентъ-Илера. Хотя французскія войска, въ день эслингенскаго бою, оказали большое мужество, однако же побѣда осталась не рѣшенною: обѣ воюющія стороны приписывали ее себѣ. Въ глазахъ Европы Наполеонъ могъ показаться побѣжденнымъ уже по одному тому, что не совершенно разбилъ непріятеля и былъ принужденъ оставаться въ прежней позиціи, не подвинувшись ни на шагъ впередъ. Онъ понялъ, какое вліяніе можетъ произойти отъ этого на умы французской націи, и рѣшился не отступать ни подъ какимъ видомъ, и держаться на островѣ Лобау, въ которомъ часть его арміи

была заперта не предвидѣннымъ разлитіемъ Дуная и разрушеніемъ мостовъ.

Эрцгерцогъ Карлъ, съ своей стороны, озабоченный движеніями Даву, бомбардировавшаго Пресбургъ, не счелъ возможнымъ принять нападательное положеніе, и ограничился укрѣпленіемъ своей позиціи между Асперномъ и Энцерсдорфомъ.

Наполеонъ дѣятельно занялся наведеніемъ новыхъ мостовъ: сообщеніе острова съ правымъ берегомъ рѣки было вскорѣ возстановлено. Потомъ пришло извѣстіе, что, на третій день послѣ эслингенскаго сраженія, италіянская армія, подъ начальствомъ вице-короля Евгенія, одержала, при Сенъ-Микелѣ, рѣшительную побѣду надъ австрійскимъ корпусомъ генерала Еллачича (Jellachich), и соединилась, на высотахъ Симмеринга, съ германскою арміею Французовъ. За этимъ счастливымъ событіемъ послѣдовала прокламація. Наполеонъ говорилъ:

« Воины италіянской арміи,

« Вы достигли со славою до цѣли, которую я назначилъ вамъ: Симмерингъ сталъ свидѣтелемъ вашего соединенія съ большою арміею.

« Милости просимъ! Я доволенъ вами!!!.... Повеленіе двинуться впередъ застало васъ на поляхъ аркольской битвы, и вы, надъ прахомъ падшихъ героевъ, поклялись побѣдить или умеретъ. Вы сдержали ваше слово въ сраженіяхъ подъ Сенъ-Даніелемъ, Тарви, Гарисѣ.... »

За соединеніемъ вице-короля послѣдовала, 14 іюня, при Раабѣ, новая, имъ же одержанная, побѣда надъ эрцгерцогомъ Іоанномъ и эрцгерцогомъ-палатиномъ. Вслѣдъ за тѣмъ Мармонъ, послѣ успѣшныхъ дѣйствій въ Далмаціи, также присоединился къ большой арміи, и корпусъ его вошелъ въ кругъ операціоннаго плана, предначертаннаго Наполеономъ, который увидѣлъ, что настало наконецъ время нанесть рѣшительный ударъ Австрійцамъ, къ чему онъ готовился уже болѣе мѣсяца. Вотъ извлеченіе изъ двадцать-пятаго бюллетеня, содержащаго въ себѣ описаніе ваграмской битвы, послѣ предварительнаго описанія перехода французскихъ войскъ черезъ Дунай, 4 іюля, въ десять часовъ ве-

чера, пожара Енцерсдорфа и нѣкоторыхъ успѣховъ, одержанныхъ втеченіи дня пятаго іюля.

Ваграмская битва.

« Австрійцы, встрѣвоженные успѣхами Французовъ, пришли въ движеніе, и въ шесть часовъ вечера заняли слѣдующую позицію: ихъ правое крыло расположилось отъ Стаделау до Герасдорфа; центръ отъ Герасдорфа до Ваграма; лѣвый флангъ отъ Ваграма до Нейзиделя. Французская армія имѣла свой лѣвый флангъ въ Гроссъ-Асфернѣ, центръ въ Рашдорфѣ, правое крыло въ Глинсендорфѣ. День уже клонился къ вечеру; обѣ арміи оставались въ сказанной позиціи, и на слѣдующій день должно было ожидать большаго сраженія; но если бы Французамъ удалось ночью занять Ваграмъ, то линія австрійской позиціи была бы разорвана, и положе-

ніе непріятелей, и то уже столь растянутое, представило бы случай къ полученію большихъ выгодъ, безъ вступленія въ рѣшительной бой. Вслѣдствіе того нападеніе на Ваграмъ произведено, и Французы овладѣли-было этимъ селеніемъ: но, въ темнотѣ ночи, колонна Французовъ и колонна Саксонцевъ, сойдясь и принявъ другъ-друга за непріятелей, сдѣлали то̀, что покушеніе не удалось.

« Тогда начались приготовленія къ ваграмской битвѣ. Кажется, что распоряженія вождя французской арміи и главнокомандующаго арміею австрійскою, были совершенно противоположны одни другимъ. Императоръ Французовъ употребилъ всю ночь на стягиваніе своихъ силъ къ центру, гдѣ присутствовалъ самъ, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Ваграма. Сообразно тому, герцогъ де-Риволи сдѣлалъ движеніе на лѣвый флангъ, къ Адерклау, оставивъ у Асперна одну только дивизію, которой приказано, въ случаѣ нужды, отступить къ острову Лобау, а герцогу Ауэрштадтскому повелѣно миновать селеніе Гроссгофенъ и тоже приблизиться къ центру. Австрійскій главнокомандующій, напротивъ, ослабилъ свой центръ, чтобы усилить фланги, которые растянулъ еще на бо̀льшее противъ прежняго пространство.

« Шестаго числа, на зарѣ, князь Понте-Корво сталъ на лѣвомъ крылѣ, имѣя сзади себя, во второй линіи, герцога де-Риволи. Войска вице-короля связывали его съ центромъ, въ которомъ корпуса̀ Удино̀, герцога Рагузскаго, императорской гвардіи и кирасирскія дивизіи расположились въ семь или осемь линій.

« Герцогъ Ауерштадтскій пошелъ съ праваго фланга къ центру. Австрійскій корпусъ генерала Беллегарда, напротивъ, подвинулся къ Стаделау. Корпуса̀ Коловрата, Лихтенштейна и Гиллера связывали этотъ правый флангъ съ позиціею близъ Ваграма, занятою княземъ Гогенцоллерномъ, и съ оконечностью лѣваго крыла, въ Нейзиделѣ, гдѣ дебушировалъ корпусъ Розенберга, тоже съ намѣреніемъ растянуться за позицію герцога Ауерштадтскаго. Оттого и случилось, что корпуса̀ Розенберга и герцога Ауерштадтскаго, дѣлая движеніе въ одну сторону, сошлись и первые, на зарѣ, начали сраженіе. Наполеонъ тотчасъ же поскакалъ къ мѣсту завя-

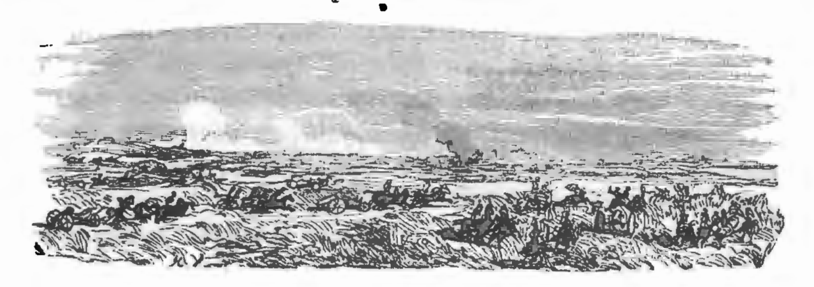
завшейся битвы, велѣлъ подкрѣпить герцога Ауерштадтскаго кирасирскою дивизіею герцога Падуанскаго, и навелъ батарею изъ двѣнадцати орудій во флангъ корпусу Розенберга, который, менѣе чѣмъ въ три четверти часа, опрокинутъ, и, потерпѣвъ значительный уронъ, отступилъ за Нейзидель.

« Между-тѣмъ, выстрѣлы орудій начали раздаваться по всей линіи, и намѣренія Австріійцевъ становились часъ-отъ-часу замѣтнѣе: весь ихъ лѣвый флангъ обставлялся артиллеріею. Такое распоряженіе непріятельскаго главнокомандующаго казалось дотого не сообразнымъ съ дѣломъ, что Наполеонъ втеченіи нѣкотораго времени пріостановился отдавать приказанія, опасаясь, не скрывается ли въ этомъ маневрѣ какой воинской хитрости. Онъ приказалъ герцогу де-Риволи аттаковать одну деревню, занятую непріятелемъ, которая нѣсколько безпокоила оконечность французскаго центра; велѣлъ герцогу Ауерштадтскому обойти позицію при Нейзиделѣ, и оттуда направиться на Ваграмъ; а войскамъ герцога Рагузскаго и генерала Макдональда указалъ построится въ колонны и напасть на Ваграмъ, въ самое то время какъ герцогъ Ауерштадтской будетъ дебушировать.

« Тѣмъ временемъ Наполеону донесено, что Австрійцы съ яростью ведутъ аттаку противъ той деревни, которую успѣлъ занять герцогъ де-Риволи; что Австрійны верстъ слишкомъ на пять протянулись дальше лѣваго фланга Французовъ; что со стороны Гроссъ-Асперна слышна сильная канонада, и что

интервалъ между Гроссъ-Асперномъ и Ваграмомъ, кажется, покрытъ неисчислимымъ множествомъ непріятельской артиллеріи. Тогда уже не стало болѣе сомнѣнія: Австрійцы сдѣлали величайшую ошибку; стоило только воспользоваться ею. Наполеонъ тотчасъ же приказалъ генералу Макдональду построить дивизіи Брусіе и Ламарка въ колонны къ аттакѣ, а дивизія генерала Нансути, конной-гвардіи и шестидесяти орудіямъ гвардейской артиллеріи, да сорока орудіямъ, взятымъ отъ другихъ корпусовъ, ихъ поддерживать. Генералъ графъ

Лористонъ, принявъ начальство надъ этими ста орудіями, пустился рысью на непріятеля, молча подъѣхалъ къ нему на половину разстоянія пушечнаго выстрѣла, и открылъ убійственный огонь, который вскорѣ заставилъ замолчать австрійскую артиллерію, и жестоко поразилъ ряды непріятелей. Тогда Макдональдъ ринулся быстро въ аттаку; его поддерживалъ дивизіонный генералъ Рейлль съ бригадою гвардейскихъ егерей и застрѣльщиковъ. Чтобы способствовать совершенному успѣху этой аттаки, полки гвардіи сдѣлали перемѣну фронта. Австрійскій центръ, въ самое короткое время, отступилъ на цѣлую милю; ихъ правый флангъ увидѣлъ всю гибельность занятой имъ позиціи, и тоже поспѣшно отретировался. Въ это время, герцогъ де-Риволи напалъ на непріятеля съ фронта, а герцогъ Ауэрштадтскій кинулся на его лѣвое крыло, взялъ Нейзидель и пошелъ на Ваграмъ.

« Въ эту пору было еще только десять часовъ утра, а уже побѣда очевидно должна была склониться на сторону Французовъ.

« Въ полдень Ваграмъ занятъ. Австрійцы, съ десяти часовъ утра, только оборонялись отступая; съ полудня это

отступленіе начало производиться безъ порядка, и, далеко до наступленія ночи, непріятель вовсе ушелъ изъ виду. Лѣвое крыло Французовъ находилось въ Ительзе и Эберсдорфѣ, центръ близъ Оберсдорфа, а кавалерія праваго фланга занимала пикеты до самаго Зонкирхена.

« Седьмаго числа, на разсвѣтѣ, французская армія пришла въ движеніе и потянулась на Кронейбургъ и Волькерсдорфъ, а форпосты ея были близъ Никольсбурга. Непріятель, отрѣзанный отъ Венгріи и Моравіи, былъ припертъ къ сторонѣ Богеміи.

« Такъ происходила ваграмская битва, битва рѣшительная и навсегда знаменитая, въ которой дралось отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ и дѣйствовало отъ тысячи двухъ сотъ до полуторы тысячи орудій, на мѣстности, совершенно извѣстной непріятелю, на позиціи, которую онъ укрѣплялъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

« Десять знаменъ, сорокъ пушекъ, двадцать тысячъ человѣкъ плѣнными, въ томъ числѣ до четырехъ сотъ оберъ-офицеровъ и много генераловъ и штабъ-офицеровъ, суть трофеи этой побѣды.... »

Въ третій разъ Наполеонъ явился побѣдителемъ Австріи и въ рукѣ своей держалъ судьбу лотарингскаго дома, и въ третій разъ склонился принять мирныя предложенія. Императоръ австрійскій, лишенный послѣ ваграмскаго сраженія возможности продолжать войну, попросилъ перемирія, и оно подписано, 10 іюля, въ Цнаимѣ. Переговоры о мирѣ открыты немедленно; они тянулись три мѣсяца, въ теченіе которыхъ Наполеонъ оставался въ Шёнбруннѣ.

Здѣсь узналъ онъ о высадкѣ осмнадцати-тысячнаго корпусу Англичанъ на островъ Вальхеренъ, о капитуляціи Флиссингена, о покушеніи на Антверпенъ, и тотчасъ же послалъ Бернадота и министра Дарю для охраненія этого послѣдняго города. Англичане были принуждены сѣсть на суда и отправиться обратно.

Генералъ Моне (Monet), не довольно долго защищавшій Флессингъ, отданъ подъ военный судъ.

За ваграмское дѣло, генералы Удино, Макдональдъ и Мармонъ произведены въ маршалы.

Французская армія заняла Германію отъ Дуная до Эльбы, отъ Рейна до Одера, и съ этихъ-то поръ должно считать начало ненависти Германцевъ къ Наполеону.

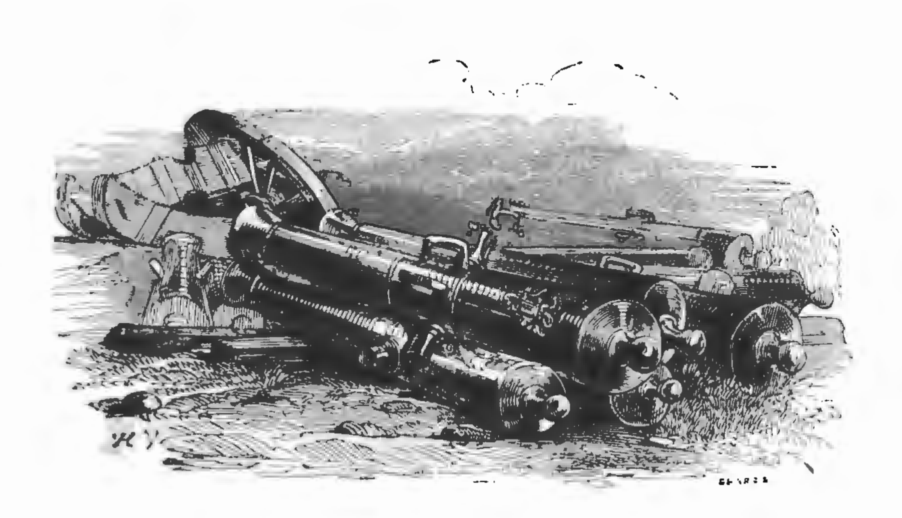
Первымъ, очевиднымъ, проявленіемъ этой ненависти, была попытка одного молодаго человѣка, прибывшаго изъ Эрфурта въ Вѣну убить императора Французовъ. Захваченный въ то самое время, когда хотѣлъ привесть въ исполненіе свое намѣреніе, онъ остался спокойнымъ и равнодушнымъ, не изъявлялъ ни малѣйшаго раскаянія, и жалѣлъ только о томъ, что задуманное преступленіе ему не удалось. Наполеонъ пожелалъ лично распросить его. Молодой человѣкъ сказалъ, что его фамилія Стапсъ, что онъ родомъ изъ Эрфурта, сынъ лютеранскаго пастора, никогда не знавалъ ни Шилля ни Шнейдера, и также никогда не принадлежалъ ни къ обществу масоновъ, ни къ сектѣ иллюминатовъ. Наполеонъ спросилъ, зачѣмъ же Стапсъ не убилъ его еще въ то время, какъ видѣлъ его въ Эрфуртѣ. « Вы давали отдохнуть моему отечеству, — отвѣчалъ онъ, — и я считалъ, что миръ будетъ непремѣнно. » Изъ отвѣтовъ Стапса Наполеонъ понялъ, до какой степени Германцы вооружены противъ него. Онъ, говорятъ, хотѣлъ даже простить этого несчастнаго мо-

лодаго человѣка, котораго твердость духа и откровенность ему понравились; но приказаніе о помилованіи пришло поздно. Стапсъ хладнокровно выслушалъ свой смертный приговоръ, и умеръ, повторяя: « Да здравствуетъ миръ! Да здравствуетъ Германія! »

Наконецъ желанный миръ заключенъ въ Вѣнѣ, 14 октября 1809 года. Австрійскій императоръ былъ вынужденъ сдѣлать новыя уступки областей своихъ въ пользу Франціи, Саксоніи и нѣкоторыхъ другихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, къ которой отошелъ тарнопольскій край, — самая восточная часть прежней Галлиціи, съ 400,000 жителей.

Послѣ подписанія мирнаго договора, императоръ оставилъ Шёнбруннъ, и 26 октября прибылъ въ Фонтенбло.

ГЛАВА XXIX.

Непріязненныя отношенія къ папѣ. Присоединеніе римской области къ имперіи французской.

Сильнѣйшіе вѣнценосцы Европы прекратили на время борьбу съ Наполеономъ; а въ ея углу, на оконечности Италіи, самый слабый, самый незначительный изъ монарховъ, осмѣливался еще итти противъ желаній императора Французовъ. Этотъ слабый противникъ могучаго императора былъ знаменитый папа, тотъ самый, который, за нѣсколько передъ тѣмъ времени, оставлялъ свой квиринальскій дворецъ, чтобы собственною рукою помазать Наполеона на царство.

Папа, столь безсильный какъ свѣтскій властитель, могъ ли надѣяться на свое духовное значеніе? Понятія среднихъ вѣковъ, вездѣ разрушающіяся, были ли въ Римѣ еще полны жизни и силы? Постановленія западной церкви и ея религіозныя вѣрованія, на которыхъ утверждалось нѣкогда ду-

ховное могущество римскихъ первосвященниковъ, развѣ не подверглось всесокрушающему дѣйствію времени?....

Вотъ вопросы, на которые можетъ отвѣчать исторія. Еще за двѣсти лѣтъ передъ этимъ, изъ Франціи писали въ Ватиканъ, что буллы его святѣйшества « мерзнутъ » при переходѣ за Альпы.

Пій VII не могъ не знать, что бывалое могущество папъ почти совершенно исчезло; однако жъ, онъ сохранялъ о немъ воспоминаніе, и гордился имъ, и опирался на него. Но все это было съ его стороны одною благородной мечтою.

Еще съ 1805 года, немного времени спустя послѣ коронаціи императора Французовъ, Пій VII желалъ исполненія своихъ надеждъ, для которыхъ, собственно говоря, рѣшился переступить Альпы и пріѣхать въ Парижъ. Онъ настоятельно просилъ, чтобы легаціи были переданы въ его руки, и чтобы папскія владѣнія были увеличены. Но уступка земель не входила въ виды Наполеона на Италію, и онъ упорствовалъ въ отказѣ. Тогда-то римскій первосвященникъ раскаялся, что согласился собственною рукою помазать на царство человѣка неблагодарнаго, и его негодованіе стало выражаться въ словахъ, и въ письмахъ, и во всѣхъ поступкахъ. Онъ сталъ постоянно отказывать утверждать въ санѣ епископовъ, назначаемыхъ Наполеономъ, въ силу конкордата, и никакъ не хотѣлъ запереть свои гавани Англичанамъ.

Такое поведеніе папы возбудило весь гнѣвъ императора Французовъ, и онъ написалъ къ его святѣйшеству, отъ 13 февраля 1806 года:

« Для свѣтскихъ выгодъ, оставляютъ погибать души....

« Ваше святѣйшество обладаете Римомъ; но я — римскій императоръ: всѣ мои непріятели должны быть и вашими непріятелями.... »

Пій VII отвѣчалъ:

« Верховный первосвященникъ никогда не признавалъ власти выше своей власти.... Императора римскаго не существуетъ.... Намѣстникъ Бога мира долженъ сохранять миръ со всѣми людьми, и съ православными, и съ еретиками. »

Такой высокомѣрный отвѣтъ, несмотря на заключающееся въ немъ чувство истиннаго самодостоинства, еще болѣе

раздражилъ Наполеона: онъ сталъ настаивать и грозить; по все тщетно. Пій VII увѣрялъ, что онъ нисколько не нарушаетъ конкордата не утверждая епископовъ, представляемыхъ императоромъ Французовъ, потому-что въ конкордатѣ не назначено сроку, въ который они должны быть утверждаемы его святѣйшествомъ, и говорилъ, что время это должно быть непремѣнно оставлено на благоизволеніе папы; а что касается до Англичанъ, то Пій VII ссылался на необходимость торговли съ ними своихъ подданныхъ, и на общую обязанность христіанъ какъ-возможно стараться о сохраненіи взаимнаго между собою мира.

Посланникъ Наполеона постарался-было дать замѣтить первосвященнику, что такія отговорки теперь неумѣстны и только могутъ навлечь на Римъ грозу; но папа остался непреклоннымъ. « Если меня лишатъ жизни, говорилъ онъ французскому министру, то моя смерть будетъ честна передъ людьми и передъ Господомъ.... Если вашъ императоръ приведетъ въ дѣйствіе свои угрозы и перестанетъ признавать меня папою, я перестану признавать его императоромъ: если мнѣ будетъ худо, то и ему не будетъ хорошо. » Пій VII былъ убѣжденъ въ томъ, что ежели произнесетъ анаѳему на Наполеона, то этимъ навлечетъ на него гибель, и что, во всякомъ случаѣ, ватиканскій престолъ останется въ выигрышѣ отъ явнаго разрыву съ Наполеономъ. «Преслѣдованіе, — говорилъ онъ, — будетъ причиной раскола, а въ теперешнихъ обстоятельствахъ, расколъ есть единственное средство спасти западную церковь. »

Всѣ эти слова, переданныя Наполеону его посланникомъ, болѣе и болѣе возбуждали гнѣвъ императора Французовъ. Перваго мая 1807 года, онъ, съ береговъ Вислы, писалъ къ вице-королю Евгенію: «Такъ стало-быть папа не хочетъ, чтобы въ Италіи были епископы.... »

Результаты кампаніи прусской и польской не поколебали рѣшимости Пія VII, и онъ не переставалъ настаивать на томъ, что нѣтъ на земли власти выше власти папской. Тогда Наполеонъ, на возвратномъ пути въ Парижъ, послалъ, изъ Дрездена, къ своему полномочному министру при ватиканскомъ дворѣ пространное письмо, въ которомъ, въ свою

очередь, выразилъ свой образъ мнѣнія насчетъ притязаній римскаго первосвященника, и сказалъ, что, въ случаѣ нужды, пріидетъ къ воротамъ Рима для личныхъ объясненій съ его святѣйшествомъ. « Развѣ его святѣйшество полагаетъ, — писалъ онъ, — что права престола менѣе святы, чѣмъ права тіары? Но цари были ужъ и тогда, когда папъ еще не было.... Они хотятъ предать меня анаѳемѣ! Вотъ мысль запоздалая цѣлою тысячью лѣтъ.... Я переношу все это отъ теперешняго папы, но не потерпѣлъ бы отъ другаго... Пій VII принялъ на себя трудъ пріѣхать короновать меня: этотъ поступокъ обличалъ въ немъ благочестиваго святителя; но онъ захотѣлъ, чтобы я уступилъ ему легаціи: я не могъ и не хотѣлъ этого сдѣлать.... Моя корона досталась мнѣ по волѣ Божіей и по волѣ моихъ народовъ. Я, въ отношеніи къ римскому двору, всегда пребуду Карломъ Великимъ, а не Лудовикомъ Кроткимъ. Если римское духовенство полагаетъ, что своими привязками принудитъ меня къ увеличенію его свѣтской власти, то оно ошибается. Я не дамъ легацій за примиреніе. »

Твердая и мужественная борьба безоружнаго римскаго святителя съ сильнымъ и побѣдоноснымъ императоромъ Французовъ, представляла, конечно, зрѣлище величественное; но правда и то, что̀ поведеніе папы было несообразно ни со временемъ, ни съ обстоятельствами: былое могущество Ватикана было уже на-вѣки утрачено! И потому-то настоянія Пія VII на « всемірное первенство » тіары, было не что иное, какъ неумѣстный анахронизмъ. И со всѣмъ тѣмъ, Пій VII, грозя притупленнымъ мечемъ Григорія VII и Сикста V, отвѣчаетъ Наполеону: « Если бы намѣреніе ваше посѣтить Римъ въ-самомъ-дѣлѣ сбылось, то мы бы не уступили никому чести принимать столь знаменитаго гостя. Мы бы приказали приготовить нашъ ватиканскій дворецъ для принятія вашего величества и вашей свиты. »

Но императоръ не нашелся въ возможности предпринять этого путешествія: дѣла Португаліи и Испаніи удержали его въ Парижѣ. Однако же, переговоры съ папой шли своимъ чередомъ, и всё такъ же безъ всякаго успѣху. Разрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ, и 9 января 1808 года, Наполеонъ на-

писалъ къ своему посланнику въ Римѣ: « Пусть же прервутся всѣ переговоры, если ужъ такъ угодно папѣ, и пусть не будетъ никакихъ мирныхъ сношеній между его подданными и подданными французскаго императора. »

Явно было, что за этимъ немедленно послѣдуетъ занятіе Французами папскихъ владѣній. Пій VII не могъ ошибаться на этотъ счетъ, и потому сказалъ на аудіенціи посланнику Наполеона: « Мы не будемъ сопротивляться вооруженною рукою. Я удалюсь въ замокъ Святаго-Ангела. Не будетъ сдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла; но вашему генералу пріидется разбивать ворота. Я стану на порогѣ крѣпости. Ваши войска будутъ принуждены итти по моему тѣлу, и вселенная узнаетъ, что императоръ велѣлъ попрать ногами того, кто помазалъ его на царство. Остальное въ рукахъ Божіихъ. »

Рѣчь эта, безъ сомнѣнія, была рѣчь превосходная и величественная; но время папъ прошло, и западные христіане, казалось, почти не принимали участія въ положеніи своего первосвященника.

Римъ занятъ Французами. Папа предалъ анаѳемѣ Наполеона и его соучастниковъ.

Наполеонъ получилъ извѣстіе объ этомъ въ бытность свою въ Вѣнѣ, и тотчасъ же рѣшился потребовать отъ Пія VII присоединеніе папской области къ французской имперіи, а, въ случаѣ отказу, овладѣть особою его святѣйшества. Исполненіе этой печальной обязанности возложено на генерала Радѐ (Radet), который, вслѣдствіе того, явился въ квириналъ ночью съ 5 на 6 іюля 1809 года, и убѣдительно просилъ папу сложить съ себя свѣтское властительство, для избѣжанія тѣхъ строгихъ мѣръ, которыя будутъ приняты противъ его святѣйшества въ случаѣ отказу. — « Не могу, отвѣчалъ первосвященникъ: не долженъ, не хочу. Я обѣщалъ передъ Богомъ сохранить неприкосновенность владѣній святой церкви, и никогда не нарушу этой клятвы. » — « Мнѣ очень прискорбно, возразилъ генералъ Радѐ: что ваше святѣйшество отказываетесь исполнить просьбу императора, и чрезъ это подвергаете себя новымъ неудовольствіямъ. » — « Я уже сказалъ вамъ, что никакая земная власть не будетъ въ силахъ

поколебать моей рѣшимости, и что я скорѣе отдамъ послѣднюю каплю моей крови, чѣмъ измѣню своей клятвѣ передъ Богомъ.» — «Въ такомъ случаѣ, вы навлечете на себя тяжкое прискорбіе.» — «Я принялъ твердую рѣшимость, и не колеблюсь болѣе.» — «Если ужъ это такъ, то я крайне сожалѣю, что вижу себя въ необходимости приступить къ исполненію повелѣній моего государя.» — «Поистинѣ, сынъ мой, исполненіе такого порученія не привлечетъ на тебя благословенія Господня.» — «Святѣйшій отецъ, вамъ должно будетъ ѣхать со мною.» — «Такъ вотъ возна-

гражденіе за все то, что̀ я сдѣлалъ для вашего императора! Вотъ вознагражденіе за снисхожденіе мое къ нему и къ галликанской церкви! Но, быть-можетъ, это-то самое снисхожденіе Богъ и вмѣняетъ мнѣ въ грѣхъ, и наказываетъ меня; смиренно покоряюсь Его святой волѣ.» — «Велико прискорбіе мое, ваше святѣйшество, тѣмъ болѣе, что я католикъ и вашъ сынъ; но возложенное на меня порученіе должно быть исполнено.»

Тогда кардиналъ Пакка сказалъ, чтобы его святѣйшеству дозволено было взять съ собою особъ, которыхъ онъ назначитъ. На это генералъ отвѣчалъ, что императоръ позволяетъ одному только кардиналу Пакка сопровождать высокаго плѣнника. — « А сколько времени предоставлено намъ на приготовленіе въ дорогу? » спросилъ папа. — « Полчаса » — отвѣчалъ генералъ. — Пій VII тотчасъ всталъ и произнесъ только: « Да будетъ со мною воля Божія! »

У одного изъ выходовъ дворца папу уже ожидала карета; онъ сѣлъ въ нее, вмѣстѣ съ кардиналомъ Пакка. Генералъ Радѐ поѣхалъ впереди въ кабріолетѣ. У воротъ « дель Пополо », высокіе путешественники пересѣли въ другой экипажъ; исполнитель воли Наполеона хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы еще разъ постараться убѣдить папу. — « Вашему святѣйшеству, — сказалъ онъ, еще есть время отказаться отъ владѣнія церковною областью. » — « Не намѣренъ, » сухо отвѣчалъ папа, и дверцы экипажа захлопнулись; онъ понесся по дорогѣ во Флоренцію.

Пересылаемый изъ города въ городъ, злосчастный первосвященникъ получилъ наконецъ назначеніе пребывать въ Савонѣ, въ области принца Боргѐзе, и Наполеонъ повелѣлъ генералу Міоллису, коменданту Рима, привесть въ исполненіе декретъ, по которому папская область присоединялась къ французской имперіи. Извѣщая объ этомъ Законодательное Собраніе, при открытіи его засѣданій на 1809 годъ, императоръ изъяснился такъ:

« Исторія показала мнѣ мѣры, которыя я долженъ былъ принять въ отношеніи къ Риму. Папы, сдѣлавшись властителями части Италіи, постоянно оказывали себя непріязненными каждой власти, сильнѣйшей чѣмъ ихъ власть, на пространствѣ италійскаго полуострова, и употребляли къ ея вреду свое духовное вліяніе. Изъ этого я удостовѣрился, что духовное вліяніе посторонняго человѣка на мои владѣнія, противно независимости Франціи, несогласно съ достоинствомъ и безопасностью моего престола. Признавая, однако же, необходимость духовнаго вліянія преемниковъ перваго изъ пастырей, я не могъ согласовать этихъ важныхъ вопросовъ иначе, какъ уничтоженіемъ правъ и свѣтской вла-

сти, предоставленныхъ имъ Французскими императорами, *моими предшественниками*, и потому присоединилъ къ Франціи римскую область.»

Пій VII предвидѣлъ всѣ эти бѣдствія; но они не поколебали его высокой души, и онъ продолжалъ мужественно переносить свое несчастіе.

ГЛАВА XXX.

Разводъ Наполеона съ императрицею Жозефиною. Бракъ его съ эрцгерцогинею австрійскою

По возвращеніи своемъ изъ Германіи, Наполеонъ останавливался, на нѣкоторое время, въ Фонтенблò, гдѣ издалъ нѣсколько декретовъ, относительно къ правительственнымъ распоряженіямъ въ имперіи. Прибывъ въ свою столицу, куда вслѣдъ за нимъ явились всѣ короли, на которыхъ онъ возложилъ короны, для принесенія ему поздрав-

леній съ новыми побѣдами и заключеніемъ мира, Наполеонъ принялъ и поздравленія депутацій отъ Милана, Флоренціи и Рима.

Между-тѣмъ, приблизилось время празднованія коронаціи императора Французовъ, и ничто не было пощажено для приданія этому торжеству бо́льшей пышности и бо́льшаго великолѣпія. На немъ присутствовали короли саксонскій, баварскій, вестфальскій, неаполитанскій и виртембергскій, а черезъ нѣсколько дней прибыли король и королева баварскіе и вице-король италіянскій.

Наполеонъ могъ думать, что достигнулъ до апогея своей славы. Однако же, честолюбіе его всё-еще не было насыщено. Его мучило желаніе основать собственную свою династію; онъ уже не довольствовался тѣмъ, что усыновилъ принца Евгенія, а хотѣлъ имѣть по себѣ прямаго наслѣдника и вступить въ родственныя связи съ которымъ-либо изъ древнихъ владѣтельныхъ домовъ Европы. Разводъ съ императрицею Жозефиной былъ рѣшенъ. Тщеславіе пересилило привязанность. Императрица Жозефина, казалось, читала съ нѣкоторыхъ поръ судьбу свою на лицѣ супруга, который, по мѣрѣ прибывающаго величія, болѣе и болѣе отдалялся отъ нея. Горестная тайна, ею предчувствуемая, была ей наконецъ открыта самимъ Наполеономъ. Это случилось 30 ноября 1809 года. Въ этотъ день императоръ и императрица обѣдали вмѣстѣ; онъ былъ мраченъ и задумчивъ, она грустна и молчалива. Послѣ обѣда присутствовавшіе оставили ихъ на-единѣ.

— « Жозефина, милая Жозефина, — сказалъ наконецъ Наполеонъ: — ты знаешь, любилъ ли я тебя!.... Тебѣ, одной тебѣ обязанъ я всѣми минутами счастія, которыя имѣлъ въ жизни. Жозефина, моя судьба побѣждаетъ мою волю. Передъ выгодами Франціи я долженъ заглушить самый голосъ сердца. »

Императрица не хотѣла слушать болѣе; она быстро прервала рѣчь своего супруга и сказала: — « Не говори: я это

знала; я понимаю тебя.... » Рыданія помѣшали ей продолжать; она упала въ обморокъ. Ее отнесли въ ея кабинетъ, и когда она пришла въ чувство, то увидѣла близъ себя дочь свою Гортензію, медика Корвизара, и самаго Наполеона.

Послѣ этого перваго, сильнаго, удара, императрица, казалось, нѣсколько успокоилась и смиренно покорилась своей участи. Она согласилась на все, что отъ нея требовало приличіе свѣта въ такомъ положеніи дѣла, и оффиціяльная драма развода была разъиграна вечеромъ 15 декабря 1809, въ Тюильри, гдѣ происходило семейное собраніе, на которомъ присутствовали архи-канцлеръ Камбасересъ и статсъ-секретарь имперіи.

На слѣдующій день, актъ разводу внесенъ въ сенатъ архи-канцлеромъ и утвержденъ въ своей силѣ.

Исполнивъ такимъ образомъ свое намѣреніе, Наполеонъ занялся выборомъ для себя невѣсты. Сначала, онъ обратилъ-было свои исканія къ Россійскому Императорскому Дому, но не получилъ отъ Государя Александра Павловича никакого отвѣта на предложеніе своей руки одной изъ августѣйшихъ сестеръ Его Величества. Это было чрезвычайно обидно и непріятно Наполеону, который тогда уже рѣшился искать родства съ императорскимъ австрійскимъ домомъ, и предложить руку эрцгерцогинѣ Маріѣ-Луизѣ, и на маршала Бертіе было возложено порученіе ѣхать въ Вѣну съ этимъ оффиціяльнымъ предложеніемъ. Маршалъ прибылъ въ столицу Австріи въ началѣ марта 1810 года, и, доставивъ сперва

портретъ своего императора, представился австрійскому императору на торжественной аудіенціи.

Въ короткой рѣчи Бертьѐ изложилъ причину посольства. Императоръ отвѣчалъ, что согласенъ отдать Наполеону руку дочери. Эрцгерцогиня тоже изъявила согласіе, и 11 марта праздновали въ Вѣнѣ бракосочетаніе. Новая императрица Французовъ отправилась въ путь 13 марта, и 27 прибыла въ Компьень, гдѣ Наполеонъ располагалъ встрѣтить ее. Первое свиданіе должно было происходить по великолѣпному церемоніялу; но Наполеонъ не могъ преодолѣть своего нетерпѣнія и нарушилъ правила, имъ же самимъ предписанныя. Въ сопровожденіи одного неаполитанскаго короля, въ дожд-

ливую погоду, выѣхалъ онъ тайно изъ Компьеня, сталъ у дверей небольшой сельской церкви, и увидѣвъ Марію Луизу, бросился къ ея каретѣ. Они пріѣхали въ компьенскій дворецъ

51

вмѣстѣ; потомъ отправились въ Сенъ-Клу, гдѣ совершился гражданскій бракъ, 1 апрѣля. На другой день, они въѣхали въ столицу. Церемонія духовнаго брака происходила въ тотъ же день въ луврской капеллѣ, со всею придворною пышностію и съ возможнымъ великолѣпіемъ католическаго вѣнчанія. Императоръ и императрица приняли благословеніе на

бракъ отъ кардинала Феша, въ присутствіи всей императорской фамиліи, кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, сановниковъ и депутаціи отъ всѣхъ сословій государства. То было истинно народное торжество; весь Парижъ предался веселію, и даже сосѣдніе народы радовались, воображая, что бракъ Наполеона съ австрійскою эрцгерцогинею будетъ прямымъ залогомъ мира.

5 апрѣля, французскій сенатъ, сенатъ италіянскій, государственный совѣтъ, законодательный корпусъ, министры, кардиналы, кассаціонный судъ и пр. приносили поздравленія императору и его супругѣ, которые принимали ихъ на тронѣ, окруженные блестящею свитою, составленною изъ дворовъ имперіи французской и италіянскаго королевства. Черезъ два дня, новобрачные поѣхали въ Компьень, потомъ посѣтили Бельгію и сѣверныя провинціи, отъ Дюнкирхена и Лилля до Гавра и Руана. 1 іюня, ихъ величества возвратились въ столицу. Восторгъ, возбужденный ихъ свадьбою, еще не остылъ. Городъ Парижъ далъ блестящій праздникъ; Наполеонъ и Марія Луиза присутствовали на обѣдѣ и на балѣ въ ратушѣ.

Императорская гвардія хотѣла тоже праздновать бракосочетаніе знаменитаго своего начальника. Праздникъ былъ данъ на марсовомъ полѣ, и гвардія угощала Наполеона и его молодую супругу, отъ имени всей арміи.

Среди всеобщаго восторга и блестящихъ увеселеній, австрійскій посолъ долженъ былъ выбрать день для выраженія своей оффиціяльной радости и блеснуть дипломатическимъ праздникомъ. Онъ выбралъ 1 іюля; но торжество помрачилось печальнымъ событіемъ. Бальная зала загорѣлась: супруга посла и многія другія особы погибли во время пожара. Наполеонъ самъ вынесъ на рукахъ супругу свою изъ горѣвшихъ комнатъ. Тогда вспомнили, что такія же важныя несчастія случились во время праздниковъ, данныхъ при бракосочетаніи Лудовика XVI съ Маріею-Антуанеттою.

ГЛАВА XXXI.

Маршалъ Бернадоттъ наслѣдуетъ шведскому королю. Присоединеніе Голландіи къ Франціи.

Вскорѣ послѣ брака Наполеона съ Маріею-Луизою, важное событіе совершилось на сѣверѣ Европы. Маршалъ Бернадоттъ былъ выбранъ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Національный сеймъ назначилъ его преемникомъ Карла XIII, чтобы поддержать удаленіе фамиліи Ваза, которая была отрѣшена при избраніи герцога судерманландскаго на престолъ.

Представители Швеціи, такимъ выборомъ, думали угодить Наполеону, и дѣйствовать въ пользу его политики. Можетъ-

быть даже, что они проникли въ намѣренія императора по этому дѣлу, хотя многіе писатели утверждаютъ, что избраніе Бернадотта было подготовлено и что французскій дипломатическій агентъ въ Стокгольмѣ противился ему. « Бернадоттъ былъ избранъ, говоритъ Наполеонъ, потому-что былъ женатъ на сестрѣ жены брата моего Іосифа, который царствовалъ тогда въ Мадритѣ. Бернадоттъ, выказывая чрезвычайную зависимость, пришелъ просить моего согласія и увѣрялъ, съ видимымъ безпокойствомъ, что согласится только въ такомъ случаѣ, если это мнѣ будетъ пріятно.

« Я, самъ выбранный народомъ, долженъ былъ отвѣчать, что не могу противиться выборамъ другихъ народовъ. Такъ я и сказалъ Бернадотту; все изобличало въ немъ, какъ сильно безпокоился онъ о моемъ отвѣтѣ. Я прибавилъ, что онъ можетъ воспользоваться благосклонностію Шведовъ, что я не хотѣлъ помогать его избранію, но желалъ его и даю согласіе. Впрочемъ, по тайному инстинкту, оно было для меня непріятно и тяжело. »

Такое непріятное предчувствіе весьма естественно въ императорѣ Наполеонѣ; онъ не могъ забыть, что между нимъ и маршаломъ Бернадоттомъ существовалъ всегда зародышъ скрытаго соперничества и никогда не было симпатіи. Однако жъ Бернадоттъ былъ Французъ, возвеличенный въ блестящія времена имперіи; казалось, что крѣпкія узы, несмотря на личныя отношенія, связывали съ судьбою Франціи знаменитаго воина, призваннаго на шведскій престолъ. По этому Наполеонъ отвергнулъ всѣ тайныя предостереженія, основанныя на глубокомъ знаніи людей, и позволилъ своему полководцу согласиться на желаніе Шведовъ.

Когда одинъ изъ маршаловъ Наполеона отправлялся въ Стокгольмъ ждать короны, одинъ изъ его братьевъ оставлялъ свой вѣнецъ въ Амстердамѣ. Лудовикъ Бонапартъ былъ человѣкъ умный, благонамѣренный; но голландскій скипетръ, при владычествѣ континентальной системы, былъ ему слишкомъ тяжелъ, и онъ оставилъ его. Давно уже императоръ упрекалъ брата за то, что онъ очень слабо исполняетъ приказанія, высланныя изъ Берлина и Милана. Даже *Монитёръ* сообщалъ о ежедневныхъ нарушеніяхъ наполеоновской сис-

темы въ Голландіи. На жалобу Лудовика императоръ отвѣчалъ, изъ Шёнбруна: «Франція должна на васъ жаловаться. Мнѣ легко указать на многіе торговые домы въ Голландіи, которые служатъ Англіи. Ваши таможенные уставы такъ плохо исполняются, что вся переписка Англіи съ Европой идетъ черезъ Голландію..... Голландія — англійская провинція.»

Эти поученія оставались безъ дѣйствія. Король Лудовикъ болѣе занимался настоящими бѣдствіями Голландіи, чѣмъ отдаленными результатами, долженствовавшими послѣдовать отъ континентальной системы. Для исполненія предначертаній Наполеона нужны были сильныя души. Первыми его агентами были его братья, когда онъ задумалъ основать свою династію. Онъ думалъ приблизить ихъ къ своимъ желаніямъ и идеямъ, приблизивъ ихъ къ себѣ въ политической іерархіи, давъ имъ мѣста, подобныя своему, и увѣнчавъ ихъ коронами; но, какъ онъ самъ говорилъ про Лудовика, онъ создалъ только «королей-управителей», имѣвшихъ всѣ необходимыя качества для второстепенныхъ мѣстъ, и притомъ въ другое время, а не при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Легко нашли для императора приличную свиту изъ коронованныхъ особъ; гораздо труднѣе было набрать помощниковъ, умныхъ сотрудниковъ великому человѣку.

Лудовикъ Бонапартъ долженъ былъ вдохновиться мыслію брата своего и стараться превратить Голландію въ провинцію французскую, несмотря на преходящее сопротивленіе выгодъ частныхъ людей; а онъ дозволялъ ей жить подъ покровительствомъ Англіи и въ торговой зависимости отъ нея. Наполеонъ, въ досадѣ на такое потворство и на невниманіе, оказанное къ первымъ его приказаніямъ, написалъ къ королю голландскому другое письмо, которое доказываетъ, до какой степени императоръ сроднился съ своимъ народомъ и жилъ только жизнію Франціи. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ этого замѣчательнаго письма.

« Вступивъ на голландскій престолъ, ваше величество забыли, что вы Французъ, и даже напрягли всѣ силы ума, чтобы увѣрить себя, что вы Голландецъ. Голландцы, склонявшіеся на сторону Франціи, подверглись преслѣдованію, а

служившіе Англіи пошли впередъ. Французы, офицеры и солдаты, изгнаны, лишены уваженія, и я съ прискорбіемъ вижу, что въ Голландіи, при королѣ моей крови, имя Француза предано позору. Однако жъ я, такъ ношу въ душѣ, такъ поддерживалъ высоко, на штыкахъ моихъ солдатъ, достоинство и честь французскаго имени, что ни Голландія, ни кто другой не могутъ коснуться до него безнаказанно. Чѣмъ же можно оправдать оскорбительное поведеніе вашего величества противъ Франціи и меня? Вы должны понимать, что я не отдѣляю себя отъ моихъ предшественниковъ, и что я за все отвѣчаю, отъ Кловиса до комитета общественнаго благоденствія.... Знаю, что теперь въ модѣ, у нѣкоторыхъ людей, хвалить меня и порицать Францію; но всѣ, не любящіе Франціи, не любятъ и меня; кто бранитъ мой народъ, тотъ первѣйшій врагъ мой. Въ рѣчи моей къ законодательному корпусу я уже выказалъ неудовольствіе мое; не скрою отъ васъ, что имѣю намѣреніе присоединить Голландію къ Франціи, для нанесенія самаго жестокаго удара Англіи, и чтобъ избавиться отъ безпрерывныхъ оскорбленій, наносимыхъ мнѣ вашими министрами. Устья Рейна и Мааса должны мнѣ принадлежать. Во Франціи, коренная мысль, что рейнскій Тольвагъ долженъ быть нашею границею. Вотъ чего хочу я въ Голландіи:

1. прекращенія торговли и всѣхъ сношеній съ Англіею;
2. флотъ въ четырнадцать линейныхъ кораблей, семь фрегатовъ и семь бриговъ или корветъ вооруженныхъ;
3. двадцать пять тысячъ сухопутнаго войска;
4. уничтоженія маршаловъ;
5. уничтоженія всѣхъ привиллегій дворянства, противныхъ конституціи, мною данной и обезпеченной.

« Ваше величество, посредствомъ своего министра, можете открыть переговоры, на этихъ основаніяхъ, съ герцогомъ кадорскимъ; но также можете быть увѣрены, что при первомъ разѣ, какъ въ Голландію будетъ впущенъ хотя одинъ пакетботъ, я возстановлю таможенныя запрещенія; при первомъ оскорбленіи моего флага, велю вооруженною рукою взять и повѣсить на мачтѣ голландскаго офицера, который дозволитъ себѣ оскорбить моего орла. »

Голландскій король не внялъ голосу владыки. Настоящія нужды и пользы голландской промышлености наиболѣе привлекали его вниманіе. Онъ думалъ, что согрѣшитъ, если станетъ стремиться къ какой нибудь другой цѣли, кромѣ непосредственнаго благосостоянія провинцій, составлявшихъ его государство. Видя только Голландію, онъ забывалъ, что помѣщенъ въ нее только для содѣйствія общему дѣлу, славѣ и благоденствію великой имперіи. По характеру, Лудовикъ не любилъ мѣръ чрезвычайныхъ, средствъ героическихъ; не понималъ, что континентальная система была для Наполеона печальною и временною необходимостію.

Притомъ же Лудовикъ не вѣрилъ, что блокада, объявленная Англіи, будетъ имѣть для британскихъ выгодъ такія роковыя послѣдствія, какихъ ожидалъ Наполеонъ.

« Разореніе Голландіи, писалъ онъ къ Наполеону, не только не повредитъ Англіи, но даже послужитъ ей въ пользу, потому-что туда скроются промышленость и всѣ богатства. Тремя способами можно поразить Англію: или отдѣленіемъ Ирландіи, или отнятіемъ Остъ-Индіи, или дессантомъ. Два послѣднія средства, самыя дѣйствительныя, не могутъ быть совершены безъ морскихъ силъ; но удивляюсь, что такъ легко отказались отъ перваго средства. »

Императоръ зналъ, что не убиваетъ Голландіи, полагая на нее временное пожертвованіе; что англійская промышленость ничего не выиграетъ отъ потерь континентальной промышлености, и не тронулся жалобами брата. Во время путешествія по Бельгіи, Наполеонъ послалъ къ нему новое письмо, въ которомъ повторялись прежніе упреки. « Если Голландія, — писалъ онъ, — управляемая моимъ братомъ, не находитъ въ немъ моего отблеска, то вы уничтожаете все довѣріе ко мнѣ; сами разбиваете свой скипетръ. Любите Францію, служите моей славѣ: только такимъ образомъ можете вы служить и королю Голландіи.... Отдавъ вамъ престолъ голландскій, я думалъ отдать его Французу; вы идете по другой дорогѣ.... Воротитесь съ ложнаго пути; будьте въ сердцѣ Французомъ, иначе вы не удержитесь на своемъ мѣстѣ.... »

Голланскій король, упорствовавшій въ желаніи оставаться

Голландцемъ, по минутнымъ требованіямъ и по настоящимъ нуждамъ своего торговаго народа, а не по дальновиднымъ планамъ брата своего, усталъ наконецъ отъ неровной борьбы съ нимъ, оставилъ свои владѣнія и уѣхалъ въ Германію, пославъ въ Парижъ формальный актъ отреченія. Такой поступокъ сильно раздражилъ Наполеона. По докладу министра иностранныхъ дѣлъ, онъ повелѣлъ, 9 іюля 1810 года, присоединить Голландію къ французской имперіи, и маршалъ Удино немедленно занялъ Амстердамъ.

Императоръ не скрывалъ огорченія, нанесеннаго ему поступкомъ брата. Когда Лудовикъ, своими отреченіемъ и бѣгствомъ хотѣлъ показать, передъ Европою и потомствомъ, что императоръ превратилъ его вѣнецъ въ несносную ношу своими требованіями, Наполеонъ не могъ оставаться подъ вліяніемъ такого доноса, не отвѣчая неожиданному доносителю, котораго встрѣтилъ въ собственномъ своемъ семействѣ. Всѣ дѣйствія этого необыкновеннаго человѣка выходили изъ круга обыкновенныхъ соображеній и всегда легкихъ правилъ. И въ этомъ случаѣ онъ умѣлъ найти средство, котораго не придумалъ бы никто другой, чтобы нанести Лудовику жесточайшій ударъ и громко выказать свое неудовольствіе. Онъ рѣшился поразить отца участіемъ къ судьбѣ сына: одно и то же слово даетъ, въ политическомъ мірѣ, жизнь одному и смерть другому; народъ, располагающій своею любовію и ненавистію по любви и ненависти своего героя, перестанетъ причислять къ императорской фамиліи брата, который дерзнулъ отдѣлиться отъ императора, и приметъ участіе въ племянникѣ, котораго защитникомъ и отцемъ объявилъ себя императоръ. 20 іюля, въ большомъ собраніи въ Сенъ-Клу, Наполеонъ велѣлъ представить себѣ принца Наполеона — Лудовика, своего крестника, и сказалъ ему съ чувствомъ:

« Приди, сынъ мой, я буду тебѣ отцемъ; ты ничего не потеряешь!

« Поведеніе твоего отца огорчило меня; только болѣзнь можетъ служить ему извиненіемъ. Когда выростешь, заплатишь долгъ за себя и за него. Никогда не забывай, въ какое положеніе ни поставила бы тебя моя политика и выгоды моей имперіи, что первый долгъ твой — служить мнѣ, вто-

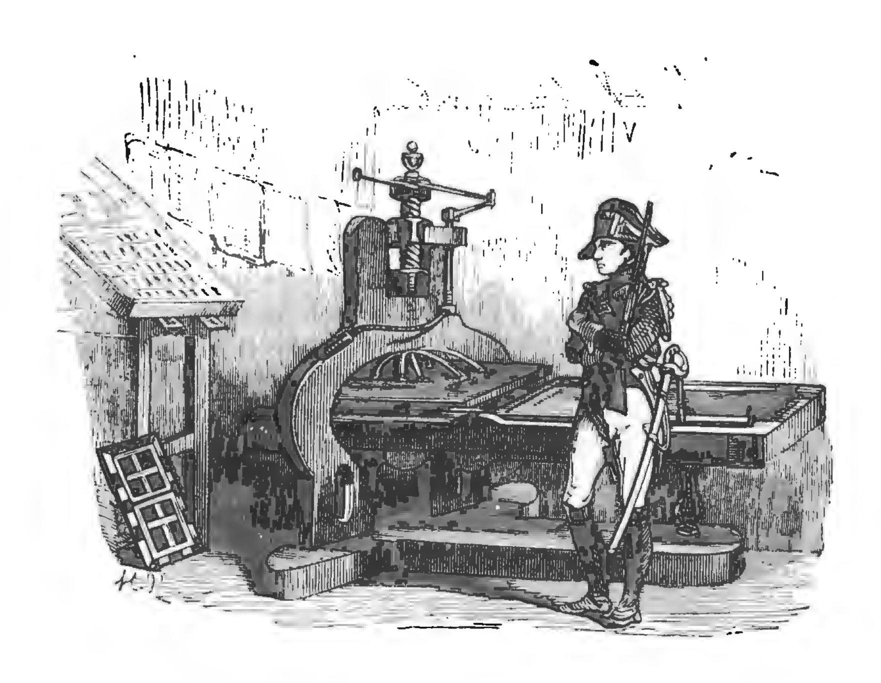
рой — Франціи; всѣ другія обязанности, даже къ народамъ, которые я могу тебѣ довѣрить, должны быть второстепенныя.»

Если бъ другой избранный повелитель, владѣвшій не французскимъ трономъ, сказалъ такую рѣчь, его можно было бы справедливо упрекнуть въ гордости, за то что онъ поставилъ себя выше отечества, и въ національномъ эгоизмѣ, за то что жертвуетъ политикѣ своей пользою союзныхъ или по-

коренныхъ народовъ. Но Наполеонъ говорилъ такъ, потому-что считалъ себя главою и сердцемъ Франціи, а Францію предпочиталъ всему обитаемому міру.

ГЛАВА XXXII.

Шатобріанъ замѣняетъ Шенье. Рожденіе и крестины римскаго короля. Праздники въ столицѣ и въ имперіи. Папа въ Фонтенбло.

Весьма часто и съ ожесточеніемъ упрекаютъ Наполеона въ томъ, что онъ убилъ свободу преній въ публичныхъ собраніяхъ и газетахъ; но въ какомъ состояніи была свобода преній въ его время?

Когда онъ овладѣлъ кормиломъ правленія, журналистика чахла и упадала отъ тяжкой десятилѣтней битвы. Будучи орудіемъ разныхъ партій, раздѣлявшихъ націю, она служила только анархіи и возбуждала омерзѣніе къ тѣмъ самымъ

переворотамъ, которые прежде выхваляла и превозносила. Ей нуженъ былъ покой, для полученія новыхъ силъ; часъ диктатора насталъ: Наполеонъ явился. Демократія отказалась отъ многословія своихъ собраній, клубовъ и газетъ, которое было иногда полезно въ минуты опасности, но теперь становилось неисчерпаемымъ источникомъ разстройствъ и раздоровъ въ государствѣ и постояннымъ средствомъ ослаблять и позорить власть. Эпоха молчанія настала, или, лучше сказать, за бурями форума послѣдовалъ неожиданный монологъ. Наслѣдство прежнихъ знаменитыхъ ораторовъ перешло въ руки наслѣдниковъ недостойныхъ или неискусныхъ. Тысячи голосовъ кричали о нуждахъ и желаніяхъ государства, и еще болѣе увеличивали его опасности и страданія. Вдругъ явился человѣкъ и сказалъ: « Я — Франція; лучше всѣхъ ея говоруновъ знаю, что ей надобно и чего она желаетъ. » Онъ говорилъ правду; Франція ему повѣрила, и признала его единственнымъ своимъ ораторомъ.

Съ этой минуты, несогласные голоса замолкли, и высокій представитель Франціи заговорилъ одинъ. Едва издалъ онъ приказаніе о новой запретительной мѣрѣ, о томъ, чтобы не было болѣе одного журнала въ каждомъ департаментѣ, неожиданное приключеніе еще болѣе показало ему необходимость строго наблюдать за всякимъ публичнымъ выраженіемъ мысли и мнѣній политическихъ.

Шатобріана избрали въ члены института, на мѣсто Шенье. По всегдашнему обычаю, новый членъ долженъ былъ похвалить умершаго. Шатобріанъ, отважный нововводитель, пытался освободиться отъ ига преданій, и осмѣлился, въ академической рѣчи, повторять краснорѣчивыя свои выходки противъ французской революціи и жестоко порицать Шенье. Но рѣчь его, отвергнутая при предварительномъ разсмотрѣніи въ академической коммиссіи, не была произнесена. Одна часть коммиссаровъ приняла, однако жъ, совершенно противное рѣшеніе, и въ числѣ ихъ находился одинъ изъ придворныхъ Наполеона. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ потребовалъ къ себѣ рѣчь Шатобріана и, увидѣвъ, съ какимъ высокомѣріемъ и жестокостію авторъ *Аталы* пытался унизить настоящее и возвысить прошедшее, не могъ удержать гнѣва своего. Въ

многочисленномъ кругу остановилъ онъ придворнаго академика и грубо сказалъ ему:

« Неужели, милостивый государь, вы хотѣли дозволить чтеніе такого пасквиля? Давно ли институтъ осмѣливается превращать себя въ политическое собраніе? Пусть пишетъ стихи, поправляетъ ошибки языка; но пусть и не выходитъ изъ области музъ — или я съумѣю обратить его назадъ. Если г. Шатобріанъ боленъ безуміемъ или дурными намѣреніями, для него готовы сумасшедшіе домы или наказанія. Даже, можетъ-быть, это — его мнѣніе, которымъ онъ не можетъ жертвовать моей политикѣ, потому-что не знаетъ ея. А вы ее знаете! У него есть извиненіе; а васъ нельзя извинить

незнаніемъ: вы живете при мнѣ, знаете, что я дѣлаю, чего хочу. Я почитаю васъ виноватымъ, преступникомъ: вы хотите непремѣнно возвратить безпорядки, смуты, анархію. (*)

« Какъ! неужели предметъ всѣхъ моихъ попеченій, плодъ всѣхъ моихъ усилій погибъ! Если бъ меня завтра не стало между вами, вы опять начали бы душить другъ друга. О бѣдная Франція! долгое время еще ты будешь нуждаться въ опекунѣ! »

Это послѣднее восклицаніе императора вполнѣ объясняетъ всю политическую мысль его царствованія. Онъ желалъ покровительствовать Франціи, сохранить ее отъ возвращенія буйныхъ партій, отъ истощенія въ тщетныхъ распряхъ или кровавыхъ спорахъ, а духъ партій приписывалъ всѣ эти дѣйствія излишку честолюбія и гордости.

Пришла минута, когда судьба оказала Наполеону высочайшую и послѣднюю милость, какую онъ могъ ожидать отъ нея.

19 марта 1811 года, императрица Марія-Луиза почувствовала первыя боли, показывавшія, что она скоро будетъ матерью. Сначала опасались трудныхъ родовъ; знаменитый Дюбуа, предвидя, что можетъ-быть придется рѣшиться на трудную операцію, спросилъ, что дѣлать, если нужно будетъ пожертвовать матерью или новорожденнымъ? « Заботьтесь только о матери» — живо отвѣчалъ Наполеонъ, въ которомъ человѣческія чувства, въ эту торжественную минуту, взяли верхъ надъ расчетами и соображеніями монарха. 20 числа, въ девять часовъ утра, всѣ опасенія исчезли, всѣ желанія исполнились: Марія-Луиза разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго Наполеонъ принялъ въ свои объятія и показывалъ придворнымъ, восклицая въ упоеніи радости: « Вотъ король римскій! »

Громъ пушекъ скоро возвѣстилъ столицѣ о счастливомъ событіи, которымъ исполнялись всѣ желанія главы государ-

(*) Здѣсь, однако жъ, есть нѣсколько и пристрастія, Шатобріанъ былъ легитимистъ и, что называлось въ то время, un ci-devant. Стало-быть, онъ не ораторъ анархіи: всего вѣроятнѣе, что Наполеону-императору не понравился бурбонизмъ автора рѣчи, отзывавшійся и во всѣхъ прочихъ твореніяхъ Шатобріана.

ства. Праздники и публичныя увеселенія доказывали участіе великаго народа въ счастія великаго человѣка. Неаполь, Миланъ, всѣ города, покоренные французскимъ оружіемъ, подражали Парижу. Всѣ сословія государства, иностранные послы подносили поздравленія счастливому отцу римскаго короля, а князь Гацфельдъ, тотъ самый, котораго Наполеонъ помиловалъ въ Берлинѣ изъ уваженія къ его супругѣ, былъ представителемъ прусскаго короля.

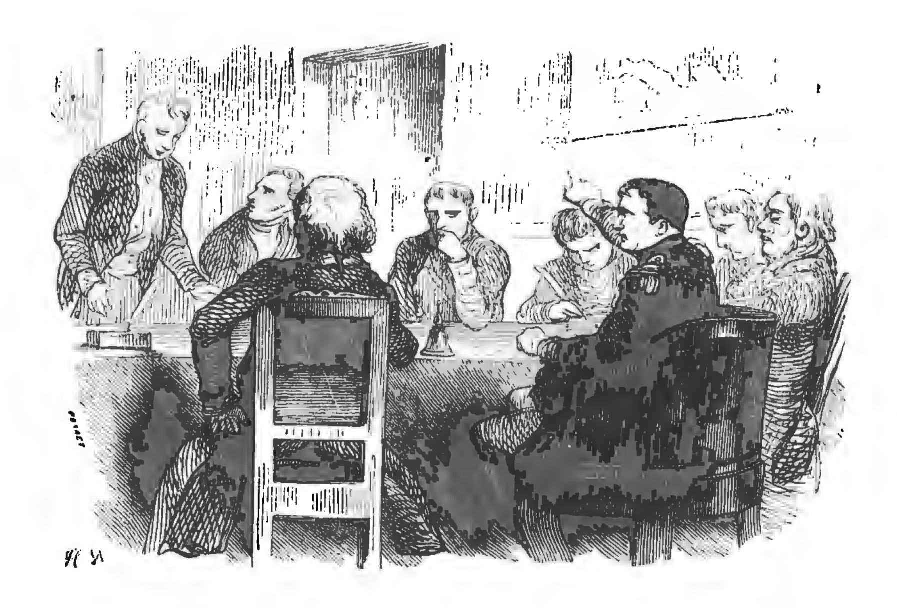
Крестины римскаго короля совершились 9 іюня, въ соборѣ парижской Богоматери. Весь Парижъ сбѣжался смотрѣть императора. Народъ хотѣлъ прочесть, на радостномъ челѣ своего героя, тайныя наслажденія отца и монарха, и показать ему собственную свою радость. Улыбка Наполеона, столь рѣдкая и скоропреходящая на его строгомъ лицѣ, на этотъ разъ была очень замѣтна и отражалась на всѣхъ, толпившихся около свиты.

Юнаго принца крестилъ дядя Наполеона, кардиналъ Фешъ. Воспреемникомъ его былъ дѣдъ его, императоръ австрійскій.

При крещеніи названъ онъ Наполеономъ-Францомъ-Карломъ-Іосифомъ. Крестины его послужили сигналомъ къ величайшимъ празднествамъ во всѣхъ мѣстахъ обширныхъ владѣній его отца. Префектъ Сены и муниципальный совѣтъ Парижа дали праздникъ мерамъ всѣхъ городовъ имперіи французской и италіянскаго королевства. Самый жестокій порицатель Наполеона, Бурьенъ, принужденъ сознаться, что « рожденіе римскаго короля возбудило живѣйшій восторгъ, и что никогда новорожденный не былъ окруженъ до такой степени сіяніемъ славы. »

Среди всеобщей радости и народнаго веселья, Наполеонъ видѣлъ, какъ дѣйствовало духовенство для составленія тайной оппозиціи. Пій VII все еще не соглашался утвердить епископовъ, назначенныхъ императоромъ, или, лучше сказать, онъ не хотѣлъ ни въ чемъ уступить, пока предварительно не отдадутъ ему во владѣніе его столицу и государство. Тщетно назначилъ Наполеонъ архіепископомъ парижскимъ прежняго начальника правой стороны въ конституціонномъ собраніи; непреклонность папы оставалась таже и къ знаменитому аббату Мори (Maury), который увѣрялъ, что присоединился къ имперіи единственно потому, что находилъ въ ней утвержденіе монархическаго начала, котораго онъ былъ упорнымъ и жаркимъ защитникомъ. Папа издалъ даже бреву противъ этого приверженца монархизма и папской власти; но этотъ актъ порицанія былъ распространенъ тайно. Наполеонъ, извѣстясь, что одинъ изъ сановниковъ имперіи, директоръ книжной торговли, Порталисъ, зналъ о тайномъ распространеніи этого акта и не остановилъ его, напалъ на него въ собраніи государственнаго совѣта. « По какой причинѣ вы такъ поступили? спросилъ онъ. По религіознымъ вашимъ правиламъ? Такъ зачѣмъ же вы здѣсь засѣдаете? Я не стѣсняю ни чьей совѣсти. Развѣ я силою принудилъ васъ быть моимъ государственнымъ совѣтникомъ? Эту значительную милость вы сами выпросили. Вы здѣсь моложе всѣхъ, и можетъ-быть, только одни безъ личныхъ правъ на такое званіе; я видѣлъ въ васъ только заслуги вашего отца. Обязанности государственнаго совѣтника, въ отношеніи ко мнѣ, чрезвычайно важны; вы ихъ нарушили, — вы ужъ не совѣтникъ мой! Ступайте, и болѣе здѣсь не яв-

ляйтесь. Я огорченъ, ибо помню добродѣтели и заслуги отца вашего. »

Порталисъ удалился, а Наполеонъ прибавилъ:

« Надѣюсь, что подобная сцена никогда не повторится; она меня очень огорчила. »

Наполеонъ не довольствовался удаленіемъ, изъ своего круга, людей, преданныхъ папской власти. Желая уничтожить тайныя предположенія большей части духовенства, онъ задумалъ вывести наружу скрытую войну, которую вели противъ него бревами и буллами, именемъ Пія VII, и отдать на судъ французскихъ епископовъ, защитниковъ галликанскаго ученія, всѣ требованія папы. Съ этою цѣлію созвалъ онъ національный соборъ, допустивъ въ него и епископовъ италіянскихъ, которыхъ почиталъ приверженцами своими, и поручилъ предсѣдательство кардиналу Фешу. Въ посланіи къ собору, Наполеонъ говорилъ, что нѣтъ почти епископовъ въ Германіи, что тоже должно случиться въ Италіи и Франціи, и что соборъ долженъ отвратить такое важное неудобство.

20 іюня, собрались епископы, въ первый разъ, въ церкви парижской Богоматери. Хотя императоръ далъ собранію президента изъ членовъ своего семейства, однако жъ оно не раздѣляло его видовъ, какъ онъ надѣялся. Кардиналъ Фешъ, первый, измѣнилъ надеждѣ Наполеона, показавъ себя римскимъ приверженцемъ, а не сановникомъ имперіи. Епископы не могли дѣйствовать иначе; время галликанизма прошло. 18-й вѣкъ и перевороты, послѣдовавшіе послѣ Боссюэта, сильно потрясли ученіе и авторитетъ этото великаго мужа. Подъ ударами вольтеровскихъ кощунствъ и политическаго преслѣдованія, французское духовенство должно было обратиться къ папѣ и сильно привязать себя къ духовному главѣ, въ которомъ заключалось жизненное начало католицизма. Епископы боялись, что разрушатъ совершенно римскую церковь во Франціи и поразятъ себя на смерть, если громко возста-

нутъ противъ требованій папы и подадутъ помощь мѣрамъ, разрушавшимъ связь ихъ съ духовнымъ владычествомъ, отъ котораго сами епископы получили свою силу. По этому соборъ былъ распущенъ, а императоръ потребовалъ отъ всѣхъ прелатовъ, Французовъ и Италіянцевъ, отъ каждаго отдѣльно, частную декларацію, вполнѣ согласную съ его видами.

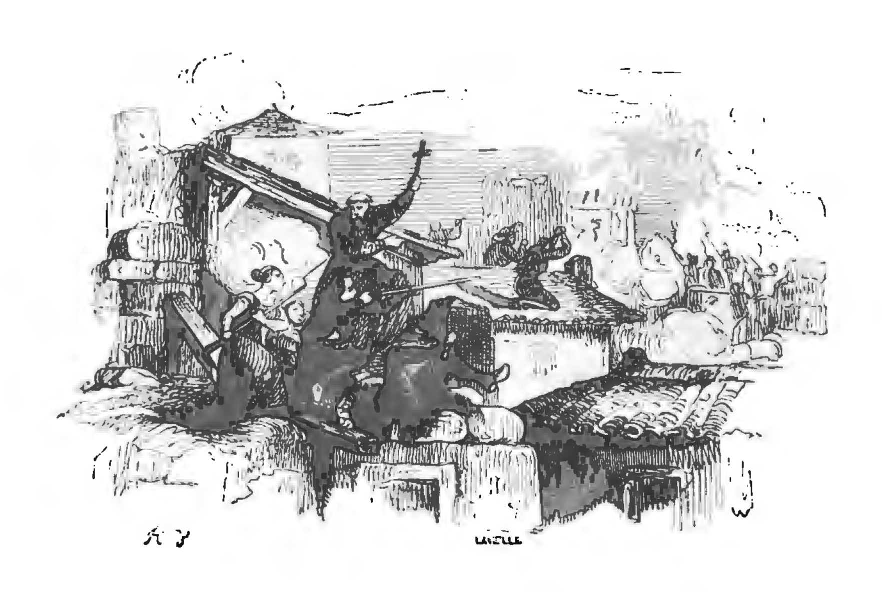
ГЛАВА XXXIII.

Взглядъ на ходъ военныхъ событій въ Испаніи и Португаліи, отъ 1809 до 1812 года.

Воспитаніе испанскаго народа въ духѣ французскомъ продолжалось среди бѣдствій войны. Когда императоръ оставилъ полуостровъ, полководцы его, безпрерывно тревожимые гверильясами, часто принуждены были сражаться съ регулярными отрядами, составлявшими англо-испанскую армію. Несмотря на ежедневныя сшибки, послѣ кровавыхъ битвъ и смертоносныхъ осадъ, власть короля Іосифа распространилась по всѣмъ частямъ испанской монархіи.

Въ началѣ 1809 года, послѣ отъѣзда Наполеона во Францію, Палафоксъ, бѣжавшій въ Сарагоссу послѣ пораженія при Туделѣ, защищалъ столицу Аррагоніи съ храбростію древнихъ

Кантабровъ. Французы простояли нѣсколько мѣсяцевъ передъ стѣнами Сарагоссы. Когда внѣшнія укрѣпленія были разрушены храбростію солдатъ, опытностію генераловъ и всѣми средствами военной науки, то надобно было продолжать битву въ самыхъ улицахъ взятаго города, и на каждый домъ вести отдѣльную аттаку. Наконецъ, испанская твердость уступила французской отвагѣ.

21 февраля 1809 года, городъ сдался безусловно маршалу Ланну. Президентъ хунты, Маріано Домингецъ, присягнулъ на вѣрность королю Іосифу. « Мы исполнили свои обязанности противъ васъ, сказалъ онъ маршалу, защищались до послѣдней возможности; съ такимъ же усердіемъ исполнимъ и новыя наши обѣщанія. »

Трудно описать, въ какомъ ужасномъ, разоренномъ положеніи находилась столица Аррагоніи. Страшная эпидемія присоединила свои опустошенія къ бѣдствіямъ войны. « Госпи-

тали — говоритъ одинъ знаменитый маршалъ въ своихъ записках — не могли уже вмѣщать больныхъ и раненыхъ. На кладбищахъ не доставало мѣста для умершихъ; трупы, зашитые въ мѣшки, сотнями лежали у церковныхъ дверей....»

Послѣ Сарагоссы взяты города Хака и Музонъ; но всѣ эти бѣдствія не обезоружили испанскихъ инсургентовъ. Часть французской арміи изъ Аррагоніи перешла въ Кастилію, а третьему корпусу предоставлено сохранить завоеваніе, стоившее осаждавшимъ восьми тысячъ человѣкъ. Едва генералъ Блакъ узналъ въ Каталоніи, что побѣдители Палафокса раздѣлились и что пятый корпусъ удалился отъ Эбро по направленію къ Тагу, какъ тотчасъ же вышелъ изъ Тортозы, съ сорока тысячами человѣкъ, и отправился въ Аррагонію, съ намѣреніемъ и надеждою отнять Сарагоссу у Французовъ.

Попытка Блака сначала увѣнчалась неважнымъ успѣхомъ при Алканицѣ; но третій корпусъ находился подъ начальствомъ ловкаго и храбраго Сюше. Наполеонъ сказалъ, что если бъ у него было два такихъ маршала въ Испаніи, то

онъ завоевалъ и удержалъ бы за собою весь полуостровъ. Сюше поступилъ на мѣсто Жюно, въ Аррагоніи. Мудрый и неустрашимый полководецъ привелъ снова побѣду подъ французскія знамена. Славныя битвы при Маріѣ и Бельхиттѣ разрушили надежды Блака и принудили его удалиться въ Каталонію.

Разсѣявъ испанскую армію, Сюше возвратился въ Сарагоссу и принялся залечивать раны, нанесенныя войною. Усилія его не были тщетны. Посреди своихъ развалинъ, Сарагосса предалась снова религіознымъ праздникамъ и торжествамъ, изъ коихъ самые значительные происходили въ церкви

дель-Пильаръ, подъ покровительствомъ французскаго генерала, который почелъ приличнымъ присоединить военную пышность къ религіозному величію.

Такими поступками, благоразуміемъ, строгимъ наблюденіемъ дисциплины, незамѣтно довелъ онъ самый враждебный Французамъ городъ до того, что жители не роптали противъ владычества, которому оказывали прежде сильное и упрямое сопротивленіе.

Казалось, Аррагонія усмирена; но возстаніе вспыхнуло при появленіи новаго гверильяса, юнаго Мины. Сюше прекратилъ пожаръ въ самомъ началѣ и не далъ ему распространиться; преслѣдовалъ Мину, разсѣялъ его шайку, и взялъ его самого въ плѣнъ.

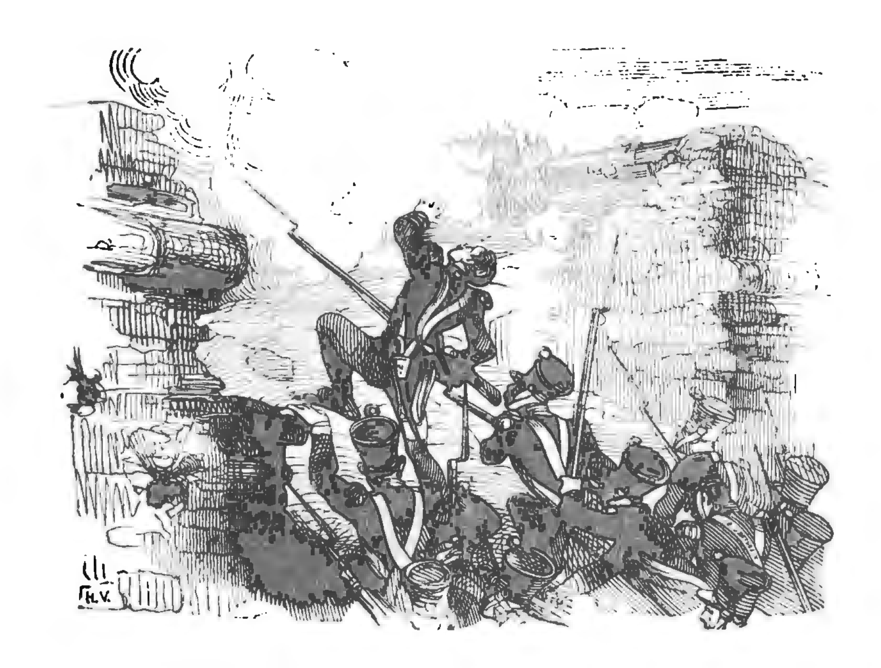
Не такъ была счастлива французская армія въ Каталоніи; тамъ генералы едва держались противъ народныхъ партизановъ и регулярныхъ войскъ Каро, Блака и Одоннеля. Слѣдовало приказать генералу Сюше сойти съ сарагосскихъ горъ въ долины Таррагоны и Валенціи.

Обезпечивъ спокойствіе оставляемой провинціи взятіемъ всѣхъ крѣпостей, лежащихъ на границѣ Аррагоніи и Каталоніи, Сюше пошелъ по дорогѣ къ Тортозѣ.

Испанскій генералъ Каро изъявилъ сначала намѣреніе защищать эту крѣпость; но при приближеніи Сюше, перемѣнилъ намѣреніе и поспѣшно удалился. Сюше подождалъ подкрѣпленій отъ седьмаго корпуса, и, 1 января 1811, французское знамя развѣвалось на стѣнахъ Тортозы.

Покоривъ Тортозу, Сюше, вѣрный своей благоразумной системѣ, не хотѣлъ продолжать успѣховъ въ Каталоніи, не выгнавъ предварительно изъ Аррагоніи ворвавшихся туда партизановъ, подъ начальствомъ Вильакампа, Эмпесинадо и старика Мины. Это дѣло заняло Сюше въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вильакампо и Эмпесинадо ушли въ Куэнсу; Мина бросился въ наваррскія горы, а Сюше тотчасъ явился въ Каталоніи, у вратъ Таррагоны.

Этотъ городъ служилъ твердынею возмущенію на сѣверѣ полуострова; гарнизонъ, изъ восьми тысячъ человѣкъ, заперся въ немъ, въ надеждѣ, что будетъ получать продоволь-

ствіе моремъ. Сюше окружилъ крѣпость сорокатысячною арміею и взялъ его приступомъ 21 іюня 1811.

Эта новая и важная побѣда весьма обрадовала императора, который заботился объ успѣхахъ своего оружія въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что тамъ они были рѣже и не такъ рѣшительны, какъ въ другихъ странахъ Европы. Благопріятное, лестное мнѣніе Наполеона о генералѣ Сюше еще болѣе усилилось, и онъ немедленно возвелъ покорителя Таррагоны въ званіе маршала имперіи.

За взятіемъ Таррагоны послѣдовало занятіе Монте-Серры. Испанское регентство, опасаясь за Валенцію, отправило туда десятитысячный корпусъ, подъ начальствомъ Блака, поручивъ ему остановить Сюше. Оропеза и Сагунта скоро сдались, вслѣдствіе кровопролитной битвы, въ которой испанскій генералъ претерпѣлъ совершенное пораженіе и лишился пяти тысячъ человѣкъ убитыми.

Настало время аттаковать Валенцію. Эмпесинадо и Мина, первые герои испанской народности, старались помочь Блаку и ворвались въ аррагонскія горы. Маршалъ Сюше отклонилъ опасность; выпросивъ подкрѣпленія, перешелъ чрезъ Гвадалавіаръ, отбросилъ часть испанской арміи въ Мурцію, а другую загналъ въ Валенцію. Этотъ городъ не столько страшился покорителя Сарагоссы, сколько боялся осады и приступа. Едва бомбы начали опустошать городъ, какъ жители заботились уже о капитуляціи. Весь гарнизонъ, состоявшій изъ восемнадцати тысячъ человѣкъ, и главнокомандующій Блакъ, взяты въ плѣнъ.

10 января 1812 года, Французы вступили въ Валенцію. 24 числа того же мѣсяца, императоръ, имѣвшій привычку вознаграждать подвиги немедленно, опредѣлилъ недвижимыя имѣнія на двѣсти милліоновъ франковъ для раздачи генераламъ, офицерамъ и солдатамъ аррагонской арміи. Маршалъ Сюше получилъ титулъ герцога Альбуфера, съ доходами, которые доставляло это герцогство.

Пока Сюше дѣйствовалъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, маршалъ Сультъ вторгся въ Португалію, Ней завоевывалъ и усмирялъ Галицію и Астурію, а Викторъ уничтожалъ эстрамадурскую армію Куэсты,

Успѣхи Сульта въ Португаліи были блестящи и быстры, но непродолжительны. Онъ разбилъ генерала Роману на берегахъ Тамеги и постепенно занялъ Шавесъ, Брагу и Опорто. Опорто, второй городъ въ Португаліи, тщетно силился сопротивляться, и принужденъ былъ сдаться послѣ перваго приступа, 29 марта 1809 года.

Такіе успѣхи начальниковъ французской арміи не имѣли, однако жъ, вліянія на духъ жителей, которые не знакомились со страхомъ, а все болѣе и болѣе раздражались. Общее возстаніе послѣдовало въ Эстрамадурѣ. Бадахосская хунта отвѣчала гордо и запальчиво маршалу Виктору. Въ то же время Веллингтонъ, съ тридцатью тысячами, пошелъ изъ Лиссабона къ Опорто, съ надеждою отнять этотъ важный пунктъ у Сульта, который, посредствомъ эстрамадурскаго возстанія, былъ лишенъ помощи и содѣйствія Виктора, и долженъ былъ, съ другой стороны, опасаться португальскаго генерала Силь-

вейры, подкрѣпляемаго Бересфордомъ. Въ такомъ опасномъ положеніи, французская армія, казалось, неминуемо будетъ разбита; но ею командовалъ искуснѣйшій и ученѣйшій полководецъ нашего времени: Сультъ спасъ ее быстрыми и превосходными своими распоряженіями. Безъ нерѣшимости пожертвовалъ онъ багажемъ, запасами, снарядами. Вся армія

прошла черезъ ущелія; подъ нею кипѣлъ Кавадо, разлившійся отъ дождей; надъ нею висѣли скалы, съ которыхъ

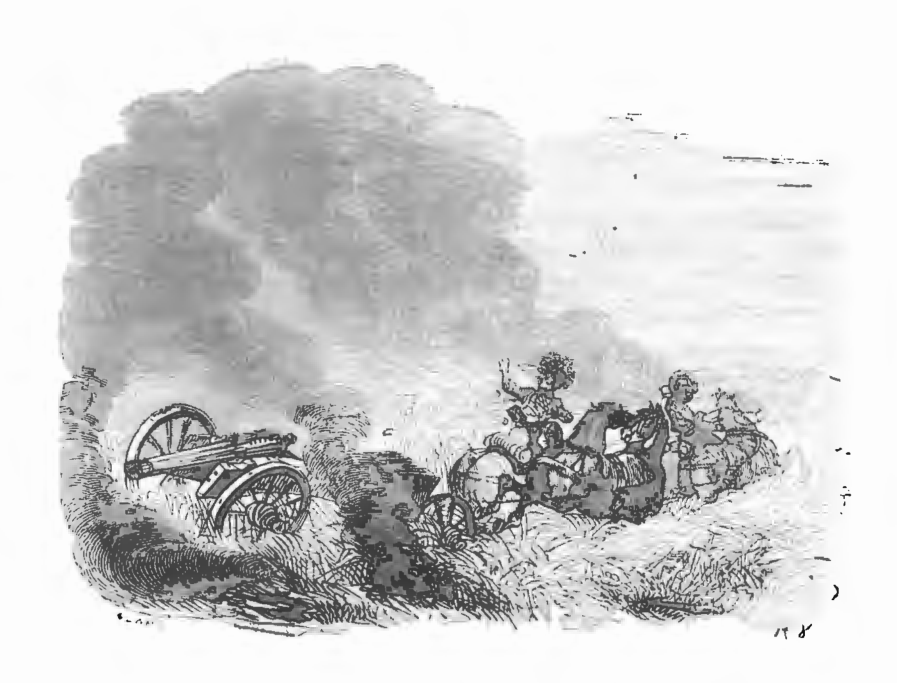
безпрерывно раздавались выстрѣлы. Сультъ превозмогъ всѣ препятствія, скрылъ свое отступленіе отъ обоихъ непріятельскихъ генераловъ и достигъ до границы. Это отступленіе, вовсе не похожее на отступленіе Мура, доставило Сульту новыя права на славу.

Маршалъ Сультъ, чудомъ спасшійся отъ Веллингтона, Бересфорда и Сильвейры, появился въ Испаніи, снова напалъ на Роману и принудилъ его снять осаду Луго. Ней, устроивъ дѣла въ Астуріи точно такъ, какъ Сюше въ Аррагоніи, соединился съ Сультомъ, и оба согласились принять мѣры для рѣшительнаго уничтоженія арміи Романы и для усмиренія бунтовщиковъ въ Галиціи. Но военныя дѣйствія враговъ въ центрѣ полуострова скоро принудили маршаловъ измѣнить соображенія и намѣренія.

Веллингтонъ, не имѣвшій успѣха противъ Сульта, повернулъ къ Эстрамадурѣ, и надѣялся, что ему посчастливится противъ Виктора. Соединившись съ Куэстою, Бересфордомъ, Романою, онъ рѣшился напасть на Виктора и отнять столицу у короля Іосифа.

Іосифъ понялъ опасность, и приказалъ сосредоточить всѣ отряды французской арміи на Тагѣ. Сультъ не успѣлъ еще соединиться съ Мортье, какъ Іосифъ, предпочитая совѣтъ Виктора мнѣніямъ своего начальника штаба, Журдана, и не дождавшись даже Себастіани, рѣшился на битву. Такое нетерпѣніе спасло непріятельскую армію отъ совершенной гибели. Англо-Испанцы храбро защищали и удержали всѣ свои позиціи. Потеря ихъ, равная потерѣ Французовъ, простиралась до восьми тысячъ человѣкъ, убитыми и ранеными. Враги Франціи поздравляли Веллингтона съ побѣдою, но Сультъ скоро показалъ, на чьей сторонѣ была выгода. Онъ занялъ Пласенцію въ то время, когда Веллингтонъ, получившій за талаверскую битву титулъ генералиссимуса англо-испанскихъ и португальскихъ войскъ, думалъ найти его близъ Бенавенте. Соединившись съ Мортье и Викторомъ, Сультъ напалъ на враговъ, 8 августа 1809 года, при мостѣ Арцобиспо, и на этотъ разъ никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. Испанцы были совершенно разбиты, и армія Веллингтона бѣжала среди горѣвшихъ нивъ и лѣсовъ.

Испанское терпѣніе не пало послѣ столь частыхъ пораженій. Аризага, съ шестидесятью тысячъ человѣкъ, двинулся на Мадритъ.

Сультъ командовалъ всею арміею, вмѣсто маршала Журдана. Онъ призвалъ Виктора, Мортье и Себастіани, и пошелъ на непріятеля, гналъ его до Осаньи, и тутъ, 18 ноября 1809, уничтожилъ испанскую армію. Во время этой достопамятной битвы, Аризага, оставивъ начальство надъ войскомъ, взошелъ на городскую колокольню и смотрѣлъ оттуда, какъ

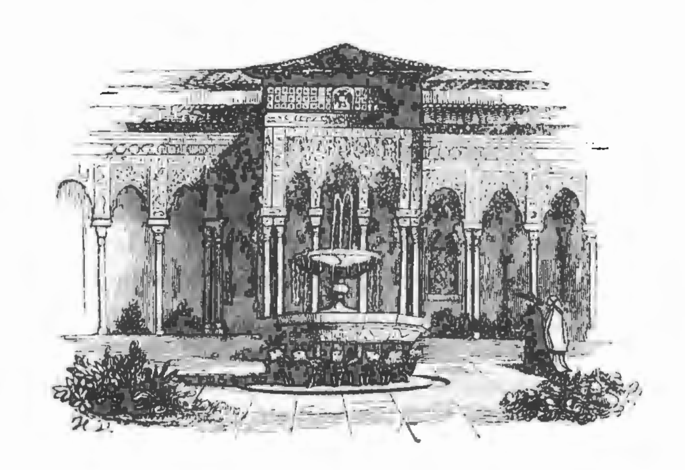
простой зритель, на разрушеніе своей силы. Онъ лишился всей артиллеріи, багажа и знаменъ. Побѣдители взяли тридцать тысячъ человѣкъ въ плѣнъ.

Въ эту минуту можно было нанести послѣдній, рѣшительный ударъ испанской стойкости и англійскому вмѣшательству. На сѣверѣ миръ былъ заключенъ, и императоръ могъ отправить часть своихъ войскъ на полуостровъ. Въ началѣ 1810 года, французская армія въ Испаніи увеличена до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ; она состояла подъ начальствомъ короля Іосифа, но дѣйствительнымъ, настоящимъ начальникомъ былъ маршалъ Сультъ, занимавшій мѣсто начальника штаба.

Пока маршалъ Сультъ съ побѣдами проходилъ по Анда-

лузіи, Массена, прибывшій въ Испанію съ новыми эслингскими лаврами, вторгся въ Португалію и шелъ на Мадритъ. Онъ надѣялся на помощь андалузской арміи, но Сультъ былъ удержанъ Англо-Испанцами, и Массена, опасаясь Веллингтона, вышелъ изъ Португаліи. Отступленіе его имѣло печальныя послѣдствія. Веллингтонъ овладѣлъ Бадаіосомъ.

Сультъ занялся усмиреніемъ Андалузіи, а Англо-Испанцы шли между-тѣмъ впередъ, разбили центральную армію, заняли Мадритъ и принудили короля Іосифа удалиться въ Валенцію, подъ прикрытіе маршала Сюше. Съ этой минуты, занятіе Андалузіи стало невозможнымъ. Бросили блокаду Кадикса. Сультъ отступилъ черезъ Гренаду и Мурцію, соединился съ Сюше при Аликанте, и потомъ пришелъ къ центральной арміи, для похода къ Мадриту и для обратнаго завоеванія этой столицы.

ГЛАВА XXXIV.

Разрывъ съ Россіею.

Императоръ Александръ давно уже охладѣлъ въ дружбѣ къ Наполеону. Отъ торжественной дружбы въ Тильзитѣ и отъ эрфуртскихъ воспоминаній въ душѣ Русскаго Монарха оставались только неудовольствіе и непріятности, порождаемыя увядшею привязанностію и несбывшеюся надеждою. Пока Русскій Императоръ признавалъ полезнымъ вести войну противъ Наполеона, онъ дѣйствовалъ соединенно съ англійскимъ кабинетомъ и вступилъ въ 1805 и 1806 году въ союзъ противъ Франціи, помогая то Австріи, то Пруссіи. Но Аустерлицъ и Фридландъ дали ходу дѣлъ оборотъ новый. Объемля проницательнымъ умомъ положеніе Европы и ея дѣйствительныя потребности, Александръ, во время нѣ-

менскаго свиданія, рѣшился на разрывъ съ Англіею и на соединеніе съ Наполеономъ, который задумалъ разрушить силу Англіи континентальною системою. Выгоднѣе было раздѣлять силу Наполеона и помогать ему въ общемъ дѣлѣ, чѣмъ итти противъ теченія обстоятельствъ.

Однако жъ Наполеонъ продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, пользовался всѣми случаями и обстоятельствами для увеличенія французскаго владычества и вліянія, не думая, что нарушеніе политическаго равновѣсія въ Европѣ не можетъ быть пріятно кроткому и справедливому Монарху, царствовавшему въ Петербургѣ. Въ 1809 году, Наполеонъ отнялъ у Австріи нѣкоторыя ея части, что придвинуло Францію къ русской границѣ. Такое сосѣдство было не безъ опасности, и не вполнѣ вознаграждалось уступкою участка Галлиціи, отданнаго Россіи по вѣнскому трактату.

Кромѣ того, Наполеонъ поддерживалъ существованіе варшавскаго герцогства. Шли переговоры объ уничтоженіи его. Коленкуръ, очарованный милостивымъ обращеніемъ и снисходительностію Императора Александра, готовился рѣшить дѣло, какъ было угодно Русскому Императору, и 5 января 1810 года подписалъ проектъ трактата объ этомъ предметѣ; но Наполеонъ не согласился на предложенія своего посла. Послѣ многихъ безполезныхъ переговоровъ, дѣло не подвинулось впередъ и осталось въ прежнемъ положеніи. Александръ не могъ уже ничего ожидать отъ союза съ Франціею, когда справедливыя его желанія не исполнялись. Наполеонъ даже, въ восточномъ вопросѣ, склонился на сторону австрійской политики, и въ наказаніе за свою неосторожность скоро узналъ, что Русскій Царь отступаетъ отъ континентальной системы. 15 января 1811 года, изданъ указъ, налагавшій запрещеніе на нѣкоторыя французскія произведенія и покровительствовавшій привозу колоніяльныхъ товаровъ. Сверхъ того, въ случаѣ преступленія законовъ, повелѣвалось сжигать французскія произведенія, а колоніяльныя только конфисковать.

Понятно, какъ это изумило Наполеона. Онъ немедленно приказалъ Коленкуру просить объ отмѣнѣ этого указа. Но Императоръ Александръ, предвидѣвшій всѣ по-

слѣдствія своего распоряженія, не хотѣлъ и не могъ исполнить подобнаго требованія. Отвѣтъ его можно было предвидѣть напередъ. Указъ остался въ полной силѣ, и вооруженія, начатыя прежде его обнародованія, дѣятельно продолжались. Наполеонъ тоже приготовлялся къ войнѣ. Данцигскій гарнизонъ усиленъ; массы войскъ проходили по Германіи. Императоръ Александръ потребовалъ объясненій; отвѣчали, что хотятъ принять мѣры противъ враждебныхъ его намѣреній, изобличаемыхъ военными приготовленіями. Императоръ удостовѣрялъ, что не нарушитъ мира, если будутъ удовлетворены его требованія касательно герцогства варшавскаго и герцогства ольденбургскаго, занятаго Французами, подъ предлогомъ, что оно стало центромъ европейской контрабанды, грозившей уничтожить всю континентальную блокаду.

Такимъ образомъ разрывъ начался въ 1811 году. Оба императора не могли уже согласиться въ главнѣйшихъ статьяхъ политики; стало быть, рано или поздно, война должна была непремѣнно возгорѣться. Однако жъ Наполеонъ, всегда старавшійся возложить на непріятеля всю отвѣтственность за бѣдствія войны, не хотѣлъ и на этотъ разъ поднять знамя брани на союзника, не испытавъ послѣднихъ средствъ къ примиренію, отъ котораго зависѣло спокойствіе Европы. Онъ писалъ нѣсколько разъ къ Императору Александру съ этою цѣлію. « Нынѣ, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, повторяется то же, что я уже видѣлъ въ Пруссіи, въ 1806 году, и въ Вѣнѣ, въ 1809. Я останусь другомъ Вашего Величества, если даже роковая судьба, увлекающая Европу, вооружитъ наши народы другъ противъ друга. Буду соображаться съ поступками Вашего Величества; никогда не подниму оружія первый; войска мои двинутся впередъ, когда вы уничтожите тильзитскій трактатъ. Я первый прекращу вооруженія, если вы покажете такую же довѣренность. Раскаявались ли Вы когда нибудь въ довѣріи, мнѣ оказанномъ? »

Русскій Императоръ пребылъ твердъ и, чувствуя справедливость своихъ требованій и желаній, повторялъ ихъ, не соглашаясь ни на какія уступки. Онъ даже потребовалъ еще очищенія Данцига.

— « Тогда я думалъ, что война объявлена, говоритъ Наполеонъ, въ *Меморіалъ*; я не имѣлъ привычки опаздывать. Я могъ итти противъ Россіи въ челѣ всей остальной Европы; предпріятіе было народное, дѣло — европейское; въ этомъ заключалось послѣднее усиліе Франціи; ея судьба и судьба новой европейской системы зависѣла отъ конца этой борьбы. »

Пути провидѣнія ведутъ Наполеона въ Москву..... « Наполеонъ идетъ на Россію, въ челѣ всей остальной Европы! »... Въ Кремлѣ назначены границы его побѣдамъ; туда влечетъ его мысль о всемірномъ преобладаніи Франціи!....

ГЛАВА XXXV.

Походъ въ Россію 1812 годъ.)

Прежде отъѣзда изъ Парижа и оффиціяльнаго объявленія о разрывѣ съ Россіею и новой войнѣ на сѣверѣ Европы, Наполеонъ принялъ нѣсколько мѣръ, которыя должны были показать подвластнымъ ему народамъ, что онъ снова замышляетъ огромное предпріятіе, что снова загорится война въ странахъ отдаленныхъ.

Двадцать третьяго декабря 1811 года, сенатъ предоставилъ въ распоряженіе военнаго министра сто двадцать тысячъ человѣкъ рекрутъ, въ счетъ конскрипціи 1812 года. 13 марта слѣдующаго года, другимъ сенатскимъ декретомъ учреждена національная гвардія, съ раздѣленіемъ на три набора. Спу-

стя нѣсколько дней (17 марта), повелѣно произвести первый наборъ, въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Эта гвардія составляла внутреннюю армію, назначенную собственно для охраненія границъ, и, кромѣ того, издано повелѣніе немедленно собрать всѣхъ рекрутъ, назначенныхъ по обыкновенной ежегодной конскрипціи.

Не довольствуясь приготовленіями къ войнѣ въ предѣлахъ своей имперіи Наполеонъ задумалъ напасть на Россію съ силами всей остальной Европы, и занялся для этой цѣли заключеніемъ договоровъ съ другими сильными державами. Трактатъ съ Австріею подписанъ 24 февраля, а съ Пруссіею 14 марта 1812 года.

Наполеонъ, въ сопровожденіи императрицы Маріи-Луизы, оставилъ Парижъ 9 мая; почти не останавливаясь, проѣхалъ черезъ Мецъ, Майнцъ и Франкфуртъ, и, 17, прибылъ въ Дрезденъ. На это время въ столицѣ Саксоніи собралось множество владѣтельныхъ особъ: звѣзда Наполеона сіяла еще полнымъ блескомъ. Императоръ австрійскій и король прусскій, съ своими министрами Меттернихомъ и Гарденбергомъ, находились тоже здѣсь. Наполеонъ занималъ большіе аппартаменты королевскаго дворца, и ежедневно гостиная его наполнялась королями, маршалами и придворными.

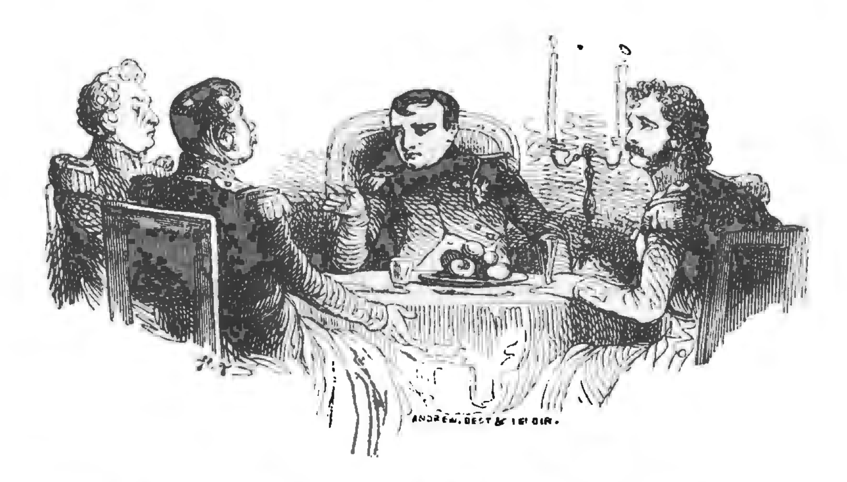
Пребываніе Наполеона въ Дрезденѣ было непродолжительно. Онъ поспѣшилъ къ берегамъ Нѣмена, черезъ Прагу, гдѣ разстался съ своею супругою. До открытія военныхъ дѣйствій, Наполеонъ посѣтилъ Кенигсбергъ и Данцигъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ начальствовалъ Раппъ, котораго императоръ Французовъ наиболѣе уважалъ за его храбрость и откровенность. Мюратъ и Бертіѐ находились въ это время при особѣ Наполеона. Король неаполитанскій казался недовольнымъ; Наполеонъ замѣтилъ это и сказалъ Раппу: — « Не замѣчаете ли вы въ Мюратѣ чего-то необыкновеннаго? Я вижу въ немъ какую-то перемѣну. Ужъ не боленъ ли онъ?» — Ваше величество, отвѣчалъ комендантъ Данцига, Мюратъ не боленъ, а печаленъ. — « Печаленъ! это почему? живо возразилъ императоръ: или онъ не доволенъ, что король?» — То-то и есть, ваше величество, отвѣчалъ Раппъ, Мюратъ говоритъ, будто онъ не король. — « Самъ виноватъ,

сказалъ Наполеонъ: зачѣмъ онъ Неаполитанецъ, а не Французъ?...... Когда онъ живетъ въ своемъ королевствѣ, такъ то и дѣло, что дѣлаетъ глупости; благопріятствуетъ торговлѣ Англичанъ, а я не хочу этого.»

На другой день послѣ этого разговора, Наполеонъ пригласилъ къ себѣ ужинать Раппа, Бертіе и Мюрата, и, судя по ихъ принужденному виду, подумалъ, что они опасаются разговора о настоящей кампаніи; это показалось ему безмолвнымъ укоромъ, и онъ сказалъ: «Я вижу, господа, что вы разлюбили войну. Король неаполитанскій не хочетъ уже оставлять своихъ владѣній въ прекрасномъ климатѣ; Бертіе спѣшитъ охотиться въ своемъ гробуаскомъ помѣстьѣ, а Раппа беретъ нетерпѣніе жить въ своемъ парижскомъ отелѣ.» Наполеонъ говорилъ сущую правду; но ни Мюратъ ни Бертіе не смѣли сознаться; одинъ только Раппъ осмѣлился сказать, что императоръ отгадалъ его мысли. Впрочемъ Наполеонъ не могъ винитъ никого, кромѣ себя, въ измѣненіи духа своихъ сподвижниковъ. Конечно, посреди великолѣпія придворной жизни и сибаритства, въ кругу удовольствій и обольщеній величія, ни король неаполитанскій, ни князь нёвшательскій не могли сохранить своихъ лагерныхъ привычекъ, своей неусыпной ревности и беззаботной отваги, которыя отличали Мюрата и Бертіе, солдатовъ италіянской арміи при Монтенотѣ и Лоди.

Однако жъ, каково бы ни было тайное мнѣніе этихъ испытанныхъ воиновъ о начинающейся кампаніи, которой послѣдствій не можно было предвидѣть никакому человѣческому разуму, они готовы были продолжать свое блестящее поприще и слѣдовать за своимъ предводителемъ. «Мы жалѣемъ о нарушеніи мира, сказали они; но все-таки предпочитаемъ открытую войну шаткой дружбѣ.» — Ваше величество, подхватилъ данцигскій комендантъ: вашъ Раппъ все-таки довольно порядочно умѣетъ владѣть конемъ и саблей, и не можетъ оставаться здѣсь, какъ дряхлый инвалидъ, когда вы идете сражаться: позвольте же мнѣ занять при васъ прежнюю адъютантскую должность.

Раппъ, во время начальствованія своего въ Данцигѣ, пріобрѣлъ общее расположеніе Прусаковъ не строгимъ соблю-

деніемъ правилъ континентальной блокады. Строгія требованія этой политической мѣры не согласовались съ привычками и откровеннымъ характеромъ храбраго воина. Наполеонъ, умѣя цѣнить его, не дѣлалъ ему за это никакихъ выговоровъ и замѣчаній, и когда, въ его пріемной залѣ, увидѣлъ бюстъ прусской королевы, то удовольствовался только тѣмъ, что съ улыбкой сказалъ ему: « Мистеръ Раппъ, предупреждаю васъ, что извѣщу Марію-Луизу о вашей невѣрности. »

Императоръ выѣхалъ изъ Данцига 11 іюня, по пути къ Кёнигсбергу, куда прибылъ 12 числа, осмотрѣвъ на дорогѣ войска корпуса Даву. Въ эту пору Наполеонъ чрезвычайно заботился объ устройствѣ и продовольствіи арміи. « Его дѣятельность, говоритъ господинъ де-Сегюръ, была въ тогдашнее время совершенно обращена на эти важные предметы. Онъ расточалъ замѣчанія, повелѣнія, даже деньги: это свидѣтельствуютъ самыя письма императора. Дни проводилъ онъ за диктовкой различныхъ инструкцій, и даже вставалъ по ночамъ для окончанія работы. Одинъ изъ генераловъ получилъ отъ императора, въ одинъ и тотъ же день, шесть депешей съ инструкціями.

Узнавъ, что генералъ Лористонъ, которому онъ поручилъ было сдѣлать нѣкоторыя предложенія Императору Всероссійскому, не былъ допущенъ къ Его Величеству, Наполеонъ счелъ это достаточною причиною вступить въ предѣлы Рос-

сіи безъ предварительнаго объявленія войны. «Побѣжденные, сказалъ онъ, хотятъ поступать, какъ побѣдители. Судьба увлекаетъ ихъ. Перейдемъ Нѣманъ!»

Французская армія, состоявшая, по оффиціяльнымъ извѣстіямъ, изъ семи сотъ тысячъ человѣкъ, не полагая въ томъ числѣ ни отборныхъ войскъ, ни гвардіи, была раздѣлена на тринадцать корпусовъ.

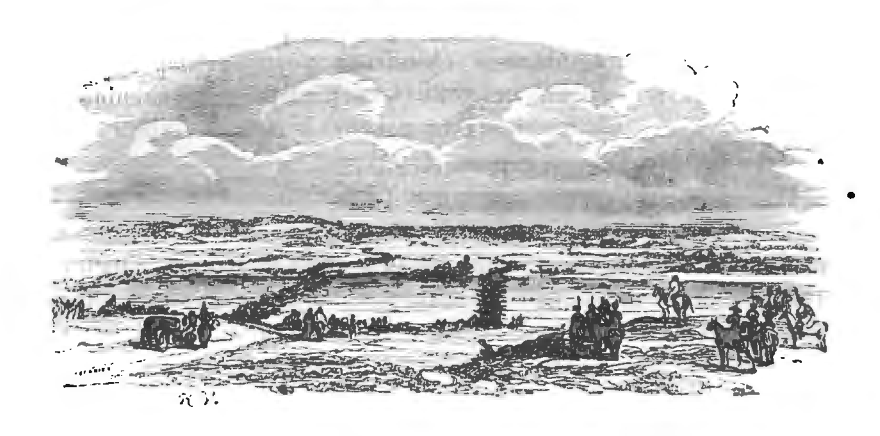
Первый корпусъ былъ ввѣренъ Даву, второй Удино, третій Нею, четвертый вице-королю Евгенію, пятый Понятовскому, шестой Гувіонъ-сенъ-Сиру, седьмой Ренье, осьмой Іерониму, королю вестфальскому, девятый Виктору, десятый Макдональду, одиннадцатый Ожеро, двѣнадцатый Мюрату, тринадцатый князю Шварценбергу.

Между-тѣмъ, Русскія войска, оставивъ нѣманскую линію, расположились по Днѣпру и Двинѣ. Наполеонъ послѣдовалъ за ними. 11 іюня, стараго стиля, прибывъ, въ два часа утра, на аванпосты въ окрестностяхъ Ковно, онъ накинулъ на себя плащъ и надѣлъ польскій картузъ одного изъ солдатъ легкой кавалеріи, и такимъ образомъ переодѣтый, лично обо-

зрѣлъ часть береговъ Нѣмана, выискивая удобное мѣсто для переправы. Императору сопутствовалъ одинъ генералъ Гаксо (Нахо.)

Наполеонъ назначилъ переправу на изгибѣ рѣки, близъ деревни Понѣмапа, повыше Ковно. Вечеромъ того же дня, генералъ Эбле навелъ три моста, по которымъ французская армія, раздѣленная на три колонны, переходила, въ продолженіе цѣлой ночи, на противоположный берегъ рѣки, и къ разсвѣту слѣдующаго дня заняла его.

Овладѣвъ Ковно, Наполеонъ захотѣлъ сдѣлать изъ него пунктъ опоры для тыла своихъ войскъ, и потому оставилъ въ немъ гарнизонъ и устроилъ госпитали.

Козачій разъѣздъ, находившійся въ Ковно, отступая, сжегъ мостъ на Виліи, которая подъ Ковно впадаетъ въ Нѣманъ; но это не помѣшало Французамъ переправиться чрезъ нее. Русскихъ въ виду не было, кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, которые по временамъ появлялись то̀ въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ Французы приблизились къ Вильнѣ, и 16 іюня, въ четыре часа утра, аттаковали передъ этимъ городомъ арріергардъ корпуса генерала Тучкова. Послѣднимъ выступилъ изъ Вильны генералъ графъ Орловъ-Денисовъ, съ лейбъ-казачьимъ полкомъ, который, выходя изъ города, произвелъ двѣ удачныя аттаки на французскую конницу. Наполеонъ, въ полдень того же дня, въѣхалъ въ оставленную Русскими Вильну, изъ которой они предварительно успѣли вывести все, что̀ только было можно.

Занявъ Вильну, Наполеонъ немедленно захотѣлъ учредить въ этомъ городѣ временное правительство, предсѣдателемъ котораго назначилъ господина Биньона.

Главная квартира Наполеона все еще была въ Вильнѣ, хотя его армія подвигалась впередъ. Онъ намѣревался воспрепятствовать соединенію двухъ русскихъ армій, первой подъ командой Барклая-де-Толли, и второй, подъ начальствомъ князя Багратіона, и въ то же время перерѣзать путь, по которому должны были соединиться корпуса первой изъ этихъ арміи; но онъ не успѣлъ пересѣчь отступленія на сборныя мѣста ни одной части русскихъ войскъ, кромѣ одному только отряду генерала Дорохова.

Императоръ Всероссійскій еще разъ испытывалъ склонить Наполеона къ миру, и присылалъ къ нему въ Вильно Балашева, съ письмомъ и словеснымъ предложеніемъ, начать тотчасъ переговоры, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы французскія войска сейчасъ же отступили за Нѣманъ. Предложеніе это было отвергнуто ослѣпленнымъ императоромъ Французовъ.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильны 16 іюня, рѣшившись избрать центръ своей операціонной линіи между Двиною и Днѣпромъ. Вслѣдствіе этого намѣренія, оставляя наступленіе на Барклая-де-Толли, и возложивъ на Даву, Іеронима и князя Шварценберга, маневрировавшихъ на правомъ его крылѣ, попеченіе воспрепятствовать князю Багратіону достигнуть до укрѣпленнаго лагеря Русскихъ подъ Дриссою, самъ онъ двинулся по направленію къ Витебску и Смоленску.

Однако же, Наполеонъ рѣшительно никому не сообщалъ своихъ плановъ о предположенныхъ имъ дѣйствіяхъ, и это было причиною, что въ его главной квартирѣ возникли недоумѣнія и тайный ропотъ. Онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, потому что былъ увѣренъ въ превосходствѣ принятаго плана, и думалъ, что все пойдетъ успѣшно, если маршалы въ-точности исполнятъ его приказанія. Онъ приказалъ своему брату, королю вестфальскому, итти вслѣдъ за княземъ Багратіономъ и безпрестанно тревожить его войска съ-тылу, между-тѣмъ какъ Даву будетъ находиться

впереди ихъ и препятствовать соединенію второй русской арміи съ первою.

Но Іеронимъ медленностью своихъ движеній до того возбудилъ негодованіе Наполеона, что тотъ наконецъ написалъ ему: « Невозможно маневрировать съ бо̀льшимъ неискусствомъ; вы будете причиною, что Багратіонъ успѣетъ уйти: вы заставите меня потерять плоды самыхъ искусныхъ соображеній, и лишите лучшаго случая, какого, можетъ-быть, не представится болѣе въ продолженіе всей настоящей войны.»

Императоръ Французовъ не удовольствовался этимъ замѣчаніемъ королю вестфальскому, и, желая быть увѣреннымъ въ болѣе дѣятельномъ содѣйствіи вестфальскихъ войскъ, приказалъ Іерониму состоять въ непосредственной командѣ маршала Даву. Но Іеронимъ, полагая, что такая подчиненность маршалу несовмѣстна съ его королевскимъ титуломъ, не захотѣлъ повиноваться и вовсе оставилъ армію. Наполеонъ огорчился, но въ молчаніи перенесъ оскорбительный поступокъ брата.

По отбытіи Іеронима изъ арміи, вестфальскія войска ввѣрены Жюно̀, герцогу д'абрантескому; но тѣмъ не менѣе главное начальство надъ осьмымъ корпусомъ осталось за Даву.

Корпусы Макдональда и Удино были отряжены противъ графа Витгенштейна, который безпокоилъ лѣвый флангъ Французовъ и прикрывалъ Петербургъ. Барклай-де-Толли оставилъ укрѣпленный лагерь подъ Дриссою и, сообразно движенію Наполеона на Витебскъ, перешелъ къ этому городу, поручивъ корпусу Остермана удерживать напоръ французской арміи.

Войска Остермана встрѣтились съ войсками принца Евгенія и Мюрата подъ Островной, и бились съ ними 13 (25) іюля. Многочисленная французская кавалерія вдругъ аттаковала русскихъ, бывшихъ впереди, и привела ихъ въ разстройство. Графъ Остерманъ, услышавъ сильную канонаду, которою Мюратъ встрѣтилъ его конницу, приказалъ своей пѣхотѣ итти быстрымъ шагомъ, и часу въ десятомъ утра, немного не доходя до Островны, расположилъ свой корпусъ поперегъ дороги, упираясь флангами въ болотистый лѣсъ. Во весь день, двадцать пятаго числа, Французы дѣлали безпрестан-

ныя аттаки, но русскіе мужественно отражали ихъ. Двадцать шестаго, графа Остермана смѣнилъ Коновницынъ и сталъ въ осьми верстахъ отъ Островны, при деревнѣ Какувачинѣ, куда графъ Остерманъ отступилъ ночью. Первое крыло Коновницына примкнуло къ Двинѣ, лѣвое къ густому лѣсу, центръ, прикрытый оврагомъ, стоялъ на большой дорогѣ. Принцъ Евгеній и Мюратъ повели безуспѣшныя аттаки на русскій лѣвый флангъ. На правомъ своемъ крылѣ, Коновницынъ тоже не уступалъ ни шагу, и два раза отбивъ нападенія Французовъ, самъ ударилъ на нихъ, но не имѣлъ успѣху, потому что къ нимъ прибыли на помощь свѣжія войска и самъ Наполеонъ. Коновницынъ началъ въ примѣрномъ порядкѣ отступать передъ превосходными силами Французовъ, и Наполеонъ, не ранѣе какъ уже вечеромъ этого дня пріобрѣлъ поле сраженія, но не добылъ никакихъ трофеевъ. Двадцать седьмаго числа, французская армія продолжала итти впередъ, но русскіе, примкнувъ къ арміи Барклая-де-Толли, остановились и казались готовыми принять сраженіе.

Рѣчка Лучица раздѣляла Русскихъ отъ Французовъ. Наполеону, для перехода чрезъ нее, представлялся одинъ только небольшой мостъ, который притомъ требовалъ починки, и онъ далъ повелѣніе генералу Бруссіѐ сдѣлать его способнымъ къ переправѣ.

Однако же, генеральное сраженіе, котораго, казалось, такъ желали русскіе и Французы, опять было отложено. Барклай-де-Толли, получивъ отъ князя Багратіона увѣдомленіе, что Даву прежде его занялъ Могилевъ, и потому онъ послѣдуетъ на Смоленскъ, не могъ вступить въ дѣло прежде соединенія своего со второю арміею, и самъ въ ночь отступилъ также къ Смоленску. Съ разсвѣтомъ дня Французы изумились, не видя предъ собой русскихъ. Они немедленно перешли Лучицу и заняли позицію, оставленную Барклаемъ де-Толли, также и Витебскъ, изъ котораго, впрочемъ, жители удалились. Тутъ, на нѣсколько дней, оставалась главная квартира Наполеона.

Между-тѣмъ, Россія успѣла заключить миръ съ турецкимъ султаномъ и скрѣпить союзъ со Швеціей. Наполеонъ узналъ объ этомъ въ Витебскѣ, и былъ ужасно разсерженъ, потому что лишился сильной въ свою пользу диверсіи. « Турки, вскричалъ онъ, дорого заплатятъ мнѣ за эту ошибку! Это такая грубая ошибка, что я не могъ даже предвидѣть. »

Не смотря на это, Наполеонъ настойчиво шелъ къ своей цѣли, воображая, что его военное счастіе поправитъ ужасный вредъ, нанесенный ему русскою дипломатіею.

Съ 3 на 4 августа, Наполеонъ ночевалъ въ семи верстахъ отъ Смоленска, занятаго Раевскимъ, то есть, авангардомъ уже соединившихся армій Барклая де-Толли и князя Багратіона; но Наполеонъ былъ увѣренъ, что русскія арміи еще не близко, и что въ Смоленскѣ одна только дивизія генерала Невѣровскаго.

При нападеніи Французовъ на Смоленскъ, ~~Паскевичъ~~ и Раевскій покрыли себя славою, успѣшно и стойко отразивъ ихъ на всѣхъ пунктахъ. Несмѣтное число брошенныхъ Французами въ городѣ ядръ и гранатъ произвели въ немъ пожаръ. Но Русскіе, подверженные спереди выстрѣламъ непріятелей, а сзади опаляемые пожаромъ, не сходили со стѣнъ

города, воздвигнутыхъ еще Годуновымъ, и усильно сохраняли отъ пламени мостъ на Днѣпрѣ, единственное средство сообщенія съ своею арміею, стоявшею по ту сторону рѣки. Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу ночи, канонада прекратилась; Французы отступили на небольшое разстояніе отъ стѣнъ Смоленска, а Русскіе разставили на ночь посты впереди города.

До разсвѣта дня 4 августа, Смоленскъ былъ совершенно очищенъ и мостъ на Днѣпрѣ уничтоженъ.

Наполеонъ лично осмотрѣлъ наружныя укрѣпленія города, оставленнаго Русскими, взошелъ на одну изъ башень, и вооружась подзорной трубкой, хотѣлъ лично обозрѣть позицію

русскихъ войскъ; но въ окрестностяхъ Смоленска русскихъ уже не было.

Съ этой поры Наполеонъ рѣшился быстро преслѣдовать, и поручилъ Нею начальство надъ авангардомъ. Однако же, видя, что русская армія не перестаетъ отступать и, соображая, что такое постоянное отступленіе не предвѣщаетъ ему ничего добраго, Наполеонъ смутился и впалъ въ сомнѣніе; неясныя предчувствія заставляли его желать какъ можно скорѣйшаго окончанія этой войны. Получая безпрестанныя извѣстія изъ Польши и Пруссіи о направленіи умовъ тамошнихъ жителей и о движеніяхъ Тормасова, слыша ропотъ въ своей главной квартирѣ, онъ нѣсколько разъ рѣшался-было не итти дальше Смоленска и остановиться на развалинахъ этого города. Но благоразумныя сомнѣнія уступили надеждѣ на рѣшительную побѣду. « Мы зашли слишкомъ далеко, нельзя отступать, сказалъ Наполеонъ : если бъ я имѣлъ въ виду одну свою воинскую славу, то остановился бы въ Смоленскѣ, водрузилъ на его стѣнахъ мои орлы и удовольствовался бы тѣмъ, что вправо и влѣво протянулъ крылья, которыми досталъ бы Витгенштейна и Тормасова. Идемъ въ Москву! »

ГЛАВА XXXVI.

Государь Императоръ Александръ I въ Москвѣ. Сраженіе подъ Бородинымъ.

Всероссійскій Монархъ, въ ночь съ 11 на 12 іюля, прибылъ въ свою первопрестольную Москву. 15 числа, дворянство и купечество, по предварительному извѣщенію, съѣхались въ слободскомъ дворцѣ. Графъ Ростопчинъ, московскій генералъ-губернаторъ, сперва прочиталъ собранію манифестъ, которымъ призывались всѣ и каждый противъ врага, « несущаго вѣчныя для Россіи цѣпи и оковы»; потомъ, указывая на залу купечества, сказалъ: «Оттуда польются милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя! » Въ это время Государь Императоръ, отслушавъ молебенъ въ придворной церкви слободскаго дворца, прибылъ самъ въ залу дворянскаго собранія, и узнавъ о постановленіи дворянъ ополчить со ста душъ десять, вооружить этихъ рекрутъ чѣмъ ни попало и снабдить ихъ одеждою и провіантомъ, сказалъ: «Инаго я и не могъ отъ васъ ожидать: вы оправдали Мое о васъ мнѣніе. » Потомъ Государь Императоръ изволилъ пройти въ залу купечества, и

поблагодарилъ за рвеніе, съ которымъ оно приступило къ денежнымъ пожертвованіямъ. Слова Благословеннаго заглушались общими восклицаніями: «Мы готовы жертвовать Тебѣ, отецъ нашъ, не только имуществомъ, но и собою!»

Между-тѣмъ, Наполеонъ, рѣшившись итти на Москву, надѣялся принудить, наконецъ, Русскихъ къ генеральной битвѣ, и склонить Россійскаго Монарха къ миру.

Двѣнадцатаго августа, Императоръ Александръ I назначилъ Кутузова главнокомандующимъ русскими арміями, и новый полководецъ прибылъ 29 числа къ арміи, расположенной между Вязьмою и Гжатскомъ; но, желая дать генеральное сраженіе на мѣстоположеніи болѣе выгодномъ, отступилъ къ Бородину, и тутъ, 7 сентября, произошла кровопролитнѣйшая битва.

Еще на-канунѣ этого дня, Наполеонъ, на разсвѣтѣ, накинувъ свой сѣрый сюртукъ, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Онъ взялъ съ собою Раппа и Коленкура, и, осмотрѣвъ русскіе аванпосты, проѣхалъ по линіи бивакъ всѣхъ своихъ войскъ. На лицѣ его выражалось удовольствіе, самоувѣренность, и онъ тихонько напѣвалъ пѣсню:

La victoire en chantant nous ouvre la barrière.

Въ это самое время прибыли въ его лагерь полковникъ Фавьѐ, съ вѣстію о пораженіи Французовъ въ Испаніи въ дѣлѣ подъ Саламанхой, и господинъ де-Босѐ, пріѣхавшій прямо изъ Сенъ-Клу съ письмами отъ императрицы Маріи-Луизы и съ портретомъ короля римскаго.

Наполеонъ чрезвычайно вознегодовалъ на маршала Мармона, который допустилъ разбить себя и тѣмъ предалъ Мадритъ въ руки Веллингтона; но принялъ Босѐ очень милостиво. Портретъ сына возбудилъ въ немъ живыя чувства отеческой любви. Показавъ эту картину приближеннымъ,

онъ отдалъ ее своему секретарю, примолвивъ: « Возьмите; спрячьте. Ему еще рано смотрѣть на кровавое поле сраженія. »

Битва при Бородинѣ.

Предъ разсвѣтомъ 26 августа, первый пушечный выстрѣлъ раздался съ русской баттареи. Но Французы еще не двигались и, послѣ перваго пушечнаго выстрѣла, опять все смолкло. Въ два часа утра, Наполеонъ, окруженный всѣми своими маршалами, обозрѣлъ позицію, занимаемую его войсками. Въ половинѣ шестаго, взошло солнце на безоблачномъ небѣ. « Это солнце Аустерлица! » сказалъ Наполеонъ.

Битва бородинская такъ важна по всѣмъ отношеніямъ, что мы опишемъ ее подробно, заимствуя это описаніе изъ превосходнѣйшаго творенія генерала Михайловскаго-Данилевскаго « Описаніе отечественной войны 1812 года », книги, которая должна бы быть настольною книгою каждаго образованнаго русскаго человѣка.

Въ шесть часовъ утра, французскія колонны пришли въ движеніе. На лѣвомъ флангѣ русскихъ, у Семеновскаго, загремѣла канонада, и въ самомъ Бородинѣ закипѣла ружейная пальба. Русское лѣвое крыло и центръ были аттакованы единовременно. Лейбъ-егеря, занимавшіе Бородино, отошли за мостъ и начали ломать его; но тѣснимые цѣлою дивизіею Делозона, не успѣли истребить его вовсе: Французы появились на правомъ берегу Калочи, и кинулись было на русскую двѣнадцати-пушечную баттарею, но отбиты съ урономъ и отступили обратно на лѣвый берегъ. Вслѣдъ за этимъ, мостъ на Калочѣ уничтоженъ.

Нападеніе на Бородино былъ только маневръ, которымъ Наполеонъ хотѣлъ скрыть настоящее свое намѣреніе обрушиться на лѣвое крыло русской арміи. Здѣсь аттака была поручена Даву, Нею и Жюно̀, имѣвшимъ въ подкрѣпленіе три кавалерійскіе корпуса, подъ главнымъ начальствомъ Мюрата. Мѣстоположеніе препятствовало быстрому наступленію Французовъ: имъ надлежало пробираться черезъ лѣсъ, гдѣ не было дорогъ; и когда Французы, миновавъ этотъ лѣсъ, начали строиться въ колонны къ аттакѣ, то головы ихъ остановлены были выстрѣлами русской артиллеріи и

егерей, разсыпанныхъ по лѣсу. При самомъ началѣ дѣла, дивизіонный генералъ Компанъ раненъ; онъ сдалъ команду генералу Дезè, который также вскорѣ выбылъ изъ строю. Его мѣсто заступилъ присланный отъ Наполеона генералъ-адъютантъ Раппъ, но и того не пощадилъ русскій свинецъ. Въ это же время и подъ самимъ корпуснымъ командиромъ Даву убило ядромъ лошадь и сильно оконтузило маршала. Всѣ эти обстоятельства были причиною того, что аттаки этого корпуса были не совсѣмъ успѣшны, и первое покушеніе Наполеона уничтожено въ главномъ пунктѣ. Въ семь часовъ, онъ велѣлъ возобновить аттаку съ гораздо большею силою. Ней ступилъ на лѣвый флангъ Даву; корпусъ Жюнò, отданный въ распоряженіе Нея, сталъ во вторую линію; Мюратъ велѣлъ тронуться тремъ кавалерійскимъ корпусамъ: Нансути долженъ былъ подкрѣплять Даву, Монбрёнъ — Нея, Латуръ-Мобуръ слѣдовать въ резервѣ. Русскимъ не трудно было заключить, что противопоставленныя этимъ силамъ ихъ дивизіи графа Воронцова и Невѣровскаго, не будутъ въ состояніи удерживать непріятеля, столь превосходнаго въ числѣ, и князь Багратіонъ стянулъ къ угрожаемому пункту всѣ войска, какія имѣлъ подъ рукою, пославъ просить князя Кутузова о немедленномъ подкрѣпленіи, которое и было ему послано.

Между-тѣмъ, Ней, Даву, Жюнò и Мюратъ повели аттаку, подкрѣпляемую ста тридцатью орудіями. Русская артиллерія и пѣхота, выждавъ Французовъ, первая на картечный, а вторая на ружейный выстрѣлъ, поразили ихъ убійственнымъ огнемъ, но не остановили ихъ стремленія. Графъ Воронцовъ, занимавшій редуты, долженъ былъ первый выдержать весь натискъ непріятеля. Его сопротивленіе не могло быть продолжительно, судя по великому числу нападавшихъ; но онъ сражался до тѣхъ поръ, пока его дивизія не была истреблена. Тутъ сраженіе сдѣлалось общимъ. Даву и Ней нѣсколько разъ посылали къ Наполеону просить подкрѣпленія. Наполеонъ отвѣчалъ, что еще слишкомъ рано вводить въ дѣло свѣжія войска. Онъ велѣлъ усилить огонь съ баттарей своего лѣваго фланга, на который русскія баттареи, по превосходству позиціи, отвѣчали успѣшно.

При началѣ боя на русскомъ правомъ крылѣ, вице-король Евгеній стоялъ, какъ ему было предписано, въ наблюдательномъ положеніи близъ Бородина; но завидя, что Даву, Ней и Жюно подаются впередъ, счелъ эту минуту благопріятною для наступленія, съ цѣлью прорвать русскій центръ. Оставивъ часть своихъ войскъ для прикрытія Бородина и наблюденія за правымъ крыломъ русской арміи, онъ, съ остальными тремя своими дивизіями, направился прямо на курганную баттарею, защищаемую Раевскимъ.

Когда войска вице-короля стали подходить, съ ними завязалась въ кустарникахъ перестрѣлка. Оттѣснивъ русскихъ стрѣлковъ, Французы двинулись на баттарею. Осьмнадцать ея орудій и стоявшія по сторонамъ артиллерійскія роты поражали ихъ сильнымъ огнемъ; несмотря на это, баттарея взята. Но едва Французы овладѣли ею, какъ сбиты снова Ермоловымъ; въ то же время Паскевичъ и Васильчиковъ ударили въ штыки, одинъ на ихъ лѣвый, другой на ихъ правый фланги. На этой баттареѣ русскіе взяли въ плѣнъ генерала Бонами, совсѣмъ исколотаго штыками.

Возвращеніемъ баттареи, не долго бывшей въ рукахъ Французовъ, русскіе возстановили дѣло въ центрѣ; но уронъ, понесенный ими въ людяхъ, былъ очень великъ, а невознаградимою потерею была смерть Кутайсова. Французы еще полтора часа продолжали безполезныя покушенія на баттарею.

Между-тѣмъ, Наполеонъ поставилъ болѣе четырехъ сотъ орудій, и подъ ихъ защитою густыя колонны пѣхоты и конницы возобновили напоръ на князя Багратіона. Болѣе трехъ сотъ орудій, соединенныхъ и ихъ сближенный резервъ приготовились принять непріятеля, дали ему подойти и открыли жесточайшій огонь; но Французы смѣло стремились впередъ. Весь фронтъ русскихъ колоннъ лѣваго крыла двинулся въ штыки. Завязался кровопролитнѣйшій ручной бой, въ которомъ истощились всѣ усилія храбрости. Нельзя было отличить Французовъ отъ русскихъ. Конный, пѣхотинецъ, артиллеристъ — въ пылу сраженія всѣ перемѣшались; бились штыками, прикладами, тесаками, банниками; попирая ногами падшихъ, громоздились на тѣлахъ убитыхъ и раненыхъ.

Одни только резервы оставались съ обѣихъ сторонъ въ отдаленіи неподвижны.

Слѣдствіемъ ужаснаго боя на лѣвомъ крылѣ, было уступленіе Французамъ укрѣпленій, защищенныхъ русскими нѣсколько часовъ съ геройскимъ мужествомъ. Успѣху Французовъ способствовали превосходство ихъ въ числѣ и рана князя Багратіона.

Овладѣвъ укрѣпленіями впереди русскаго лѣваго фланга, Наполеонъ приказалъ Мюрату аттаковать русскихъ, обойти ихъ лѣвое крыло и отрѣзать отъ тѣхъ войскъ, которыя стояли на старой смоленской дорогѣ. Громимая русскими баттареями, французская конница стройно подвигалась впередъ, сначала шагомъ, потомъ рысью, наконецъ во весь опоръ; но полки лейбъ-гвардіи измайловскій и литовскій построясь въ каре, принудили нападающихъ на нихъ обратить тылъ. Однако же, сила войскъ русскихъ, отъ ужаснѣйшей потери въ людяхъ, при всемъ ихъ мужествѣ, начинала истощаться. Это не скрылось отъ Наполеона, и въ подкрѣпленіе кавалерійскихъ аттакъ Мюрата, онъ послалъ свою молодую гвардію. Назначенная рѣшить участь сраженія, гвардія тронулась; но едва прошла небольшое разстояніе, Наполеонъ вдругъ замѣтилъ на своемъ лѣвомъ флангѣ русскую кавалерію, отступленіе колоннъ вице-короля, тревогу въ обозахъ и въ тылу арміи. Остановивъ молодую гвардію, Наполеонъ самъ отправился къ вице-королю, желая узнать о причинѣ замѣчаемаго смятенія.

Князь Кутузовъ, удостовѣрившись лично, что Французы все болѣе и болѣе стягиваютъ свои силы противъ русскаго лѣваго фланга, отдалъ повелѣніе Милорадовичу сблизиться къ центру, а Платову съ казаками, и Уварову съ первымъ кавалерійскимъ корпусомъ, аттаковать лѣвое крыло непріятеля, чтобы тѣмъ развлечь вниманіе Наполеона и оттянуть часть его силъ отъ русскаго лѣваго фланга.

Это былъ маневръ превосходнѣйшій, маневръ, до сихъ поръ не оцѣненный достойнымъ образомъ! Онъ-то заставилъ Наполеона внезапно остановить стремительный натискъ на русскій лѣвый флангъ, и принудилъ вице-короля и самаго Наполеона понестись къ берегамъ Войны, чтобы удостовѣриться,

какія силы отрядилъ князь Кутузовъ для обхода ихъ и нападенія.

Былъ третій часъ по полудни, когда Наполеонъ возвратился къ берегамъ Воины. Онъ приказалъ ограничиться пальбою противъ русскаго лѣваго крыла, и обратился противъ центра, въ намѣреніи овладѣть курганною баттареею. Центръ русскихъ былъ обезпеченъ прибытіемъ корпусовъ графа Остермана и Корфа, переведенныхъ туда съ праваго фланга.

Началось второе дѣйствіе сраженія. Съ правой стороны и по протяженію всей русской линіи, были французскія орудія, дѣйствовавшія противъ центра и курганной баттареи, а съ лѣвой артиллерія, размѣщенная Наполеономъ на позиціи, отнятой у князя Багратіона.

Въ намѣреніи воспользоваться губительнымъ дѣйствіемъ всей артиллеріи, Наполеонъ повелъ кавалерійскія атаки. Русская пѣхота ударила на французскую конницу въ штыки, а полки втораго кавалерійскаго корпуса преслѣдовали ее до самыхъ резервовъ.

Вскорѣ замѣчены у Французовъ новыя приготовленія къ аттакѣ. Барклай-де-Толли послалъ за полками кавалергардскимъ и конногвардейскимъ; они, изъ всей русской кавалеріи, одни не были еще введены въ дѣло. Пока эти полки подвигались, французская конница, подъ начальствомъ Коленкура, заступившаго мѣсто убитаго Монбрёна, врубилась въ русскую пѣхоту двадцать-четвертой дивизіи, прикрывавшую курганную баттарею, а пѣхотныя колонны вице-короля подошли подъ самый курганъ. Коленкуръ убитъ ядромъ.

Покореніе курганной баттареи было послѣднимъ усиліемъ истощенныхъ силъ Французовъ. Къ пяти часамъ, они, нѣсколько разъ опрокинутые и съ новою яростью возобновлявшіе нападенія, отступили. Часовъ въ шесть, по всему полю только ревѣла канонада до самаго наступленія вечерней темноты.

Уронъ въ бородинской битвѣ со стороны русскихъ простирался отъ пятидесяти семи до пятидесяти осьми тысячъ убитыми и ранеными; со стороны Французовъ до пятидесяти тысячъ, въ томъ числѣ сорокъ три генерала. Французы потеряли тринадцать орудій, русскіе пятнадцать, да сверхъ

того у нихъ подбито тридцать семь пушекъ, да взорвано и досталось въ руки непріятеля сто одиннадцать зарядныхъ ящиковъ. По ожесточенію обѣихъ сторонъ, плѣнныхъ, какъ того, такъ и другаго, взято не болѣе, какъ по тысячѣ человѣкъ.

Французы сражались въ этой битвѣ такъ, какъ можно было и ожидать отъ прекрасно образованной арміи; но счастіе измѣнило своему наперстнику: русскіе остались непобѣжденными. Не постигая, какимъ образомъ Наполеонъ не одержалъ побѣды, имѣя армію пятидесятью тысячами человѣкъ превосходящую русскія силы, Французы стараются истолковать это событіе разными предположеніями. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что маршалъ Ней, сейчасъ послѣ бородинскаго сраженія, сказалъ про своего государя : « Ужъ

если онъ не хочетъ вести войны лично и пересталъ быть генераломъ, а вездѣ хочетъ императорствовать, то пусть возвращается въ Тюильри и предоставитъ намъ дѣйствовать за себя.» Сегюръ полагаетъ, что въ это время «нравственное состояніе Наполеона, съ большою справедливостью должно отнести къ ослабленному здоровью и тайнымъ страданіямъ.»

ГЛАВА XXXVII.

Занятіе Москвы Французами. Пожаръ. Отступленіе французской арміи. Взрывъ Кремля.

Втораго сентября, Наполеонъ, велѣвъ корпусу Понятовскаго остановиться у калужской заставы, корпусу вице-короля у пресненской и тверской, самъ, съ гвардіей и корпусами Нея и Даву, сталъ у дорогомиловской, и, готовясь торжественно вступить въ древнюю столицу Россіи, ожидая тріумфальной встрѣчи, обозрѣлъ окрестности.

Однако жъ, ожидаемая депутація отъ Москвы, съ мольбою о пощадѣ и городскими ключами, не являлась. Мюратъ уже неоднократно доносилъ изъ авангарда, что онъ никого не встрѣчаетъ въ городѣ. Наконецъ прибыли къ Наполеону и офицеры, посланные отъ него въ городъ съ порученіемъ привести къ нему « бояръ. » Они кое-какъ набрали съ десятокъ гувернеровъ и промышлениковъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ книгопродавецъ. Наполеонъ спросилъ книгопродавца: — « Кто вы? » — Французъ, поселившійся въ Москвѣ. — « Слѣдовательно, мой подданный. Гдѣ Сенатъ?» — Выѣхалъ. — « Губернаторъ? » — Выѣхалъ. — « Гдѣ народъ? » — Нѣтъ его. — « Кто же здѣсь? » — Никого. — « Быть не можетъ!» — Клянусь вамъ честью, что правда. — « Молчи», сказалъ Наполеонъ, отвернулся, скомандовалъ войскамъ « впередъ! » и въ головѣ конницы въѣхалъ въ Москву. Однако же онъ побоялся ѣхать далеко въ городъ, и остановился

ночевать въ дорогомиловской слободѣ. Уже на слѣдующій день, принявъ разныя мѣры предосторожности для личной безопасности, Наполеонъ вступилъ въ Кремль.

Послушаемъ, какъ говоритъ о послѣдствіяхъ одинъ изъ очевидцевъ.

« Наполеонъ полагалъ, что онъ все предусмотрѣлъ: и кровопролитную битву, и долговременное пребываніе на одномъ мѣстѣ, и холодную зиму, и даже непостоянство счастія..... овладѣніе Москвою и двѣсти шестьдесятъ тысячъ человѣкъ войска, казалось, ставили его внѣ зависимости случайныхъ обстоятельствъ.... Но едва вошелъ онъ въ Кремль, какъ Москва запылала, и море пожару разлилось по всѣмъ зданіямъ столицы. Этого Наполеонъ не могъ ни предвидѣть, ни предупредить.

« Частные пожары вспыхнули еще при самомъ вступленіи Французовъ въ городъ; ихъ приписали неосторожности солдатъ... Но 4 числа, при сильномъ вѣтрѣ, пожаръ сдѣлался общимъ. Часть города была выстроена изъ дерева, и въ немъ находилось множество запасовъ хлѣбнаго вина, масла, и другихъ горючихъ матеріяловъ. Пожарныя трубы были предварительно вывезены, и потушить огня не было возможности.

« Черные клубы густаго дыму, несомые вихремъ, разостлались надъ всѣмъ городомъ, распространяя повсюду запахъ сѣры и гари. Пламя бѣжитъ съ зданія на зданіе, и вскорѣ представляетъ собою какъ-бы разливъ огненной рѣки..

« На мѣстѣ столькихъ дворцовъ и домовъ, вскорѣ не видно ничего, кромѣ однѣхъ развалинъ....

« Изъ оконъ Кремля смотритъ Наполеонъ на эту картину разрушенія... Когда Сципіонъ глядѣлъ на пожаръ Кар-

Өагена, его волновало печальное предчувствіе судебъ Рима; Наполеона также объяло раздумье. Онъ вскрикиваетъ: «Москвы нѣтъ болѣе! Я лишился награды, обѣщанной войскамъ!.. Русскіе сами зажигаютъ!... какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это Скиөы!.... » Вся французская армія погружена въ тревожное изумленіе.... » (Manuscrit de 1812).

Теперь видитъ Наполеонъ, съ какимъ народомъ имѣетъ дѣло! Видитъ — и въ глубинѣ души раскаивается, что осмѣлился грозить плѣномъ народу, всегда и вездѣ вѣрному своимъ царямъ и отечеству.

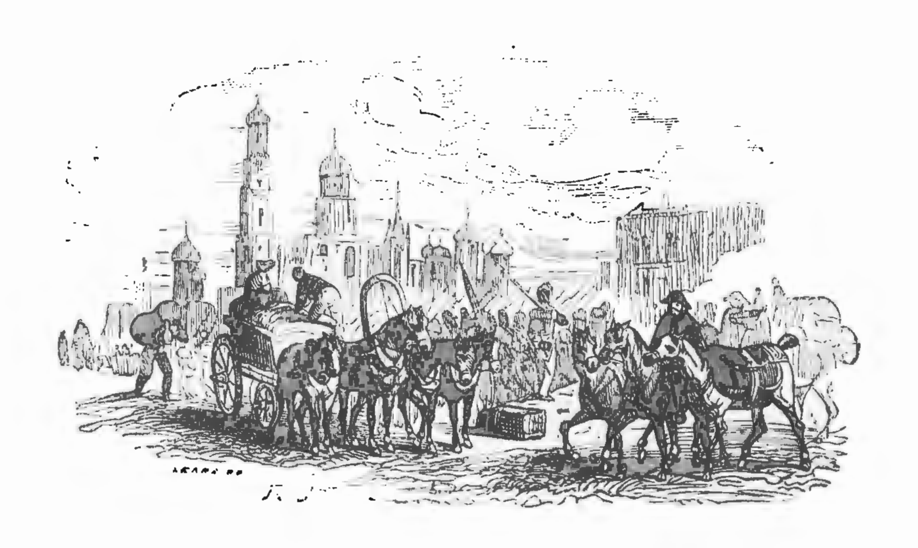
Между-тѣмъ, пожаръ разливается болѣе и болѣе; онъ достигъ уже кремлевскихъ стѣнъ; стекла дворца уже лопаются отъ жару; время Наполеону подумать о своей безопасности. Онъ рѣшился переѣхать въ петровскій дворецъ. Это было въ два часа по полудни, 16 сентября.

Едва прибылъ въ петровское, Наполеонъ погрузился въ глубокую думу о бѣдственномъ событіи, разрушившемъ всѣ его планы. Сначала ему пришло на мысль итти искать въ Петербургѣ миру, котораго не нашелъ въ Москвѣ, и онъ провелъ всю ночь занимаясь начертаніемъ на картѣ предполагаемаго пути. Но прежде чѣмъ рѣшиться на это движеніе, императоръ Французовъ хотѣлъ извѣдать о немъ мнѣніе своихъ приближенныхъ, и не могъ не замѣтить, что новый планъ его всѣмъ имъ не нравился. Одинъ только великодушный Евгеній раздѣлялъ мнѣніе Наполеона, и предлагалъ лично вести авангардъ: но другія начальственныя лица, наученныя опытомъ изъ послѣднихъ происшествій, держались не совѣтовъ мужества, а внушеній осторожности. Тѣ изъ этихъ лицъ, которыя, еще при открытіи кампаніи, неохотно шли въ походъ столь дальній, не могли желать итти еще далѣе къ сѣверу, навстрѣчу непогодъ и морозовъ. Въ другое время Наполеонъ не послушалъ бы ихъ; но теперь — другое дѣло!

Онъ продолжаетъ оставаться въ окрестностяхъ Москвы. Въ бытность уже на островѣ святой Елены онъ сказалъ, что если бъ не позднее время года, то не послушался бы никого, и пошелъ на Петербургъ,

При вступленіи Французовъ въ Москву, ихъ комендантъ, Дюронель, по просьбѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника

Тутолмина, начальника Воспитательнаго Дому, остававшагося въ столицѣ съ малолѣтными воспитанниками, поставилъ въ Воспитательный Домъ, для охраненія, двѣнадцать жандармовъ съ офицеромъ. Тутолминъ употреблялъ всѣ усилія,

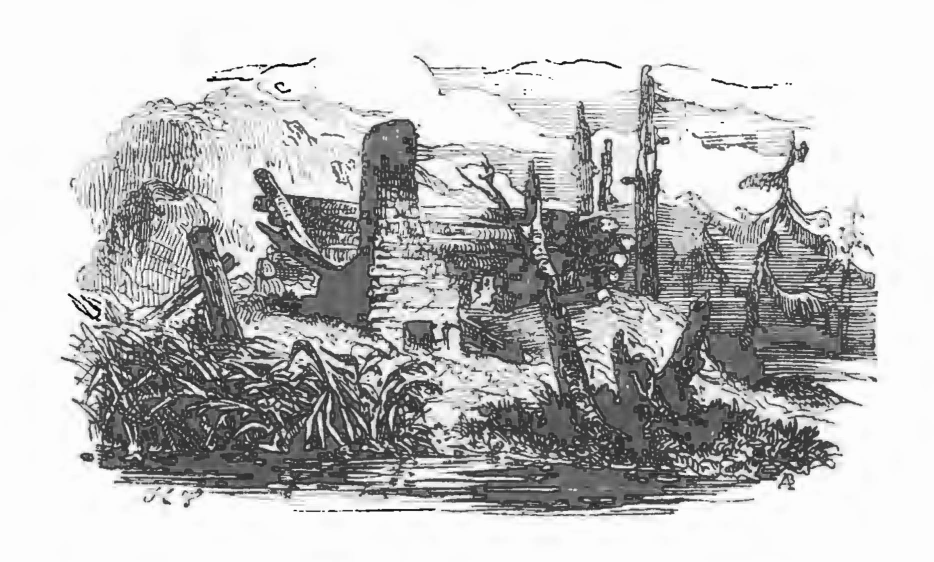
чтобы спасти отъ огня ввѣренное ему заведеніе, и спасъ домъ, кромѣ строенія, занимаемаго аптекою.

Наконецъ, въ октябрѣ, Наполеонъ рѣшился послать своего генералъ-адъютанта Лористона съ мирными предложеніями въ главную квартиру фельдмаршала Кутузова. Но Кутузовъ отвѣчалъ, что ему запрещено строжайше вступать въ какіе бы то ни было переговоры. Между-тѣмъ, зима приближалась, слѣдовало искать зимнихъ квартиръ, и Наполеонъ не могъ долѣе держаться въ Москвѣ. Выѣхавъ изъ Москвы, 19 октября, по калужской дорогѣ, онъ далъ знакъ къ отступленію. Оно не было еще страшнымъ; но Французы выходили

въ безпорядкѣ, уводя съ собою раненыхъ и награбленныя ими вещи. « Длинною цѣпью, говоритъ г. Фенъ, тянулись коляски и телѣги; забрали всѣ экипажи, какіе можно было найти въ Москвѣ и въ окрестностяхъ.»

Послѣднія колонны французской арміи вышли изъ Москвы 11 октября, въ два часа на разсвѣтѣ. Черезъ часъ, Французы взорвали часть кремлевской стѣны: безсильное и смѣшное мщеніе, не могшее имѣть никакихъ важныхъ и дѣльныхъ послѣдствій.

ГЛАВА XXXVIII.

Отступленіе Французовъ. Наполеонъ въ Смоленскѣ. Заговоръ Малле.

Наполеонъ располагалъ остаться въ Литвѣ на зиму. «Въ началѣ ноября,» писалъ онъ къ герцогу Бассано въ Вильну: «Я приведу войска въ квадратъ, лежащій между Смоленскомъ, Могилевомъ, Минскомъ и Витебскомъ. Такимъ образомъ, я займу позицію, близкую и къ Петербургу и къ Вильнѣ; впрочемъ, въ дѣлахъ подобнаго рода, событія часто вовсе не похожи на то, что мы предполагаемъ себѣ сдѣлать.»

Послѣдствія показали, что послѣднее замѣчаніе Наполеона совершенно справедливо.

Кутузовъ, узнавъ объ отступленіи Французовъ, немедленно пошелъ на Малоярославецъ. Городъ былъ уже занятъ принцемъ Евгеніемъ. 12 октября, завязалось жаркое дѣло. Семь разъ переходилъ городъ изъ рукъ въ руки; наконецъ Кутузовъ рѣшился защищать калужскую дорогу и оставилъ Малоярославецъ во владѣніи Французовъ.

Въ тотъ же вечеръ, Наполеонъ прибылъ на поле сраженія. Узнавъ о рѣшимости Кутузова и непремѣнно желая итти по калужской дорогѣ, онъ приготовлялся къ новому страшному бою; но генералы его думали иначе. Евгеній и Даву расположились бивуаками на развалинахъ Малоярославца и на грудахъ мертвыхъ тѣлъ. Благоразуміе предписывало избѣгать сраженія и итти скорѣе на зимнія квартиры.

Изъ Гродно Наполеонъ выѣхалъ въ Боровскъ, а 15 числа прибылъ въ Верею. У колацкаго монастыря онъ нашелъ 2000 раненыхъ, лежавшихъ тутъ послѣ бородинской битвы, по недостатку лазаретныхъ каретъ. «Размѣстить ихъ по нашимъ повозкамъ,» сказалъ онъ. Приказаніе было исполнено; даже въ его собственныхъ каретахъ повезли раненыхъ.

19 числа, прибылъ онъ въ Вязьму и нашелъ тамъ письма изъ Парижа и рапортъ изъ Вильны и отъ маршаловъ Вик-

тора и Сенъ-Сира. Всѣ планы его были разрушены. Онъ узналъ, что Виктора уже нѣтъ въ Смоленскѣ, Сенъ-Сиръ вышелъ изъ Полоцка, а Шварценбергъ отрѣзанъ отъ французской арміи Чичаговымъ. Счастіе, долго покровительствовавшее Наполеону, начинаетъ оставлять его и содѣйствовать мудрымъ распоряженіямъ Императора Александра.

Пробывъ два дня въ Вязьмѣ, Наполеонъ отправился въ Смоленскъ. Принцъ Евгеній, Даву и Ней прикрывали отступленіе и отбивались отъ Милорадовича. Здѣсь уже начались бѣдствія французской арміи и проявились первые плоды мужества и твердости русскихъ, полагавшихъ всю свою надежду на Бога и Царя.

«Въ какомъ ужасномъ положеніи находилась французская армія! говорилъ одинъ очевидецъ отступленія Французовъ.—

Вокругъ императора не видно было ни улыбающихся лицъ, ни льстецовъ; всѣ блѣдны и разстроены. Только однѣ сильныя души, не носящія личинъ, не перемѣнились отъ горя и безсонницы. Горе Наполеона казалось грустію великаго человѣка, вступившаго въ борьбу съ судьбою.»

Онъ входилъ въ Смоленскъ, гдѣ надѣялся дать отдыхъ своей арміи, но не находилъ тамъ Виктора, который долженъ былъ прикрывать отступленіе арміи, истомленной переходами, стужею. Мало этихъ бѣдствій: онъ получаетъ изъ Парижа извѣстіе, которое показываетъ ему всю непрочность его счастія и его династіи, хотя онъ воображалъ, что воздвигъ ихъ на незыблемомъ основаніи.

Преступникъ, содержавшійся въ тюрьмѣ, неизвѣстный воинъ, безъ подпоры, безъ друзей, безъ помощи, генералъ Малле, рѣшился ниспровергнуть власть Наполеона, употребивъ орудіемъ своимъ ложную новость и ложныя приказанія.

7 октября, въ ту минуту, когда Наполеонъ выходилъ изъ Кремля, Малле уходитъ тайно изъ тюрьмы, является къ начальнику 10 когорты національной гвардіи, полковнику Сулье, объявляетъ ему о смерти Наполеона, объ учрежденіи новаго правительства, и приказываетъ передать себѣ команду надъ когортою. Тогда было два часа ночи. Больной полковникъ лежалъ въ постели. Вѣсть о смерти Наполеона поразила его до слезъ; онъ теряется, ни о чемъ не думаетъ; передаетъ команду. Малле, при свѣтѣ факела, читаетъ солдатамъ свои ложныя бумаги и прокламаціи; тысячу двѣсти человѣкъ вѣрятъ ему и послушно за нимъ слѣдуютъ.

Малле идетъ прямо къ городской тюрьмѣ, освобождаетъ двухъ своихъ товарищей, Лагори и Гидаля, и поручаетъ имъ арестовать двухъ главныхъ начальниковъ полиціи, Савари и Пакье.

Префектъ полиціи не сопротивляется заключеннымъ; то же дѣлаетъ и министръ полиціи. Оба отправляются въ тюрьму, туда, гдѣ за полчаса сидѣли Лагори и Гидаль.

Генералъ-губернаторъ Парижа Фрошо вѣритъ словамъ об-

манщика, плачетъ о смерти Наполеона, и приготовляетъ залу для торжественнаго засѣданія.

Не такъ счастливъ былъ Малле у парижскаго коменданта Гюлена. Комендантъ требовалъ актовъ и доказательствъ. Малле выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не убилъ его. Вскорѣ потомъ, одинъ полицейскій инспекторъ узналъ заключеннаго Малле и приказалъ схватить его. Дерзкій обманщикъ хотѣлъ защищаться, вынулъ другой пистолетъ изъ кармана и пытался выстрѣлить. Всѣ лица, слѣдовавшія за нимъ, тотчасъ поняли обманъ и бросились обезоруживать своего начальника. Черезъ нѣсколько часовъ, всѣ заговорщики были задержаны и посажены въ тюрьму.

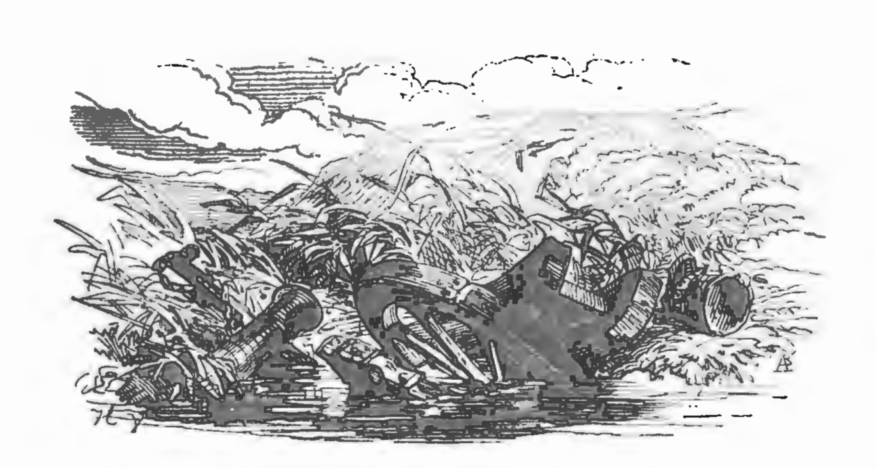
Такъ кончилось это странное возмущеніе; только высшія власти были потревожены; жители спокойно спали всю ночь, и только на другой день узнали объ этой смѣшной попыткѣ. Она не произвела никакого впечатлѣнія; но четырнадцать человѣкъ заплатили за нее жизнію.

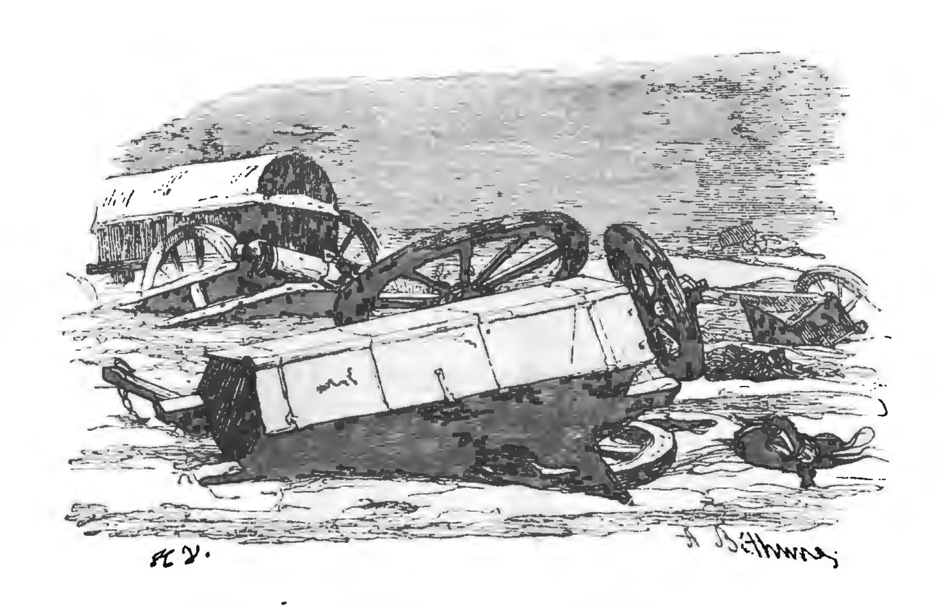
Получивъ депешу объ этомъ происшествіи, онъ удивился не смѣлости заговорщиковъ, а легкости и довѣрчивости высшихъ своихъ сановниковъ, которые вовсе не противились генералу Малле, и даже не противурѣчили ему. Самыя плачевныя и справедливыя мысли опечалили Наполеона. « Такъ вотъ, говорилъ онъ, отъ чего зависитъ власть моя? Она очень шатка, когда одинъ человѣкъ, заключенный въ тюрьму, можетъ ее потрясти! Послѣ двѣнадцати-лѣтняго царствованія, послѣ рожденія моего сына, послѣ столькихъ присягъ, смерть моя можетъ еще подать поводъ къ переворотамъ.... А Наполеонъ II? — Неужели о немъ никто не думалъ? »

Да, никто о немъ не думалъ, потому что самъ Наполеонъ не имѣлъ никакихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ; потому что были законные владѣтели Франціи, жившіе въ изгнаніи.

Обернувшись къ храбрѣйшему изъ своихъ генераловъ, Наполеонъ сказалъ: «Раппъ! Несчастіе не приходитъ одно;

Парижское происшествіе есть дополненіе здѣшнихъ событій. — Я не могу быть вездѣ въ одно и то же время: но я долженъ видѣть столицу; тамъ присутствіе мое необходимо для поддержанія общаго мнѣнія. Мнѣ нужны люди и деньги; успѣхи и побѣда все поправятъ!»

ГЛАВА XXXIX.

Бѣдственное положеніе французской арміи. Березина. Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.

Наполеонъ не могъ долго оставаться въ Смоленскѣ. Почти всѣ резервы, которыми думалъ онъ распорядиться для прикрытія своего отступленія, измѣнили мѣстопребываніе неожиданными переходами. Продовольствіе не было доставляемо во время или было расхищаемо, потому что въ арміи царствовалъ безпорядокъ. Ежедневно приходили къ нему извѣстія о новыхъ несчастіяхъ, о новыхъ пораженіяхъ. Все, казалось, вооружено противъ Наполеона. — Французы терпѣли пораженіе вездѣ, гдѣ встрѣчали русскихъ. Ней едва не погибъ подъ Краснымъ. Самъ Напо-

леонъ думалъ, что любимый его маршалъ, котораго онъ называлъ храбрецомъ, попалъ въ плѣнъ. Узнавъ, что Ней успѣлъ избѣжать плѣна, Наполеонъ въ восторгѣ вскричалъ: « Въ моихъ тюльрійскихъ кладовыхъ лежитъ двѣсти милліоновъ; я отдалъ бы ихъ за маршала Нея! »

Но всѣ эти несчастія французской арміи ничто въ сравненіи съ бѣдствіемъ, постигшимъ ее при Березинѣ. Картина этой переправы мастерскими красками начертана въ сочиненіи генерала Данилевскаго; она всѣмъ извѣстна, всѣ уже ее прочли, и потому мы заставимъ самаго Наполеона разсказывать объ ужасахъ и несчастіяхъ, которые истребили послѣдніе остатки его арміи. Заимствуемъ эти подробности изъ 29 бюллетена.

« До 24 октября, армія отступала въ порядкѣ. Холодъ начался съ 25; съ этой минуты, мы ежедневно теряли по нѣскольку сотъ лошадей.

« Хотя трудно было выступать въ такой холодъ, императоръ, 13 числа, вышелъ изъ Смоленска, надѣясь достигнуть Березины прежде русскихъ. Холодъ доходилъ до 16 градусовъ. Дороги покрылись гололедицею; лошади околѣвали тысячами; вся кавалерія шла пѣшкомъ; нечѣмъ было вести

пушекъ и обоза; необходимость принудила уничтожить большую часть снарядовъ и припасовъ.

« Французская армія, съ 14 числа, была безъ кавалеріи, безъ артиллеріи, безъ обоза. Безъ кавалеріи, нельзя было развѣдать о движеніи русскихъ, а безъ артиллеріи — вступить въ бой. Такое положеніе было весьма затруднительно; слабые люди потеряли присутствіе духа, веселость и мужество.

« Русскіе, видя на дорогахъ трупы людей и лошадей, рѣшились воспользоваться нашимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Они окружили наши колонны казаками, которые отбивали все, людей и экипажи, все, что отставало отъ арміи. Эта иррегулярная кавалерія оказалась весьма страшною, по обстоятельствамъ.

« Герцогъ эльхингенскій, начальствовавшій арріергардомъ изъ трехъ тысячъ человѣкъ, взорвалъ укрѣпленія Смоленска на воздухъ. Его окружили; онъ находился въ самомъ отчаянномъ положеніи; но мужество спасло его. 7 числа, вся наша армія пришла въ Оршу.

« Волынская армія шла на Минскъ, черезъ Борисовъ. Генералъ Домбровскій защищалъ борисовскій мостъ; но 11 числа, принужденъ былъ уступить напору русскихъ. Они перешли черезъ Березину, имѣя въ авангардѣ дивизію Ламберта. Второй корпусъ, подъ командою герцога Реджіо, получилъ приказаніе итти на Борисовъ, дабы обезпечить французскимъ войскамъ переходъ черезъ Березину. 12 числа, герцогъ Реджіо встрѣтилъ дивизію Ламберта въ четырехъ миляхъ отъ Борисова, поразилъ ее, и отбросилъ русскихъ на правую сторону Березины. Но русскіе сожгли мостъ и обезпечили такимъ образомъ свое отступленіе.

« Русскіе заняли всѣ переправы на Березинѣ. Эта рѣка имѣетъ сорокъ туазовъ въ ширину; но берега ея покрыты болотами, почему весьма затруднительно переходить ее.

« Русскій генералъ разставилъ войска свои въ разныхъ дефилеяхъ, по которымъ онъ предполагалъ что пойдетъ французская армія.

« 14 числа, на разсвѣтѣ, императоръ, обманувъ русскихъ разными фальшивыми движеніями, произведенными наканунѣ, прибылъ въ Студянку и велѣлъ навести два моста на Березину. Герцогъ Реджіо дрался между-тѣмъ съ русскими войсками, въ глазахъ которыхъ происходила переправа. 14 и 15 числа, армія переправлялась черезъ рѣку безостановочно.

« 16 числа, на разсвѣтѣ, герцогъ Реджіо извѣстилъ императора, что онъ аттакованъ русскими соединившимися войсками; черезъ полчаса, другіе русскіе отряды напали на герцога беллунскаго. Дѣло было жаркое; вся французская армія принимала въ немъ участіе и оказала чудеса храбрости. Герцогъ Реджіо раненъ, но не опасно, пулею въ бокъ.

« На другой день, 17 числа, они оставались на томъ же полѣ битвы. Мы могли выбирать одну изъ двухъ дорогъ: въ Минскъ и въ Вильну. Минская дорога идетъ между лѣсами и болотами, и армія не могла бы найти на ней продовольствія. Виленская дорога, напротивъ, идетъ по прекраснымъ мѣстамъ. Армія, лишенная кавалеріи и всѣхъ запасовъ, жестоко истомленная пятидесятидневнымъ труднымъ переходомъ, влача за собою больныхъ и раненыхъ послѣ столькихъ битвъ, непремѣнно должна была спѣшить къ своимъ магазинамъ. 21 числа, армія достигла до Молодежна, гдѣ получены первыя подводы провіанта изъ Вильны.

« Изъ всего этого слѣдуетъ, что армія нуждается въ возстановленіи дисциплины, кавалеріи и артиллеріи.... прежде всего ей нуженъ покой.

« Лошадей въ кавалеріи такъ мало, что признано необходимымъ соединить всѣхъ офицеровъ, имѣющихъ лошадей, въ четыре эскадрона, по сту пятидесяти человѣкъ въ каждомъ; генералы исправляютъ должность офицеровъ, а полковники унтеръ-офицеровъ. Этотъ священный эскадронъ, подъ командою генерала Груши и начальствомъ короля неаполитанскаго, слѣдилъ безпрерывно за императоромъ.

« Его величество никогда не чувствовалъ себя въ такомъ превосходномъ здоровьи. »

Весьма многіе упрекали Наполеона за послѣднюю фразу, находя ее оскорбительною для семействъ, которыхъ этотъ бюллетенъ погружалъ въ отчаяніе и одѣвалъ въ трауръ.

Не долженъ ли онъ былъ утѣшить Францію хотя тѣмъ извѣстіемъ, что она можетъ еще надѣяться на него самаго, и можно ли было скрыть отъ Европы бѣдственное положеніе французской арміи, ея бѣгство изъ Россіи? — Разбитый, преслѣдуемый, безъ средствъ, въ странѣ, гдѣ все вставало на защиту родины, Наполеонъ все еще былъ великимъ пол-

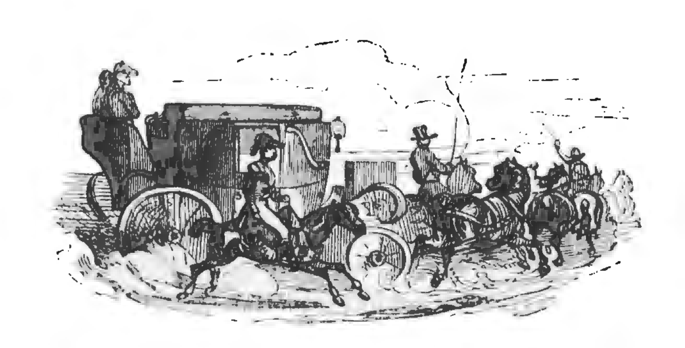
ководцемъ. — « Въ самомъ опасномъ положеніи, говорилъ Бутурлинъ, этотъ великій полководецъ не измѣнилъ своей славѣ. Не уступая очевидной опасности, онъ взиралъ на нее очами генія, и нашелъ средства тамъ, гдѣ генералъ, менѣе искусный и менѣе рѣшительный, не подозрѣвалъ бы даже ихъ возможности. »

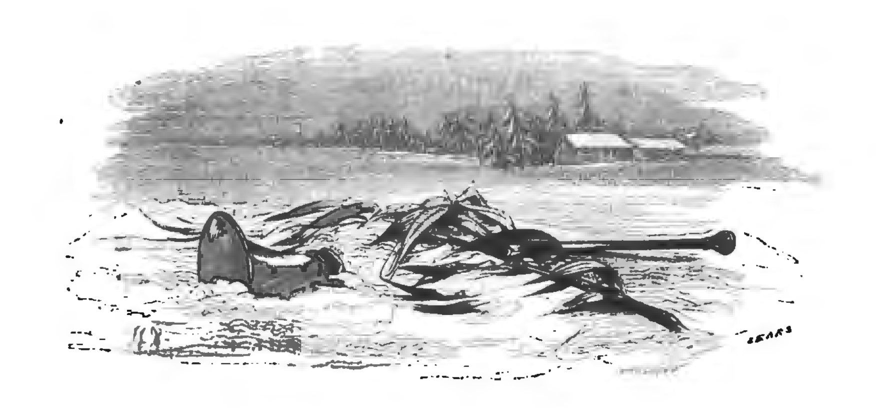
Холодъ сталъ нестерпимымъ. « Руки наши примерзали къ рукоятникамъ; слезы леденѣли на щекахъ,» говоритъ одинъ очевидецъ. — « Всѣ мы, пишетъ извѣстный докторъ Ларре, находились въ такомъ истощеніи и безчувствіи, что едва могли узнавать другъ друга.... глаза и сила такъ ослабѣли, что трудно было глядѣть и сохранять равновѣсіе.

Долженъ ли былъ Наполеонъ оставаться среди развалинъ своей арміи? Разумѣется, нѣтъ. Черезъ два дня послѣ этого послѣдняго бюллетена, онъ созвалъ всѣхъ маршаловъ и сказалъ имъ: « Я васъ оставляю, и ѣду за тремя стами тысячъ воиновъ. Нужна вторая кампанія, когда въ первую война не кончена. » —

Въ тотъ же день, 23 ноября отправился онъ въ Парижъ, оставивъ неаполитанскому королю главное начальство надъ арміею. Онъ ѣхалъ въ саняхъ, подъ именемъ герцога виценскаго, который его сопровождалъ. Въ проѣздъ черезъ Вильну, онъ совѣщался съ герцогомъ Бассано, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; въ Варшавѣ, осмотрѣлъ укрѣпленія Праги. 2 декабря, ночью, прибылъ онъ въ Дрезденъ и имѣлъ конференцію, очень долго продолжавшуюся, съ королемъ саксонскимъ, котораго почиталъ вѣрнымъ своимъ союзникомъ, и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Дрездена въ свою столицу. 6 декабря, онъ былъ уже въ Парижѣ.

ГЛАВА XL.

Наполеонъ принимаетъ поздравленіе въ Парижѣ. Наборъ трехъ сотъ тысячъ войска. Мюратъ оставляетъ армію. Открытіе законодательнаго корпуса.

Москва уничтожила всѣ надежды Наполеона. Занимая Москву и впустивъ въ нее своихъ орловъ, онъ воображалъ, что непремѣнно найдетъ тамъ прочный и выгодный миръ, конецъ своихъ военныхъ походовъ, утвержденіе своей силы и могущества. Желая оправдать необдуманное предпріятіе и вторженіе въ русскіе предѣлы, Наполеонъ старался, въ послѣдствіи, разными причинами объяснить цѣль столь дальняго и несчастнаго для него похода; но всякъ самъ вполнѣ оцѣнитъ всю неосновательность и шаткость этихъ причинъ. « Для общаго дѣла Европы, говорилъ онъ, эта война должна была служить окончаніемъ случайностей и началомъ общаго благоденствія. Открылся бы новый гори-

зонтъ, начались бы новыя работы для общей пользы. Будучи обезпеченъ на всѣхъ пунктахъ, я созвалъ бы свой конгрессъ и самъ составилъ бы священный союзъ: эти идеи принадлежатъ мнѣ. Въ собраніи всѣхъ владѣтельныхъ особъ Европы, мы занялись бы устройствомъ дѣлъ по домашнему, по семейному. Я призванъ былъ примирить новый порядокъ вещей съ старымъ, и пожертвовалъ бы для этого даже своею народностію.»

Ясно, что Наполеонъ говорилъ все это для оправданія своего необдуманнаго и несправедливаго предпріятія. Само Провидѣніе положило предѣлъ успѣхамъ Наполеона, и не допустило его замѣнить прежній порядокъ вещей новымъ, т. е. порядокъ безпорядками, смутами и послѣдствіями революціи.

« Люди писавшіе исторію или размышлявшіе о ней (говоритъ де Местръ), удивляются тайной силѣ, которая управляетъ человѣческими предначертаніями.»

Притомъ же, и самая мысль, высказанная Наполеономъ, совершенно невѣрна и несправедлива. Онъ говоритъ, что хотѣлъ примирить старый порядокъ вещей съ новымъ; но это было вовсе невозможно и неудобоисполнимо. Подъ личиною согласія, предписаннаго обстоятельствами, прежній и новый порядокъ непремѣнно сохранили бы свою коренную разность и непобѣдимую антипатію; ихъ примиреніе могло быть только наружное и временное. Стараясь слить, примирить ихъ, Наполеонъ предпринималъ дѣло вредное, невозможное, которое могло только повредить его народности въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей, въ чемъ и самъ онъ откровенно сознается.

Дѣйствуя такимъ образомъ, въ пользу двухъ дѣлъ, совершенно различныхъ, Наполеонъ не могъ не потерять довѣрія монарховъ, сражавшихся за порядокъ, и не лишиться фанатической преданности пылкихъ умовъ, мечтавшихъ видѣть въ немъ героя и защитника революціи и всѣхъ ея послѣдствій. Поведеніе его принесло ему самые горькіе плоды.

Оно предало порту англійскому вліянію и привело Бернадотта на конференцію въ Або; вселило въ однихъ надежду и мужество, а въ другихъ поселило холодность и недовѣрчивость. Оно вдохновило Императору Александру рѣ-

шимость сражаться до послѣдней капли крови, за спасеніе Европы, между тѣмъ, какъ полководцы Наполеона ежедневно менѣе довѣряли своему вождю, что доказывается поступками Шварценберга и дѣйствіями Жюно при Валутинѣ. Лучшая, невиданная до толѣ армія погибла въ снѣгахъ; восторгъ и удивленіе замѣнились отчаяніемъ и жалобами. Подвиги и благодѣянія великаго воина забыты мгновенно, и неблагодарность поселилась даже до дворцахъ его родственниковъ. Оба міра, которыхъ онъ желалъ быть примирителемъ, на него вооружились.

Наполеонъ проѣхалъ въ Парижъ чрезъ Польшу, Пруссію, Баварію; вездѣ по слѣдамъ его возставали народы за свою независимость. Теперь они увидали возможность избавиться отъ ига, и, принявъ Россію за образецъ, возстали на утѣснителя Европы. Сначала ропотъ покоренныхъ раздавался тихо; обстоятельства мѣшали ему говорить громко; но мало по малу онъ распространился по всей Германіи, во всѣхъ классахъ народа.

Возвратившись въ Парижъ, Наполеонъ хотѣлъ перемѣнить образъ мыслей и показать себя приверженцемъ и защитникомъ стараго порядка вещей. Принимая депутаціи сената и государственнаго совѣта, онъ напоминаетъ сенаторамъ о прежнихъ преданіяхъ, желая показать, какое правленіе хотѣлъ дать Франціи, и напоминая, что забыли его сына во время возмущенія генерала Малле, говоритъ имъ: « Отцы наши имѣли привычку говорить: Король скончался, да здравствуетъ король! Эти немногія слова вмѣщаютъ въ себѣ всѣ главнѣйшія выгоды монархіи. » Съ государственными совѣтниками, онъ еще яснѣе развиваетъ мысль свою; прямо нападаетъ на либерализмъ, называя его идеологіею; обвиняетъ метафизику, разрушившую прежнія учрежденія Франціи, и говоритъ, что она причиною всѣхъ бѣдствій страны; осуждаетъ и казнитъ ученіе и революціонныя дѣйствія восемнадцатаго вѣка. «Всѣ бѣдствія (говоритъ онъ), испытанныя нашею прекрасною Франціею, слѣдуетъ приписать идеологіи, туманной метафизикѣ, которая, хитро изыскивая первоначальныя причины, старается на этомъ построить законодательство народовъ, не приспособляя законовъ къ знанію сердца человѣческаго

и урокамъ исторіи. Такое заблужденіе привело за собою власть людей кровожадныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто выдавалъ возмущеніе за долгъ? кто льстилъ черни, призывая ее къ власти, для нея недоступной?»

Такая поздняя перемѣна въ образѣ мыслей не возставитъ Наполеона въ мнѣніи друзей порядка, но ослабитъ только народность его во Франціи. Скоро, скоро придетъ часъ его паденія; войска его занимаютъ еще всю Германію, но недолго имъ тамъ оставаться!

Наполеонъ показалъ крайнее неудовольствіе за слабыя дѣйствія сановниковъ во время возмущенія Малле. Гнѣвъ его обрушился на префектѣ Парижа, Фрошо, который былъ отставленъ. Окончивъ это дѣло, императоръ принялся за военныя распоряженія. Обыкновенная конскрипція показалась ему недостаточною; онъ потребовалъ трехъ сотъ тысячъ войска, и сенатъ немедленно издалъ декретъ, вполнѣ удовлетворявшій его желанію.

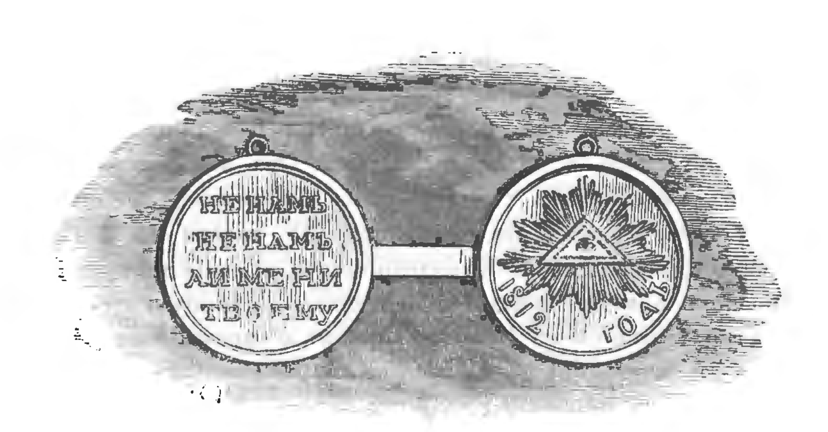
Между-тѣмъ, остатки французской арміи, бѣжавшіе изъ Россіи, собрались на германской границѣ. Платовъ и казаки истребили все, что могли; спаслось весьма мало, и спасенные находились въ такомъ жалкомъ, отчаянномъ положеніи, что лучше было бы вовсе имъ не спасаться. Самые союзники французской арміи, состоявшей изъ столькихъ разнородныхъ частей, начинаютъ отпадать. Первый примѣръ поданъ прусскимъ генераломъ Іоркомъ. Онъ заключилъ и подписалъ капитуляцію съ генераломъ Дибичемъ, 30 декабря 1812 года; черезъ двадцать дней (18 января 1813 года) Мюратъ, возведенный Наполеономъ въ высшія достоинства, бросаетъ армію, передаетъ начальство принцу Евгенію, и быстро уѣзжаетъ въ Неаполь. Узнавъ о такомъ поспѣшномъ отъѣздѣ, очень похожемъ на бѣгство, Наполеонъ писалъ къ сестрѣ своей Каролинѣ:

« Мужъ твой — храбрый воинъ на полѣ битвы, и слабъ какъ женщина, когда не видитъ врага: въ немъ вовсе нѣтъ нравственнаго мужества. » — « Думаю, писалъ онъ самому Мюрату, что вы не изъ тѣхъ, которые воображаютъ, что левъ погибъ; если вы такъ думаете, то ошибаетесь; вы надѣлали мнѣ много зла со времени отъѣзда моего изъ Вильны. »

Упрекъ основательный и заслуженный!

Засѣданія законодательнаго корпуса открылись 14 февраля подъ самыми печальными предзнаменованіями. Въ рѣчи своей, Наполеонъ опять проклинаетъ либеральныя теоріи, и обвиняетъ англійскій кабинетъ въ томъ, что онъ сѣетъ въ народахъ духъ возмущенія противъ законныхъ монарховъ; впрочемъ скрываетъ свои неудачи и гордо говоритъ: «Династія французская царствуетъ и будетъ царствовать въ Испаніи.»

Кромѣ войска, нужны еще деньги для успѣшной войны. Наполеонъ не скрываетъ своихъ намѣреній и нуждъ отъ законодательнаго корпуса. «Желаю мира, говоритъ онъ; онъ нуженъ Европѣ. Четыре раза, послѣ разрывовъ, послѣдовавшихъ за амьенскимъ трактатомъ, я предлагалъ его торжественно: но соглашусь только на миръ не безчестный и согласный съ требованіями и величіемъ моей имперіи.

ГЛАВА XLI.

Кампанія 1813 года.

Въ кампаніи 1813 года, Наполеонъ является великимъ полководцемъ болѣе, нежели во всѣ прежнія минуты своей блистательной жизни, принадлежащей столько же эпопеѣ, сколько и исторіи. Зрѣлище величественное и печальное! Все, что можетъ быть дано въ удѣлъ человѣку: силу, терпѣніе, великодушіе, геній, все находимъ въ Наполеонѣ, когда онъ вступаетъ въ послѣднюю борьбу съ рокомъ.

Императоръ объявилъ Франціи о своихъ *несчастіяхъ*, о своей волѣ, о своихъ надеждахъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, образована новая армія и готова выступить въ походъ, а остатки великой арміи ждутъ вождя своего на Эльбѣ.

Оставляя Парижъ, Наполеонъ подумалъ, что нужно обезпечить власть свою отъ ударовъ возмущенія, котораго примѣръ былъ уже поданъ генераломъ Малле, и вручилъ высшее управленіе Маріѣ-Луизѣ, учредивъ при ней совѣтъ регенства. Въ то же время, онъ предупредилъ новый разрывъ съ римскимъ дворомъ, склонилъ папу къ конкордату, который немедленно былъ обнародованъ.

Но, среди обширныхъ приготовленій, совершаемыхъ подъ его дѣятельнымъ и неотразимымъ вліяніемъ, Наполеонъ предвидѣлъ, что на берегахъ Эльбы онъ будетъ имѣть дѣло не съ одною русскою арміею; что, вѣроятно, союзники его, Австрійцы и Прусаки, станутъ наконецъ дѣйствовать противъ него явно. По этому, послѣдній наборъ, въ триста пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, кажется ему недостаточнымъ, и онъ повелѣваетъ произвести другой наборъ во сто восемьдесятъ тысячъ. Французы, лишенные энтузіазма, который одушевлялъ ихъ во время Маренго и Аустерлица, приносятъ, однако же, съ патріотическимъ усердіемъ новую жертву, которой отъ нихъ требуютъ обстоятельства. Только самые богатые классы народа, долженствующіе наиболѣе заботиться о защитѣ родной страны, стараются посредствомъ денегъ избавиться отъ конскрипціи. Каждое семейство, зная опасности солдатскаго званія, истощаетъ послѣднія свои средства, чтобы спастись отъ военной службы. Наполеонъ знаетъ, что удаленіе отъ военнаго званія возрастаетъ, по мѣрѣ того, какъ опасности и нужды его имперіи увеличиваются. Оно стало заразою, которую нельзя прекратить, но можно только уменьшить силу его послѣдствій. Съ этою цѣлію, Наполеонъ рѣшилъ, что самыя богатыя семейства доставятъ десять тысячъ человѣкъ, для почетной гвардіи, и что никакими суммами нельзя будетъ откупиться отъ этой службы. Мѣра эта утверждена приговоромъ сената, 3 апрѣля 1813 года.

Между-тѣмъ, громъ пушекъ на Березинѣ возбудилъ въ главѣ семейства Бурбоновъ новыя надежды. Лудовикъ XVIII зналъ, что военная восторженность Французовъ не совсѣмъ еще исчезла; но любовь мирныхъ гражданъ къ Наполеону охладѣла. Онъ могъ уже надѣяться, что съ помощію

союзныхъ монарховъ вступитъ на прародительскій престолъ, на который онъ имѣлъ несомнѣнныя законныя права. Полный этою мыслію, претендентъ напечаталъ въ Англіи и распустилъ по Европѣ прокламацію, въ которой объяснялъ, что Наполеонъ есть единственная причина безпрерывныхъ, нескончаемыхъ войнъ, и сверхъ того, обѣщалъ «уничтожить конскрипцію.» Наполеонъ не обратилъ никакого вниманія на эту прокламацію; онъ даже не вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ для удаленія старыхъ роялистовъ, которыми онъ наполнилъ всѣ вѣтви государственнаго управленія, ввѣривъ нѣкоторымъ изъ нихъ даже главнѣйшія и важнѣйшія должности въ имперіи. Происшествія, обнаружившіяся въ Германіи, заняли все его вниманіе.

Буря шумѣла въ ганзеатическихъ городахъ; вся Германія, возбуждаемая тайными обществами, готовилась къ возстанію: народный ропотъ повлекъ за собою уничтоженіе политическихъ учрежденій въ 32 военной дивизіи (въ Гамбургѣ). Юноши, воспитывавшіеся въ университетахъ, были главными зачинщиками этого движенія; они распространяли ненависть къ имени Французовъ и къ владычеству иностранцевъ. Германскія правительства оказывали имъ покровительство, видя въ этомъ благородномъ стремленіи средства къ ниспроверженію завоевателя, наложившаго тягостныя цѣпи на Германію.

Страшное положеніе! Давно ли Наполеонъ имѣлъ въ Германіи такую же власть, какъ и во Франціи? велъ за собою Германцевъ, какъ своихъ подданныхъ, и заставлялъ ихъ проливать кровь за выгоды и политику Франціи? А теперь германская народность вдругъ возстаетъ противъ французскаго деспотизма. Особенно въ Пруссіи насильнѣе обнаруживается эта внезапная, неожиданная перемѣна.

Пруссія является открытою его непріятельницею, хотя сначала, по обстоятельствамъ, была принуждена казаться доброжелательницею Наполеона. Императоръ Французовъ рѣшается вступить въ открытую борьбу съ прусскимъ королемъ, и объявляетъ, что идетъ на Эльбу.

Тотчасъ же является новый противникъ Наполеона между сѣверными монархами. Бернадоттъ изъявляетъ желаніе вести

войска свои съ русскими знаменами, для общаго дѣла. Въ августѣ 1812 года, и при свиданіи въ Або, онъ сказалъ Императору Александру, который твердо рѣшился не склоняться на мирныя предложенія: « Ваша рѣшимость освободитъ Европу!» Послѣ бѣгства Французовъ изъ Москвы, Бернадоттъ видитъ минуту, когда время уже приступить къ великому дѣлу, начатому Императоромъ Александромъ, и рѣшается дѣйствовать сообразно выгодамъ новаго своего отечества. Наполеонъ, разумѣется, порицалъ его поведеніе и говорилъ: «Если бъ онъ имѣлъ умъ и твердость духа, равные его званію, если бъ былъ истинный Шведъ, какъ старался увѣрить, то могъ бы возстановить блескъ и силу новаго своего отечества, взять обратно Финляндію и овладѣть Петербургомъ, даже прежде, чѣмъ я вступилъ въ Москву. Но онъ покоряется личной ненависти, мелочнымъ расчетамъ, самолюбію. » События показали, что Бернадоттъ не ошибся и умѣлъ возвеличить и усилить Швецію.

Чтобы объяснить дѣйствія свои Европѣ и оправдать ихъ передъ потомствомъ, Бернадоттъ объяснилъ, до какой степени континентальная система вредитъ торговымъ выгодамъ Шведовъ. Онъ написалъ къ Наполеону письмо, въ которомъ обвинялъ своего прежняго вождя въ томъ, что онъ ведетъ безпрерывныя войны и пролилъ уже кровь милліона людей за систему, которая вредитъ правамъ и разрушаетъ торговлю всѣхъ націй. « Бѣдствія Европы, писалъ онъ, требуютъ мира, и ваше величество не должны отталкивать его. »

Наполеонъ отвѣчалъ Бернадотту тѣмъ, что оставилъ Сенъ-Клу въ половинѣ апрѣля, и отправился на кровавое свиданіе, назначенное въ Германіи.

Французская армія, принужденная оставлять гарнизоны въ каждой крѣпости, отъ Данцига до Магдебурга, была расположена на берегахъ Саалы, подъ начальствомъ вице-короля. Дрезденъ и Лейпцигъ находились во власти союзниковъ. Король саксонскій оставилъ свои владѣнія и старался спастись въ мѣстахъ, защищенныхъ французскими пушками. На всѣхъ пунктахъ союзники подвигались впередъ и пользовались отсутствіемъ Наполеона.

Наполеонъ прибылъ въ Эрфуртъ 25 (13) апрѣля, когда мар-

шалъ Ней овладѣлъ Вейссенфельсомъ, послѣ сраженія, въ которомъ пѣхота (по словамъ маршала) показала изумительное хладнокровіе и невиданный энтузіазмъ. Кампанія начинается счастливо для Французовъ. Результатомъ этого перваго дѣла было соединеніе арміи, приведенной изъ Франціи Наполеономъ, съ остатками, выведенными вице-королемъ изъ Польши.

Наполеонъ назначилъ главную квартиру въ Вейссенфельсѣ. 1 мая (19 апрѣля), маршалъ Ней вступилъ въ сраженіе съ союзными войсками, на равнинѣ, лежащей между Вейссенфельсомъ и Эльбою. Гвардейская кавалерія, подъ командою герцога истрійскаго, маршала Бессьера, не участвовала въ дѣлѣ, а понесла значительнѣйшую утрату. « По неизъяснимой странности, какихъ много въ военной исторіи, писалъ Наполеонъ къ супругѣ своей, первое ядро поразило герцога истрійскаго въ грудь. Онъ приблизился на пять сотъ шаговъ къ стрѣлкамъ, желая обозрѣть мѣсто сраженія. »

Маршалъ Бессьеръ, котораго можно назвать храбрымъ и справедливымъ, отличался столько же военнымъ взглядомъ,

опытностію въ кавалерійскомъ дѣлѣ, сколько и качествами души и преданностію Наполеону. Смерть его на полѣ чести достойна зависти; она была такъ мгновенна, что вѣрно онъ не чувствовалъ даже боли. Наполеонъ не имѣлъ другой потери, которая такъ сильно могла бы поразить его. Онъ самъ написалъ къ герцогинѣ истрійской письмо, которое начиналось слѣдующими словами:

« Мужъ вашъ палъ на полѣ чести. Потеря ваша и дѣтей вашихъ велика; но моя еще больше. Герцогъ истрійскій умеръ славною смертію, безъ страданій. Онъ оставляетъ послѣ себя безукоризненную славу; лучшаго наслѣдства онъ не могъ завѣщать дѣтямъ своимъ. »

Въ ночь съ 1 на 2 мая (20 апрѣля), Наполеонъ перенесъ главную квартиру въ Люценъ, занятый, въ слѣдствіе сраженія, происходившаго наканунѣ. Молодая и старая гвардія окружали императора и составляли правое крыло арміи. Ней, находившійся въ центрѣ, занималъ Кайю; вице-король командовалъ лѣвымъ крыломъ. 2 мая (20 апрѣля), утромъ, армія союзниковъ двинулась впередъ, предъ глазами Императора Александра и короля прусскаго, которые личнымъ присутствіемъ одушевляли своихъ воиновъ, и устремилась на центръ французской арміи. Ней оставилъ занятыя имъ деревни; нѣсколько разъ переходили онѣ изъ рукъ въ руки, и несмотря на мужество союзниковъ, остались наконецъ во власти Французовъ.

Побѣда склонялась на сторону русскихъ, когда самъ Наполеонъ пріѣхалъ помогать Нею и спасъ его рѣшительнымъ, мастерскимъ движеніемъ. Онъ приказалъ принцу Евгенію и маршалу Макдональду аттаковать оба крыла союзниковъ, а маршалу Мортье взять Кайю, съ помощію молодой гвардіи. Въ то же время поставилъ онъ передъ старою гвардіею баттарею изъ 80 орудій, и приказалъ ей подкрѣплять центръ; распоряженія его остановили натискъ союзниковъ. Ночь прекратила битву; на другой день союзники начали отступать, и это подало Наполеону поводъ приписывать себѣ полную побѣду.

« Двадцать лѣтъ, говорилъ онъ, командую я французскими арміями, но никогда еще не видывалъ въ нихъ такого му-

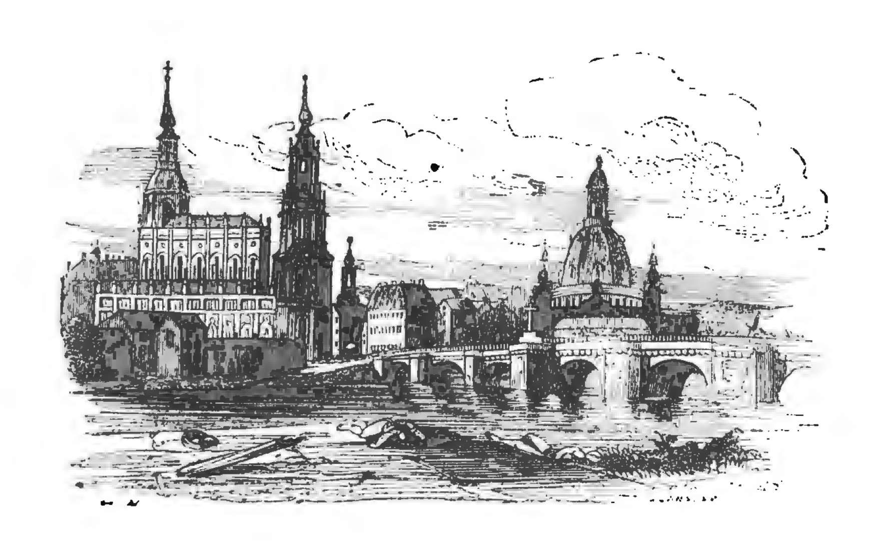
жества, такой преданности.» Онъ мечтаетъ уже снова о побѣдахъ, о всемірномъ владычествѣ. «Если бъ всѣ монархи, пишетъ онъ, и всѣ министры, управляющіе кабинетами, могли быть на полѣ битвы, то они убѣдились бы, что звѣзда Франціи не можетъ пасть.» Чтобы еще болѣе возбудить надежду въ войскахъ своихъ, онъ издаетъ, третьяго мая, слѣдующую прокламацію:

«Воины!

«Я доволенъ вами! Вы исполнили мои надежды! Вы все замѣнили усердіемъ и неустрашимостію; вы, въ знаменитый день 2 мая, разбили и принудили отступить соединенную армію русскихъ и Прусаковъ. Вы придали новый блескъ моимъ орламъ; показали, на что способна французская кровь. Люценская битва будетъ поставлена выше битвъ аустерлицкой, іенской, фридландской и московской!»

Наполеонъ очень хорошо зналъ, что люценское сраженіе, не имѣвшее рѣшительнаго окончанія, никакъ не могло итти въ сравненіе съ знаменитыми этими битвами; но онъ съ намѣреніемъ возвѣщалъ его, чтобы оживить духъ солдатъ и удержать за собою германскихъ своихъ союзниковъ, которые содѣйствовали ему только до первой его военной неудачи.

ГЛАВА XLII.

Продолженіе кампаніи 1813 года

После люценской битвы, союзная армія отступила и перешла за Эльбу. 11 мая (29 апрѣля), Наполеонъ завладѣлъ Дрезденомъ и, на другое утро, встрѣчалъ саксонскаго короля, который торжественно въѣхалъ въ свою столицу. Наполеонъ, верхомъ, сопровождалъ короля до дворца его, при громѣ пушекъ.

Видя, однако жъ, силы и предпріимчивость союзныхъ монарховъ, Наполеонъ поспѣшилъ предложить миръ, и для того желалъ, чтобы въ Прагѣ составить конгрессъ. Но предложенія его были отвергнуты. Императоръ Александръ, отказавшійся отъ мира на развалинахъ Москвы, не хотѣлъ положить оружія, доколѣ Европа не будетъ совершенно спасена и политическое равновѣсіе возстановлено. Наполеонъ начиналъ догадываться, что скоро и императоръ австрійскій

откажется отъ союза съ нимъ и приступитъ къ союзнымъ монархамъ. Однако же, онъ умѣлъ скрыть свое безпокойство и опасенія, и послалъ принца Евгенія въ Италію, для составленія охранительной арміи, на случай отпаденія Австріи отъ союза съ Франціею. Разлучаясь съ вице-королемъ, онъ не забылъ показать ему истинную признательность за услуги его въ послѣднюю кампанію: наименовалъ герцогствомъ владѣніе Болонь съ помѣстьемъ Галліера, и подарилъ новое герцогство принцессѣ Болонь, старшей дочери Евгенія.

Наполеонъ находился еще въ Дрезденѣ, когда узналъ о капитуляціи Шпандау. Это событіе, подававшее пагубный примѣръ прочимъ гарнизонамъ, сильно раздражило его, и онъ немедленно приказалъ арестовать и судить судомъ маршаловъ, генерала, командовавшаго въ этой крѣпости, равно какъ и членовъ охранительнаго совѣта, которые не протестовали противъ намѣреній генерала. «Если гарнизонъ Шпандау, писалъ онъ къ императрицѣ, сдалъ безъ осады крѣпость, окруженную болотами, и согласился на капитуляцію, которая подлежитъ слѣдствію и суду, то гарнизонъ въ Виттенбергѣ велъ себя иначе. Генералъ Лапоинпъ велъ себя превосходно и поддержалъ честь нашего оружія, защищая этотъ важный пунктъ, который плохо укрѣпленъ полу-разрушенными стѣнами, и могъ быть охраненъ только неустрашимостію гарнизона.»

Наполеонъ, убѣдившись въ безполезности мирныхъ предложеній, выѣхалъ, 18 (6) мая, изъ Дрездена въ Лузацію, для продолженія военныхъ дѣйствій. Начались сраженія: 19 (7), Лористонъ дрался съ Іоркомъ; 20 (8), самъ Наполеонъ вступилъ въ битву съ союзными войсками при Бауценѣ; 22, генералъ Ренье имѣлъ дѣло съ русскимъ арріергардомъ на высотахъ Рейхенбаха. 22 числа, Наполеонъ понесъ новую утрату, которая поразила его еще болѣе, чѣмъ смерть Бессьера и Ланна. Въ семь часовъ вечера, оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ стоялъ на возвышеніи, очень далеко отъ мѣста дѣйствій военныхъ, и разговаривалъ съ маршаломъ Мортье и генераломъ Кирженеромъ. Ядро пролетѣло мимо герцога тревизскаго, ранило Дюрока въ животъ и убило генерала Кирженера.

Узнавъ объ этомъ несчастномъ происшествіи, Наполеонъ

тотчасъ бросился къ Дюроку и засталъ его еще въ полной памяти. Дюрокъ сохранилъ все присутствіе духа и хладнокровіе. Дюрокъ пожалъ руку Наполеона и поднесъ къ устамъ своимъ. « Вся жизнь моя, сказалъ онъ, была посвящена вамъ; жалѣю объ ней, единственно потому, что она могла бы еще быть вамъ полезна! » — Дюрокъ! отвѣчалъ Наполеонъ, есть другая жизнь; тамъ жди меня; тамъ мы опять увидимся..... — » Да, государь, черезъ тридцать лѣтъ, когда

вы побѣдите всѣхъ вашихъ враговъ и выполните всѣ надежды нашего отечества..... Я жилъ честно; ни въ чемъ не могу упрекнуть себя. Оставляю дочь; ваше величество будете ей отцемъ. »

Глубоко тронутый Наполеонъ взялъ Дюрока за правую руку и склонилъ голову на лѣвую его руку; съ четверть часа

просидѣлъ онъ въ такомъ положеніи, и не могъ говорить. Дюрокъ заговорилъ первый, съ намѣреніемъ избавить своего друга и повелителя отъ внутреннихъ страданій. — « Ваше величество, сказалъ онъ, подите отсюда; видъ мой раздираетъ вамъ душу. » Наполеонъ покорился этой дружеской заботливости и выходя, могъ только сказать: « Прощай же, другъ мой! » Онъ принужденъ былъ опираться на маршала Сульта и на Коленкура, и возвратившись въ свою палатку, не принималъ къ себѣ никого въ продолженіе всей ночи.

25 (13) числа, Наполеонъ вступилъ въ Бунцлау, гдѣ за нѣсколько времени до того скончался незабвенный Кутузовъ. 26 числа, генералъ Мезонъ потерпѣлъ пораженіе при Ганау; но это не помѣшало французской арміи итти впередъ. 29 (14) мая, генералъ-адютантъ Императора Александра, графъ Шуваловъ, и прусскій генералъ Клейстъ занялись переговорами о перемиріи съ герцогомъ виченскимъ, а 4 іюня (23 мая), оно было уже подписано и утверждено союзными монархами, до 15 іюля.

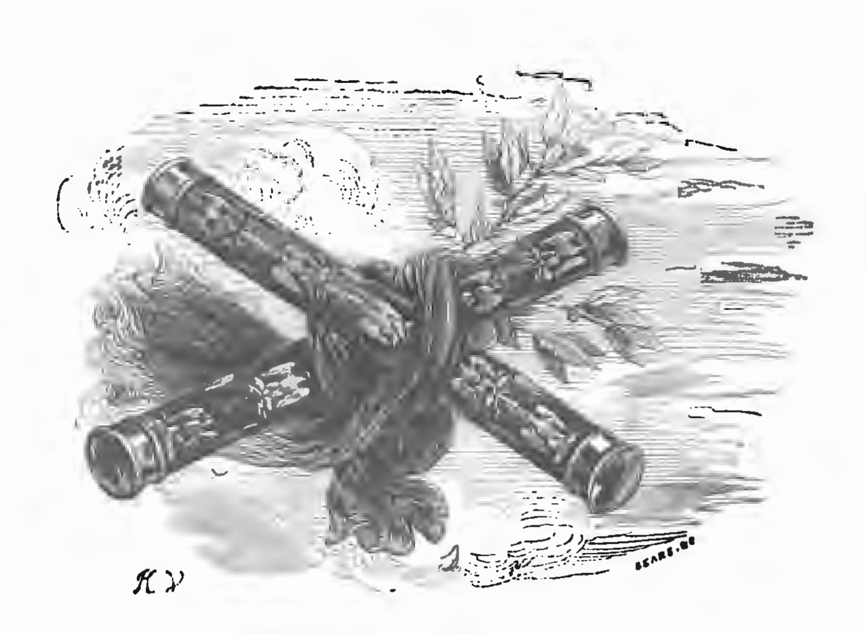
Между-тѣмъ Австрія объявила, что она принимаетъ участіе въ дѣлѣ союзныхъ монарховъ, и готова сразиться съ Наполеономъ за свободу Европы.

Тутъ императоръ Французовъ увидалъ, что родственныя связи не спасутъ его, и что ему одному слѣдуетъ бороться съ соединенными силами всей Европы. Дальновидные политики не сомнѣвались уже, съ этой минуты, что звѣзда Наполеона померкнетъ, а Европа будетъ спокойна и свободна отъ вліянія и владычества повелителя Французовъ.

Одно судебное происшествіе надѣлало въ это время много шуму во Франціи. Сборщики городскихъ доходовъ въ Антверпенѣ, пойманные въ кражѣ городскихъ денегъ и явно виновные, избавились отъ казни, подкупивъ присяжныхъ. Узнавъ, что они оправданы, Наполеонъ изъявилъ негодованіе, и тотчасъ написалъ министру юстиціи произвести строжайшее слѣдствіе о причинахъ, доставившихъ безнаказанность и торжество преступленію.

Враги Наполеона и въ этомъ его справедливомъ негодованіи отыскали поводъ къ обвиненіямъ. Какъ можно, говорили, пересматривать рѣшеніе, вошедшее въ законную силу?

Какъ оказывать такое насиліе надъ судебною властію, которая должна быть независима отъ исполнительной? Даже извѣстный своимъ безкорыстіемъ, Войе-Даржансонъ, префектъ Антверпена, былъ въ числѣ этихъ людей, и отказался отъ своего мѣста, когда ему приказали описать имѣніе виновныхъ.

ГЛАВА XLIII.

Продолженіе кампаніи 1813 года.

По истеченіи заключеннаго перемирія, союзныя арміи двинулись къ Дрездену. Генералъ Моро посвятилъ шпагу свою службѣ Императора Александра. Думали, что и Мюратъ не явится болѣе во французской арміи и откажется отъ службы своему благодѣтелю, другу и брату.... Но 14 (2) августа, Мюратъ прибылъ въ дрезденскій лагерь, рѣшившись пролить кровь свою за Францію.

Наполеонъ находился въ Силезіи и имѣлъ нѣсколько дѣлъ съ союзными отрядами, тамъ находившимися. Но успѣхи его въ Силезіи не помѣшали главной союзной арміи подойти къ Дрездену. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ движеніи, передаетъ начальство надъ войсками въ Силезіи маршалу Макдональду, и спѣшитъ съ Неемъ на помощь Дрездену.

Столица Саксоніи окружена многочисленными союзными войсками, и не можетъ надѣяться на слабый отрядъ маршала Сенъ-Сира. Всѣ ожидаютъ, что Дрезденъ непремѣнно падетъ

во власть союзниковъ; но 26 (14) августа, въ десять часовъ утра, въ Дрезденѣ является Наполеонъ; за нимъ слѣдуютъ его войска.

Немедленно осматриваетъ онъ позиціи союзныхъ войскъ и распоряжается о защитѣ Дрездена.

Императоръ Александръ, узнавъ, что Наполеонъ въ Дрезденѣ, полагаетъ, что нельзя взять города, если Наполеонъ привелъ съ собою войска, и приказываетъ не начинать аттаки; но повелѣніе его не достигаетъ до передовыхъ отрядовъ, которые въ назначенный часъ идутъ на Дрезденъ. Сначала успѣхъ покровительствовалъ союзникамъ; но Наполеонъ измѣнилъ ходъ дѣла однимъ мастерскимъ распоряженіемъ. Онъ послалъ Мюрата противъ праваго фланга союзниковъ, а герцога тревизскаго противъ лѣвако; Ней повелъ четыре дивизіи молодой гвардіи, и отразилъ жаркое нападеніе.

Князь Шварценбергъ узналъ, что Наполеонъ въ Дрезденѣ, и видя, что благопріятная минута для взятія столицы Саксоніи упущена, нашелся принужденнымъ отступить.

Наполеонъ, не одними только мастерскими распоряженіями показалъ присутствіе свое въ этой битвѣ; онъ находился вездѣ, все самъ осматривалъ, подъ градомъ пуль; возлѣ него убитъ докторъ, и многіе изъ его адъютантовъ ранены.

Въ девять часовъ вечера, замолкли пушки. Въ одиннадцать часовъ, Наполеонъ разъѣзжалъ по бивуакамъ, и осматривалъ позицію союзниковъ, составляя планъ битвы для слѣдующаго дня. Въ полночь, возвратился онъ во дворецъ, позвалъ къ себѣ Бертье и диктовалъ ему приказы маршаламъ и приказанія начальникамъ отрядовъ, чтобы каждый изъ нихъ, на разсвѣтѣ, былъ готовъ помогать знаменитому полководцу.

Ночью Австрійцы напали на плауенскія ворота, надѣясь нечаянною аттакою разстроить планы и расчеты Наполеона; но были отражены генераломъ Дюмутье.

Это неожиданное нападеніе показывало, что союзники не совсѣмъ отказались отъ дѣйствій противъ Дрездена. Надлежало ожидать битвы, и ночныя распоряженія Наполеона не показались никому лишними. Въ шесть часовъ утра, подъ дождемъ, выѣхалъ онъ, несмотря на грязь, осматривать мѣстоположеніе. На высотахъ усмотрѣлъ онъ позицію, назначенную для корпуса Кленау, и которую австрійскій генералъ еще не успѣлъ занять. Кленау былъ въ 20-ти верстахъ отъ Дрездена. Наполеонъ приказалъ Мюрату и Виктору немедленно занять ее. Король неаполитанскій и герцогъ беллунскій исполнили его приказаніе съ быстротою молніи и заняли выгодную позицію.

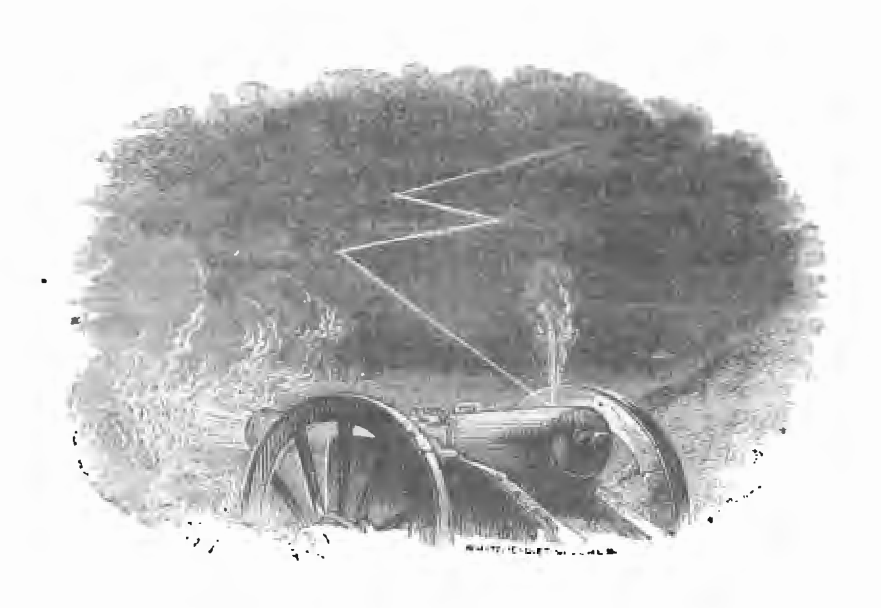
Въ одиннадцать часовъ, Мюратъ находился уже за плауенскими проходами. Въ мантіи, вышитой золотомъ, велъ онъ карабинеровъ и кирасировъ на австрійскую пѣхоту и разбилъ ее. Успѣхъ его повлекъ за собою важное разстройство на лѣвомъ крылѣ союзниковъ.

Правое крыло союзниковъ тоже много потерпѣло отъ натисковъ молодой гвардіи, которую одушевлялъ Наполеонъ личнымъ своимъ присутствіемъ.

Князь Шварценбергъ предложилъ союзнымъ монархамъ отступить, опасаясь, что Вандаммъ, не принимавшій еще участія въ битвѣ, зайдетъ въ тылъ праваго фланга и нанесетъ, съ свѣжими своими войсками, значительный вредъ графу Остерману. Императоръ Александръ согласился на отступленіе только тогда, когда князь Шварценбергъ объявилъ, что у австрійскихъ войскъ оказывается недостатокъ въ снаря-

дахъ, продовольствіи и даже въ обуви. Рѣшено отступить въ Богемію.

Въ этотъ день, раненъ смертельно ядромъ генералъ Моро, не задолго прибывшій въ союзную армію. Онъ находился

въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Императора Александра и, падая съ лошади, сказалъ: « Погибаю, но пріятно умереть въ глазахъ столь великаго монарха. » Моро положили на казачьи пики, покрыли плащемъ, и отнесли въ близлежащую деревню, гдѣ онъ и умеръ.

Къ Наполеону, казалось, вернулось опять прежнее его

счастіе. Успѣшное отраженіе союзниковъ отъ Дрездена придало ему новыя силы, а воинамъ его новое мужество. « Въ союзныхъ войскахъ, говоритъ генералъ Михайловскій-Данилевскій, распространилось какое-то уныніе, оттого, что видимое для всѣхъ разногласіе между главными начальниками не предвѣщало успѣха. » Но торжество однихъ и уныніе другихъ будутъ непродолжительны. Наполеонъ дошелъ до того, что самые отважные, самые блистательные военные подвиги не спасутъ его отъ близкаго паденія. Геній его остается вѣрнымъ ему; Наполеонъ падетъ со славою, и въ самомъ паденіи будетъ еще болѣе выростать для потомства. До послѣдней минуты своего императорскаго существованія, онъ будетъ возобновлять тѣ изумительныя чудеса, которыми онъ удивлялъ міръ, когда трудился для своего возвышенія или когда стоялъ на высшей точкѣ своего могущества.

Наполеонъ слабо преслѣдовалъ армію союзниковъ, отступавшую въ Богемію. Вандаммъ хотѣлъ остановить ее, загородилъ ей дорогу, но былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Это пораженіе нанесло жестокій ударъ французскому вождю, потому что значительно уменьшило результаты дрезденской битвы.

Въ то же самое время, неудачи постигли французскую армію, находившуюся въ Силезіи. Отъ сильныхъ дождей разлились рѣки; вода залила дороги, снесла мосты; сообщенія между отрядами были прерваны. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, Макдональдъ нашелся принужденнымъ отступать, потерявъ, при Левенбергѣ, почти цѣлую дивизію.

Наполеонъ поѣхалъ въ Силезію и встрѣтилъ Макдональда при Гохкирхенѣ, 4 сентября. Немедленно далъ онъ приказанія Макдональду, избавилъ его отъ погибели, и возвратился въ Дрезденъ, 6 сентября (25 августа). Тутъ узналъ онъ, что начальникъ штаба третьяго корпуса, генералъ Жомини, перешелъ въ союзное войско.

И маршалъ Удино тоже потерпѣлъ пораженіе на пути въ Берлинъ, при Гроссъ-Беренѣ. Его замѣнили Неемъ; но и Ней былъ разбитъ, 6 сентября (25 августа), Бернадоттомъ.

Такимъ образомъ, Французы вездѣ терпѣли пораженіе,

гдѣ не было съ ними Наполеона. Самъ онъ это замѣтилъ, и живя въ Дрезденѣ, въ центрѣ военныхъ дѣйствій, ежеминутно готовъ былъ летѣть на угрожаемые пункты и управлять движеніями многочисленныхъ своихъ корпусовъ. Такъ провелъ онъ сентябрь и половину октября, безпрерывно отражая то Шварценберга, то Сакена, то Бернадотта, то Блюхера. Но эти малыя битвы много вредили его арміи, разстроенной бѣдствіями кампаніи 1812 года, и не уничтожили средствъ войскъ союзныхъ. Союзники безпрерывно получали подкрѣпленія. Изъ арміи Наполеона многіе бѣжали или передавались союзникамъ. Король баварскій послѣдовалъ примѣру прочихъ германскихъ владѣтелей. Отряды партизановъ образовались въ Саксоніи и Вестфаліи, и безпокоили французскую армію. При общемъ возстаніи Нѣмцевъ противъ французскаго владычества, Іеронимъ, король вестфальскій, узнавъ о приближеніи русскихъ, принужденъ былъ бѣжать изъ своей столицы.

Узнавъ объ отпаденіи Баваріи и движеніи умовъ въ центральной Германіи, Наполеонъ увидалъ, что невозможно удержаться на Эльбѣ и непремѣнно нужно приблизиться къ французскимъ границамъ. Нельзя было ретироваться безъ сильнаго подкрѣпленія, и онъ рѣшился просить у сената двѣсти восемьдесятъ тысячъ новыхъ воиновъ. 7 октября, императрица Марія-Луиза произнесла въ сенатѣ рѣчь, присланную Наполеономъ изъ главной квартиры о новомъ наборѣ.

Сенатъ, видя необходимость этой мѣры, безъ прекословія утвердилъ ее.

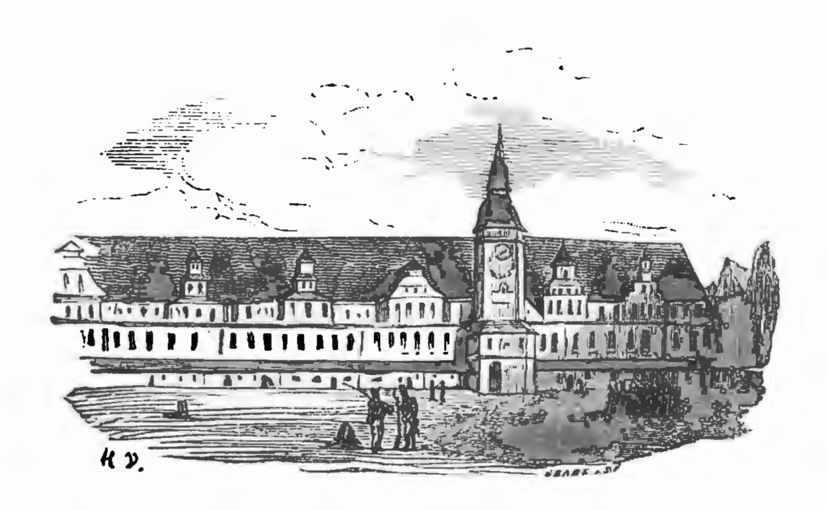
Наполеонъ хотѣлъ перейти черезъ Эльбу и дѣйствовать на правомъ берегу, изъ Магдебурга; но отпаденіе короля баварскаго принудило его отступить къ Лейпцигу.

Порицатели Наполеона, которыхъ находилось много въ его главной квартирѣ, замолчали, потому что имъ очень хотѣлось на Рейнъ и вовсе не хотѣлось воевать между Эльбою и Одеромъ.

Наполеонъ прибылъ, 15 (3) октября, въ Лейпцигъ, гдѣ уже находились корпуса Виктора, Ожеро и Лористона. Союзники слѣдовали по пятамъ его, и удачнымъ движеніемъ, 16 числа,

окружили французскую армію: Шварценбергъ съ юга, а Бенигсенъ, Коллоредо, Блюхеръ и Бернадоттъ съ востока и сѣвера.

ГЛАВА XLIV.

Лейпцигская битва. Отпаденіе Саксоніи. Бѣдственное окончаніе кампаніи. Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.

Пять сотъ тысячъ воиновъ сошлись подъ стѣнами и въ окрестностяхъ Лейпцига; битва должна была послѣдовать въ самое скорое время.

15 (3) октября, Наполеонъ началъ уже объѣзжать окрестность и осматривать мѣстность и корпуса арміи своей, расположенные въ близлежащихъ мѣстахъ. Всю ночь посвятилъ онъ на приготовленія къ битвѣ, которая казалась неизбѣжною на слѣдующій день.

16 (4) числа, утромъ, бой загорѣлся на всѣхъ пунктахъ и тысячи пушекъ гремѣли около Лейпцига. Сначала успѣхъ склонялся на сторону союзниковъ; но скоро они были остановлены.

Въ центрѣ, Викторъ и Лористонъ удержались въ Вахау и Либерволквицѣ, не смотря на усилія союзниковъ.

Но Наполеонъ не довольствовался счастливымъ отраженіемъ союзныхъ войскъ: онъ непремѣнно желалъ поразить ихъ рѣшительно, и съ этою цѣлію приказалъ Макдональду и Себастіяни быстро напасть на генерала Кленау, приказалъ маршалу Мортье поддерживать Лористона, маршалу Удино помогать Виктору, а Куріаля послалъ къ Понятовскому. Всѣ эти движенія прикрывались дѣйствіемъ ста пятидесяти пушекъ гвардейской артиллеріи, подъ командою генерала Друо.

Приказанія его исполнены въ точности: Викторъ и Удино опрокинули принца виртембергскаго до Гроссы. Мортье и Лористонъ тоже принудили Кленау отступить. Макдональдъ и Себастіяни имѣли совершенный успѣхъ, а Понятовскій удержался на Плейсѣ.

Сраженіе казалось потеряннымъ. Императоръ Александръ, стоявшій близъ пруда у Госсы, подъ ядрами, видѣлъ, что союзныя войска отброшены, русскія баттареи умолкаютъ; 30 пушекъ находились уже во власти Французовъ. Среди всеобщаго смятенія и опасности, онъ занимался распоряженіями, которыя могли уничтожить замыслы Наполеона, обѣщавшія доставить ему вѣрную побѣду. Императоръ повелѣлъ графу Орлову-Денисову спѣшить къ Барклаю де Толли, и приказалъ ему немедленно выдвинуть тяжелую конницу къ разобщенному центру, противъ натиска французскихъ кавалерійскихъ войскъ. Артиллерійской ротѣ, стоявшей вблизи, приказано выйти впередъ и удерживать Французовъ до прибытія тяжелой конницы, а лейбъ-казакамъ, составлявшимъ конвой Государя, прикрывать орудія. Въ то же время, приказано начальнику резервной артиллеріи, Сухозанету, ввести ее въ дѣло.

Графъ Орловъ-Денисовъ, возвращаясь къ Государю Императору и видя движеніе лейбъ-казаковъ, рѣшился стремительною аттакою остановить идущую французскую кавалерію, надѣясь, что легкая гвардейская кавалерійская дивизія, разстроенная напоромъ Французовъ, получивъ помощь, соберется и будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ. Смѣлое движеніе графа Орлова-Денисова освободило гвардейскую кавале-

рійскую дивизію отъ натиска преслѣдовавшихъ ее Французовъ, и она примкнула къ флангамъ графа Орлова. Тогда бросился онъ на Французскую конницу, лишившуюся главнаго начальника своего, Латуръ-Мобура, которому ядромъ оторвало ногу. Французы были опрокинуты, и пока русскіе преслѣдовали ихъ, во флангъ ихъ врубились два прусскіе конные полка, посланные графомъ Паленомъ на подкрѣпленіе центра. Въ безпорядкѣ, французская конница отступила за свою пѣхоту, помѣшавъ на нѣкоторое время движенію пѣхоты и дѣйствіямъ своей артиллеріи.

Такимъ образомъ, Императоръ Александръ возстановилъ сраженіе и лишилъ побѣды Наполеона, который былъ въ ней совершенно увѣренъ.

Такъ кончился первый день, или актъ, лейпцигской битвы. Австрійскій генералъ Мерфельдъ упалъ съ лошади, посреди французскихъ штыковъ, и попалъ въ плѣнъ. Наполеонъ хвалилъ Виктора, Мармона, Нея, Удино, Макдональда, Ожеро, но особенно превозносилъ неустрашимость Лористона и изумительную отвагу Понятовскаго, которому пожаловалъ званіе маршала.

Съ нѣкотораго времени, битвы, казавшіяся Наполеону рѣшительными, оставались вовсе безъ результатовъ. Люценъ, Бауценъ, Дрезденъ, только возбудили мужество и новую рѣшимость въ союзникахъ; чего же могъ онъ ожидать отъ лейпцигскаго дня, когда побѣда явно клонилась на сторону союзниковъ? Входя въ свою палатку, онъ думалъ уже, что будетъ принужденъ сражаться на слѣдующій день. Вечеромъ, къ нему привели плѣннаго генерала Мерфельда, котораго онъ зналъ прежде. Наполеонъ немедленно возвратилъ ему шпагу, отпустилъ его на честное слово, и далъ ему порученіе о мирныхъ предложеніяхъ императору австрійскому.

— « Ошибаются на счетъ мой, говорилъ онъ; я отъ души желаю успокоиться подъ сѣнію мира; думаю о счастіи Франціи, какъ прежде думалъ объ ея славѣ....

« Я долженъ непремѣнно рѣшиться на пожертвованія, и готовъ на нихъ.... Прощайте, генералъ; когда вы будете говорить обоимъ императорамъ о мирѣ, я думаю, что голосъ вашъ будетъ для нихъ краснорѣчивъ воспоминаніями. »

Привезенныя Мерфельдомъ предложенія о мирѣ не были приняты. Союзные монархи не могли оставить общаго дѣла Европы, когда успѣхъ видимо склонялся на ихъ сторону.

Битва началась бы 17 числа, если бъ дожди и дурныя дороги не задержали Бенигсена; союзники отложили нападеніе до слѣдующаго дня. Наполеонъ предчувствовалъ, что въ союзномъ станѣ не разсуждаютъ о мирѣ, и готовился къ битвѣ. Всю ночь провелъ онъ въ занятіяхъ, разъѣзжалъ по палаткамъ своихъ генераловъ, разбудилъ Нея въ Рейдницѣ, посѣтилъ Бертрана въ Линденау, и вездѣ раздавалъ приказанія о дѣйствіяхъ на слѣдующій день.

18 (6) числа, на разсвѣтѣ, началось движеніе въ союзныхъ войскахъ, и скоро пушки загремѣли. Саксонцы и часть Виртембергцовъ перешли къ союзнымъ монархамъ, бросивъ французскія знамена. Армія Наполеона была до такой степени разстроена, что невозможность являлась начать новую битву.

Въ семь часовъ вечера, генералы Сорбье и Дюлолуа донесли ему, что всѣ снаряды истрачены, и нельзя поддерживать огонь долѣе двухъ часовъ. Въ пять дней, Французы выпалили двѣсти двадцать тысячъ разъ, и для возобновленія снарядовъ, слѣдовало отступать на Магдебургъ или Эрфуртъ.

Въ такомъ стѣсненномъ положеніи, слѣдовало рѣшиться на отступленіе, и Наполеонъ приказалъ отступать къ Эрфурту, черезъ Линденау, по дорогѣ, которую такъ храбро защитилъ Бертранъ противъ австрійскаго корпуса, находившагося подъ командою Гіулая.

Наполеонъ возвратился въ восемь часовъ вечера въ Лейпцигъ, и занимался всю ночь диктованіемъ приказовъ герцогамъ Бассано и виценскому. 19 (7) октября, на разсвѣтѣ, французская армія начала отступать. Впереди шли Викторъ и Ожеро; Мармону поручили защищать, сколь можно долѣе, галльское предмѣстіе, Ренье держаться въ Розенталѣ, а Нею въ восточныхъ предмѣстіяхъ. Лористонъ, Макдональдъ и Понятовскій, находившіеся въ арріергардѣ, должны были защищать берега Эльстера, до тѣхъ поръ, пока корпуса Нея и Мармона не перейдутъ черезъ рѣку. Приказъ объ этомъ данъ Понятовскому Наполеономъ лично. — Князь, сказалъ Наполеонъ, вы должны защищать южное предмѣстіе. — « Ваше величество! у меня очень мало людей! » — Что дѣлать! защищайтесь съ тѣмъ, что есть! — « Постараемся, ваше величество! Мы готовы умереть за васъ! » — Понятовскій сдержалъ слово, и не видалъ болѣе Наполеона.

Наполеону предложили сжечь обширныя предмѣстія Лейпцига, помѣшать союзникамъ занять его, и обезпечить, такимъ образомъ, отступленіе арміи черезъ Линденау; но онъ не рѣшился обратить въ пепелъ одинъ изъ богатѣйшихъ германскихъ городовъ.

Союзныя войска бросились на Лейпцигъ, узнавъ объ отступленіи Наполеона, и рѣшились ознаменовать освобожденіе Германіи истребленіемъ французскаго арріергарда.

Они встрѣтили въ предмѣстіяхъ сопротивленіе неожиданное и отчаянное. Макдональдъ и Понятовскій, зная, что дѣло идетъ о спасеніи всей арміи Наполеона, рѣшились держаться до послѣдней возможности. Наполеонъ выѣхалъ изъ Лейп-

цига при громѣ оружія; вскорѣ послѣ его отбытія, новое бѣдствіе постигло его армію. Она поспѣшно переходила черезъ мостъ на Эльстерѣ; полковникъ Монфоръ долженъ былъ взорвать его, когда послѣднія французскія колонны переберутся на другой берегъ, чтобы остановить союзниковъ; все было приготовлено къ взрыву. Саперъ, державшій фитиль, вообразилъ, что Французы перешли черезъ рѣку и союзники заняли городъ, потому что начали стрѣлять изъ оконъ. Раздается громовой ударъ.... мостъ взорванъ! Четыре корпуса, съ двумя стами орудій, остаются въ предмѣстіяхъ! Что будетъ съ воинами Макдональда, Ренье, Лористона, Понятовскаго? Они не могутъ сопротивляться, не могутъ и отступать! Макдональдъ бросается въ Альстеръ и достигаетъ до берега. Понятовскій бросается верхомъ въ рѣку и про-

падаетъ въ волнахъ. Лористонъ не могъ избѣгнуть плѣна. Остальные погибаютъ или взяты въ плѣнъ.

Союзники овладѣли Лейпцигомъ. Король саксонскій, недавній союзникъ Наполеона, встрѣчаетъ союзныхъ монарховъ. Императоръ отвѣчалъ на поклонъ его съ вѣжливостію и холодною важностію, и не обращая къ королю рѣчи, поѣхалъ далѣе.

Наполеонъ предаетъ полковника Монфора и несчастнаго сапера военному суду, и ретируется къ Эрфурту, куда входилъ 23 (11) октября.

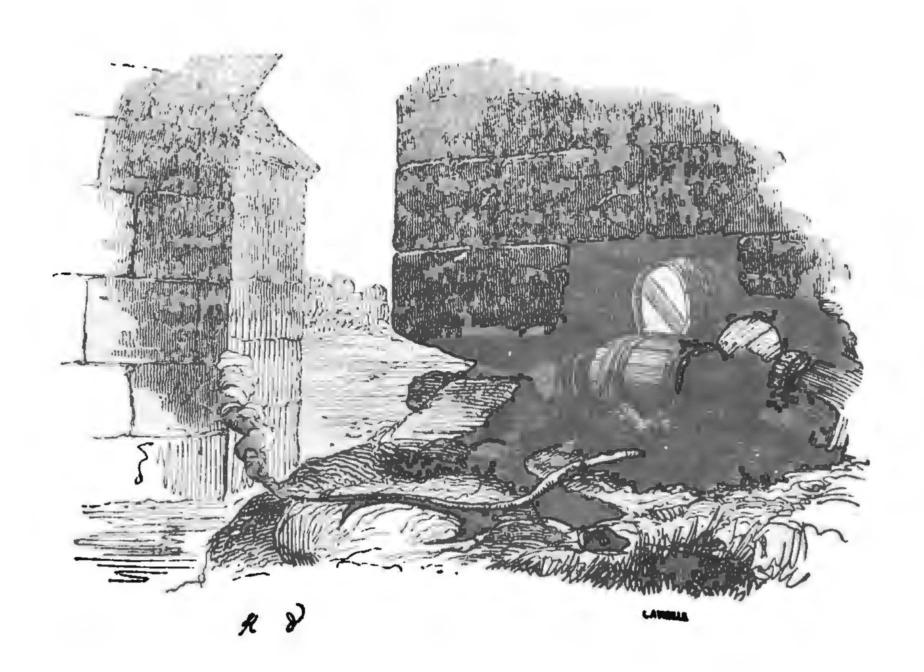
25 числа, онъ оставляетъ Эрфуртъ и идетъ далѣе, къ Рейну. Австрійцы и Баварцы стараются удержать его у Ганау. Завязывается жаркое дѣло. Баварцы окружаютъ французскую артиллерію и готовы взять ее; но артиллеристы вооружаются чѣмъ попало и защищаютъ свои орудія. Храбрый Друо подаетъ имъ примѣръ; Нансути подоспѣваетъ съ

гвардейскою кавалеріею и выручаетъ артиллеристовъ. Наполеонъ, отразивъ Баварцевъ, продолжаетъ отступать.

1 ноября, онъ прибылъ въ Франкфуртъ; на другой день, въ пять часовъ утра, онъ пріѣхалъ въ Майнцъ. Тутъ занялся онъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, новымъ устройствомъ арміи, которая должна занять линію по Рейну.

8 ноября, ночью, пріѣхалъ онъ на французскую границу, а 9, въ пять часовъ вечера, прибылъ въ Сенъ-Клу, гдѣ, за нѣсколько дней, были получены двадцать знаменъ, взятыхъ имъ при Вахау, Лейпцигѣ и Ганау. Бѣдные трофеи, въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ потерялъ при Лейпцигѣ!

ГЛАВА XLV.

Сенатъ поздравляетъ Наполеона. Наборъ трехъ сотъ тысячъ войска. Собраніе и распущеніе законодательнаго корпуса.

Второй разъ, въ продолженіе одного года, Парижане, пріученные къ кликамъ побѣды и торжественнымъ въѣздамъ, видѣли, какъ императоръ ихъ возвращался въ свою столицу, оставленный союзниками своими и военнымъ своимъ счастіемъ, преслѣдуемый арміями всей Европы, и едва имѣющій нѣсколько корпусовъ для сопротивленія неисчислимымъ врагамъ своимъ.

Потребуютъ ли отъ него отчета въ непостоянствѣ его союзниковъ? Франція, забывъ, что онъ принужденъ вести войну и защищаться, скажетъ ли ему, какъ Римъ сказалъ Вару: « Отдай мнѣ мои легіоны! »

Нѣтъ, Французы не покроютъ себя стыдомъ, не поступятъ такъ неблагодарно съ великимъ вождемъ. Они не будутъ льстить неосторожно, какъ сенатъ, ни порицать безпощадно, какъ законодательный корпусъ; они пожалѣютъ объ ошибкахъ, допущенныхъ во времена счастія, но не станутъ упрекать ими во времена бѣдствія. Карно, давно удалившійся отъ общественныхъ дѣлъ, никогда не поклонявшійся и не льстившій Наполеону во все время его удачь и величія, Карно рѣшается служить, и письмомъ увѣдомляетъ его, что готовъ пролить кровь за повелителя Франціи. Наполеонъ поручаетъ ему защиту Антверпена.

Сенатъ поспѣшилъ явиться къ Наполеону и повторить ему обычныя льстивыя поздравленія. Въ отвѣтѣ своемъ, императоръ сказалъ: « За годъ передъ симъ, вся Европа шла съ нами; теперь вся Европа идетъ противъ насъ: мнѣніе Европы зависитъ отъ Франціи или отъ Англіи. Мы должны всего опасаться, если нація лишится энергіи и силы своей.

« Потомство скажетъ, что намъ представились великія и опасныя обстоятельства, но они не выше силъ Франціи и моихъ. »

На другой день, 15 (3) ноября, правительство требовало набора трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, а сенатъ немедленно изъявилъ согласіе.

Законодательный корпусъ былъ созванъ съ 25 (13) октября декретомъ, подписаннымъ въ Готѣ. Прибывъ въ Парижъ, императоръ узналъ, что членами корпуса овладѣлъ духъ, противный его видамъ и намѣреніямъ. Немедленно рѣшился онъ употребить въ дѣло свою безграничную власть, которою умѣлъ пользоваться въ должныхъ случаяхъ и объявилъ, что самъ назначитъ президента корпусу. Выборъ его палъ на герцога Массу.

Ежеминутно заботясь о защитѣ Франціи, Наполеонъ, декретомъ 16 (4) декабря, приказалъ сформировать тридцать когортъ національной гвардіи, поручивъ имъ занять и защищать всѣ крѣпости Франціи.

19 (7) того же мѣсяца открылись засѣданія законодательнаго корпуса.

Наполеонъ приказалъ сообщить депутатамъ и сенату всѣ дипломатическія бумаги, въ которыхъ содержались тайные переговоры, происходившіе въ послѣднюю кампанію и дававшіе ключъ къ настоящему расположенію важнѣйшихъ государствъ Европы. Оба собранія назначили коммиссіи для разбора этихъ бумагъ. Коммиссія сената избрала докладчикомъ Фонтана, а коммиссія депутатовъ г. Лепе.

Фонтанъ, какъ приверженецъ монархіи и вѣрный слуга имперіи, изъявлялъ удивленіе, что союзники объявили, что дѣйствуютъ только противъ Наполеона, а не противъ французской націи. » На кого же нападаютъ теперь? говорилъ ораторъ сената, на великаго человѣка, который оказалъ услугу всѣмъ государямъ, затушивъ во Франціи пожаръ, угрожавшій всей Европѣ. »

Хотя Фонтанъ напомнилъ объ обстоятельствѣ, которое могло повредить народности Наполеона во Франціи, однако жъ, императоръ благодарилъ сенатъ за выраженныя ораторомъ чувства, и такъ описывалъ положеніе Франціи:

« Вы видѣли изъ бумагъ, вамъ сообщенныхъ, какъ я стараюсь о мирѣ. Безъ сожалѣнія соглашаюсь на пожертвованія, предложенныя врагами; въ жизни у меня одна цѣль — счастіе Французовъ.

« Однако жъ, Беарнъ, Эльзасъ, Франшъ-Конте, Брабантъ, почти отъ насъ оторваны. Крики этихъ членовъ моего семейства раздираютъ мнѣ душу! Призываю Французовъ на помощь Французамъ! »

Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя части Франціи были почти оторваны. Испанская армія, покинувъ полуостровъ, была преслѣдуема Англо-Испанцами, которые стояли уже на границѣ. На сѣверѣ, непріятель во многихъ мѣстахъ перешелъ черезъ Рейнъ; крѣпости на Эльбѣ и Одерѣ сдавались. Пользуясь такимъ положеніемъ Наполеона, Бурбоны наводнили южные департаменты Франціи своими прокламаціями, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составились изъ бѣглыхъ солдатъ довольно страшныя шайки.

И въ эту-то минуту, коммиссія законодательнаго корпуса вздумала увѣрять, что деспотизмъ замѣнилъ законы и что

продолженіе войны слѣдуетъ приписать одному Наполеону; что его желаніе увеличить Францію новыми завоеваніями мѣшаетъ общему миру. Опираясь на общественныя бѣдствія и опасенія, она наложила условія на помощь, которой требовалъ Наполеонъ для защиты Франціи отъ нашествія иностранцевъ. Императоръ вознегодовалъ на такую позднюю и несвоевременную дерзость. Корпусъ почти единогласно рѣшилъ напечатать и раздать донесеніе г. Лене; но рѣшеніе его уничтожено Наполеономъ. Остановили печатаніе, уничтожили корректурные листы — 30 декабря Наполеонъ сказалъ своему государственному совѣту:

« Господа, вы знаете положеніе дѣлъ и опасности отечества; я сообщилъ о нихъ законодательному корпусу.... а депутаты изъ моей довѣренности выковали оружіе на меня, т. е. на отечество. Законодательный корпусъ содѣйствуетъ не спасенію родины, а ея погибели; онъ не исполняетъ своей обязанности, такъ я исполню свою: я его распускаю! »

Не смотря на такую мѣру, депутаты явились 1 января въ Тюильри съ поздравленіемъ по случаю новаго года. Увидавъ ихъ, Наполеонъ разсердился и сказалъ:

« Я запретилъ печатать вашъ адресъ: онъ былъ возмутителенъ.

« Одиннадцать частей законодательнаго корпуса состоятъ изъ честныхъ гражданъ; я ихъ помилую; двѣнадцатая часть возмутители; къ нимъ принадлежитъ и коммиссія ваша. Лене измѣнникъ, я это знаю; прочіе возмутители.

« Вы стараетесь, въ адресѣ вашемъ, отдѣлить властелина отъ націи. Одинъ я представляю народъ. Кто изъ васъ осмѣлится принять на себя такое бремя? Тронъ — дерево, покрытое бархатомъ. Слушая васъ, я уступилъ бы врагамъ болѣе того, чего они отъ меня требуютъ; миръ будетъ заключенъ черезъ три мѣсяца, или я погибну.

« Войну ведутъ болѣе противъ меня лично, чѣмъ противъ Французовъ; но это дозволяетъ ли мнѣ согласиться на раздробленіе государства?

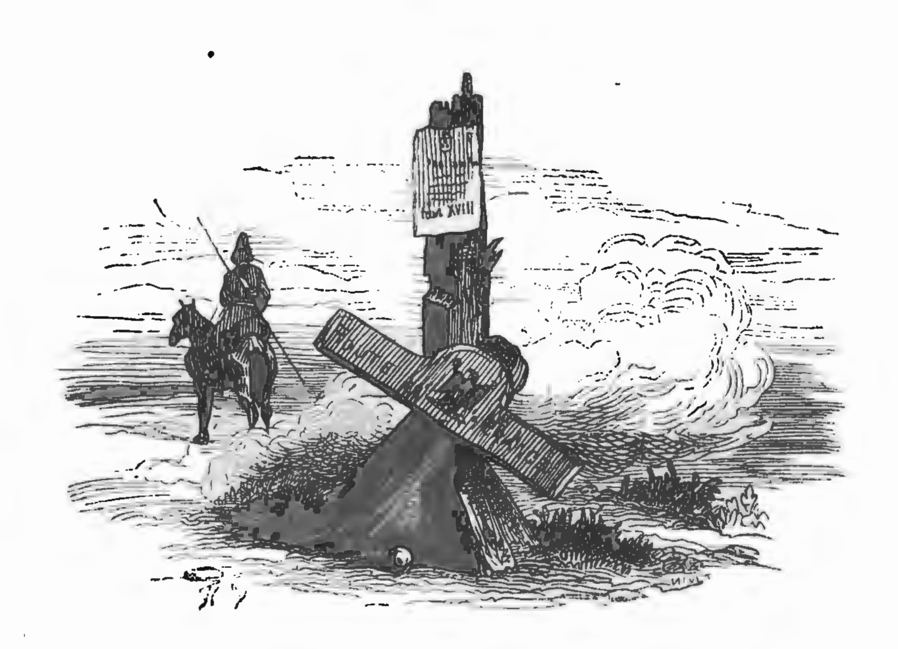
« Не жертвую ли я гордостію и достоинствомъ своимъ для

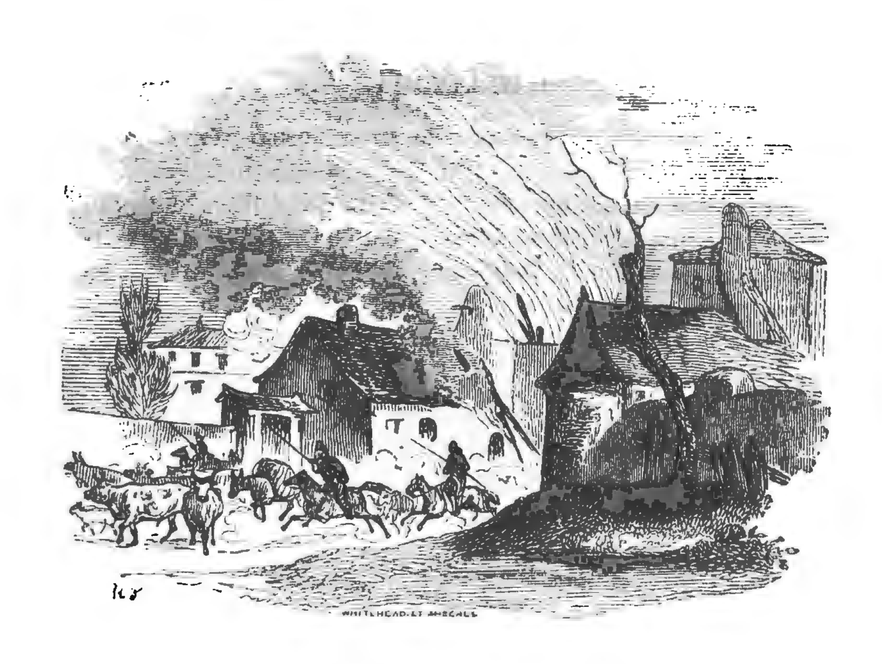

мира? Да, я гордъ, потому что храбръ; я гордъ, потому что совершилъ много великаго для Франціи. Вашъ адресъ не достоинъ ни меня, ни законодательнаго корпуса; послѣ позволю его напечатать, для пристыженія депутатовъ. Вы за-

думали замарать меня грязью; но меня можно убить, а не обезчестить.

« Возвратитесь въ провинціи... Если бъ я былъ виноватъ, вы не должны упрекать меня публично.... Грязное бѣлье надобно мыть тайно.... Впрочемъ, Франція нуждается во мнѣ болѣе, чѣмъ я въ ней. »

ГЛАВА XLVI.

Начало кампаніи 1814.

Наполеонъ сказалъ депутатамъ, что Франція болѣе нуждается въ немъ, чѣмъ онъ въ ней; слова гордыя и оскорбительныя! Но Французы не оскорбились грубымъ выраженіемъ, которое вырвалось у императора въ минуту справедливаго гнѣва; они пошли за нимъ въ Эльзасъ и Шампанью, защищать родную землю и честь отечества.

Отъѣзжая изъ Парижа, 23 (11) января, Наполеонъ вручилъ регенство Маріи-Луизѣ, которая на другой день присягала въ присутствіи императора, въ совѣтѣ, составленномъ изъ князей и первыхъ сановниковъ имперіи.

Въ тотъ же день, Наполеонъ созвалъ въ Тюильри офицеровъ парижской національной гвардіи, которой объявилъ себя главнокомандующимъ. « Уѣзжаю съ спокойствіемъ, сказалъ онъ; иду сражаться съ врагами, а вамъ оставляю все, что есть у меня драгоцѣннаго въ мірѣ: императрицу и сына. » Всѣ офицеры поклялись хранить врученный имъ залогъ.

Въ тотъ же день, Наполеонъ получилъ письмо отъ Карно, о которомъ мы говорили, и узналъ, что Мюратъ ему измѣняетъ. Принцъ Евгеній издалъ, по этому случаю, манифестъ къ своимъ войскамъ, въ которомъ говоритъ: « Мюратъ связанъ съ Наполеономъ узами родства и крови, всѣмъ ему обязанъ; но оставляетъ его, и въ какую минуту? когда Наполеонъ менѣе счастливъ! »

Только одна твердая душа Наполеона могла устоять противъ такихъ неожиданныхъ ударовъ. Природа дала ему характеръ сильный и гордый, какъ онъ самъ сказалъ недавно, и онъ сердился на измѣнявшихъ ему, но не приходилъ въ отчаяніе, не упадалъ духомъ.

Не взирая на бурю, которая возставала на многихъ пунктахъ Франціи, онъ отправился на встрѣчу союзникамъ, которые стремились въ восточныя провинціи Франціи. Онъ выѣхалъ изъ Парижа 25 (13) января, въ три часа утромъ, сжегъ всѣ свои тайныя бумаги, и поцѣловалъ супругу и сына.... въ послѣдній разъ! 26 (14) числа, прибылъ онъ въ Витри, а 27, въ Сенъ-Дизье, откуда союзный отрядъ удалился послѣ двудневнаго тамъ пребыванія. Пріѣздъ Наполеона несказанно порадовалъ жителей. Старый воинъ, полковникъ Буланъ, бросился передъ нимъ на колѣна и выразилъ благодарность народа. Черезъ два дня, начались военныя дѣйствія. Наполеонъ напалъ на Блюхера, при Бріеннѣ. Послѣ довольно кровопролитнаго сраженія, которое Блюхеръ считалъ конченнымъ, поѣхалъ онъ спокойно въ бріенскій замокъ; вдругъ Французы тайно подошли къ замку и ворвались въ

него. Блюхеръ принужденъ былъ, на другой день, отступить. Но этимъ Наполеонъ не пріобрѣлъ никакой существенной пользы, ибо не успѣлъ исполнить своего плана, напасть на тылъ силезской арміи и отрѣзать ее отъ главной.

1 февраля (20 января), Наполеонъ все еще стоялъ на прежней своей позиціи при Бріеннѣ. Союзныя войска напали на

него, и послѣ кровопролитія, продолжавшагося цѣлый день, одержали совершенную побѣду. Она принесла союзнымъ монархамъ важную пользу въ моральномъ отношеніи: она показала, что въ самой Франціи можно было восторжествовать надъ Наполеономъ.

Наполеонъ отступилъ въ Труа; союзныя войска раздѣлились: силезская армія, подъ командою Блюхера, пошла на Парижъ вдоль Марны, черезъ Мо, а главная армія должна была направиться туда же черезъ Труа. 7 февраля (26 января), Французы, оставивъ Труа, перешли въ Ножанъ. Положеніе Наполеона было самое неблагопріятное: съ лѣваго крыла и тыла обходилъ его Блюхеръ, а съ-права главная армія, находившаяся въ ста верстахъ отъ Парижа. Онъ долженъ былъ заботиться о защищеніи своей столицы, которой угрожала явная опасность.

10 февраля (29 января) счастіе улыбнулось Наполеону: онъ разбилъ отрядъ Олсуфьева при Шампоберѣ. Подавленные многочисленностію Французовъ, русскіе отступали, обливая кровію каждый шагъ уступаемой земли; генералы Олсуфьевъ и Полторацкій попались въ плѣнъ. Обрадованный такимъ успѣхомъ, Наполеонъ напалъ на Сакена, при Монмиралѣ; Сакенъ, не могъ одинъ устоять передъ многочисленнымъ непріятелемъ. Онъ рѣшился ретироваться за Марну, истребивъ за собою мосты; потеря его простиралась до 5000 человѣкъ. Въ этотъ день, Наполеонъ ночевалъ въ нельскомъ замкѣ, и мечталъ о дальнѣйшихъ побѣдахъ, опираясь на частные успѣхи своего оружія противъ малочисленныхъ отрядовъ.

Ретируясь къ Шалону, Блюхеръ претерпѣлъ пораженіе при Вошанѣ. Въ этомъ убійственномъ дѣлѣ потеряно 15 орудій и до 6000 убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находился князь Урусовъ.

Такимъ образомъ, силезская армія Блюхера, разбитая подъ Шампоберомъ, Монмиралемъ и на дорогѣ отъ Вошана къ Этожу, была отброшена частію за Шато-Тьери, а частію къ Шалону. Всѣ эти неудачи несправедливо приписывались разобщенію союзныхъ армій; онѣ произошли оттого, что Блюхеръ не полагалъ найти препятствій по дорогѣ къ Па-

рижу, послалъ за Макдональдомъ два корпуса и конницу свою, разбросалъ армію свою на обширномъ пространствѣ, безъ всякой связи между ея частями. Наполеонъ мастерски воспользовался ошибками Блюхера, и совершилъ искусный маневръ, доставившій ему три побѣды въ нѣсколько дней.

Отправляясь на встрѣчу войскъ, дѣйствовавшихъ на Марнѣ, Императоръ долженъ былъ поручить своимъ полководцамъ заботы объ удержаніи Шварценберга на Обѣ и Сенѣ. Но австрійскій генералиссимусъ безпрестанно шелъ впередъ, и только на два дня былъ задержанъ подъ стѣнами Ножана, генераломъ Бурмономъ. Маршалы Викторъ и Удино не рѣшились вступить въ битву съ австрійскимъ генераломъ, и надѣясь остановить его, отретировались, первый къ Нанжи, второй къ рѣкѣ Уеръ; Удино, рѣшившись отступить, приказалъ даже взорвать мосты въ Монтеро и Мелюнѣ.

Узнавъ объ успѣхахъ Шварценберга, Императоръ оставилъ Мармона и Мортье на Марнѣ, и съ быстротою моліи явился на пунктѣ, угрожаемомъ австрійскими войсками. 16 (4 Февраля.) прибылъ онъ къ рѣкѣ Уеръ, а 17 напалъ на Нанжи.

Наполеонъ провелъ ночь съ 17 на 18 въ замкѣ Нанжи, рѣшившись итти въ слѣдующій день на Монтеро, куда маршалъ Викторъ долженъ былъ притти прежде Австрійцевъ и занять позицію, 17 (5) февраля, вечеромъ. Однако жъ, когда генералъ Шато пришелъ къ Монтро 18 числа, въ 10 часовъ утра, этотъ важный пунктъ уже былъ занятъ генераломъ Біанки, котораго колонны заняли позицію на высотахъ, владычествовавшихъ мостами и городомъ, хотя силы Біанки были весьма значительнѣе французскихъ. Шато, повинуясь внушеніямъ личной своей храбрости, напалъ на непріятеля съ ожесточеніемъ. Разумѣется, Шато былъ отраженъ съ урономъ, но храбро защищался, и въ это время подоспѣли другія войска и построились въ боевую линію. Жераръ, прибывшій прежде другихъ, возстановилъ равновѣсіе въ силахъ обѣихъ сражавшихся армій. Вскорѣ прискакалъ самъ Наполеонъ. Присутствіе его возбудило во французскихъ войскахъ новое мужество и отвагу; онъ тронулся въ самое опасное мѣсто, гдѣ летали ядра и пули; солдаты роптали, что онъ произвольно подвергаетъ себя такой опасности. — « Друзья

мои, сказалъ онъ, не бойтесь, еще не отлито то ядро, которое убьетъ меня!»

Союзники отступали уже въ Сюрвиллю, когда генералъ Пажоль, напавъ па нихъ съ-тыла, принудилъ ихъ броситься къ Сенѣ и Іоннѣ. Гвардія Наполеона не участвовала въ дѣлѣ; она пришла на мѣсто дѣйствія поздно и видѣла только торжество Жерара и Пажоля. Жители Монтро стрѣляли изъ оконъ на Австрійцевъ и Виртембергцевъ; но и Французы понесли горькую утрату. Генералъ Шато, отличившійся примѣрнымъ мужествомъ, палъ на мосту Монтеро. Національная гвардія Бретани въ этомъ дѣлѣ овладѣла мемонскимъ предмѣстіемъ. Осматривая ее, Наполеонъ сказалъ: «Покажите, къ чему способны жители западныхъ провинцій; они всегда были вѣрными защитниками родины и твердою опорою монархіи.»

Раздавая похвалы и награды генераламъ, содѣйствовавшимъ успѣху битвы, Наполеонъ не забылъ и тѣхъ, которые дѣйствовали медленно и небрежно. При всей арміи онъ упрекалъ генерала Гюо за то, что у него накапунѣ отнято нѣсколько пушекъ. Генералъ Монбрюнъ опозоренъ за то, что безъ всякаго со-

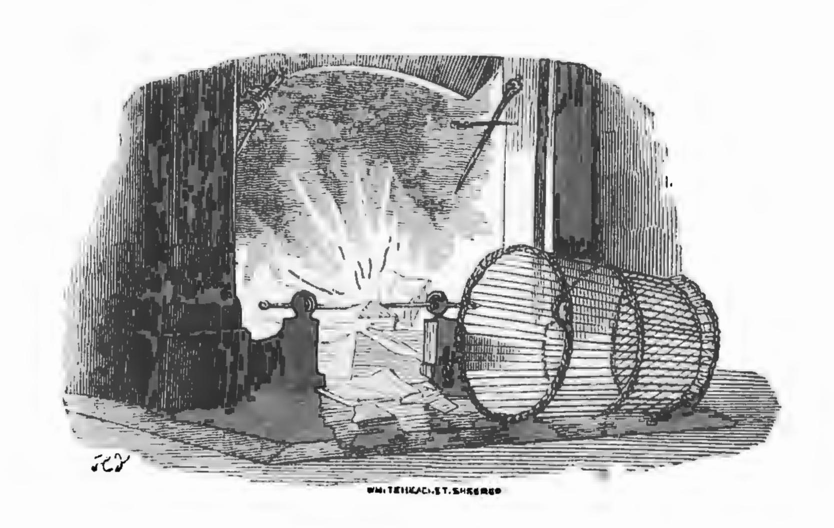
противленія отдалъ казакамъ лѣсъ около Фонтенбло. Генералъ Дижонъ преданъ военному суду за то, что артиллеристы, при аттакѣ сюрвилльской равнины, чувствовали недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ. Важность тогдашнихъ обстоятельствъ понуждала Наполеона къ небывалой строгости; однако жъ, онъ отмѣнилъ рѣшеніе свое противъ генерала Дижона, изъ уваженія къ ходатайству генерала Сорбье, который напомнилъ императору о прежнихъ заслугахъ стараго своего товарища и друга.

Самый важный упрекъ, вылетѣвшій изъ устъ Наполеона, раздавшійся по всей Европѣ и имѣвшій наиболѣе вліянія на армію, относился къ маршалу Виктору. Въ оффиціяльной реляціи было сказано: « Герцогъ беллунскій былъ долженъ прибыть въ Монтро 17 числа вечеромъ; онъ останавливался въ Саленѣ: это важная ошибка. Занятіе мостовъ Монтеро доставило бы императору цѣлый день, и дозволило бъ истребить австрійскую армію. » Императоръ не удовольствовался этимъ торжественнымъ упрекомъ: онъ послалъ Виктору дозволеніе оставить армію и отдалъ его отрядъ генералу Жерару.

Викторъ, чрезвычайно огорченный смертію зятя, безстрашнаго Шато, не снесъ въ молчаніи наложеннаго на него наказанія. Онъ явился къ императору, извинилъ свое промедленіе усталостію войскъ и прибавилъ: « Если я виноватъ въ этой ошибкѣ, то жестоко наказанъ за нее ударомъ, поразившимъ мое семейство. » Наполеонъ вспомнилъ о умершемъ Шато и тронулся; маршалъ, воспользовался этою минутою и сказалъ съ чувствомъ; « Я возьму ружье; я не забылъ еще прежняго ремесла; Викторъ станетъ въ ряды гвардіи. » Императоръ былъ побѣжденъ такою преданностію. — « Останься со мною, Викторъ, сказалъ Наполеонъ, протягивая ему руку; не могу возвратить тебѣ твоего отряда, потому что отдалъ его Жерару; но даю тебѣ двѣ гвардейскія дивизіи; прими начальство надъ ними, и все между нами кончено. »

Шварценбергъ и Блюхеръ отступили; Наполеонъ вступилъ въ Труа, 23 (11) февраля. Присутствіе союзниковъ въ этомъ городѣ подало приверженцамъ Бурбоновъ поводъ къ публич-

ному изъявленію своего мнѣнія. Одинъ эмигрантъ вздумалъ носить крестъ Св. Лудовика; Наполеонъ предалъ его военному суду; эмигрантъ казненъ смертію.

ГЛАВА XLVI.

Шатильовскій конгресъ. Окончаніе кампаніи 1814 года. Вступленіе союзниковъ въ Парижъ.

Наполеонъ провелъ ночь 22 (10) февраля, въ хижинѣ въ сельцѣ Шатръ. Онъ находился еще тамъ, 23 утромъ, приготовляясь къ походу на Труа, когда къ нему прибылъ адъютантъ князя Шварценберга, князь Лихтенштейнъ. Принцъ привезъ отвѣтъ на письмо, посланное Наполеономъ къ тестю своему, изъ Нанжи. Наполеонъ спросилъ у него: правда ли, что союзные монархи хотятъ отнять французскій престолъ у него и его династіи? Князь отвѣчалъ, что ничего подобнаго не знаетъ, и думаетъ, что такіе слухи вовсе несправедливы.

Императоръ выслушалъ его съ удовольствіемъ и отпустилъ съ увѣреніемъ, что на слѣдующій же день пришлетъ генерала, для начатія переговоровъ съ союзниками.

Едва австрійскій посланный вышелъ изъ хижины, передъ Наполеономъ явился Сентъ-Эньянъ, тотъ самый дипломатъ, которому Наполеонъ поручалъ уже вести переговоры. Онъ пріѣхалъ изъ Парижа. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, заставляло его думать, что слѣдуетъ немедленно кончить войну; ибо Французы желали мира, какъ бы онъ ни былъ невыгоденъ. Сентъ-Эньянъ рѣшился дать совѣтъ, увлекаясь общимъ мнѣніемъ «Ваше Величество, сказалъ онъ, миръ будетъ все-таки выгоденъ, если его скоро заключатъ.» — Но

все-таки будетъ заключенъ преждевременно, если доставитъ намъ позоръ, отвѣчалъ Наполеонъ съ досадою.

Союзники желали выиграть время перемиріемъ и отнять у Наполеона вліяніе, которое онъ начиналъ снова пріобрѣ-

тать успѣхами оружія, но не согласились на условія, предложенныя императоромъ Французовъ.

Наполеонъ нашелся принужденнымъ продолжать войну съ большимъ напряженіемъ, предоставивъ своимъ агентамъ толковать о перемиріи въ Люзиньи, а о мирѣ въ Шатильонѣ.

Между-тѣмъ, пока Австрійцы становятся миролюбивѣе на Сенѣ и Обѣ, Прусаки производятъ грозныя движенія на Марнѣ; Блюхеръ хочетъ воспользоваться отсутствіемъ страшнаго полководца и итти на Парижъ.

Наполеонъ, находясь въ Труа, въ ночь съ 26 на 27 (съ 14 на 15) февраля, узналъ движеніе прусской арміи. Немедленно рѣшился онъ летѣть на помощь своей столицѣ, и съ быстротою, одному ему свойственной, явился въ тылу Блюхера, передъ которымъ находились корпуса Мармона и Мортье.

Но надлежало скрыть отъ Шварценберга отъѣздъ императора, и что противъ него остались только отряды Макдональда и Удино, подъ командою перваго изъ маршаловъ. Для этой цѣли, всѣми средствами старались показать, что будто бы Наполеонъ еще не уѣхалъ.

А онъ былъ уже далеко! 27 (15) числа, выѣхалъ онъ изъ Труа утромъ, провелъ ночь въ Генбиссѣ, а 28, прибылъ въ Сезаннъ, гдѣ узналъ, что Мармонъ и Мортье отступаютъ передъ Блюхеромъ, по направленію къ Мо. Тотчасъ отправился онъ въ эту сторону и перенесъ главную квартиру въ Эстрене, гдѣ ночевалъ, съ 28 февраля на 1 марта (съ 17 на 18 февраля).

Тутъ представились ему адъютанты, посланные отъ Макдональда и Удино. Они донесли, что въ день его отъѣзда Австрійцы сдѣлали нападеніе и послѣ кровавой битвы при Баръ-сюръ-одъ, узнали, что передъ ними нѣтъ ни всей арміи французской, ни самаго Наполеона. Эта вѣсть дала имъ столь смѣлости, что они отрядили генерала Біанки съ цѣлію отнять у маршала Ожеро второй городъ Франціи. Несмотря на отдѣленіе этого значительнаго отряда, Шварценбергъ и Витгенштейнъ пошли на Труа, гдѣ герцоги тарентскій и Реджіо, по малочисленности своихъ войскъ, не могли удержаться.

Наполеонъ хотѣлъ сначала остановить Прусаковъ, шедшихъ на Парижъ, а потомъ напасть на Шварценберга и уничтожить австрійскую армію.

Блюхеръ, узнавъ о прибытіи Наполеона, началъ отступать къ Суассону и истребилъ всѣ мосты на Марнѣ. Мармону и Мортье приказано преслѣдовать Прусаковъ; построили мостъ при Ферте, и армія перешла черезъ Марну 3 марта (19 февраля). Мармонъ и Мортье удачно и быстро исполнили всѣ приказанія Наполеона. Блюхеръ ретировался между двумя французскими арміями, безъ надежды на спасеніе; онъ долженъ былъ попасть подъ пушки Суассона, но оказалось, что французскій коммендантъ этой крѣпости сдалъ ее русскимъ и Прусакамъ.

Наполеонъ находился въ Фимѣ, когда узналъ о сдачѣ Суассона. Удивленіе его равнялось негодованію. Для избѣжанія подобныхъ событій и удержанія слабодушныхъ отъ подобныхъ поступковъ, онъ издалъ два декрета: однимъ повелѣно всѣмъ Французамъ приниматься за оружіе при приближеніи союзниковъ; другимъ назначалась смертная казнь всѣмъ должностнымъ лицамъ, которые остановятъ естественный порывъ гражданъ къ защитѣ.

Трактатомъ, заключеннымъ въ Шалонѣ 1 марта (17 февраля), союзныя державы обязались не прекращать войны, доколѣ Франція не войдетъ въ прежніе свои предѣлы. Скоро узналъ Наполеонъ, отъ дипломата Рюминьи, что въ Шатильонѣ это предложеніе стало непремѣннымъ условіемъ мира, безъ котораго военныя дѣйствія не могутъ быть прекращены.

Наполеонъ не хотѣлъ даже слышать о такомъ предложеніи, и шатильонскій конгрессъ кончился безъ всякихъ послѣдствій.

Послѣ сраженія при Краоннѣ, 7 марта (23 февраля), Наполеонъ пошелъ къ Лану (Laon), котораго высоты были заняты Прусаками. Блюхеръ получилъ подкрѣпленіе.

Однако жъ, Наполеонъ рѣшился напасть на Прусаковъ 10 марта (26 февраля); въ четыре часа утромъ, онъ одѣвался, какъ вдругъ къ нему привели двухъ драгунъ, которые до-

несли ему, что въ эту ночь корпусъ герцога рагузскаго былъ аттакованъ въ-расплохъ и совершенно разбитъ. Не взирая на пораженіе Мармона, Наполеонъ возобновилъ нападеніе на ланскую позицію; но скоро принужденъ былъ это оставить.

11 марта (27 февраля), выѣхалъ онъ изъ Шавиньона, провелъ слѣдующее день въ Суассонѣ, гдѣ оставилъ герцога тревизскаго, для удержанія Блюхеровой арміи, а самъ пошелъ къ Ренсу, и взялъ этотъ городъ обратно. Въ этомъ

дѣлѣ много помогъ ему Мармонъ, за что Наполеонъ и простилъ ему неудачу, случившуюся за нѣсколько дней передъ тѣмъ.

Наполеонъ остановился на три дня въ Ренсѣ, и занимался военными и гражданскими дѣлами.

Между-тѣмъ, событія быстро слѣдовали одно за другимъ: Сультъ претерпѣлъ пораженіе при Ортезѣ и отступилъ къ Тулузѣ. Ожеро едва держался въ Ліонѣ и готовился отступить за Изеру. Бордо впустилъ къ себѣ Англичанъ и ждалъ герцога ангулемскаго. Наконецъ Шварценбергъ, котораго Макдональдъ и Удино не могли удержать малыми своими отрядами, угрожалъ Парижу, гдѣ роялистскій комитетъ дѣятельно старался о возстановленіи Бурбоновъ.

Въ такой крайности, Наполеонъ чувствуетъ, что можетъ спастись только блистательною побѣдою.

Онъ хочетъ поразить Шварценберга, котораго приближеніе распространяетъ страхъ и ужасъ въ Парижѣ. Еще разъ поручаетъ онъ Мармону и Мортье охранять Парижъ отъ Блюхера, со стороны Эны и Марны, и опасаясь, что они не удержатъ многочисленнаго непріятеля, приказываетъ брату своему Іосифу, при первой опасности удалить императрицу и римскаго короля въ безопасное мѣсто; а самъ вознамѣрился идти къ рѣкѣ Обу и дать сраженіе главной арміи союзниковъ.

Оставилъ Ренсъ 17 (5) марта утромъ, 20 (8) марта, встрѣтилъ онъ, близъ Арсиса, всю армію Шварценберга. Превосходство числа было на сторонѣ союзниковъ; Наполеонъ думалъ замѣнить его искусными соображеніями и своимъ счастіемъ, и самъ сражался, какъ солдатъ. « Попавъ въ кавалерійскую аттаку, сказано въ манускриптѣ 1814, онъ спасается собственною своею шпагою, дерется въ числѣ своей свиты, и не избѣгаетъ опасностей. Граната лопнула у ногъ его, онъ исчезъ въ облакѣ дыма; всѣ думаютъ, что онъ погибъ.... но онъ вскакиваетъ, садится на другую лошадь и снова скачетъ подъ огонь баттареи! »

Австрійцы переходятъ черезъ Обь, а Наполеонъ ретируется. Въ тотъ же день, Ожеро сдаетъ Ліонъ генералу Біанки.

Не будучи въ силахъ помѣшать страшному соединенію союзныхъ армій, предпринятому по рѣшенію Императора Александра, Наполеонъ задумалъ разстроить этотъ изящный планъ, броситься въ тылъ армій и истреблять отдѣльные отряды, имѣя цѣлію вовлечь союзниковъ въ новый кругъ военныхъ дѣйствій.

Для исполненія этого плана, Наполеонъ идетъ на Сенъ-Дизье. Тамъ Коленкуръ извѣщаетъ его о совершенномъ прекращеніи переговоровъ. Эта новость была уже предвидѣна, ибо союзники не скрывали своей цѣли. Однако жъ, въ главной квартирѣ начинается ропотъ и безпрерывно усиливается.

24 (12) марта, императоръ идетъ на Дульванъ, гдѣ проводитъ весь слѣдующій день. 26 (14) онъ спѣшитъ опять въ Сенъ-Дизье, на помощь своему арріергарду, аттакованному Винценгероде, и спасаетъ его.

На канунѣ 25 (13), герцоги рагузскій и тревизскій потерпѣли совершенное пораженіе при Феръ-Шампенуазѣ. Дорога въ Парижъ открыта; союзники пойдутъ по ней безъ препятствія, и легко уничтожатъ остатки разбитыхъ отрядовъ.

Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ поскакалъ въ Парижъ. 29 (17), выѣхалъ онъ изъ Дульвана, а 30, былъ въ пяти миляхъ отъ Парижа. Перемѣняя лошадей въ Фроманто, узналъ онъ, что столица уже сдана и союзники вступятъ въ нее на слѣдующій день; роковая вѣсть остановила его и принудила ѣхать въ Фонтенбло.

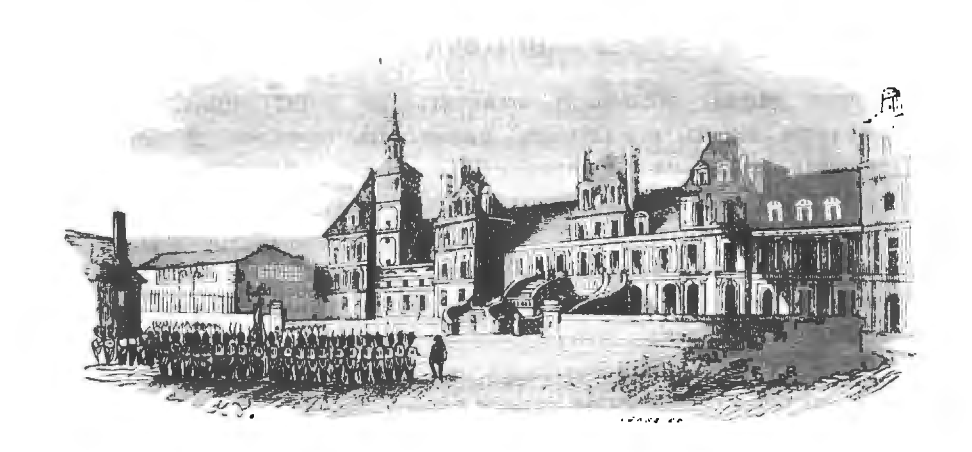
Въ тотъ же день герцоги рагузскій и тревизскій, послѣ битвы при Феръ-Шампенуазѣ, тщетно силились удержать союзниковъ. Узнавъ объ ихъ приближеніи, Іосифъ потребовалъ отъѣзда императрицы. Талейранъ, выходя изъ совѣта, сказалъ: «Теперь спасайся всякъ, какъ знаетъ!» Марія-Луиза и ея сынъ уѣхали. Отчевидцы расказываютъ, что малютка долго противился и кричалъ: «Папенька не велѣлъ мнѣ уѣзжать!» Его увезли почти силою.

Въ столицѣ готовились къ защитѣ; но поведеніе военнаго министра, герцога фельтрскаго, было такъ странно, что на-

влекло на него самыя горькія подозрѣнія. Не было оружія, не доставало снарядовъ. Однако жъ, національная гвардія, подъ начальствомъ храбраго Монсея, защищалась, какъ могла. Но защитники Парижа были не въ силахъ противустать союзнымъ арміямъ. Герцогъ рагузскій принужденъ былъ для спасенія Парижа заключить капитуляцію; 31 (19) марта 1814 года, союзники торжественно вступаютъ въ Парижъ. Тронъ Наполеона ниспроверженъ; раздаются клики, призывающіе Бурбоновъ на прародительскій престолъ Даже чиновники, обязанные, по императорскому статуту 30 марта 1805 года, защищать наполеоновскую династію, предаютъ Парижъ и имперію во власть союзныхъ монарховъ.

ГЛАВА XLVII.

Отреченіе Наполеона. Возвращеніе Бурбоновъ. Прощаніе въ Фонтенбло. Отъѣздъ на Эльбу.

Столица Франціи занята союзниками. Никто ужъ не думалъ о Наполеонѣ; только императоръ австрійскій заботился о Маріи-Луизѣ и римскомъ королѣ. Императоръ Александръ показалъ все свое великодушіе: желая только счастія Французовъ и спокойствія Европы, онъ объявляетъ, что Бурбонамъ долженъ принадлежать тронъ французскій.

2 апрѣля (21 марта), сенатъ объявилъ, что Наполеонъ и его семейство лишены престола, а вслѣдъ за тѣмъ, другимъ актомъ своимъ, призвалъ старшаго изъ Бурбоновъ на тронъ.

Пока Талейранъ, въ качествѣ президента временнаго правительства, управлялъ дѣлами, Наполеонъ находился въ Фонтенбло. Онъ былъ окруженъ вѣрною гвардіею, ко-

торая кипѣла желаніемъ отмстить за капитуляцію Парижа; но штабъ его думалъ иначе. Въ ночь со 2 на 3 апрѣля (съ 21 на 22 марта), Коленкуръ прибылъ съ извѣстіемъ, что союзные монархи не вступаютъ съ нимъ въ переговоры и желаютъ его отреченія. Такое извѣстіе сначала изумляетъ его; онъ хочетъ снова приняться за оружіе; но все кругомъ его тихо, печально, упало духомъ. Нѣтъ уже прежнихъ героевъ: это царедворцы павшей имперіи! Наполеонъ, наученный горькимъ опытомъ, рѣшается написать своею рукою слѣдующія строки:

« Союзные монархи объявили, что императоръ Наполеонъ есть единственное препятствіе къ водворенію мира въ Европѣ; императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, объявляетъ, что готовъ сойти съ трона, разстаться съ Франціею и даже съ жизнію, для блага отечества, неразлучнаго съ правами его сына, съ правами императрицы-регентши и съ сохраненіемъ законовъ имперіи.

Во дворцѣ въ Фонтенбло, 4 апрѣля 1814.

« Наполеонъ. »

Коленкуру поручили отвезти этотъ актъ въ Парижъ; при немъ послали Нея и Макдональда.

Оба маршала, съ герцогомъ виценскимъ, отправились въ Парижъ, а Наполеонъ, между-тѣмъ, узналъ, что Мармонъ бросилъ его сторону и передался побѣдителямъ. Наполеонъ издалъ къ своимъ войскамъ приказъ, въ которомъ строго порицалъ поведеніе Мармона, равно какъ и поступки сената.

Посланные Наполеона не имѣли успѣха. Союзные монархи не желали препятствовать возстановленію Бурбоновъ, и Коленкуръ возвратился къ Наполеону, съ требованіемъ новаго отреченія, которымъ уничтожались бы претензіи римскаго короля и всѣхъ членовъ наполеоновской фамиліи на тронъ французскій.

Такое предложеніе пробудило въ Наполеонѣ сильную рѣшимость продолжать войну. Онъ началъ разсчитывать, какія средства остаются у него на сѣверѣ, на югѣ, на Альпахъ и въ Испаніи; но его разсчеты, надежды, рѣшенія не возбуж-

дают ни въ комъ сочувствія; всѣ кругомъ его молчатъ и видимо не одобряютъ его намѣреній. Ему даже говорятъ о междоусобной войнѣ во Франціи. « Если уже нельзя защищать Францію, Италія дастъ мнѣ убѣжище, достойное меня! Хотите ли за мною слѣдовать?.... Пойдемъ за Альпы.!»

При этихъ словахъ, лица его сподвижниковъ становятся еще мрачнѣе. Онъ понимаетъ, что нѣтъ у него такого штаба, какой былъ при Лоди и Арколѣ; беретъ перо и отдаетъ Коленкуру актъ слѣдующаго содержанія:

« Союзные монархи объявили, что императоръ Наполеонъ есть единственное препятствіе къ водворенію мира въ Европѣ; императоръ, вѣрный своей присягѣ, объявляетъ, что отказывается за себя и дѣтей своихъ отъ троновъ

Франціи и Италіи, и что готовъ жертвовать всѣмъ, даже жизнію, для блага Франціи.»

« Наполеонъ. »

Что же будетъ теперь съ повелителемъ Франціи, когда онъ побѣжденъ и лишенъ престола? Какую участь назначить человѣку, который стоялъ такъ высоко, котораго рука можетъ еще потрясти міръ? Куда сослать его?

Союзные монархи борятся между Корфу, Корсикой и Эльбой; наконецъ рѣшаютъ въ пользу послѣдняго острова. Трактатъ долженъ обозначить судьбу всей императорской фамиліи. Наполеонъ оскорбился и сказалъ: « Зачѣмъ трактатъ, когда не хотятъ вести со мною переговоровъ о выгодахъ Франціи? » Онъ послалъ курьеровъ къ Коленкуру, требуя обратно своего отреченія, но поздно: все уже кончено.

11 апрѣля (30 марта) трактатъ подписанъ союзными монархами; на другой день, герцогъ д'Артуа торжественно въѣхалъ въ Парижъ. Онъ издалъ прокламацію, въ которой обѣщалъ уничтоженіе конскрипціи и непрямыхъ налоговъ, именно того, что отняло у Наполеона народную любовь.

Ночь, слѣдовавшая за въѣздомъ герцога д'Артуа въ Парижъ, была ознаменована въ Фонтенбло событіемъ, которое до сихъ поръ осталось не объявленною тайною. Во дворцѣ замѣтили необычайное движеніе; слуги Наполеона бросились въ его комнату и казались очень смущенными; послали за докторами, разбудили вѣрныхъ друзей, Бертрана, Коленкура и Маре. Императоръ, упрямо отказывавшій подписать трактатъ 11 апрѣля, и знавшій, что его разлучатъ съ женою и сыномъ, почувствовалъ вдругъ сильную боль въ желудкѣ, и всѣ думали, что онъ принялъ ядъ. Однако же, употреблены медицинскія средства, отъ которыхъ Наполеонъ заснулъ, и потомъ проснулся совершенно здоровый. Но особы, бывшія безотлучно при немъ, увѣряютъ, что онъ сдѣлался боленъ отъ десяти-дневнаго душевнаго волненія, и удаляютъ мысль объ отравленіи. Герцогъ Бассано, сказываютъ, подтверждалъ это же мнѣніе.

Императоръ не показалъ, что страдалъ во всю ночь; но былъ спокойнѣе, спросилъ трактатъ и подписалъ его.

Императоры россійскій и австрійскій посѣтили Марію-Луизу въ Рамбульетѣ; но она не могла ѣхать въ Фонтенбло, а принуждена была отправиться съ сыномъ въ Вѣну. Наполеонъ потерялъ все вдругъ, и благородныя наслажденія политическаго величія, и сладкія утѣшенія частной жизни. Тщетно полковникъ Кентолонъ указывалъ ему на преданность нѣкоторыхъ провинцій и совѣтовалъ еще разъ попробовать счастія войны. « Все кончено, отвѣчалъ Наполеонъ; теперь будетъ междоусобная война, а я на это никакъ не рѣшусь. » Дѣйствительно, 10 апрѣля раздался послѣдній выстрѣлъ, въ тулузской битвѣ, на которую рѣшился маршалъ Сультъ, не зная событій въ Парижѣ и Фонтенбло.

Коммиссары, назначенные союзными монархами, должны были сопровождать Наполеона до острова Эльбы. Отъѣздъ назначенъ 20 (8) апрѣля. Въ ночь отъѣзда, камердинеръ Констанъ и мамелюкъ Рустонъ, принявъ за образецъ нѣкоторыхъ маршаловъ, оставили своего повелителя.

20 числа, въ полдень, Наполеонъ явился на дворъ, называемомъ le cheval blanc, гдѣ выстроилась императорская гвардія. Увидѣвъ его, солдаты заплакали. Императоръ подалъ знакъ, что хочетъ говорить, и кругомъ воцарилось благоговѣйное молчаніе.

« Генералы, офицеры и солдаты старой моей гвардіи, сказалъ онъ, — я прощаюсь съ вами: вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я доволенъ вами; я всегда встрѣчалъ васъ на пути къ славѣ.

« Союзники вооружили противъ меня Европу; нѣкоторая часть арміи измѣнила долгу, и сама Франція захотѣла другой судьбы.

« Съ вами, и съ храбрыми, которые остались мнѣ вѣрными, я могъ бы продолжить междоусобную войну еще на три года, но Франція была бы несчастна, а это противно моей цѣли.

« Не жалѣйте обо мнѣ; я всегда буду счастливъ, когда буду знать, что вы счастливы.

« Я могъ бы умереть: нѣтъ ничего легче; но я всегда пойду на пути чести; мнѣ остается еще написать то, что мы совершили.

« Не могу поцѣловать каждаго изъ васъ; но поцѣлую вашего генерала..... Подойдите, генералъ! (Сжимаетъ его въ

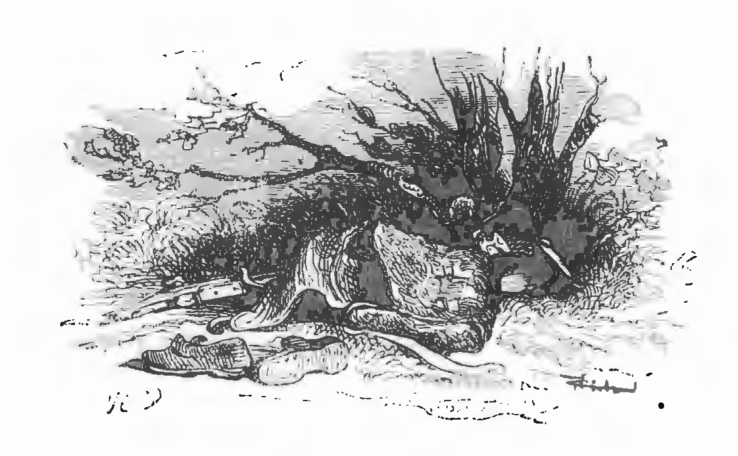

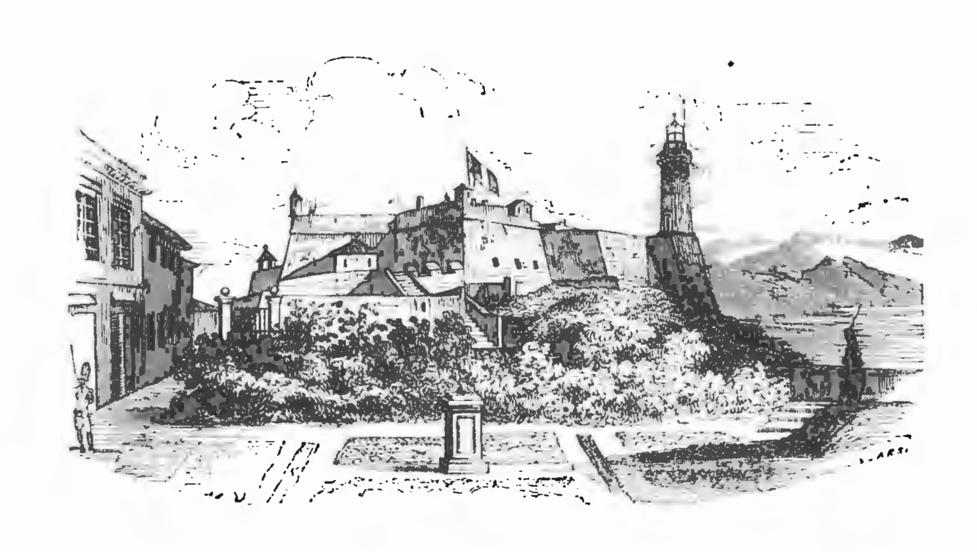
объятіяхъ.).... Подайте мнѣ орла! (цѣлуетъ его).... Драгоцѣнный орелъ! пусть поцѣлуи мои раздаются въ сердцахъ всѣхъ храбрыхъ!..... Прощайте, дѣти мои!..... Я буду всегда васъ помнить; не забудьте меня! »

Солдаты и всѣ окружающіе рыдали. Наполеонъ, глубоко тронутый, кинулся въ карету, гдѣ сидѣлъ уже генералъ Бертранъ; немедленно подали сигналъ къ отъѣзду. Наполеонъ удалился изъ Фонтенбло, въ сопровожденіи оберъ-маршала, генераловъ Друо и Канбронна и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Вездѣ, на дорогѣ, раздавались передъ его каретою крики: да здравствуетъ императоръ! Такая любовь народная его тронула и утѣшила. Тутъ онъ убѣдился, что никто не истребитъ во Франціи содѣйствованія его паденію.

Между Ліономъ и Валенсомъ, Наполеонъ встрѣтилъ маршала Ожеро, и говорилъ съ нимъ, не зная еще, что маршалъ, въ прокламаціи своей, упрекалъ его, говоря « что онъ не съумѣлъ умереть солдатомъ. » Черезъ часъ, Наполеонъ встрѣтилъ на дорогѣ нѣсколько отрядовъ изъ корпуса Ожеро, которые сказали ему громко: « Государь! маршалъ Ожеро продалъ вашу армію. »

26 (14) апрѣля, ночевалъ онъ близъ Люка и видѣлся съ принцессою Полиною; на другой день прибылъ въ Фрежюсъ и пробылъ сутки въ этомъ городѣ; въ восемь часовъ вечера, отплылъ къ острову Эльбѣ.

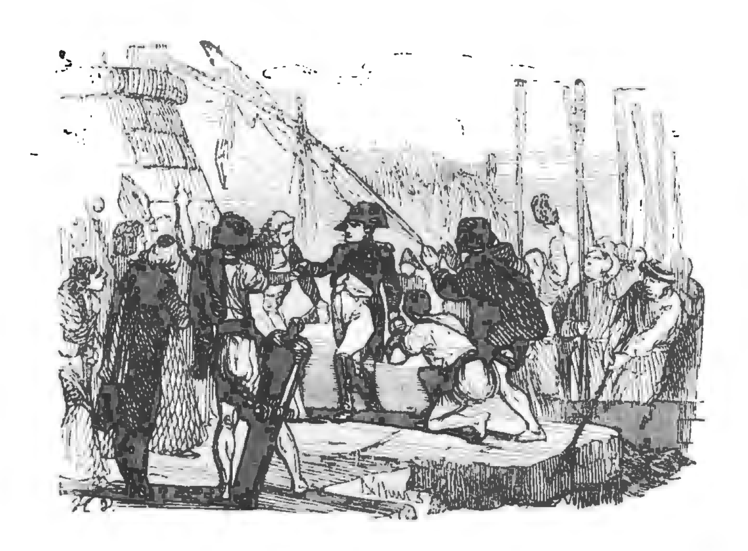

ГЛАВА XLVIII.

Пребываніе на островѣ Эльбѣ Возвращеніе во Францію. Прибытіе въ Каннъ. Походъ на Парижъ.

Какое странное стеченіе обстоятельствъ. Въ Фрежюсъ прибылъ Наполеонъ, возвращаясь изъ Египетскаго похода, сопровождаемый Мармономъ, Мюратомъ, Бертье и др.; онъ шелъ завоевывать верховную власть отъ представителей Франціи и основывать обширную и могущественную имперію. Черезъ пятнадцать лѣтъ, онъ прибылъ въ тотъ же городъ, но прибылъ съ другими надеждами, лишенный власти, побѣжденный тѣми народами, которые удивлялись его генію, отверженный тѣмъ самымъ сенатомъ, который такъ часто осыпалъ его самыми лестными похвалами, оставленный Мармономъ, Мюратомъ, Бертье и многими другими, которыхъ и называть не стоитъ.

Наполеонъ прибылъ въ Порто-Ферройо, 3 мая, въ тотъ самый день, какъ Лудовикъ XVIII въѣзжалъ въ Парижъ. Власти острова Эльбы поспѣшили поднести поздравленіе новому своему государю и явились къ нему на англійскій фрегатъ, на которомъ онъ прибылъ на слѣдующій день. Наполеонъ сошелъ на берегъ и былъ встрѣченъ сто однимъ

выстрѣломъ. Всѣ жители, съ городскимъ начальствомъ и духовенствомъ, вышли къ нему на встрѣчу.

« Императору и свитѣ его, говоритъ очевидецъ, любопытно и трогательно было видѣть простодушную радость молодыхъ жительницъ Эльбы и восторгъ этихъ рыбаковъ, которые давно уже заставляли солдатъ разсказывать про блестящіе подвиги и славныя битвы, превозносившія имя Наполеона. Его знаменитость и несчастія равно привлекали ихъ вниманіе. Спокойствіе и веселость, съ которыми императоръ распрашивалъ самыхъ незначительныхъ граждан, еще болѣе увеличивали общій восторгъ. »

Наполеонъ занялся управленіемъ острова, какъ бы намѣреваясь долго на немъ царствовать. Онъ изучалъ произведенія земли и средства промышленности, осмотрѣлъ всѣ части острова и вездѣ приготовилъ важныя улучшенія.

26 (14) мая, прибылъ Камброннъ съ солдатами старой гвардіи, пожелавшими слѣдовать за императоромъ въ изгнаніе. Черезъ нѣсколько времени, принцесса Полина и Летиція пріѣхали къ Наполеону и рѣшились не разставаться съ нимъ.

Наполеонъ нетерпѣливо ждалъ извѣстій изъ Франціи. Какъ прежде, на берегахъ Нила, жадно пробѣгалъ онъ европейскіе журналы, желая знать, не пора ли перелетѣть черезъ моря и низвергнуть директорію, такъ и теперь справляется онъ въ газетахъ или письмахъ, какъ Французы терпятъ Бурбоновъ, и какъ Бурбоны съ ними поступаютъ. Впрочемъ онъ мало заботился объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ ему газетами. « Что? хорошо ли меня ругаютъ?» спросилъ онъ однажды у генерала Бертрана, когда тотъ подавалъ ему французскія газеты. — Нѣтъ, отвѣчалъ оберъ-маршалъ, сегодня не говорятъ о вашемъ величествѣ. — « Ну, такъ будутъ говорить завтра; это перемежающаяся лихорадка; припадки эти пройдутъ. »

Скоро непостоянные Французы начали жаловаться на Бурбоновъ и говорили, что обѣщанія герцога д'Артуа не исполнены, эмигранты получали всѣ почести, а солдаты нашей арміи — одно презрѣніе. Духъ неудовольствія ходилъ по Франціи. Узнавъ о такомъ расположеніи умовъ, Наполеонъ рѣшился еще разъ попробовать счастія, и явиться въ Парижѣ. Много писали и говорили о его сношеніяхъ во Франціи и Италіи, о его корреспондентахъ и сообщеніяхъ, и непремѣнно хотѣли увѣрить, что онъ оставилъ островъ Эльбу съ помощію заговора. Нынѣ достовѣрно извѣстно, что весь заговоръ родился въ его одной головѣ, что онъ ни съ кѣмъ не совѣтовался, и что даже наканунѣ отъѣзда съ острова никто не зналъ о его намѣреніяхъ, кромѣ генараловъ Друо и Бертрана.

26 (14) февраля 1815 года, въ часъ по полудни, Наполеонъ приказалъ гвардіи своей готовиться къ отъѣзду. Сол-

даты горѣли восторгомъ и кричали: « Парижъ или смерть!»

Прокламаціею извѣстили жителей острова Ельбы объ отъѣздѣ Наполеона; сестра и мать его оставались у нихъ, подъ ихъ защитою.

Въ четыре часа вечеромъ, всѣ четыреста человѣкъ старой гвардіи находились у него на бригѣ *Непостоянный*; на пяти другихъ судахъ отправились двѣсти пѣхотинцевъ, сто конныхъ егерей и баталіонъ фланкеровъ. Въ восемь часовъ, императоръ, сопровождаемый генералами Друо и Бертраномъ, сошелъ на бригъ, и флотилія пустилась въ путь.

Противный вѣтеръ заставилъ было моряковъ воротиться, но Наполеонъ настоялъ, чтобы продолжали путь. 1 марта, въ три часа, пришли въ заливъ Жуанъ, и вышли на берегъ при Каннѣ. Всю ночь велъ онъ свое войско по направленію къ Грассу.

4 числа, прибыли они въ Динь. Тутъ приказалъ онъ напечатать прокламаціи, написанныя имъ во время плаванія. Вотъ, замѣчательнѣйшія мѣста изъ этихъ прокламацій, отличавшихся магическимъ стилемъ Наполеона.

Прокламація къ французскому народу.

« Французы! я возведенъ на престолъ вашимъ выборомъ; все, что совершено безъ васъ, противозаконно.

« Въ изгнаніи услышалъ я ваши жалобы и желанія; вы хотите избраннаго вами правленія; вы обвиняли мое успокоеніе; вы упрекали, что я моему покою жертвую благомъ отечества!

« Я переплылъ моря, не взирая на опасности; хочу вступить снова въ права мои, основанныя на вашихъ. Все сказанное, написанное или сдѣланное, со взятія Парижа, останется мнѣ на всегда неизвѣстнымъ, и не будетъ имѣть вліянія на важныя услуги, мнѣ оказанныя.

Прокламація къ арміи.

« Солдаты! мы не побѣждены! Два человѣка, вышедшіе изъ нашихъ рядовъ, измѣнили нашимъ лаврамъ, отечеству, государю и благодѣтелю своему.

« Враги наши воспользуются ли плодомъ нашихъ славныхъ трудовъ? Если ихъ царствіе продолжится, все исчезнетъ, даже память о безсмертныхъ подвигахъ.

« Вашъ полководецъ, призванный народнымъ избраніемъ на тронъ, съ вами: присоединяйтесь къ нему.

« Солдаты! становитесь подъ знамена вашего вождя. Онъ существуетъ только вами; его права суть права народа и ваши. Побѣда пойдетъ скорымъ шагомъ; орелъ полетитъ по высотамъ и сядетъ на храмѣ Парижской Божіей Матери: тогда вы станете съ честію указывать на раны, тогда можете гордиться тѣмъ, что совершили, — вы будете спасителями отечества. »

Народъ и солдаты спѣшили на призывъ знакомаго голоса, и вездѣ встрѣчали, восторженными кликами, знаменитаго изгнанника.

Наполеонъ прибылъ въ Гапъ 5 марта; его встрѣтили съ возможными почестями. Далѣе, по дорогѣ народъ выходилъ къ нему на встрѣчу; но еще не извѣстно было расположеніе арміи. Подъѣзжая къ Греноблю, Наполеонъ узналъ, что противъ него отправленъ баталіонъ пятаго линейнаго полка. Аванъ-гардъ императора встрѣтился съ этимъ отрядомъ близъ Лафрета, и не могъ увлечь его на свою сторону. Наполеонъ отправился къ своему аванъ-гарду, и одинъ сталъ передъ баталіономъ, который своимъ примѣромъ могъ имѣть вліяніе на всю армію. « Друзья мои! сказалъ онъ; вы не узнаете меня: я вашъ императоръ; если кто изъ васъ хочетъ убить своего императора, своего полководца, вотъ грудь моя! » При послѣднихъ словахъ онъ раскрылъ грудь, офицеры хотѣли командовать, но весь баталіонъ закричалъ: Да здравствуетъ императоръ! Въ одну минуту всѣ солдаты смѣшались и братскими поцѣлуями скрѣпили новый союзъ. Конные егеря преслѣдовали офицера, который спасеніемъ своимъ обязанъ быстротѣ своей лошади.

Императоръ продолжалъ путь къ Греноблю, посреди толпы, ежеминутно возраставшей. Прибывъ въ Визиль, Наполеонъ убѣдился, что восторгъ жителей дофинской провинціи не уменьшается; прокламаціи его были принимаемы съ радостными кликами. Народъ кричалъ:

« Здѣсь Франція видитъ зарю своей чести и независимости. »

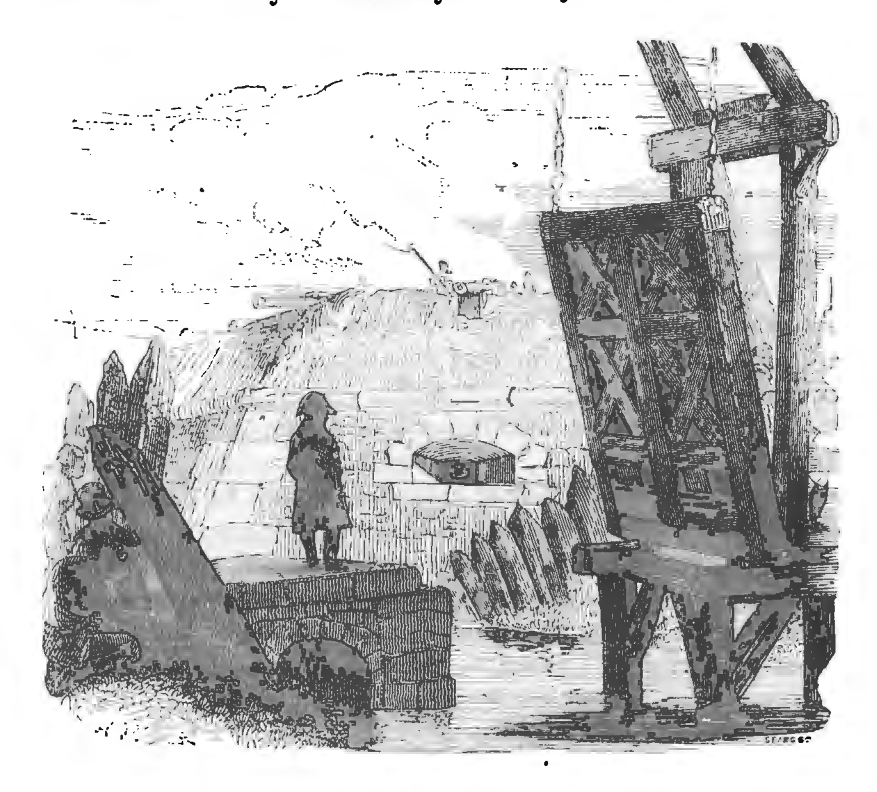

Пока императоръ предавался радости, видя, какъ Дижонцы торжествуютъ его возвращеніе, къ нему явился офицеръ 7 линейнаго полка съ извѣстіемъ, что весь полкъ идетъ скорымъ маршемъ на встрѣчу героя Франціи. Во всѣхъ случаяхъ своей жизни Наполеонъ всегда, по наружности, оставался спокойнымъ; но теперь лице его оживилось глубокимъ выраженіемъ удовольствія: онъ чувствуетъ, что это событіе приведетъ его въ Тюильри безъ кровопролитія. Выразивъ офицеру чувства свои къ 7 полку и къ его полковнику, Наполеонъ пришпорилъ лошадь и поскакалъ впередъ, какъ будто уже видитъ парижскія ворота на карусельной площади. Вскорѣ раздались крики 7 полка, смѣшивавшіеся съ восклицаніями толпы. Впереди всѣхъ шелъ полковникъ, высокій и красивый мужчина. Его пылкій характеръ, доброе сердце, рыцарскія привычки доставили ему полную власть надъ солдатами и офицерами. Онъ вышелъ изъ Гренобля въ три часа послѣ обѣда (7 марта н. ст.), въ нѣскол-

кихъ шагахъ отъ города приказалъ прекратить барабанный бой, разбилъ одинъ барабанъ, вынулъ изъ него орла, и показывая его солдатамъ, сказалъ: « Вотъ славное знамя, за которымъ вы шли въ дни безсмертные! Тотъ, кто такъ часто водилъ васъ къ побѣдѣ, идетъ къ намъ, желая отмстить за наше униженіе, за наши бѣдствія! Пора летѣть подъ его знамена, которыя не переставали быть нашими. Кто меня любитъ, тотъ да идетъ за мною! Да здравствуетъ императоръ! » Солдаты, съ трудомъ удерживавшіе восторгъ въ то время, пока говорилъ полковникъ, всѣ разомъ повторили: Да здравствуетъ императоръ! въ упоеніи неописанной радости. Густая толпа людей всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, послѣдовала за ними на встрѣчу къ герою, который олицетворялъ собою народную французскую славу. Нетерпѣніе, равное съ обѣихъ сторонъ, сократило путь. Уже восклицанія и тѣхъ и другихъ смѣшиваются и сливаются. Военные товарищи, разлученные событіями 1814 года, соединились и обнимаются при кликахъ: Да здравствуетъ гвардія, да здравствуетъ 7 полкъ, да здравствуетъ императоръ! Жители Гренобля, шедшіе за 7 полкомъ, соединяютъ радость свою съ восторгомъ горцевъ, которые сошли съ утесовъ, составляя свиту Наполеона. Между-тѣмъ, красивый и безстрашный полковникъ 7 полка, благородный и рѣшительный Лабедоеръ, пробрался сквозь толпу и бросился въ объятія Наполеона. Императоръ прижалъ его къ сердцу и сказалъ ему съ чувствомъ: « Полковникъ! вы возвращаете мнѣ тронъ! »

Ночью императоръ прибылъ къ стѣнамъ Гренобля. Присутствіе его было замѣчено жителями и гарнизонами, по необыкновенному движенію около него, замѣтному даже въ темнотѣ. Жители и солдаты, обманувъ осторожность коменданта, который приказалъ запереть ворота и взялъ къ себѣ ключи, перелѣзали черезъ стѣны и спѣшили на встрѣчу къ свитѣ героя. Внезапно послышался въ крѣпости звукъ оружія; всѣ думали, что артиллеристы хотятъ начать пальбу, и толпа спѣшила искать убѣжища отъ картечи въ сосѣднихъ домахъ. Наполеонъ, неспособный къ страху, стоялъ неподвижно на мосту противъ баттареи; его спокойствіе имѣло вліяніе на духъ толпы. « Императоръ не бережетъ жизни,

сказалъ одинъ изъ гражданъ; станемъ ли мы бояться за свою?» и бросился къ безстрашному воину, который уже пріучилъ многихъ къ пушечному грому. Этотъ примѣръ привелъ опять толпу къ великому человѣку.

Наполеонъ желалъ знать, какого рода движеніе происходило въ крѣпости. Онъ позвалъ Лабедоера и велѣлъ ему поговорить съ артиллеристами. Полковникъ поднялся на возвышеніе и громкимъ голосомъ сказалъ: «Солдаты, мы привели къ вамъ героя, за которымъ вы такъ часто слѣдовали въ битвахъ; примите его и повторите съ нами прежнее восклицаніе побѣдителей Европы: Да здравствуетъ императоръ!» Канонеры, которыхъ удерживала только дисциплина, не замедлили отвѣтомъ. — «Да здравствуетъ императоръ!» закричали они въ одинъ голосъ; всѣ, окружавшіе ихъ, военные и граждане, повторили то же восклицаніе.

Среди всеобщаго восторга внѣ и внутри города, Наполеонъ съ нетерпѣніемъ видѣлъ, что ворота не отворяются. Работники, жившіе въ предмѣстіяхъ, и желавшіе видѣть скорѣе императора внутри Гренобля, принесли балки. Скоро бонскія ворота развалились подъ ударами этихъ новыхъ военныхъ орудій, изобрѣтенныхъ усердіемъ рабочаго класса народа; осажденные такъ громко привѣтствовали императора, что осаждающіе едва могли подражать имъ.

« Ни въ какой битвѣ не предстояло Наполеону такой опасности, какъ при вступленіи въ Гренобль (говоритъ Ласказъ); солдаты бросились на него съ бѣшенствомъ; думали, что его разорвутъ; но это было упоеніе любви и радости; его подняли на воздухъ вмѣстѣ съ лошадью. »

Прежнія прокламаціи перепечатаны снова въ Греноблѣ и распущены по окрестностямъ, въ большомъ количествѣ. Императоръ пробылъ въ Греноблѣ два дня. Онъ дѣлалъ смотръ войскамъ и національной гвардіи, принималъ поздравленія властей, академій и духовенства.

На смотру, Наполеонъ былъ въ маленькой своей шляпѣ и въ знаменитомъ сѣромъ сюртукѣ; онъ подошелъ къ артиллеристамъ 4 полка и сказалъ: « Между вами началъ я учиться военному дѣлу; люблю всѣхъ васъ, какъ старыхъ товарищей; слѣдилъ за вами на поляхъ битвы, и всегда былъ вами доволенъ; но надѣюсь, что не будемъ нуждаться въ вашихъ пушкахъ. »

Наполеонъ выѣхалъ изъ Гренобля 9 марта, и на слѣдующій день прибылъ въ Ліонъ, въ ту самую минуту, когда герцогъ д'Артуа, всѣми оставленный, выѣзжалъ изъ города въ сопровожденіи одного королевскаго волонтера. Императоръ приказалъ дать благородному слугѣ своихъ враговъ крестъ Почетнаго Легіона, въ награду за его вѣрность.

Убѣдившись, въ предположеніяхъ своихъ касательно демократіи и общаго мнѣнія, Наполеонъ почелъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько уступокъ либеральнымъ идеямъ; онъ чувствовалъ, что либералы помогутъ ему достигнуть Парижа, столько же, сколько и солдаты. Съ этою цѣлію, издалъ онъ, 13 (1) марта, нѣсколько декретовъ, уничтожавшихъ королевскія повелѣнія, противныя революціонно-

му духу, и далъ силу прежнимъ законамъ, которыми уничтожены были права древняго дворянства и рыцарскіе ордена. Послѣднимъ декретомъ приказано распустить палату перовъ и палату депутатовъ и созвать всѣ избирательныя коллегіи имперія въ Парижъ, на сеймъ, для ревизіи императорскихъ учрежденій.

Императоръ поѣхалъ въ Бургундію, гдѣ его ожидалъ народъ съ нетерпѣніемъ, не уступавшимъ восторгу жителей провинціи Дофине. Пока онъ проѣзжаетъ черезъ Францію, среди всеобщихъ восклицаній и напутствуемый благословеніями гражданъ, Бурбоны назначаютъ денежную награду за его голову, а вѣнскій конгрессъ созываетъ всю Европу противъ него. Въ подкрѣпленіе этихъ чрезвычайныхъ мѣръ, французскіе и иностранные журналы возбуждаютъ гнѣвъ и досаду въ роялистахъ и древней аристократіи, и называютъ Наполеона жалкимъ бѣглецомъ, котораго скоро постигнетъ наказаніе со всею его шайкою. Эти оскорбленія не мѣшаютъ Наполеону приближаться къ Парижу, хотя газеты увѣряютъ, что онъ ежедневно отступаетъ передъ принцами королевскаго дома. 13 (1) марта, онъ почевалъ въ Маконѣ, въ то время, когда маршалъ Ней принялъ его сторону и издалъ прокламацію, которая начиналась слѣдующими словами: « Дѣло Бурбоновъ на всегда потеряно! » 14 (2) числа, онъ прибылъ въ Шалонъ и благодарилъ жителей за то, что они храбро защищались въ послѣднюю войну противъ союзниковъ. Онъ хотѣлъ повторить тѣ же похвалы жителямъ города Сенъ-Жанъ-Делонъ, но не былъ тамъ, и послалъ меру этого города крестъ Почетнаго Легіона. При этомъ случаѣ, онъ сказалъ поселянамъ и рабочимъ, составлявшимъ большую часть его провожатыхъ: « Для васъ, добрые люди, учредилъ я Почетный Легіонъ, а не для эмигрантовъ, получающихъ пенсіи отъ враговъ нашихъ! »

15 (3) марта, Наполеонъ выѣхалъ въ Отюнъ, при радостныхъ восклицаніяхъ. Въ этотъ день, палаты, учрежденныя хартіею Лудовика XVIII, собрались въ Парижѣ на основаніи чрезвычайнаго повелѣнія, изданнаго по случаю появленія Наполеона въ предѣлахъ Франціи. Лудовикъ XVIII и принцы королевскаго дома, пораженные ужасомъ при вѣсти о появле-

нія Наполеона, рѣшились возобновить присягу хартіи. Это торжественное дѣйствіе не доставило имъ довѣренности конституціонныхъ роялистовъ, которые замѣтили уже склонность короля къ прежнему порядку.

Императоръ продолжалъ быстрый походъ къ Парижу, несмотря на военныя мѣры, газетные крики и убійственныя приказанія, которыми думали остановить его торжественное шествіе. 17 (5) марта, вступилъ онъ въ Ожеръ, куда вышелъ къ нему на встрѣчу 14 линейный полкъ изъ Орлеана. Этотъ полкъ храбро дрался въ Испаніи, и не получилъ почти никакихъ наградъ, соразмѣрныхъ съ его заслугами. Императоръ раздалъ кресты офицерамъ и солдатамъ, которые были признаны отличнѣйшими.

Въ Ожерѣ маршалъ Ней встрѣтился съ императоромъ.

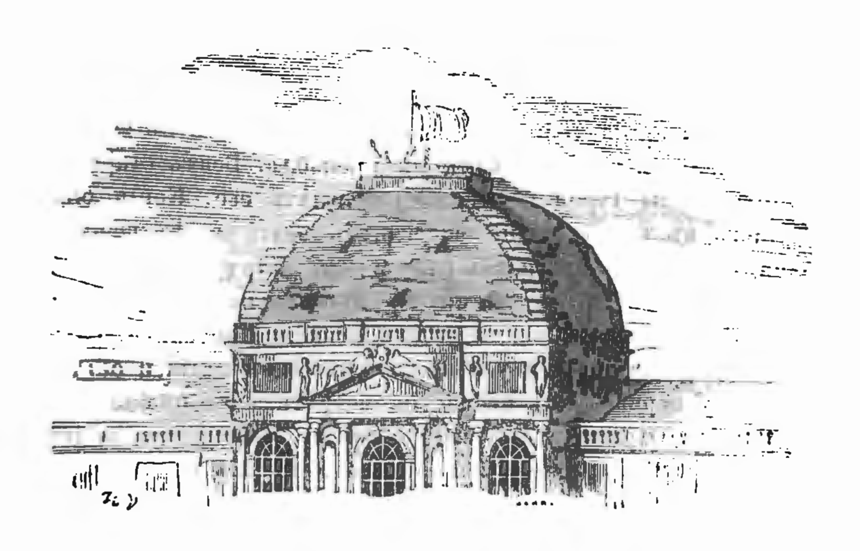

Храбрый маршалъ довершилъ дѣло, начатое Лабедоеромъ. Присутствіе его удовлетворило всѣмъ желаніямъ и надеждамъ Наполеона.

Правительство короля находилось между-тѣмъ въ крайнемъ положеніи. Оно просило у палатъ чрезвычайныхъ распоряженій, для своего спасенія, унизило гордость вельможъ до того, что принудило ихъ являться въ казармы и ласкать солдатъ. Но всѣ эти усилія были тщетны: палаты не имѣли власти надъ народомъ, а принцъ надъ солдатами. Ничто не могло задержать, остановить Наполеона.

19 (7) марта, выѣхалъ онъ изъ Ожера и прибылъ въ Фонтенбло, 20 (8), въ четыре часа утромъ. Въ ту же ночь Лудовикъ XVIII оставилъ Парижъ и отправился за бельгійскую границу. Императоръ торжественно проѣхалъ отъ южныхъ береговъ Франціи до Парижа; король тихо, тайно доѣхалъ до Гента.

ГЛАВА XLIX.

Сто дней.

Фонтенбло, 20 апрѣля 1814 года, видѣлъ, какъ павшій императоръ, оставленный прежними товарищами, разлучался съ своею гвардіею, отправляясь въ изгнаніе на островъ Эльбу: 20 марта 1815 года, Фонтенбло опять видитъ Наполеона, среди его гвардіи, окруженнаго священнымъ отрядомъ (*), преслѣдуемаго восклицаніями народа и войска, готоваго ѣхать въ столицу для принятія вновь кормила правленія, вторично ввѣряемаго ему народомъ.

Императоръ прибылъ къ воротамъ Парижа вечеромъ. Трехцвѣтное знамя развѣвалось на тюильрійскомъ дворцѣ съ двухъ часовъ: оно было выставлено храбрымъ Энгельманомъ.

(*) Этотъ баталіонъ составился на дорогѣ, изъ отставныхъ офицеровъ, спѣшившихъ на встрѣчу Наполеону.

Народъ и армія толпились около Наполеона, и съ жадностію бросались на него, какъ въ Греноблѣ. Всякъ старался посмотрѣть на героя поближе, разглядѣть его. Когда онъ вступилъ въ тюильрійскій дворецъ, въ девять часовъ вечера, толпа офицеровъ бросилась къ нему на встрѣчу, съ такимъ участіемъ и восторгомъ, что онъ принужденнымъ нашелся сказать имъ: «Господа! вы задушите меня!» Монталиве, служившій ему преданно и удачно во время его счастія и оставшійся ему вѣрнымъ въ несчастіи, встрѣтилъ его на большой лѣстницѣ и принялъ въ свои объятія. Императора почти несли на рукахъ до его аппартаментовъ, гдѣ его ожидала королева Гортенсія съ большимъ числомъ прежнихъ сановниковъ имперіи.

Священный отрядъ расположился бивуакомъ на карусельной площади и содержалъ караулъ во дворцѣ, вмѣстѣ съ національною гвардіею.

На другой день, императоръ дѣлалъ смотръ всѣмъ войскамъ, находившимся тогда въ Парижѣ.

« Воины! сказалъ онъ, я возвратился во Францію съ девятью стами человѣкъ, потому что надѣялся на любовь народа и на воспоминанія старыхъ солдатовъ. Я не обманулся въ ожиданіи. Воины! благодарю васъ. Слава всего, что теперь совершилось, принадлежитъ народу и вамъ! Моя состоитъ только въ томъ, что я васъ узналъ и оцѣнилъ.

« Тронъ Бурбоновъ былъ незаконенъ, ибо возстановленъ не родными руками, ибо уничтоженъ народною волею, выраженною всѣми нашими народными собраніями; наконецъ, онъ обезпечивалъ выгоды только малаго числа людей гордыхъ, коихъ требованія противны нашимъ правамъ. Воины! только императорскій тронъ можетъ обезпечить права народа, и особенно самое важное изъ благъ, нашу славу!

« Воины! Мы пойдемъ на князей, приведшихъ къ намъ чужестранцевъ; народъ не только поможетъ намъ желаніями, но и послѣдуетъ нашему влеченію. Народъ французскій и я, надѣемся на васъ. Не хотимъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ націй; но бѣда тому, кто вмѣшается въ наши! »

Солдаты встрѣтили эту рѣчь Наполеона съ тѣмъ же восторгомъ, съ какимъ обыкновенно слушали слова его; воздухъ дрожалъ отъ восклицаній: Да здравствуетъ императоръ! Въ эту минуту показался баталіонъ острова Эльбы, подъ начальствомъ Канбронна, который не могъ прибыть въ Парижъ въ одно время съ Наполеономъ.

Увидѣвъ его, Наполеонъ сказалъ: « Вотъ офицеръ того баталіона, который сопровождалъ меня въ несчастіи. Всѣ они друзья мои. Они были драгоцѣнны моему сердцу; когда я ихъ видѣлъ, они представляли мнѣ различные полки моей арміи: между этими шестью стами храбрецами есть воины всѣхъ полковъ. Всѣ они напоминали мнѣ о тѣхъ великихъ дняхъ, которыхъ память такъ драгоцѣнна; всѣ они покрыты честными ранами, полученными въ знаменитыхъ битвахъ! Любя ихъ, я любилъ всѣхъ васъ, воины французской арміи! Они несутъ къ вамъ орловъ! Да послужатъ они вамъ точкою соединенія! Отдавая ихъ гвардіи, отдаю ихъ всей арміи.

« Измѣна и несчастныя обстоятельства покрыли ихъ покрываломъ печали; но, благодаря французскому народу и вамъ, онѣ являются въ полномъ блескѣ своей славы. Клянитесь, то они будутъ вездѣ, куда призоветъ ихъ благо отечества! Измѣнники да не выдержать ихъ взгляда! »

Солдаты единогласно отвѣчали: « Клянемся! » Наполеонъ, казалось, возвращался ко временамъ консульства: Несчастіе и Бурбоны помирили его съ демократіею, которая не разъ испытала его немилость во время имперіи. Желая яснѣе показать это примиреніе, онъ поручилъ министерство внутреннихъ дѣлъ извѣстному Карно, а Бенжаменъ-Констану приказалъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. Этимъ онъ признавалъ власть общаго мнѣнія и уступалъ либеральному влеченію, которое выражалось въ этихъ двухъ мужахъ, въ двухъ различныхъ оттѣнкахъ. Императоръ откровенно объяснилъ Бенжаменъ-Констану новую политику, которой хотѣлъ слѣдовать. Не принимая всѣхъ конституціонныхъ идей и не покровительствуя вполнѣ демократическимъ воспоминаніямъ, которыя снова возвели его на тронъ, онъ объявилъ, что имѣетъ намѣреніе исполнить нѣкоторыя изъ требованій народа, и пойдетъ по пути, куда устремились современные умы. Вотъ нѣкоторыя изъ его словъ, произнесенныхъ при этомъ случаѣ; они переданы знаменитымъ публицистомъ, которому были сказаны.

« Нація, говорилъ онъ, отдыхала въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ отъ всѣхъ политическихъ волненій, и вотъ уже годъ, какъ отдыхаетъ отъ войны; двойной отдыхъ заставляетъ ее нуждаться въ дѣятельности. Она хочетъ, или думаетъ, что хочетъ рѣчей и собраній, но не всегда хотѣла ихъ. Она бросилась къ моимъ ногамъ, когда я принялъ бразды правленія; вы должны объ этомъ помнить, потому что вы пробовали составить оппозицію. Кажется, возвращается охота къ конституціямъ, преніямъ, рѣчамъ..... Однако жъ, не ошибитесь, и знайте, что этого хочетъ меньшая часть гражданъ. Народъ, или, пожалуй, большинство хочетъ только меня. Видѣли ль вы, какъ толпа спѣшила по моимъ слѣдамъ, бѣжала съ горъ, звала, искала, привѣтствовала меня? Со времени моего возвращенія, я ничего не завоевалъ,

я только управлялъ..... Говорили, что я императоръ солдатовъ, но я также императоръ земледѣльцевъ, плебеянъ Франціи.... За то, несмотря на прошедшее, народъ возвращается ко мнѣ: между нами есть симпатія. Я подамъ знакъ, или только отверну голову, и аристократы будутъ избиты во всѣхъ провинціяхъ..... но я не хочу быть королемъ одной партіи. Если есть средства управлять съ новыми политическими учрежденіями, я готовъ..... Я хотѣлъ завоевать міръ, и мнѣ для этого нужна была безпредѣльная власть. Для управленія одною Франціею, можетъ быть, ваши новыя постановленія лучше.... Скажите же, что кажется вамъ возможнымъ. Передайте мнѣ ваши идеи. Свободные выборы? публичныя пренія? отвѣтственные министры? На все это я согласенъ. Я сынъ народа: и всего хочу, чего онъ хочетъ; готовъ слушать его волю, исполнять даже его капризы. Я никогда не хотѣлъ угнетать его для моего удовольствія; я имѣлъ великія намѣренія; рокъ рѣшилъ иначе: я ужъ не завоеватель, не могу быть завоевателемъ. Знаю, что возможно и что недостижимо; у меня теперь одно дѣло: поднять Францію и дать ей правленіе, какое ей прилично.... Пятнадцатилѣтній трудъ разрушенъ; нельзя начать его снова. Для этого нужно двадцать лѣтъ и два милліона людей въ жертву.... Притомъ же, я хочу мира, и добуду его только побѣдами. Не хочу обольщать васъ ложными надеждами: я позволю говорить, что идутъ переговоры, но ихъ нѣтъ. Предвижу долгую войну, трудную борьбу. Могу выдержать ее, если нація дастъ мнѣ помощь; и за то я на все соглашусь.... Положеніе ново; я прошу совѣтовъ. Я состарѣлся; въ сорокъ пять лѣтъ, человѣкъ не то, что былъ въ тридцать.... Спокойствіе конституціоннаго короля будетъ мнѣ прилично.... и еще приличнѣе моему сыну. »

Отвѣты императора разнымъ властямъ, которыя являлись къ нему съ поздравленіями, носили на себѣ отпечатокъ этого новаго образа мыслей. — « Все націи и все для Франціи, говорилъ онъ своимъ министрамъ, вотъ мой девизъ. » Декретомъ 24 (12) марта, уничтожилъ онъ цензуру и дирекцію книжной торговли. Мѣра эта возбудила ропотъ многихъ приближенныхъ къ нему особъ. « Точно, господа, сказалъ

онъ имъ, это до васъ касается, а мнѣ бояться нечего. — Бьюсь объ закладъ, что не напечатаютъ ничего хуже того, что печатали противъ меня въ продолженіе цѣлаго года. »

Между-тѣмъ, герцогъ и герцогиня ангулемскіе пытались возмутить южныя провинціи въ пользу короля. Герцогиня ангулемская оказала въ Бордо столько дѣятельности, неустрашимости и постоянства, что Наполеонъ сказалъ про нее: « Она одна — мужъ во всемъ королевскомъ семействѣ. » Но ея усилія не могли ничего противъ силы событій; генералъ Клозель принудилъ ее удалиться изъ Бордо и искать спасенія и спокойствія на чужбинѣ.

Герцогъ ангулемскій попался въ руки генерала Жилли, при Лаполюдѣ, и находился плѣннымъ въ Понъ-Сенъ-Эспри, во власти императора. Друзья Бурбоновъ съ ужасомъ ждали, чѣмъ Наполеонъ рѣшитъ участь герцога. Свѣжее воспоминаніе о повелѣніи, которымъ Наполеонъ былъ поставленъ *внѣ закона*, внушало роялистамъ мысль, что Наполеонъ захочетъ отмстить за себя. Императоръ передалъ волю свою генералу Груши, экстраординарному коммиссару въ южныхъ провинціяхъ, письмомъ, которое дозволяло герцогу искать спасенія въ чужихъ краяхъ, и дѣйствовать тамъ противъ Наполеона.

Между-тѣмъ, весьма важное событіе совершалось за Альпами. Мюратъ, опасаясь неблагопріятныхъ для себя послѣдствій отъ вѣнскаго конгреса, пытался возмутить Италію противъ Австріи. Онъ увѣрялъ, что всѣ оказываютъ ему неблагодарность, забывая, что самъ былъ въ высшей степени неблагодаренъ къ Наполеону и Франціи. Это возстаніе заставило многихъ государей думать, что Наполеонъ, до отправленія съ острова Эльбы, примирился съ своимъ зятемъ, и что они вмѣстѣ задумали свои попытки. Вслѣдствіе этого событія, союзники еще болѣе рѣшились: положить оружіе только въ такомъ случаѣ, когда Наполеонъ будетъ принужденъ оставить Францію, а на французскій престолъ возсядутъ опять Бурбоны. Такое неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ заставило Наполеона сказать въ своихъ Запискахъ: — «Два раза подвергаясь странному круженію головы, король неаполитанскій два раза былъ причиною моихъ несчастій:

въ 1814 году, объявивъ себя противъ Франціи, въ 1815 году, объявивъ себя противъ Австріи. »

Наполеонъ всѣми силами старался отдѣлить Австрію отъ союзныхъ монарховъ; но усилія его не имѣли желанныхъ послѣдствій. Онъ съ такимъ же рвеніемъ искалъ мира, но самъ зналъ, что миръ невозможенъ, пока онъ на французскомъ престолѣ. Слѣдовало спѣшить приготовленіями къ войнѣ.

Хотя Франція удивлялась Наполеону и еще любила его, однако жъ, всѣ Французы безъ изъятія желали отдохнуть отъ войны и успокоиться въ мирѣ. Народъ французскій рѣшался на новыя пожертвованія, для поддержанія своей чести, славы и независимости; но съ безпокойствомъ смотрѣлъ на военныя приготовленія, и ласкалъ себя надеждою, что скоро австрійскій императоръ протянетъ къ Наполеону руку мира, особенно, когда Наполеонъ объявилъ, что Марія-Луиза и римскій король будутъ присутствовать на сеймѣ народномъ. Непріязненныя дипломатическія сношенія со всѣми европейскими дворами, и особенно съ вѣнскимъ, разрушили надежду множества патріотовъ, которые не безъ тяжкаго предчувствія видѣли, что Франціи снова придется идти противъ всей Европы. Всѣ были бъ счастливы и довольны, если бъ могли пользоваться плодами мира и свободы, подъ скиптромъ героя, который подарилъ Франціи такъ много славы. Но миръ былъ невозможенъ; надежды на свободу тоже разрушились.

22 (10) апрѣля, Наполеонъ обнародовалъ добавочный актъ къ постановленіямъ имперіи. Не дожидаясь рѣшеній новаго конституціоннаго собранія, созваннаго декретомъ 12 (1) марта, онъ самъ, одинъ, принялъ на себя трудъ пересмотрѣть конституціонныя учрежденія, и чтобы избавиться отъ безпокойныхъ преній, заставилъ безчисленныхъ избирателей, собравшихся на сеймъ, считать только голоса въ пользу новаго закона. Народу предложили одобрить, какъ во времена консульства и имперіи, слѣдующій актъ, разосланный по всѣмъ городскимъ управленіямъ Франціи:

« Ст. 1-я. Учрежденія имперіи, а именно: дополнительный актъ 23 фримера 8 года, сенатскіе приговоры 14 и 16 термидора 10 года и 28 флореала 12 года, измѣняются ниже-

слѣдующими распоряженіями; всѣ прочія ихъ статьи остаются въ полной силѣ.

« Ст. 2-я. Законодательная власть принадлежитъ императору и двумъ палатамъ.

« Ст. 3-я Первая палата, называемая палатою перовъ, есть *наслѣдственная*.

« Ст. 4-я. Императоръ назначаетъ ея членовъ, кои не могутъ быть перемѣняемы; достоинство сіе переходитъ къ старшему сыну, по прямой линіи. Число перовъ не ограничено, и пр. и пр. »

Безполезно выписывать прочія статьи этого акта. Въ награду за любовь, съ которою народъ помогъ Наполеону снова овладѣть престоломъ, онъ даетъ ему наслѣдственныхъ законодателей. Императорскіе статуты 1806 года предоставляли рожденію одни титулы и званія; добавочный актъ распространилъ права рожденія далѣе. Карно всѣми силами старался отклонить Наполеона отъ изданія этого акта и отъ учрежденія наслѣдственной палаты перовъ; но совѣты его не были приняты. Наполеонъ желалъ установить свою династію на прочномъ основаніи.

Наполеонъ надѣялся, что Французы, по извѣстному своему отвращенію къ прежнему порядку вещей, примутъ единодушно его актъ, въ которомъ онъ вставилъ особенную статью, уничтожавшую феодальныя права, древнее дворянство, и отдалявшую Бурбоновъ отъ трона. Дѣйствительно, голоса оказались въ пользу этого неудачнаго дополненія къ учрежденіямъ имперіи, но общее мнѣніе подверглось непріятному впечатлѣнію, и народный восторгъ, бывшій всеобщимъ и пламеннымъ въ мартѣ мѣсяцѣ, замѣтно охладился въ то время, когда готовились къ сейму.

Между-тѣмъ, въ имперіи составились патріотическія общества, для поддержанія народнаго духа и защиты родной земли. Въ Парижѣ явились федераты города и предмѣстій. Федераты предмѣстій Сенъ-Марсо и Сенъ-Антуанъ представились къ императору, предложили ему свою жизнь, просили оружія и говорили ему въ такихъ выраженіяхъ, какихъ онъ не снесъ бы въ прежнее время; но со времени возвращенія съ острова Эльбы, онъ ко всему приготовился. Онъ долженъ,

по необходимости, уступать всѣмъ требованіямъ своего положенія, и потому отвѣчаетъ федератамъ, предлагающимъ свои услуги:

« Воины-федераты!

« Я возвратился одинъ, потому что надѣялся на городскихъ жителей, на поселянъ и на солдатъ арміи, коихъ преданность къ народной чести я зналъ. Всѣ вы оправдали мое довѣріе. Принимаю предложеніе ваше. Дамъ вамъ оружіе, дамъ и опытныхъ офицеровъ, покрытыхъ честными ранами, для руководства вами; они привыкли видѣть бѣгущаго отъ нихъ непріятеля.

« Воины-федераты! Если въ высшихъ классахъ общества нашлись люди, обезчестившіе имя Француза — любовь къ отечеству и чувство народной чести въ цѣлости сохранились въ жителяхъ городовъ, земледѣльцахъ и солдатахъ арміи. Радуюсь, что видѣлъ васъ. Довѣряю вамъ. Да здравствуетъ народъ французскій! »

Избиратели, собравшіеся въ Парижѣ, разобравъ голоса о дополнительномъ актѣ, составили центральную депутацію,

которая представила императору, на сеймѣ, результатъ балотировки. Мильонъ триста тысячъ гражданъ одобрили актъ,

только четыре тысячи положили черные шары. Наполеонъ отвѣчалъ президенту депутаціи рѣчью, которая одна только замѣчательна въ этотъ день, сначала объявленный эпохою возрожденія, а потомъ низведенный до самаго простаго дѣла, до ничтожнаго счета голосовъ.

« Господа! сказалъ Наполеонъ, будучи императоромъ, консуломъ, солдатомъ, я всѣмъ обязанъ народу. Въ счастіи, въ бѣдствіи, на поляхъ битвы, въ совѣтѣ, на престолѣ, въ изгнаніи, Франція была единственнымъ и постояннымъ предметомъ моихъ мыслей и дѣйствій.

« Возвратившись къ департаменты, скажите своимъ согражданамъ, что обстоятельства значительны! Съ помощію согласія, энергіи и постоянства, мы выйдемъ побѣдителями изъ борьбы великаго народа съ чужеземцами; будущія поколѣнія строго разберутъ наше поведеніе; нація всего лишится, если потеряетъ независимость. Скажите, что чуждые короли, которыхъ я возвелъ на тронъ или которымъ оставилъ корону, которые во времена моего счастія искали моего союза и покровительства французскаго народа, теперь направляютъ удары на меня: если бъ я не зналъ, что они дѣйствуютъ противъ моего отечества, я предалъ бы имъ жизнь, на которую они посягаютъ. Скажите также согражданамъ, что враги наши будутъ безсильны, пока Французы сохранятъ ко мнѣ тѣ чувства любви, которыя они мнѣ столько разъ доказали.

« Французы! воля моя — воля народа; права мои — его права; моя честь, слава, мое счастіе — не иное что, какъ честь, слава и счастіе Франціи. »

Наполеонъ былъ силенъ, когда становился такимъ образомъ на народную точку зрѣнія. Слова его имѣли тогда силу истины, глубоко чувствованной. Съ любовію всѣ видѣли, какъ онъ соединялъ честь и славу свою съ честію и славою Франціи; онъ выражалъ мысль всѣхъ Французовъ; уста его произносили правду, въ которой не сомнѣвался ни одинъ Французъ.

Онъ занимался уже не одною своею народностію; открывалось передъ нимъ конституціонное поприще, но не для него былъ созданъ Наполеонъ. Однако жъ, онъ старался дать

слово своему, привыкшему выражать приговоры безграничной воли, характеръ, приличный и соотвѣтственный парламентскимъ требованіямъ.

4 іюня, лично открылъ онъ палаты рѣчью, въ которой просилъ у нихъ пособія « для доставленія торжества святому дѣлу народа. »

Наполеонъ не могъ ничего опасаться отъ палаты перовъ; онъ самъ ее составилъ; но палата депутатовъ, выбранная среди волненія, произведеннаго либеральными прокламаціями, заставляла бояться, что составится оппозиція, которая будетъ не только противорѣчить правительственному направленію Наполеона, но даже разрушить согласіе между первыми властями имперіи, столь необходимое для защиты государства. Лафаетъ и Ланжюине появились снова въ этомъ собраніи, и полученное ими вліяніе, съ перваго засѣданія, достаточно показывало направленіе и духъ палаты. Ланжюине выбранъ въ президенты; ему поручено выразить передъ императоромъ чувства народныхъ представителей. Онъ отправился въ Тюильри, съ депутаціею, и поднесъ императору адресъ, содержавшій желанія палаты. Наполеонъ отвѣчалъ ему слѣдующими словами:

« Всѣ мы соединены политическими учрежденіями; они должны быть нашею полярною звѣздою въ эти бурныя минуты. Всякое публичное преніе, клонящееся къ прямому или непрямому уменьшенію довѣрія къ намъ, будетъ государственнымъ бѣдствіемъ. Мы въ опасномъ положеніи. Не будемъ слѣдовать примѣру восточной имперіи, которая, при вторженіи варваровъ, стала предметомъ насмѣшекъ потомства, ибо занималась отвлеченными разсужденіями въ минуту разрушенія городскихъ воротъ. »

Императоръ оставилъ столицу 12 іюня (31 мая), и отправился къ бельгійской границѣ. Прибывъ въ Авенъ 14 (2) іюня, онъ издалъ слѣдующую прокламацію:

« Солдаты, сегодня день битвъ при Маренго и Фридландѣ; два раза рѣшали онѣ судьбу Европы. Тогда, какъ и послѣ Аустерлица, какъ послѣ Ваграма, мы были слишкомъ великодушны; мы повѣрили словамъ принцовъ, которыхъ оставили на тронѣ. Теперь, соединясь вмѣстѣ, они

посягаютъ на независимость и священныя права Франціи. Они начали несправедливѣйшее нападеніе; пойдемъ на встрѣчу имъ; и мы, и они — теперь другіе люди.

« Воины! мы должны совершить форсированные марши, вступать въ битвы, подвергаться опасностямъ, но, съ помощію терпѣнія, побѣда будетъ наша! Для всякаго Француза съ душою настала минута — побѣдить или умереть! »

Пока Наполеонъ возбуждалъ такимъ образомъ мужество въ солдатахъ, измѣна снова проникала въ ряды его воиновъ: генералъ Бурмонъ и нѣсколько старшихъ офицеровъ оставили французскую армію и передались Французамъ. Когда извѣстіе объ этомъ отпаденіи пришло въ главную квартиру, Наполеонъ подошелъ къ маршалу Нею, и сказалъ ему: — « Вотъ, маршалъ, что скажете о человѣкѣ, которому вы покровительствовали? » — Ваше величество, отвѣчалъ *храбрый изъ храбрыхъ*, я надѣялся на Бурмона, какъ на самаго себя. — « Вѣрьте, прервалъ Наполеонъ, что синіе останутся всегда синими, а бѣлые — бѣлыми. »

Кампанія открылась 15 (3) іюня, сраженіемъ при Флёрюсѣ. Прусаки много потерпѣли въ этомъ случаѣ; но и авангардъ французской арміи понесъ значительную утрату: генералъ Леторъ, адъютантъ Наполеона, раненъ смертельно въ ту самую минуту, когда повелъ кавалерію въ аттаку.

Арміи союзниковъ, вышедшія противъ Наполеона, находились подъ начальствомъ Веллингтона и Блюхера. Онѣ состояли изъ двухъ сотъ тридцати тысячъ человѣкъ; во французской арміи было не болѣе ста двадцати тысячъ. Желая избѣжать опасности, которая могла послѣдовать отъ превосходства союзныхъ войскъ въ числѣ, Наполеонъ пытался, при самомъ началѣ кампаніи, отдѣлить Англичанъ отъ Прусаковъ и дѣятельно маневрировалъ, стремясь къ этой цѣли. Планъ его имѣлъ счастливыя послѣдствія, въ битвѣ при Линьи, 16 (4) іюня; Блюхеръ, аттакованный отдѣльно, понесъ значительную потерю; но уронъ этотъ не могъ его ослабить, потому что у него было многочисленное войско, а за нимъ находились еще многочисленнѣйшіе резервы. Въ такомъ положеніи, въ какомъ находился Наполеонъ, ему надобно было совершенно уничтожить армію Блюхера, чтобъ на

другой день напасть на Веллингтона, и такимъ же образомъ уничтожить его. Такое постепенное уничтоженіе Пруссаковъ и Англичанъ было подготовлено его распоряженіями и инструкціями, которыя онъ разослалъ ко всѣмъ главнымъ начальникамъ своихъ войскъ; но предѣлъ его успѣхамъ былъ положенъ судьбою, и худое исполненіе его приказаній разстроило всѣ разсчеты его генія. Самъ онъ предчувствовалъ, что какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство повредитъ его соображеніямъ, и что рокъ готовитъ ему новые удары. Онъ говорилъ въ послѣдствіи: « Вѣрно, что въ этихъ обстоятельствахъ я не чувствовалъ въ себѣ рѣшимости; во мнѣ не было прежней увѣренности. » Предчувствія его скоро сбылись; черезъ два дня онъ увидалъ новую и послѣднюю катастрофу, на поляхъ Ватерлоо.

Это было 18 іюня. Сначала, казалось, счастіе хотѣло покровительствовать Наполеону. Вотъ какъ *онъ самъ* описалъ это знаменитое дѣло. « Послѣ пальбы и пѣхотныхъ и кавалерійскихъ аттакъ, продолжавшихся восемь часовъ, вся армія съ радостію видѣла, что сраженіе выиграно и поле битвы останется за нами.

« Въ половинѣ девятаго часа, четыре баталіона средней гвардіи, посланные на равнину за Монъ-Сенъ-Жанъ для подкрѣпленія кирасировъ, много претерпѣвая отъ картечи, бросились въ штыки, чтобы овладѣть баттареями. Нѣсколько англійскихъ эскадроновъ напали на нихъ во флангъ и обратили ихъ въ бѣгство; стоявшіе вблизи полки, увидѣвъ бѣгущихъ въ гвардейскихъ мундирахъ, вообразили, что это солдаты старой гвардіи, и потерялись; раздались крики: « Все потеряно! гвардія разбита! » Солдаты разсказываютъ, даже, что на нѣкоторыхъ пунктахъ недоброжелательные люди кричали: «Спасайтесь, какъ можете! » Какъ бы то ни было, паническій страхъ распространился на полѣ битвы; всѣ бросились, въ величайшемъ безпорядкѣ, на коммуникаціонную линію: солдаты, артиллеристы съ зарядными ящиками, спѣшили туда; старая гвардія, находившаяся въ резервѣ, была опрокинута ими и увлеклась общимъ потокомъ.

« Черезъ минуту, армія превратилась въ нестройную массу; всѣ отряды смѣшались, и невозможно было собрать ни одного корпуса. Союзники, замѣтивъ это изумительное смятеніе, выслали цѣлыя колонны кавалеріи: безпорядокъ увеличился еще болѣе; въ темнотѣ ночи, никакъ нельзя было остановить войско и объяснить ему его ошибку.

« Такимъ образомъ, выигранная битва, поправленіе предшествовавшихъ ошибокъ, успѣхи, обезпеченные на другой день, все было потеряно въ одинъ моментъ паническаго страха. Даже запасные эскадроны, находившіеся возлѣ императора, были опрокинуты и разстроены этими бурными волнами, и имъ оставалось только слѣдовать общему потоку. Резервные парки и багажъ, кои не успѣли переправить черезъ Самбру, и все, что осталось на полѣ битвы, досталось въ руки союзниковъ. »

Ошибка маршала Груши еще болѣе содѣйствовала этому

бѣдственному результату. Ему поручено было преслѣдовать и задерживать прусскіе корпуса Блюхера, а онъ дозволилъ имъ дойти до Ватерлоо, и самъ за ними не послѣдовалъ, хотя этого настоятельно требовалъ генералъ Жераръ. Груши все еще думалъ, что передъ нимъ стоитъ прусская армія, когда передъ нимъ оставался только небольшой отрядъ. Это ошибка, противъ которой онъ самъ сильно протестовалъ и которую, однако жъ, постоянно приписываетъ ему общее мнѣніе, основываясь на свидѣтельствѣ самаго Наполеона и столькихъ генераловъ, очевидныхъ свидѣтелей; эта ошибка измѣнила, въ теченіе одного часа, не только участь этого знаменитаго сраженія, но даже и судьбу Европы.

Императоръ, вполнѣ зная, какой духъ управлялъ палатою депутатовъ, предчувствовалъ, что извѣстіе о пораженіи его арміи подниметъ противъ него ораторскую бурю. По этому онъ долженъ былъ какъ можно скорѣе возвратиться въ столицу, для удержанія въ страхѣ внутреннихъ своихъ противниковъ и для удаленія парламентскихъ переворотовъ. Онъ прибылъ въ Парижъ 20 (8) іюня, въ девять часовъ вечера, въ сопровожденіи герцога Бассано и генераловъ Бертрана, Друо, Лабедоера и Гурго. Немедленно призвалъ онъ къ себѣ братьевъ своихъ Іосифа и Луціана, архиканцлера Канбасереса и всѣхъ министровъ. Положеніе было затруднительное: каждый предлагалъ свое мнѣніе, какъ бы утишить народную бурю. Потомъ созванъ былъ государственный совѣтъ. Императоръ изложилъ ему свои несчастія, нужды и надежды. Понимая, что нужно приласкать палату депутатовъ, и не показывать, до какой степени царствуетъ несогласіе между имъ и палатою, онъ нарочно приписывалъ враждебныя къ нему чувствованія, оказывавшіяся въ палатѣ, малому числу депутатовъ, а не большинству.

Если бъ Наполеонъ и заблуждался въ этомъ случаѣ, то скоро былъ бы выведенъ, дѣйствіями палаты, изъ своего заблужденія. Палата повиновалась болѣе, чѣмъ онъ думалъ, внушеніямъ Ланжюине и Лафаета. По предложенію сего послѣдняго, она объявила себя постоянною, и рѣшила, что тотъ будетъ измѣнникомъ отечеству, кто попытается распустить ее. Этотъ разрывъ, возлагавшій важную отвѣтственность на

представителей народныхъ, панесъ послѣдній ударъ политическому существованію Наполеона. Бурбоны порадовались такому рѣшенію палаты. Они предвидѣли, что такой явный разрывъ между императоромъ и представителями народа, необходимо повлечетъ за собою или вторую обдикацію или новый 18 брюмеръ, и что Франція безъ Наполеона, равно какъ и Наполеонъ безъ Франціи, не могутъ противустать союзнымъ войскамъ.

Когда рѣшеніе палаты депутатовъ дошло до Элизе-Бурбона, отчаяніе распространилось около императора. Самые усердные его приверженцы не скрывали горести своей, и совѣтовали ему покориться неумолимому року, требовавшему отъ него новой жертвы. Реньо де Сенъ-Жанъ-Данжли, болѣе всѣхъ другихъ, сильно настаивалъ, чтобы Наполеонъ пожертвовалъ собою для отечества. Тогда Наполеонъ, узнавъ, что и палата перовъ послѣдовала примѣру палаты депутатовъ, почувствовалъ, что совершенно побѣжденъ друзьями и врагами, и рѣшился отречься отъ престола въ пользу своего сына. Только одинъ человѣкъ, во всемъ совѣтѣ, противился этому намѣренію, ибо находилъ, что Франція подпадетъ опять подъ власть чужестранцевъ. То былъ тотъ самый человѣкъ, который въ прежнее время одинъ противился учрежденію императорскаго правленія. Карно думалъ, что не слѣдуетъ, изъ недовѣрчивости къ императору, подвергать народную независимость опасности, и утверждалъ, что это важнѣйшее благо націи погибнетъ, если удалятъ единственнаго начальника, за котораго армія и народъ хотятъ сражаться. Когда противное мнѣніе одержало верхъ, Карно сѣлъ къ столу, закрылъ лице руками и заплакалъ. Наполеонъ тогда сказалъ ему: « Я узналъ васъ слишкомъ поздно! » Потомъ императоръ написалъ слѣдующую прокламацію:

«Французы! Предпринимая войну за независимость народную, я надѣялся на соединеніе всѣхъ усилій, всѣхъ желаній и на содѣйствіе всѣхъ народныхъ властей. Я имѣлъ основаніе думать объ успѣхѣ, и смѣло пренебрегалъ прокламаціями державъ противъ меня. По видимому, обстоятельства измѣняются. Я предлагаю себя въ жертву ненависти враговъ Франціи. Дай, Богъ, чтобы они были искренни въ своихъ

объявленіяхъ и желали зла только мнѣ одному! Политическая жизнь моя кончена, и я объявляю сына моего, подъ именемъ Наполеона II, императоромъ Французовъ. Нынѣшніе министры временно составятъ совѣтъ управленія. Заботливость моя о сынѣ заставляетъ меня пригласить палаты къ скорѣйшему образованію регентства, по закону. Соедините всѣ для блага общаго и для сохраненія народу независимости. »

Эта декларація была немедленно представлена въ обѣ палаты. Представители, желавшіе ея, приняли ее съ восторгомъ, но они не приняли рѣшительнаго мнѣнія о Наполеонѣ II, котораго законныя права были поддерживаемы многими ораторами, и между прочими, Беранжеромъ (депутатомъ дромскаго департамента). Преніе, начавшееся по сему предмету, вывело на ораторскую каѳедру человѣка, про котораго тотчасъ всѣ сказали, что онъ принимаетъ наслѣдство Мирабо: то былъ Манюэль.

Палата депутатовъ долгомъ почла отправить къ Наполеону депутацію съ поздравленіями по случаю вторичнаго его отреченія.

« Благодарю васъ, сказалъ онъ депутатамъ, за чувства, которыя вы мнѣ выражаете; желаю, чтобы отреченіе мое принесло счастіе Франціи, но не надѣюсь этого; оно оставляетъ государство безъ главы, безъ политическаго существованія. Время, потерянное на ниспроверженіе монархіи, могло быть употреблено на приготовленія, которыя уничтожили бы враговъ Франціи. Совѣтую палатамъ поскорѣе усилить армію: кто хочетъ мира, долженъ приготовляться къ войнѣ. Не вручайте судьбу великаго народа прихотямъ чужестранцевъ. Страшитесь, что ошибетесь въ надеждахъ. Тутъ-то главная опасность. Въ какомъ бы я положеніи ни находился, всегда буду доволенъ, если Франція будетъ счастлива. »

Однако жъ враги императорской династіи восторжествовали въ палатѣ депутатовъ; они не согласились объявить императоромъ Наполеона II, и составили коммиссію изъ пяти членовъ, для временнаго правительства. Членами этой коммиссіи назначены: Фуше, Карно, Гренье, Кинетъ и Коленкуръ. Получивъ извѣстіе объ этой новости, Наполеонъ предался негодованію.

« Я отказался отъ престола не для новой директоріи, а для сына моего, вскричалъ онъ. Если его не провозгласятъ императоромъ, отреченіе мое само собою уничтожается. Палаты увѣрены, что народъ, армія, общее мнѣніе, хотятъ моего сына, но ихъ удерживаютъ иностранцы. Если они предстанутъ передъ союзниками съ поникшею головою, пре-

клонивъ колѣна, то союзники не захотятъ признать ихъ народной независимости. Еслибъ палаты понимали свое положеніе, то единодушно провозгласили бы Наполеона II. Тогда иностранцы увидали бы, что у васъ есть воля, цѣль, точка опоры; они увидали бы, что день 20 марта не былъ дѣломъ партіи, внезапнымъ ударомъ бунтовщиковъ, а результатомъ привязанности Французовъ къ моей особѣ и къ моей династіи. Народное единодушіе подѣйствовало бы на нихъ болѣе, чѣмъ всѣ наши постыдныя и унизительныя уступки.»

Однако жъ, въ Парижѣ находилось много патріотовъ, подобныхъ Карно, которые думали, что прежде всего слѣдуетъ позаботиться о защитѣ государства, и что успѣшная защита невозможна безъ руки, безъ генія, безъ имени Наполеона. Военные люди громко высказывали такое же мнѣніе. Со всѣхъ сторонъ говорили: «Не будетъ императора, не будетъ и воиновъ!» Толпа, безпрерывно возраставшая передъ дворцомъ Элизе-Бурбонъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, навела безпокойство на Фуше, который управлялъ временнымъ правительствомъ и желалъ возвращенія союзныхъ войскъ въ Парижъ. Онъ боялся, что отреченіе покажется союзникамъ притворствомъ, до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ останется въ Парижѣ. Поручили Карно сообщить ему о безпокойствѣ временнаго правительства и просить его удалиться изъ столицы. Съ этою цѣлію Карно поѣхалъ въ Элизе-Бурбонъ и засталъ Наполеона одного, въ ваннѣ. Когда министръ объяснилъ цѣль своего посѣщенія, падшій властелинъ удивился, что его присутствіе можетъ возбуждать опасенія. «Я только простой гражданинъ, сказалъ онъ, даже менѣе, чѣмъ простой гражданинъ.»

Однако же, онъ обѣщалъ исполнить желаніе палатъ и временнаго правительства, и 25 (13) іюня, уѣхалъ въ Мальмезонъ, откуда хотѣлъ послать къ арміи слѣдующую прокламацію:

«Воины! уступая необходимости, заставляющей меня удалиться отъ храброй арміи французской, я уношу съ собою счастливое убѣжденіе, что она оправдаетъ, отличными заслугами, ожидаемыми отъ нея отечествомъ, тѣ похвалы, въ которыхъ не могли даже враги отказать ей.

« Воины! хотя я въ отсутствіи, однако же буду слѣдить за вами. Я знаю всѣ отряды, и если одинъ изъ нихъ получитъ надъ врагомъ побѣду, я отдамъ справедливость его храбрости. И я и вы, мы были оклеветаны. Люди, недостойные цѣнить ваши труды, видѣли въ вашей ко мнѣ преданности доказательство, что будто бы вы служите мнѣ одному; будущими успѣхами докажите имъ, что вы служили, повинуясь мнѣ, только отечеству, и что любите меня за пламенную любовь мою къ Франціи, нашей общей матери.

« Воины! еще нѣсколько усилій, и союзники будутъ уничтожены. Наполеонъ узнаетъ васъ по вашемъ побѣдамъ.

« Спасите честь, независимость Французовъ; будьте до конца такими, какими я васъ зналъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, и вы будете непобѣдимы. »

Въ Мальмезонѣ, Наполеонъ былъ еще слишкомъ близко къ Парижу, и это безпокоило его враговъ. Фуше все еще страшился какого-нибудь движенія съ его стороны; за нимъ тщательно наблюдалъ генералъ Беккеръ, подъ предлогомъ, что охраняетъ его жизнь. 27 (15) іюня, узнавъ о приближеніи союзниковъ, онъ писалъ къ временному правительству и предлагалъ свою помощь, желая служить простымъ солдатомъ:

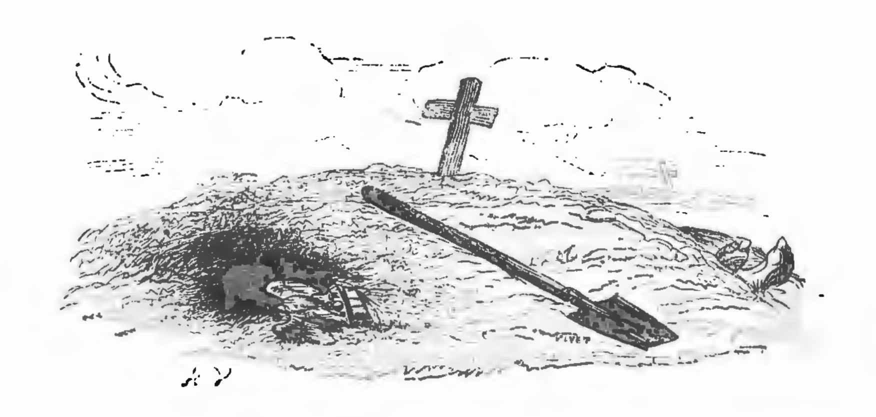
« Отказавшись отъ власти, писалъ онъ, я не отказался отъ благороднѣйшаго права гражданина, права защищать отечество.

« Приближеніе враговъ къ столицѣ не дозволяетъ сомнѣваться на счетъ ихъ намѣреній.

« Въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ, я предлагаю услуги свои, какъ генералъ, считая себя первымъ солдатомъ отечества. »

Люди, требовавшіе отреченія императора, не могли ввѣрить арміи великому полководцу, котораго свели съ трона. Они знали, что такой солдатъ не можетъ быть иначе, какъ генералиссимусомъ, и что взять его въ помощники, значитъ взять его въ властелины. Они отказали, и отказъ ихъ возбудилъ въ Наполеонѣ сильное негодованіе. Онъ хотѣлъ снова принять команду надъ войскомъ и возобновить 18-й брюмеръ. Но герцогъ Бассано отвлекъ его отъ этого намѣренія,

объяснивъ, что нынѣ не тѣ обстоятельства, которыя помогали ему въ VIII году. Уступая необходимости, Наполеонъ оставилъ Мальмезонъ и поѣхалъ въ Рошфоръ, намѣреваясь отплыть въ Америку,

ГЛАВА L.

Прибытіе Наполеона въ Рошфоръ. Письмо къ принцу-регенту. Наполеонъ отправляется на Беллерофонѣ въ Англію. Поступки англійскаго министерства. Сочувствіе англійскаго народу къ Наполеону. Онъ протестуетъ противъ рѣшенія англійскаго кабинета. Его отправляютъ на островъ Св. Елены.

Генералъ Беккеръ, на котораго временное правительство возложило трудную обязанность надзирать за бывшимъ его государемъ, въ Мальмезонѣ, получилъ приказаніе сопровождать его до Рошфора, и оставить только тогда, когда онъ сядетъ на корабль и отправится въ путь. Почтенный генералъ сказалъ Наполеону: « Мнѣ дали трудное порученіе; я сдѣлаю все, что могу, чтобы исполнить его къ вашему удовольствію. » Онъ сдержалъ слово и не забылся ни на минуту; ни разу не измѣнилъ уваженію, которымъ былъ обязанъ къ падшему величію и несчастному генію.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Мальмезона 29 (17) іюня, и прибылъ въ Рошфоръ 3 іюля. На другой день, къ нему при-

былъ братъ его Іосифъ. Во время пребыванія въ этомъ городѣ, императоръ постоянно слышалъ около своего дома клики привѣта народнаго; нѣсколько разъ выходилъ на балконъ префектуры, гдѣ онъ жилъ и видѣлъ новые знаки той любви, которую народъ еще питалъ къ нему. 8 *іюля*, отправился онъ въ дальнѣйшій путь, съ намѣреніемъ ѣхать въ сѣверо-американскіе штаты, и въ твердой увѣренности, что паспортъ, обѣщанный ему временнымъ правительствомъ для этого проѣзда, будетъ ему высланъ союзниками безъ замедленія и препятствій. Черезъ два дня, онъ послалъ Ласказа и Савари на корабль *Беллерофонъ*, узнать отъ начальника англійскихъ судовъ, тутъ крейсировавшихъ, не получилъ ли онъ предписанія отъ англійскихъ министровъ дать ему свободный пропускъ. Капитанъ Мейтландъ, начальникъ Беллерофона, не получалъ никакихъ приказаній и отвѣчалъ, что испроситъ разрѣшенія у адмирала. 14 (2) іюля, Наполеонъ все еще находился на островѣ Эсъ (Aix) и ждалъ отвѣта. Такое долгое молчаніе возбудило въ немъ нетерпѣніе, и онъ захотѣлъ наконецъ выйти изъ недоумѣнія, въ которомъ его оставляли въ продолженіе четырехъ дней. Ласказъ съ Лаллеманомъ отправились опять къ Мейтланду, который повторилъ снова отрицательные свои отвѣты и предложилъ взять Наполеона къ себѣ на корабль и отвезти въ Англію, гдѣ будетъ ему оказано всевозможное уваженіе.

Когда Ласказъ и Лаллеманъ привезли этотъ отвѣтъ, Наполеонъ созвалъ всѣхъ товарищей своего несчастія и спросилъ у нихъ совѣта, что дѣлать? Впереди крейсировали суда, сквозь которые нельзя было пробраться; сзади находилась страна, ставшая негостепріимною для Наполеона и всѣхъ его приверженцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ нее вступили союзники и Бурбоны. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, императоръ думалъ, что всего лучше отнестись къ великодушію англійскаго народа и у него торжественно искать гостепріимства. Онъ взялъ перо и написалъ къ принцу-регенту слѣдующія значительныя строки:

« Служа цѣлію партіямъ, раздѣляющимъ мое отечество, и недоброжелательству сильнѣйшихъ европейскихъ державъ, я кончилъ политическое свое поприще. Я рѣшаюсь, какъ Ѳе-

мистоклъ, укрыться подъ кровъ англійскаго народа; прибѣгаю подъ защиту его законовъ, прося о ней ваше высочество, моего сильнѣйшаго, постояннаго и великодушнѣйшаго врага.«

Ласказъ и Гурго отвезли это письмо къ капитану Мейтланду, которому они объявили, что Наполеонъ на слѣдующее утро переѣдетъ къ нему на корабль. Дѣйствительно, 15 (3) числа, на разсвѣтѣ, бригъ *Ястребъ* перевезъ великаго человѣка на корабль Беллерофонъ. Вступая на корабль, Наполеонъ замѣтилъ, что генералъ Беккеръ къ нему приближается,

чтобы съ нимъ проститься, и съ живостію сказалъ ему: « Отойдите, генералъ; я не хочу, чтобы подумали, что Фран-

цузъ предалъ меня врагамъ моимъ.» Произнося эти слова, протянулъ ему руку и отпустилъ его, сжавъ въ послѣдній разъ въ своихъ объятіяхъ.

Прибывъ на *Беллерофонъ*, Наполеонъ сказалъ капитану: «Я прибылъ на вашъ корабль, ища покровительства англійскихъ законовъ.» Капитанъ тотчасъ проводилъ его въ каюту, гдѣ и помѣстилъ его. На другой день, императоръ ѣздилъ на корабль *Superbe*, къ адмиралу Готаму, который командовалъ всѣми крейсировавшими судами. Въ тотъ же день, онъ возвратился на Беллерофонъ, который направилъ путь къ берегамъ Англіи. На Беллерофонѣ обращались съ нимъ чрезвычайно учтиво; когда онъ выходилъ на палубу, всѣ снимали шляпы. «На Беллерофонѣ» говоритъ Ласказъ «Наполеонъ былъ еще императоромъ.»

Прибывъ въ Торбей 24 (12) Іюля, капитанъ Мейтландъ отправился къ своему генералъ-адмиралу, лорду Кейту, за приказаніями; ему велѣно было отправиться въ Плимутъ, куда Беллерофонъ прибылъ 26 (14) Іюля.

Едва узнали на берегахъ Англіи о приближеніи императора, какъ уже тамъ возродилось живѣйшее любопытство. Торбейская пристань покрылась судами, и нетерпѣніе, смѣшанное съ восторгомъ, проявлялось вездѣ, гдѣ произносили имя Наполеона. Такой льстивый пріемъ противорѣчилъ намѣреніямъ англійскаго кабинета, и министры старались предупредить или отвратить всѣ изъявленія уваженія къ Наполеону, которыя служили обвиненіями ихъ политики. Въ Плимутѣ, Беллерофонъ былъ окруженъ вооруженными лодками; имъ дали приказаніе удалять любопытныхъ. Несмотря на строгость такого распоряженія, вся Англія, казалось, спѣшила въ Плимутъ, въ надеждѣ видѣть героя Франціи, и море покрывалось кораблями около того, который служилъ темницею великому человѣку.

Среди лестнаго вниманія, оказаннаго ему народомъ, который долго былъ его врагомъ, Наполеонъ нетерпѣливо желалъ знать, что сдѣлаетъ британское правительство и какія приметъ мѣры? Лордъ Кейтъ посѣтилъ его на Беллерофонѣ, но посѣщеніе его, холодное и молчаливое, продолжалось весьма не долго. Въ послѣднихъ числахъ Іюля, онъ

снова явился къ Наполеону и разрѣшилъ его недоумѣніе самымъ жестокимъ образомъ: онъ привезъ съ собою министерскую ноту, которая назначала *генералу Бонапарту* мѣстопребываніе на островѣ Святой Елены. То былъ приговоръ къ ссылкѣ, который, по свойству климата острова Святой Елены, переходилъ въ приговоръ къ смерти. Когда Наполеонъ услышалъ, изъ устъ адмирала, это рѣшеніе англійскаго кабинета, онъ не скрылъ своего негодованія и всѣми силами протестовалъ противъ такого нарушенія народнаго права. «Я гость Англіи, говорилъ онъ, а не плѣнникъ ея; я добровольно искалъ покровительства ея законовъ; со мною нарушаютъ священнѣйшія права гостепріимства; я никогда добровольно не соглашусь перенести оскорбленія, которыя мнѣ наносятъ: только насиліе можетъ меня къ тому принудить.»

Ссылка тѣмъ болѣе была ему ужасна, что ограничили тремя число особъ, долженствовавшихъ ему сопутствовать, и изъ нихъ исключили Савари и Лаллемана. Оба вѣрные слуги Наполеона думали, что ихъ выдадутъ новому французскому правительству, и что они будутъ казнены смертію, на основаніи повелѣнія, изданнаго 24 (12) іюля Лудовикомъ XVIII.

Что происходило въ душѣ Наполеона, когда онъ выслушалъ приговоръ, сообщенный ему Кейтомъ? Темница въ ссылкѣ, ведущая къ смерти медленной и тяжкой, — вотъ участь того, котораго безпредѣльное честолюбіе не довольствовалось первенствомъ въ Европѣ! Что покажетъ онъ міру? примѣръ неслыханной рѣшимости или зрѣлище обыкновеннаго отчаянія? Онъ призываетъ къ себѣ Ласказа, расправшиваетъ объ островѣ Св. Елены, желаетъ знать, можно ли сносить тамъ жизнь, и потомъ вдругъ говоритъ ему: «Впрочемъ, я, можетъ-быть, туда не поѣду; развѣ человѣкъ зависитъ отъ людей, когда рѣшается умереть! Любезный другъ, мнѣ иногда хочется съ вами разстаться, и это не трудно.»

Ласказъ старался утѣшить его, побѣдить его отчаяніе, показать ему лучъ надежды въ будущемъ, и примирить его съ жизнію, которая стала ему въ тягость. — «Кто знаетъ

тайны будущаго?» говорилъ Ласказъ. — Императоръ заботится о скукѣ, Ласказъ доказываетъ ему возможность *жить прошедшимъ*; императоръ отвѣчалъ ему: «Будемъ же писать *Записки*. Да, станемъ работать; работа тоже коса времени. Надобно повиноваться своей судьбѣ; такъ я всегда думалъ.» Такъ Наполеонъ пришелъ самъ въ себя. Злость, измѣна, неблагодарность людей приводятъ его къ отчаянію, но скоро онъ поднимается чувствомъ прошедшей своей славы и силою ума.

Беллерофонъ вышелъ 4 августа изъ Плимута, но пошелъ не на югъ, а къ сѣверу. Тогда Наполеонъ узналъ, что его пересадятъ на другой корабль, *Нортумберландъ*, который перевезетъ его на островъ Св. Елены. Сильныя слова, сказанныя Лорду Кейту при сообщеніи распоряженій англійскаго кабинета, могли быть потеряны для исторіи; Наполеонъ помѣстилъ ихъ въ прокламаціи, которую послалъ къ адмиралу:

«Торжественно протестую, передъ небомъ и людьми, противъ насилія, мнѣ оказаннаго, противъ нарушенія самыхъ священнѣйшихъ правъ моихъ: ибо сила располагаетъ моею личностію и свободою. Я добровольно вступилъ на Беллерофонъ, я не плѣнникъ, я гость Англіи. Я пришелъ по приглашенію капитана, который сказалъ мнѣ, что имѣетъ дозволеніе отъ правительства принять меня и везти меня въ Англію съ моею свитою, если это мнѣ угодно. Я пришелъ съ довѣренностію, ища защиты англійскихъ законовъ. Прибывъ на Беллерофонъ, я вступилъ въ семью англійскаго народа. Если правительство, приказавъ капитану Беллерофону принять меня со свитою, хотѣло только поймать меня, то оно запятнало честь свою и обезчестило флагъ свой.

«Если дѣло это совершится, то Англичане не будутъ уже смѣть говорить о своей честности, законахъ и свободѣ; вѣра въ британское слово исчезнетъ въ гостепріимствѣ Беллерофона.

«Призываю судъ исторіи: она скажетъ, что врагъ Англіи, воевавшій съ нею двадцать лѣтъ, добровольно пришелъ, въ минуты бѣдствія, искать убѣжища подъ ея законами. Какое яснѣйшее доказательство своего уваженія и до-

вѣрености къ ней могъ онъ дать? Но какъ отвѣчали въ Англіи на такое великодушіе? Притворились, что протягиваютъ ко врагу гостепріимную руку; когда онъ добровольно предался, его приносятъ въ жертву.»

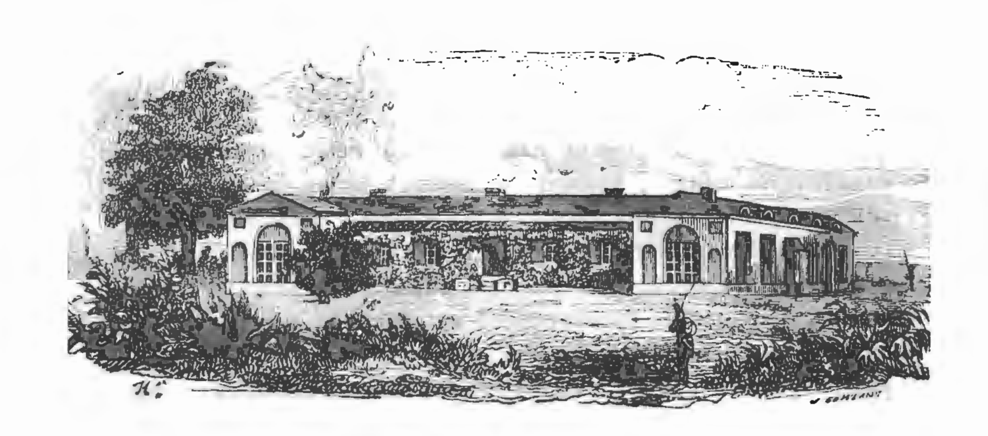
7 августа, императоръ перешелъ съ Беллерофона на Нортумберландъ, которымъ командовалъ адмиралъ Кокбурнъ. Воспользовались случаемъ и обезоружили всю его свиту; но у него самаго постыдились взять шпагу. Всѣ его вещи были

пересмотрѣны самимъ адмираломъ, при помощи таможеннаго офицера. У него взяли четыре тысячи наполеондоровъ, а оставили только полторы, для самыхъ необходимыхъ потребностей. Когда онъ сталъ прощаться съ вѣрными слуга-

ми, которымъ запретили слѣдовать за нимъ въ темницу и отдаленную ссылку, Савари въ слезахъ бросился къ его ногамъ и цѣловалъ ему руки. « Спокойно, безъ волненія — говоритъ Ласказъ — поцѣловалъ его императоръ и пошелъ къ лодкѣ. На пути, онъ ласково кланялся всѣмъ встрѣчавшимся. Всѣ наши, остававшіеся въ Европѣ, неутѣшно плакали; и я не могъ не сказать лорду Кейту, съ которымъ разговаривалъ въ эту минуту: Замѣтьте, милордъ, здѣсь плачутъ только тѣ, которые остаются.

ГЛАВА LI.

Переѣздъ моремъ. Прибытіе на островъ Св. Елены. Пребываніе на островѣ до отъѣзда Ласказа.

Кейтъ былъ весьма учтивъ, но столько же и остороженъ, въ сношеніяхъ съ Французами, на Беллерофонѣ. Кокбурнъ былъ еще учтивѣе и показывалъ еще болѣе участія и уваженія къ великому человѣку, котораго онъ былъ невольнымъ тюремщикомъ на нѣкоторое время.

Англійскіе министры остались не совсѣмъ довольны почтеніемъ, оказаннымъ Наполеону капитаномъ Мейтландомъ и его экипажемъ. Они особенно порицали капитана за то, что онъ давалъ знаменитому полководцу титулъ императора, и приняли строжайшія мѣры, чтобы ничто подобное не могло повториться на Нортумберландѣ. Они написали, въ своихъ инструкціяхъ, что Наполеона слѣдуетъ называть не иначе, какъ *генераломъ*. Когда падшій императоръ узналъ объ этихъ распоряженіяхъ, клонившихся къ его униженію,

то спокойно сказалъ: — « Пусть называютъ меня какъ хотятъ, я все таки останусь *Я.* »

11 августа, Нортумберландъ вышелъ изъ пролива Ламаншъ. Скоро Наполеонъ узналъ вдали берега Франціи. Онъ поклонился имъ, простеръ къ нимъ руки, и сказалъ

дрожащимъ голосомъ: — « Прощай, страна храбрыхъ! Прощай, милая Франція! Если бъ было менѣе измѣнниковъ, ты до сихъ поръ оставалась бы первою державою въ мірѣ. » Таково было послѣднее прощаніе великаго человѣка съ благородною страною великаго народа!

Во время переѣзда, императоръ ежедневно прогуливался послѣ обѣда на палубѣ; одинъ разъ застигла его въ этой прогулкѣ сильная буря. Онъ не захотѣлъ скрываться въ каютѣ отъ проливнаго дождя, и приказалъ принести себѣ знаменитый *сѣрый сюртукъ*, на который даже Англичане смотрѣли съ восторгомъ и уваженіемъ.

Наполеонъ сокращалъ медленное теченіе времени чтеніемъ газетъ. Часто встрѣчалъ онъ въ нихъ ложь и оскорбленія; но все это не имѣло на него вліянія, и онъ сказалъ Ласказу: — « Ядъ не дѣйствовалъ на Митридата; а клевета, съ 1814 года, тоже не дѣйствуетъ уже на меня. »

15 (3) октября, Нортумберландъ остановился у острова Св. Елены; 16 (4) числа, Наполеонъ сошелъ на берегъ, въ сопровожденіи адмирала и генерала Бертрана. Сначала онъ поселился въ Бріарѣ, у купца Балкомба.

Но это было временное жилище: мѣстопребываніемъ его назначили Лонгвудъ, сельскій домикъ губернатора острова. Наполеонъ посѣтилъ его въ самый первый день пріѣзда, но нашелъ, что не все еще приготовлено къ его принятію. Впрочемъ, онъ нашелъ у г. Балкомба всѣ удобства, на которыя имѣлъ права, и нѣкоторыя пособія противъ скуки. Это достойное семейство употребило всѣ возможныя усилія, чтобы усладить непріятность его положенія.

Живя въ Бріарѣ, Наполеонъ выѣзжалъ изъ дому только одинъ разъ, и посѣтилъ маіора полка, стоявшаго на островѣ Св. Елены. Онъ занимался своими Записками и очень часто и долго диктовалъ Ласказу, или его сыну, Монтолону, Гурго и Бертрану. Обыкновенно прогуливался онъ по мрачнымъ аллеямъ Бріара, откуда можно было видѣть только страшныя пропасти.

Въ саду г. Балкомба работалъ старый негръ, по имени Тоби. Онъ былъ Малаецъ, похищенный англійскимъ экипажемъ и проданный въ рабство. Наполеонъ, во время прогулокъ, часто встрѣчалъ несчастнаго старика и оказывалъ большое къ нему участіе; онъ рѣшался заплатить за него выкупъ и говорилъ объ его похищеніи съ негодованіемъ. Однажды онъ остановился передъ нимъ, не могъ удержать въ себѣ мыслей, толпившихся въ его головѣ, и сказалъ грустно: «Что за бѣдная машина — человѣкъ! Нѣтъ ни одной сходной наружности, а души всѣ различны!...Если бъ Тоби былъ Брутъ, онъ не снесъ бы жизни; если бъ онъ былъ Эзопъ, то сталъ бы теперь, можетъ-быть, совѣтникомъ губернатора; если бъ онъ былъ пылкій и ревностный христіанинъ, то съ терпѣніемъ несъ бы крестъ, и благословлялъ бы его, въ надеждѣ на Бога, Но бѣдный Тоби ничего не знаетъ, склоняется и работаетъ невинно! Посмотрѣвъ на него въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ безмолвно, онъ сказалъ, удаляясь: — « Далеко бѣдному Тоби до короля Ричарда!... Однако жъ поступки съ нимъ равно жестоки; вѣдь

и этотъ человѣкъ имѣлъ свои наслажденія, свое семейство, свою собственную жизнь; Англичане сдѣлали страшное преступленіе, похитивъ его и продавъ въ неволю.» Потомъ, остановясь, прибавилъ, смотря на Ласказа: — «Я читаю въ вашихъ глазахъ; вы думаете, что онъ не одинъ такой примѣръ на островѣ Св. Елены.... Но между имъ и нами нѣтъ никакого сравненія. Съ нами поступлено хуже; но мы имѣемъ въ себѣ другія средства. Насъ не подвергали тѣлеснымъ страданіямъ, а если бъ и пытались сдѣлать это, то мы имѣемъ душу, которая измѣнитъ надеждамъ нашихъ мучителей. ..... Наше положеніе можетъ даже имѣть свою прелесть.... Мы мученики безсмертной славы!.... Милліоны людей плачутъ о насъ, отечество вздыхаетъ, а слава надѣла трауръ! .... Мнѣ не доставало только несчастія!... Если бъ я умеръ на тронѣ, въ облакахъ моего всемогущества, я остался бы

загадкою для многихъ людей; теперь, по милости несчастія, меня можно судить безошибочно! »

Наполеонъ выѣхалъ изъ Бріара 18 (6) декабря, и переселился въ Лонгвудъ. Новое жилище представляло ему болѣе удобствъ; но онъ встрѣтилъ тамъ не менѣе притѣсненій отъ людей, которымъ было поручено смотрѣть за нимъ. Поставили часовыхъ подъ его окнами, и окружили его предосторожностями. Онъ приказалъ Монтолону написать о нихъ къ адмиралу, потому что не хотѣлъ имѣть ни съ кѣмъ сношеній, чтобы не дать кому нибудь повода разсказывать небывальщину и подтверждать ее словами: « Императоръ самъ сказалъ мнѣ это. »

Въ одну изъ прогулокъ верхомъ, въ половинѣ декабря, онъ принужденъ былъ сойти съ лошади, потому что нельзя было проѣхать по дурной дорогѣ, и увязъ въ грязи такъ, что на-силу могъ выбраться и не утонуть. « Вотъ прескверное приключеніе!» сказалъ онъ; и потомъ, когда выбрался изъ грязи, прибавилъ: « Если бъ мы утонули здѣсь, что сказали бы въ Европѣ? Дураки стали бы доказывать, безъ сомнѣнія, что я поглощенъ землею за преступленія. »

Почти всѣ Англичане, проѣзжавшіе въ этихъ мѣстахъ, приставали къ острову Св. Елены, чтобы посмотрѣть на знаменитаго изгнанника. Наполеонъ принималъ ихъ всегда съ ласкою и достоинствомъ. Они находили, что онъ вовсе не похожъ на портретъ, который рисовали имъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, и извинялись, что могли вѣрить нелѣпымъ разсказамъ на его счетъ. « Да, сказалъ однажды Наполеонъ одному изъ нихъ, всѣми этими разсказами обязанъ я вашимъ министрамъ; они наводнили Европу книжками и пасквилями на меня. Можетъ-быть, они отвѣтятъ, въ оправданіе свое, что печатали только тѣ извѣстія, которыя получали они изъ самой Франціи; по правдѣ надобно сказать, люди, плясавшіе на развалинахъ отечества, усердно помогали имъ въ этомъ случаѣ и обильно снабжали ихъ матеріялами. »

Между-тѣмъ, адмиралъ съ душевнымъ участіемъ принялъ жалобы, переданныя ему Монтолономъ. Онъ явился для объясненій къ Наполеону, и они разстались весьма доволь-

ные другъ другомъ. Помощникъ губернатора, полковникъ Скельтонъ, обходился съ Наполеономъ чрезвычайно вѣжливо. Императоръ часто приглашалъ къ обѣду его и его жену.

1 января 1816 года, всѣ, послѣдовавшіе за великимъ человѣкомъ въ изгнаніе, соединились для принесенія ему поздравленій съ новымъ годомъ. Наполеонъ, которому это торжество напомнило о радостныхъ дняхъ прежняго всемогущества, не показалъ никому, что въ умѣ его происходило сравненіе между простымъ пріемомъ въ Лонгвудѣ и пышными аудіенціями въ Тюильри. Онъ съ душевною радостію принялъ льстецовъ несчастія и пригласилъ ихъ къ семейному завтраку. «Вы теперь ничто, на концѣ свѣта, сказалъ онъ имъ, и ваше утѣшеніе должно состоять въ томъ, чтобъ вы любили другъ друга.»

Ежедневно, около Лонгвуда бродили матросы, избѣгавшіе запрещенія подходить къ этому дому, и втайнѣ отъ караульныхъ желавшіе посмотрѣть на изгнаннаго героя. «Вотъ

что значитъ могущество воображенія, говорилъ Наполеонъ. Какъ оно сильно дѣйствуетъ на людей! Эти люди вовсе не знаютъ меня, никогда меня не видывали, только слыхали разсказы обо мнѣ, а чего они не чувствуютъ, чего не сдѣлаютъ въ мою пользу? Та же странность повторяется во всѣхъ странахъ, во всѣ лѣта, во всѣхъ полахъ! Вотъ фанатисмъ! Да, воображеніе управляетъ міромъ! »

Пространство, по которому Наполеонъ могъ прогуливаться верхомъ, не дозволяло ему гулять болѣе получаса, да и то скоро принужденъ онъ былъ отказаться отъ этого развлеченія, по многимъ причинамъ. Иногда англійскій офицеръ обижался, что его оставляютъ назади, и хотѣлъ вмѣшиваться въ свиту императора; иногда какой нибудь солдатъ или капралъ, худо понимавшій приказанія, прицѣливался и хотѣлъ стрѣлять въ него.

Климатъ и стѣсненія скоро оказали вліяніе на Наполеона. Здоровье его ослабѣвало видимымъ образомъ. Онъ былъ не такъ крѣпко сложенъ, какъ всѣ думали. По выраженію одного изъ товарищей его ссылки, « здоровье его было не желѣзное, какъ нравственная его сила.» (*) Докторъ О'Мира, англійскій врачъ, лечилъ его и успѣлъ заслужить его довѣренность.

Газеты постепенно доставили на островъ Св. Елены извѣстія о смерти Мюрата, о возстаніи и казни Порлье, о процесѣ и погибели Нея. Когда Ласказъ прочелъ, въ присутствіи Наполеона, статью о трагической смерти неаполитанскаго короля, Наполеонъ съ живостію схватилъ его за руку и въ ту же минуту сказалъ: « Калабрійцы человѣколюбивѣе, великодушнѣе тѣхъ, которые выслали меня сюда! »

Онъ ни мало не удивился попыткѣ Порлье. « Во время возвращенія моего съ острова Эльбы, сказалъ онъ, тѣ самые Испанцы, которые съ ожесточеніемъ возставали противъ моего вторженія, которые прославились самымъ упорнымъ сопротивленіемъ, тѣ самые Испанцы вступили

(*) Однако жъ, не многіе люди могли бы перенесть труды, легко перенесенные Наполеономъ. Между необыкновенными его поѣздками, указываютъ на поѣздку изъ Валладолида въ Бургосъ (140 верстъ). Онъ проѣхалъ это разстояніе, не сходя съ сѣдла, въ пять съ половиною часовъ.

въ прямыя со мною сношенія: они сражались прежде противъ меня, какъ противъ тирана, а теперь призывали меня, какъ избавителя. Они просили у меня небольшой суммы для своего освобожденія и для начатія на полуостровѣ переворота, подобнаго тому, который я тогда совершилъ во Франціи. Если бъ я побѣдилъ при Ватерлоо, я подалъ бы имъ руку помощи. Это обстоятельство объясняетъ мнѣ теперешнюю ихъ попытку. Нѣтъ сомнѣнія, что она повторится и еще. »

Онъ находилъ, что Ней былъ также дурно обвиненъ, какъ дурно защищали его, и сожалѣлъ, что съ нимъ не сохранены условія капитуляціи. Казнь маршала Нея заслужила отъ падшаго императора такое строгое порицаніе, какое произнесъ противъ Нея, въ послѣдствіи, въ самой палатѣ перовъ, одинъ великій писатель-воинъ.

Переходя потомъ къ отказу въ просьбѣ г-жѣ Лавалеттъ и къ бѣгству ея мужа, Наполеонъ замѣтилъ, что Бурбоны напрасно дѣйствуютъ такъ неумолимо. « Въ залахъ Парижа, сказалъ онъ, царствуютъ тѣ же самыя страсти, какими дышали прежніе клубы; дворяне дѣйствуютъ, какъ якобинцы.. За то наши Француженки прославляются душевными достоинствами: госпожа Лабедоеръ едва не умерла съ горя; супруга Нея показала примѣръ самой неустрашимой преданности; жена Лавалетта стала героинею всей Европы. »

Наполеонъ занимался не одною только современною политикою. Осмотрѣвъ быстрымъ и вѣрнымъ окомъ настоящую Европу и очертивъ современное ея положеніе, онъ съ удовольствіемъ возвращался къ прошедшему и вызывалъ на судъ свой людей и событія, замѣчательныя въ исторіи, и повѣрялъ ея рѣшенія сильнымъ своимъ разумомъ и несравненнымъ соображеніемъ. Въ одно изъ такихъ вторженій въ область древности, ему случилось остановиться на упорной борьбѣ плебейцевъ и патриціевъ древняго Рима, и онъ замѣтилъ, что потомство совершенно ошибается на счетъ Гракховъ. « Исторія, сказалъ онъ, представляетъ Гракховъ дерзкими возмутителями и негодными людьми, а между-тѣмъ, она же, разсказывая подробности, показываетъ, что они отличались нѣкоторыми добродѣтелями: добротою, безкоры-

стіемъ, чистотою нравовъ; а притомъ они были дѣти знаменитой Корнеліи, что, для великихъ душъ, возбуждаетъ уже сильное предубѣжденіе въ пользу Гракховъ. Отъ чего происходитъ такое заблужденіе? Отъ того, что таланты ихъ, ихъ превосходные характеры, были опасны сенаторамъ, которые задушили ихъ и покрыли стыдомъ. Историки, принадлежавшіе къ богатой римской партіи утѣснителей, писали о Гракхахъ въ этомъ же духѣ.

« То же самое случилось бы и въ наше время, прибавилъ онъ, если бъ кто нибудь вздумалъ нападать на аристократію и наносить ей удары и вредъ. И теперь нашлись бы Гракхи; и они были бы уничтожены, подобно ихъ предшественникамъ. »

Въ ту минуту, когда Наполеонъ произносилъ эти слова, они исполнялись на самомъ дѣлѣ во Франціи. Тамъ кровь Лабедоера, Нея, Шартрана и Мутона лилась вмѣстѣ съ кровію Брюна и Рамеля.

Наполеонъ, на островѣ Св. Елены, не былъ ли похожъ на Гракха? Не довольствуясь его ссылкою, Англичане чернили его въ своихъ газетахъ и пасквиляхъ, и распространяли по Европѣ оскорбительныя о немъ извѣстія, въ которыхъ не было даже тѣни правды. Самъ онъ хотѣлъ, кажется, быть подобнымъ Гракху; но исторія ни какъ не можетъ сравнивать ихъ. Гракхъ постоянно слѣдовалъ къ одной цѣли и погибъ жертвою стремленія своего; Наполеонъ началъ дѣйствовать въ духѣ Гракха, но потомъ измѣнилъ свое направленіе, и погибъ жертвою этой перемѣны, черезъ которую лишился любви народной.

Иногда разсчитывалъ онъ, какія обстоятельства могутъ отворить двери его темницы. « Если въ Европѣ будетъ тихо, говорилъ онъ, тогда не захотятъ тратить на насъ ни денегъ, ни заботъ, и постараются отъ насъ отдѣлаться; но до этого пройдетъ еще лѣтъ пять. Кромѣ этого случая, и кромѣ неожиданныхъ обстоятельствъ, которыхъ человѣкъ не можетъ предвидѣть, я вижу только одну возможность выйти отсюда: или народы призовутъ меня на помощь противъ утѣснителей, или короли призовутъ меня къ себѣ на помощь противъ

взволнованныхъ народовъ. Я одинъ могу прекратить эту борьбу, которая уже начинается.

Наполеонъ, читая декларацію 2 августа, ни какъ не могъ объяснить себѣ причинъ ея личнымъ характеромъ союзныхъ монарховъ.

« Францъ, говорилъ онъ, очень набоженъ, а я его сынъ!

« Александръ такъ добръ, и мы такъ любили другъ друга!

« Прусскій король.... я сдѣлалъ ему много зла, но могъ сдѣлать больше.... притомъ же прощать обиды такъ славно, такъ пріятно для сердца....

« Всѣмъ этимъ обязанъ я ненависти англійскихъ министровъ; но какъ же принцъ-регентъ не остановилъ этой, самой необыкновенной, злобы?.... »

Но онъ забывалъ, что посягалъ на независимость всѣхъ державъ и велъ войну со всѣми этими монархами, для поддержанія личныхъ своихъ выгодъ и своей системы, которая клонилась къ конечному разоренію Англія.

Декларація, возбудившая въ немъ такія воспоминанія о прежнихъ отношеніяхъ его къ союзнымъ монархамъ, заключалась въ нижеслѣдующемъ:

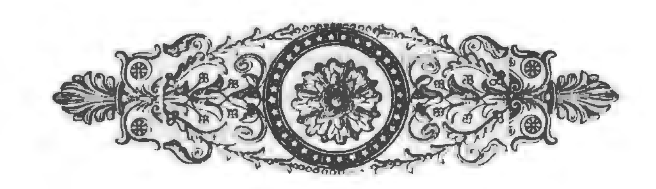
« Наполеонъ Бонапартъ во власти союзныхъ монарховъ. Ихъ величества, король великобританскій и ирландскій, императоръ австрійскій, Императоръ Россійскій и король прусскій, по силѣ трактата, 25 (13) марта 1815 года, приняли дѣйствительнѣйшія мѣры, чтобы предупредить всякое съ его стороны покушеніе противъ спокойствія Европы.

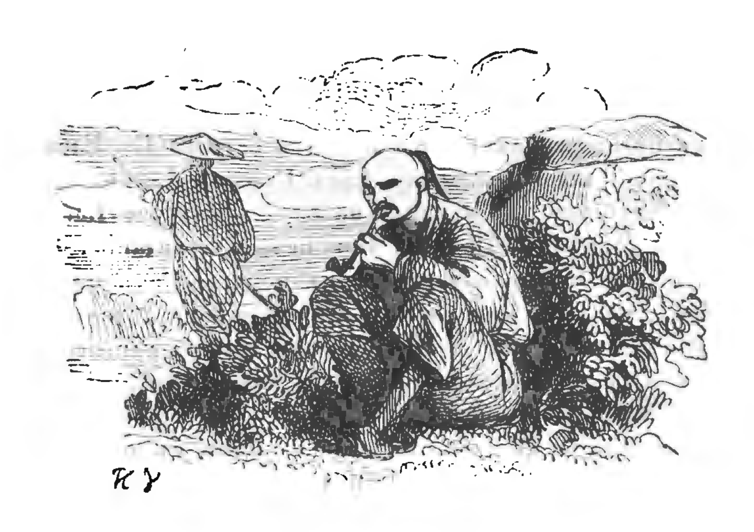
« Ст. 1. Державы, подписавшія трактатъ, 20 (8) прошлаго марта, почитаютъ Наполеона Бонапарте своимъ плѣнникомъ.

« Ст. 2. Надзоръ за нимъ особенно ввѣряется британскому правительству, и пр. »

Англійское правительство, принявъ на себя обязанность надзирать за падшимъ императоромъ, должно было сыскать

второстепеннаго исполнителя приговора, подписаннаго союзными державами. Англійскіе министры, Кастельри и Батурстъ, неумолимые враги Наполеона, выбрали Гудсонъ-Лова.

ГЛАВА LII.

Гудсонъ-Ловъ. Ежедневная борьба Наполеона съ губернаторомъ. Страданія и слабость императора. Ласказъ принужденъ разстаться съ Наполеономъ.

Гудсонъ-Ловъ!.... При этомъ имени содрогаются сердца приверженцевъ Наполеона!... Кейтъ и Кокбурнъ имѣли еще нѣкоторое уваженіе къ падшему герою, изъявили удивленіе къ генію, принимали участіе въ величіи погибшаго императора Французовъ; но они не такъ разумѣли данное имъ порученіе, какъ понимали его англійскіе министры.... Кейтъ и Кокбурнъ думали, что обязаны только смотрѣть за героемъ Франціи, оберегать его.... Новый тюремщикъ иначе разумѣетъ волю своихъ министровъ. Онъ дастъ почувствовать своимъ предмѣстникамъ, чего отъ нихъ требовали мщеніе и страхъ (*), и что они могутъ произве-

(*) Никто не изображалъ такъ живо этого страха, какъ Шатобріанъ. Въ рѣчи его, произнесенной въ палатѣ перовъ, находимъ слѣдующія замѣчательныя слова: « Надѣньте сѣрый сюртукъ и маленькую шляпу Наполеона на палку и поставьте ее на берегу Франціи, у Бреста: Англія немедленно примется за оружіе. »

сти, въ нѣсколько лѣтъ, при климатѣ острова Св. Елены и при помощи такого человѣка, какъ Гудсонъ-Ловъ!

Новый губернаторъ вышелъ на берегъ острова Св. Елены 14 (2) апрѣля 1816 года. При первомъ свиданіи, Наполеонъ почувствовалъ отвращеніе къ нему. «Какъ онъ безобразенъ, сказалъ Наполеонъ; фигура его просится на висѣлицу. Но не должно спѣшить рѣшительнымъ приговоромъ; можетъ-быть, недостатки лица выкупаются нравственными достоинствами; это очень возможно.»

Первою мѣрою Гудсонъ-Лова было взять съ особъ, находившихся при императорѣ, подписки въ томъ, что онѣ добровольно остаются на островѣ Св. Елены и что онѣ покорятся всѣмъ условіямъ, какія покажутся губернатору необходимыми для наблюденія за Наполеономъ.

Гудсонъ-Ловъ представилъ потомъ императору разныя сочиненія, въ которыхъ его царствованіе и характеръ представлялись самыми ложными и черными красками; одинъ изъ этихъ пасквилей былъ написанъ Прадтомъ и относился къ посольству въ Варшаву. Но шутка такого рода казалась Гудсонъ-Лову самымъ невиннымъ препровожденіемъ времени. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ слугъ императора и по одиначкѣ допрашивалъ ихъ, точно ли они самопроизвольно остаются на островѣ Св. Елены, какъ будто подозрѣвалъ искренность подписокъ, ими данныхъ. Такое требованіе губернатора очень оскорбило Наполеона; но онъ рѣшился наконецъ снести его терпѣливо. Окончивъ допросы, губернаторъ обратился къ Монтолону и Ласказу и сказалъ имъ, что доволенъ и «донесетъ своему правительству, что подписки даны самопроизвольно и безъ всякаго принужденія.» Потомъ принялся расхваливать мѣстоположеніе и находилъ, что императоръ и свита его напрасно жалуются; что имъ довольно хорошо. Когда ему замѣтили, что нѣтъ даже дерева, подъ которымъ можно было бы отдохнуть, что необходимо въ такомъ знойномъ климатѣ, онъ отвѣчалъ съ досадою: «Деревья посадимъ!» и потомъ молча ушелъ.

Здоровье императора часъ отъ часу слабѣло. Въ концѣ апрѣля, онъ нашелся принужденнымъ отказаться отъ тѣни свободы, которою до сихъ поръ пользовался для прогулокъ,

и почти не выходилъ изъ комнаты. Губернаторъ самъ явился къ нему. Знаменитый больной принялъ его, сидя на диванѣ, въ простомъ платьѣ. Съ первыхъ словъ объявилъ онъ Гудсонъ-Лову,

сонъ-Лову, что хочетъ протестовать противъ конвенціи 2 августа. Напомнивъ, что не хотѣлъ искать убѣжища въ Россіи или въ Австріи, и защищаться во Франціи до послѣдней крайности, чѣмъ могъ бы добыть выгоднѣйшія условія, онъ прибавилъ: « Ваши поступки не доставятъ вамъ чести въ исторіи! Впрочемъ, есть мстящее провидѣніе; рано или

поздно, оно накажетъ васъ. Не много пройдетъ времени, какъ ваши потомки, ваши законы, заплатятъ за это преступленіе!.... Ваши министры, своими инструкціями, довольно ясно показали, что хотѣли только сбыть меня съ рукъ! Зачѣмъ не назначили прямо смертной казни? И то и другое было бы равно законно. Быстрый конецъ дѣла показалъ бы болѣе энергіи въ нихъ, чѣмъ медленная смерть, къ которой меня присудили.»

Губернаторъ защищался инструкціями, ему данными, въ которыхъ, между прочимъ, было приказано, сказывалъ онъ, англійскому офицеру безпрестанно слѣдовать по стопамъ Наполеона. «Если бъ вы это соблюдали, отвѣчалъ Наполеонъ, я никогда не вышелъ бы изъ комнаты.» Гудсонъ-Ловъ объявилъ о скоромъ прибытіи корабля, на которомъ привезутъ деревянный дворецъ, мебель и разныя хозяйственныя принадлежности, что облегчитъ положеніе обитателей Лонгвуда. Но императоръ мало обратилъ вниманія на эти надежды, и горько жаловался, что англійское министерство лишаетъ его всѣхъ утѣшеній, книгъ и журналовъ, и что всего хуже, извѣстій о супругѣ и сынѣ. «Что касается, прибавилъ онъ, до мебелей, до квартиры, то мы оба съ вами — солдаты; мы знаемъ всѣмъ этимъ вещамъ настоящую цѣну. Вы были на моей родинѣ, можетъ-быть, заходили въ домъ мой; онъ не послѣдній на островѣ; мнѣ нечего краснѣть за него, но вы видѣли, какъ онъ малъ. Я былъ на тронѣ, раздавалъ вѣнцы, но не забылъ прежняго моего положенія: одинъ диванъ, вотъ эта походная постель — и я доволенъ!»

Во время разговора, губернаторъ нѣсколько разъ предлагалъ своего доктора Наполеону; уходя, онъ повторилъ предложеніе, но получилъ опять отказъ. Послѣ его ухода, Наполеонъ тотчасъ разсказалъ своимъ приближеннымъ все, что происходило между имъ и губернаторомъ. По окончаніи разсказа, послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ: — «Какое жалкое и зловѣщее лице губернатора! Во всю жизнь я не встрѣчалъ ничего подобнаго!.... Нельзя выпить чашки кофе, если такого человѣка оставятъ на единѣ со мною, на одну минуту!.... Можетъ-быть, ко мнѣ прислали человѣка, который хуже тюремщика!»

Не однѣ непріятности отъ враговъ дѣйствовали на слабое здоровье Наполеона; нѣкоторыя домашнія неустройства еще болѣе терзали душу его, и увеличивали скорбь, которая имъ овладѣла. Раздоръ поселился между приверженцами великаго человѣка. « Иногда между нами случались исторіи, которыя не нравились императору и огорчали его. Онъ говорилъ намъ по этому случаю: « Старайтесь, говорилъ онъ, составлять одно семейство; вы послѣдовали за мною, чтобы услаждать мои горести; неужели это чувство не можетъ заставить васъ жить въ дружбѣ? » Въ другомъ случаѣ, когда важный споръ завязался между двумя особами, рѣшившимися служить ему въ несчастіи, Наполеонъ весьма огорчился, услышавъ, что говорятъ о назначеніи условій поединка, и отнесся къ нимъ съ слѣдующею трогательною рѣчью:

« Зачѣмъ вы послѣдовали за мною? Чтобы быть мнѣ пріятными? Такъ будьте братьями; иначе, вы будете только безпокоить меня.... Вы хотите доставить мнѣ счастіе? Будьте братьями; иначе вы будете для меня наказаніемъ!

« Вы говорите, что хотите драться, и еще въ глазахъ моихъ, въ моемъ присутствіи! Развѣ вы забыли, что я долженъ быть однимъ предметомъ вашихъ заботъ? Развѣ вы не помните, что за нами слѣдятъ глаза иностранцевъ?..... Хочу, чтобы здѣсь каждый былъ проникнутъ моимъ духомъ ..... Хочу, чтобы здѣсь каждый былъ счастливъ, чтобы онъ получалъ на свою долю какъ можно болѣе изъ тѣхъ наслажденій, которыя намъ здѣсь дозволены.... Даже хочу, чтобы вотъ этотъ маленькій Эммануель получалъ свою долю сполна. »

Здоровье императора становилось ежедневно слабѣе и требовало большихъ попеченій; онъ захотѣлъ объясниться съ докторомъ О'Мира и узнать, какъ онъ будетъ лечить и посѣщать его, какъ медикъ англійскаго правительства, прикомандированный къ государственной тюрьмѣ, или какъ врачъ, состоящій при его особѣ. Докторъ отвѣчалъ, съ благородствомъ и откровенностію, что онъ желаетъ быть врачемъ Наполеона, и съ этой минуты пріобрѣлъ полную его довѣренность.

Губернаторъ, тщетно нѣсколько разъ приглашавшій *гене-*

рала Бонапарте къ себѣ на обѣдъ, пріѣхалъ въ половинѣ мая мѣсяца въ Лонгвудъ, сказать плѣннику, что для него привезли деревянный дворецъ. Императоръ принялъ его очень дурно; объявилъ ему, что не могъ отказать адмиралу въ совершенной довѣренности, не смотря на нѣкоторыя мелкія непріятности, но наслѣдникъ адмирала, по видимому, вовсе не желаетъ итти по слѣдамъ предшественника. Сиръ Гудсомъ, оскорбившись такимъ упрекомъ, отвѣчалъ, что пріѣхалъ не за уроками.

« Однако жъ нельзя сказать, чтобы вы не имѣли въ нихъ нужды; вы сами говорили, что ваши инструкціи гораздо строже приказаній, данныхъ адмиралу. Приказываютъ ли вамъ сбыть меня съ рукъ, ядомъ или желѣзомъ? Я жду всего отъ вашихъ министровъ; я готовъ, закалывайте жертву. Не знаю, какимъ образомъ дадите вы мнѣ ядъ; но дѣйствовать желѣзомъ вы уже нашли средство. Если вамъ вздумается, какъ вы уже угрожали мнѣ, нарушить права моего дома, то я увѣряю васъ, что храбрый 53 полкъ войдетъ въ него не иначе, какъ по моему трупу.

Когда здоровье Наполеона начало поправляться, приверженцы его упросили, чтобъ онъ принялся опять за обыкновенныя свои прогулки верхомъ. Сначала онъ никакъ не соглашался, не желая прогуливаться въ тѣсныхъ предѣлахъ, для того назначенныхъ, и « вертѣться около самого себя; какъ въ манежѣ. » Однако жъ, наконецъ, онъ уступилъ усильнымъ просьбамъ и, возвращаясь, проѣхалъ мимо англійскаго лагеря. Солдаты бросили свои занятія и составили изъ себя фронтъ. « Какой европейскій солдатъ, сказалъ онъ, не чувствуетъ трепета при моемъ приближеніи? »

Гудсонъ-Ловъ, казалось, опасался, что Наполеонъ забудетъ, что долженъ жить плѣнникомъ на островѣ Св. Елены, и ежедневно заботился напомнить ему объ этомъ какимъ нибудь оскорбленіемъ, новыми обидами, грубостями. Онъ задерживалъ письма изъ Европы, хотя они получались незапечатанныя и путями вовсе не подозрительными, подъ предлогомъ, что они не были прочитаны статсъ-секретаремъ. Потомъ онъ захватилъ записку г-жи Бертранъ, потому что записка была написана безъ его дозволенія, и оффиціяльно

запретилъ Наполеону и всѣмъ Французамъ Лонгвуда сообщаться, письменно или словесно, съ прочими жителями острова Св. Елены, безъ предварительнаго его на то дозволенія.

Между-тѣмъ, англійское министерство превратило въ законъ рѣшеніе, 2 августа, о содержаніи Наполеона на островѣ Св. Елены въ качествѣ плѣнника. При второмъ чтеніи этого билля, противъ него протестовалъ извѣстный лордъ Голландъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ государственныхъ мужей Англіи. При третьемъ чтеніи, протестовалъ герцогъ Суссекскій, братъ принца-регента. Губернаторъ, получивъ парламентскій актъ по этому предмету, нашелъ новый случай безпокоить своего плѣнника. Обнародывая парламентскій актъ, онъ присоединилъ къ нему свои собственныя, весьма обидныя, замѣчанія о расходахъ Наполеона; онъ утверждалъ,

что при немъ оставлено слишкомъ много вѣрныхъ слугъ, которыхъ не могли отлучить отъ него никакими средствами.

Обезпокоиваемый такимъ образомъ, ежедневно, оскорбленіями и разными мелочами, Наполеонъ не могъ снести ихъ, хотя хладнокровно сносилъ выстрѣлы и пальбу; онъ предался вліянію скуки и постоянно сидѣлъ въ своей комнатѣ. Иногда выходилъ онъ только къ г-жѣ Монтолонъ, которая недавно разрѣшилась отъ бремени. У ней былъ сынъ лѣтъ семи или восьми; его звали Тристаномъ. Наполеонъ забавлялся, заставляя его читать басни. Мальчикъ признался ему, что работаетъ не всякій день. — « Развѣ ты не всякій день обѣдаешь ? » спросилъ у него Наполеонъ. — « Обѣдаю всякій день, отвѣчалъ мальчикъ. — « Ну! такъ ты долженъ работать всякій день, потому что тотъ не долженъ обѣдать,

кто не работаетъ. » — Если такъ, отвѣчалъ мальчикъ, я буду работать всякій день. — Вотъ вліяніе желудка, сказалъ,

смѣясь, Наполеонъ и лаская ребенка; голодъ, желудокъ заставляютъ людей дѣйствовать и трудиться.»

Семейство Балькомбъ часто посѣщало Наполеона, и онъ оказывалъ къ нему большее уваженіе и участіе. Великій учитель искусства битвъ думалъ, что не стыдно ему, для своей славы и генія, играть въ Бріарѣ въ жмурки съ дѣвочками; и здѣсь, въ Лонгвудѣ, онъ не боялся унизить блескъ своего имени и достоинство своего характера продолженіемъ этой невинной, общепринятой игры, и даже принялъ на себя трудъ выучить одну изъ дѣвицъ Балкомбъ играть на бильярдѣ.

Коммиссары европейскихъ державъ прибыли на островъ Св. Елены, и желали представиться бывшему императору. Адмиралъ Малькольмъ, посѣтивъ Лонгвудъ, сказалъ объ этомъ Наполеону. Наполеонъ былъ очень доволенъ учтивымъ и добрымъ морякомъ, но не могъ согласиться на желеціе коммиссаровъ. «Адмиралъ, говорилъ онъ, вы и я, мы оба люди; я ссылаюсь на судъ вашъ. Могъ ли императоръ австрійскій, котораго дочь была моею женою, по собственному его желанію, которому я два раза возвращалъ его столицу, который задерживаетъ теперь мою жену и моего сына, можетъ ли онъ прислать сюда ко мнѣ коммиссара, не написавъ ко мнѣ ни строчки, не давъ мнѣ никакого извѣстія о здоровьѣ моего сына? Могу ли я принять его? О чемъ я буду говорить съ нимъ? То же почти замѣчаніе могу сдѣлать объ Императорѣ Александрѣ. Онъ прежде былъ со мною друженъ; я велъ съ нимъ войны политическія, а не личныя. Я все-таки человѣкъ, и не требую теперь другаго титула. Развѣ кто нибудь можетъ не тронуться моими несчастіями? Повѣрьте, генералъ, когда я не хочу принимать титулъ генерала, то не потому, чтобы это меня пугало. Я отвергаю его единственно потому, что не могу сознаться, что я былъ императоромъ; въ этомъ случаѣ, я болѣе защищаю честь другихъ, чѣмъ свою собственную.»

Адмиралъ доставилъ Наполеону газеты, въ которыхъ содержались извѣстія о смерти императрицы австрійской и приговоры надъ нѣсколькими генералами, сужденными по королевскому повелѣнію, отъ 24 іюля. Камбронну оправдали,

а Бертрана присудили къ смертной казни. Въ это же время Наполеонъ получилъ письма отъ матери своей, отъ сестры своей Полины и отъ брата Луціана.

Наканунѣ своихъ именинъ, Наполеонъ вздумалъ отправиться на охоту съ ружьемъ; но не могъ долго ходить пѣшкомъ, и былъ принужденъ сѣсть на лошадь. Во время обѣда, когда ему напомнили, что на слѣдующій день будетъ 15 августа, онъ сказалъ съ душевнымъ волненіемъ: « Завтра, въ Европѣ, многіе выпьютъ за здоровье живущихъ на островѣ Св. Елены! Нѣкоторыя желанія, нѣкоторыя чувства, переплывутъ и черезъ океанъ! » На другой день, онъ завтракалъ вмѣстѣ со всѣми вѣрными своими слугами, въ обширной и великолѣпной палаткѣ, которую велѣлъ раскинуть въ саду, и цѣлый день провелъ въ ихъ кругу.

Горькіе упреки и досадное униженіе, получаемые Гудсонъ-Ловомъ прямо отъ Наполеона, принуждали губернатора къ сильнѣйшей строгости и возбуждали въ немъ еще болѣе ненависти къ его плѣннику. Гобгозъ прислалъ къ императору исторію свою *Ста дней*, съ надписью, золотыми буквами: *Наполеону Великому*! Губернаторъ удержалъ книгу у себя и не доставилъ ее императору, подъ предлогомъ, что авторъ дурно отзывается о министрѣ Кастельре. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого неприличнаго поступка, онъ явился къ императору, нашелъ его въ лонгвудскомъ саду и старался оправдать себя, говоря, что если бъ его лучше знали, то вѣрно судили не такъ строго. Такая дерзкая самонадѣянность доставила ему новое обидное замѣчаніе Наполеона, въ присутствіи самаго адмирала Малкольма.

« Вы всегда командовали, сказалъ ему Наполеонъ, бродягами и дезертирами корсиканскими, или разбойниками піемонтскими и неаполитанскими. Я знаю имена всѣхъ англійскихъ генераловъ, которые чѣмъ нибудь отличались, но объ васъ я не слыхалъ никогда ничего хорошаго. Вы никогда не командовали честными людьми, и даже не привыкли жить съ ними. » Сиръ Гудсонъ-Ловъ отвѣчалъ, что вовсе не искалъ порученія, которое ему дали; Наполеонъ возразилъ ему: « Никто не проситъ такихъ мѣстъ; правительства отдаютъ ихъ людямъ, которые себя обезчестили. » Тогда гу-

бернаторъ началъ защищаться возложенными на него обязанностями, и прикрывалъ себя министерскими распоряженіями, отъ которыхъ не смѣлъ уклоняться ни въ какомъ случаѣ. « Не думаю, сказалъ Наполеонъ съ досадою, чтобы англійское правительство рѣшилось давать вамъ такія приказанія, какія вы исполняете. » Наконецъ Гудсонъ-Ловъ объявилъ, что англійскіе министры весьма желаютъ сократить издержки на Лонгвудъ. «Не присылайте мнѣ ничего на столъ, если хотите, сказалъ императоръ, я стану обѣдать съ храбрыми офицерами 53 полка; увѣренъ, что каждый изъ нихъ за счастье почтетъ дать мѣсто старому солдату. Вы сицилійскій сбиръ, а не Англичанинъ. Не приходите ко мнѣ иначе, какъ съ приказомъ о моей смерти: тогда я велю отворить для васъ всѣ двери! »

Гудсонъ-Ловъ, понимая, что сталъ предметомъ ненависти и отвращенія для Наполеона и для всѣхъ Французовъ, жившихъ въ Лонгвудѣ, старался вовлечь англійскихъ офицеровъ, находившихся на островѣ Елены, въ то непріязненное положеніе, которое создалъ самъ себѣ своими неприличными поступками съ Наполеономъ и прочими жителями Лонгвуда. Съ этою цѣлію онъ распустилъ слухъ, что Наполеонъ не хочетъ принимать его единственно по ненависти, которую питаетъ вообще къ англійскому народу, и что ненависть эта простирается даже на офицеровъ 53 полка, которыхъ онъ тоже не хочетъ видѣть. Слухъ этотъ дошелъ до императора. Онъ немедленно призвалъ къ себѣ старшаго офицера 53 полка, капитана Поплетона, и удостовѣрилъ его, что никогда не говорилъ, не думалъ ничего похожаго на разсказы Гудсонъ-Лова. « Я не старая баба, сказалъ онъ, люблю храбрыхъ солдатъ, крещеныхъ огнемъ, къ какой бы они націи ни принадлежали. »

Покрытый стыдомъ, тщетно старавшійся оправдаться, Сиръ Гудсонъ-Ловъ рѣшился на самыя дерзкія оскорбленія, для оправданія своихъ несправедливыхъ поступковъ. Онъ призвалъ къ себѣ доктора О'Миру, подъ предлогомъ, что хочетъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о состояніи здоровья Наполеона, а въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сильно напасть на него, въ досадѣ на все то, что происходило въ послѣднее

между ними свиданіе. «Скажите генералу Бонапарте, закричалъ онъ съ гнѣвомъ, что онъ долженъ болѣе заботиться о своемъ поведеніи, потому что я буду принужденъ еще болѣе ограничить кругъ его дѣйствій и принять еще болѣе стѣснительныя мѣры, если онъ станетъ продолжать дѣйствовать, какъ теперь дѣйствуетъ.» Потомъ онъ говорилъ, что Наполеонъ погубилъ милліоны людей, и наконецъ сказалъ: «Али-Паша, какъ разбойникъ, почтеннѣе Бонапарта.»

Впрочемъ, и императоръ жалѣлъ, что такъ грубо обошелся съ губернаторомъ. «Болѣе было бы достоинства, говорилъ онъ, высказать ему все съ хладнокровіемъ; тогда все это было бы еще сильнѣе.» Докторъ О'Мира успокоилъ его, увѣдомивъ, что Гудсонъ-Ловъ рѣшился не появляться болѣе въ Лонгвудѣ.

Не довольствуясь словеснымъ протестомъ, сильнымъ и краснорѣчивымъ, Наполеонъ захотѣлъ передать современникамъ и потомству мнѣніе свое объ англійскомъ министерствѣ и судьяхъ своихъ, опираясь на нравственную силу, которую даютъ справедливость и геній, и которую не можетъ разрушить никакое политическое паденіе. Съ этою цѣлію приказалъ онъ графу Монтолону доставить оффиціяльный губернатору актъ, въ которомъ излагалъ свои жалобы и претензіи, и порицаніе противъ англійскаго министерства, выраженное сильно, умно и энергически.

Гудсонъ-Ловъ безпрестанно напоминалъ объ излишнихъ издержкахъ въ Лонгвудѣ и объ необходимости уменьшить ихъ. Ежедневно дѣлалъ онъ привязки къ кухоннымъ расходамъ, не боялся унизить должность свою самыми унизительными подробностями, и спорилъ за бутылку вина или за нѣсколько фунтовъ говядины. Однако же, онъ предложилъ увеличить сумму на расходы императора и свиты его, но съ условіемъ, чтобы весь излишекъ проходилъ черезъ его руки и чтобы онъ зналъ, на какіе предметы тратятся добавочныя деньги. Онъ грозилъ, что уменьшитъ издержки, если предложеніе его не будетъ принято; по этому Ласказъ написалъ въ своемъ журналѣ: «Торгуются о нашемъ существованіи. Императоръ никакъ не захотѣлъ входить въ пренія такого рода, и просилъ, чтобы ему ничего не сообщали объ этомъ дѣлѣ.»

Между-тѣмъ, сиръ Гудсонъ-Ловъ привелъ свои угрозы въ исполненіе: издержки были сокращены, въ Лонгвудѣ скоро дошло до того, что почувствовали недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. Однажды императоръ, отобѣдавъ въ своихъ комнатахъ, вышелъ къ общему столу, за которымъ обѣдала его свита, и нашелъ, что сії почти нечего ѣсть. Съ этой минуты онъ приказалъ ежемѣсячно продавать часть серебряной своей посуды, для уплаты тѣхъ издержекъ, которыя были уменьшены по приказанію Гудсонъ-Лова.

Довольно прискорбно было Наполеону продавать свою посуду на содержаніе вѣрныхъ своихъ слугъ; но къ этому прискорбію присоединилось еще другое, обидное, обстоятельство, изобрѣтенное губернаторомъ, желавшимъ безпрерывно безпокоить своего плѣнника. Многіе покупали, почти дрались, желая имѣть вещи, принадлежавшія и служившія императору; соревнованіе доходило до того, что за одну тарелку давали сто гиней; губернаторъ вдругъ отдалъ приказаніе, что серебро будетъ продаваемо только тѣмъ лицамъ, которыя онъ самъ назначитъ. Императоръ, самъ, съ своей стороны, думалъ о средствахъ прекратить это соперничество покупателей, и приказалъ снять съ серебра всѣ особенные знаки, показывавшіе, что вещи принадлежали къ его дому. Сохранились только небольшіе массивные орлы, которые красовались на каждомъ приборѣ.

Такія ежедневныя непріятности быстро разрушали здоровье императора. Черты лица его такъ замѣтно измѣнились, что перемѣна безпокоила окружавшихъ его; онъ сталъ очень похожъ на старшаго своего брата. Страданія и истощеніе не мѣшали ему продолжать упражненія и труды умственные, предпринятые имъ съ самаго пріѣзда на островъ Св. Елены. Онъ продолжалъ учиться по-англійски у Ласказа, и старательно занимался диктованіемъ, своимъ генераламъ или Ласказу, или его сыну, разсказовъ о своихъ походахъ и замѣчательнѣйшихъ случаевъ жизни. Въ тотъ самый день, какъ сиръ Гудсонъ-Ловъ пытался вывести его изъ терпѣнія распоряженіями о серебрѣ, онъ диктовалъ генералу Гурго разсказъ о битвѣ при Маренго, а съ Ласказомъ перечиталъ описаніе аркольскаго сраженія, продиктованное прежде. «Сна-

чала, говорятъ въ *Mémorial*, императоръ заставлялъ кого нибудь читать продиктованное по вечерамъ; но одна изъ присутствовавшихъ дамъ заснула и онъ прекратилъ этотъ обычай, сказавъ при этомъ случаѣ: «Авторское самолюбіе вездѣ одинаково!»

Послѣ всѣхъ оскорбленій и преслѣдованій противъ Наполеона, послѣ всѣхъ уроковъ, полученныхъ отъ падшаго императора, Гудсонъ-Ловъ просилъ еще разъ дозволенія видѣть его; но Наполеонъ остался непреклоннымъ, и рѣшительно объявилъ, что никогда не хочетъ видѣть его. Тогда губернаторъ прислалъ, чрезъ доктора О'Миру, письмо, въ которомъ объяснялъ,

что никогда не имѣлъ намѣренія огорчить или оскорбить *генерала Бонапарта*, что подавало ему право, какъ онъ писалъ, требовать отъ него « извиненій въ тѣхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ, которыя были произнесены въ послѣднее ихъ свиданіе. » Гудсонъ-Ловъ требовалъ также извиненій отъ генерала Бертрана, за то, что генералъ не остерегся въ разговорахъ съ нимъ, въ послѣдній разъ, какъ они видѣлись и спорили. « Наполеонъ, говоритъ О'Мира, презрительно улыбнулся при мысли, что его принуждаютъ извиняться передъ сиромъ Гудсонъ-Ловомъ. »

Черезъ два дня, полковникъ Ридъ (Reade) пріѣхалъ въ Лонгвудъ, и просилъ дозволенія представиться Наполеону. Онъ доставилъ ноту, въ которой содержались новыя распоряженія сира Гудсонъ-Лова. Полковникъ, явившись къ Наполеону, прочелъ ему эту бумагу, писанную на англійскомъ языкѣ, и удержалъ ее у себя, не оставивъ императору ни копіи, ни перевода. Гудсонъ-Ловъ приказывалъ:

« Французы, желающіе оставаться при генералѣ Бонапарте, подпишутъ особую бумагу, которая будетъ имъ сообщена, и согласятся подвергнуться всѣмъ запрещеніямъ, какія могутъ быть предписаны для генерала Бонапарте, безъ всякаго изъятія въ этомъ отношеніи. Тѣ, кои откажутся дать подписку, будутъ прямо отосланы на Мысъ Доброй Надежды. Весь штатъ сокращается до четырехъ человѣкъ; остающіеся должны подлежать англійскимъ законамъ, какъ англійскіе подданные, и особенно тѣмъ законамъ, которые изданы на счетъ генерала Бонапарте, и назначаютъ смертную казнь за всякое содѣйствіе къ его побѣгу. Кто изъ нихъ дозволитъ себѣ оскорбить кого нибудь, или разсуждать, или не повиноваться губернатору или начальству своему, будетъ немедленно высланъ на Мысъ Доброй Надежды, откуда ему не будетъ возможно возвратиться въ Европу. »

Докторъ сообщилъ Наполеону это приказаніе въ переводѣ. Наполеонъ долго разсуждалъ о незаконности такого распоряженія, и наконецъ сказалъ: — « Пускай лучше всѣ уѣдутъ, чѣмъ при мнѣ останется три или четыре человѣка, въ безпрерывномъ страхѣ, съ опасностію, что ихъ вывезутъ отсюда насиліемъ; послѣ этого распоряженія, они на-

ходятся въ полной и неограниченной власти губернатора. Пусть отошлетъ всѣхъ, меня окружающихъ, пусть разставитъ часовыхъ у дверей и оконъ, пусть присылаетъ мнѣ хлѣбъ и воду — мнѣ все равно. Духъ мой свободенъ. Душа моя также независима, какъ была въ то время, когда я предписывалъ законы Европѣ. »

Однако же, этимъ не кончились запрещенія, которыми Гудсонъ-Ловъ грозилъ падшему императору. Онъ объявилъ, основываясь на безграничной власти, данной ему на всемъ островѣ, что Наполеонъ не долженъ съѣзжать съ большой дороги, ни входить ни въ чей домъ, ни даже разговаривать съ людьми, которыхъ онъ можетъ встрѣтить во время прогулки верхомъ или пѣшкомъ. Вслѣдъ за тѣмъ было предписано, что всѣ запрещенія, положенныя на *генерала Бонапарте*, равно относятся и къ особамъ, составляющимъ его свиту.

Сначала, въ Лонгвудѣ, не хотѣли вѣрить такому увеличенію строгостей, и безъ того уже чрезвычайно стѣснительныхъ. Доктору поручили объясниться съ губернаторомъ подробно и рѣшительно. Гудсонъ-Ловъ далъ всѣ возможныя объясненія безъ замедленія, и ни мало не старался извинять своихъ стѣснительныхъ распоряженій. Онъ сильно занимался оффиціяльнымъ протестомъ, переданнымъ ему отъ графа Монтолона, и желалъ знать, послана ли эта оскорбительная для него бумага въ Лондонъ и въ другія столицы Европы, и ходятъ ли копіи съ нея по острову? О'Мира далъ ему утвердительный отвѣтъ. Губернаторъ чрезвычайно встревожился.

Наполеонъ ожидалъ всего отъ Гудсонъ-Лова, и даже сказалъ ему о своемъ предчувствіи, во время первыхъ свиданій. Однако жъ, послѣдняя мѣра раздражила его, потому что онъ никакъ не могъ прежде придумать ее и приготовиться къ ней. Онъ не вѣрилъ, что англійскіе министры могли дать такое приказаніе, хотя губернаторъ увѣрялъ О'Миру, что дѣйствуетъ точно по инструкціямъ, получаемымъ изъ Лондона. — « Я убѣжденъ, говорилъ онъ, что, кромѣ Лорда Батурста, никто не могъ предписать такихъ стѣснительныхъ и оскорбительныхъ обо мнѣ распоряженій. »

Губернаторъ пріѣхалъ въ Лонгвудъ и объявилъ генералу Бертрану, что генералы, Ласказъ и всѣ служители будутъ немедленно высланы на Мысъ Доброй Надежды, потому что не хотятъ подписать деклараціи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ требуетъ.

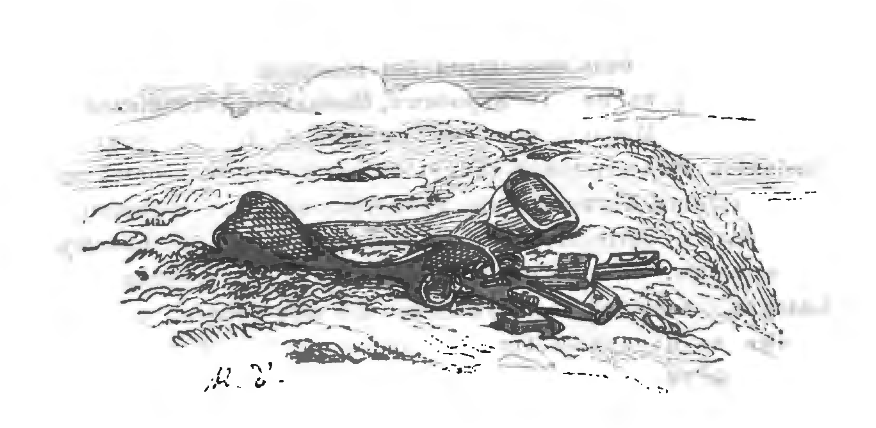
Такое рѣшеніе, которое немедленно было бы приведено въ исполненіе, произвело именно то дѣйствіе, какого ожидалъ и желалъ губернаторъ. Люди, рѣшившіеся ѣхать въ дальнія страны и раздѣлять бѣдствія героя, котораго они любили всего душею, должны были покориться силѣ, чтобы избѣжать разлуки, грозившей имъ по словамъ Гудсонъ-Лова. Тайкомъ отъ Наполеона, они пришли ночью къ капитану Поплетону и тамъ всѣ подписали актъ, составленный губернаторомъ, кромѣ одного Сантини, который рѣшительно объявилъ, что не подпишетъ никакой бумаги, гдѣ Наполеону не даютъ императорскаго титула.

Это новое доказательство преданности ни мало не удивило Наполеона. «Они подписали бы *дуракъ Наполеонъ*, или все, что угодно, сказалъ онъ, только бы остаться со мною здѣсь, въ нищетѣ; а вѣдь они могли бы возвратиться въ Европу, и жить тамъ въ нѣгѣ!» Впрочемъ, Наполеонъ соглашался съ докторомъ О'Мирою, что ему смѣшно было бы носить и требовать императорскій титулъ въ настоящемъ своемъ положеніи, если бъ англійскіе министры не такъ настойчиво отнимали у него это достоинство. «Я былъ бы похожъ, сказалъ онъ, на одного изъ несчастныхъ, заключенныхъ въ Бедлатѣ, который воображаетъ, что онъ король, лежа на соломѣ въ цѣпяхъ.» Онъ заботился объ этомъ титулѣ не изъ гордости, а изъ уваженія къ правамъ французскаго народа.

Непріязнь губернатора къ Наполеону распространялась на всѣхъ Французовъ, жившихъ въ Лонгвудѣ; но особенно не любилъ онъ Ласказа, въ которомъ предвидѣлъ будущаго историка всѣхъ своихъ дѣйствій и поступковъ. Скоро губернаторъ избавился отъ этого непріятнаго наблюдателя. Ласказъ послалъ черезъ своего слугу письмо, для передачи Луціану Бонапарте. Гудсонъ-Лова немедленно извѣстили объ этомъ; онъ торжествовалъ. Законъ о высылкѣ будетъ имѣть

немедленное дѣйствіе надъ человѣкомъ, котораго онъ не могъ терпѣть. Въ концѣ ноября 1816 года, Ласказа взяли подъ стражу и посадили въ тюрьму на островѣ Св. Елены. Гудсонъ-Ловъ, разсмотрѣвъ всѣ его бумаги, сдѣлалъ ему допросъ, и потомъ велѣлъ выслать его на Мысъ Доброй Надежды. Докторъ О'Мира старался смягчить губернатора, указывая на слабое здоровье молодаго Ласказа. — « Что значитъ для политики смерть ребенка! » отвѣчалъ Гудсонъ-Ловъ.

Наполеонъ хотѣлъ утѣшить Ласказа и писалъ къ нему, когда онъ находился еще въ тюрьмѣ; но губернаторъ удержалъ письмо, которое дошло къ Ласказу только послѣ смерти Наполеона.

ГЛАВА LIII И ПОСЛѢДНЯЯ.

Послѣдніе годы Наполеона. Смерть его.

Гурго, имѣвшій нѣсколько разъ непріятности и споры съ Ласказомъ, передъ отъѣздомъ его желалъ показать ему, что несогласія ихъ происходили не отъ того, чтобъ они не любили другъ друга. Онъ попросилъ позволенія сопровождать Бертрана, которому дозволено было повидаться съ Ласказомъ, и они вмѣстѣ поѣхали прощаться съ несчастнымъ своимъ сотоварищемъ, получившимъ приказаніе ѣхать въ ссылку. (*)

(*) Ласказа выслали сначала на Мысъ Доброй Надежды, а потомъ позволили ему ѣхать въ Европу, гдѣ онъ терпѣлъ еще гоненія и непріятности.

Послѣ отъѣзда Ласказа, гоненія на Лонгвудъ продолжались по прежнему. Обыкновенно, черезъ доктора О'Миру губернаторъ передавалъ непріятныя вѣсти, касавшіяся до Наполеона; докторъ исполнялъ эти трудныя порученія такъ осторожно и съ такою ловкостію, что ежедневно болѣе и болѣе заслуживалъ довѣренность Наполеона, и терялъ довѣріе сира Гудсонъ-Лова. Послѣдній тщательно старался оправдать слова падшаго императора, что « ему прислали человѣка, который хуже тюремщика. » Преслѣдованія возобновлялись ежедневно, во всѣхъ возможныхъ формахъ. Когда Наполеонъ просилъ, чтобы ему дали книгу Пильета объ Англіи, сиръ Гудсонъ-Ловъ взялъ изъ своей библіотеки книгу подъ заглавіемъ: *Извѣстные обманщики*, или Исторія ничтожныхъ людей, всѣхъ націй, которые назывались императорами и королями самопроизвольно, и отдавая эту книгу доктору О'Мирѣ, сказалъ ему: — « Отдайте и эту книжку генералу Бонапарте. Тутъ онъ, можетъ-быть, найдетъ характеръ, похожій на его собственный. » Таковъ былъ человѣкъ, присланный англійскими министрами, которыхъ Наполеонъ почиталъ великодушнѣйшими изъ враговъ своихъ.

Наполеонъ вѣрно осудилъ и характеризовалъ сира Гудсонъ-Лова, когда назвалъ его сицилійскимъ сбиромъ; въ немъ хитрость соединялась съ жестокостію, коварство съ страстію къ мщенію. Рѣчи его были зеркаломъ его души; чувства свои часто выражалъ онъ самыми грубыми фразами. Однажды, осыпая бранью вѣрныхъ спутниковъ Наполеона въ бѣдствіи, онъ сказалъ при всѣхъ: « Генералу Бонапарте было бы гораздо лучше, если бъ онъ не былъ окруженъ такими *лжецами*, какъ Монтолонъ, и такимъ son of a bitch, какъ Бертранъ, который вѣчно жалуется (*).

Губернаторъ былъ очень недоволенъ, что при Наполеонѣ находятся Французы. Онъ желалъ, чтобы ежедневныя мученія и медленная казнь падшаго императора не утѣшались преданностію и дружбою любящихъ его людей; онъ желалъ наказывать жертву несчастія въ уединеніи, не боясь разсказовъ и наблюдателей за его поступками. Съ этою цѣлію

(*) « Это выраженіе, говоритъ О'Мира, употребляется только низшимъ классомъ народа въ Англіи. »

удалилъ онъ сначала Ласказа, а потомъ старался удалить доктора О'Миру.

« Вы кажетесь мнѣ подозрительнымъ, говорилъ не рѣдко Гудсонъ-Ловъ доктору, я вамъ не могу довѣриться. » И потому писалъ въ Лондонъ, чтобы вытребовали О'Миру съ острова Св. Елены.

Пока доносъ губернатора шелъ въ Лондонъ, О'Мира, не обращая вниманія на подозрѣнія и гнѣвъ губернатора, не переставалъ ежедневно посѣщать знаменитаго больнаго, и доставлялъ ему не только медицинскія пособія, но даже всѣ возможныя утѣшенія, допускаемыя обстоятельствами. Онъ не былъ подверженъ мѣрамъ строгости, тяготѣвшимъ на прочихъ жителяхъ Лонгвуда, и доставлялъ имъ случай имѣть сношенія съ особами, жившими внѣ Лонгвуда, за что Наполеонъ награждалъ его полнымъ довѣріемъ.

Когда губернаторъ не тревожилъ плѣнника своими требованіями, что случалось весьма рѣдко, Наполеонъ занимался разсмотрѣніемъ Исторіи знаменитыхъ мужей, или разсуждалъ о важнѣйшихъ статьяхъ современной политики.

Особенно занимался онъ французскою революціею, разсматривалъ ея начало и общность, и очерчивалъ ея характеръ, съ философической высоты и съ безпристрастной точки, на которую поставило его бѣдствіе, положивъ преждевременный конецъ его политическому существованію. « Французская революція, говорилъ онъ, произошла не отъ столкновенія двухъ династій, спорившихъ о престолѣ; она была общимъ движеніемъ массы.... Она уничтожила всѣ остатки временъ феодализма и создала новую Францію, въ которой повсюду было одинаковое устройство судебное, одинаковый порядокъ административный, одинаковые гражданскіе законы, одинаковые законы уголовные, одинаковая система налоговъ..... Въ новой Франціи, двадцать пять милліоновъ людей составляли одинъ классъ, управляемый однимъ закономъ, однимъ учрежденіемъ, однимъ порядкомъ....

Наполеонъ предвидѣлъ, что движеніе безпокойныхъ умовъ во Франціи не остановилось. « Черезъ двадцать лѣтъ, когда я уже умру и буду лежать въ могилѣ, вы увидите во Франціи новую революцію. » Слова эти были замѣчены и пере-

даны докторомъ О'Мирою. Послѣдствія показали, что дальновидный умъ плѣнника на островѣ Св. Елены не ошибся и въ этомъ случаѣ.

Отъ исторія Наполеонъ часто переходилъ къ оцѣнкѣ собственнаго своего царствованія и своей жизни.

«Пусть стараются, говорилъ онъ, урѣзывать, безобразить, коверкать мои поступки, все-таки трудно будетъ совершенно уничтожить меня. Историкъ Франціи все-таки будетъ разсказывать, что происходило во время имперіи, и будетъ принужденъ удѣлить нѣкоторую часть подвиговъ на мою долю, и это не представитъ ему почти труда: факты говорятъ сами за себя, блестятъ, какъ солнце.

«Я убилъ чудовище анархіи, прояснилъ хаосъ. Я обуздалъ революцію, облагородилъ націю и утвердилъ силу верховной власти. Я возбудилъ соревнованіе, награждалъ всѣ роды заслугъ, и отодвинулъ предѣлы славы! Все это чего нибудь стоитъ! На какомъ пунктѣ станутъ нападать на меня, котораго не могъ бы защитить историкъ? Станутъ ли бранить мои намѣренія? онъ объяснитъ ихъ. Мой деспотизмъ? историкъ докажетъ, что онъ былъ необходимъ по обстоятельствамъ. Скажутъ ли, что я стѣснялъ свободу? онъ докажетъ, что вольность, анархія, великіе безпорядки стучались къ намъ въ дверь. Обвинятъ ли меня въ страсти къ войнѣ? онъ докажетъ, что всегда на меня нападали. Или въ стремленіи къ всемірной монархіи? онъ покажетъ, что оно произошло отъ стеченія неожиданныхъ обстоятельствъ, что сами враги мои привели меня къ нему. Наконецъ обвинятъ ли мое честолюбіе? А! историкъ найдетъ во мнѣ много честолюбія, но самаго великаго, самаго высокаго! Я хотѣлъ утвердить царство ума и дать просторъ всѣмъ человѣческимъ способностямъ. И тутъ историкъ долженъ будетъ пожалѣть, что такое честолюбіе осталось не удовлетвореннымъ!... Вотъ, въ немногихъ словахъ, вся моя исторія! (Mémorial) (*)

Гудсонъ-Ловъ рѣшился отнять О'Миру у Наполеона, такъ же, какъ разлучилъ съ нимъ Ласказа. Не получивъ изъ Лон-

(*) Наполеонъ зналъ, что противъ него явятся порицатели, но не заботился о нихъ и говорилъ: «Они будутъ грызть гранитъ.»

дона позволенія на высылку доктора съ острова Св. Елены, онъ подвергнулъ О'Миру такимъ стѣснительнымъ и оскорбительнымъ распоряженіямъ, чтобы тотъ не могъ выдержать ихъ и старался бы избавиться отъ нихъ поскорѣе, подавъ въ отставку. Намѣреніе губернатора удалось вполнѣ. О'Мира, заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ Лонгвуда, лишенный общества Англичанъ и не имѣя ни съ кѣмъ сношеній, кромѣ медицинскихъ, отнесся къ адмиралу Плампену съ просьбою объ отмѣнѣ такого скучнаго ареста; но адмиралъ не захотѣлъ принять его. О'Мира принужденъ былъ подать въ отставку, и тотчасъ написалъ объ этомъ губернатору.

Но коммиссары союзныхъ державъ, видя, что здоровье императора требовало безпрерывныхъ попеченій, и что отъѣздъ доктора, если не пріѣдетъ немедленно его преемникъ, можетъ повлечь за собою непріятныя послѣдствія и навлечь на нихъ строгую отвѣтственность, настоятельно требовали отъ губернатора, чтобы докторъ О'Мира продолжалъ по прежнему пользовать лонгвудскаго плѣнника. Послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ, Гудсонъ-Ловъ согласился на ихъ требованіе, думая, что доносами, отправляемыми въ Лондонъ, достигнетъ наконецъ своей цѣли и успѣетъ удалить ненавистнаго ему доктора.

Онъ началъ тѣмъ, что уговорилъ командира 66-го полка, который пришелъ на смѣну 53-го, исключить О'Миру изъ числа офицеровъ, обѣдавшихъ за общимъ столомъ. Пока шла дѣятельная переписка объ этой новой обидѣ, докторъ получилъ письмо отъ подполковника Эдуарда Вейніара (Wyniard), который увѣдомлялъ его, отъ имени Гудсонъ-Лова, что графъ Батурстъ, отношеніемъ, отъ 16 мая 1818 года, приказалъ ему прекратить всѣ сношенія съ генераломъ Бонапарте, равно какъ и съ другими жителями Лонгвуда.

« Человѣколюбіе, говоритъ О'Мира, обязанности моего званія и тогдашнее опасное положеніе здоровья Наполеона, запрещали мнѣ повиноваться этому безчеловѣчному распоряженію.... Я немедленно рѣшился по прежнему пользовать Наполеона, какія ни были бы послѣдствія моей рѣшимости. Здоровье Наполеона требовало, чтобы я не оставлялъ его и

самъ приготовлялъ ему лекарства, потому что у меня не было помощника.» Докторъ пріѣхалъ въ Лонгвудъ и сообщилъ Наполеону о приказаніи графа Батурста.

— «Я умру скорѣе, сказалъ Наполеонъ; имъ кажется, что я живу слишкомъ долго.»

О'Мира далъ Наполеону медицинскіе совѣты, которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать послѣ его отъѣзда. Когда докторъ замолчалъ, Наполеонъ сказалъ ему съ жаромъ и чувствомъ:

— «Когда пріѣдете въ Европу, сходите къ брату моему, Іосифу, или пошлите къ нему; онъ отдастъ вамъ пакетъ съ письмами, которыя я получалъ отъ разныхъ знаменитыхъ лицъ. Я отдалъ ему ихъ въ Рошфортѣ. Напечатайте ихъ; они покроютъ стыдомъ многихъ, и покажутъ, какъ всѣ мнѣ поклонялись, когда я былъ въ силѣ. Теперь, когда я состарѣлся, меня стѣсняютъ, разлучаютъ съ женою, съ сыномъ. Прошу васъ исполнить мое порученіе. Если услышите клевету на меня и можете опровергнуть ее достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, опровергайте и разсказывайте то, что здѣсь видѣли.»

Потомъ Наполеонъ продиктовалъ генералу Бертрану письмо, и сдѣлалъ на немъ собственноручную приписку, въ которой рекомендовалъ доктора супругѣ своей. Кромѣ того, онъ поручилъ доктору собрать свѣдѣнія объ его семействѣ и разсказать положеніе его родственникамъ.

«Скажите, что я до сихъ поръ люблю ихъ по прежнему, прибавилъ онъ; выразите чувства моей любви къ Маріи Луизѣ, къ моей доброй матери и къ Полинѣ. Если увидите моего сына, поцѣлуйте его за меня; пусть никогда не забываетъ, что родился французскимъ принцемъ. Скажите Леди Голландъ, что я помню ея дружбу и сохраняю къ ней полное уваженіе. Наконецъ, постарайтесь доставить мнѣ вѣрныя свѣдѣнія о воспитаніи моего сына.» Потомъ взялъ руку доктора, обнялъ его и опять сказалъ: «Прощайте, О'Мира, мы болѣе не увидимся; будьте счастливы!»

Но не всѣ печальныя потери для Наполеона совершились. Едва О'Мира уѣхалъ съ острова Св. Елены, какъ и Гурго принужденъ былъ возвратиться въ Европу, потому что зло-

вредный климатъ острова породилъ въ немъ болѣзнь, которая становилась страшною. Прибывъ въ Европу, генералъ Гурго разсѣялъ повсюду опасенія свои на счетъ здоровья императора. Родные великаго полководца, глубоко опечаленные, безпокоились еще болѣе. Особенно мать его, узнавъ, что сынъ, доставлявшій ей всегда счастіе и славу, страдаетъ болѣзнію, которая можетъ превратиться въ смертельную, и не имѣетъ при себѣ доктора; мать его, всегда нѣжная и добрая къ нему, огорчилась и опечалилась болѣе всѣхъ другихъ родственниковъ. Она заставила кардинала Феша вступить въ сношенія съ лордомъ Батурстомъ; скоро кардиналъ достигъ цѣли, т. е. г-жѣ Летиціѣ дали позволеніе послать на островъ Св. Елены доктора Антомарки, пастора и еще двухъ человѣкъ.

Антомарки прибылъ на островъ Св. Елены 18 сентября

1819. Онъ былъ принятъ, къ величайшему своему удивленію, очень ласково Гудсонъ-Ловомъ, который, впрочемъ, жаловался на гордость, суровость и протестаціи генерала Бонапарте. Но этотъ пріемъ не помѣшалъ, однако жъ, достойнымъ агентамъ губернатора, Риду и Горрекеру, исполнить порученія, на нихъ возложенныя. Горрекеръ, съ извиненіями пересмотрѣлъ письма, рукописи и планы, посылаемые въ Лонгвудъ, а Ридъ, безъ всякихъ извиненій, строго досмотрѣлъ имущество Антомарки и его товарищей, между коими находились два пастора, аббаты Буонавита и Виньяли.

Въ Лонгвудѣ, Антомарки былъ принятъ не такъ хорошо, какъ въ Плантешенъ-Гузъ (мѣсто жительства губернатора, *Plantation-House*). Императора никто не предупредилъ о пріѣзда доктора, ни кардиналъ Фешъ, ни кто-либо другой изъ членовъ его семейства, и потому Наполеонъ сначала не рѣшался его принимать. Все, что проходило черезъ Англію или черезъ руки англійскаго министерства, казалось ему подозрительнымъ. Однако жъ, Антомарки, при первомъ свиданіи, разсѣялъ его подозрѣнія. Его едва не отослали, не выслушавъ его объясненій. — «Вы Корсиканецъ, сказалъ Наполеонъ; это одно обстоятельство спасло васъ.» Когда между ними возродилось довѣріе, Наполеонъ расправшивалъ о своей матери, супругѣ, о братьяхъ и сестрахъ, о Ласказѣ, О'Мирѣ, лордѣ и леди Голландъ. Когда всѣ расспросы кончились, доктора отпустили домой; но черезъ нѣсколько часовъ, опять пригласили его къ Наполеону. Онъ долженъ былъ разсмотрѣть признаки болѣзни Наполеоновой, на помощь которой поспѣшилъ онъ изъ Италіи, чрезъ необъятное пространство океана.

— «Ну, докторъ, спросилъ Наполеонъ, что вы думаете? Долго ли я буду еще тревожить сонъ королей?» — Вы ихъ переживете, ваше величество! — «И я такъ думаю. Они не могутъ уничтожить слуховъ о нашихъ побѣдахъ; преданіе о нихъ перейдетъ черезъ вѣка, и разскажетъ, кто побѣждалъ, кто былъ побѣжденъ; кто былъ великодушенъ, и кто нѣтъ. Потомство станетъ судить, и я не боюсь его приговора.» — Вы далеко еще отъ конца жизни, вы долго еще проживете. — «Нѣтъ, докторъ, подвигъ Англичанъ почти совершенъ: я не долго поживу въ этомъ страшномъ климатѣ.»

Однако жъ, онъ согласился слѣдовать предписаніямъ медицины, противъ которой постоянно возставалъ. «Вы оставили все, чтобы доставить мнѣ пособія медицинской науки, прибавилъ онъ; справедливость требуетъ, чтобъ и я что-нибудь сдѣлалъ съ своей стороны; я рѣшаюсь повиноваться.» — Потомъ разсказалъ онъ доктору все, что вытерпѣлъ со времени отъѣзда О'Мира. — «Вотъ уже годъ, говорилъ онъ, какъ не оказывали мнѣ никакихъ медицинскихъ пособій. Я лишенъ медиковъ, которымъ могъ бы вѣрить. Губернаторъ находитъ, что я умираю слишкомъ медленно; онъ ускоряетъ, призываетъ смерть мою всѣми своими желаніями. Даже воздухъ, которымъ я дышу, наноситъ раны его грязной душѣ. Знаете ли, что его попытки часто повторялись открыто; я едва не погибъ отъ англійскаго кинжала? Генералъ Монтолонъ заболѣлъ, губернаторъ не захотѣлъ имѣть сношеній съ Бертраномъ, и требовалъ, чтобъ я имѣлъ съ нимъ прямую переписку. Сателлиты его приходили ко мнѣ по два раза въ день. Ридъ, Вейньяръ, офицеры, удостоенные его довѣрія, осаждали наши несчастныя хижины, хотѣли проникнуть въ мои комнаты. Я велѣлъ запереть двери, зарядить ружья, пистолеты, которые до сихъ поръ заряжены, и грозилъ, что раздроблю голову первому, кто осмѣлится нарушить права моего убѣжища. Они ушли, крича во все горло, что хотятъ видѣть Наполеона Бонапарте, что Наполеонъ Бонапарте долженъ къ нимъ выйти; что они съумѣютъ заставить Бонапарте показаться имъ. Я думалъ, что эти оскорбительныя явленія кончились; но они возобновлялись ежедневно съ бо̀льшимъ насиліемъ. Безпрерывно обманывали меня, грозили мнѣ, ругались мною, писали мнѣ письма, исполненныя оскорбленій. Мои камердинеры бросали ихъ въ огонь, но разгаръ ненависти былъ ужасный; развязка могла послѣдовать немедленно. Никогда не находился я въ такой опасности. Тогда было 16 августа: борьба наша продолжалась съ 11-го. Я далъ знать губернатору, что рѣшаюсь на все.... что терпѣніе мое лопнуло; что первый изъ его посланныхъ, который перѐшагнетъ черезъ порогъ моего дома, будетъ убитъ пистолетною пулею. Онъ внялъ словамъ моимъ и прекратилъ эти оскорбленія.... Я свободно и до-

бровольно отказался отъ престола въ пользу моего сына. Я еще свободнѣе отправился въ Англію. Я хотѣлъ жить тамъ въ уединеніи и подъ защитою законовъ.... Я былъ передъ всѣми великодушенъ, милостивъ; но всѣ меня оставили, бросили, измѣнили мнѣ, надѣли на меня цѣпи. Я завишу отъ морскаго разбойника! »

Въ продолженіе полутора года, Антомарки дѣятельно и усердно боролся противъ успѣховъ болѣзни, которая уже наводила страхъ на жителей Лонгвуда. Онъ зналъ уже, за долго до роковаго дня, что усилія его тщетны и безполезны. Въ половинѣ марта 1821 года, писалъ онъ въ Римъ, къ кавалеру Колонна, камергеру Летиціи, письмо, которое заставляло предугадывать скорую развязку. «Англійскіе журналы, писалъ онъ, безпрерывно повторяютъ, что здоровье императора находится въ хорошемъ положеніи, но не вѣрьте имъ. Событіе покажетъ, до какой степени вѣрны или искренны люди, сообщающіе эти извѣстія. »

Черезъ нѣсколько дней, Наполеонъ, понимавшій свое положеніе, откровенно объяснился съ докторомъ Антомарки, который сохранилъ для насъ слѣдующій разговоръ:

« Все кончено, докторъ, не смотря на ваши пилюли; не такъ ли? » — Ни мало, ваше величество! — « Хорошо! вотъ еще медицинскій обманъ. Какъ вы думаете, какое дѣйствіе произведетъ смерть моя на Европу? » — Никакого, ваше величество! — « Какъ! никакого? » — Да, потому что вы не умрете. — « А если умру? » Тогда, ваше величество.... — « Что же тогда? » — Солдаты обожаютъ ваше величество; они будутъ въ отчаяніи.... — « А сынъ мой? Неужели онъ не достигнетъ до престола? » — Не знаю, какое разстояніе отдѣляетъ.... « Не болѣе того, которое я самъ перешагнулъ. » — Сколько препятствій надобно преодолѣть. — « А я развѣ не побѣдилъ ихъ! Развѣ моя точка отправленія была выше.... Онъ носитъ мое имя; я завѣщаю ему свою славу и пріязнь друзей моихъ; болѣе ничего не нужно для полученія моего наслѣдства! » — То было заблужденіе умирающаго отца, говоритъ Антомарки; жестоко было бы разрушить его.

Императоръ лежалъ въ постелѣ съ 17 марта. Офицеръ,

которому поручено было ежедневно удостовѣряться, точно ли Наполеонъ находится въ Лонгвудѣ, не видя его въ продолженіе нѣсколькихъ дней, донесъ объ этомъ губернатору. Гудсонъ-Ловъ вообразилъ, что ему измѣнили, и самъ сталъ ходить около жилища плѣнника, желая узнать, не бѣжалъ ли онъ? Его прогулки и разысканія не могли доставить никакихъ свѣдѣній о томъ предметѣ, который онъ хотѣлъ знать съ такимъ нетерпѣніемъ. Потерявъ надежду и терпѣніе, онъ объявилъ, что пріидетъ лично въ Лонгвудъ со всѣмъ своимъ штабомъ и войдетъ насиліемъ въ комнату больнаго, не заботясь о несчастныхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть это насильственное вторженіе, если агентъ его не получитъ возможности видѣть *генерала Бонапарте* и удостовѣриться въ его присутствіи. Тщетно генералъ Монтолонъ старался отклонить намѣреніе неумолимаго губернатора, описывая ему горестное положеніе императора, достойное сожалѣнія и участія. Сиръ Гудсонъ-Ловъ отвѣчалъ, что ему рѣшительно все равно, будетъ ли *генералъ Бонапарте* живъ, или умретъ; что онъ, по долгу своему, обязанъ удостовѣриться, точно ли генералъ находится въ Лонгвудѣ, и непремѣнно исполнитъ свою обязанность. Находясь въ этомъ раздраженіи и досадѣ, Гудсонъ-Ловъ встрѣтилъ Антомарки, который съ гнѣвомъ и желчью упрекалъ его за такія звѣрскія намѣренія и постыдные поступки. Сиръ Гудсонъ-Ловъ не захотѣлъ даже слушать его; кипя гнѣвомъ, онъ удалился, а Антомарки продолжалъ упрекать гонителей великаго полководца, обращаясь къ Риду: « Надобно имѣть душу, слѣпленную изъ грязи, взятой со дна Темзы, чтобъ подсматривать послѣдній вздохъ умирающаго человѣка! Вамъ кажется, что агонія его продолжается слишкомъ долго; вы хотите ускорить ее, хотите наслаждаться ею!....Кимвръ, которому было поручено умертвить Марія, не посягнулъ на преступленіе!... а вы!.... О! если безславіе всегда равняется преступленію, то потомство жестоко отмститъ за насъ! »

Сиръ Гудсонъ, раздраженный отвѣтами Антомарки, оставался непоколебимымъ въ своемъ жестокомъ намѣреніи, и готовился исполнить угрозы свои. Зная, что отъ Англичанина нельзя ожидать пощады, Бертранъ и Монтолонъ угово-

рили императора допустить къ себѣ, для консультацій, доктора Арно (Arnold), которому было поручено: ежедневно свидѣтельствовать агенту Гудсонъ-Лова о присутствіи плѣнника въ Лонгвудѣ. Скоро заботы губернатора должны были прекратиться. 19 апрѣля, самъ Наполеонъ возвѣстилъ близость своей кончины своимъ друзьямъ, которые думали, что ему лучше.

« Вы ни мало не ошибаетесь, сказалъ онъ имъ: мнѣ въ самомъ дѣлѣ сегодня гораздо лучше: но все-таки я чувствую, что конецъ мой приближается. Когда я умру, каждый изъ васъ получитъ сладкое утѣшеніе, возможность возвратиться въ Европу. Каждый изъ васъ увидитъ, или любезныхъ друзей, или родныхъ, близкихъ сердцу, а я встрѣчусь съ моими храбрыми. Да, продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ, Клеберъ, Дезе, Бессьеръ, Дюрокъ, Ней, Мюратъ, Массена, Бертье, всѣ выйдутъ ко мнѣ на встрѣчу, станутъ говорить о подвигахъ, совершенныхъ нами вмѣстѣ. Я разскажу имъ послѣднія

событія моей жизни. Увидавъ меня, они сойдутъ съ ума отъ восторга и славы! Мы будемъ разсказывать походы наши Сципіонамъ, Аннибаламъ, Цезарямъ, Фридрихамъ!... Какъ это будетъ отрадно!... О! прибавилъ онъ съ улыбкою, какъ бы испугалась Европа, если бъ увидала такое собраніе героевъ, полководцевъ и воиновъ! »

Въ это самое время, пришелъ докторъ Арно. Императоръ принялъ его очень ласково, говорилъ ему о своихъ страданіяхъ, о мѣстной боли, которую онъ чувствовалъ, а потомъ внезапно прервавъ разговоръ, сказалъ торжественнымъ голосомъ:

« Все кончено, докторъ, ударъ нанесенъ, я приближаюсь къ концу, скоро отдамъ трупъ мой землѣ. Подойдите, Бертранъ; переводите то, что отъ меня услышите: это будутъ оскорбленія, достойныя тѣхъ, которыми насъ терзали; передайте все безъ исключенія, не пропускайте ни одного слова.

« Я самъ предался англійскому народу; я просилъ честнаго гостепріимства, а мнѣ отвѣтили темницею, въ противность всѣхъ правъ, существующихъ въ мірѣ. Не такой пріемъ получилъ бы я отъ Императора Александра; императоръ Францъ принялъ бы меня съ уваженіемъ; король Прусскій тоже показалъ бы свое великодушіе. Но Англія обманула меня, и подала міру невиданное зрѣлище, кинулась терзать меня. Ваши министры выбрали эту страшную скалу, на которой жизнь всякаго Европейца истощается въ шесть мѣсяцевъ или еще менѣе; и на ней-то вы замучили меня до смерти. Какъ обращались вы со мною, съ тѣхъ поръ, какъ я сосланъ на этотъ голый утесъ? Какими жестокими поступками, какими дерзкими оскорбленіями не старались вы удручить меня? Вы мнѣ запрещали даже самыя обыкновенныя, самыя простыя сношенія семейныя, какихъ никто, никогда, никому не запрещалъ. Вы не допускали до меня никакихъ извѣстій, никакихъ бумагъ изъ Европы; жена моя, даже сынъ мой, не существовали для меня болѣе; въ продолженіе шести лѣтъ, вы содержали меня въ ужасной пыткѣ тайны. И на этомъ негостепріимномъ островѣ, вы назначили мнѣ жилище въ самой невыгодной его части, тамъ, гдѣ смерто-

посный климатъ тропиковъ наиболѣе чувствителенъ. Я принужденъ былъ запереться въ четырехъ стѣнахъ, — я, который прежде проѣзжалъ верхомъ по всей Европѣ! Жить въ несносномъ, зараженномъ воздухѣ!.... Вы убивали меня медленно, по-маленьку, съ злоумышленіемъ, а безчестный Гудсонъ служилъ исполнителемъ гибельныхъ повелѣній вашихъ министровъ. Вы кончите существованіе свое, какъ гордая венеціянская республика, а я, умирая на этомъ страшномъ утесѣ, лишенный родныхъ и всего, для меня необходимаго, я завѣщаю Англіи стыдъ и поношеніе моей смерти. »

Диктованіе ослабило больнаго и истощило его силы; черезъ нѣсколько минутъ, онъ впалъ въ безчувственность. На другой день, онъ имѣлъ, однако же, столько силъ, что всталъ на разсвѣтѣ съ постели и въ теченіе трехъ часовъ могъ заниматься диктованіемъ и письмомъ. Но всѣ эти слабые признаки улучшенія не подавали никакой прочной надежды на его выздоровленіе. Скоро возобновилась лихорадка, и больной быстро приближался къ гробу. 21 апрѣля, приказалъ онъ призвать къ себѣ аббата Виньяли. — «Знаете ли вы, аббатъ, сказалъ онъ ему, что такое траурная капелла ? »— Да, ваше величество. — « Служили ль вы когда нибудь въ траурной капеллѣ?» — Никогда не случалось. — «Ну, такъ будете служить въ моей!»—Сказавъ эти слова, онъ въ подробности объяснилъ аббату, какъ и что слѣдуетъ ему дѣлать. — « Лице его, разсказываетъ Антомарки, было оживлено и безпокоемо конвульсіями; я съ безпокойствомъ слѣдилъ за перемѣнами въ немъ, когда онъ замѣтилъ на лицѣ моемъ какое то движеніе, которое ему не понравилось. — «Вы не раздѣляете моихъ религіозныхъ правилъ, сказалъ онъ; но мнѣ все равно, я не философъ и не докторъ, вѣрю въ Бога, приверженъ къ религіи моихъ отцовъ, и не намѣренъ быть безбожникомъ. » — Потомъ, обратясь къ аббату Виньяли, Наполеонъ прибавилъ: — « Я родился католикомъ, исповѣдую католическую религію; хочу исполнить обязанности, которыя она мнѣ предписываетъ, и воспользоваться благодѣяніями, которыя она предлагаетъ. »

Когда аббатъ Виньяли вышелъ, императоръ снова обра-

тился съ разговоромъ къ доктору Антомарки и упрекалъ его въ безвѣріи. « Можно ли заблуждаться до такой степени? говорилъ онъ. Можно ли имѣть сомнѣніе въ томъ, что доказываетъ вся природа, все существующее въ природѣ? Самые величайшіе умы были убѣждены умомъ и сердцемъ въ этой истинѣ. » Антомарки отвѣчалъ, что онъ никогда и не думалъ сомнѣваться въ истинѣ, столь очевидной, а что императоръ ошибся въ выраженіи лица его. — « Вы медикъ, докторъ, сказалъ Наполеонъ, и потомъ прибавилъ въ полголоса: эти люди вездѣ видятъ матерію, и никогда ничему не будутъ вѣрить! »

Несмотря на безпрерывное ослабленіе силъ, императоръ былъ еще такъ силенъ, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля всталъ съ постели и перешелъ въ гостиную; спальня его, въ которой воздухъ испортился, стала ему несносна. Лица, окружавшія его, предложили ему перенести его на рукахъ: « Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, понесете меня, когда я умру; а теперь только помогите мнѣ, поддержите меня. »

На другой день, послѣ ночи, проведенной въ мученіяхъ, несмотря на усилившуюся лихорадку, онъ велѣдъ позвать къ себѣ доктора Антомарки и далъ ему слѣдующія инструкціи, съ удивительнымъ спокойствіемъ души:

« Послѣ моей смерти, которая уже очень близка, я хочу, чтобъ вы вскрыли тѣло мое; я также хочу, требую, чтобы вы обѣщали мнѣ, что никакой англійскій докторъ не прикоснется къ моему трупу. Если бъ вы имѣли непремѣнную нужду въ помощникѣ, дозволяю вамъ употребить доктора Арно, но его одного, а не кого нибудь другаго. Желаю, чтобъ вы вынули мое сердце, сохранили его въ спиртѣ и доставили въ Парму къ милой моей Маріѣ-Луизѣ. Вы скажете ей, какъ нѣжно я любилъ ее, что никогда не переставалъ любить ее; разскажите ей все, что вы видѣли; все, что относится къ здѣшнему моему положенію и къ моей смерти. Особенно поручаю вамъ обстоятельнѣе разсмотрѣть мой желудокъ, сдѣлать о немъ подробный рапортъ и представить его моему любезному сыну.... Тошнота, которая безпрерывно меня мучитъ, заставляетъ меня думать, что вся моя болѣзнь находится въ желудкѣ; я очень близокъ къ той

мысли, что страдаю тою же болѣзнію, которая свела отца моего въ гробъ, то есть, скирромъ въ желудкѣ...... Когда меня не станетъ, поѣзжайте въ Римъ, къ моей матери и моему семейству; передайте имъ все, что вы замѣтили здѣсь о моемъ положеніи, о моей болѣзни и смерти; все, что происходило на этомъ печальномъ и несчастномъ утесѣ. Вы скажете имъ, что великій Наполеонъ умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи, чувствуя недостатокъ во всемъ, что было ему необходимо, брошенный съ самимъ собою и своею славою. Вы скажете имъ, что, умирая, онъ завѣщалъ Англіи стыдъ и поношеніе послѣднихъ своихъ минутъ. »

Скоро бредъ присоединился къ горячкѣ. Сильный умъ Наполеона, казавшійся міру необъяснимымъ и сверхъестественнымъ, покорился общему закону человѣчества. — «Штейнгель! Дезе! Массена! кричалъ Наполеонъ. А! побѣда наша! Впередъ! скорѣй! нападайте дружнѣе! Они наши! » Потомъ вскакиваетъ онъ съ постели, бросается бѣжать въ садъ и падаетъ на спину, въ то самое мгновеніе, когда Антомарки спѣшитъ принять его въ объятія. Его несутъ въ постель; онъ все еще въ бреду и непремѣнно хочетъ итти въ садъ. Наконецъ, пароксизмъ прекращается, лихорадка перестаетъ мучить его, великій человѣкъ приходитъ въ себя и является съ обыкновеннымъ своимъ спокойствіемъ. « Не забудьте, говоритъ онъ доктору Антомарки, исполнить все, что я поручилъ вамъ сдѣлать, когда меня уже не будетъ на свѣтѣ. Съ особеннымъ стараніемъ произведите анатомическое изслѣдованіе надъ моимъ трупомъ, особенно надъ желудкомъ...Доктора въ Монпелье предсказывали, что скирръ будетъ наслѣдственною болѣзнію въ нашемъ семействѣ.... Хоть бы я могъ спасти сына отъ этой страшной болѣзни! Вы увидите его, докторъ, скажете, что слѣдуетъ ему дѣлать; вы избавите его отъ страданій, которыя мучатъ меня; это послѣдняя услуга, которой я могу ожидать отъ васъ. »

Часа черезъ три (2 мая, въ полдень), лихорадка возобновилась, и знаменитый страдалецъ сказалъ своему доктору, съ глубокимъ вздохомъ: « Я чувствую себя очень дурно, докторъ; чувствую, что скоро умру.» Едва успѣлъ онъ окончить эти слова, какъ впалъ уже въ безпамятство.

« Конецъ его приближался, говоритъ Антомарки; мы видѣли, что теряемъ его. Каждый изъ насъ старался показать болѣе усердія, болѣе стараній, хотѣлъ доказать ему преданность свою въ послѣдній разъ. Вѣрные слуги его, Маршанъ, Сенъ-Дени и я, мы исключительно предоставили себѣ право сидѣть у его кровати и проводить ночи безъ сна; Наполеонъ не могъ сносить свѣта: мы были принуждены поднимать его, перемѣнять на немъ бѣлье, подавать ему помощь, въ которой онъ безпрестанно нуждался, и дѣлали все въ совершенной темнотѣ. Страхъ умножалъ въ насъ усталость; оберъ-гофъ-маршалъ совершенно истощился, генералъ Монтолонъ едва могъ передвигать ноги, и я былъ не крѣпче ихъ. Мы уступили усильнымъ просьбамъ Французовъ, жившихъ въ Лонгвудѣ, и позволили имъ раздѣлять съ нами печальныя обязанности, на насъ лежавшія. Пьеронъ, Курто, однимъ словомъ, всѣ находились при Наполеонѣ и служили ему вмѣстѣ съ нами. Ихъ усердіе, ихъ безкорыстная преданность и любовь тронули императора; онъ поручилъ ихъ попеченіямъ своихъ приближенныхъ любимцевъ; желалъ, чтобъ имъ помогали, чтобъ ихъ поддержали и не забыли. « А бѣдные мои Китайцы! прибавилъ онъ; ихъ тоже не надобно забывать; дайте имъ нѣсколько десятковъ наполеонъдоровъ: надобно же мнѣ съ ними проститься, и оставить имъ что нибудь на память. »

Аббатъ Виньяли ждалъ только приказанія императора, чтобъ явиться къ нему съ дарами религіи. Великій человѣкъ пожелалъ видѣть аббата, въ три часа по полудни, третьяго мая. Лихорадка прекратилась на-время; Наполеонъ отпустилъ всѣхъ и остался на единѣ съ достойнымъ аббатомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, обрядъ былъ совершенъ, и умиравшій принялъ дары изъ рукъ аббата Виньяли.

Черезъ часъ, лихорадка чрезвычайно усилилась; но больной находился еще въ полной памяти. Онъ воспользовался этими минутами и повторилъ душеприкащикамъ своимъ, Бертрану, Монтолону и Маршану, прежнее приказаніе о томъ, чтобы послѣ его смерти никакой англійскій медикъ не смѣлъ прикасаться къ его трупу, кромѣ доктора Арно. Потомъ онъ сказалъ имъ: « Я скоро умру, и вы возврати-

тесь въ Европу; я долженъ дать вамъ нѣкоторые совѣты на счетъ будущаго вашего поведенія и поступковъ. Вы раздѣляли со мною изгнаніе, вы должны остаться вѣрными и памяти моей; не дѣлайте ничего, что могло бы нанести ей вредъ или оскорбленіе. Я всегда старался водворить порядокъ; я ввелъ его въ мои законы, и всегда руководствовался имъ во всѣхъ моихъ поступкахъ; ни въ какомъ случаѣ я не измѣнилъ ему. Къ несчастію, обстоятельства были трудныя; я принужденъ былъ уступать, откладывать благое дѣло до

другого времени. Скоро настала эпоха бѣдствій; я не могъ спустить натянутаго лука, и Франція лишилась всего, что я приготовлялъ для нея. Она судитъ обо мнѣ благосклонно, не строго, умѣетъ цѣнить мои намѣренія, любитъ мое имя, мои побѣды. Подражайте ей, оставайтесь вѣрны мнѣніямъ, которыя вы защищали, и славѣ, которую вы уже пріобрѣли; если будете поступать иначе, то покроете себя стыдомъ и безчестіемъ. »

Въ слѣдующую ночь, сильная буря разразилась надъ островомъ Святой Елены. Почти всѣ деревья въ Лонгвудѣ вырваны изъ земли съ корнями. Любимая ива императора, прикрывавшая его своими вѣтвями и дававшая ему тѣнь во время его прогулокъ, не избѣгла общей участи.

Во весь слѣдующій день (4 мая), агонія продолжалась. На разсвѣтѣ, пятаго числа, самое тѣло показывало, что жизнь оставляетъ великаго человѣка; оно было холодно, какъ ледъ. Однако жъ, Наполеонъ еще дышалъ; но онъ въ бреду произнесъ только два слова: « Голова.... войско! » Торжественная минута наступаетъ; дѣло Англичанъ приближается къ концу; скоро Европа узнаетъ о смерти великаго человѣка; герой Франціи доходитъ до предѣловъ чуднаго и славнаго своего поприща, а между-тѣмъ, сиръ Гудсонъ-Ловъ ждетъ послѣдняго вздоха, горя нетерпѣніемъ дать въ Англію извѣстіе, что жертва его погибла, и порученіе, данное ему, приведено къ окончанію.

Умилительное зрѣлище происходитъ въ послѣднія минуты жизни героя. Госпожа Бертранъ, сама больная, но забывшая свои собственныя страданія для Наполеона и безотлучно находившаяся при умиравшемъ императорѣ, приказываетъ призвать дочь и трехъ сыновей своихъ, чтобъ они могли въ послѣдній разъ насладиться лицезрѣніемъ великаго человѣка. Дѣти немедленно являются, спѣшатъ къ кровати императора, берутъ его руки и покрываютъ ихъ поцѣлуями и слезами. Юный Наполеонъ Бертранъ, побѣжденный горестію, падаетъ безъ чувствъ. Всѣ присутствующіе проливаютъ слезы; вездѣ слышны стоны и рыданія... великое событіе готовится для міра... въ шесть часовъ, безъ одиннадцати минутъ, Наполеонъ скончался!

По совершеніи анатомическихъ изслѣдованій (*), о которыхъ императоръ такъ часто говорилъ доктору Автомарки, тѣло Наполеона было выставлено на походной постели и прикрыто, вмѣсто покрова, синимъ плащемъ, который служилъ герою во время битвы при Маренго. Всѣ обитатели острова тѣснились, въ продолженіе двухъ дней, около этого славнаго катафалка. Когда смертные останки великаго человѣка были преданы землѣ, всѣ старались сохранить какую нибудь вещь, которая ему служила, или къ которой онъ прикасался, и берегли ее, какъ безцѣнное сокровище.

(*) Автомарки нашелъ желудокъ въ такомъ положеніи, въ какомъ ожидалъ найти его по указаніямъ самаго больнаго.

Похороны Наполеона происходили 8 мая. Его похоронили на одну милю разстоянія отъ Лонгвуда. Съ перваго дня,

могила его стала предметомъ всеобщаго уваженія; безпрерывно стали посѣщать ее. Гудсонъ-Ловъ, непримиримый врагъ героя Франціи, не обезоруженный даже его смертію, огорчался этимъ усердіемъ и поставилъ около могилы стражу, чтобъ никто не могъ близко подходить къ праху Наполеона, сказавъ, что стража будетъ стоять тутъ *вѣчно*. Несмотря на такую предосторожность, послѣднее жилище героя всегда было очень часто посѣщаемо. Эти посѣщенія никого не могли оскорблять, ибо имѣли источникомъ любовь къ славѣ и служили знакомъ общаго вниманія къ великимъ именамъ, убѣждая всѣхъ и каждаго, что геній, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена, всегда внушаетъ удивленіе и почтеніе.

Но Наполеонъ могъ имѣть только временную могилу на островѣ Св. Елены. Въ одномъ изъ своихъ завѣщаній, отъ 16 апрѣля 1821 года, онъ самъ назначилъ мѣсто постоянной своей могилы. « Я желаю, писалъ онъ, чтобы прахъ мой покоился на берегахъ Сены, среди французскаго народа, который я такъ много любилъ. »

Для исполненія послѣдней воли великаго человѣка, необходимо было стеченіе многихъ обстоятельствъ и удаленіе нѣкоторыхъ препятствій; нужно было, чтобы сама Франція измѣнилась. Бурбоны удалились съ береговъ Сены; предсказаніе Наполеона сбылось, и въ ту самую эпоху, какъ онъ предсказывалъ. Пламенное его желаніе наконецъ исполнилось; французскій народъ получилъ завѣщанный ему даръ, прахъ своего героя.

Когда вѣсть о смерти Наполеона распространилась по Европѣ, народъ не хотѣлъ ей вѣрить; идея о безсмертіи такъ тѣсно связана съ именемъ Наполеона, что, всѣмъ казалось, въ немъ нѣтъ ничего смертнаго; всѣ почитали жизнь его нераздѣльною съ его славой! Эту народную недовѣрчивость воспѣлъ Беранже, въ пѣснѣ, называемой Les souvenirs du peuple (*); она-то есть истинная апотеоза, какой могутъ только желать великіе люди въ наше время.

« Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, говоритъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ французскихъ писателей, Франція представляла величественное зрѣлище. Одинъ человѣкъ наполнялъ ее, а Франція, прославленная и возвышенная имъ, наполняла собою цѣлую Европу. Этотъ мужъ, не знатнаго происхожденія, сынъ бѣднаго корсиканскаго дворянина, плодъ двухъ республикъ: флорентинской, по своему происхожденію, и французской, по самому себѣ, достигъ въ короткое время до такой высоты царственнаго величія, какое едва ли представляла когда нибудь изумленная исторія. И геній, и судьба, и подвиги его — все было въ немъ истинно-царское, все показывало въ немъ исполнителя воли провидѣнія. Событія и единодушный голосъ народа возвели его на тронъ и помазали на царство, созданное революціею; избранный наро-

(*) Longtems aucun ne l'a cru! (Béranger.)

домъ былъ коронованъ папою; цари и полководцы, сами отмѣченные судьбою, по предчувствію, внушенному имъ еще темною и таинственною его будущностію, предузнали его славный жребій. Ему сказалъ Клеберъ, умирая въ Египтѣ: *Вы велики, какъ вселенная!* Ему сказалъ Дезе, погибая при Маренго: *Я солдатъ, а вы генералъ!* Ему предрекалъ Вальберъ, умирая при Аустерлицѣ: *Я иду въ могилу, а вы идите на престолъ!* Какъ огромна его военная слава, какъ неизмѣримы его завоеванія! Съ каждымъ годомъ онъ раздвигалъ предѣлы своей имперіи за величественныя границы, положенныя богомъ Франціи. Подобно Карлу Великому, уничтожилъ онъ Альпы; подобноЛудовику XIV, уровнялъ Пиренеи; подобно Цезарю, перешелъ черезъ Рейнъ и едва не перенесся, подобно Вильгельму Завоевателю, черезъ проливъ Ламаншскій. Подъ властію этого мужа, Франція считала у себя сто тридцать департаментовъ; съ одной стороны, касалась она до устьевъ Эльбы, а съ другой — до Тибра. Онъ былъ повелителемъ сорока четырехъ милліоновъ Французовъ и покровителемъ ста милліоновъ Европейцевъ. Вмѣсто граней, онъ поставилъ на предѣлахъ своего государства два герцогства: савойское и тосканское, и пять древнихъ республикъ: Генную, Римъ, Венецію, Вале и Нидерланды. Онъ воздвигъ свою монархію, какъ цитадель, въ средоточіи Европы, и окружилъ ее, вмѣсто бастіоновъ и передовыхъ укрѣпленій, десятью государствами, которыя породнилъ съ имперіею своею и съ своимъ семействомъ. Онъ вѣнчалъ коронами всѣхъ дѣтей своихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, когда-то игравшихъ съ нимъ на уютномъ дворѣ родительскаго его дома, въ Аяччіо. Пріемыша своего женилъ на принцессѣ баварской, а младшаго брата на принцессѣ виртембергской. Отнявъ у Австріи германскую имперію и составивъ изъ нея Рейнскій Союзъ, отнялъ у нея Тироль и отдавъ его Баваріи, присоединилъ къ Франціи Иллирію, и самъ сочетался бракомъ съ эрцгерцогинею. Всѣ дѣянія этого мужа были величественны и колоссальны; подобно чудному видѣнію, возвышался онъ надъ Европою. Еще на зарѣ могущества, вздумалось ему въ уголку Италіи возвеличить имя Бурбоновъ: герцогу пармскому Лудовику дастъ онъ ти-

тулъ короля этрурскаго. Императорскимъ декретомъ, дѣлитъ онъ Пруссію на четыре департамента, объявляетъ Англію въ блокадномъ положеніи, а Амстердамъ — третьимъ городомъ имперіи; Римъ былъ только вторымъ. Онъ увѣряетъ міръ, что домъ браганцскій пересталъ царствовать. Когда онъ переходилъ черезъ Рейнъ, германскіе курфирсты, избирающіе императора, встрѣчали его на границахъ своихъ государствъ, въ надеждѣ, что онъ, можетъ-статься, переименуетъ ихъ въ короли. Древнее королевство Густава-Вазы, не имѣвшее наслѣдника престола и искавшее властителя, проситъ у него въ государи себѣ одного изъ его маршаловъ. Преемникъ Карла V, правнукъ Лудовика XIV, король Испаніи и обѣихъ Индій, проситъ у него въ супружество одну изъ сестеръ его. Какъ хорошо понимали его, какъ на него ворчали и какъ обожали его солдаты, старые гренадеры, запросто обходившіеся съ своимъ императоромъ и съ смертію! Наканунѣ битвъ, онъ велъ съ ними тѣ великія бесѣды, которыми дополняются и повѣряются великіе подвиги, и которыя превращаютъ исторію въ эпопею. Въ его могуществѣ, въ его величіи, есть что-то простое, грубое и грозное. Дожъ венеціянскій не служилъ у него оберъ-шенкомъ, какъ у восточныхъ императоровъ; герцогъ баварскій не отправлялъ при немъ должности оберъ-шталмейстера, какъ при германскихъ императорахъ; но ему случалось иногда сажать подъ арестъ короля, командовавшаго его кавалеріею. Въ промежуткѣ между двумя войнами, онъ сооружалъ каналы и дороги, назначалъ содержаніе театрамъ, обогащалъ академіи, вызывалъ открытіе, воздвигалъ величественные памятники, или составлялъ кодексы въ тюильрійскомъ дворцѣ и спорилъ съ государственными своими совѣтниками до тѣхъ поръ, пока не удавалось ему въ текстѣ закона замѣнить юридическій навыкъ высшею, простою мыслью генія. Наконецъ, послѣдняя черта, которая дополняетъ дивное изображеніе этой громадной славы, — подвигами своими онъ такъ вошелъ въ исторію, что могъ бы сказать: *предшественникъ мой Карлъ Великій*, а союзами до такой степени сроднился съ монархіею, что въ устахъ его не казались странными слова: *дядя мой Лудовикъ XVI!*

Дивенъ былъ этотъ мужъ! Счастіе его все преодолѣвало. Знаменитѣйшіе монархи домогались его дружбы, древнѣйшія династіи искали его союза, самые старинные дворяне добивались чести служить ему. Всякое высокое и надменное чело склонялось передъ его челомъ, на которое рука Божія, почти видимо, возложила два вѣнца: одинъ золотой, именуемый властію королевскою, другой весь изъ сіянія, называемый геніемъ.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.